

**РУССКИЙ
КОНСЕРВАТИЗМ
XIX СТОЛЕТИЯ**

Институт российской истории РАН

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
XIX столетия

Идеология и практика

Авторский коллектив:

В.Я. ГРОСУЛ

Б.С. ИТЕНБЕРГ

В.А. ТВАРДОВСКАЯ

К.Ф. ШАЦИЛЛО

Р.Г. ЭЙМОНТОВА

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

XIX СТОЛЕТИЯ

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Под редакцией
В.Я. ГРОСУЛА

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного фонда
(РГНФ)

Проект №98-01-16031

**Г-86 Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф.,
Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия. Идеология
и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 440 с.
ISBN 5-89826-027-7

В последние двадцать лет в исторической науке обозначился поворот в сторону все более осмысленного желания разобраться в направлении, не пользовавшемся в предшествующие времена ни одобрением, ни повышенным вниманием.

В XIX веке консервативная идеология несомненно была в России господствующей не только в правящих верхах, но и в обществе. Однако русский консерватизм этого столетия в монографическом плане до сих пор не изучен. Данная книга, написанная ведущими специалистами Института российской истории РАН, восполняет этот пробел.

Авторы исследуют генезис и разновидности русского политического консерватизма, который никогда не был единым, внутренне беспроблемным и общепризнанным. Изучая взгляды наиболее видных консервативных мыслителей, авторы прослеживают их взаимосвязи с идеями мирового консерватизма, соотношение консерватизма столичного и провинциального, светского и духовного, правительственного и общественного. На каждом этапе истории России XIX века авторов интересует консервативная практика, место и роль консерваторов в государственном аппарате, их участие в решении важнейших общественных проблем.

ББК 63.3(2)46

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Я. Гросул. **ПРЕДИСЛОВИЕ**

7

ГЛАВА I.

В.Я. Гросул. **ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

1. Венец века восемнадцатого	18
2. Первые годы александровского либерализма	34
3. Зарубежный и русский консерватизм	50
4. Тактика политических качелей	64
5. Путь реакции	82

ГЛАВА II.

Р.Г. Эймонтова. **В НОВОМ ОБЛИЧИИ (1825-1855 гг.)**

1. Смена лиц и декораций	105
2. Идеология официальной народности	120
3. Консервативное течение в общественной мысли	141
4. Политическая реакция после 1848 года	167

ГЛАВА III

В.Я. Гросул. **В ЭПОХУ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА (1856-1866 гг.)**

1. Консерватизм в обороне	192
2. Накануне и во время реформы	206
3. Перегруппировка сил	215

ГЛАВА IV.

Б.С. Итенберг. **ОТ 4 АПРЕЛЯ 1866 ДО 1 МАРТА 1881 ГОДА**

1. После покушения Каракозова	231
2. Идеологи	237
3. Консерваторы и либералы	245
4. Консерваторы во время кризиса самодержавия на рубеже 70-х - 80-х годов XIX века	256

ГЛАВА V

В.А. Твардовская. **ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III**

1. После 1-го марта	276
2. Консервативная печать: издатели, редакторы, публицисты	283
3. Примат государства в консервативной идеологии	288
4. Демократия глазами консерваторов	297
5. Консерваторы против всесловности	306
6. Подготовка ревизии реформ. Победоносцев против Каткова	311
7. На подступах к земской контрреформе. Раскол в рядах консерваторов	320
8. Новый суд перед судом консерваторов	327
9. Религиозно-национальная политика	331
10. Крестьянский вопрос	340

ГЛАВА VI.

К.Ф. Шацлло. **КОНСЕРВАТИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.**

1. Начало нового царствования	361
2. Либерально-консервативное крыло кружка «Беседа»	365
3. Общеземское бюро при Московской губернской земской управе. Д. Н.Шипов	371
4. Консерватизм дворянских уездных и губернских собраний	380
5. Различные консервативные кружки	384
6. Теоретики консервативно-реакционной мысли (К.П. Победоносцев, Л.А.Тихомиров, В.П. Мецкерский, С.Ф. Шаранов)	386
7. Консерватизм накануне революции 1905-1907 гг.	395

В.Я. Гросул. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

417

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

425

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая консервативная волна, ставшая особенно заметной в конце 70-х годов нынешнего столетия и охватывавшая все новые и новые регионы, естественно, не могла не привлечь пристального внимания исследователей различных школ, направлений и специальностей. Стала она и предметом изучения для обществоведов нашей страны, причем прежде всего начал изучаться современный консерватизм, преимущественно консерватизм политический. В этом отношении пальма первенства принадлежала в конце 70-х годов специалистам по истории США и Англии, которые первыми обратили внимание на политические сдвиги в современном мире и тенденции их последующего развития. Помимо отдельных статей, например, в московском «Американском ежегоднике», появляются все более крупные публикации, а затем и специальные монографии¹. Но страноведческий подход, особое внимание к консервативной мысли и практике того или иного государства, даже такого как США, интерес к которому остается непреходящим², неизбежно влечет за собой и фронтальное изучение политического консерватизма как одного из важнейших направлений общественной мысли, появившихся за всю историю человечества.

Попытки целостного изучения консервативной идеологии и практики вскоре вылились в специальные исследования, в том числе и монографического плана, ставшие результатом широкого охвата истории и философии консерватизма зарубежных стран³. Уже в 80-х годах эта относительно новая исследовательская тематика становится привычной, вовлекая в число изыскателей все новые и новые научные силы. Статьи по консерватизму пришли на страницы многих журналов, ему стали посвящаться в нашей стране специальные конференции и симпозиумы, все четче выявлялись различные подходы и заинтересованная борьба мнений⁴.

Отдельные издания по этой тематике, характерные для 70-х годов⁵, сменились, таким образом, чуть ли не потоком различного рода выступлений и публикаций, что находило порой неожиданные проявления. Известная работа одного из крупнейших идеологов международного консерватизма - Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции», первоначально вышедшая в Англии в конце XVIII столетия и не переводившаяся полностью на русский язык, вдруг, как бы неожиданно, выходит в журнальном варианте на страницах «Социологических исследований» 1991-1993 гг. и двумя отдельными книгами, в Москве и Лондоне. Это было явным свидетельством решительного поворота в сторону изучения консервативной проблематики, все более осмысленного желания разобраться в направлении, не пользовавшимся ни одобрением, ни повышенным вниманием в предшествующие времена.

Неудивительно, что возросший интерес к зарубежному консерватизму усилил давнюю потребность в исследовании консерватизма отечественного. Правда, были и другие причины поворота в сторону русского консерватизма, связанные с теми общественными событиями, которые стали характерны для нашей страны во второй половине 80-х годов. Но общий поворот в исследовательском плане стал как бы равнодействующей конкретных исследовательских задач и политических сдвигов как внутри страны, так и за ее пределами. При этом следует сразу и вполне определенно сказать, что общее мнение о полном пренебрежении к русскому консерватизму в отечественной литературе последних десятилетий не соответствует реальному состоянию отечественной историографии. Она представлена специальными трудами о таких консервативных мыслителях, как М.М.Щербатов, Н.М.Карамзин, М.Н.Катков, К.П.Победоносцев, К.Н.Леонтьев, Л.А.Тихомиров. Изучены были и отдельные органы консервативной печати. Еще в 20-х годах Н.М.Дружинин обстоятельно исследовал «Журнал землевладельцев», выходящий в 1858-1860 гг.⁶, а в 1975 г. завершила свое исследование об одном из важнейших органов пореформенного консерватизма - газете «Весть» В.А.Скороспелова⁷. Консервативные издания М.Н.Каткова и Ф.М.Достоевского основательно разбираются в монографиях В.А.Твардовской⁸.

Деятельность консерваторов России, их идеология нашли отражение в посвященных царствованию Александра I исследовательских трудах (А.В.Предтеченского, Н.В.Минаевой, С.В.Мироненко, М.М.Сафонова и др.), а также в работах по проблемам общественно-политической борьбы вокруг реформы 1861 г. (монографии П.А.Зайончковского, Н.М.Дружинина, П.Г.Рындзюнского, Б.Г.Литвака, В.Г.Чернухи, Л.Г.Захаровой и др.), по истории дворянства (А.П.Корелин, Ю.Б.Соловьев), истории либерализма (Н.М.Пирумова, Е.А.Дудзинская, Н.И.Цимбаев, К.Ф.Шаццлло, А.А.Алафаев, Б.П.Балуев, С.С.Секиринский и др.), а также по ряду других проблем русской истории XIX столетия. И тем не менее внимание к консерватизму не соответствовало тому значению, которое он имел в прошлом столетии. Поэтому тот поворот в сторону изучения русского политического консерватизма, который наметился в конце 80-х годов, имел, конечно, и сугубо исследовательские причины.

Одной из первых «ласточек» этого поворота в сторону именно истории русского консерватизма следует признать новую публикацию статьи Н.А.Бердяева о судьбах русского консерватизма⁹, статьи небольшой, но примечательной своими акцентами. Особенность нашего времени заключается в том, что конкретные исторические исследования сочетаются с публикациями источников и специальными выступлениями теоретического характера. Появляются целенаправленные диссертационные исследования как по консерватизму в целом, например диссертации К.А.Лотарева и О.В.Кишенковой¹⁰, так и по деятельности отдельных представителей консерватизма, прежде не привлекавших внимания исследователей, допустим, таких как С.Ф.Шарапов¹¹. Публикуются «Петербургские письма» Жозефа де Местра, одного из виднейших консерватив-

ных мыслителей начала XIX в., оказавшего заметное влияние на русских консерваторов той поры¹². Выходят специальные книги об отдельных представителях консервативно-реакционного лагеря, например, о А.С.Шишкове¹³ и А.А.Аракчееве¹⁴, о чем сравнительно недавно, пожалуй, не могло идти и речи. В дополнение к уже упомянувшимся монографиям и диссертациям об эпохе Александра I публикуются новые, уже не сущие на себе отпечаток нынешнего времени¹⁵. Исследуются внешнеполитические концепции российского консерватизма¹⁶.

Одной из важных особенностей современной исторической науки стало появление значительного числа статей, прямо посвященных изучению консерватизма в России¹⁷. Консерватизм находит отражение и в общих монографиях, сборниках и пособиях¹⁸, а также становится предметом специальных дискуссий¹⁹. По проблемам русского консерватизма готовятся специальные работы в Петербурге (А.С.Карцевым) и в других городах России, а в Институте российской истории РАН создается специальный сборник о ряде видных консерваторов страны в новое время²⁰. Но обращаясь к самым последним работам, вышедшим в нашей стране, мы привлекли также и ряд изданий исследовательского и публицистического характера, опубликованных за рубежом. Прежде всего обращает на себя внимание весьма значительное наследие в этой области, оставленное послеоктябрьской политической эмиграцией. В специальных работах, посвященных этой волне эмиграции, давно подмечено ее заметное поправление и усиление в ее среде промонархических сил²¹. Эта тенденция не могла не повлиять и на исследовательские приоритеты деятелей эмиграции, нередко обращавшихся к истории русского консерватизма, к жизни и творчеству многих ее представителей. Один из идеологов «легальных марксистов», входивший затем в число ведущих основателей партии кадетов, П.Б.Струве, оказавшись за рубежом, подчеркивал, что дореволюционная Россия XIX века могла похвастаться богатой традицией консервативной мысли, идущей от Н.М.Карамзина, князя П.А.Вяземского через А.С.Пушкина к Н.В.Гоголю, славянофилам и «либеральному консерватизму» начала века²². Как видно, и автора «Вольности» и «Деревни», активного противника деятелей «официальной народности» А.С.Пушкина П.Струве тоже относил к представителям консервативной мысли.

Деятели послеоктябрьской эмиграции оставили весьма разнообразные труды по различным проблемам русского консерватизма. В этом можно убедиться после ознакомления с кратким обзором творчества русских историков за рубежом, составленным П.Е.Ковалевским²³, или со специальной книгой В.Т.Пашуто²⁴, которая тоже не претендует на всесторонний и детальный охват материала.

Впечатляет не только общее количество трудов эмигрантов, в той или иной степени посвященных проблемам русского консерватизма, но и различные подходы и аспекты, отраженные в этих изданиях. Профессор В.В.Зеньковский, еще в 1929 г. опубликовавший первое издание своей книги «Русские мыслители и Европа», специально останавливается на

истоках русского антизападничества конца XVIII - начала XIX в.²⁵ и, фактически, на предпосылках и последующем развитии русского консерватизма. Еще в большей степени занимается отечественным консерватизмом Н.А.Бердяев, обратившийся к нему еще задолго до эмиграции и затем неоднократно писавший о консерватизме вообще и о русском консерватизме в частности. В своей «Философии неравенства» он специально посвящает консерватизму свое пятое письмо. Любопытно, что он пишет там «о консерватизме не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества»²⁶. Здесь известный философ выступает против революционного начала, а в консервативном начале видит здоровую реакцию против насилия над органической природой²⁷. Более того, Н.А.Бердяев подчеркивает, что «в конце концов, всякое здоровое консервативное течение, без которого не может быть сохранения общественного космоса, имеет опору в тысячелетних чувствах народных, которые нельзя разрушить в один день, минуту или год»²⁸.

Если в самом начале века Н.Бердяев считал, что консервативное течение в русской мысли практически себя исчерпало, то в послеземлигрантский период он, несомненно, сам отдает предпочтение консервативным установкам и довольно основательно разрабатывает историю русского консерватизма. В одном из своих сочинений он счел нужным подчеркнуть: «Я принадлежу к людям, которые взбунтовались против исторического процесса, потому что он убивает личность, не замечает личности и не для личности происходит». Н.А.Бердяев исследует проблемы русского консерватизма не только в своих общих работах, например в «Русской идее» или «Истоках и смысле русского коммунизма», «Самопознании», но и в специальных исследованиях, посвященных отдельным русским мыслителям. Еще до революции, в 1912 г., он издает книгу о славянофиле А.С.Хомякове, либерале, в воззрениях которого можно обнаружить и некоторые зерна консерватизма, давшие в позднем славянофильстве более отчетливые консервативные ростки. Став уже эмигрантом, Н.Бердяев пишет о Ф.Достоевском, Н.Федорове, Л.Толстом, а также о других русских писателях и философах, касаясь при этом общих и частных проблем русского консерватизма. Особо следует отметить вышедшую в Париже в 1926 г. книгу Н.Бердяева о «философе реакционной романтики» Константине Леонтьеве - представителе крайне консервативного направления русской общественной мысли.

К проблемам консерватизма обратились и другие русские мыслители из среды эмигрантов. Так, С.Л.Франк в одной из своих книг выделяет специальную главу под названием «Консерватизм и творчество в общественной жизни», где, среди прочего, пишет, что «сохранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органической целостной задачи»²⁹. Те или иные вопросы истории русского консерватизма затрагивались и в сочинениях Ф.А.Степуна, Н.С.Арсеньева, С.Н.Булгакова, Б.П.Вышеславцева, И.А.Ильина и других эмигрантских авторов, труды

которых сейчас часто переиздаются в современной России и потому стали весьма доступными³⁰.

Особый разговор об отражении русского консерватизма в трудах современных иностранных авторов, изданных на ряде языков и, насколько нам известно, во всей своей целостности до сих пор не исследованных. Собственно тема «Русский консерватизм в трудах зарубежных историков» может стать объектом специальной монографической работы, настолько обширно современное наследие исследователей этой темы. В разных странах, прежде всего в США, Англии, Франции, ФРГ, Италии вышло довольно значительное число работ, или непосредственно посвященных истории русского консерватизма, или отражающих его в той или иной степени в изданиях, посвященных различным другим проблемам истории России. В зарубежной литературе уже существовала давняя традиция отражения русского общества прошлого столетия как в научных трудах, так и в публицистике. Достаточно обратиться к сочинениям Жозефа де Местра и других. Многие из этих сочинений отличаются критическим подходом, но они нередко дают обширные сведения о состоянии умов русского общества, о соотношении сил между различными общественными и политическими течениями. Шарль де Мазад, среди прочего, подчеркнул: «как известно, русские как средних, так и других классов обладают способностью с удивительной легкостью воспринимать чужие идеи»³¹, то есть он как бы ставил под сомнение устойчивость мнений, умственный традиционализм и консерватизм русского общества. Речь в его записках шла об эпохе начала царствования Александра II, когда рушились традиционные представления и готовились известные реформы.

За рубежом довольно основательно изучались царствования русских императоров XIX века. Еще в 1864 г. выпускает свою книгу о Николае I Лакруа, а в 1908-1914 гг. о том же императоре издает на немецком языке солидную работу Т.Шиманн. Еще в XIX веке вышли многочисленные труды и о других русских императорах - Александре I, Александре II, Александре III и даже о Николае II³², где нередко можно почерпнуть определенные сведения о русских консерваторах, их взаимосвязях с царской семьей и той роли, которую они играли в тогдашней русской жизни.

Особое внимание, однако, заслуживают специальные исследования о русском консерватизме, число которых довольно велико. В последние десятилетия основные зарубежные силы по изучению русского консерватизма сконцентрировались в США, где сформировалось несколько исследовательских школ. Н.В.Рязановский уже в своей монографии 1952 г. о славянофилах не только останавливается на консервативных элементах в учении ранних славянофилов, но также обращает внимание на становление русского национализма, на влияние французских традиционалистов на Магницкого и немецких романтиков - на Шевырева³³, он же пишет в этой книге и о деятельности С.Глинки, Ф.Ростопчина, А.Шишкова, а также об известных акциях Рунича и Магницкого в Казанском университете³⁴, о чем еще будет идти речь в нашей книге. По су-

шеству, истории консерватизма в России 20-50-х годов посвящена следующая книга Н.Рязановского, которая и сегодня является самым крупным исследованием по проблемам «официальной народности» в России³⁵. О консерватизме на фоне других общественных течений пишет Н.Рязановский в своей книге по народному образованию в России в первой половине XIX в. В ней, в частности, находят отражение взгляды Н.М.Карамзина³⁶. В своей сводной работе по истории России Н.Рязановский, хотя и кратко, останавливается на взглядах русских консервативных деятелей - К.Победоносцева, М.Каткова, Н.Данилевского, - а также на панславизме в целом³⁷. Рязановскому принадлежат и другие труды о русских консерваторах, в частности о Погодине и Шевыреве³⁸.

Довольно значительное место занимают вопросы русского консерватизма и в творчестве Р.Пайпса, по крайней мере с 50-х годов. Свои политические взгляды Р.Пайпс определяет как либерал-консервативные и при этом подчеркивает, что если бы он жил в России до 1917 г, то, очевидно, стал бы октябристом. Он признает, что эти взгляды естественно влияют на его подход к событиям прошлого³⁹. Еще до доклада Р.Пайпса на Всемирном конгрессе исторических наук в Москве, который авторы данной монографии хорошо помнят, им уже была опубликована специальная статья о русских военных поселениях⁴⁰, а также осуществлена публикация с комментариями «Записки о древней и новой России» Н.М.Карамзина⁴¹, а в качестве издателя он участвует в выпуске книги о русской интеллигенции, где поданы и ее консервативные представители⁴². И впоследствии Р.Пайпс неоднократно обращался к проблемам русского консерватизма, например, в статье о П.Б.Струве⁴³, а также в упоминавшейся двухтомной монографии о русской революции.

Параллельно с Н.Рязановским и Р.Пайпсом занимался исследованием русского консерватизма и Эдвард Таден, опубликовавший в 1964 г. свою монографию о консервативном национализме в России XIX века⁴⁴. Таден по существу соглашается с консервативной рецептурой для России и считает консервативную философию, основанную на традиционных институтах, обычаях и русском национализме, наиболее перспективной для страны, во всяком случае в большей степени, чем предложения как либералов, так и радикалов. В этом же году выходит на подобную же тему и книга Леонарда Шапиро⁴⁵, специально исследовавшего проблемы синтеза национализма и западничества и показавшего кризис русской консервативной мысли, оказавшейся неспособной выдержать испытание временем и проигравшей соревнование с левой русской идеей.

Важной особенностью зарубежных исследований о русском консерватизме следует признать ее нацеленность не только на решение общих проблем идейного и политического характера, но и обращение к ряду частных вопросов, а также к творчеству многих видных представителей русского консерватизма. Солидную монографию о русском землевладельческом дворянстве публикует в 1968 г. Т.Эммонс⁴⁶, показавший борьбу в среде господствующих верхов в России в 50-60-х годах XIX в. Хотя в поле зрения автора находится прежде всего та часть дворянства, кото-

рая была нацелена на проведение реформы, то есть либеральное дворянство, но в книге находит определенное отражение и борьба против него консервативных сил и в центре и на местах. Определенное место уделяется консервативным кругам русского дворянства в общем контексте взаимоотношений дворянства и бюрократии в книге другого американского автора - Д.Филда, тоже посвященной эпохе 1861 г.⁴⁷

Примечательно, что за рубежом появилось несколько специальных монографий о жизни и деятельности наиболее видных русских консервативных мыслителей, причем нередко до того как были опубликованы соответствующие труды в современной отечественной историографии. В 1966 г. выходит книга М.Катца о М.Н.Каткове⁴⁸, в 1967 г. монография Р.Макмастера о Н.Я.Данилевском⁴⁹, а в 1968 г. книга Э.Бирнса о К.П.Победоносцеве⁵⁰. Имеются также издания и о многих других деятелях русского консервативного лагеря⁵¹.

Для данной работы представляли также большой научный интерес и общие труды по истории консерватизма в целом⁵², исследования по консерватизму во Франции, Англии и других западных странах⁵³, а также, например, по соседней с Россией Румынии⁵⁴.

Хронологические рамки нашей монографии ограничиваются 1905 годом, но существует ряд работ зарубежных авторов, которые посвящены русским организациям, возникшим после 1905 г. Соответствующие исследования интересны и с точки зрения их идейных и организационных предпосылок, и в этом отношении можно, например, выделить работу американского историка Д.К.Раусона⁵⁵. Заслуживают также внимания и зарубежные издания по проблемам панславизма, либерализма и т.д., поскольку в них нередко звучит и тема русского консерватизма⁵⁶. Тем не менее, история русского консерватизма как одного из главных общественных течений своего времени до сих пор еще не написана. Ее сопоставительный показ в специальной статье И.Д.Ковальченко в журнале «Отечественная история» за 1994 г. (№ 2), где консерватизм подается наряду с либерализмом и левым радикализмом, свидетельствует о том, что в XIX веке консервативная идеология, несомненно, была в России господствующей не только в правящих верхах, но и в обществе. Несмотря на то, что еще в 1970 г. на XIII международном конгрессе исторических наук в Москве Ричард Пайпс сделал свой упомянутый доклад «Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века», русский консерватизм этого столетия в монографическом плане пока что не представлен. Это и является задачей данной книги. Но наряду с общей проблемой, связанной прежде всего с показом консерватизма как самостоятельного общественно-политического течения на разных этапах развития страны, перед авторами встали и многие другие задачи, на первый взгляд вспомогательного характера.

Не без заметного труда решается проблема генезиса русского политического консерватизма, и для ее решения пришлось обратиться к материалам второй половины XVIII столетия, поскольку лишь сопоставление источников на стыке двух веков - XVIII и XIX - на наш взгляд, может ре-

шить эту проблему. Конечно, она останется дискуссионной, но нам представляется, что наш подход будет достаточно убедительным и, прежде всего, документированным.

К числу задач монографии относится показ разновидностей русского политического консерватизма, который, как читателю станет вскоре ясно, никогда не был единым, внутренне непротиворечивым и общепризнанным. Уже в первое время зарождения консерватизма в нем наметилось несколько оттенков, а затем и несколько внутренних течений, каждое из которых мы постараемся проследить на протяжении всего века и даже несколько дальше, поскольку фактически в данной книге будет рассмотрена история русского консерватизма вплоть до революции 1905 года. Проявившиеся в то время консервативные течения потребуют другого специального исследования. Решение этих главных задач будет тесно сопряжено и с изучением взглядов наиболее видных консервативных мыслителей, их взаимосвязи с идеями мирового консерватизма, соотношения столичного консерватизма и консерватизма провинциального, светского и духовного, правительственного и общественного. На каждом этапе истории России прошлого столетия нас интересует и консервативная практика, место и роль консерваторов в государственном аппарате, их взаимоотношения с имперской властью, их участие в решении тех или иных важнейших государственных вопросов и соответствие их вклада основным потребностям развития страны. Мы предпочитаем исследовательский подход оценочному, но понятно, что без тех или иных выводов обойтись никак не удастся. Мы категорически против того, чтобы заведомо выносить русскому консерватизму, под которым мы разумеем идейное и политическое течение охранительного характера, направленное на принципиальное сохранение существующих социальных отношений и государственного устройства, какие-либо приговоры и предпочитаем спокойный рассказ, основанный прежде всего на исторической конкретике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мельвил А.Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1990.

2. Десять принципов американского консерватизма. Программа Фонда наследия // США: экономика, политика, идеология. М., 1992. № 6.

3. *Галкин А.А., Рахимир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М., 1987; *Гаджиев К.С.* Консерватизм: современные интерпретации. М., 1990; *Рахимир П.Ю.* Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история, 1990, № 1; Современный консерватизм. М., 1992.

4. *Манхейм К.* Консервативная мысль // Социологические исследования, 1993. № 1, 4, 9, 11; Консервативные идеологии // Социологические исследования, 1994. № 1; *Гарбузов В.К.* Консерватизм: Понятие и типология. Историографический обзор // Политические исследования, 1995. № 4; Консерватизм как течение общественной мыс-

ли и фактор общественного развития. Материалы «круглого стола» // Политические исследования, 1995. № 4: Исследования по консерватизму. Вып. 3. Консерватизм и либерализм: созвучия и диссонансы (к 125-летию со дня рождения П.Б.Струве). Материалы научной конференции. Пермь, 1996; *Денискина В.А.* Трансформация американского консерватизма. Реф. сб. М.: ИНИОН, 1990.

5. *Григорьян Б.Т.* Просвещенный консерватизм // Вопросы философии, 1979. № 12.

6. *Дружинин Н.М.* «Журнал землевладельцев» (1858-1860 гг.) // *Дружинин Н.М.* Социально-экономическая история России. Избранные труды. М., 1987.

7. *Скороспелова В.А.* Газета «Весть» в общественно-политической жизни России 60-х годов XIX века. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1975.

8. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978; *Ее же:* Достоевский в общественной жизни России (1861-1881). М., 1990.

9. *Бердяев Н.А.* Судьба русского консерватизма // Киносценарии, 1989. №5.

10. *Лотарев К.А.* Политический консерватизм в процессе реформирования российского общества: история и современные проблемы. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1995; *Кишенкова О.В.* Концепция общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX - начала XX веков. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1996.

11. *Конягин М.Ю.* Шарапов С.Ф.: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX - начало XX вв. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1995.

12. *Местр Жозеф де.* Петербургские письма. 1803-1817. СПб., 1995.

13. *Карпеч В.* Муж отечестволюбивый. Историко-литературный очерк. М., 1987.

14. *Томсинов В.А.* Временщик (А.А.Аракчеев). М., 1996; *Федоров В.А.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997.

15. *Давыдов М.А.* «Оппозиция Его величества». Дворянство и реформы в начале XIX в. М., 1994; *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в. Итоги и задачи изучения. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 1992; *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998.

16. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С.309-319.

17. *Гайденок П.П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б.Струве) // Вопросы философии, 1992. № 12; *Филитова Т.А.* Мудрость без рефлексии. Консерваторы в политической жизни России // Кентавр, 1993, № 6; *Ее же:* Российское реформаторство второй половины XIX века. Проблема либерально-консервативного синтеза // Преподавание истории в школе, М., 1995. № 1; *Ее же:* Предчувствие ностальгии // Свободная мысль, 1993 № 9; *Гейфтер М.Я.* Мир миров: российский зачин // Иное. Россия как идея. М., 1995.

18. *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в России. Конец XIX - нач. XX века. М., 1991; *Исаев И.А., Золотухина Н.М.* История политических и правовых учений России XIX - XX вв., М., 1995.

19. Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социологические исследования. М., 1993. № 1; Общественная мысль, политические движения и партии в России XIX-XX вв. Брянск, 1996; Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого. Вып. 1. Реф. сб. М., 1991; Подобные сборники выходили и ранее. См: Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981.

20. Российские консерваторы. М., 1997.
21. См.: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Изд. второе. М., 1987; *Костинов В.* Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. Т.1.; *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Изд. второе. М., 1994.; *Омельченко Н.А.* Русский опыт. Революция 1917 года в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского зарубежья (1917 - начало 1930-х годов) М., 1995; *Раев М.* Россия за рубежом. М., 1994.
22. *Омельченко Н.А.* Указ. соч. С.24.
23. *Ковалевский П.Е.* История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. С. 169-185.
24. *Паушто В.Т.* Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992; См. также: *Раев М.* Указ. соч. С. 198-234.
25. *Зеньковский В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Второе изд. Париж, 1955. С. 14-26.
26. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Лг., 1991. С.91.
27. Там же.
28. *Бердяев Н.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 266.
29. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Лг., 1991. С. 406.
30. См.: Русские философы. Конец XIX - середина XX века. Антология. М., 1993; Русские философы. Конец XIX - середина XX века. Антология. М., 1994; Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 1-2. М., 1994; Русская идея. М., 1992; Литература русского зарубежья. Антология. М., 1990. Т.1. Кн. первая и вторая; Т.2. М., 1991 и т.д.; О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
31. *Мазад Ш.* Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968. С. 561.
32. Перечень зарубежных трудов о русских императорах XIX в. См.: *Нарбаев Н.Б.* Россия и Евразия: проблемы государственности. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 1997. С. 51-52.
33. *Riasanovsky N. V.* Russia and the west in the teaching of the slavophiles. A study of romantic ideology. Cambridge (Mass), 1952. p.2-3.
34. Ibidem, p.4-8.
35. *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and official nationality in Russia 1825-1855. Berkley: Los Angeles, 1961.
36. *Riasanovsky N. V.* A parting of ways. Government and the educated public in Russia 1801-1855. Oxford: Clarendon press, 1976. p.51-52.
37. *Riasanovsky N. V.* A history of Russia. Third ed. N. Y.: Oxford univ. press, 1977. p.499-500.
38. *Riasanovsky N.* Pogodin and Ševyrev in Russian intellectual history // Harvard Slavic Studies, vol.IV, p. 149-167.
39. *Латинс Р.* Русская революция. Часть первая. М., 1994. С.5.
40. *Pipes R.* The Russian military colonies, 1810-1831 // J. of modern history. Vol. XXII (Sept 1950), p.205-214.
41. *Karamsin N.M.* Memoir on ancient and modern Russia. A translation and analysis by R.Pipes. Cambridge, Mass., 1959.
42. *Pipes R.* The Russian intelligentsia. N. Y: Columbia univ. press, 1961.

43. *Пайнс П.* П.Б.Струве о русской революции // Вестник Русского христианского движения. 1978. № 126.
44. *Thaden E.* Conservative nationalism in nineteenth century Russia. Seattle: Univ. of Washington press, 1964.
45. *Shapiro L.* Rationalism and nationalism in Russian nineteenth-century political thought. New Haven; London, 1964.
46. *Emmons T.* The Russian landed gentry and the peasant emancipation of 1861. Cambridge: Univ. press, 1968.
47. *Field D.* The end of serfdom. Nobility and bureaucracy in Russia. 1855-1861. Cambridge (Mass.); London, Harvard univ. press, 1976.
48. *Kats M* Mikhail N.Katkov. A political biography, 1818-1887. The Hague; Paris: Mouton, 1966.
49. *MacMaster R.E.* Danilevsky A. Russian totalitarian philosopher. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1967.
50. *Byrns R.F.* Pobedonostsev. His life and thought. Bloomington; London, 1968.
51. *Fadner F* Seventy years of pan-slavism. Karamzin to Danilevskii. 1800-1870. Washington, 1962; *Gerstein I.* Nikolai Strakhov. Cambridge, Mass., 1971; *Lukashevich S.* Konstantin Leontev, 1831-1891. A study in Russian «heroic vitalism». N. Y: 1967.
52. *Kirk R.* The conservative mind, from Burke to Santayana. Chicago, 1953; *Touchard J.* Histoire des idées politique. T. 2. Du XVIII siècle à nos jours. Paris, 1962.
53. *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action (1789-1804. Paris, 1961; *Roche A.-V.* Les idées traditionalistes en France de Rivarol à Charles Maurras. Urbana, Univ. of Illinois, 1937; *Parkin Ch.* The moral basis of Burke's political thought. Cambridge: Univ. press., 1956.
54. *Iordache A.* Originile conservatorismului politic din România si rezistenta sa contra procesului de modernizare 1821-1882. Buc, 1987.
55. *Rawson D.C.* Russian rightists and the revolution of 1905. Cambridge: Univ. press, 1995
56. *Kohn H.* Pan-slavism: Its history and ideology. N. Y., 1960; *Fischer G.* Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. Cambridge (Mass.). 1958.

ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

I. ВЕНЕЦ ВЕКА ВОСЕМНАДЦАТОГО

Первые века нового времени характерны значительными отличиями в политическом развитии стран Западной и Восточной Европы. Если на Западе идет процесс постепенного упразднения крепостного права, а затем и феодализма, создается система парламентов, политических партий, конституций, то на Востоке и, в первую очередь, в России крепостное право усиливается, феодализм продолжает развиваться и вширь и вглубь, сословная монархия заменяется абсолютной, и порой даже нелегко сказать, кем все же был русский царь - европейским монархом или восточным деспотом. В политическом и социальном плане различия между востоком и западом Европы не сглаживаются, а, наоборот, усиливаются.

В связи с этим постановка вопроса о политическом консерватизме в феодальной России кажется не совсем корректной и не соответствующей реальному политическому строю страны. Но это только на первый взгляд. Во все времена российской государственности были в стране свои традиционалисты, допустим, еще в годы принятия христианства имелись решительные поборники старины, нерушимости устоев общественного и политического порядка. Существовали в России и различные политические группировки, выступавшие со своими концепциями и теориями, в которых можно было найти и зерна прогресса, и семена застоя. Нестяжатели и иосифляне, «птенцы гнезда Петрова», верховники, многие другие группы и течения феодальной поры неизбежно имели политическую окраску и либо были проводниками различного рода новаций, либо относились к направлениям консервативного плана.

Система исторических критериев не отличается абсолютной точностью и поэтому попытки установления истоков русского политического консерватизма не могут не быть дискуссионными и всегда носят более или менее приблизительный характер. Автор специальной книги по истории русского либерализма В.В.Леонтович прослеживает эту историю с 1762 г.; то есть с того времени, когда русский престол захватила Екатерина II, супруга российского императора Петра III, право которой на престол было, впрочем, довольно сомнительным. При этом В.В.Леонтович оговаривается, что и царствование императрицы Елизаветы «в каком-то смысле можно назвать либеральной эпохой»². Действительно, бытовой

либерализм при Елизавете был не меньшим, чем при Екатерине и, более того, уже при Елизавете заметны определенные черты «просвещенного абсолютизма» - достаточно обратиться к известному проекту П.И.Шувалова³ и некоторым конкретным событиям в период этого царствования, например основанию Московского университета⁴.

Однако правление Екатерины II характеризуется рядом новых черт, которые позволяют именно с этого времени если и не начинать историю правительственного либерализма, то во всяком случае видеть в нем основательную предысторию, без которой трудно понять особенности либерализма в России, где легальные политические партии появились только в начале XX в. и где первые государственные думы навряд ли могут считаться парламентами в точном смысле этого понятия.

Екатерина II, конечно, не была матерью русского либерализма и никак нельзя говорить о ее абсолютизме как об «абсолютизме с человеческим лицом»⁵. Это было не лицо, а, скорее, маска, которая немедленно снималась, когда нужно было подавлять восстание пугачевцев или выступать против Французской революции. Но Екатерина II была первой русской царицей, которая признала существование европейского общественного мнения - порождение первой половины XVIII в. - и необходимость считаться с ним. Более того, и своего наследника Павла она призывала учитывать общественное мнение своей страны. Она прямо подчеркивала: «Всегда государь виноват, есть ли подданные против него огорчены. Изволь мериться на сей аршин»⁶.

Екатерине II принадлежит заметная роль в выработке новой идеологической доктрины самодержавия. Тому же Павлу она преподнесла еще один важный урок. Услышав, что Павел предлагает подавлять народные выступления пушками, а речь шла о событиях во Франции, Екатерина обозвала его диким зверем, и добавила, что «пушки не могут воевать с идеями. Если ты так будешь царствовать, то недолго продлится твое царствование»⁷.

Конечно, царствование Екатерины II продолжило осуществление начал, заложенных Петром I, который, как подчеркивал В.О.Ключевский, «своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства»⁸, и уже Манифест от 6 июля 1762 г. может рассматриваться как своеобразная политическая программа. Этот манифест стал не только инструментом критики свергнутого императора, но в нем присутствует прямое осуждение самовластья, самого строя российского государства. Тот же В.О.Ключевский подчеркивал, что еще никогда сами представители власти в России так откровенно не осуждали существующие порядки и не обещали узаконить такие государственные учреждения, которые положат конец порокам⁹.

На протяжении веков российским самодержцам приходилось неоднократно менять свои идеологические установки, сохраняя при этом определенную преемственность основных начал, направленных на удержание своего господства. Идеи, приводившиеся в политической теории «Москва - третий Рим», отличались от политической концепции, нашед-

шей отражение в литературно-публицистическом памятнике XVI века под названием «Сказание о князьях владимирских», где проводилась мысль о прямой связи русских великих князей с римским императором Августом, то есть как бы миновался второй Рим, хотя и сообщалось о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха.

XVIII век дает значительный материал для понимания тех поисков, которые предпринимает самодержавная власть в области идеологии. В литературе уже отмечалось, что для идеологической доктрины того времени особенно характерны два документа, один из которых принадлежит эпохе Петра I и второй - самой Екатерине II. Первый из них под названием «Правда воли монаршей» был составлен по заданию Петра I Феофаном Прокоповичем и, как отмечается в литературе, означал «союз монарха и философа»¹⁰. Второй - это известный «Наказ» Комиссии по уложению, составленный позже на полстолетия и воплощавший творчество «философа на троне»¹¹. Не имея законодательной силы, эти два документа все же оказали большое влияние на тогдашнее законотворчество и на формирование идеологических основ Российской империи XVIII столетия.

Оба документа имели не только внутренние, но и внешние корни, давно выявленные исследователями. «Правда воли монаршей» испытала заметное воздействие сочинений откровенных, более того, крайне правых идеологов монархической власти. К их числу относят Томаса Гоббса, Гуго Гроция, Самуила Пуффендорфа. «Наказ» Екатерины пронизан либеральной фразеологией, и при его составлении были широко использованы работы Ш.Монтескье, Ч.Беккария и других¹² представителей просветительской философии.

Оба документа отражают различные подходы к определению задач самодержавной власти. Согласно «Правде», все права подданных передаются монарху. «Наказ» же предоставляет этим подданным определенную инициативу, хотя и Екатерина II утверждала, что получила власть от бога. Академик Н.М.Дружинин подчеркивал, что «Наказ комиссии о сочинении нового Уложения» носил своеобразный характер: «он заключал в себе противоречивые сочетания прогрессивных буржуазных идей и консервативных феодальных взглядов»¹³.

Прогрессивные моменты появились в разделах, касающихся в «Наказе» проблем, связанных с экономикой и судопроизводством. Но при этом сохранялось крепостное право, сословный строй, привилегии землевладельческого дворянства и сама по себе система самодержавия. «Наказ» как бы стал средоточием различных, нередко противоречивых начал, отражавших противоречия самой переходной эпохи.

Этот же «Наказ» показал явную и, главное, скрытую борьбу различных сил в господствующих кругах страны, позволяющую говорить о наличии серьезного конкурсивного пласта настроений, доминировавших в то время. Исследователи давно выразили свое удивление отсутствием в «Наказе» специальной главы о хлебопашцах, то есть отсутствием по существу главного вопроса тогдашней России. Имеются лишь отдельные

замечания, которые можно встретить мимоходом в различных главах, в большей или меньшей степени близких аграрной проблематике.

В литературном наследии Екатерины можно обнаружить прямые высказывания в пользу освобождения крестьян от крепостной зависимости, во всяком случае они прослеживаются в ее переписке. Более того, в этой переписке можно увидеть и сам план этого освобождения¹⁴. В самом же «Наказе» об этом ни слова, хотя изначально существовало намерение императрицы обязательно включить это в свой документ. По всей вероятности, ею были составлены заметки по крестьянской части и именно они подверглись сокращению, поскольку в письме к Даламберу она сообщала, что «зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины "Наказа"»¹⁵.

Сегодня нет сомнений в том, что именно крестьянский вопрос вызвал в предварительных набросках «Наказа» наибольшее сопротивление тех слоев высшего дворянства, которых мы можем с полным основанием отнести к консервативной части общества и государства. «Наказ» был завершен в 1766 г. и, по мнению С.М.Соловьева, Екатерина II намеревалась «перенести в Россию просветительные идеи, выработанные европейской наукой»¹⁶, тем не менее, даже в XI главе, больше других обращенной к положению крестьянства, ни слова не сказано об ограничении крепостного права. Более того, в «Наказе» утверждается система барщины, и она соседствует с многочисленными реверансами в адрес прогресса и свободы.

Многие исследователи подчеркивали значительную внутреннюю борьбу вокруг «Наказа» и прежде всего тех разделов, которые касались крестьянского вопроса. Далеко не все сегодня известно, но не подлежит сомнению нежелание землевладельческого дворянства поступиться своими привилегиями. Именно здесь прежде всего проявился дворянский консерватизм, столь ощутимый, что это побудило императрицу внести значительные коррективы в свои первоначальные наброски. И если к 60-м годам XVIII века мы относим предысторию русского либерализма, то с не меньшим основанием мы можем видеть здесь и истоки русского консерватизма нового времени, во всяком случае его предысторию.

И «Наказ», и вся деятельность Комиссии по уложению дают определенный материал для выявления этих консервативных деятелей, имена которых порой преподносят весьма неожиданные сюрпризы. Еще С.М.Соловьев, разбирая «Наказ» и комментарии к нему, обратил внимание на позицию одного из самых крупных русских писателей того времени - А.П.Сумарокова. Сумароков был среди тех приближенных к Екатерине II лиц, которые получили возможность ознакомиться с «Наказом» в числе первых.

Замечания Сумарокова - это реакция справа, реакция противников некоторых существенных принципов этого документа. Любопытно, что Сумароков выступил против решения вопросов большинством голосов. По его мнению, «большинство истину не утверждает, утверждает мнение великий разум и беспристрастие»¹⁷. Но особенно поражает аргументация Сумарокова против отмены крепостного права. Он разразился на этот

счет гневной тирадой, обнажившей истинные воззрения этого даровитого стихотворца.

Вот они, собственноручные замечания Сумарокова: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут и будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян, ради усмирения которых потребны будут многие полки; непрестанная будет в государстве междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах ("и бывают зарезаны отчасти от своих", - заметила Екатерина), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них. Примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий не имеет»¹⁸.

Таковы социальные воззрения А.П.Сумарокова, «отца российского театра», «северного Расина»¹⁹, как о нем писал В.Г.Белинский. Одна из немеркнущих звезд русской литературы, Сумароков, бичевавший различные пороки «тогдашнего общества, причем находившийся в этом отношении несравненно выше большинства современных ему писателей»²⁰, по важнейшему вопросу его времени, вопросу о крепостном праве, уже уничтоженном во многих странах Европы, занимает четкие и недвусмысленные позиции и отстаивает их ничуть не лучшими способами, чем любой провинциальный помещик-душевладелец. Не случайно он получил отповедь от самой Екатерины, в целом неплохо к нему тогда относящейся и осыпавшей его различного рода наградами. Отповедь получил драматург, очень любивший устами своих героев поучать монархов.

Пример Сумарокова еще раз свидетельствует, что политический консерватизм отнюдь не чужд знаниям, внешнему лоску, даже выдающимся заслугам в военной, гражданской или культурной областях. Для того периода, периода позднего феодализма, важнейшим критерием политической ориентации было, конечно, отношение к социальной и внутривнутриполитической структуре общества и, прежде всего, отношение к крепостному праву. Это тот важнейший вопрос, который четко выделял истинные интересы, хотя несколько позднее будут некоторые исключения, на которых мы еще остановимся.

Екатерининский «Наказ» уже на подступах к началу работы Комиссии по уложению достаточно четко уловил настроения в верхних слоях российского общества, которые были откровенно консервативными. Именно тогдашние консерваторы не только не позволили начать разрешение коренного для русского общества вопроса о крепостном праве, но даже не пожелали его поставить для последующего обсуждения.

Следует согласиться с мнением специалистов, детально изучавших крестьянский вопрос во времена Екатерины II и подчеркивавших, что «Екатерина быстро капитулировала перед реакционной оппозицией дворянства»²¹. Такая быстрая капитуляция объяснялась прежде всего наличием на стороне этих консервативных сил преобладающего перевеса. Это была основная сила, столкновение с которой было смерти подобно.

При всех внутренних столкновениях, борьбе за власть и доходные места подавляющая часть русского землевладельческого дворянства выступала единым фронтом за сохранение своих важнейших привилегий. В то время четко обозначились три основные группировки в дворянских верхах. Одну из них составляла феодально-аристократическая оппозиция. Другую - основная масса крепостников, представлявших консервативный лагерь. И третья, пока еще очень малочисленная, - это прослойка передового дворянства, склонявшаяся к идеям политической свободы и гражданского равенства²².

Под влиянием консервативных кругов «Наказ» Екатерины и принял свой окончательный вид, вид ущербного документа, в котором отсутствовало главное. Одиннадцатая глава, имевшая какое-то отношение к судьбе тогдашней России, не получила даже собственного названия. Глава заполнена общими фразами, не имеющими прямого отношения к русской действительности. Но отдельные положения двух мнений не вызывают. Вот, например, содержание 250 пункта XI главы: «Гражданское общество, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются»²³.

Таково представление Екатерины II о существовании гражданского общества, представление, напроочь перечеркивавшее самые общие утверждения о том, чтобы «законы гражданские с одной стороны злоупотребление рабства отвращали, а с другой стороны предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти»²⁴.

Сознательное затуманивание четких целей делало эту часть «Наказа» абсолютно безопасной для консервативного дворянства, продолжавшего господствовать и в хозяйственной, и в политической жизни страны. Приход Екатерины к власти рассматривался этими кругами как повод для дальнейшего наступления, прежде всего на права не только крепостного, но и государственного крестьянства. Высшие круги дворянства выступали с неоднократными требованиями раздачи всех населенных казенных земель помещикам²⁵, т.е. собственно ликвидации категории государственных крестьян. В определенной степени эти требования были императрицей удовлетворены и за 34 года ее правления дворянам было роздано 850 тыс. государственных крестьян. Но по пути ликвидации этой крестьянской категории она все-таки не пошла.

Исследователи, специально изучавшие историю составления «Наказа» и определившие как иностранные его источники, так и те поправки, которые внесли первые русские читатели, единодушны в том, что наибольшие изменения коснулись крестьянского вопроса. Те же части «Наказа», которые были посвящены административным и общеполитическим проблемам, претерпели меньшее изменение или постоянно оставались неизменными. Читавшие «Наказ» на разных этапах подготовительной работы Г.Г.Орлов, Н.И.Панин, А.П.Воронцов, А.П.Сумароков, В.П.Баскаков, А.И.Бибииков, митрополит Гавриил, епископ Иннокентий, архимандрит Платон²⁶ внесли незначительные поправки, носившие част-

ный характер и не менявшие принципиальные политические установки этого документа. Екатерина, кстати, учла некоторые их предложения при окончательной его доработке.

Исследователи давно подметили, что значительная часть «Наказа», относящаяся к административно-правовым вопросам, посвящена не уголовному праву, а праву государственному и непосредственно касается политической науки²⁷. Согласно «Наказу», Россия - это абсолютная монархия и, как там пишется, «государь есть самодержавный»²⁸. Несколько далее такое правление получает соответствующее обоснование, причем особо подчеркивается то, что «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и разорительно»²⁹.

Этот самодержавный государственный строй предусматривает в соответствии с «Наказом» начала законности, а также определенное самоограничение власти. Самоограничение предполагает прежде всего самоотстранение монарха от непосредственного управления всеми государственными делами³⁰. В «Наказе» также проводится принцип внутренней справедливости, но, вместе с тем, он еще более усиливает бюрократические начала и «развивает теорию такого государственного строя, в котором для небюрократического учреждения не оказывается ни малейшего места»³¹.

Вполне можно согласиться с теми толкователями «Наказа», которые усматривают в нем произведение иной идеологии, нежели идеология Просвещения, ибо в «Наказе» проводятся идеи феодальной идеологии³², представленной в изящной западноевропейской просветительской упаковке. Хотя влияние Ш.Монтескье на «Наказ» открыто признавала сама Екатерина и многократно буквально переписывала его установки из «Духа законов», все это производилось весьма избирательно и с потерей главных идей французского просветителя - противника абсолютизма и представителя нарождавшегося французского либерализма. Не следует забывать, что кроме сочинения Монтескье, Екатерина ориентировалась и на других зарубежных авторов, прежде всего на работу барона Бильфельда - наставника прусского принца³³, мыслителя все-таки иной ориентации, нежели Монтескье.

По главным вопросам тогдашней русской действительности - социальному и политическому - «Наказ» отнюдь не был произведением либерального характера, поэтому никак нельзя согласиться с В.В.Леонтовичем, утверждавшим, что «планы реформ Екатерины, наоборот, основаны на принципах западноевропейского либерализма, прежде всего на идеях Монтескье»³⁴. Екатерина, конечно, шла по пути дальнейшей вестернизации России, в своем «Наказе» она прямо писала, что «Россия есть европейская держава», а русские есть европейский народ³⁵, но эта европеизация имела четкие ограничительные рамки, не позволявшие менять ни крепостническую суть социальных отношений, ни абсолютистскую форму государственного правления.

Умный и тонкий политик, Екатерина хорошо осознавала свое реальное положение в стране, где она все-таки была чужеземкой. К тому же не

следует забывать ее причастность к смерти двух российских императоров, имевших значительно больше прав на российский престол, нежели она сама. К моменту составления «Наказа» был убит не только внук Петра I, преемственность линии которого Екатерина неоднократно подчеркивала, - Петр III, но и правнук царя Ивана V - Иван Антонович. В этих условиях Екатерина крайне нуждалась в поддержке не только европейского, но и русского, пока только лишь формировавшегося общественного мнения. Орел либералки был избран не случайно, хотя как трезвый политик Екатерина хорошо чувствовала и общие тенденции европейского развития.

«Наказ», широко популяризовавшийся при Екатерине, играл директивную роль для Уложенной комиссии 1767 г.³⁶ Как сам «Наказ», так и Комиссия неоднократно получали неоднозначное толкование в исторической и юридической литературе. Но они чрезвычайно важны для определения предыстории как русского либерализма, так и русского консерватизма.

Комиссия была собранием представителей с совещательным голосом, причем представляла из общего числа 18 млн. населения страны только примерно 4 млн. Более того, из числа крестьян получили право избирать депутатов лишь только 12 - 15 %. То есть в Комиссии не были представлены не только крепостные крестьяне, но и значительная часть других сельских жителей³⁷. Обычно считалось, что дворяне представлены в Комиссии 161 депутатом³⁸, но по более уточненным подсчетам, их количество было большим и составляло 217 депутатов, что соответствовало 40% депутатских мест. И это при том, что дворяне составляли 1% населения страны³⁹.

Конечно, представительство было весьма условным, но работа Комиссии заслуживает всяческого внимания для изучения настроений той поры и особенностей общественного движения. В литературе самой Комиссии даются порой восторженные оценки. Один из ее исследователей писал: «Созыв депутатов в Законодательную Комиссию 1767 г. есть, по общему ныне признанию, одно из выдающихся событий в истории русской общественной жизни второй половины XVIII столетия»⁴⁰. Событие, понятно, было неординарным. Ничего подобного раньше не было, но уже «Наказ» определил рамки работы этой Комиссии, и только выход за эти рамки позволяет уловить определенные новые мотивы, самим «Наказом» не предусмотренные.

Уже один только вопрос о положении государственных крестьян, возникший при рассмотрении их наказов, позволяет понять четкое противостояние крестьянства и дворянства. Дворянские депутаты откровенно и настойчиво выступали против ослабления налогов и повинностей государственных крестьян, а также против их земельных интересов. В результате обсуждения этих вопросов и была затронута незапланированная тема крепостного права в России. Ее инициатором стал государственный крестьянин Кипернский и депутат от Козловского уезда Григорий Коробин. Примечательно, что они отнюдь не ставили задачи ликвидации

крепостничества в стране. Цель их выступлений, а также выступлений их сторонников заключалась в определенном ограничении помещичьих прав над крепостными. Даже в наиболее четком выступлении Г.Коробьина не было принципиального отрицания крепостного права и ставился лишь вопрос об издании законов, ограничивающих произвол крепостников. Речь шла об ослаблении власти помещика над имуществом крестьянина⁴¹. Но и такая постановка вопроса вызвала единодушное осуждение дворянских депутатов. Среди двух сотен дворян почти не нашлось депутатов, которые если и не ставили задачу ликвидации крепостничества, то хотя бы поддержали саму идею ограничения произвола. Коробьин встретил одобрение главным образом со стороны государственных крестьян.

Со столь же противоположных позиций оценивались и причины, вызвавшие бегство крестьян. Такие дворянские депутаты, как Неклюдов, во всем обвиняли самих крестьян. Несколько более тонко и завуалированно выступил известный историк М.Щербатов, видевший истоки бегства крестьян в географических условиях России⁴². Изучение работы Комиссии показывает, что дело не в отдельных закоренелых крепостниках, таких как князь М.Щербатов и И.Вяземский⁴³. Почти все дворянские депутаты Комиссии были с ними заодно и такой состав свидетельствовал о твердой консервативности дворянского представительства в Комиссии. Но при этом следует подчеркнуть, что ни один из депутатов, а их все-таки было более полутысячи, не поставил задачи упразднения крепостного права. Лишь два дворянина - Г.Козельский и Г.Коробьин критиковали крепостные порядки и выдвигали предложения по ограничению крепостного права. А о фактическом изъятии крестьян из-под власти помещиков заявил лишь один член Комиссии, депутат-однодворец А.Маслов⁴⁴.

Либеральная позиция по важнейшему общероссийскому вопросу оказалась чрезвычайно слабой, но ее нельзя было не заметить, поскольку стараниями Комиссии она все-таки вышла за пределы тех рамок, которые были поставлены «Наказом» Екатерины II. Сама императрица, видимо, была встревожена этим нарушением и прежде всего - явным противостоянием дворян и крестьян. Хотя, например, по вопросу о крестьянской торговле обозначились серьезные противоречия между крестьянами и купечеством, причем первые были поддержаны дворянами⁴⁵. Острые дебаты в Комиссии были главной причиной ее роспуска, для чего нашелся хороший предлог - начало очередной русско-турецкой войны.

По-видимому, роспуску Комиссии содействовало и выделение в ее составе группировки родовитого дворянства, своеобразной оппозиции справа. Эта оппозиция была крайне правым флангом в среде консервативного в своей массе дворянского представительства в Комиссии. Крайне правые, по существу, выступили против ряда преобразований Петра I, а поскольку Екатерина II постоянно подчеркивала свое преклонение перед первым русским императором и демонстрировала продолжение именно его политического курса, то оппозиция, таким образом, выступала и против нее самой. Эта ультраконсервативность проявилась по ряду вопросов, прежде всего в дискуссии о правах дворянства, выявившей

противоречия и в его рядах, что дало основание В.О.Ключевскому говорить о «двух дворянствах»⁴⁶.

Родовитое дворянство открыто ополчилось против известных указов Петра I, допускавшего в ряды дворянства выходцев из других сословий за их заслуги по службе. Настроения этих слоев дворянства четко изложил известный впоследствии историк М.М.Щербатов, вскоре выдвинувшийся в число главных ораторов дворянских представителей и как идеолог крайне правых. Он, по существу, ополчился против служилого дворянства, получив открытую поддержку ряда своих сторонников. Среди них был и депутат от муромского дворянства Чаадаев, стремившийся доказать негодность того петровского закона, который предусматривал предоставление дворянского звания путем получения чина⁴⁷.

Еще более резко выступил депутат от михайловского дворянства С.В.Нарышкин, заявивший, что «достоинство дворянское считается у нас чем-то священным, отличающим одного человека от прочих: оно дает ему и его потомкам право владеть себе подобным»⁴⁸. Дворяне, как старые, так и новые, с особым нерасположением смотрели на заводчиков и фабрикантов, не имевших дворянства и, тем не менее, обладавших правом владеть деревнями и крепостными⁴⁹. Здесь было заложено одно из серьезнейших противоречий между дворянством и зарождавшейся буржуазией, и по данному вопросу складывалось единое корпоративное дворянское согласие.

Изучение материалов Комиссии предоставляет широкие возможности для уяснения тогдашних общественных настроений и определения наиболее ярких представителей тех или иных общественных групп. В рамках работы Комиссии проявил себя как последовательный защитник интересов консервативных кругов М.М.Щербатов. Щербатов - прежде всего ревностный защитник родовитого дворянства, а также дворянства в целом. Один из основных его аргументов, пожалуй, был заключен в следующих словах: «Государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатных и достаточных фамилиях как на твердых и непоколебимых столпах, которые не могли бы снести тяжести обширного здания, если бы были слабы, невзирая на свою малочисленность»⁵⁰.

Изучение деятельности М.М.Щербатова дает значительную пищу для рассуждений по поводу русского политического консерватизма. Щербатов - это не заскорузлый, малограмотный крепостник-помещик. Он получил разностороннее и по тем временам достаточно глубокое домашнее образование и может считаться одним из самых образованных русских людей своего времени. Он владел не только французским, обычным в то время языком дворянских салонов, но и немецким и итальянским языками, имел познания в естественных науках и медицине, обладал персональной библиотекой - одной из самых крупных в России. К тому же он имел опыт военной и гражданской службы и зарекомендовал себя и как публицист и историк-исследователь.

М.М.Щербатов - категорический противник равенства людей, сторонник крепостничества и сильной государственной власти, оппонент

правительства справа, с позиций родового дворянства. Но он отнюдь не примитивный властолюбец. Его выступления в Комиссии хотя порой и были данью увлеченности и даже запальчивости, не были лишены убедительной принципиальности и вместе с тем рассудительности. Именно он в процессе дискуссии о крестьянской торговле находил необходимым позволить всем крестьянам, то есть и государственным и крепостным, торговать в городах и торгах продукцией своего хозяйства. М.М.Щербатов при этом подчеркивал, что «в противном случае крестьянин, вынужденный продавать свои изделия одним только торговцам и притом за низкую цену, не будет иметь побуждение стараться об улучшении своего хозяйства»⁵¹. И здесь, конечно, Щербатов отражал интересы землевладельческого дворянства, стремившегося к тому, чтобы крестьяне исправно выполняли свои обязанности перед ним.

Щербатов отнюдь не противник всех петровских преобразований и, например, в дискуссии с купцами бросает им обвинение в том, что они не выполнили наставление Петра I и не учредили конторы в других государствах⁵². Он, конечно, патриот и сторонник укрепления экономической мощи своего государства. То есть его консерватизм, нередко крайний, отнюдь не лишен развития в сторону прогресса, но только в том случае, если не нарушаются интересы той господствующей прослойки, к которой принадлежит он сам.

Уже после окончания работы Комиссии М.Щербатов счел необходимым написать ряд публицистических произведений, в том числе самое из них известное, «О повреждении нравов в России», неоднократно уже комментировавшееся в литературе⁵³, главная направленность которого заключалась в резкой критике политики тогдашнего правительства и нравов придворной среды.

Работа М.М.Щербатова, написанная во второй половине 80-х годов, носит характер памфлета и дает отражение той бытовой обстановки, которая сложилась в стране с допетровских времен до Екатерины II включительно, то есть до тех пор, когда нравы «дошли до настоящей развратности»⁵⁴. Щербатов - убежденный критик тогдашних обычаев и пороков, к главным из которых он причисляет сластолюбие. Он, конечно, идеализирует нравы допетровской Руси, хотя его никак нельзя причислить к историческим противникам Петра I, которого он неоднократно называет великим и прямо отмечает, что у него были и нужные узаконения⁵⁵. Но тому же Петру он бросает ряд обвинений, не только, допустим, за развод с Е.Лопухиной, но вообще считая его ответственным за разложение русского общества.

Щербатов последовательно разбирает этапы этого разложения на примерах нескольких царствований и не оставляет без внимания современную ему императрицу Екатерину II. Ее мораль, по словам автора, «состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона божия»⁵⁶.

Сочинение М.М.Щербатова может быть признано одним из важнейших документов, составленных на пути становления русского политиче-

ского консерватизма. Это подлинный дворянский консерватор, с установившимися нормами и предубеждениями, сторонник незыблемости моральных оснований, почитатель старины, понимаемой, однако, с четких позиций того же консерватизма.

Это сочинение следует рассматривать в сочетании с другими произведениями М.М.Щербатова, которые дают представление о всей совокупности взглядов этого дворянского консерватора конца XVIII столетия⁹⁷. Еще в 1784 г. он издает утопический роман «Путешествие в страну Офирскую», где можно усмотреть его идеал государства, опирающегося исключительно на дворянство, государства явно полицейского, основанного на труде подневольных производителей, самых настоящих рабов. Это была первая русская социальная утопия, которую в литературе окрестили «феодальным социализмом» Щербатова⁹⁸, этого, по словам А.И.Герцена, «предславянофила».

Щербатовское наследие позволяет сделать довольно убедительные выводы об идейных основаниях зарождавшегося русского консерватизма, отнюдь не чуждого просвещению и заботе о благе отечества. Как каждое политическое течение, имеющее собственную социальную базу, русский консерватизм не был сложен из одних только негативных моментов. Среди особых забот консерваторов, наряду с утверждением незыблемости социальных и экономических отношений, выдвигаются вопросы морали и патриотизма. Эти два столпа русского консерватизма будут прослеживаться на протяжении всей его последующей истории вплоть до новейшего времени, и они во многом содержат определенную притягательность политического традиционализма не только для дворянства, но и для довольно широких кругов населения.

Консервативная мораль покоилась все-таки на религиозных основаниях и на долговременных местных обычаях. Консервативный патриотизм также отдавал дань заботам не о прогрессе отечества, во всяком случае не о прогрессе в первую очередь, а опять-таки доминировала установка на соблюдение традиций предков и неприятие разных заморских премудростей. Притягательность суждений таких консерваторов как Щербатов усиливалась его личными данными - человека честного, несомненно заинтересованного и озабоченного не только своими личными проблемами, но и судьбами своей страны. Зарождающийся русский консерватизм обладал, таким образом, своей собственной рецептурой заботы об отечестве, которую он предлагал с полной убежденностью в своей правоте.

Он вместе с тем был весьма разнолик и находил проявление в различных сферах общественной жизни. Особого внимания заслуживает консерватизм церковный, где также обозначилась оппозиция справа. В значительной степени она объединяла противников церковной реформы Петра I, а затем и ряда других мероприятий. Церковный консерватизм проявился и в резкой оппозиции к светской власти, к усилению светской идеологии и науки, материальному ослаблению церкви. Одним из виднейших представителей церковного консерватизма того времени был ми-

трополит Ростовский и Ярославский Арсений Мацеевич, ратовавший за восстановление патриаршества, призывавший к удалению светских чинов из Синода и всячески отстаивавший интересы монашества⁵⁹. Выступая против мероприятий светских властей, затрагивавших материальные интересы церкви, он демонстрировал свои последовательно крепостнические взгляды⁶⁰. Дело дошло до суда, и митрополита вызвали в Синод, лишили сана и сослали простым монахом в Карело-Николаевский монастырь, где он продолжал свою пропаганду среди монахов, встречая их всяческое сочувствие. Он выступал против секуляризации монастырского имущества, открыто выражал сомнения в правах Екатерины II на престол и высказывал сочувствие наследнику - великому князю Павлу. Последовал второй суд над Арсением, которому был придан политический характер, и он был лишен монашеского звания, сослан в Ревельскую крепость, где и скончался в 1772 г.

Протесты Арсения Мацеевича заметно встревожили правительственные сферы, поскольку они вызвали одобрение со стороны высшего духовенства. В защиту церковных имений выступает открыто митрополит Тобольский Павел Конюшкевич⁶¹. Таким образом, в годы правления Екатерины II возникла, можно сказать, своеобразная церковная фронда, носившая консервативный характер. В среде церковных деятелей той поры заметны открытые выступления против светской науки, против вольномыслия. К их числу относился и такой приближенный к императорской фамилии, как наставник будущего императора Павла I митрополит Московский Платон, видевший главное средство против распространения вольномыслия в развитии духовного обучения. Как Платон, так и епископ Дмитрий Сеченов и другие представители высшего духовенства последовательно защищали феодальный общественный строй, полностью поддерживая в этом отношении политику тогдашнего правительства⁶².

В литературе бытует мнение, что «Екатерина последовательно придерживалась либеральных принципов во все время своего царствования, а не только в первые его годы»⁶³. Меры Екатерины по модернизации страны не подлежат сомнению, но нет никаких оснований видеть в ее лице либерала на русском престоле. Многие части «Наказа», которые были удалены, могли быть сохранены при ее принципиальном либерализме. С.М.Соловьев, остановившийся на вычеркнутых местах его, касавшихся крепостного права и вообще крестьянства⁶⁴, не дает им четкой характеристики. Но даже если бы они были сохранены, то свидетельствовали бы лишь о желании императрицы ослабить систему крепостного права, а не полностью ее упразднить. Изучение дел Тайной экспедиции свидетельствует о том, как поступали с теми, кто настаивал на ликвидации крепостничества. Весьма характерно в этом отношении дело чиновника Г.Попова, разославшего письма Екатерине, Сенату, Синоду и ряду РИДНЫХ сановников с требованием освободить крестьян⁶⁵. Судьба Н.И.Новикова, Ф.В.Кречетова, А.Н.Радищева начисто опровергает утверждение о последовательном либерализме Екатерины, отнюдь не поддерживавшей сторонников существенных преобразований в России.

Даже «Учреждение для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., которое рассматривается чуть ли не как одна из вершин екатерининского либерализма, ею самой начертанное, имело в качестве важного источника классический труд знаменитого английского юриста В.Блэкстона, консервативного интерпретатора английских учреждений⁶⁶.

И хотя в этом «Учреждении» провозглашаются многие благие пожелания, например «отвращение же от праздного провождения времени в роскоши и во всяких иных пороках, нравы развращающих»⁶⁷, оно вводило административное устройство феодального времени. Никаких покушений на крепостничество и его институты в Учреждении не усматривается, имеет место лишь строгая регламентация и некоторое упорядочение по сравнению с предшествующим периодом.

Конец же правления Екатерины II - это переход к неприкрытой реакции. Испуг, вызванный Французской революцией, оказался чрезвычайно сильным, и от заигрывания с просветителями не осталось и следа. Екатерина откровенно прославляет самовластие, подчеркивая, что «лучше предпочесть безрассудство одного, чем безумие многих»⁶⁸. На склоне своих дней она даже начала готовить поход русских войск против революционной Франции.

Сменивший ее Павел вошел в русскую историю как олицетворение самого реакционного, деспотического курса правления. По-видимому, реакция на недоброжелательство к нему самой Екатерины, пытавшейся сразу передать власть своему любимцу, внуку Александру, дополнилась душевной болезнью Павла, наложившей отпечаток на все его сумбурное и несколько конвульсивное правление. Цельное представление об эпохе Павла как правлении деспотическом и даже безрассудном не должно, однако, заслонять нововведений, которые получили реализацию в годы его короткого царствования. Биограф Павла Н.К.Шильдер подчеркивал: «Для всех недовольных правлением Екатерины имя Павла Петровича являлось естественным знаменем, вокруг которого старались сплотиться люди, жаждавшие перемены; в некоторых случаях они действовали с согласия или ведома великого князя, но в других случаях - злоупотребляли его именем»⁶⁹.

С одной стороны, он как бы продолжал задабривать дворянство и за четыре года роздал им более 500 тысяч государственных крестьян, всего лишь на 40% меньше, чем Екатерина за все 34 года своего правления. Но с другой стороны, законотворческая деятельность Павла I по крестьянскому вопросу все-таки отмечена некоторыми новыми чертами. Прежде всего речь идет об Указе от 5 апреля 1797 г., известном как Указ о трехдневной барщине, а также мероприятиях по отношению к дворцовым (удельным), государственным, экономическим крестьянам, и к крестьянам-однодворцам. Эти указы при всей своей крепостнической сущности все-таки свидетельствовали о попытках приспособления абсолютистского государства к новым экономическим и политическим условиям страны⁷⁰.

Павел также пытался навести порядок в стране, и особенно в армии, пошатнувшейся в последние годы правления Екатерины. Для него было

характерно стремление исправить государственный строй России⁷¹, хотя это исправление он рассматривал очень своеобразно и, как писал один из мемуаристов, «не только наш дом на Черной Речке, но и весь Петербург, и вся Россия опрокинулась вверх дном»⁷². Принцип изменений, как правило, свидетельствовал о желании его инициатора делать все иначе, чем это было при предшествующем царствовании. Но были у Павла и свои устойчивые симпатии, к которым, например, относилось его поклонение прусским порядкам, характерное и для его покойного отца Петра III. Дух непререкаемости и самовластья был связан с желанием как-то упорядочить дела в государстве, и этому не противоречили его тяжелый нрав и взрывная истеричность.

Стремление к наведению порядка и дисциплины коснулось и дворянства. Павел пытался перебороть аристократическую оппозицию и опереться на среднее, прежде всего провинциальное, дворянство. Имеются материалы, которые свидетельствуют о том, что среди определенных кругов среднего провинциального дворянства попытки Павла как-то навести порядок встречали одобрение⁷³. Иная ситуация складывалась в аристократических кругах и в гвардии, что и породило последующее свержение самодержца и преждевременную его кончину.

Освобождение по указанию Павла Н.И.Новикова, А.Н.Радищева, Т.Костюшко и других не привело к процветанию разномыслия, более того, при Павле заметно ослабевают журналистика и наука, испытывают трудности различные искусства. Петербург, который во время Екатерины был после Парижа и Лондона одной из самых оживленных, веселых, можно даже сказать, изящных европейских столиц, изменился буквально за несколько дней и эти изменения касались не только внешнего вида - одежды (одной из первых мер было запрещение носить круглые шляпы), но также экипажей, общего распорядка и самого духа столичной жизни.

Деспотизм Павла не давал возможности для какой-то борьбы мнений, и те общественные направления, которые обозначились при Екатерине II, были загнаны вовнутрь и сегодня при имеющейся документальной базе прослеживаются не без значительного труда. Придворная же борьба была неистребима, и при Павле в русских политических верхах прослеживается существование различных группировок, отражавших прежде всего вечную тенденцию к укреплению своих позиций при господствующей власти. Фаворитизм, пожалуй, - одна из немногих черт, которые сближали Павла с его матерью, столь различных при самом ближайшем, да и отдаленном взгляде на их характеры и личные способности.

Приближение к Павлу его давней фаворитки Е.И.Нелидовой привело к образованию среди сторонников самого Павла двух своеобразных «партий». Одна из них получала поддержку Нелидовой - женщиной умной и веселой, сумевшей сблизиться как с императором, так и с императрицей. Будучи камер-фрейлиной, она приобрела столь значительное влияние, что сумела через самого Павла осуществлять назначения на главные должности, как государственные, так и придворные. При ее протекции получили назначение Куракины, Буксгевден, Нелидов, Плещеев.

Но в 1798 г. опала коснулась и ее, и новой фавориткой императора стала А.П.Лопухина, прежде всего способствовавшая возвышению своего отца - П.В.Лопухина, ставшего генеральным прокурором.

Как писал один из исследователей, «падение Нелидовой было столь же важным событием, каким является перемена министерства; оно повлекло смещение всех близких к ней людей или же державшихся благодаря ее влиянию»⁷⁵. Но смена одной группировки другой объяснялась не только изменениями симпатий императора. Она была также результатом действий другой группировки, выступавшей не только против Е.И.Нелидовой, но и против императрицы. Возглавил ее бывший пленный турок, ставший графом, - И.П.Кутайсов, а среди сподвижников его оказались Ф.В.Ростопчин, А.А.Безбородко и другие. Среди прочего им удалось сменить петербургского военного губернатора Ф.Ф.Буксгевдена и добиться назначения на его место П.А.Палена, что имело в дальнейшем для самого Павла роковые последствия.

В годы правления Павла был возвышен еще один государственный деятель, которому было суждено большое будущее и влияние которого как на ход дел великой страны, так и на формирование правых сил государства было огромным. Речь идет о человеке, которого знавшие его мемуаристы называли нравственным уродом⁷⁶, но он был крайне нужен императорам, обладая личными данными, необходимыми для наведения того, что называется государственным порядком⁷⁷.

А.А.Аракчеев - выходец из мелких помещиков Тверской губернии, исправный служака, не без способностей к математике и артиллерии, сумел сблизиться не только с Павлом, но и с очень отличавшимся от своего родителя наследником престола - Александром. Примечательно, что Павел дважды отставлял его от службы: в 1798 и в 1799 гг., и он был снова возвышен уже Александром I. Аракчеев не принадлежал ни к одной из так называемых партий, он сам был посильнее любой партии, хотя и у него была если не команда, то ряд приближенных лиц, которым он покровительствовал и которых выдвигал. Не всегда это были люди недостойные, в чем нам еще придется убедиться.

Таким образом, XVIII столетие порождает зародыши тех основных трех общественно-политических направлений, которые четко заявят о себе уже в следующем веке. Подавляющее большинство русского дворянства было глубоко консервативным и слышать не хотело не только об отмене феодальных отношений, но и о ликвидации крепостного права, уже отмененного почти во всех странах Европы. В этой консервативной массе дворянства и мало отличавшегося от него по взглядам духовенства выделились идеологи типа А.П.Сумарокова, М.М.Щербатова или Арсения Мацеевича, в целом защищавших интересы дворянского или духовного сословия.

Говоря о XVIII в., мы можем отметить и появление корней русского либерализма, представленного такими противниками крепостного права, как С.Е.Десницкий и Н.И.Новиков, а также представителями более молодого поколения просветительства - такими как И.П.Пнин и В.В.Полуга-

ев. В XVIII в. мы вполне можем усмотреть и начала русского дворянского конституционализма, проводниками которого были представители зарождающегося дворянского либерализма⁷⁸. В этом же веке просматриваются и зародыши третьего из наиболее главных общественных течений России следующего столетия, направления левого характера, можно сказать даже - революционного. К нему относят А.Н.Радищева, а также, например, Ф.В.Кречетова, полагавшего, что революция в России может произойти в самое ближайшее время и что если не будут реализованы его предложения, то Россию ожидает судьба Франции, то есть та же революция⁷⁹.

Однако при всех наметках к идейному и даже социальному размежеванию Россия вышла в XIX столетие как страна абсолютной монархии, на престоле которой сидел человек с деспотическими замашками, считавший, что он может подменять закон и находиться над ним. Поскольку Павлу I не было и пятидесяти лет, то казалось его правлению сужден еще долгий срок. Жизнь, однако, распорядилась по-иному.

2. ПЕРВЫЕ ГОДЫ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Екатерина II не считала Павла достойным наследником российского престола и вынашивала вполне реальные планы передачи его своему любимцу Александру. Сам же Павел, похоже, тоже замыслил оставить престол отнюдь не своему напрямую наследнику. В самом начале 1801 г. он пригласил из-за границы племянника императрицы Марии Федоровны, своей второй супруги - Евгения Вюртембергского, которому в то время было всего тринадцать лет и которого Павел намеревался тайным образом сделать будущим русским императором⁸⁰.

Павел резко изменил и свою внешнюю политику и замыслил даже поход против Англии, чтобы лишить ее колониальной жемчужины - Индии. Сумасбродства Павла достигли своего апогея, и он подтолкнул к союзу как внутренних своих противников, так и внешних. Английское правительство в лице своего посла в России - Уитворта приняло участие в заговоре и способствовало свержению русского императора.

12 марта 1801 г. престол получил все-таки Александр I. Начало его правления очень походило на начало правления его бабки Екатерины. Это был приход к власти не только методом государственного переворота, но и путем переступания через труп своего предшественника, на сей раз - родного отца. Кстати, обещал править молодой монарх «по законам и сердцу своей премудрой бабки». Он прямо заявлял о «произволе нашего правления», обещая на место личного произвола деятельно водворять строго законность⁸¹.

И личная биография Александра I⁸², и история страны его времени относятся к категории довольно хорошо изученных исследовательских проблем. И тем не менее остается ряд нерешенных вопросов и даже загадок. Первая из них заключается в определении истинных воззрений

этого несомненно крупного русского политического деятеля. Определить их отнюдь не легко, ведь не случайно его обвиняли в двоедушии, называли византийским греком, северным Тальмой, сопоставляя со знаменитым французским актером. В.О.Ключевский, характеризуя нового русского императора, подчеркивал: «Александру вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой»⁸³.

С детских лет, лавируя между отцом и бабкой, а затем между отцом и матерью, он приобрел искусство баланса сначала бытового, а затем и политического. Он научился скрывать свои истинные чувства и мысли и, пожалуй, на русском престоле равных ему в этой области не было. Но и сам Александр не был все свои долгие годы правления неизменным. Он тоже менялся, и не случайно между историками идет то явная, то скрытая полемика по вопросу о том, на какие периоды делить все время его царствования. Автор наиболее обширной и документированной его биографии Н.К.Шильдер посчитал необходимым разграничить время его государственной деятельности на три периода. Первый из них, который он называет эпохой преобразований, длился с 1801 по 1810 г. Второй - время борьбы с Францией - занимал годы с 1810 по 1816. И третий период - до самой смерти императора в 1825 г.⁸⁴ Другой историк - А.А.Корнилов счел нужным выделить шесть этапов или периодов царствования Александра I. Причем первый из них - 1801-1805 гг. характеризуется, по его мнению, «горячим и истинным приступом к реформам по инициативе самого императора. В то же время это период самых розовых, хотя и неопределенных надежд и ожиданий со стороны общества»⁸⁵.

Выделение этих разных периодов двумя исследователями, специально изучавшими эпоху императора Александра I, объяснялось, среди прочего, разными задачами, ими поставленными. Н.К.Шильдер все-таки писал биографию самодержца, а А.А.Корнилов излагал историю целой страны. И с учетом целей нашей книги мы даем свою периодизацию этого царствования. Мы также делим ее на три части, но несколько иные, чем те, которые выделил Шильдер. Рассматривая историю русского консерватизма, мы выделяем в качестве грани между 1-м и 2-м периодами 1812 год, год, когда получил отставку такой столп русского либерализма, как М.М.Сперанский и после чего начинается новый период исканий, борьбы и балансирования между консерватизмом и либерализмом. Третий период, который можно условно датировать 1820-1825 годами - период решительного поворота к консерватизму и даже к реакции.

При всех сложностях понимания истинных намерений Александра I сегодня с учетом большого источникового материала нет возможности отрицать тот факт, что Александр I, получив престол, исповедовал и, видимо, искренне идеи либерализма. Именно он был первым либералом на русском престоле⁸⁶, хотя этот либерализм был ограниченным и непоследовательным и продолжался он отнюдь не все его царствование. При этом еще долго после 1801 г. он желал представить себя европейскому

общественному мнению именно как либерала. Новейшие исследования показывают, что в первые годы своего правления он не только подумывал, но и предпринимал определенные действия как по упразднению крепостного права, так и по введению в России конституции⁸⁷, хотя конституция предполагалась, конечно, октроированная (данная самим монархом) и не лишавшая монарха верховной власти. Многократно упоминавшееся и комментированное письмо Александра I его воспитателю Ф.Лагарпу от 27 сентября 1797 г. свидетельствует об Александре как о стороннике российской конституции. Более того, в этом письме приводятся слова, которые, если бы оно не было достоверным, навряд ли можно признать мыслями наследника любого престола. Александр не только пишет в нем о необходимости образования народного представительства и составлении свободной конституции, но и о том, что после этого, как там подчеркивается, «моя власть совершенно прекратилась бы и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь угол и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им»⁸⁸.

Александрю было тогда всего двадцать лет и письмо отражает его юношеские увлечения, в формировании которых сыграл немалую роль его адресат - республиканец и атеист из Швейцарии Ф.Лагарп. То, что именно Лагарп был приглашен воспитателем к любимому внуку и наследнику и пробыл им в течение одиннадцати лет, усматривают либерализм Екатерины. Но Лагарп был воспитателем и Константина Павловича, исповедовавшего все-таки другие идеи, нежели его брат и ставшего убежденным сторонником консервативной системы.

Дело, видимо, не только в воспитании и установках Екатерины, но и только видевшей либеральную перспективу, но и проводившей в принципе охранительный курс. Когда же Александр заявил о продолжении традиций своей великой бабки, то речь шла именно о курсе, но отнюдь не о внутренней симпатии Александра к Екатерине. При ближайшем рассмотрении документов оказывается, что Александр не был сторонником политической системы своей бабки и, более того, относился к ней враждебно. Исследователи отрицают даже личные чувства расположения и привязанности к императрице. Их чувства отнюдь не были взаимными,⁸⁹ и сама Екатерина очень бы разочаровалась, узнав истинное отношение к себе любимого внука, в котором она души не чаяла и которому предсказывала великое будущее. В последнем она не ошиблась. Навряд ли она могла бы надеяться на большее, чем то, чего достиг этот российский самодержец, ставший вершителем судеб многих стран и народов.

Молодой император, получив престол, по существу стал отцом русского правительственного либерализма. Именно он, а не М.Сперанский, который сам был порождением александровского правления. Изучение тех группировок, которые сразу же сложились в стране в начале нового царствования, уже нашло и различное толкование в специальной литературе. Обычно выделяются две группировки: так называемые «молодые друзья», то есть ближайшие сподвижники Александра I - Н.Н.Новосиль-

цев, П.А.Строганов, А.Чарторьский, В.П.Кочубей, и та группировка, которую нарекли «екатерининскими стариками». Если первые олицетворяли откровенный либеральный курс молодого императора, то состав второй группировки, в которую входили Н.П.Румянцев, Г.Р.Державин, Д.П.Трошинский, П.В.Завадовский и другие, был более пестрым. Ее представляли и сторонники конституционализма, и откровенные традиционалисты-консерваторы.

Эти две группировки уже получили подробное освещение в литературе, также как достаточно основательно отражены их истинные цели и административная практика. «Молодые друзья», которых Г.Р.Державин и его «сопартийцы» из екатерининской группировки, кстати, немало между собой отличавшиеся, окрестили «якобинской шайкой»⁹⁰, были на поверку заметно правее, чем сам Александр I, подталкивающий их к существенным преобразованиям.

Но кроме этих двух группировок, часто больше отличавшихся по возрасту, нежели по своим политическим взглядам, можно выделить еще как минимум две «партии», игравшие заметную роль в тогдашней политической жизни страны. Еще видный юрист А.Д.Градовский в своей магистерской диссертации показал наличие, наряду с двумя вышеупомянутыми, еще одной группировки - «канцелярской» или «бюрократической» партии, одержавшей, по мнению автора, победу в борьбе за преобладание, которая развернулась в те годы⁹¹.

Четвертая «партия», также уже упомянутая в литературе и больше всего нас интересующая в силу задач нашей темы, составлялась из противников либерального курса императора⁹², людей идеи, в отличие от «канцелярской» партии, думавшей только об административном преобладании и теплых местечках. Эта четвертая «партия», тоже не отказывавшаяся от высокого положения на административной лестнице, обозначилась сразу же, как, говоря словами поэта, наступило «дней александровских прекрасное начало». Это была «партия» убежденных консерваторов, представленная такими именами как А.С.Шишков, А.А.Беклешев, Д.П.Рунич и уже упомянутый екатерининец Г.Р.Державин, а также ряд других довольно видных деятелей, разделявших их убеждения или настроения.

Александровский либерализм породил и александровский консерватизм⁹³, вначале скорее всего как антиалександровский, в чем мы убедимся несколько позднее. Это тем более важно, что для уяснения существа основных политических группировок нужно хорошо понимать как настроения самого императора, так и взгляды александровского семейства, где сложились и свои либералы, и свои консерваторы. Императорская фамилия дает прекрасный пример борьбы политических идей разного плана, тем более, что в узком кругу семьи они излагались, как правило, более искренне и заинтересованно, чем в придворных кругах, отличавшихся заискиванием и приспособленчеством. В стране с абсолютной властью монарха настроения его фамилии дают чрезвычайно обильную пищу для понимания планов и поступков придворных политических групп

пировок и их активов за пределами дворца, министерств и вообще столицы. В этом своеобразном внутрисемейном императорском парламенте, где изложение взглядов производилось значительно более свободно, чем в любом государственном учреждении, вскоре выделилось крыло, которое чем дальше, тем больше сопротивлялось реформаторскому курсу императора.

И по своему характеру, и по своим политическим установкам заметно отличался от своего брата великий князь Константин Павлович, бывший долгое время наследником престола. Еще в детстве отмечали его упрямство, вспыльчивость, непостоянство, пренебрежение к знаниям. Лагарп был им недоволен и нередко на него жаловался⁹⁴. С детства очень увлекавшийся играми в войну, он пошел по военной части и поначалу, участвуя в двенадцатилетнем возрасте в Итальянском походе Суворова, подавал немалые надежды на этом поприще. Но большого полководца из него не получилось. Он был буквально подавлен авторитетом Наполеона и после Бородина и падения Москвы впал в панические настроения до такой степени, что был отослан из армии, вступив в противоречия с Барклаем-де-Толли. Он отстаивал идеи мира с Наполеоном, будучи представителем так называемой «французской» партии.

Был он человеком несдержанным, даже грубым и жестоким, и эти его качества проявились и во время управления Польшей, где он с самого начала подвергал язвительной критике польскую конституцию⁹⁵, кстати, одно из творений его брата. Впоследствии он категорически выступил против намеченных Комитетом 6 декабря 1826 г.⁹⁶ довольно крупных реформ, откровенно подчеркнув свой традиционализм и приверженность охранительным началам. В первой трети XIX века Константин Павлович был одним из основных столпов русского консерватизма, откровенно воодушевлявшим различные консервативные круги.

Была близка к консервативной «партии» и вдовствующая императрица Мария Федоровна, известная покровительница женского образования, еще недавно сама претендовавшая на престол⁹⁷. Необходимо отметить, что у нее и ее дочери Екатерины Павловны сложились натянутые отношения с супругой Александра I Елизаветой Алексеевной - несчастной женщиной, потерявшей в малолетнем возрасте двух своих дочерей и так и не родившей мальчика. Елизавета Алексеевна не выполнила одного из своих главнейших предназначений - не дала своему супругу наследника и это наложило серьезный отпечаток и на ее судьбу, и на ее взаимоотношения с императорской фамилией. Питая искреннее чувство к своему супругу, она болезненно переживала его холодность и живя, казалось бы, в семье, находилась по существу в одиночестве с постоянной печатью грусти. Блеск императорского двора сконцентрировался не вокруг нее, а вокруг Марии Федоровны, или, как тогда писали, Марии Феодоровны. Поскольку до 1812 г. двое младших сыновей были еще очень молоды и на политику особого влияния оказывать не могли, малое влияние оказывали на нее в это время и пять дочерей Павла, в том числе и Анна Павловна, к которой сватался Наполеон, и которая позднее стала королевой

Нидерландов. Кстати, она была лично близка к Екатерине Павловне. Из всего этого получается довольно любопытный расклад сил в самой императорской фамилии. К консервативной партии относились Константин Павлович, Мария Федоровна, Екатерина Павловна. Елизавета же Алексеевна, обычно во всем поддерживавшая супруга, находилась в уединении и в прямом, и в переносном смысле. Правда, она много читала и через нее Александр узнавал многое из того, что не успевал прочитывать сам. Но его супруга, выбранная ему в жены самой Екатериной, все-таки противостояла трем другим более активным членам императорского дома, да и связей у нее в общественных кругах было намного меньше, хотя сам А.С.Пушкин посвятил ей одно из своих стихотворений 1819 г.*

Из членов императорской консервативной «партии» особого внимания заслуживает любимая внучка Екатерины II и любимая сестра Александра I - Екатерина Павловна. Женщина внешне красивая, обаятельная, даже обворожительная, она обладала сильным, как иногда писали, мужским умом, довольно обширными знаниями и широкими связями. Она выступала в качестве покровительницы литературы и пользовалась большим вниманием многих поэтов и писателей. Нередко, например, Г.Державин и В.Жуковский посвящали ей свои произведения. Екатерина Павловна была, однако, очень честолюбива и активно вмешивалась в политику, используя при этом расположение к ней ее царствовавшего брата, весьма ей доверявшего.

Так получилось, что эта обаятельная и чрезвычайно влиятельная представительница императорской фамилии, которая когда-то заявила: «Всего более жалею в моей жизни, что я не была мужчиной в 1812 году», и которая в противовес малодушию Константина показала в 1812 году мужество и энергию, чем заражала и самого царя, - стала одним из важнейших форпостов именно консервативной «партии». При всей ее близости к Александру I не была она сторонницей кардинальных преобразований и всячески ратовала за укрепление самодержавия. В борьбе против «партии» либералов она прежде всего столкнулась со Сперанским, который, во всяком случае об этом говорят имеющиеся материалы, явно отвечал ей взаимностью, то есть как мог вел борьбу против прекрасной принцессы.

К Екатерине, как и позднее к Анне Павловне, сватался великий Наполеон. Непрочь был получить ее руку австрийский император Франц, но эта рука все-таки поначалу была отдана Георгию Ольденбургскому, ничем особым не отличавшемуся, но отвечавшему своей супруге полнейшей преданностью и выполнявшему все ее пожелания. Так вот, в литературе имеется определенный материал о том, что после низвержения со шведского престола в 1809 г. Густава IV Адольфа одна из придворных группировок, ориентировавшаяся на Россию, послала в Петербург специального депутата, который вышел на М.Сперанского и пытался узнать через него, не согласится ли Александр на занятие шведского престола супругом Екатерины Павловны, герцогом Ольденбургским. Для нее возникла возможность стать шведской королевой. Но Сперанский, якобы

по причине своей вражды к Екатерине Павловне, не доложил об этом императору, и королем стал бывший французский маршал Бернадот⁹⁹.

В какой степени эти сведения соответствуют действительности, пока судить трудно, но острейшие противоречия между Екатериной Павловной и Сперанским хорошо известны, они послужили одной из причин падения выдающегося реформатора. Супруг Екатерины Павловны Георгий Ольденбургский стал генерал-губернатором Новгородской, Тверской и Ярославской губерний, и честолюбивая Екатерина Павловна основала в Твери блестящий салон, собиравший многих выдающихся людей и превратившийся в один из важнейших оплотов консервативной «партии». Интересны ближайшие ее знакомые. К ним относились А.Б.Куракин, некогда один из приближенных Павла I, друживший с ним еще с детства; Ф.В.Ростопчин, тоже бывший фаворит Павла, лишь в 1801 г. попавший в опалу и сосланный в Москву. Ф.Ростопчин - убежденный крепостник - был одним из лидеров консервативной «партии». Именно через него, родственника Н.М.Карамзина со стороны первой жены, и происходит сближение Карамзина с Екатериной Павловной.

Собственно, и раньше Н.М.Карамзин был духовно близок к императору Александру I и его семье. Он восторженно приветствовал вступление на престол нового императора двумя одами, за что был соответственным образом вознагражден. Свою первую оду он передал императору через Д.П.Троичинского, о чем просил последнего специальным письмом¹⁰⁰. В «Историческом похвальном слове Екатерине II», переданном императору, Карамзин изложил новому самодержцу свою политическую программу¹⁰¹, то есть с начала царствования Александра Карамзин стремился оказывать на него свое влияние в рамках собственных политических представлений. А эти представления уже в начале XIX в. заметно отличались от тех, которые были характерны для знаменитого литератора и историка до начала Французской революции. Испытав заметное воздействие идей французского просвещения, прежде всего Вольтера и Монтескье, Карамзин, известный московский масон 80-х годов, существенно меняет свои прежние взгляды. Как отмечено в литературе, этот переворот начался после казни Людовика XVI¹⁰². Но еще в «Письмах русского путешественника» 1789-1790 гг., комментируя ситуацию в Англии, Карамзин пришел к выводу, что для каждого народа необходимо свое государственное устройство. Еще тогда он писал: «И так не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в другой земле. Недаром сказал Солон: "мое учреждение есть самое лучшее, но только для Афин. Впрочем всякое правление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно"»¹⁰³.

Н.М.Карамзин был приближен к новому императору и в 1803 г. получил специальный заказ от него по написанию истории России, за что был награжден пенсионом как государственный служащий. В конце 1809 г. во время пребывания Александра I в Москве состоялась кратковременная

беседа его с Карамзиным и здесь, на балу, произошла встреча историка с Екатериной Павловной. Великая княгиня осыпала Карамзина ласками и далее, как пишут в литературе, последовало неожиданное¹⁰⁴, в действительности вполне закономерное, приглашение в Тверь, где Екатерина Павловна основывает свой салон. Это приглашение было важным этапом на пути складывания консервативной «партии», ожесточившей свое наступление на М.Сперанского и сторонников реформирования России. Такая мощная идеологическая сила, четко заявившая о своих противоречиях со Сперанским¹⁰⁵, имевшая собственную программу укрепления и сохранения самодержавия в России, не могла не быть использована консервативной «партией», не имевшей в своих рядах деятелей столь крупного калибра, как Сперанский.

Попытка противопоставить Сперанскому фигуру, равную ему по своим данным, не была случайной, и предпринята была как раз тогда, когда Сперанский по поручению Александра I составил план государственных преобразований - «Введение к уложению государственных законов». Именно в октябре 1809 г. проект был готов и представлен императору¹⁰⁶. Учреждение Государственного Совета в 1810 г. свидетельствовало о начале реализации этого плана, и в рядах консервативной «партии» начинается самый настоящий переполох. Он хорошо передан в записках одного из крайне правых деятелей - Д.П.Рунича, писавшего: «Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебейам. Недовольство высшего сословия было всеобщее»¹⁰⁷.

Приглашение Карамзина в салон Екатерины Павловны, салон, который был чуть ли не важнейшим оплотом консервативных сил¹⁰⁸, было не случайным и имело далеко идущие последствия. Первый приезд Карамзина в Тверь произошел в феврале 1810 г. Тогда он пробыл в гостях у Екатерины Павловны шесть дней и по вечерам читал рукопись своей истории российского государства. Читал в присутствии не только Екатерины Павловны, но и Константина Павловича, а также других завсегдатаев салона. Уже несколько позднее, в письме к брату от 28 марта Карамзин подчеркивал: «Милость ко мне великой княгини, великого князя Константина Павловича и вдовствующей императрицы служит для меня не малым одобрением в моих трудах»¹⁰⁹.

В салоне Екатерины Павловны Карамзин вошел в контакт со всеми тремя руководителями русского консерватизма и этот контакт все более усиливался. Карамзин стал частым гостем салона Екатерины Павловны и только в 1811 г. он приезжал в Тверь в феврале-марте, мае, июне и ноябре месяца, приезжал и сам, и вместе с супругой. В марте 1811 г. он читал свою историю в присутствии самого императора Александра и, как несколько позднее Карамзин писал в обращении к императору, которое предваряет его «Историю государства российского», в то время он читал Александру I об ужасах нашествия, а также о подвигах Дмитрия Донского. «Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали

давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Дмитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие»¹¹⁰.

Однако Екатерина Павловна постаралась свести своего царствующего брата со знаменитым историком не только для ознакомления с далеким прошлым. У великой княгини были четкие политические цели, и они заключались в решительном изменении курса императора на проведение реформ, для чего был намечен удар прежде всего по Сперанскому. В салоне не скрывалось отрицательное отношение к этому сподвижнику императора. По свидетельству сотрудника канцелярии супруга Екатерины Павловны, герцога Ольденбургского - Ф.П.Лубяновского, - в салоне она произносила буквально нещадные речи против Сперанского, за которого он, Лубяновский, стал бояться, как и за самого себя¹¹¹.

Нет никакого сомнения в том, что Карамзин был нужен великой княгине как важный инструмент борьбы против Сперанского, которого она буквально ненавидела. Именно Екатерина Павловна, хорошо ознакомившись со взглядами Карамзина, поручила ему написание специальной записки¹¹², где были изложены не только исторические, но и политические взгляды, записки, предназначенной для самого императора. Некоторые исследователи считают, что такая записка была подготовлена уже во второй половине 1810 г.¹¹³, но более основательны мнения тех, кто относит ее завершение к началу 1811 г.¹¹⁴

В феврале 1811 г. Карамзин привез Записку в Тверь, пробыл там в течение двух недель и несколько дней читал свою записку великой княгине и ее супругу. Чтение записки было прерываемо множеством вопросов и по ее окончании записку она взяла себе¹¹⁵. Желаемый документ был получен и, несомненно, встретил полную поддержку самой Екатерины Павловны и ее супруга, во всем ей потакавшего. В письме к И.И.Дмитриеву от 19 февраля, где Карамзин описывает некоторые детали этой своей поездки в Тверь, он, среди прочего, посчитал необходимым подчеркнуть следующее: «Не отвечаю за будущее, но теперь милостивое ко мне расположение августейшей четы составляет одно из утешений моей жизни»¹¹⁶.

Нет сомнения в том, что Екатерина Павловна полностью разделяла идеи этой записки, но цель ее заключалась прежде всего в воздействии на самого императора. В марте 1811 г. Александр I посетил свою любимую сестру, и немедленно в Тверь был затребован и сам Карамзин. Чтение истории было лишь частью задуманного Екатериной Павловной плана. Главное заключалось в передаче специальной карамзинской записки. Состоялась она, видимо, сразу после чтения «Истории» и личных бесед Карамзина с императором. В письме от 20 марта об этом сообщает сам Карамзин, писавший о двухчасовой читке своей истории императору, «после чего я говорил с ним мало, но о чем же? О самодержавии! Я не имел счастья быть согласным с некоторыми его мыслями»¹¹⁷.

Весьма интересное свидетельство. Личный историограф императора не соглашается с самим императором и не в каком-либо мелком вопросе, а по фундаментальной проблеме государственного устройства страны, а именно по вопросу о самодержавии. То есть определенное несогла-

сие обозначилось уже после чтения ряда разделов «Истории» и после этого, когда имело место уже некоторое несовпадение взглядов, Екатерина Павловна передала заказанную ею записку тому же Александру I. О реакции императора на эту записку, которую он прочитал или пробежал глазами, достоверных источников практически нет. В одних исследованиях говорится, что после ознакомления с запиской император холодно простился с Карамзиным¹¹⁸. В других даже пишется, как император был «огорчен, раздражен, приведен в негодование, что и выразил на первый случай, вольно или невольно, своею холодностью»¹¹⁹. Речь, конечно, шла о тех местах записки, где говорилось о деятельности самого Александра. М.Погодин, передававший эти сведения, по рассказам графа Д.Н.Блудова, близкого к Карамзину, но в начале XIX века сторонника александровского либерализма, предполагает несколько иную реакцию царя в случае, если бы все это происходило не в присутствии любимой сестры, а с глазу на глаз¹²⁰. Но дело было не только и не столько в свидетелях. Александр прекрасно понимал настроения своей сестры и ее окружения и то место, которое уделялось Карамзину. Воззрения Карамзина шли вразрез с его тогдашними политическими приемами, не говоря уже о взглядах, хотя с действительными взглядами Александра I в 1811 г. разобраться не просто.

Но так или иначе, не было достигнуто никакого эффекта. План консерваторов тогда не сработал, но нет сомнения в его последующем успехе и в общих его помехах Сперанскому. Интересно, что когда Карамзин спросил у Екатерины Павловны о судьбе своей записки, то великая княгиня ответила: «Записка ваша теперь в хороших руках»¹²¹. О каких руках идет речь? Об императорских или о руках консервативной «партии»? Видимо, и о тех, и о других. Император, получив в свои руки записку Карамзина 18 марта 1811 г., не забыл о ней. Через несколько лет, в 1816 г. Александр I, по свидетельству Д.Н.Блудова, награждая Карамзина Аннинской лентой, подчеркнул, что делается это не столько за его «Историю», сколько за его «Записку о древней и новой России»¹²². А ведь прошло всего лишь пять лет.

«Записка о древней и новой России», впервые опубликованная полностью за границей, в Берлине в 1861 г. и в самой России только в 1870 г., многократно комментировалась¹²³ и переиздавалась. Будучи одним из краеугольных камней доктрины царского самодержавия нового времени, она представляет собой также самый выдающийся памятник зарождающегося русского политического консерватизма. Целые поколения русских консерваторов находили в ней свою опору и пищу для размышлений и последующего развития своих взглядов. Поначалу же хождение «Записки» было весьма ограниченным, и трудно сказать, какова степень знакомства с ней российского общества. С ней был знаком круг Екатерины Павловны, знала ее и та часть представителей консервативной «партии», которая была близка к этому кругу. Интересно и наличие «Записки» в личном архиве будущего императора Николая I. В его бумагах имеется копия сочинения Карамзина под названием «Сравнение царствований Петра I, Екатерины II и Александра», которая датируется почему-то началом 1826 г.¹²⁴

Когда «Записка» Карамзина попала к Николаю Павловичу, трудно сказать. Но он ее знал и использовал при формулировании своей известной теории «официальной народности», поскольку знаменитая уваровская триада основывается на доказательствах знаменитого историографа. Действительно, Карамзин выступает в своей «Записке» как убежденный, именно убежденный, а не конъюнктурный сторонник самодержавия. В ней с самодержавием связана все история России, и оно рассматривается Карамзиным как определяющая сила российского исторического процесса. Посему в «Записке» последовательно проводится мысль о незыблемости самодержавия. Ради этого он идет на критику царствования самого Александра, деятельности которого посвящена большая часть «Записки».

Переходя к анализу итогов десятилетнего правления здравствовавшего тогда царя Александра I, Карамзин, видимо, знал о неизбежности последующего знакомства с «Запиской» самого императора. И посему он счел нужным записать следующие слова: «Чего хочу? С добрым намерением испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет История».

Отдав должное способностям Александра, усмотрев два возможных пути его деятельности, один из которых заключался в продолжении системы Павла, а другой - в восстановлении разрушенной системы Екатерины, Карамзин начинает описание александровского правления с рассмотрения его внешней политики и - прежде всего - взаимоотношений с Францией после Французской революции, которую автор называет ужасной. В Наполеоне он усматривает сына этой ужасной революции, «сходного с нею в главных чертах лица».

Карамзин вполне определенно критикует внешнюю политику Александра, ставшего по его мнению орудием в руках Наполеона. Он против разрыва с Англией, против образования герцогства Варшавского и даже присоединения Финляндии к России. При этом он произносит следующие слова: «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостью, верим последнему». Столь же критичен Карамзин и при характеристике внутренней политики Александра¹²⁵, укоряя его в нежелании продолжить линию Екатерины, подтвержденную 34-летней практикой. Карамзину явно не нравятся новые государственные творения Александра, он видит их незрелость и жалеет, ссылаясь на «добрых россиян», о бывшем порядке вещей. Более того, автор «Записки» подчеркивает, что «одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу Империи и коих благотворность остается доселе сомнительною».

Не мог обойти Карамзин и такого важнейшего для страны вопроса, как вопрос о крепостном праве. Он ссылается на слухи о желании тогдашнего правительства дать господским людям свободу и приводит ряд собственных аргументов против этой предполагаемой акции. Он всячески стремится доказать, что это освобождение не принесет облегчения ни помещикам, ни крестьянам. Не кто иной, как Карамзин записал следую-

щие слова: «Мне кажется, что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, к которой надобно готовить человека исправлением нравственным». Карамзин не против освобождения в принципе, но это освобождение откладывается на далекое будущее. Его аргументация в защиту крепостного права имела место в начале XIX в., когда почти по всей Европе его уже давно не было. В России же продолжали торговать людьми. Таким образом, вся «Записка» пронизана обсуждением двух важнейших государственных вопросов: о крепостном праве и государственном устройстве страны. По обоим этим вопросам Карамзин занимает антилиберальную позицию, открыто критикуя действия самого императора. Чего только стоят следующие слова: «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того изобретение разных Министерств и учреждение Совета и проч.».

Но критика императора осуществляется явно справа, с консервативных позиций. Не случайно в литературе подчеркивалось, что в данном случае Карамзин был большим роялистом, чем сам король. Действительно, Карамзин всячески ставит самодержца выше закона. По его мнению, «в России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретает страхом последних. Не боятся государя - не боятся и закона».

Если несколькими словами выразить смысл карамзинской «Записки», то это будут «самодержавие, православие, отечество». Не случайно историк подчеркивает: «Самодержавие есть Палладиум России». Но защищая самодержавие, Карамзин всячески отстаивает и интересы дворянства, которое называется им «братством знаменитых слуг великокняжеских или царских». Карамзин - откровенный защитник дворянства, он же всячески отстаивает и интересы духовенства. Целостное представление о государственном устройстве России Карамзин рисует следующим образом: «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод, как хранилища законов, над всеми государь, единственный законодатель, единственный источник властей, - вот основание Российской монархии, которое может быть утверждено или ослаблено правилами царствующих»¹²⁶.

При всех своих экивоках, при всем желании представить себя истинным радетелем самодержавия, Карамзин явно противопоставил его конкретному самодержцу, и не стоит удивляться сухой и, может быть, резко отрицательной реакции Александра I на это в то время крупнейшее произведение консервативной мысли. При других императорах и других условиях такая «Записка» могла бы принести ее создателю большие неприятности. Но дело обошлось относительно благополучно. И в этом несомненная заслуга императорской консервативной «партии» и прежде всего Екатерины Павловны. Она, конечно, понимала, как был подставлен знаменитый историк, и все сделала, чтобы уладить его отношения с императором. Сил у нее для этого было достаточно. Не случайно после тильзитских унижений и подчинения российской правительственной линии французскому влиянию именно она называлась в качестве реального и даже первого претендента

на императорский престол России. Еще в сентябре 1807 г. шведский посол в Петербурге граф Стединг писал о большом недовольстве императором и всей мужской линией царствующего дома и, поскольку ни императрица-мать, ни императрица Елизавета «не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Екатерину»¹²⁷.

Слухи о вероятном возвышении Екатерины Павловны были в те годы довольно распространенными. О них писал и посол Франции в России маркиз А. Коленкур, хорошо информированный о ситуации в петербургских придворных кругах. В марте 1809 г. он сообщал о желании Екатерины Павловны обосноваться в Москве, куда якобы хотели направить губернатором ее супруга. Коленкур обратил внимание на активность Екатерины Павловны, на ее тесные связи с генералами и чиновниками и подчеркивал, что ее поведение «обнаруживает в ней одну из тех самых женщин, которые издаലെка готовят крупные события»¹²⁸.

Екатерина Павловна была сильной и влиятельной личностью, несмотря на свою молодость и недостаточный политический опыт. Слухи о ее царствующих амбициях были, конечно, сознательно преувеличены, поскольку имелись достаточно значительные внутренние и внешние силы, старавшиеся раздуть противоречия внутри императорской фамилии. Слишком сложное и тревожное время переживала тогда страна. Но не будет преувеличением сказать, что именно Екатерина Павловна может быть названа подлинным главой или во всяком случае одним из руководителей русской консервативной «партии». В лице Карамзина эта «партия» получила своего наиболее крупного идеолога. Это хорошо понимала Екатерина Павловна, и линия ее поведения после неудачной беседы Карамзина с императором заключалась прежде всего в сохранении самых теплых связей с обескураженным литератором и во всяческом улаживании его отношений с Александром I. Иначе серьезно пошатнулась бы ее политическая репутация и заметно ослабела бы вся консервативная «партия».

Существуют многочисленные свидетельства длительного периода близости великой княжны с Карамзиным, похоже, что в этот период происходит еще большее сближение, в чем был заинтересован и он сам. Хотя писатель владел тысячью крепостных, он, по его словам, испытывал заметные материальные трудности¹²⁹ и нуждался в сохранении государственной службы. Здесь его положение придворного историографа было сохранено. Екатерина Павловна всячески его поддерживала и морально. Уже 12 апреля 1811 г. она поспешила ему сообщить о результатах встречи с императором: «Государь наш возлюбленный совершенно здоров; услышав, что пишу вам, он поручил мне передать вам свой привет»¹³⁰. Привет был долгожданный, и он не мог не поддержать дух историка, продолжавшего писать свой фундаментальный труд. Сама Екатерина Павловна подчеркивала свое расположение к Карамзину, весьма тепло принимая его у себя в Твери, часто писала ему любезные письма и подбадривала его своими заверениями в дружбе. 25 мая 1811 г. она написала ему: «Мне хотелось еще раз извлечь пользу из вашего знакомства с нами; такие знакомые, как вы, не часто встречаются в свете»¹³¹.

Карамзин, в свою очередь, представлял интерес не только для Екатерины Павловны, но и для самого императора как человек, пользовавшийся огромным авторитетом в Москве, и подрыв отношений с ним мог бы весьма усилить антиалександровские настроения во второй столице. Причем в такой степени, что посетивший Петербург в 1807 г. французский дипломат Сент-Эньян писал о русской партии вельмож, выступавшей против каких-либо нововведений в управлении. Партия эта, по его словам, большею частью составила именно в Москве¹³². Сохранив некоторую настороженность по отношению к Карамзину, Александр I тоже не шел на открытый разрыв.

Карамзин же продолжал идеологически подпитывать Екатерину Павловну и примыкавший к ней круг консервативной «партии». В ноябре 1811 г. он передает Екатерине Павловне альбом, в который вписал избранные места из сочинений различных писателей, но подобранных соответствующим образом. Карамзин опять категорически выступает в пользу самодержавия и еще раз отклоняет какие-либо изменения «постановлений, освященных временем», если в этом нет нужды¹³³.

Политический консерватизм Карамзина накануне событий 1812 г. остался твердым и неизменным, и это при том, что в области словесности он считался новатором и объединял большое число сторонников обновления русского языка. Родоначальник журнала «Вестник Европы», (журнала, по мнению исследователей, откровенно бонапартистского¹³⁴), но уже не столь благоговевший перед Западом, как в свои юные годы, Карамзин последовательно отстаивает идеи реформы русского языка. Противник политического реформизма становится последовательным реформатором словесности. И здесь разразилась сильнейшая литературная борьба двух направлений в рамках одного политически консервативного лагеря.

Решительным противником Карамзина выступает другой видный консерватор - адмирал А.С.Шишков, тоже сторонник идеологии самодержавия и православия и противник отмены крепостного права. К новшествам литературно-языковым он отнесся крайне отрицательно и поспешил изложить свои антикарामзинские воззрения в 1803 г. в специальном трактате под названием «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка», к которому в следующем, 1804 г. добавил специальное «Прибавление». А уже через несколько лет, когда была составлена карамзинская «Записка», выходят его «Рассуждения о любви к Отечеству», имевшие довольно широкий резонанс.

А.С.Шишков, ставший членом Российской академии еще в 1796 г., возглавит ее в 1813 г., но еще до того, как он станет президентом академии, в 1807 г. он создает литературное общество под названием «Беседа любителей русского слова». Формально «Беседа» заявляет о себе с 1811 г., но фактически она берет свое начало именно в эпоху Тильзита¹³⁵, объединив не только противников Карамзина и сторонников старой русской словесности, но и людей, имевших весьма четкие политические воззрения. В «Беседу» входили не только такие эпигоны классицизма, как А.С. и Д.Х.Хвостовы, А.А.Шаховской, С.А.Ширинский-Шихматов. Сама «Бесе-

да» собиралась в доме у одного из крупнейших поэтов страны, Г.Р.Державина¹³⁶. В ее состав входил лучший баснописец страны И.А.Крылов, откровенный антизападник, хотя и не разделявший увлечения Шишкова архаизмами. Членом «Беседы» был видный поэт Н.И.Гнедич, близок к ней был поэт и видный литературовед А.Ф.Мерзляков.

Поэтому совершенно неправомерно считать, что «Беседа» объединяла только ретроградов и литературных ничтожеств. Давать такую односложную характеристику состава «Беседы» будет неправильным, и на это уже обращено внимание в современной литературе¹³⁷. Старославянские слова и обороты считались ими необходимым, неременным компонентом возвышенного стиля, и лучшим приемом для составления од, еще не вышедших из моды в начале XIX в.

Борьба между шишковистами и карамзинистами в области литературы была столкновением между традиционалистами и реформаторами языка, но в политической области это было противостояние в рамках одного консервативного лагеря. Ни по вопросу о крепостном праве, ни во взглядах на государственное устройство принципиальных противоречий между Карамзиным и Шишковым не было. Другое дело, что бывший бонапартист и издатель «Вестника Европы» не был безапелляционным антизападником, тогда как Шишкова уже зачислили в первые славянофилы. Однако ранние славянофилы образца 30-х годов были либералами, и между ними и консерватором Шишковым имелись существенные отличия.

Выступив со своим «Рассуждением», в котором некоторые исследователи безосновательно усмотрели полудонос¹³⁸, Шишков показал себя несомненно человеком искренним и проводящим не только свои идеи, но устоявшиеся взгляды достаточно влиятельной группы литераторов. Шишков был значительно дальше от императорской фамилии, нежели Карамзин. Сменивший в 1812 г. М.Сперанского на посту государственного секретаря и будучи чрезвычайно приближенным к императору, Шишков подчеркивал, что до этого он не знал «ни о каких придворных делах и таинствах». Он прямо писал о существовавшем до этого явном неблаговолении, и когда его пригласили к Александру I в 1812 г., вспомнил, что в секретариате императора он не был более десяти лет¹³⁹.

Предубеждение императора к Шишкову объяснялось неодобрением, которое испытывал последний к его тогдашним преобразованиям. Но для этого в те годы надо было обладать определенным мужеством и своим собственным взглядом на тогдашнюю действительность. Шишков был истинным охранителем, поклонником стародавних традиций, патриотом прошлого, своего, доморощенного уклада жизни. Настаивать в то время на этих взглядах было просто. Н.И.Греч, в будущем один из активных проводников доктрины официальной народности, убежденный сторонник Николая I, вспоминая первые годы правления Александра I, вынужден был подчеркнуть: «Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, в которой запеваю был император Александр Павлович»¹⁴⁰. В этой обстановке выступать с позиций консерватизма было не просто и нужно было обладать несомнен-

ным личным мужеством. Но при всем этом представителей именно этого направления было немало, и объяснялось такое значительное их число прежде всего опорой на многие десятки тысяч душевладельцев, категорически отстаивающих свои права на владение крепостными и огромными поместьями. Представители «Беседы», такие, например, как Г.Державин, интересовались не только литературными проблемами, но составляли тот круг консервативных идеологов, которых поддерживало множество крепостников различного рода. Один из членов «Беседы», писатель и переводчик И.С.Захаров, довольно часто публиковавшийся в различного рода журналах, известен даже не только похвальным словом Екатерине II, но и специальными трудами по сельскому хозяйству, написанными прежде всего с позиций интересов крупных собственников¹⁴¹.

Шишков изначально не был противником Александра I. Как и Карамзин, он приветствовал его восшествие на престол своими стихами и подчеркивал всеобщую радость по поводу смены Павла новым молодым императором. Но, как и ряд других сановников, хорошо помнивших Екатерину и способы ее правления, Шишков был разочарован именно отсутствием традиций екатерининского свойства. Он открыто горевал, убедившись не только в нарушении обещаний, но и в сохранении тех нововведений прусского образца, которые, к его неудовольствию, продолжали действовать. Как он писал, «Павлово царствование, хотя не с такою строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и нововведениями еще продолжилось»¹⁴².

Не был доволен Шишков и окружением Александра и, выражая им свое порицание, он в числе этих приближенных осуждает не только Строганова, Чарторыского, Новосильцева, но и другого адмирала - П.В.Чичагова, считая его ненавистником российского отечества¹⁴³. Об интимном кружке Александра Шишков составил следующую характеристику: «Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имели ни опытности, ни знаний, стали все прежние постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми, невежественными»¹⁴⁴. Старый адмирал, прошедший русско-шведскую войну 1788-1790 гг., прямо бросил обвинения молодому Чичагову в антипатриотизме и напрасных попытках России навязать чуждые ей представления. Именно этот инцидент стал причиной резкого осуждения со стороны императора по отношению к Шишкову. Александр не включил Шишкова в число членов Государственного совета и даже, якобы, произнес следующие слова: «Я лучше соглашусь не царствовать, чем сделать его членом Государственного совета»¹⁴⁵. Казалось бы, что карьера адмирала и филолога навсегда перечеркнута. Но настает 1812 г. и все меняется.

Однако салон Екатерины Павловой и близкий к нему Карамзин со своим московским окружением, двор Марии Федоровны в Павловске, где, по словам Елизаветы Алексеевны, группировались все недовольные¹⁴⁶, кружок Шишкова в Петербурге не ограничивали тогдашние консервативные силы. Они были значительно более многочисленными и разноплановыми. Известны консервативные взгляды Д.Рунича, А.Бекле-

шова, А.Куракина и других. Вместе с тем существовало несколько разновидностей дворянского консерватизма. Одна из них может быть названа течением аристократического конституционализма, отличавшимся по своим целям и от карамзинистов, и от шишковистов.

Видным представителем этого течения был посол России в Англии С.Р.Воронцов, которого Н.К.Шильдер причислял, хотя и безосновательно, к сторонникам политического застоя¹⁴⁷. С.Воронцов относился к числу наиболее образованных русских сановников, обладавших большим политическим опытом и хорошим знанием английской политической системы. Примечательно, что Воронцов считал наиболее подходящим для России то устройство, которое существовало от Петра I до Екатерины II и, таким образом, негативно оценивал преобразовательскую деятельность после 60-х годов XVIII в. Воронцов - последовательный апологет дворянства, полагавший, что ослабление его равнозначно подкапыванию под основание трона, и видевший в дворянстве ближайшего посредника между государем и народом¹⁴⁸.

С.Воронцов, как и его брат А.Р.Воронцов, были единодушными в необходимости обеспечения за аристократическим дворянством максимальной власти. В сильном дворянстве оба брата видели надежную защиту от возможных революционных движений. А.Воронцов в своей записке, представленной Александру I, выступает, по существу, с предложением ввести в стране аристократическую конституцию, предназначенную закрепить господство именно высших кругов¹⁴⁹. Аристократический конституционализм стал одной из разновидностей зарождавшегося дворянского политического консерватизма. В дальнейшем он получил развитие (например в конституции П.Шувалова).

По-видимому, до 1812г. Александр I был сторонником значительных преобразований и являлся чуть ли не самым радикальным либералом в стране. Но его либерализм - это либерализм правящего политика, хорошо осознававшего политические цели страны и ее возможности. В своей внутренней политике он довольно скоро стал отходить от исключительной опоры на молодых друзей и попытался постепенно устранить их от государственного руля, последовательно создавая им различного рода противовесы. Одним из таких противовесов стал А.А.Аракчеев, затребованный из «запасников» в 1803 г., роль которого с каждым годом становилась все более значительной. Будущий оплот самой решительной реакции был все-таки выдвинут самим Александром в пору его казалось бы безбрежного либерализма. Правда, поначалу он назначается всего лишь на прежнюю должность инспектора артиллерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона.

3. ЗАРУБЕЖНЫЙ И РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

При всем своеобразии русской истории ее трудно понять без учета тех процессов, которые имели место за пределами России и, в первую очередь, в тех странах, которые шли в авангарде мирового прогресса. На За-

паде в новое время чем дальше, тем больше господство земельной аристократии заменяется главенством городской элиты, и третье сословие становится влиятельнейшей силой. В странах этого региона идет процесс ликвидации крепостного права, а затем и феодализма в целом. Можно говорить о возникновении там гражданского общества, о защите интересов личности и т.д. Хотя и там эти процессы шли долго и трудно и встречали на своем пути многочисленные препятствия.

Иной процесс характерен для России. Крепостное право усиливается в России даже в XVIII в., феодализм расширяется и вширь и вглубь, сословная монархия сменяется абсолютной, отсутствие конституции, парламентов, легальных политических партий сохраняется вплоть до XX столетия. Но при всех отличиях исторического развития обращение только к процессам, имевшим место в самой России, не позволяет разобраться во всей широкой картине действительных реалий тогдашней поры. И русский консерватизм без сопоставления его с консервативными учениями и конкретной политической практикой за пределами страны будет непонятен и, соответственно, искажен.

Вообще во всемирно-историческом плане консервативные начала можно усмотреть на самых различных этапах развития человеческого общества. Можно заметить элементы консерватизма и у Платона и Аристотеля, и у других древних мыслителей, но под политическим консерватизмом мы все-таки имеем в виду явление новой истории¹⁵⁰, одно из ее порождений, ставшее реакцией на прогрессивные изменения той поры. Известный польский социолог Ежи Шацкий подчеркивал: «Консерватизм... был интеллектуальной формацией, далекой от какой бы то ни было доктринальной монолитности, и иным быть не мог, коль скоро своей главной миссией считал защиту конкретных обществ от вторжения универсалистских по своей природе образцов рационализма и революции»¹⁵¹.

Действительно, в литературе существует учение о пяти волнах консерватизма, первая из которых прослеживается в эпоху Контрреформации, а последняя датируется второй половиной 70-х годов XX столетия¹⁵². По-видимому, именно в XVII веке можно усмотреть возникновение политического консерватизма как сочетания идейного и организационного начал, направленных против Реформации и Английской революции 40-х годов. Именно Англия является лучшей исторической лабораторией для изучения различных политических партий - либеральных, радикальных, рабочих, социалистических и в том числе консервативных. Политический кризис в Англии 1673 г. стал как бы отправным моментом появления двух крупнейших политических партий туманного Альбиона. Именно в этом году обострилась вражда между так называемой «партией двора», отстаивавшей принцип божественного происхождения королевской власти, и, как тогда называли, «партией страны», ратовавшей за подчинение короля воле парламента и прежде всего - законам Англии. Именно от «партии двора» берет свое начало движение тори, будущих английских консерваторов, ратовавших тогда за сохранение королевских прерогатив. «Партия страны», партия укрепления прав пар-

ламенты вскоре стала называться вигами, а впоследствии либералами. Таким образом, английский политический либерализм и английский политический консерватизм могут считаться порождением второй половины XVII столетия.

Английские консерваторы XVII века выдвинули ряд своих идеологов, концепции которых получают впоследствии и своих последователей. Одним из виднейших консервативных мыслителей был Роберт Филмер, скончавшийся в 1653 г., то есть сразу после революции. По Филмеру, власть одних людей над другими вполне естественна и вытекает из обычаев человеческого рода. Он - адепт неограниченной королевской власти и в качестве одного из важнейших аргументов приводит доводы, уже встречавшиеся и до него и не раз приводившиеся после. Р.Филмер утверждал, что деспотическое правление одного лица - это тирания, но еще большей тиранией будет правление множества лиц, не связанных законами. С точки зрения Филмера, люди неравны от природы, и старшие должны управлять младшими, а королевская власть происходит от семейной¹⁵³.

После Реставрации Стюартов в 1660 г. идеи Филмера вновь получают распространение, но консервативная идеология ими не ограничилась. Появляются различные разновидности английского идейного консерватизма. Несомненным консерватором в политике был выдающийся философ Томас Гоббс, автор знаменитого «Левиафана» и проводник учения о монархическом абсолютизме, воспринятом в России, в частности, Ф.Прокоповичем в его «Правде воли монаршей». Гоббс - последовательный антиконституционалист, сторонник неограниченной власти и в этом он весьма приближался к Филмеру. Другая разновидность английского консерватизма была представлена Джорджем Галифаксом, довольно видным политическим практиком, не примыкавшим ни к тори, ни к вигам. Он находился во главе так называемых флюгеров, или, иными словами, оппортунистов, занимавших промежуточное положение между двумя формировавшимися английскими политическими партиями.

Галифакс в своем наиболее интересном политическом сочинении «Характеристика оппортуниста» выступает и против чистой монархии, и против чистой республики. Занимая промежуточное положение между консерваторами и либералами, Галифакс все-таки был ближе к первым, считая английское политическое устройство, как и английскую церковь и английскую погоду, лучшими в мире¹⁵⁴. Галифакс несомненный традиционалист, охранитель, и подобная разновидность английского консерватизма была довольно распространенной и, самое главное, весьма живучей.

В XVIII в. английские учения политического устройства начинают оказывать заметное влияние на континенте. Появляются, например, французские англomаны, одним из которых был Вольтер, автор «английских писем», но вплоть до самого конца века английская консервативная мысль приносит мало новых идей. Англия становится классической страной буржуазных вольностей, в которой все большее развитие получает либерализм с его требованием свободы торговли, упрочивается независимость парламента и правительства от короля, вместе с тем пред-

ставители третьего сословия стремительно превращаются в джентельменов. Из видных юристов консервативного направления в середине века выделяется уже упоминавшийся Вильям Блэкстон, откровенный традиционалист, усматривавший в политическом наследии предков лишь мудрость и справедливость. Блэкстон исходит из положения о необходимости абсолютной, неконтролируемой власти и даже сочувствует абсолютистским устремлениям Георга III. По Блэкстону, Англия имеет самую совершенную политическую систему, не нуждающуюся ни в развитии, ни в усовершенствовании¹⁵⁵.

Блэкстон - активный политический охранитель, поэтому не случайно сторонники реформирования страны и ее законов видели в его лице своего убежденного противника. Однако не Блэкстон стал в XVIII в. наиболее крупным представителем английского консерватизма. Им стал Эдмунд Бёрк, выход книги которого может рассматриваться как одно из наиболее важных проявлений второй консервативной волны. Примечательно, что Бёрк не был членом партии тори, более того, он являлся одним из видных вигистских политиков и публицистов и даже с пониманием относился к освободительному движению в северо-американских колониях Англии. Он активный противник «партии двора», все более упрочивавший свои позиции в рядах пролиберальной партии.

Переворот в его политических симпатиях произошел под прямым воздействием Французской революции, имевшей положительный отзвук в Англии, особенно среди английских радикалов, начавших приобретать вес в то время. Его книга о Французской революции, вышедшая в 1790 г. и написанная в форме писем, была не только реакцией на революцию как таковую, но явилась одним из важнейших памятников мирового консерватизма. Бёрк настоятельно и убедительно обосновывает доминантный характер традиции¹⁵⁶ и даже ставит ее не только над индивидуумом, но и над разумом.

Бёрк отнюдь не против любых реформ, но его реформы не должны идти против традиции, и особенно ему по душе именно такие реформы, которые направлены на укрепление или возвращение традиции, то есть своего рода контрреформы. Он усматривает идеальный вариант реформы в Славной революции 1688 г., противопоставляет ее Французской революции в самой категорической форме и не хочет видеть каких-либо связей между этими революциями. Но как опытный и умный политик Бёрк допускает и такие реформы, которые способны предотвратить революции, признавая их вынужденность и неизбежность. Бёрк широко применяет слово «свобода», но его свобода не подразумевала равенства, более того, своеобразное понимание свободы, по существу, утверждало неравенство. Он категорический противник суверенитета народа и относит его к разряду спекуляций. Он ратует за господство аристократии и в политике, и в экономике.

Бёрк подвергает особенно яростной критике Декларацию прав человека и гражданина, усматривая в ней мину, подложенную под любое правительство, и отрицая абсолютную свободу и равенство как категориче-

ски неосуществимые. Одной из основ общества, можно сказать важнейшей, Бёрк считает религию, которая дополняется разумными законами. Но законы у него есть прямое порождение национального духа, то есть тех же близких его сердцу традиций¹⁵⁷.

Своей книгой Э.Бёрк не только упредил реакцию французских контрреволюционных кругов, не успевших к 1790 г. дать ничего равноценного, но и на долгие годы вооружил своими аргументами всех противников Французской революции. Книга Бёрка свидетельствовала о наличии в рядах вигов значительной консервативной прослойки, приведшей к расколу этой партии, да и вообще о сближении во взглядах двух традиционных и влиятельных английских партий. Дальнейшее литературное творчество Бёрка отмечено еще большей печатью поправения. Но в эти годы к нему присоединились уже довольно значительные консервативные силы, поставившие свои перья на службу реакции самых значительных стран Европы.

Прежде всего формируется мощная французская консервативная оппозиция революции. Так получилось, что она смогла заявить о себе прежде всего в эмиграции, численность которой составляла примерно 100-150 тыс. человек и отличалась особенно непримиримым и агрессивным характером¹⁵⁸. Множество консервативных и даже реакционных писателей и публицистов, выдвинутых в это время белой эмиграцией, еще недавно исповедовали дух Французского Просвещения, почитали Вольтера, энциклопедистов, увлекались Ж.-Ж.Руссо и относились к лагерю либералов. Революция основательно отрезвила и до предела ожесточила этих людей, буквально выплескивавших на бумагу чувство своего бессилия и злости. На стыке веков пальма первенства в разработке консервативных взглядов решительно переходит к французским сочинителям, к тем слоям французского общества и государства, которые, проиграв на поле боя и в политике, пытались взять реванш в литературе. В формировании второй консервативной волны, особенно в ее идеологическом обосновании, французская эмиграция начинает играть все большую роль, получая сторонников в различных европейских странах, особенно тех, кто чувствовал непосредственную опасность распространения революционного пожара на свои земли.

Именно с конца XVIII в. начинает входить в употребление термин «консерватизм», под которым понимается консерватизм политический, означавший в тех условиях стремление сохранить господство того социального слоя, который представлял собой землевладельческое дворянство, сплотившееся вокруг монархии с ее сословным строем. Смыкание крупных землевладельцев и крупной буржуазии произойдет позднее, хотя определенные противоречия, особенно в России, будут сохраняться и полностью не исчезнут и в начале XX в.

Французская эмиграция выдвинула великое множество этих бойцов идеологического фронта. Многие из них умели писать и писали даже хорошо. Чувствовалась школа Французского Просвещения, в атаку на которое они устремились с явным остервенением. Но говорить о полном еди-

нодушии в стане консерваторов, однако, не приходится. Явно чувствовались отличия и в оценке прошлого, и в методах борьбы против революции, и в общей стратегии, хотя общая цель была несомненной - разгромить революцию и вернуть господство короля и дворянства.

Одним из видных идеологов умеренно консервативных кругов стал выходец из французской Швейцарии Малле дю Пан, переселившийся затем во Францию и ставший довольно видным парижским публицистом. В момент падения Бастилии ему уже было ровно 40 лет и он относился к числу довольно зрелых политиков, примыкая к умеренным конституционалистам. Были известны его связи с королем, от которого он в 1792 г. получил даже особое поручение выехать во Франкфурт для связей с эмиграцией и иностранными державами. Падение монархии сделало его самого эмигрантом. Он обосновывается сначала в Берне, а затем в Англии и развертывает активную публицистическую деятельность. Через три года после выхода известной работы Бёрка он издает свои размышления о Французской революции, свой вариант ее оценки и анализ возможностей предотвращения революции как таковой.

Малле дю Пан хорошо осознает неодолимость, неизбежность революции. Но ее объективность не сдерживает его. Он считает необходимым разгромить революцию и видит такую возможность в единстве и сплоченности внутренних и внешних контрреволюционных сил. Идеологическое обоснование интервенции - одна из главнейших основ идеологической доктрины Малле дю Пана. Он вынашивает планы объединения государств и народов вокруг контрреволюционного Комитета общественного спасения с тем, чтобы привлечь на его сторону общественное мнение всей Европы, в том числе и Франции. Скончался, как о нем писали, консерватор среди либералов и либерал среди консерваторов в 1800 г., поэтому он не дождался торжества антинаполеоновских сил, идеологическую подпитку которым он готовил еще в 90-х годах и оказал заметное воздействие на становление французского консерватизма на стыке двух веков¹⁵⁹.

Всего лишь четырьмя годами моложе Малле дю Пана был другой теоретик французского консерватизма - Ривароль, скончавшийся в 1801 г. И он не дождался Реставрации, хотя всячески ее подготавливал. Блестящий собеседник, мастер каламбуров эпохи старого режима, руссоист и вольтерьянец Ривароль также категорически выступает против революции. Этот безбожник становится защитником церкви и монархии, что, однако, не мешало ему сурово осуждать Людовика XVI. Ривароль критикует важнейшие документы революции, отрицает возможность народного суверенитета и равенства. Он отдает предпочтение агрикультуре, активно проводит тему дерева, широко использовавшуюся традиционалистской литературой. Одним из его любимых выражений было следующее: «Не нужно хотеть быть более ученым, чем природа»¹⁶⁰. Он, таким образом, стал категорически выступать против вмешательства в природу вещей, против подрыва древесных корней, способного лишить его плодов.

Особенность французского консерватизма той поры заключалась в его чрезвычайном разнообразии. Разрабатывались самые различные сто-

роны традиционалистской теории и практики, в полемику, а то и прямую борьбу вступали все новые и новые консервативные силы. Один из главнейших теоретиков французского консерватизма - Луи-Габриель-Амбруаз Бональд вступил в армию Конде и с оружием в руках сражался против революционной Франции. В своих сочинениях он опровергает революционную доктрину, борется с Ж.-Ж. Руссо и выступает против всевозможных общественных нововведений. Он утверждает, что человеческое общество создано богом и попытки какого-либо его усовершенствования обречены на провал, поскольку противоречат установкам Творца. Бональд отстаивает интересы бога и монарха, дворянства и церкви, он ярый защитник прав собственности и последовательный апологет принципа легитимизма.

Бональд сотрудничал в журнале «Консерватор», основанном другим столпом французского консерватизма - Ф.Р.Шатобрианом. Сам Шатобриан - певец утраченного прошлого - призывал уйти в себя и, вместе с тем, повернуться от идей Просвещения и революции к католицизму, именно к католицизму, а не к христианству в целом. Его книга 1802 г. - «Гений христианства» - имела большой резонанс в политических кругах Европы. Он выступает против буржуазного начала, против предпринимательского индивидуализма, отстаивая индивидуализм созерцательный, сугубо житейский. Близок к Шатобриану по своим взглядам еще один крупнейший апологет консерватизма - Жозеф Мари де Местр, утверждавший, что не человекья, а божья воля создает государей, и всячески восхвалявший власть папы - наместника Бога на Земле - власть, в которой он усматривал и законную узду для сдерживания деспотизма государей¹⁶¹.

О заговоре против христианства - заговоре, организованном некой разрушительной сектой, - заговорил еще один видный консерватор, аббат Баррюэль, издавший книгу по истории якобинизма, ставшую важным источником для идеологов реакции¹⁶².

Примечательно, что к этой секте Баррюэль относил не только Вольтера, Даламбера, Дидро, но и прусского короля Фридриха II. Баррюэль категорически выступает против теории разделения властей Монтескье и считает необходимым сконцентрировать их в руках одного лица - монарха. Он - также как и Малле дю Пан - призывает государей и министров объединиться против упомянутой враждебной секты, то есть против революции. Книга аббата Баррюэля стала одним из важных подспорьев для поднимающейся европейской реакции, четко проявившейся в различных странах.

К таким странам относились Германия, прежде всего Пруссия, а также Австрия, внесшие свой идейный вклад в копилку мирового консерватизма. К началу XIX в. в австро-германском мире имелись уже давние и основательные консервативные традиции. Достаточно отметить труды уже упоминавшегося С.Пуффендорфа, приверженца идеи абсолютного суверенитета, то есть абсолютного единства государственной власти и полной его независимости, которые он выводил из самой природы государства¹⁶³. В начале XIX столетия в число видных консервативных авторов выдвиг-

нулся Фридрих Генц, сначала находившийся на прусской государственной службе, а затем ставший ближайшим сотрудником К.Меттерниха. Генц, поначалу поддерживавший Французскую революцию и даже преклонявшийся перед ней, проделал стремительную эволюцию, характерную для представителей значительной части тогдашних дворянских кругов. В 1801 г. он издает книгу о политическом положении Европы до и после этой революции, где активно выступает против наполеоновской Франции. Вообще Генца отличала некоторая непоследовательность. Он то выступает за свободу печати и уступки «духу времени», то делает уклон в сторону крайней реакции. Не случайно увлечение Генца сочинениями Малле дю Пана и даже их сотрудничество. Генц переводит сочинения французского публициста на немецкий язык, а Малле дю Пан помещает в своем издании «Британский Меркурий» одну из статей Генца¹⁶⁴.

Буржуазные преобразования, проведенные в Пруссии после 1807 года под руководством Г.Ф.К.Штейна и К.А.Гарденберга, вызвали реакцию среди их противников. В прусских верхах обозначилось столкновение либерально-консервативной и ультраконсервативной тенденций. Первую из них представляли сами реформаторы и их сторонники, а вторую возглавил Ф.А.Марвиц - апологет прусского дворянства, категорически выступавший против сотрудничества с буржуазией.

Сам виднейший реформатор, Штейн рассматривается исследователями как промежуточное звено между либералами и консерваторами. Подчеркивается его преклонение перед Бёрком¹⁶⁵. Несколько позднее, после разгрома Наполеона он станет противником конституционализма, в частности конституционализма Александра I, с которым был лично в хороших отношениях. В Германии имелись свои традиционалисты, свои консервативные ревнители старины¹⁶⁶, составлявшие массовую базу политического охранительства.

Крупнейшим представителем не только австрийского, но и общеевропейского консерватизма в XIX в. был Клемент-Венцель Меттерних, получивший германское образование, бывший студент Страсбургского университета, имевший возможность наблюдать события Французской революции, к которой он с самого начала испытывал крайнюю враждебность. Меттерних - последовательный сторонник феодального порядка, покоя и стабильности. Он категорический противник конституционализма и парламентаризма, и даже преобразования Штейна рассматривались им крайне отрицательно. Он - последовательный противник не только революционности, но и либерализма, чуть ли не ставящий знак равенства между ними. Впоследствии он становится одним из важнейших проводников политики легитимизма, одним из организаторов всевропейского застоя, всячески препятствовавшим каким-либо нововведениям в государственном устройстве. Меттерних - один из самых талантливых консерваторов-практиков, подводивший под свои повседневные действия соответствующие теоретические обоснования¹⁶⁷.

Особый разговор - об американском консерватизме того времени. Америка была республикой, республикой победившей буржуазии, со-

здавшей свою стабильную конституцию. Но не только географическое, а, соответственно, и социальное разделение страны на Север и Юг создавало внутри политической элиты различные группы и течения. Уже во время разработки Конституции 1787 г. выявились различные подходы к государственному устройству страны, и хорошо заметны консервативные устремления, причем разной окраски. Известно, что в Америке были силы, настаивавшие на том, чтобы Джорж Вашингтон стал монархом, от чего первый американский президент категорически отказался. Ряд политических деятелей настоял и на сильной президентской власти, вплоть до предоставления президенту абсолютного вето на законопроекты¹⁶⁸. Среди видных консервативных деятелей той поры прежде всего выделяется Александр Гамильтон - представитель партии федералистов, отстаивавший максимальное усиление центральной власти за счет ослабления полномочий отдельных штатов¹⁶⁹. А.Гамильтон, бывший адъютант Вашингтона, представлявший в федеральном Конвенте штат Нью-Йорк, - ярко выраженный представитель американской аристократии, убежденный сторонник традиционализма. К различным слоям американского консерватизма могут быть отнесены Д.Адамс, Д.Мэдисон, Д.Кэлхун и другие. При всей многоцветной палитре американского консерватизма начала XIX в. в идейной жизни страны той поры заметна печать некоей стабильности, которая основывалась на господстве в ней религиозных установок, имевших чрезвычайно сильное влияние не только на американскую философию, но даже на естественные науки¹⁷⁰.

Отдаленность Америки отнюдь не означала полного отсутствия какого-либо интереса к ней со стороны русского общества. Он заметно возрастает со времени основания в 1799 г. Российско-американской компании, члены которой проявляли большое внимание к событиям в Америке, ее устройству и идейной жизни¹⁷¹. Но влияние различных западноевропейских консервативных учений было значительно большим. Приобретало оно довольно многообразные формы. Как отмечено в литературе, истоки «Правды воли монаршей» Ф.Прокоповича можно обнаружить в произведениях крайне правых теоретиков монархизма - Т.Гоббса, Г.Гроция, С.Пуффендорфа¹⁷². Во всяком случае, уже в XVIII в. можно проследить знакомство русской элиты с западными учениями - политическими и правовыми, из которых наибольшее одобрение встречали именно охранительно-традиционалистские установки. Происходило это знакомство в значительной степени во время зарубежных поездок русских людей, география этих поездок значительно расширилась в то время.

Другой очень важной формой знакомства с западными консервативными трудами был их перевод и издание на русском языке в самой России. Не кто иной, как представитель либерального направления С.Е.Десницкий переводит с английского языка и издает в России в 1780-1782 гг., причем по «высочайшему повелению», «Истолкование Английских законов» В.Блэкстона. Десницкий таким образом популяризирует Блэкстона, хотя сам при этом является сторонником А.Смита и противником Пуффендорфа.

Уже в годы правления Александра I издается в двенадцати выпусках упомянутое сочинение аббата Баррюэля против якобинцев¹⁷³, и это несмотря на то, что в известном письме к Лагарпу от 27 сентября 1797 г. наследник престола писал о намерении его и его кружка «поручить перевести на русский язык столько полезных книг, как это только окажется возможным... положим начало распространения знания и просвещения умов»¹⁷⁴.

Важным средством распространения в России западных консервативных идей стало пребывание в ней ряда представителей западноевропейского консерватизма. Россия стала одним из регионов расселения французских эмигрантов, часть из которых поступила на военную или гражданскую службу. Одним из крупнейших представителей западноевропейского консерватизма, проживавшим в России в начале XIX века, был Жозеф де Местр, прибывший в Петербург в начале 1803 г. и занявший очень своеобразное место титулярного посланника при императорском дворе. Представлял он лишенного владений Сардинского короля. В России де Местр пробыл до 1817 г., написав здесь свои главные литературные произведения. К моменту прибытия в российскую столицу он уже был известен своей работой о Французской революции, где давал ей свою интерпретацию, называя ее «сатанической», хотя и понимая ее объективный характер, характер некоей искупительной жертвы. По Жозефу де Местру, революция - это божья кара за нарушение мирового порядка.

Находясь в России, Жозеф де Местр не только развивал свою общую консервативную доктрину, не только проповедовал идеи объединения всех христианских монархий в некое всемирное братство и даже всемирную республику под верховенством и руководством высшей церковной власти, то есть папы, но и непосредственно занимался внутрироссийскими проблемами. В 1810-1811 гг. он подает тогдашнему министру народного просвещения А.К.Разумовскому ряд записок, где излагает свои взгляды на внутрироссийское устройство и на задачи в области просвещения страны. Весьма образованный, дипломат с большим жизненным и политическим опытом, Жозеф де Местр самым решительным образом поддерживает крепостнические порядки страны. Он вполне определенно подчеркивает, что император не может царствовать без рабства, и действительной опорой царя должно быть дворянство, которому можно сделать ряд упреков, но которое нечем заменить. Жозеф де Местр предрекал всеобщий пожар в России, если 36 млн. крепостных, или, как он их называл, рабов, получат свободу. Более того, он выступает даже против добровольного освобождения крестьян помещиками, всячески опасаясь разорения последних.

Эти слова западного дипломата были бальзамом на душу закоренелым крепостникам, тем более что Жозеф де Местр был к тому же и откровенным противником Сперанского, подозревая в нем члена особой секты, ставящей своей целью низвержение тронов. Жозеф де Местр видит опасность для страны и в еврействе, большая часть которого сосредоточилась в России и имеет в числе своих покровителей не кого иного,

как самого Наполеона. Обрушивается он также на науку и литературу, которые считает просто вредными и рекомендует не преподавать в школах такие предметы как история, география и даже коммерция. Сардинский дипломат ратует за то, чтобы учителями русских были только русские и советует ни в коем случае не допускать к воспитанию детей иностранцев, особенно немцев и вообще протестантов. Но одновременно он ратует за покровительство католической церкви и всяческое сближение русского православия с католицизмом.

Советы Жозефа де Местра, его внимание к внутренним делам в России, политическим, общественным, экономическим, его советы в духе махровой реакции¹⁷⁵ были сделаны отнюдь не с позиции врага России. Нет, поверженный осколок феодального охранительства видел в России, как и в Англии, последний мощный оплот, способный противостоять революции и он, несомненно, искренне выдавал свои рекомендации, считая их благотворными для страны его тогдашнего пребывания. Для русских консерваторов это была серьезная подпитка со стороны одного из иностранцев, в котором русская знать издавна была неравнодушна и даже испытывала внутреннее благоговение.

Жозеф де Местр, называвший самым великим бедствием дух обновления, пришелся явно ко двору русским консерваторам. Он имел довольно обширные среди них знакомства и был, например, представлен одному из их лидеров - А.С.Шишкову¹⁷⁶. Вообще, в литературе давно замечено, что де Местр был знаком с лидерами обеих основных групп русского консервативного дворянства - Шишковым и Карамзиным. Он присутствовал при известном выступлении Шишкова с речью «Рассуждения о любви к Отечеству»¹⁷⁷, специально изучал «Письма русского путешественника» Карамзина, что нашло отражение в его сочинениях¹⁷⁸. В России он имел довольно широкий круг знакомых, поддерживая особенно близкие отношения именно с консервативными представителями русского общества. Известны его тесные связи с обергофмаршалом Н.А.Толстым, стоявшим в явной оппозиции к «молодым друзьям» императора и, вместе с тем, близким к самому Александру I. Сблизился он и с его братом П.А.Толстым. Исследователи подчеркивали, что «Местра сблизили с обоими братьями их строго консервативные взгляды, вражда к преобразованиям и антинаполеоновская позиция»¹⁷⁹. Салон Толстых даже называют реакционным, также как и салон Вяземской, к которому де Местр был тоже весьма близок. Она была тещей неаполитанского посла, герцога Серра-Каприола, женатого на княжне Вяземской. Сам Серра-Каприола поддерживал тесные дружеские отношения со всеми антифранцузскими дворами и был активным проводником консервативных настроений в русской столице¹⁸⁰.

Примечательно, что когда в аристократической среде созрел заговор против М.Сперанского, де Местр принял в нем самое непосредственное участие, сотрудничая в этом отношении с Серра-Каприолой и Н.А.Толстым, связанным с одним из важнейших заговорщиков - графом Г.Армфельдом. Более того, известны встречи де Местра с Александром I нака-

нуне опалы выдающегося реформатора. Круг знакомых де Местра был чрезвычайно широк, и среди них мы видим и будущего декабриста М.Ф.Орлова, и Р.С.Стурдза, и адмирала П.В.Чичагова. Де Местр помогал также землякам-пьемонтцам, поступившим на русскую службу¹⁸¹.

Известно также значительное влияние на русские общественные круги и такого крупного французского консервативного мыслителя, как Ф.Р. де Шатобриан, несомненно выдающегося литератора, оказавшего своими романтическими произведениями определенное воздействие на русских писателей и поэтов, например на такого крупного поэта, как К.Н.Батюшков¹⁸².

Еще одной, весьма важной формой взаимодействия зарубежного и русского консерватизма был, как отмечалось, переход на русскую службу ряда видных консервативных деятелей из различных стран Западной и Центральной Европы. В то время на русскую службу переходили не только французские белые эмигранты, хотя их судьба складывалась по-разному и не все из них проходили именно по консервативному лагерю. Да и не у всех из них пребывание в России протекало достаточно благополучно. Будущего короля Людовика XVIII дважды выслали из России, первый раз при Павле I, второй при Александре I, вскоре после Тильзита.

В 1805 г. поступил на русскую дипломатическую службу земляк Наполеона, корсиканец К.О.Поццо ди Борго, после реставрации ставший послом России во Франции. Как роялист он эмигрировал из Франции в 1796 г. В течение сорока лет министром иностранных дел России был Карл Нессельроде, отец которого поступил на русскую службу и был посланником России в Лиссабоне. Однако сам Карл учился в берлинской гимназии и был протестантом как по линии отца, так и по линии матери - еврейки-протестантки. Нессельроде был близок к Генцу и находился под сильным влиянием Меттерниха. Он становится представителем консерватизма, одной из серьезнейших опор государства, хотя известно и его довольно благожелательное отношение к М.Сперанскому, во всяком случае до его отставки¹⁸³.

Вообще на русскую дипломатическую службу было взято при Александре I много иностранцев, хотя не все они были поклонниками консервативных взглядов. И.Каподистрия - один из новых русских дипломатов, тоже иностранец, но грек, был известным антагонистом Нессельроде и относился к числу видных представителей либерального направления.

В чем причина такого массового приглашения иностранцев на государственную службу, и не только на дипломатическую, в литературе убедительного ответа не дано. Действительно, Н.Греч, сам немец по происхождению, подчеркивал, что Александр I пригласил к себе немцев Пфуля, Клаузевица, Мюффинга, Вольцогена, Штейна. Он же сообщал о заметке в одном из английских журналов начала 1812 г. о якобы имевшемся желании пригласить на русскую службу, и не иначе как первым министром, маркиза Веллслея, брата Веллингтона, причем здесь приводилась причина - «за неимением в ней способных и достойных людей»¹⁸⁴.

Думается, что Александр I хорошо осознавал неминуемость сильнейшей схватки с наполеоновской Францией и, действительно, старался приглашать людей способных и опытных. Его скрытность и даже двуличность не позволяют понять истинное отношение императора к русским людям, поскольку сам он по крови русским человеком считаться не мог. Сохранилось любопытное письмо академика Е.И.Паррота, видного российского физика, брату Александра I, будущему императору Николаю I¹⁸⁵, письмо от 1 июня 1848 г., написанное на французском языке, но выражавшее благодарность от лица 3 млн. немцев-евангелистов. Обращаясь к российскому императору, Паррот записал следующие слова: «Вы являетесь немцем, не только по крови ваших знаменитых предков, но также по тем дарованиям, которыми наградила Вас природа и по принципам, что Вы исповедовали во время десяти первых лет Вашего царствования»¹⁸⁶.

И далее, продолжая письмо, академик физики позволяет себе еще более удивительные, можно сказать обвинительные слова. Паррот пишет: «Почему Вы отрекаетесь от этого благородного происхождения, от Вашей германской природы? Неужели Вы думаете, что славянская природа приведет более верно Вашу империю к добру? Где Вы думаете найти возможность для соединения этих двух природ в Вас самих? Это невозможно, особенно сегодня»¹⁸⁷.

Е.И.Паррот был одно время близок к Александру I и о его германской природе мог ему сказать не менее свободно, чем Николаю I, но тогда была другая эпоха. Александр I действительно всячески привлекал на службу иностранцев и причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что он хотел объединить в борьбе против Наполеона различные европейские страны, а то, что выходцы из них находились на русской службе, должно было возвысить русского императора перед европейскими народами и их правительствами. Александр как бы объединял разнонациональные силы и тем самым становился над национальным началом, олицетворяя нечто возвышенное, что противопоставлялось сугубо земным, но разрушительным устремлениям Наполеона.

Среди приглашенных Александром I иностранцев был ряд действительно способных, даже талантливых людей. В их числе можно выделить нескольких убежденных консерваторов. К такого рода консерваторам, так называемым консерваторам с прогрессом, относился М.А.Балугьянский, уроженец Закарпатской Руси, происходивший из семьи мадьярских славян. Из закарпатцев был в то время приглашен и В.Г.Кукольник, отец известного писателя, преподаватель естественных дисциплин; И.С.Орлай, ставший директором Ришельевского лицея в Одессе, юрист - профессор П.Д.Лодий и др. Все они, как и Балугьянский, прибыли в Россию в начале XIX в. при Александре I, но Балугьянский занял особенно заметное положение в России. Он известен как сотрудник М.Сперанского и даже, как отмечено в литературе, имел репутацию либерала¹⁸⁸.

Однако биографы, хорошо знавшие его истинные воззрения, подчеркивали именно консерватизм Балугьянского. Один из этих биографов писал: «Балугьянский, воспитанный в духе строгого классического консер-

ватизма, с самой ранней юности был врагом всяких несбыточных, идеально либеральных теорий, которые развивались тогда восторженными идеологами и писателями XVIII века»¹⁸⁹. Наделенный феноменальной памятью, полиглот, бывший профессор и заведующий кафедрой Пештского университета, Балугьянский в феврале 1804 г. прибывает в Петербург и сближается с триумvirатом интимных друзей императора - А.Чарторьским, П.Строгановым, Н.Новосильцевым. Особенно он был близок к Новосильцеву, в то время попечителю Петербургского учебного округа. В России Балугьянский занимает выдающееся положение, становится ректором Петербургского университета, начальником II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, на которую возлагались дела по кодификации законов.

Чрезвычайно важное значение имело то, что Балугьянский становится преподавателем у великих князей Николая и Михаила Павловичей. С 1813 по 1817 г. он обучал их политическим и экономическим наукам, что делалось в присутствии вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Это привело к тому, что Балугьянский сближается как с императрицей-матерью, так и с будущим императором Николаем I - учеником зарубежного профессора, который ему внушал отнюдь не либеральные взгляды. Биографы Балугьянского, изучившие его систему взглядов, подчеркивали, что, находясь в России, он внимательно следил за идеями и политической жизнью своего времени и «оставался приверженцем строгого консерватизма». Он, как они особо отмечали, «враждебно относился к общественной самостоятельности и к освободительным идеалам, придавая важное значение в государственном строе религии, и полагал идеалом такой государственный организм, в коем церковь и светская власть были бы связаны неразрывно»¹⁹⁰.

Приглашение Балугьянского в Россию несомненно было приобретением для руководства страны. Нередко прибегал к его советам Александр I, еще больше пользовался его знаниями и опытом Николай I. Балугьянский был одним из наиболее сильных государственных умов страны, и Меттерних, как отмечается в литературе, открыто высказывал свое сожаление о потере Австрией этого ученого и государственного деятеля¹⁹¹.

Балугьянский был искренним и убежденным консервативным деятелем - охранителем и традиционалистом, который в случае необходимости выступал и действительно реально готовил определенные преобразования тех или иных сторон государственной системы, но считал неизменяемыми ее основы. Его склонность к преобразованиям встречала противодействие закоренелых консервативных кругов, особенно открытых и ретивых реакционеров, о чем еще будет особый разговор.

Зарубежные консерваторы искренне стремились помочь России, видя в ее укреплении залог победы над наполеоновской Францией и важнейшую силу, способную освободить от нее их собственные страны. Были среди эмигрантов и такие фигуры, как Г.Ф.Штейн, крупный государственный деятель, представитель течения либерал-консерватизма, вынужденный в мае 1812 г. выехать в Россию, где его очень хорошо принял

Александр I. Но имелись среди них и почти забытые сегодня «пчелки консерватизма», такие как Г.Т.Фабер, по-своему ведший борьбу с Наполеоном. Еще в 1808 г. он издает книгу о французской армии конца XVIII - начала XIX в.¹⁹², а затем двумя изданиями выходит его книга о современной Франции¹⁹³. С 1813 г. Г.Фабер становится одним из издателей «Беспристрастного Консерватора» - русского офицера на французском языке, само название которого свидетельствовало о самом позитивном отношении к консерватизму, который, впрочем, в то время воспринимался иначе, чем сегодня.

При этом следует учитывать и общий консервативный фон, складывающийся в Европе в начале XIX в. Способствовали ему и определенные литературные и научные силы. Известную эволюцию от поддержки Французской революции к убежденному консерватизму проделали видные английские поэты, представители так называемой «Озерной школы» - У.Вордсворт, С.Т.Кольридж и особенно Р.Соути, ставший певцом Священного союза. Одним из глашатаев Священного союза становится крупнейший теоретик немецкого романтизма Ф.Шлегель, сотрудничавший с К.Меттернихом. Свое влияние на создание Священного союза оказал и видный религиозный мыслитель и философ Б.-Ф.-К.Баадер, летом 1814 г. представивший русскому и австрийскому императорам и прусскому королю свои записки, послужившие одним из основных толчков к созданию этого союза. Баадер оказал впоследствии влияние на теоретиков «официальной народности» и, в частности, на С.П.Шевырева.

Таким образом, Россия ощущала самое разностороннее влияние зарубежного консерватизма¹⁹⁴. Конечно, между русскими консерваторами и консерваторами английскими и особенно американскими были существенные отличия. Английский консерватор, попадая в Россию, мог рассматриваться здесь как самый заядлый либерал и даже вольтеринец. Значительно больше точек соприкосновения было между консервативными силами Франции, Германии, Австрии и других стран. Это объяснялось прежде всего тем, что консерваторы этих регионов Европы были консерваторами не буржуазного образца, как в Англии и Соединенных Штатах Америки, а консерваторами все-таки феодального общества, и изучение их взглядов показывает, что они нередко были не менее, а порой даже более традиционалистскими и реакционными, чем те, которые исповедовали их российские соратники.

Но консервативные силы начала XIX в. объединяло не различие их взглядов, а то общее, что характерно для той поры, так называемой второй консервативной волны. Это общее заключалось в объединении усилий против революционной, а затем и наполеоновской Франции. При всей своей идейной эволюции Наполеон, бывший якобинец, сохранил определенные симпатии к революции, а самое главное - не реставрировал дореволюционные феодальные порядки. Консерваторы любых оттенков и любых регионов земного шара были ярыми противниками тогдашней французской системы, и в этом заключалось то главное, что способствовало их единению и созданию идейного и политического союза кон-

сервативных сил, своеобразного «консервативного интернационала». Ничего подобного мировая история еще не знала.

В этом союзе России уделялось весьма почетное место, и не потому, что российские консерваторы выдвинули какие-то оригинальные идеи. Таковых не было, да и вообще идеи русских консерваторов были мало знакомы за рубежами страны. Россия была нужна, и даже очень, как политическая и особенно военная сила, способная сокрушить наполеоновские твердыни. В русских идеях абсолютно не нуждались, их и так уже было предостаточно. Да и вообще Россию никак не хотели видеть в качестве поводыря, слишком еще была слаба и русская наука, и ее богословие, да и литература почти не была известна за пределами России. Но идейных основ для сотрудничества было достаточно. Они заключались в неприятии не только революции как таковой, но и каких-либо радикальных перемен, в критике идей Просвещения - вольтерьянства, руссоизма и т.п. Все консерваторы, как правило, были настроены против рационализма, всячески возносили религию, отрицали идеи народного суверенитета, ратовали за максимально сильную верховную власть, прежде всего монархическую. Отстаивая традиционализм и охранительство, все консерваторы категорически отрицали идеи равенства между людьми, проповедовали индивидуализм, элитарность и даже иррационализм и пессимизм. Этот набор идей объединил тогдашние консервативные силы, оказавшиеся способными к осуществлению если и не коренного, то во всяком случае достаточно значительного социально-политического рванша.

4. ТАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАЧЕЛЕЙ

1812 год вошел в русскую историю прежде всего как год Отечественной войны и связанных с ней серьезнейших общественных потрясений. Но этот год означал и определенные изменения во внутренней политике государства, прежде всего в действиях его руководителя императора Александра I. Еще до войны, когда отчетливо чувствовалось ее приближение, 17 марта 1812 г. был не только уволен, но и сослан М.М.Сперанский. Ушел с политической сцены крупнейший реформатор того времени, с деятельностью которого напрямую увязывалась активность так называемой либеральной «партии». Хотя главным создателем этой «партии» был сам Александр I, но именно он нанес Сперанскому внезапный и сильнейший, хотя и не смертельный, удар.

Причин отставки Сперанского было несколько. Конечно, большую роль в этом смещении сыграла деятельность консервативных кругов, близких к трону, а также их массовая поддержка в лице мелкого и среднего дворянства, опасавшегося отмены крепостного права и выражавшего недовольство рядом уже проведенных мероприятий, в которых они усматривали попытки ущемления их сословных интересов. Дворянство было недовольно Указом от 3-го апреля 1809 г. о придворных званиях. Серьезное недовольство уже почти всего чиновничества вызвал другой

указ, требовавший перевод в чин коллежского асессора только при предъявлении свидетельства одного из русских университетов. Этот второй указ вызвал буквально шквал негодования и породил множество сатиры, карикатур и эпиграмм на Сперанского¹⁹⁵, в свою очередь создавших предпосылки для последующих более серьезных обвинений, чуть ли не в измене государству.

Открыто противодействовали Сперанскому и многие видные сановники. Например, сотрудничавший с де Местром министр народного просвещения с 1810 по 1816 г. А.К.Разумовский, по свидетельству его биографа А.А.Васильчикова, «был одним из самых откровенных противников Сперанского и взирал на падение его как на спасение России»¹⁹⁶. Примечательно, что исследователи истории Министерства народного просвещения подчеркивают, что именно при Разумовском, близком к Карамзину, «в обществе уже начали обнаруживаться следы реакции»¹⁹⁷.

Хотя, как вспоминали некоторые мемуаристы, «большинство либеральных умов было так велико, что его решения считались мнением общим, за некоторым исключением; к нему привыкли как к закону всеобщей моды, никто не смел ему противоречить, в нем сомневаться»¹⁹⁸. И в этих условиях происходит отставка М.Сперанского, прежде всего одного из важнейших поборников русского либерализма, временно отходит от дел весьма близкий к нему Н.С.Мордвинов. Это был, конечно, серьезный удар по либеральной «партии», воспринятый с ликованием консервативной массой.

Любопытно, что неизбежность поворота к абсолютизму и ослаблению либерализма прозорливо предсказывал посол Франции в России Колленкур, писавший об этом еще 15 августа 1810 г. Он же хорошо почувствовал настроения в среде дворянства, не считавшего необходимым, чтобы русское правительство делило власть с кем-либо¹⁹⁹.

Конечно, деятельность консервативных кругов сыграла немалую роль в отставке М.Сперанского. Широко распространялись различного рода подметные письма, особенно в обеих столицах, где Сперанского грубо обвиняли в измене, причем в прямой связи с Наполеоном. В литературе называются фамилии ряда государственных деятелей, причастных к интриге против Сперанского и оказывавших прямое воздействие на императора Александра I. В их числе называют видного шведского государственного и политического деятеля, находившегося на русской службе в качестве генерал-губернатора Финляндии, - Г.М.Армфельда, французского эмигранта Вернега, генерала А.Д.Балашева. Н.И.Греч пишет, что Балашев был приятелем Н.Карамзина²⁰⁰.

По-видимому, интрига придворных кругов, связанных с консервативной «партией», сыграла немалую роль в отставке М.Сперанского. Но, конечно, главнейшими побудительными мотивами являлись настроения самого императора. Эти настроения подпитывались как его личными взглядами и чувствами, так и общественным мнением, которое Александр I накануне большой войны должен был обязательно учитывать. Обидчивость и злопамятство императора давно подмечено его биографами и ря-

дом мемуаристов. Александру, видимо, стало известно мнение о нем Сперанского, довольно откровенно высказывавшего свои замечания в адрес императора не только в личных беседах, но даже в переписке²⁰¹. Император чувствовал неуважение к себе этого крупнейшего государственного мужа и таких настроений не прощал. Не прощал даже и после смерти человека, с которым он имел натянутые отношения при жизни. Иногда это приобретало неприличные формы, даже с политической окраской. Так, во время пребывания Александра I в Германии, уже после разгрома Наполеона, по повелению прусского короля Фридриха-Вильгельма был отлит в Бунцлау памятник М.И.Кутузову. Александру I предложили ознакомиться с ним, но он отказался даже взглянуть на памятник²⁰² тому, кто возглавил русскую армию и пользовался в то время огромным уважением не только в России, но и в Германии.

Однако личная антипатия императора к Сперанскому совпала и с настроениями, которые к началу 1812 г. господствовали в обществе. Широкие верхушечные слои с неодобрением относились к поповичу и открыто выражали свое неодобрение его преобразованиями. Накануне неминуемой войны Александр I, хорошо осознавая то, что у Сперанского нет какой-либо серьезной социальной опоры, решил дать волю общественным настроениям и доставить им нескрываемое удовольствие. Снятие Сперанского вызвало ликование в широчайших консервативных кругах и обеспечило самому императору решительную поддержку. Это было тем более важно, что в среде русских консерваторов было немало лиц, настроенных убежденно патриотически и выдвинувших из своей среды ряд публицистов и писателей, открыто ратовавших за интересы отечества, как они их тогда понимали. Патриотизм был одной из сильных черт русского традиционализма.

Но само по себе снятие Сперанского было лишь частью важной перемены, произведенной в государственном аппарате. Не меньшее значение имело и то, на кого был заменен сторонник решительных преобразований в стране²⁰³. Государственным секретарем был назначен А.С.Шишков - один из наиболее видных представителей консервативных кругов Петербурга. Как писал сам Шишков, вызов к императору, явно к нему до этого не благоволившего, был неожиданным и еще более неожиданным было назначение на столь высокий пост. При первой беседе Александр I сослался на «Рассуждения о любви к Отечеству», которые он высоко оценил, особенно ввиду неизбежности войны с Францией. Шишкову было сразу предложено написать манифест по поводу рекрутского набора и он был одобрен царем²⁰⁴. Так началось их сотрудничество, и Шишков стал составлять проекты различного рода призывов, указов, рескриптов, получавших в той или иной степени одобрение Александра I и подвергавшихся большей или меньшей корректировке. Самое главное, что они получили широкое хождение по всей стране и в трудные месяцы 1812 г. имели огромное влияние на самые различные слои населения.

В литературе уже возникал вопрос, почему выбор пал на Шишкова, а не на, допустим, Карамзина. Причин, видимо, было несколько. Прошло

слишком мало времени, всего лишь один год со времени встречи императора и его историографа, оставившей неблагоприятный след в душе самодержца. Но это лишь одна из причин, ведь и Шишков не был душевно близок к Александру I. У Шишкова было большое преимущество перед Карамзиным, поскольку он имел военный опыт, хотя и по морской части, у Карамзина его не было. Да и уважение в армии, роль которой в тех условиях стремительно возрастала, было большим к боевому адмиралу, нежели к практически не служившему, можно сказать, сугубо штатскому человеку - Карамзину. В литературе Карамзин небезосновательно характеризуется как посредственный политик²⁰⁵. Известно, что Екатерина Павловна предлагала историку место губернатора в Твери, но Карамзин отказался, сославшись на необходимость занятий наукой²⁰⁶, но при этом можно было бы добавить, что у Карамзина не было административного опыта и по своему складу он был скорее вольный литератор, нежели исправный службист. Здесь Шишков его многократно превосходил.

И еще один момент сыграл немаловажную роль в том, что выбор пал именно на Шишкова. Сам по себе высокопарный стиль сочинений Шишкова, характерный для написания различных од, в момент возрастания патриотических настроений больше подходил для обращений от имени императора, чем более современный литературный язык Карамзина. Во всяком случае Шишков занял место такого политического титана, как Сперанский, ум которого высоко ценил даже Наполеон, чуть ли не предлагавший, хотя и в шуточной форме, обменять его на какое-нибудь королевство²⁰⁷.

И тем не менее широкие общественные круги ликовали по поводу отставки Сперанского, и отдельные голоса таких трезвых политиков, как Н.С.Мордвинов или М.Б.Барклай-де-Толли, высоко ценивших реформатора, тонули в общем консервативном хоре²⁰⁸, в который попали такие певцы, как Н.М.Карамзин, а также и Г.Р.Державин, категорический противник нововведений начала XIX столетия.

Явное усиление традиционалистских, охранительных сил было вызвано в значительной степени особым внешним фактором, той угрозой, которая нависла над страной. В этих условиях консервативная «партия», на знамени которой неизменно присутствовал девиз любви к Отечеству, получила также возможность применить свои силы и продемонстрировать конкретную пользу своего безбрежного патриотизма. Другой линии поведения тогда быть не могло, и Александр I хорошо это понимал и использовал. Его реформаторский уклон тоже не был самоцелью и был направлен на усиление своего государства, уровень жизни в котором явно проигрывал по сравнению со странами Запада. Один из приближенных к Александру I, его адъютант, впоследствии министр П.Д.Киселев, посетивший в 1818 г. Восточную Пруссию, подчеркивал в своей записке: «Много, лет пройдет еще, пока цивилизация достигнет у нас до того, чтобы водворилось такое благосостояние во всех слоях общества»²⁰⁹. И эта речь шла о Восточной Пруссии, даже не о Прирейнских провинциях.

Но в эпоху все более нависавшей внешней угрозы всякие разговоры о преимуществах Запада отходили на задний план. Патриотическая тема все более и более актуализировалась и получила широкое распространение за несколько лет до вторжения Наполеона. Аустерлиц и Тильзит заставили широкие дворянские круги задуматься о будущем своей страны. Более основательным становится изучение военного дела, и парады и разводы отходят на задний план²¹⁰. Заметно меняется и направленность литературы. При всей непрекращающейся борьбе в среде литераторов патриотическая тема заметно усиливается. Это также приводит к усилению позиции А.С.Шишкова.

Шишков не только оказал содействие начинающему драматургу М.В.Крюковскому, но лично редактировал его знаменитую патриотическую трагедию «Пожарский», не без содействия адмирала-филолога поставленную на сцене в мае 1807 г.²¹¹ К шишковскому кругу был близок и другой видный драматург того времени - В.А.Озеров. Собственно говоря, он, бывший офицер, прежде всего сближается с А.Н.Олениным - писателем и палеографом, входившим в кружок А.С.Шишкова. В.А.Озерову в 1807 г. удалось поставить свою самую знаменитую трагедию «Дмитрий Донской», явно отвечавшую патриотическому подъему, который был характерен для тех лет. Этими же настроениями была пронизана и поэзия Н.М.Шатрова, отличавшаяся православно-патриотической риторикой и подражанием библейским образцам²¹².

К патриотическим литераторам консервативного плана может быть отнесен и писатель С.Н.Глинка, тоже бывший офицер, наладивший с 1808 г. издание журнала «Русский вестник». Журнал издавался в Москве и носил откровенно антифранцузскую направленность и в некотором отношении даже противопоставлялся основанному в Москве журналу «Вестник Европы», первым издателем которого был Н.М.Карамзин.

В целом в идеологической деятельности того периода представители консервативной «партии» заметно укрепляют свои позиции. Шишков получил возможность оказывать определенное воздействие на императора. Примечательно, что женой Шишкова, которого называют первым славянофилом, была немка лютеранского вероисповедания²¹³. Впрочем, женой М.В.Ломоносова тоже была немка. Но в борьбе с Наполеоном немцы были ближайшими союзниками. Они в то время были заинтересованы в укреплении русского патриотизма. На волне освободительной войны заметно укрепляется и политическое положение консервативной «партии». Усиливается не только позиция Шишкова. Явный оппозиционер Ф.В.Ростопчин, тоже подвизавшийся на литературном поприще, с мая 1812 г. был назначен генерал-губернатором и главнокомандующим в Москве. Он пытался заполнить М.Сперанского, к которому относился крайне отрицательно, видимо, для справки над ним. Ф.В.Ростопчин продолжал оставаться приближенным Екатерины Павловны, которая в письме Карамзину от 13 ноября 1812 г., среди прочего, писала: «Наш общий друг Ростопчин представляется мне одним из самых почтенных, но и одним из самых несчастных людей, - я часто имею от него известия, его положение

весьма тяжело»²¹⁴. После пожара в Москве положение Ростопчина действительно было весьма трудным, трудным было и положение Карамзина, в чисто житейском плане, но влияние их заметно возрастает.

Кстати, в том же письме к Карамзину Екатериной Павловной, несомненно в патриотическом порыве, приписываются следующие слова: «Россия была вторая в Европе держава, теперь и навеки она первая, и скоро к стопам ее прибегут цари, моля о мире и покровительстве. Веселитесь мыслию сею, она не мечта, но истина». И несколько далее: «Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь последнего произнесения приговора над врагом»²¹⁵.

В 1812 году влияние самой Екатерины Павловны на государственные дела заметно возрастает. Она проявила себя женщиной решительной и деятельной, активно участвовавшей в организации народного ополчения. И это на фоне поведения одного из ее братьев - Константина Павловича, проявившего малодушие и даже отосланного в связи с этим из армии. После Бородина и оставления Москвы тогдашний наследник престола был в отчаянии и всячески настаивал на мире с Наполеоном²¹⁶. Интересно, что в доме Екатерины Павловны в Твери в 1812 г. имел место спор между Константином Павловичем и Н.М.Карамзиным, который, в отличие от великого князя, был крайне отрицательного мнения о Наполеоне, резко о нем отзывался и не разделял панических опасений брата императора²¹⁷. В рядах консервативной «партии», таким образом, в то суровое время были разные мнения и подходы к политическим вопросам и шла даже резкая полемика.

Так или иначе влияние консервативных кругов в то время заметно возрастает. Голосов же из либерального лагеря, из лагеря сторонников М.М.Сперанского, почти не было слышно, хотя патриотический порыв охватил все слои общества и либералы желали разгрома Наполеона не меньше, чем консерваторы. Не слышно было голосов именно в пользу реформирования страны. Оно и понятно, шла война, сначала на территории страны, затем кровопролитные зарубежные походы, требовавшие значительного напряжения сил, и было не до преобразований. Но сама победа как бы высказалась в пользу Карамзина и вообще консервативных кругов. «Зачем преобразования, вопрошали они, - когда мы одолели самого сильного полководца Европы?» Великая победа способствовала возрастанию гордости за страну, и эта победа в верхах рассматривалась как победа самого императора и дворянства - главного поставщика генеральских и офицерских кадров.

Сам Александр I был прекрасно осведомлен о настроении и поведении дворянства, в частности, со слов своего флигель-адъютанта Волконского, который в ответ на вопрос императора о настроениях дворянства вынужден был ответить: «Государь, стыжусь, что принадлежу к нему, - было много слов, а на деле ничего». Речь шла не о тех дворянах, кто находился в армии, а о тех, кто в панике бежал из своих имений при приближении иностранной армии. Д.Б.Мертваго также подчеркивал, что «народ, обороняться готовившийся, с дерзостью роптал на дворян.

Москву оставляющих»²¹⁸. Но все-таки руководящий состав армии-победительницы состоял из дворян, и прежде всего дворян-землевладельцев - главной опоры консервативной «партии». Были среди них и генералы, лично близкие к Екатерине Павловне. Среди них генерал Д.М.Волконский, еще один Волконский, командовавший корпусом во время зарубежных походов, но побывавший у Екатерины Павловны в Твери еще в 1810 г. Он был также знаком с Н.М.Карамзиным и присутствовал при чтении глав карамзинской «Истории» самим автором в Остафьево - имении П.А.Вяземского. Д.М.Волконский с полным основанием может быть отнесен к консервативным кругам российского общества²¹⁹. На заседаниях шишковской «Беседы» присутствует и другой активный участник Отечественной войны 1812 г. - Н.Д.Дурново, впоследствии активно выступивший против декабристов и всячески поддерживавший Николая I. В числе самых доверенных лиц он присутствовал при казни пяти руководителей движения декабристов²²⁰.

Общая атмосфера в стране складывалась таким образом, что консервативные круги чувствовали себя победителями в 1812 году не только над внешними, но и над внутренними врагами. В этих условиях Александр I, даже если бы и хотел, никаких реальных шагов по ликвидации крепостного права предпринимать не мог. Казалось, что император окончательно сомкнется с этими консервативными силами и отбросит всякие помыслы о каких-либо серьезных преобразованиях. Но политика была несколько другой. На первый взгляд это были годы колебаний, в действительности же - основательно продуманная политика, весьма характерная для Александра I. Охранительные меры соседствовали с рядом реформ, и на первый взгляд трудно было определить истинные намерения самодержца. Перед зарубежной Европой он явно хотел выглядеть как последовательный либерал и всячески стремился так себя представить.

В литературе эти действия Александра уже давно детально рассматривались и комментировались²²¹. Самое главное, что это были именно действия, а не только слова и игра. Хорошо известно влияние русского императора на составление относительно либеральной хартии 1814 г. во Франции, его воздействие на немецких конституционалистов и затем принятие конституций в ряде немецких государств, в Польше и т.д. В то время среди монархов Европы не было более последовательного конституционалиста, нежели царь России. Он по-прежнему настаивал на соблюдении «духа времени», и, похоже, эта его либеральная роль очень нравилась ему самому и либеральной общественности Европы. В Германии с ликованием встречали русские войска и буквально благоговели перед российским самодержцем, взгляды которого были довольно хорошо известны. Но что любопытно, русских так же хорошо встретили в Париже, лучше, чем войска других стран-союзников, и Александр превратился едва ли не в любимца парижской публики, во всяком случае отношение к нему было намного более теплым, нежели к императору Австрии или королю Пруссии, которые явно проигрывали на фоне русского венецосца.

В Париже Александр поспешил посетить салон весьма влиятельной писательницы госпожи де Сталь, один из самых известных и вместе с тем либеральных салонов французской столицы, где развивал свои либеральные взгляды и даже позволил себе покритиковать испанского короля Фердинанда VII, упразднившего конституцию в своей стране²²². Здесь же в салоне госпожи де Сталь Александр громко и ясно заявил, что в его империи, как он подчеркнул, «с Божьей помощью, крепостное право будет уничтожено еще в мое царствование»²²³.

Создавалось впечатление о государе-либерале, и эта роль ему, несомненно, нравилась. Он явно переигрывал других монархов Европы. Но не нужно было обладать большим воображением, чтобы предвидеть опасность будущих коллизий, будущего противостояния России и остальной Европы, противостояния небывалого, поскольку, пожалуй, первый раз в истории Россия предстала перед общественностью более либеральной, чем Запад. И все это находило конкретное выражение в реальных действиях, прежде всего в проведении политики зарубежного конституционализма²²⁴, который не мог не встревожить западные правительства.

Хотя было немало всевозможных противоречий и при налаживании двусторонних взаимоотношений. Александр поначалу не был сторонником реставрации Бурбонов и даже предлагал посадить на французский престол бывшего наполеоновского маршала Бернадота²²⁵, впоследствии ставшего королем Швеции. Понятно, что Людовик XVIII не мог этого простить русскому императору, как и две высылки из России. Поэтому не стоит удивляться тому, что их первые встречи в Париже были довольно холодными. Немало противоречий было с Австрией и прежде всего с Меттернихом, причем настолько серьезных, что Александр I даже вызвал его, в то время министра иностранных дел, на дуэль. Имелись противоречия у России и с Пруссией, в том числе и по польскому вопросу, поскольку Александр твердо стоял за польскую конституцию. Но в цепи множества противоречий России с той или иной европейской державой особого внимания заслуживают англо-русские отношения. Они дают ключ к пониманию роли внешнего фактора в тех процессах, которые развивались внутри России, и выявлении причин укрепления позиций внутрироссийского консерватизма.

У нас нет возможности обрисовать общую картину англо-русских отношений после разгрома Наполеона, но для России они имели не только политические, но и экономические последствия. Для понимания англо-русских разногласий той поры следует, среди прочего, упомянуть о поездке в Англию самого Александра I летом 1814 г. Там русский император получил в торжественной обстановке диплом доктора права Оксфордского университета. И, казалось, что в условиях, когда только что был разгромлен важнейший противник Великобритании - наполеоновская Франция, - создаются весьма благоприятные возможности для налаживания плодотворных отношений с Россией. Но на практике все было по-другому.

Еще до прибытия в Лондон самого Александра туда приехала Екатерина Павловна, овдовевшая в конце 1812 г. и предпринявшая затем ряд путешествий с целью как-то уйти от своего горя. Но поездки эти были не только прогулками частного путешественника. Они имели и откровенно политическую подоплеку и ставили своей целью укрепление политических позиций России на Западе. Откровенный патриотизм великой княгини не вызывал никаких сомнений. Лондон был одним из пунктов, куда устремилась сестра российского императора.

Казалось бы, один из руководителей русской консервативной «партии» по логике вещей должен был стремиться к налаживанию близких отношений с английскими консерваторами, тем более что они уже долгое время находились у власти и направляли и внешнюю и внутреннюю политику страны. Но русская княгиня повела себя совсем по-иному. Она начала оказывать всяческое внимание деятелям оппозиции, то-есть вигам - английским либералам, в частности сблизилась с лидерами оппозиции - лордами Г.Голландом и Ч.Греем, что породило негодование английских правящих кругов²²⁶.

В литературе поведение Екатерины Павловны объясняют ее пылкостью и впечатлительностью. Не отрицая роли самого характера великой княгини, но при этом напоминая и о ее несомненном обаянии и красоте, мы усматриваем в ее поведении и четко проводившуюся политическую линию. Не случайно, когда сам император приехал в Лондон, он поселился не в специально подготовленном для него дворце, а в доме, где уже расположилась его сестра. Уже такой шаг Александра вызвал определенное недовольство английской верхушки. И затем, как пишет один из лучших знатоков alexандровской эпохи, великий князь Николай Михайлович, «после приезда государя в Англию недоразумения продолжались в течение всего пребывания; никакого сближения между монархами не произошло, к великому огорчению русского посла; цель путешествия в политическом отношении не была достигнута; и оно привело к обратным результатам. Торжествовали лишь многочисленные враги России, как Меттерних, лорд Кастлри и другие»²²⁷.

Николай Михайлович все это приписывает поведению неуравновешенной великой княгини, успевшей повлиять на своего брата. Может быть, Екатерина Павловна и была после смерти мужа не в меру неуравновешенна, но Александр, если хотел, умел ставить свою сестру на место (вспомним встречу с Карамзиным). Но в данном случае почему-то не захотел. Он тоже встречается с вигами и всячески подчеркивает свое к ним благоволение. Более того, в беседе с Греем он высказался за создание в России «благонамеренной оппозиции» и даже попросил помощи вигов, решивших, что русский самодержец вознамерился создать в России парламент²²⁸.

Николай Михайлович, с удивлением описывавший эту поездку Александра в Лондон, видел в ней и начало пресыщения его славой и успехами²²⁹. Но может быть и другое объяснение таким странным поступкам брата и сестры. Прежде всего они были, по-видимому, согласованными.

Явно прослеживается их нацеленность на сближение с либеральной оппозицией и неудовольствие правительством консерваторов. Александр сознательно не стремился этого скрывать. Складывается впечатление, что Александру I нравилось разыгрывать роль либерала, и даже более того, он выдвигался чуть ли не в вожди международного либерализма. Среди тогдашних монархов крупнейших держав он предстает перед общественным мнением как самый либеральный, самый справедливый и человечный. Понятно, другим монархам это амплу российского самодержца не очень нравилось, они явно проигрывали в борьбе за поддержку общества, и вряд ли стоит удивляться постепенному складыванию антироссийской коалиции. Противоречия между союзниками были и во время войны с Наполеоном, и при подготовке Парижского мирного договора, подписанного 30 мая 1814 г., и, как подчеркивают специалисты, после посещения Александром Лондона трещина, возникшая в отношениях между Россией и Англией, углубилась еще больше²³⁰.

Результатом этих противоречий и стало подписание 22 декабря 1814 г. (3 января 1815 г. по н.с.) секретного соглашения Англии, Австрии и Франции, направленного, впрочем, не только против России, но также и против Пруссии²³¹, но все-таки против России прежде всего. Высадка Наполеона расстроила новую коалицию и способствовала преданию гласности закулисных планов недавних союзников. Все это хорошо известно и неоднократно комментировалось историками международных отношений. Однако в центре внимания обычно стоит изучение политических взаимоотношений. Но противоречия были значительно шире и многообразнее. Они затронули и идейно-моральную сферу, а также отношения экономического и социального плана. Ни подписанный затем Венский договор, подводивший итоги шумного Венского конгресса, ни подписание Священного союза, к которому Англия не присоединилась, не сгладили всей суммы этих противоречий. Но только их учет позволяет объяснить последующие политические решения.

Изучение дипломатических документов той поры отчетливо свидетельствует о всяческом стремлении правительств западных держав толкнуть Россию на путь реакции. Они были не расположены к российскому внешнеполитическому конституционализму, им вообще явно не нравился либеральный имидж русского царя, а соответственно и русского правительства. Особенно стремились толкнуть Россию на путь реакции австрийские власти. Сам австрийский император в беседе с русским дипломатом Ю.А.Головкиным высказывал свое неудовольствие конституциями и призывал дать отпор различного рода смутьянам²³². Бурную деятельность развернул фактически руководитель австрийского правительства Меттерних, постоянно запугивавший российское правительство опасностью революции²³³. Несомненно, что европейская реакция всячески стремилась толкнуть Россию на путь репрессий и твердолобого консерватизма. Тем самым воодушевлялись консервативные силы внутри России.

Но особое значение в ту пору имело и общеэкономическое положение Европы, менее изученное с точки зрения реванша консервативных

сил. В 1815 г. английский парламент принимает новый хлебный закон, принимает его в интересах землевладельцев-лендлордов. Это означало заметное повышение таможенных пошлин на ввозимый хлеб. Конечно, учитывались прежде всего интересы английских латифундистов, преимущественно ориентировавшихся на консервативную партию. Но, принимая этот закон, английский парламент, где тогда преобладали консерваторы, не мог не понимать, что эта акция будет направлена и против крупнейшего хлебного экспортера - России. Видимо, Александр I не случайно еще в 1814 г. пытался заигрывать с английскими либералами, придерживавшимися других экономических ориентации и ратовавшими за понижение или даже упразднение таможенных пошлин. Сразу после разгрома Наполеона все-таки восторжествовала именно землевладельческая аристократия. Но ее триумф повлиял на соответствующие меры и в ряде других стран. Рыночные цены на хлеб начинают стремительно изменяться и в Германии, и результатом этой политики становится понижение заграничных цен втрое. В свою очередь это понижение сокращает размеры русского экспорта с 1817 по 1824 год в 12 раз²³⁴. Это было равносильно экономической катастрофе. Но этот экономический провал некоторыми авторами рассматривается не только как результат экономических процессов начала века, но и как результат сознательной финансовой политики, направленной против России. Несколько позднее один из богатейших людей России миллионер В.А.Кокорев писал о настоящей финансовой войне Европы против России, в результате которой, по его утверждению, «мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы»²³⁵.

В самой же России был введен фритредерский тариф 1816 г., в принятии которого, по мнению специалистов, среди европейских государств главную роль сыграла Англия²³⁶. Этот тариф, как и фритредерский тариф 1819 г., оказал отрицательное влияние на ряд отраслей русской промышленности и нанес ущерб внешней торговле²³⁷. Но сказать об этом прямом ущербе будет крайне недостаточно. В стране разразился самый настоящий и довольно длительный аграрный кризис, сменившийся экономическим оживлением только в тридцатые годы. Как подчеркивал академик Н.М.Дружинин, «истекшие 15 лет обостренного кризиса не прошли даром для аграрного предпринимательства: они ослабили, а частью и заглушили, ростки рационализаторских стремлений, которые появились в конце XVIII и первых десятилетиях XIX в.». И несколько далее наш маститый историк подчеркнул, что этот кризис привел в российских господствующих верхах к усилению узкокрепостнической точки зрения и что вообще он «послужил хозяйственной базой, на которой развивалась и крепла общеевропейская политическая реакция»²³⁸.

Без понимания глубоких экономических процессов того времени трудно разобраться в социальных отношениях и в той политике, которую стали проводить после 1815 г. правительственные круги и прежде всего сам Александр I. Изменившиеся условия ослабляют свободное предпринимательство, наносят удар по идеям конституционализма и парламента-

ризма и, как подчеркивал тот же Н.М.Дружинин, именно с 1820 г. спадают волна дворянского либерализма²³⁹.

Но период до 1820 г. все-таки был временем политических качелей, попытками достичь политического баланса. Александр I еще хотел выглядеть либералом и некоторое время предпринимал определенные шаги в этом направлении. Но, с другой стороны, еще в эти годы также явно укрепляются и консервативные силы, укрепляются не без помощи императора-либерала. Действительно, не без влияния Александра I составляют свои проекты упразднения крепостного права такие разные по своей политической ориентации деятели, как П.Д.Киселев, М.А.Балугьянский и даже А.А.Аракчеев. Александр явно стимулировал и поощрял такие настроения в среде высшей администрации, по-видимому, ему хотелось иметь больше сторонников этой идеи. Но, с другой стороны, именно ему принадлежит идея распространить в России военные поселения, которые даже такой историк-монархист, как Н.К.Шильдер называл крепостным правом другого рода²⁴⁰.

Способствуя принятию конституции Польши и Финляндии, таких уложений, как Устав образования Бессарабской области 1818 г., обещая конституцию России в целом, русский самодержец вместе с тем укреплял и консервативные круги. Высылка Сперанского нанесла существенный удар по так называемой либеральной партии. Современники считали Сперанского главой этой «партии»²⁴¹, хотя фактически ее создателем и лидером был сам Александр I. Но Сперанский был единственным представителем «партии», попавшим в опалу. Кроме него и Н.С.Мордвинова оказался не у дел и такой в то время приближенный к Сперанскому деятель, как М.Л.Магницкий, впоследствии один из ревностных проводников крайне правой реакции. Пошатнулось положение и таких реформаторов, как О.П.Козодавлев, сохранивший, однако, связь со Сперанским до конца своей жизни²⁴², а также ряда других сторонников Сперанского. Не следует забывать, что если в рядах родовитого дворянства Сперанский с его проектами и реальными действиями имел убежденных, сильных и коварных противников, то среди служилого дворянства, особенно той его части, которая прошла через университеты, у Сперанского было немало сторонников.

Родовому дворянству удалось взять верх и, как считал один из весьма осведомленных мемуаристов Д.П.Рунич, по линии жены близкий родственник фельдмаршала Н.И.Салтыкова, председателя Государственного совета, свержение Сперанского было результатом обширного заговора против реализации проекта Александра I по введению конституции в России. Во главе этого заговора, как писал Д.П.Рунич, стояли вдовствующая императрица и сестра царя - Екатерина Павловна, а участниками заговора были граф Армфельд, граф Ростопчин и министр полиции Балашев²⁴³. Тот же Рунич даже писал, что Александра заставили силою согласиться на эту жертву, хотя он знал о невинности Сперанского²⁴⁴.

Таким образом, после 1812 г. консервативная «партия» явно укрепляется. Ее представители - А.Шишков и Ф.Ростопчин - получают повыше-

чие, а победа над Наполеоном рассматривается как победа русского традиционализма и охранительства. Землевладельческое дворянство явно поднимает голову и всячески старается приписать разгром лучшего полководца европейского Запада более совершенным порядкам России и, конечно, первейшему сословию - дворянству. О том, что Шишков, который хотя и не представлял собой закоренелого крепостника, а, напротив, всячески стремился ослабить тяготы жизни для своих собственных крестьян²⁴⁵, был все-таки выразителем общедворянских интересов, свидетельствует одно из его столкновений с самим императором.

А.Шишковым был подготовлен проект одного из очередных манифестов, на сей раз по случаю победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. В этом манифесте дворянство было поставлено выше воинства, и такое местоположение статей вызвало противодействие императора. Произошел спор, в котором Шишков всячески отстаивал свою точку зрения, породив неудовольствие Александра, причем такое, что, как он сам подчеркивал, он впервые видел царя в таком гневе. Александр буквально принудил государственного секретаря исполнить его волю. Император решительно исправил и то место, где говорилось о помещичьих крестьянах, причем ясно можно было понять, что Шишков все-таки за крепостное право, а царь был настроен явно против него²⁴⁶.

И сразу после разгрома Наполеона Александр I не переставал говорить о своей нацеленности на ликвидацию крепостничества в России и установлении в ней конституционных порядков. В какой степени эти слова соответствовали его действительным планам, до сих пор не выяснено. В литературе на сей счет идут давние споры, но значительные душевно-нравственные изменения в характере императора после 1815 г. и усиление консервативных начал в его деятельности не подлежат сомнению. Прежде всего явно прослеживается его поворот в сторону мистицизма. Отнюдь не только сближение с баронессой В.Ю.Крюденер, урожденной Фитингоф, способствовало значительному изменению взглядов русского царя. Были здесь и различные другие причины, прежде всего усиление его религиозности, замеченное уже в 1812 г., сильная усталость после значительного напряжения физических и душевных сил, которого потребовали годы борьбы с наполеоновской Францией.

Но поворот во вкусах и взглядах самого императора по обыкновению способствовал в России и повороту в поведении его окружения и затем в поведении широких кругов российского общества. На самого императора Крюденер была выведена весьма близкой ему фрейлиной Р.Стурдзой²⁴⁷, успевшей сблизиться с довольно известной проповедницей мифического суеверия, родившейся, кстати, в Лифляндии, то есть на территории России, и стремившейся познакомиться с русским императором. Этому сближению царя с Крюденер способствовала и Елизавета Алексеевна²⁴⁸. Крюденер, таким образом, получила возможность контактов с императором, на которого она некоторое время несомненно влияла, ей также предоставилась возможность проповедовать свои взгляды в самой России. Именно при Александре I в России заметно усиливается направ-

ление мистицизма, к которому примкнули многие видные сановники. Среди видных мистиков фигурировал родной брат Р.Стурдзы А.С.Стурдза, один из сподвижников Каподистрии²⁴⁹. Но, что имело заметно большее значение, одним из наиболее влиятельных русских мистиков становится князь А.Н.Голицын.

Близкий к Александру и Константину еще с их детских лет, бывший вольнодумец екатерининской эпохи, весьма равнодушный к религиозным вопросам, в 1803 г. А.Н.Голицын назначается обер-прокурором Синода, и за этим следует решительное изменение его взглядов. Он становится проповедником совсем другого образа жизни и последовательным мистиком. Именно Голицын назначается министром объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения, которое испытало прямое воздействие самого министра. Образовательный процесс был поставлен в прямую связь с религиозным воспитанием, но с уклоном в сторону мистицизма в противовес ортодоксальному православию, тем более что сам Голицын испытал влияние английских методистов. Он начал оказывать непосредственное влияние на поворот Александра к религии еще до баронессы Крюденер²⁵⁰.

Русский мистицизм, охвативший довольно значительные круги высшего общества, был, однако, лишь одним из ответвлений религиозного консерватизма. Другим направлением была деятельность известного Библейского общества, в которую мистицизм включался в качестве одной из неотъемлемых сторон. Российское библейское общество создается под влиянием подобного Британского общества, начавшего пропаганду в России еще до того как было создано собственно Российское общество. Еще в декабре 1812 г. Александр утвердил представленный Голицыным проект устройства Библейского общества в Петербурге, и затем следует создание его отделений в различных регионах страны. Влияние Библейского общества, важнейшей задачей которого был перевод Библии на различные языки, усиливалось непосредственным участием в его работе самого Александра I, о чем свидетельствует его довольно обширная переписка с Голицыным²⁵¹.

Поворот значительной части высшего света к мистицизму, как и вся деятельность Библейского общества, вызвал недовольство ортодоксальной части православного духовенства. Прежде всего недовольство было вызвано определенным уравниванием православной церкви с другими церквями, даже нехристианскими. Тем самым снижался статус православной церкви как главенствующей. Крайне негативно относилась православная оппозиция к деятельности мистических салонов, например к мистическому салону А.П.Хвостовой, завсегдаем и, можно сказать, ведущей фигурой которого был сам А.Н.Голицын.

Мистики, да и само Библейское общество, встретили сопротивление митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Серафима и его приближенных. Решительным противником Голицына выступает и архимандрит Фотий²⁵². В рассматриваемый период, то есть до 1820 г., борьба только разворачивалась и пришла к своему логическому концу несколь-

ко позднее. Но именно в это время обозначились различные группировки церковно-религиозного консерватизма, по-разному понимавшие роль религии и церкви и стремившиеся привлечь побольше адептов, самое главное - влиятельных, и прежде всего перетянуть на свою сторону самого императора.

Поворот Александра I в сторону религии был обязан прежде всего его личным переживаниям и наблюдениям. Но сводить все только к его личным симпатиям было бы неправомерно. Александр I относился к числу тех русских императоров, которые хорошо осознавали необходимость основательной идеологии и желательность разработки четкой идеологической доктрины, понятной и верхам и низам. По-видимому, можно согласиться с Д.П.Руничем, писавшем об Александре I: «возвратясь в Россию, он счел необходимым деятельно заняться нравственным возрождением своего народа»²⁵³. Действительно, великая победа над Наполеоном, достигнутая ценой величайшего напряжения сил народа, в том числе и душевных, вскрыла некоторые изъяны воспитания, коснувшиеся идейной сферы. Они проявились и во время нахождения неприятеля в России, и в период зарубежных походов. Во время расквартирования русского экспедиционного корпуса во Франции часть русских солдат бежала со службы²⁵⁴ и скрылась во французских семьях, где остро ощущалась нужда в рабочих руках. Этот печальный исход также учитывался императором, обратившим особое внимание на проблемы образования и воспитания, причем воспитания религиозного прежде всего. Поэтому религиозный консерватизм после 1812 г. приобретает особую силу.

Но и та консервативная «партия», обозначившаяся до войны, также не прекратила своей работы. Александр I, однако, сразу после окончания антинаполеоновских походов произвел перестановку в рядах этой «партии», несколько подвинув Шишкова и заметно отстранив Ростопчина. Оба они, впрочем, стали членами Государственного совета, а Шишков, кроме того, с 1813 по 1841 г. возглавлял Российскую академию наук, будучи одним из самых долговременных ее руководителей, немало поработавшим над ее продвижением в сторону консерватизма. Несколько позднее, с 1824 г., он становится министром народного просвещения, что свидетельствовало о его достаточной силе в системе государственного аппарата. Несомненно, что император ценил Шишкова, и об этом прямо говорят специалисты, изучавшие их взаимоотношения²⁵⁵.

Поскольку Шишков продолжал оставаться одним из столпов консервативной «партии», сохранившим достаточно значительные позиции в государственной иерархии, то заслуживают внимания его взгляды этого периода не только на проблемы литературы и языка, общей идеологии и политики, но и по такому важнейшему вопросу страны, каковым продолжал оставаться крестьянский вопрос. Как член Государственного совета, Шишков составляет обширную записку по крестьянскому вопросу, в которой выступает все-таки как крепостник, ратовавший среди прочего и за дозволение продавать крестьян без земли. Более того, он даже обрушился на понятие «дух времени», часто употреблявшееся самим императо-

ром, представляя его как «своеволие и неповиновение»²⁵⁶. Позиция Шишкова была определенной и решительной и явно противостояла позиции тех членов Государственного совета, которые относились к числу либералов.

Продолжала действовать еще несколько лет и шишковская «Беседа любителей русского слова», объединявшая представителей устаревших литературных вкусов, хотя среди шишковистов числят и будущих декабристов В.Кюхельбекера, К.Рылеева, Ф.Глинку²⁵⁷. «Беседа» просуществовала до 1816 г., то есть до смерти Г.Р.Державина, в доме которого происходили заседания этого литературного общества. Одним из примечательных явлений этого периода в деятельности общества стало заметное сближение двух антиподов, двух лидеров противостоящих литературных лагерей - Шишкова и Карамзина, олицетворявших собой и разные течения в общей системе российского политического консерватизма. Примечательно, что Шишков и Карамзин впервые лично свиделись в гостях у великой княгини Екатерины Павловны и с тех пор стали довольно близкими знакомыми²⁵⁸. Сближение Шишкова и Карамзина было столь заметным, что Карамзин избирается в число почетных членов «Беседы».

Параллельно происходит укрепление позиции Карамзина и в русских общественных кругах, и во взаимоотношениях с императорской семьей и самим императором прежде всего. Любопытно, что личное знакомство Карамзина и Марии Федоровны произошло уже после того, как они несколько лет вели переписку²⁵⁹. Благоволение императрицы-матери продолжало сохраняться. Можно говорить, что сохранялся основной состав консервативной «партии», сложившийся еще до свержения Сперанского. 8 декабря 1815 г. Карамзин пишет посвящение к своей «Истории государства российского», заключая его такими словами: «Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю»²⁶⁰.

Монархизм крупнейшего историка продолжал крепчать, но что любопытно: когда он вновь направился в Петербург в феврале 1816 г., то полтора месяца не мог получить аудиенции у государя, хотя имел поддержку императрицы-матери и некоторых министров. Карамзин смог пробиться к императору только после встречи с Аракчеевым. На сей раз встреча была весьма благоприятной, и историограф был осыпан разного рода милостями. Вручая награды, Александр I не преминул заметить, что даются они за старую Записку²⁶¹, то есть за ту самую записку, которая, как мы помним, была в 1811 г. встречена с нескрываемой неприязнью. Прошло всего лишь пять лет, и император меняет свое первоначальное мнение. Более того, он выделяет средства на печатание главного труда Карамзина - его «Истории» - без вмешательства цензуры и объявляет самого себя цензором знаменитого историка.

У нас нет данных о том, чтобы Александр I как-либо вмешивался в работу над рукописью Карамзина, он проявил доверие к историку, веру в его преданность, и вместе с тем это доверие налагало на Карамзина обязанность быть собственным внутренним цензором. Но навряд ли эта внутренняя цензура была значительным усилием автора над собой. Сближение его взглядов со взглядами императора не подлежит сомнению. И один из идеологов русского консерватизма, того его крыла, которое относилось к «консерваторам с прогрессом», мог ощутить серьезную материальную и духовную поддержку уже всей императорской фамилии во главе с самим императором. Произошло то, что должно было произойти. Певец монархизма слился с монархией и, более того, поселился в Петербурге, принявшись за издание своей «Истории» и чрезвычайно расширив связи в высшем свете. Влияние Карамзина усиливается, но произошло это в государстве, которым по существу руководил тот человек, который и вывел его на императора. Временщик Аракчеев стал обладать в государстве особой силой. «Проклятый змей», как окрестил его Волконский, стал руководить внутренней политикой России как раз в то время, когда ее влияние в мире достигло небывалой величины.

Феномен Аракчеева неоднократно привлекал внимание исследователей и мемуаристов. Нет сомнения в том, что Аракчеев был нужен императору, нужен как крепкая рука, как инструмент, при помощи которого он пытался наводить порядок в государстве и держать в руках прежде всего господствующие прослойки. Позиции Аракчеева и при Павле, и при Александре не были неизменными: Павел его ссылал, Александр привлек только в 1803 г., причем, как пишут биографы Аракчеева, и после этого был период некоторого охлаждения, когда группировке Салтыкова, Голицына и Гурьева удалось на некоторое время оттеснить Аракчеева²⁶². Во время войны 1812 г. и последующих походов Аракчеев - изначально все-таки военный деятель - не участвовал ни в одном сражении. Более того, в армии его недолюбливали, и хорошо известно отрицательное к нему отношение А.Ермолова, П.Киселева, А.Закревского - боевых генералов, довольно близких к императору. Военные принципы Аракчеева значительно разнились от тех, что были приняты в армии, стремившейся следовать традициям А.Суворова и П.Румянцева. В одном из писем, направленных генералу Маевскому, Аракчеев написал следующие слова: «У вас есть правило и хвастовство, чтобы подчиненные любили командира; мое же правило, дабы подчиненные делали свое дело и боялись бы начальника, а любовниц так много иметь невозможно»²⁶³.

После разгрома Наполеона, потребовавшего чрезвычайного напряжения сил даже самого Александра, твердо отказавшегося от какого-либо замирения с Наполеоном, хотя к этому склонялись и Константин Павлович, и ряд других лиц, окружавших императора, похоже, что в душе Александра надорвалась какая-то важная струна. Он как-то и физически, и духовно ослабел, и чувствовалось, что императору не хватает сил даже для занятия делами государства. Вот тут-то и пригодился Аракчеев, которому были поручены внутренние державные дела, причем до такой сте-

пени, что даже многим министрам только через Аракчеева можно было добиться выхода на императора. Александр оставил себе ведение внешних дел, где до поры до времени было два равноправных руководителя иностранного ведомства - Каподистрия и Нессельроде.

Аракчеев постепенно становился одним из предводителей консервативных кругов, хотя среди консерваторов продолжали сохраняться различные группировки. Н.И.Греч писал: «При дворе составились две партии. С одной стороны, граф Аракчеев, окруженный подлыми рабами, в сравнении с которыми сам он был героем добродетели, с другой, - князь А.Н.Голицын, к которому примыкали Гурьев и другие подобные»²⁶⁴. Однако, если бы Аракчеев собирал вокруг себя лишь лиц морально недостойных и малозначащих, его влияние навряд ли было бы столь значительным²⁶⁵. Все-таки ему удалось найти общий язык и с Шишковым, и с Карамзиным, и даже с возвращенным Сперанским. Если нужно, он мог составить и проект освобождения крестьян, которых он предполагал избавить от крепостной зависимости путем покупки в казну с предоставлением двух десятин на каждую крестьянскую душу. Ради императора Аракчеев мог играть любую роль, работал он неустанно и все-таки толкал страну в сторону реакции. Он и стал не только одним из ее вдохновителей, но и организаторов. Хотя, конечно, первую скрипку держал в своих руках сам Александр I.

5. ПУТЬ РЕАКЦИИ

1818 г. был последним годом откровенного александровского либерализма. Не случайно услужливый Аракчеев и такой крупный государственный деятель, каким был Е.Канкрин, составили свои проекты освобождения крестьян именно в этом году. Исследователи также давно обратили внимание на то, что именно в этом году вышла статья А.П.Куницына «О конституции» и некоторые другие откровенно либеральные статьи. В самом первом номере «Духа журналов» за 1819 г. была опубликована получившая широкий общественный резонанс статья под названием «Дух времени», где говорилось о преимуществах парламентского строя перед строем абсолютистским²⁶⁶. 1818 г. примечателен и рядом других явно либеральных акций александровского правительства и самого русского самодержца. В этом году был принят Устав образования Бессарабской области - устав конституционного характера, утверждение которого имело не только внутреннее применение, оно было также рассчитано на внешний эффект. Различные другие моменты этого года можно было бы упомянуть как свидетельство возвращения политических качелей в либеральную сторону, но, без всякого сомнения, наиболее крупным событием года следует признать поездку императора в Польшу и его знаменитую варшавскую речь, уже многократно комментировавшуюся.

Эта речь свидетельствует, между прочим, о том, что Александру I все-таки хотелось быть вождем мирового либерализма. Эту роль он еще про-

должает играть, и внешнеполитическая направленность речи не подлежит сомнению. Император еще продолжает быть руководителем российского внешнеполитического конституционализма, конституционной дипломатии, зародившейся еще в конце XVIII в. Но споры и нарекания вызвал даже не сам факт утверждения польской конституции и выступления русского императора в польском сейме в марте 1818 г. Особое впечатление произвела та часть выступления императора, к стати, говорившего на французском языке, где им были произнесены следующие слова: «Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет приготавливаю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»²⁶⁷.

Единства мнения специалистов по поводу истинных намерений царя не существует и, собственно, его не было и в самом начале. Часть из них настаивает на несомненных желаниях Александра I дать России конституцию. Другие же видят в этом политическую игру и прежде всего внешнеполитическую направленность этой речи. Кто из исследователей ближе к истине, трудно сказать. Но факт остается фактом. Речь была произнесена, русские газеты ее перепечатали на русском языке, но, как отметил еще А.Н.Шебунин, за напечатание русского перевода речи министр внутренних дел получил выговор²⁶⁸. Маленький, но интересный штрих, хотя ему и нельзя придавать особого значения. Политика есть политика.

Но что несомненно подтверждается множеством источников, так это заметное волнение в рядах консервативных сил, и не только консервативных. Правда, многоопытный А.Ермолов высказал мнение, что все останется при одних обещаниях²⁶⁹. Он оказался прав, но тогда, весной 1818г., консерваторы не на шутку всполошились. Им мерещилась не только конституция России, но отмена крепостного права, разорение землевладельцев и многое другое. В литературе давно отражено отрицательное отношение к варшавской речи не только хорошо известных консерваторов типа Ф.Ростопчина, но и таких либеральных деятелей, как П.Киселев. Примечательно, что и М.Сперанский отнюдь не поддерживал известные высказывания императора²⁷⁰.

Но кроме реакции петербургских сановников и других представителей высших слоев дворянства, Александр I не мог не учитывать и реакцию дворянского большинства, тех дворян, которые относились к числу мелких и средних помещиков и которые, как отмечено в литературе, составили провинциальную помещичье-крепостническую оппозицию²⁷¹. Они категорически выступали против конституционной направленности в действиях императора, выражали недовольство конституцией Польши и не одобряли отмену крепостного права в прибалтийских губерниях. Они чрезвычайно опасались распространения этих начинаний на остальные регионы России и составили тот мощный пласт недовольных, который подпирал известных консервативных деятелей в правительстве, придавая им уверенность в своих действиях и нацеливая на наступательную политику. В литературе отмечается паника, охватившая провинциальных помещиков центральной России, и то, что даже зарубежные наблюдате-

ли, например французский дипломат Габриак, подчеркивали позиции и интересы русского дворянства, весьма отличные от позиций и интересов императора и его министров²⁷².

Это провинциальное дворянство, составлявшее движущую силу помещичье-крепостнической оппозиции, выдвинуло и своих идеологов, к числу которых относят О.А.Поздеева, участвовавшего еще в подавлении восстания Е.И.Пугачева и прошедшего через масонские ложи. Пользуясь своими довольно широкими связями, в том числе и в высших слоях петербургского общества, Поздеев всячески проводил мысль о неизбежности крепостничества и необходимости опоры на дворянство. В одном из писем (А.К.Разумовскому) он подчеркивал: «Покойная государыня, увидя опытом сама, в ком состоит сила государства, уже после пугачевского бунта перестала думать о вольности крестьян, а зачала разными привилегиями утверждать право и собственность дворян и усиливать их»²⁷³. Поздеев категорически выступал против конституции и просвещения русских крепостных, проводя идеи самой откровенной реакции и выражая тем самым настроения широких кругов провинциального дворянства.

В этих настроениях Александр I смог убедиться сам уже после варшавской речи, предприняв поездку по России в том же 1818 г. Характер этих настроений не оставлял никаких сомнений, что и заставило императора еще раз задуматься над дальнейшими действиями. Тем временем работа над конституцией для России продолжалась. Руководство проектом осуществлял весьма близкий к императору Н.Н.Новосильцев, а конкретное воплощение было доверено французцу П.И.Пешар-Дешану, уже давно находившемуся на русской службе, и П.А.Вяземскому. История этой конституции получила многократное отражение в литературе, в том числе и самой новейшей²⁷⁴. Она предусматривала и разделение властей, и создание русского парламента, и равенство всех граждан перед законом, и федеративное устройство страны. Проект конституции под названием «Государственная уставная грамота Российской империи», конечно, заметно продвинул бы модернизацию государственного устройства страны. Уже одно введение парламента или, как его называли в проекте, государственного сейма (государственной думы) означало бы заметный прогресс, но все-таки слово «конституция» в этом проекте не упоминается не случайно. Не только из тактических соображений, чтобы не возбудить недовольство консервативных слоев общества самим упоминанием о конституции. Прежде всего потому, что конституцией как таковой, то есть основным законом страны, законом выше монарха, она не являлась. Не являлась, поскольку не провозглашала суверенитет народа, который подменялся в этом проекте суверенитетом императорской власти. В 12-ой статье проекта провозглашалось четко и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных»²⁷⁵.

В литературе давно отмечено, что «Уставная грамота» относилась к числу самых консервативных документов своего времени²⁷⁶, но и такой проект был положен под сукно и не получил хода. 1820 год, когда был от-

правлен в ссылку лучший поэт страны А.С.Пушкин, стал годом решительного поворота в сторону политической и социальной реакции. Это не значит, что император полностью отказался от конституционных планов, во всяком случае даже в августе 1825 г., буквально накануне своей кончины Александр I в беседе с Карамзиным высказывал твердое намерение дать России основные законы, то есть конституцию. Это даже дало некоторым исследователям основание не согласиться с отнесением этой части царствования Александра I к реакционному периоду его деятельности²⁷⁷.

Однако оценивать государственных деятелей нужно не по их словам, а по их делам. А дела были таковы, что иначе как политической реакцией назвать их нельзя, что, впрочем, отметили даже такие биографы, как Н.К.Шильдер. Это время привело к заметной перегруппировке консервативных сил, так что даже само слово «консерватор» стало считаться повседневным, как бы отражающим действия благонамеренных сил. Официоз российского министерства иностранных дел, выходявший с 1813 по 1824 г. на французском языке, как уже упоминалось, носил название «Беспристрастный Консерватор»²⁷⁸.

Поворот к реакции был обусловлен рядом внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных. Происходил он в годы крайнего ухудшения экономической конъюнктуры. Резкое падение экспорта вызвало серьезные осложнения в сельском хозяйстве, фритредерские тарифы позволили хлынуть в Россию более дешевым и добротным зарубежным товарам, что чувствительно ударило по слабой российской промышленности и ремеслу, причем до такой степени, что началось сокращение числа фабрик и мануфактур - суконных, шелкоткацких, сахарных и т.д.²⁷⁹.

Весьма значительным был также и внешний фактор в его различных проявлениях. Убийство студентом К.Зандом известного драматурга А.Коцебу, состоявшего на русской службе и отличавшегося откровенно пророссийскими симпатиями, было использовано консервативными силами для прямого давления на Александра I. Еще в мае 1819 г. К.Нессельроде доводил до сведения российского посланника в Берлине Д.М.Алопеуса удовлетворенность императора действиями своего представителя «относительно подавления революционного духа в Пруссии»²⁸⁰. В июле тот же Алопеус докладывал о беседе с Меттернихом, настаивавшем на принятии совместных мер с целью ограничения свободы печати и «ограждения германских государей от грозящей им опасности». Передавая слова Меттерниха, русский посланник далее писал: «Он полагает, что в Германии революционный дух опаснее, чем во Франции, так как в нем больше расчета, систематичности, хладнокровной жестокости»²⁸¹. Примерно в том же духе действовал и Кастрли, утверждавший в беседе с И.Каподистрией, прибывшим в августе 1819 г. в Лондон, что Германия в опасности и причина ее в желании ряда правительств Германии дать своим странам конституции²⁸². Ему как бы вторит австрийский император Франц I, писавший 29 сентября того же года Александру I о духе безумия, овладевшего умами в Европе, особенно в Германии, и так-

же объяснявший его появление ошибочной политикой большинства германских дворов²⁸³.

Конечно, Александр I прекрасно понимал, что и Англия и Австрия хотели толкнуть его на путь реакции, на путь отказа от покровительства ряду малых германских государств, от политики конституционализма и либерализма. Александр все еще пытался играть роль либерала, но события тревожного свойства все нарастали. Убийство Коцебу, покушение на А.Стурдзу, убийство герцога Беррийского, сына графа д'Артуа, будущего короля Франции Карла X, осуществленное в феврале 1820 г. Л.П.Луvielем по политическим соображениям²⁸⁴, - это лишь часть событий, встревоживших Александра. Более серьезное влияние на его мысли оказала новая испанская революция, а также революции в Пьемонте и Неаполе. Но особенно был потрясен впечатлительный русский император беспорядками в собственном доме. Прежде всего речь идет о восстании Семеновского полка в октябре 1820 г. - полка, шефом которого он был сам. Собственно, это было первым крупным выступлением в царской армии, причем в одном из самых знаменитых российских полков.

Сам Александр был убежден в том, что это восстание было организовано неким тайным обществом радикального свойства²⁸⁵. Известие о нем он получил во время конгресса Священного союза в Троппау, куда он отправился далеко не в самом лучшем расположении духа. Буквально за месяц до восстания император побывал в Варшаве, где участвовал в работе второго польского сейма и где его речь заметно отличалась от той, что была произнесена в 1818 г. На этот раз он уже ведет речь о духе, гении зла, стремящемся распространить свою империю, и о необходимости насильственного сопротивления ему. Эта речь столь отличалась от речи 18-го года, что породила слухи, немедленно распространившиеся по всей Европе, о размолвке русского императора с Польшей.

Меттерних ликовал, еще больше он возрадовался событиям в Семеновском полку, понимая затруднения русского царя и неизбежность поворота вправо. Сам Меттерних пытается не только усилить свое личное влияние на Александра, но и лишить его сподвижников из либерального лагеря. Первейшей целью австрийского политика было свержение И.Каподистрии - активнейшего проводника конституционной дипломатии, принимавшего участие в составлении варшавской речи 1818 г. У либерала Каподистрии хватало врагов и внутри России, но на сей раз внешний враг оказался особенно коварным и опасным. И, как уже отмечено в литературе, решающее значение в отставке Каподистрии имел все тот же 1820 год. Именно на конгрессе в Троппау блестящий дипломат почувствовал впервые, как меняется отношение к нему со стороны Александра I²⁸⁶.

Сама отставка, впрочем, последует несколько позднее, но было уже ясно изменение курса и сближение Александра I с Меттернихом и шедшим в его русле К.Н.Нессельроде - соперником Каподистрии в российском министерстве иностранных дел. Изменения в настроениях и действиях самого российского императора были разительными. Он явно сближается с Меттернихом, с которым всего несколько лет назад у них едва

не состоялась дуэль и, более того, Александр не стесняется прямо признаваться в своих прежних ошибках. Александр не только вновь высказывается о необходимости бороться против империи зла, руководимой сатанинским духом²⁸⁷, но и ведет себя с Меттернихом как с товарищем по оружию. В мемуарах Меттерниха есть примечательное место, где Александр объясняет свои поступки самого последнего времени. «Вы не понимаете, - якобы говорил русский император, - почему я теперь не тот, что прежде; я вам это объясню. Между 1813 годом и 1820 протекло семь лет, и эти семь лет кажутся мне веком. В 1820 году я ни за что не сделаю того, что совершил в 1813. Не вы изменились, а я. Вам не в чем раскаиваться; не могу сказать того же про себя»²⁸⁸.

Дорога реакции была открыта, хотя позднее в действиях Александра можно усмотреть и некоторые колебания, и такие поступки, которые озадачивали современников, а впоследствии и историков. Примерно в это же время императору было доложено с указанием конкретных имен о существовании тайных обществ в стране. Наиболее полной была записка А.Х.Бенкендорфа, но император ее отложил и никаких мер не принял. Более того, он признал, что действия членов тайных обществ не шли вразрез с его прежними устремлениями и преследовать заговорщиков все равно, что преследовать его самого, хотя и в более раннее время.

Еще одно обстоятельство, не совпадающее с реакционной политикой того времени, заключалось в освобождении, а затем и некотором возвышении М.Сперанского, причем до такой степени, что император соизволил не только встретиться с ним, но даже совместно работать по ряду вопросов, прежде всего по сибирским делам. Сперанский еще в 1816 г. был назначен пензенским губернатором, в 1819 г. он становится сибирским генерал-губернатором. Но что любопытно, именно в конце 1820 г., когда четко обозначился поворот вправо, Сперанскому было сказано, что он может быть принят императором, хотя и не раньше марта 1821 г. Правда, принят он был только в июне, а в июле уже назначен членом Государственного совета по департаменту законов. Однако прежнего положения Сперанскому достигнуть не удастся, и далее последовало новое к нему охлаждение императора. В 1823 г. он был принят императором три раза, а затем ни одного²⁸⁹. Влияние Сперанского на ход дел государства после 1820 г. было намного слабее, чем до 1812. Он сохранил свой большой государственный ум, на что обратил внимание его бывлой противник Карамзин, но все-таки Сперанский уже не был прежним либеральным реформатором. Он стал более осторожным, осмотрительным, и не случайно его сближение с Аракчеевым, который, собственно, и проложил ему дорогу к императору. Видимо, не случайно и его сближение с Карамзиным, прямо говорившим Александру I о необходимости шире использовать Сперанского в государственных делах²⁹⁰.

Но последние пять лет правления Александра I были все-таки годами все более усиливавшейся реакции. Бывший глава либерализма по существу становится предводителем консерватизма и реакции. Эта реакция прослеживается в разных направлениях и сферах деятельности александ-

дровского правительства, в том числе и тех, где он еще сравнительно недавно намечал существенные преобразования. Большую часть своего правления Александр шел по пути ограничения крепостнических отношений. Указ о «вольных хлебопашцах» 1803 г., в котором некоторые исследователи даже усматривали попытки насаждения русского фермерства, указы от 10 марта 1809 г. и 5 июля 1811 г., которыми были запрещены ссылки крепостных в Сибирь на каторжные работы и на поселение по воле помещиков, были встречены с неодобрением широкими консервативными кругами. Последующие слухи о подготавливавшихся реформах встретили ропот и открытое недовольство в среде землевладельческого дворянства. В 1818 г. московское дворянство самым прямым образом высказало свое недовольство преобразовательными начинаниями правительства²⁹¹, узнав о продолжающихся работах по отмене крепостного права и о том, что к ним привлечены сановники самого высокого достоинства.

Иная политика прослеживается после 1820 г., причем она может быть охарактеризована как полная противоположность той, что имела место еще совсем недавно. 3 марта 1822 г. император утверждает мнение Государственного совета «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселения». Этот закон не только не ограничивал крепостнических устремлений помещичьих кругов, но, более того, впервые за 21 год правления Александра явно расширял права помещиков, расширял в такой мере, что некоторые исследователи рассматривали его как апогей крепостничества²⁹². В значительной степени этот указ перечеркнул всю многолетнюю работу по ликвидации крепостничества, и дальнейшее развитие крепостнических отношений получило свою юридическую подпорку.

Отказавшись дать ход конституции Новосильцева, Александр I положил преграду на пути государственного преобразования России, ее административного и правового переустройства. Утвердив Указ от 3 марта, Александр отказался от решения второго главнейшего направления его деятельности - смягчения и затем упразднения крепостного права в стране. Россия осталась важнейшим форпостом крепостничества в Европе, да и не только в Европе. Перекрыв преобразовательские пути в этих двух важнейших сферах жизни страны, Александр вместе с тем обратил внимание на духовную сферу, предоставив простор деятельности самой оголтелой реакции, во многом напоминавшей то, что происходило во время правления его отца. Нашлись верные сподвижники, готовые на суровые меры и даже чудовищные гонения. Что особенно примечательно, так это то, что проводниками идейной реакции были отнюдь не безграмотные и недалекие чиновники. Среди них оказались еще недавние вроде бы убежденные либералы, достаточно хорошо подготовленные, более того - бывшие сподвижники Сперанского, как, например, М.Л.Магницкий, выпускник Московского университета, или довольно хорошо расположенный к нему К.Нессельроде, ставший вскоре единоличным правителем Министерства иностранных дел.

Среди деятелей идеологической реакции складывается новая идеологическая установка, довольно четко изложенная одним из ее проводников - Д.П.Руничем. Несколько позднее описываемых событий он отметил в своих воспоминаниях: «Русский народ еще не вышел из детства. С ним еще нельзя говорить о свободе. Быть может, его толкали слишком насильственно на путь цивилизации»²⁹³. Тезис о том, что русский народ, вообще Россия, еще не дозрели до современных институтов, вообще для свободы, стал одним из самых распространенных в стане консерваторов, и он проигрывался неоднократно на всех этапах истории развития русского консерватизма. Еще несколько лет назад он не мог рассчитывать на серьезную поддержку в верхах и получить сколь-нибудь широкое распространение. После 1820 г. ситуация изменилась самым серьезным образом. Консерватизм и реакция перешли в решительное наступление²⁹⁴.

Проводниками новой, в существе своем реакционной установки становятся даже не закоренелые консерваторы, а лица, еще недавно проходившие по либеральному лагерю. Изменение их взглядов было, как правило, самым решительным, вплоть до перехода на противоположные позиции. Они становятся антизападниками, поборниками воинствующей религиозности, решительными противниками конституции, парламентов, гражданского общества. Одним из таких оборотней-обскурантов был некогда весьма близкий сотрудник М.М.Сперанского М.Л.Магницкий, человек, как считали близко знавшие его мемуаристы, умный и знающий. С падением Сперанского Магницкий сам познал гонения и унижения. В 1812 г. он был сослан в Вологду до 1816 г., но сумел найти дорогу к А.Аракчееву и А.Голицыну и стал сначала вице-губернатором в Воронеже, а затем даже губернатором в Симбирске. Вскоре он был назначен членом Главного правления училищ и, хорошо понимая изменившуюся обстановку, выступил категорическим противником либеральных начинаний. Уже позднее, будучи активным литератором, он написал полемическую статью «Судьба России», направленную против Н.М.Карамзина и пронизанную крайним антизападничеством. В ней он восхвалял татарское господство, считая его благом, поскольку оно позволило удалиться от Европы и благодаря этому сохранить чистоту христианской веры. В петровских же реформах он видит благо не в использовании Россией западных достижений, а в том, что Россия обновляла и очищала Европу.

Бывший вольтерянец и даже, как пишут в литературе, безбожник становится активным противником французской просветительской литературы XVIII в., причем до такой степени, что, организовав в Симбирске Библейское общество и побудив вступить туда всех чиновников и дворян, он стал устраивать на площади публичные сожжения сочинений Вольтера и близких ему по духу литераторов XVIII в.²⁹⁵ Подвизавшись на поприще ведомства просвещения, он выезжает ревизовать казанские учебные заведения. Результатом этой ревизии стал отчет о деятельности Казанского университета, который был обвинен во множестве грехов, начиная от растраты казенных денег до безбожной системы преподавания.

Апогеем этого отчета было предложение разрушить само здание университета с целью покончить с якобы распространившейся там духовной заразой. «Подвиги» Магницкого, таким образом, были замечены, и он назначается попечителем Казанского учебного округа и получает установку по преобразованию этого университета. Любопытно, что одна из новых кафедр, которая была создана в университете, называлась кафедрой конституции, но в ее задачу входило как раз развенчание конституций как таковых и ряда конкретных конституций в частности. В число этих конституций входили не только основные законы типа французского, но и польская конституция, дарованная самим императором. Магницкий начал свою деятельность попечителя тем, что сразу уволил одиннадцать профессоров, постоянно пополняя число уволенных. Антизападный уклон новой учебной политики выразился и в том, что византийское право было заменено преподаванием римского права. Прямо на глазах один из первых университетов страны стал превращаться в центр мракобесия, а сам учебный процесс в нем - приобретать монастырские черты.

Как любой политический ренегат, Магницкий стремился подвести под свои действия идеологическую базу. Он широко демонстрирует свою озабоченность состоянием образования и воспитания, представляя их чуть ли не катастрофическими. По его мнению, князь века тьмы (вспомним «империю зла» у самого Александра I) сеет безбожие, ложь и клевету. Противопоставить ему можно только организованный отпор правильной правительственной политики в области просвещения. Эту, по его мнению, правильную политику он считает необходимым строить на двух основных принципах - православия и самодержавия. Только таким образом можно будет спасти народ от тлетворного влияния «князя тьмы» и вообще спасти Россию от погибели, которая якобы ей угрожает, поскольку имеется широко раскинувшийся заговор против бога и царей²⁹⁶.

Хотя Магницкий был заметно правее Карамзина и даже с ним полемизировал, оба они, как и Шишков, были прямыми вдохновителями формирувавшейся новой политической доктрины, получившей свое оформление несколько позднее в известной триаде С.Уварова. Пока же «подвиги» Магницкого в Казани стали примером для подражания в других учебных округах и прежде всего в столичном - Петербургском, где у него нашлись последователи и продолжатели. Среди них прежде всего следует назвать попечителя Петербургского учебного округа Д.П.Рунича, директора Петербургского педагогического института Д.А.Кавелина, отца будущего знаменитого юриста-западника, инспектора университетского пансиона Я.В.Толмачева. Если Магницкий начал свою деятельность попечителя увольнением 11 профессоров, то Рунич для начала направил свой удар против четырех профессоров. Для организации этого удара Кавелин использовал конспекты лекций профессоров К.Ф.Германа и К.И.Арсеньева по статистике, А.И.Галича по истории философии и Э.Раупаха по всеобщей истории, - лучших профессоров, как их характеризовали в литературе²⁹⁷. И вот этих лучших профессоров подвергли уни-

жениям, оскорблениям и публичному разбирательству. Дошло до того, что в сентябре 1821 г. было приостановлено чтение их лекций.

Балугьянский, который был ректором университета, попытался взять под защиту опальных профессоров, но безрезультатно. Убедившись в тщетности своих усилий, он подает прошение об отставке и в октябре того же года это прошение было удовлетворено. Балугьянский остается в университете профессором²⁹⁸.

К.И.Арсеньев был профессором либерального направления. Его перу принадлежали «Краткая всеобщая география» и «Начертание статистики российского государства», вышедшие соответственно в 1818 и 1819 г. и получившие значительное по тем временам распространение. Галич в 1818-1819 гг. издал «Историю философских систем», которая включала описание философских взглядов от античности до системы Шеллинга. Обоих обвинили в попытках свержения православной веры и призывах к революции. Примерно те же обвинения были направлены и против других профессоров. Эта скандальная история буквально сотрясла молодой университет и разделила его преподавательский состав на две группы. С одной стороны те, кто были близки к Балугьянскому, с другой - его противники. Опальных профессоров допрашивали по составленным Руничем и его сторонниками пунктам. Даже Н.Греч, сам заметно поправевший и ставший впоследствии одним из активнейших проводников теории и практики «официальной народности», в своих мемуарах записал: «Едва ли можно поверить, чтобы нечто подобное могло случиться в XIX веке, в царствование Александра I»²⁹⁹.

Э.Раупах был вынужден покинуть Россию, Арсеньев получил поддержку будущего императора Николая I. Кое-как удалось приспособиться учителю К.И.Арсеньева, основателю научной статистики в России К.Ф.Герману и А.И.Галичу, но обстановка в университете резко изменилась. Он потерял лучших своих профессоров и окунулся в атмосферу политической реакции³⁰⁰. Реакция эта в духовной сфере была весьма многолика. Коснулась она и цензуры: на смену сравнительно либеральному уставу 1804 г. пришел более жесткий устав 1817 г. Дело доходило до курьезов. Так, цензурным преследованиям подвергся сам Магницкий, представивший в конце 1823 г. переведенную им работу под названием «Нечто о конституциях». Представил он ее без указания своего имени, а Голицын уже из-за одного ее названия приостановил издание. И хотя Цензурный комитет признал это сочинение, направленное против конституций, вполне выдержанным в духе самодержавия, тем не менее он не дал ему дороги в печать. При этом приводилось три основных аргумента. Первое - то, что в государстве, благоденствующем под самодержавным правлением, нет нужды вообще публично рассуждать о конституциях. Во-вторых, выражалось опасение, что антиконституционные выпады этого сочинения могут быть плохо восприняты в союзных с Россией конституционных государствах. И в-третьих, они посчитали, что издание такой работы может дать повод для появления других сочинений о конституциях. Примечательно, что сменивший Голицына А.Шишков утвердил

эти соображения Цензурного комитета³⁰¹, в результате чего один из проводников духовной реакции, Магницкий, хотя и успевший переориентироваться на Аракчеева, тем не менее стал на этот раз жертвой цензуры.

Цензурным ударам подверглись и учебники, многие годы использовавшиеся в учебных заведениях. К ним относились и «Руководство к познанию всеобщей политической истории», вышедшее в 1821 г. 13-м изданием, и «Краткое начертание всемирной истории» И.К.Кайданова, вышедшее в 1821 г. 16-м изданием. Даже книга «О должностях человека и гражданина», авторство которой приписывали самой Екатерине, и «Басни Федра» были допущены к преподаванию лишь условно³⁰². Нечего и говорить о том, что нашлось достаточно предлогов для нападков на книгу профессора Петербургского университета А.П.Куницына «О естественном праве», которую сочли противоречащей истинам христианства и ниспровергающей семейные и государственные устои. Куницыну пришлось покинуть университет. Цензурным гонениям подвергались авторы различных ориентаций. Так, еще в марте 1819 г. пастору Зедергольму за изданный им на немецком языке в 1818 г. краткий катехизис было запрещено занимать учительскую должность по Харьковскому округу. Несколько позднее, в 1823 г. сам Голицын повелел сделать замечание князю Шаликову - издателю «Дамского журнала» за его эпикурейские настроения и прославление чувственных наслаждений. Цензура начала следить не только за мыслями авторов, но также и за их слогом и выражениями, не останавливаясь перед правкой произведений самых выдающихся писателей того времени³⁰³.

Еще 20 апреля 1820 г. Комитет министров постановил отозвать из всех германских университетов всех русских студентов, но не получил соответствующего одобрения императора. Однако в феврале 1823 г. все-таки было запрещено обучаться в четырех германских университетах, признанных особенно опасными³⁰⁴.

В этой обстановке либеральная прослойка в правительственных учреждениях заметно ослабевает, а консервативно-реакционные круги получают явное преобладание. И, как это обычно бывает, не встречая серьезного сопротивления либералов, эти два направления вступили в борьбу между собой, начиная взаимно уничтожать друг друга. Группировка Голицына приходит в прямое противоречие с группировкой Аракчеева и терпит сокрушительное поражение. Аракчеев получил поддержку недовольных из кругов православной церкви, с неодобрением относившихся к деятельности Библейского общества. Митрополит Серафим, архимандрит Фотий, получивший доступ к императору, их многочисленные сторонники открыто выражали недовольство тем, что приоритетная роль православной церкви начинает падать. Именно они были активно использованы Аракчеевым для нанесения удара его сопернику с целью ослабить его влияние на императора³⁰⁵. Голицыну пришлось покинуть и пост министра, и пост президента Библейского общества. Министром назначается Шишков, а во главе Библейского общества становится Серафим, который повел борьбу против общества и способствовал его закры-

тию уже в самом начале царствования нового императора - Николая I. Голицын, правда, сохранил некоторое положение в государстве и личное расположение самого императора Александра. Но влияние Аракчеева и его приверженцев возросло чрезвычайно.

Став министром, Шишков повел откровенную борьбу против «духа времени», к которому еще недавно повелевал прислушиваться сам Александр I. Свою программу борьбы против него он изложил в специальной записке, поданной императору и одобренной им. В ней шла речь о противодействии «разврату общества», распространившемуся в книгах, о необходимости укрепления церкви и императорской власти. Шишков обязался искоренять «зло»³⁶⁶ и эти обязательства исполнял исправно. Будущий член Верховного суда, участник расправы над декабристами стал осуществлять идею сословного образования, получившую юридическое оформление несколько позднее в Уставе 1828 г. о гимназиях и училищах. Ему же было доверено управление делами иностранных вероисповеданий, которое он подчинил общей идеологической установке тех лет. Заметно правел официальный курс правительства, правел и А.С.Шишков, хотя в мистицизме он видел опасность не меньшую, чем в неверии.

Общее поправление курса сказалось и на проведении внешней политики страны. Она стала предметом широкого обсуждения во время Греческой революции 20-х годов. Выступление греков сразу же получило поддержку самых различных общественно-политических кругов России³⁶⁷, но император не решился на открытую поддержку, хотя, задумывая Священный союз, несомненно рассматривал его как инструмент борьбы против Османской империи³⁶⁸. Невмешательство в греческие дела, конечно, объяснялось прежде всего опасением настроить против себя европейские державы. Был здесь определенный политический резон. Но общество очень болезненно восприняло позицию императора. Оно все более осознавало зависимость Александра от Меттерниха. Это прекрасно понимал сам австрийский министр. Любопытно, что на замечание своего предшественника И.Ф.Стадиона о подчинении Австрии политике России Меттерних отвечал с полной убежденностью: «Не Россия нас ведет, а мы ведем императора Александра и по очень простым причинам: он нуждается в советниках; на Каподистрию он смотрит, как на вождя карбонариев; он не доверяет своей армии, своим министрам, своему народу. В таком положении не ведут»³⁶⁹.

Пытаясь в этих обстоятельствах найти свое место в рамках европейского консерватизма, Александр I все-таки его не находит. И дело не только в том, что вчерашнего либерала не очень-то хотели принимать в правящих домах Европы. Дело в значительных изменениях международной обстановки и в больших отличиях между западным и русским консерватизмом. Когда стояла задача борьбы против общего врага, эти различия отходили на второй план. Иная картина складывается после 1815 г. Взлелеянному Александром I Священному союзу противопоставилась своеобразная федерация во главе с Римским папой, считавшим, что он имеет большие основания для лидерства в христианском мире, нежели импера-

тор далекой Московии. Тем более что и в самой России возобладали проправославные настроения и часто выражалось недовольство переходом в католичество представителей ряда аристократических семейств. Столь близкий недавно де Местр, с его проповедью католицизма и верховенства папы, стал неугоден и был вынужден покинуть Россию еще в 1817 г. Книга де Местра, вышедшая в 1819 г. и посвященная Римскому папе, вызвала раздражение Александра I и стала одним из поводов к окончательному изгнанию иезуитов из России³¹⁰. И тем не менее происходило все более заметное сближение русской и австрийской политики.

В 1822 г. И.Каподистрия был вынужден уйти в отставку. В правительстве пал последний крупный оплот либерализма. Его отставка - результат действия разных сил внутреннего и внешнего характера. Конечно, сыграли свою роль и козни Меттерниха, буквально ненавидевшего «ловкого грека» за противопоставление мелких немецких государств Австрии и за поддержку итальянских патриотов против той же Австрии, а греческих патриотов против Османской империи. Но и внутри России против Каподистрии сложились немалые силы консервативной «партии». Ему не хотели простить участия в подготовке варшавской речи и вообще проконституционной ориентации. Даже деятели типа В.Н.Каразина, немало сделавшего для просвещения страны, которого, собственно, можно отнести к консервативной «партии», правда, с рядом серьезных оговорок, ополчились против Каподистрии³¹¹. Нечего и говорить о происках шедшего за Меттернихом Нессельроде, но и давний знакомый последний - М.Сперанский, как отмечено в литературе, также был причастен к удалению Каподистрии³¹². Сперанский был уже далеко не тот, что до 1812 г., и явно стремился снискать расположение Аракчеева, тоже подкапывавшегося под Каподистирию.

Временщик Аракчеев фактически становится вторым человеком в государстве. Либеральные круги заметно ослабевают, но тут возникает третья общественно-политическая сила. Отказ от проведения реформ, сохранение крепостничества и промедление, а затем и полное отрешение от конституционных преобразований привели к созданию нового течения - течения революционного. Это была ответная реакция на консервативный реванш, реакция, больше проявлявшаяся в скрытых формах, но вовлекавшая в свои ряды все новых и новых членов. Она была вызвана и серьезными экономическими провалами, которые не смог предотвратить новый тариф 1822 г. Она была вызвана и недовольством внешней политикой царизма, в частности нежеланием поддержать греков. Примечательно, что после страшного наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г. в народе распространился слух, что это кара божия за неоказание Россией помощи единоверным грекам³¹³.

Хотя в 1822 г. последовало высочайшее указание о ликвидации в России мasonicких лож и прочих тайных обществ, именно в начале 20-х годов в России зарождается революционное движение как организованная политическая сила. О том, что в начале 20-х годов в стране возникло революционное движение, писали исследователи различных направлений.

В.И.Ленин датировал начало первого этапа освободительного движение приблизительно 1825-м годом. Примерно так же датируют его кадетский историк А.Корнилов³¹⁴ и Н.Шильдер³¹⁵. Таким образом, александровская эпоха может характеризоваться как время зарождения всех трех общественно-политических течений страны. Это время возникновения «консервативной партии», как ее, например, называл, причем без кавычек, А.Н.Пыпин - один из лучших знатоков общественного движения прошлого столетия³¹⁶. Это время оформления русского либерализма, и это эпоха зарождения революционного движения, революционного радикализма. Эти три течения прошли через весь XIX век и переметнулись на век XX, где им была уготована жестокая и бескомпромиссная схватка. Но в начале 20-х годов революционное движение было представлено всего лишь несколькими сотнями декабристов. Даже если увеличить их число за счет актива сочувствующих, у них не было возможности одолеть сто тысяч душевладельцев, которые и предопределили новую российскую реакцию. Это хорошо понимал Александр I, отказавшийся, однако, от решительного преследования заговорщиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. М. 1995. С.27.
2. Там же.
3. *Шмидт С.О.* Проект П.И.Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» // Исторический архив. 1962. № 6. С. 100-118.
4. Сам Петр III высоко оценивал эту деятельность Елизаветы. См.: Манифест о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. // Столетье безумно и мудро. М.. 1986. - (История Отечества в романах, повестях, документах, в. XVIII). С. 285.
5. *Каменский А.* Под сенью Екатерины. Лг., 1992. С. 349.
6. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб, 1901. С. 466.
7. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 248.
8. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т.IV. М., 1989. С. 329.
9. Там же. С. 328.
10. *Павленко Н.И.* Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.) М., 1964. С. 388.
11. Там же.
12. *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964, С. 432; *Павленко Н.И.* Указ. соч. С.391.
13. *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 441.
14. *Дитятин И.И.* Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения». Ростов н/Д, 1905. С. 54.
15. Там же. С. 55.
16. *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. XIV. М., 1994. С. 31.
17. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.31.
18. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С.32.
19. *Стенник Ф.* Сумароков - драматург // А.П.Сумароков. Драматические сочинения. Лг., 1990. С. 3-4.

20. *Заусницкий*. Сумароков - сын своего времени // А.П.Сумароков. Его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей. М., 1911. С. 15.
21. *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 444.
22. Там же. С. 433.
23. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под ред. Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. С. 74.
24. Там же. С. 75.
25. *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 445.
26. *Омельченко О.А.* «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1977. С. 15.
27. *Тарановский Ф.В.* Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.В.Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 44.
28. Наказ императрицы Екатерины II. С. 3.
29. Там же.
30. *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С. 48.
31. Там же. С. 85.
32. *Омельченко О.А.* Указ. соч. С. 18.
33. *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С. 83.
34. *Леонтович В.В.* Указ. соч. С.27.
35. Наказ императрицы Екатерины II. С. 1-3.
36. *Омельченко О.А.* Указ. соч. С.23.
37. *Белявский М. Т.* Представительство крестьян в Уложенной комиссии 1767-1768гг. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 322-323. Для сравнения см.: *Дитятин И.И.* Указ. соч. С. 23.
38. *Флоровский А.В.* Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг. Одесса. 1915. С. 311.
39. *Белявский М.Т.* Указ. соч. С. 323.
40. *Флоровский А.В.* Указ. соч. С. 4.
41. *Гентике Л.В.* Классовые противоречия в законодательной Комиссии 1767 года (В связи с обсуждением наказов от государственных крестьян) // Труды среднеазиатского государственного университета им. В.И.Ленина. История. Ташкент, 1954. в. 57. Кн. 7. С. 107.
42. Там же. С. 109.
43. *Белявский М.Т.* Указ. соч. С. 323.
44. *Милое Л.В.* «Комиссия об уложении» 1767 г. // Историческая энциклопедия. Т.7. М., 1967. С 563.
45. *Гентике Л.В.* Указ. соч. С. 111.
46. *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. V. С 87-88.
47. *Дитятин И.И.* Указ. соч. С.69.
48. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 88.
49. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 27. С. 79.
50. Там же. С. 85.
51. *Гентике Л.В.* Указ. соч. С. 111-112.
52. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 27. С. 89.
53. О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и путешествие А.Радищева. Факсимильное издание. М, 1985. Комментарии. С. 31-35.

54. Там же. С. 61.
55. Там же. С. 72.
56. Там же. С. 119.
57. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М.Щербатов. М., 1967. С. 235.
58. О повреждении нравов в России. Комментарии. С. 35.
59. См.: Попов М.С. Арсений Мацеевич и его дело. СПб., 1912.
60. Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 284.
61. Там же. С. 284-285.
62. Грацианский П.С. Политическая идеология русского самодержавия во второй половине XVIII в. // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М., 1980. С. 28.
63. Леонтович В.В. Указ. соч. С. 33.
64. Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 27. С. 63-66.
65. Голикова Н.Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.) М., 1964. С. 269.
66. Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 446.
67. Учреждение для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Столетье безумно и мудро. С. 297.
68. Цит. по: Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 455.
69. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 80.
70. Абрамова И.Л. Сословная политика Павла I. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1990. С. 10-15.
71. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 139.
72. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 105.
73. Абрамова И.Л. Указ. соч. С. 16.
74. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 300.
75. Там же. С. 393.
76. Греч Н.И. Указ. соч. С.254.
77. О характере А.Аракчеева см. воспоминания Д.Мертваго, работавшего под его началом: Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824. Изд. «Русского архива». М., 1867. С. 234-248.
78. История буржуазного конституционализма. XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 239-258.
79. Там же. С. 273.
80. Новый энциклопедический словарь. Т. 17. С. 168; Шильдер Н.К. Император Павел Первый. С. 478-479.
81. Ключевский В.О. Указ. соч. Т. V. С. 194.
82. См.: Сахаров А.Н. Александр I (К истории жизни и смерти)// Российские самодержцы. М., 1993. С. 14-90.
83. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 248-249.
84. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т.2. СПб., 1904. С. 1-2.
85. Корнилов А. Курс истории России XIX века. Часть I. М., 1912. С. 76.
86. Еще А.Н.Пытин - один из первых исследователей царствования Александра I подчеркивал, что «он был либералом, приверженцем конституционных учреждений». См.: Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., Изд. 4-е. 1908. С. 3.

87. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 66-67, 147.
88. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. I. С. 164.
89. Там же. С. 122.
90. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. Ч. 1. С. 113.
91. *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 278-280.
92. *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Лг., 1988., С. 9.
93. Неудовольствия александровскими мероприятиями заметны уже в 1803 г. См.: *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 101-102.
94. *Чечулин Н.* Константин Павлович // Русский биографический словарь. Т. 9. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 158.
95. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. III. С. 319.
96. *Алексеев В.П.* Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа. Т. 2. М., 1911.
97. *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998, С. 97-100.
98. См.: *Николай Михайлович.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1-3. СПб., 1908-1909.
99. *Божерянов И.Н.* Великая Княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888. С. 2, 29, 66.
100. *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1886. Ч. 1. С. 322.
101. *Кислягина Л.Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н.М.Карамзина // *Карамзин Н.М.* История Государства российского. М., 1989. С. 498.
102. *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 78.
103. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Лг., 1984. С. 383.
104. *Эйдельман Н.* Последний летописец. М., 1983. С. 64.
105. *Завитневич В.З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений. Киев, 1907.
106. *Федоров В.А.* Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы XIX - начала XX в. М., 1995. С. 47.
107. *Рунич Д.П.* Записки // Рус. старина. СПб., 1901. № 2. С. 356.
108. *Пивоваров Ю.С.* Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 9.
109. *Погодин М.* Указ. Соч. Ч. II. С. 59.
110. *Карамзин Н.М.* История государства российского. Т. 1. М., 1989. С. 11.
111. Воспоминания Ф.П.Лубяновского. 1777-1834. М., 1872. С. 261.
112. *Пивоваров Ю.С.* Указ. соч. С. 9.
113. *Погодин М.* Указ. Соч. С. 68.
114. *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. Л., 1957. С. 272.
115. *Минаева Н.В.* Указ. Соч. С. 89-90.
116. *Божерянов И.Н.* Указ. соч. С. 36.
117. *Божерянов И.Н.* Указ. соч. С. 39.
118. Там же.
119. *Погодин М.* Указ. Соч. С. 81.

120. Там же.
121. *Божерянов И.Н.* Указ. соч. С. 39.
122. Русский архив. СПб., 1870. С. 2229.
123. *Ларионов Е.О.* К изучению исторического контекста «Записки о древней и новой России» Карамзина // Николай Михайлович Карамзин. 1766-1826. Сб. статей. М., 1992. С. 4-12; Об издании Р.Пайпса на английском языке см. Введение; Сахаров А.Н. Александр I. М. 1998, С. 97-100.
124. Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Фонд (далее: Ф) 672 (Ф. Николая I), оп I, д. 275, Л. 1-138.
125. *Сахаров А.Н.* Бессмертный историограф. Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII - начало XX века. М., 1996. С. 95.
126. Выдержки из Записки цитировались по: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991; Русский архив, 1870 г. СПб., 2229-2350.
127. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 220.
128. Там же. С. 221.
129. *Погодин М.* Указ. соч. Ч. II. С. 87.
130. Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888. С. 37.
131. Там же. С. 42.
132. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 83. С. 42.
133. *Божерянов И.Н.* Указ. соч. С. 42.
134. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 282.
135. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 232.
136. *Минаева Н.В.* Указ. соч. С. 151.
137. *Карпец В.И.* Муж отечестволюбивый. Историко-литературный очерк. М., 1987. С. 22.
138. *Эйдельман Н.* Последний летописец. С. 54.
139. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Берлин, 1870. С. 120.
140. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 446.
141. *Захаров И.С.* Усадьбы, или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход. СПб., 1802; *Его же:* Хозяин-винокур. СПб., 1808.
142. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. С. 86.
143. Там же. С. 66.
144. Там же. С. 84-85.
145. *Карпец В.* Указ. соч. С. 24.
146. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 221.
147. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Том I. С. 53.
148. Архив Князя Воронцова. Кн. 11. С. 391.
149. Там же. Кн. 29. С. 451-470.
150. *Рахимир П.Ю.* Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 49.
151. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. Пер. с польского. М., 1990. С. 228.
152. *Галкин А.А., Рахимир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М., 1987. С. 7-8.
153. История буржуазного конституционализма. XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 74-75.
154. Там же. С. 91-92.
155. Там же. С. 97-99.
156. *Шацкий Е.* Указ. соч. С.229.

157. В последние годы вышло два отдельных издания сочинения Бёрка на русском языке. Одно сокращенное: *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. Другое - полное - вышло в Лондоне. См.: *Берк Э.* Размышления... 1992; См. также: *Берк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного. М., 1979.

158. *Вайнштейн О.* Очерки по истории французской эмиграции эпохи великой революции (1789-96). Харьков, 1924.

159. Взгляды Малле дю Пана подробно разобраны А.Н.Шебуниным в его книге «Европейская контр-революция в первой половине XIX века.» Лг. 1925. С. 10-31.

160. *Histoire des idées politiques.* Т. 2. Paris, 1962, p.483-484.

161. *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 113.

162. Там же. С. 106.

163. *Козлова Н.Ю.* Буржуазные учения о федерализме XVIII-XIX вв. М., 1988. С. 81.

164. *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 29.

165. *Галкин А.А., Рахимир П.Ю.* Указ. соч. С. 32.

166. *Эпштейн А.Д.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961. С. 397.

167. См.: *Инсаров (Раковский Х.Г.)* Князь Меттерних. СПб., 1905.

168. История буржуазного конституционализма. С. 148.

169. *American history: A survey.* New York, 1979, p.144-145. См. также: *Фортуна-тов С.* История политических течений в Соединенных Штатах. М., 1879.

170. *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX века. М., 1974. С. 15.

171. См.: *Окунь С.Б.* Российско-американская кампания. М.; Л., 1939.

172. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 391.

173. *Баррюель О.* Вольтеррианы, или история о якобинцах... М., 1805-1806. Ч. 1-12.

174. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. 1. С. 164.

175. Подробнее см.: *Местр Жозеф де.* Петербургские письма. 1803-1817. Сост. пер., предисл. В.Д.Соловьева. СПб., 1995.

176. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 1. С. 97-98.

177. *Макашин С.* Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII-XIX вв. // Лит. наследство. № 29-30. М., 1937. С. XXV; Рус. старина. 1886. № 9. С. 575.

178. *Макашин С.* Указ. соч. С. XXV.

179. *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // Лит. наследство. № 29-30. М., 1937. С. 590.

180. Там же. С. 587, 599.

181. Там же. С. 592.

182. Русский биографический словарь. Т. II, С. 583.

183. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. III. С. 63.

184. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 244, 276.

185. О связях Г.Ф.Паррота с Николаем I и Александром I см.: *Мардарьев М.Е.* Император Николай и академик Паррот // Рус. старина. СПб., 1898. Кн. VII. С. 139-152.

186. ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 370. Л. 3.

187. Там же, Л. 3; Письмо впервые было опубликовано в Германии в 1894 г., затем с большими купюрами в России. См.: *Мардарьев М.* Письма и записки Георга-Фридриха Паррота к императорам Александру I и Николаю I // Рус. старина. Т. 83. СПб., 1895. Кн. IV, С. 217. Мы используем оригинал письма на французском языке.

188. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 109.
189. *Баранов П.* Михаил Александрович Балугьянский (1769-1847). СПб., 1882. С. 1-2.
190. Русский биографический словарь. Т. II. С. 453-454.
191. *Баранов П.* Указ. соч. С. 41.
192. *Фабер Г.Т.* Примечания о французской армии последних времен, с 1792 по 1807 год. СПб., 1808.
193. *Фабер Г.Т.* Бич Франции или коварная и вероломная система правления нынешнего повелителя французов, описанная очевидным наблюдателем. СПб., 1813. 2-е изд. 1814 г.
194. А.Н.Пыпин высоко оценивал влияние европейских идей и считал, что именно во время Александра I это влияние «особенно глубоко подействовало на умы и в первый раз сообщило им политические стремления». См.: *Пытин А.Н.* Указ. соч. С. 1.
195. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. 2. СПб., 1994. С. 259-260.
196. *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Том второй. СПб., 1880. С. 89.
197. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902. С. 42.
198. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 369.
199. *Николай Михайлович.* Дипломатические сношения России и Франции по доносениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808-1812. Т. V. СПб., 1907. С. 93.
200. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 271.
201. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Т. 3. С. 35-36.
202. Там же. Т. 4. С. 116.
203. См.: *Семевский В.И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. Т. II. М., 1911.
204. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 1. С. 121.
205. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 279.
206. *Божеянов И.Н.* Указ. соч. С. 43-44.
207. *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Ч. 5. СПб., 1848. С. 128.
208. Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Рус. старина. СПб., 1885. Т. 47. С. 393.
209. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 57.
210. Там же. С. 3.
211. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 216.
212. *Макашин С.* Указ. соч. С. XXVI.
213. *Карпец В.* Указ. соч. С. 32.
214. Письма великой княгини Екатерины Павловны. С. 60.
215. Там же. С. 59-60.
216. *Чечулин Н.* Константин Павлович. С. 178-179.
217. Там же. С. 180.
218. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. С. 316.
219. 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 120.
220. Там же. С. 32.
221. См.: *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 74.
222. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. III. С. 231.
223. Там же. С. 231-232.

224. См.: *Гросул В.Я.* Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. М., 1996. № 2. С. 166-180.
225. *Зак Л.А.* Монархи против народов. М., 1966. С. 36.
226. *Николай Михайлович.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. X.
227. Там же.
228. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. III. С. 244.
229. *Николай Михайлович.* Переписка. С. XI.
230. *Зак Л.А.* Указ. соч. С. 41.
231. *Княпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 95.
232. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 2. (X). М., 1976. С. 268.
233. Там же. С. 79.
234. См. подробнее: *Фомин А.* О понижении цен на сельскохозяйственные произведения в России. СПб., 1829.
235. *Кокорев В.А.* Экономические провалы с 1837 года. М., 1887. С. 2.
236. *Страхова Н.П.* Внешнеторговая политика российского правительства после Венского конгресса. 1815-1822. М., 1983. С. 19.
237. Там же. С. 20-21.
238. *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Революционное движение в России. М., 1985. С. 41-42.
239. Там же. С. 43.
240. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. III. С. 258.
241. Из записок Д.П.Рунича // Рус. старина. 1901. № 3 С. 608.
242. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 322.
243. Из записок Д.П.Рунича // Русский архив. 1901. № 2. С. 356.
244. Там же. Русский архив. 1901. № 3. С. 598.
245. *Карпец В.* Муж отечестволюбивый. С. 31-32.
246. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. III. С. 256-257.
247. *Николай Михайлович.* Переписка Александра I с сестрой. С. XIII.
248. *Mémoire de la comtesse Edling (née Stourza).* Moscou, 1888, p. 217.
249. *Bezviconi G.* Contributii la istoria relațiilor romino-ruse. București. 1962, p.296-298.
250. *Греч НИ.* Указ соч. С. 285.
251. *Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1912. С. 527-575.
252. Русское православие. Вехи истории. С. 323.
253. Из записок Д.П.Рунича // Рус. старина, СПб., 1901. № 5. С. 393.
254. *Захарова О.Ю.* Я князь, коль мой сияет дух... Страницы военной биографии генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.С.Воронцова. Подольск, 1997. С. 165.
255. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 416.
256. См.: Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 2. С. 109-134.
257. *Карпец В.* Федор Глянка. Историко-литературный очерк. М., 1983. С.23.
258. *Погодин М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 137.
259. Там же. С. 112-121, 129-130, 217.
260. *Карамзин Н.М.* История государства российского. М., 1989. Т. 1. С. 12.
261. *Эйдельман Н.* Последний летописец. С. 88.
262. Русский биографический словарь. Т. II. С. 266.

263. Там же. С. 267.
264. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 287.
265. Известно, что в 1812 г. Аракчеев поддержал назначение главнокомандующим М.И.Кутузова, а затем выступал в его защиту в трудные сентябрьские дни этого года. Об этом см.: *Томсинов В.А.* *Временщик (А.А.Аракчеев)*. М., 1996. С. 172, 167. Из последних работ об Аракчееве см. также: *Федоров В.А.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997; *Ячменихи КМ.* Алексей Андреевич Аракчеев // *Российские консерваторы*. М., 1997. С. 17-62; *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998. С. 167-210.
266. *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 378
267. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С 86.
268. *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 91.
269. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С 94.
270. Там же. С. 92.
271. *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И.Каподистрии в 1822 г. // *Проблемы международных отношений и освободительных движений*. Сб. трудов. М., 1975. С. 23.
272. Там же. С. 24.
273. Там же, С. 26-27; О взаимоотношениях О.А.Поздеева с А.К.Разумовским см. подробнее: *Васильчиков А.А.* Указ. соч., с. 89 и далее.
274. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. С. 170-202.
275. Там же. С. 196.
276. Там же. С. 197.
277. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. С. 115.
278. См.: *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 16.
279. *Сироткин В.Г.* Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814-1824 гг. // *История СССР*. 1974. № 4.
280. *Внешняя политика России XIX и начала XX века*. Т. III (XI). М., 1979. С. 20.
281. Там же. С. 79.
282. Там же. С. 102.
283. Там же. С. 737.
284. По поводу убийства герцога Беррийского Ф.В.Ростопчин писал в феврале 1820 г. М.С.Воронцову: «...я желаю, чтобы этот удар, как и удар Занда, показал истинное лицо либерального духа». Цит. по: *Пугачев В.В.* Пушкинский замысел цареубийства весной 1820 г. и декабристы // *Индивидуальный политический террор в России*. XIX - начало XX в. М., 1996. С. 10.
285. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 184-185.
286. *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере ... С. 42.
287. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 189.
288. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 182-183.
289. *Федоров В.А.* Михаил Михайлович Сперанский. С. 65-66.
290. Там же. С. 66.
291. *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев. С. 34.
292. *Мироненко С.В.* Указ. соч. С. 220-221.
293. Из записок Д.П.Руничя // *Рус. старина*. Т. 105. СПб., 1901. № 3. С. 626.
294. Не случайно в этом году и изменение настроений А.С.Пушкина, причем до такой степени, что некоторые исследователи к весне 1820 г. относят пушкинский замысел цареубийства. См.: *Пугачев В.В.* Указ. соч. С. 14. Впрочем, некоторые элемен-

ты терроризма можно усмотреть в поэзии Пушкина и в 1819 г., например в эпиграмме на Стурдзу: «Холоп венчанного солдата, / Благодарю свою судьбу: / Ты стоишь лавров Герострата / И смерти немца Коцебу». См.: *Пушкин А.С.* Сочинения. М., 1949. С. 73. Но можно ли эпиграмму воспринимать столь серьезно? Несомненно, однако, резко отрицательное отношение поэта к одному из видных консервативных мистиков.

295. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 200.
296. Сборник исторических материалов. Вып. 1. СПб., 1876. С. 363-374.
297. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 298.
298. *Баранов П.* Михаил Андреевич Балугьянский. С. 18-19.
299. *Греч Н.И.* Указ. соч. С. 297.
300. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 35; *Рождественский С.В.* Указ. соч., С. 120.
301. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 305-306.
302. *Баранов П.* Указ. соч. С. 17.
303. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 304.
304. *Рождественский С.В.* Указ. соч., С. 117.
305. Русское православие, С. 323-324; *Ячменихин К.М.* Указ. соч., с. 46-47. См. также: *Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998.
306. Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Т. 2. С. 164-165.
307. *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 225.
308. *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 92-94; *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966. С. 131-132.
309. *Шебунин А.Н.* Указ. соч. С. 180.
310. *Степанов М.* Жозеф де Местр в России. С. 611-613.
311. *Сироткин В.Т.* Борьба в лагере... С. 40-41.
312. Там же. С. 45-46.
313. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С.328.
314. *Корнилов А.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 77, 252, 259.
315. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. IV. С. 203-219.
316. *Пытин А.Н.* Общественное движение при императоре Александре I. С. XIII, 289. Пыпин называл эту партию также реакционной (С. 269).

В НОВОМ ОБЛИЧИИ (1825 - 1855)

Вторая четверть XIX в. - период по-своему цельный, проникнутый внутренним единством. Его отличительная черта - смена политических приоритетов: ориентация на национальные традиции (вместо космополитизма александровского царствования), поворот в отношении к Западу, отказ от конституционных и либеральных поползновений. Вопреки процессам, происходившим в мире, новый император Николай I вознамерился укрепить положение и престиж самодержавия, возродить патриархально-государственные начала, используя авторитет православия и возрасвшее национальное самосознание. Для этого требовалось овладеть общественным мнением, подавив и заглушив распространенные в образованной части общества идеи Просвещения. Правительственный консерватизм, проявлявшийся вначале преимущественно в идеологической и государственно-правовой сферах и сочетавшийся с попытками реформ в социально-экономической области, по мере роста революционного движения в Западной Европе принимал все более реакционную окраску. Установившаяся на рубеже 40-50-х годов политическая реакция завершилась полным провалом, заведя страну в тупик. История николаевского тридцатилетия весьма поучительна.

1. СМЕНА ЛИЦ И ДЕКОРАЦИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ.

Укрепившись на престоле в результате разгрома восстания декабристов, император Николай Павлович с самого начала занял четкую политическую позицию. «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни», - произнес он вскоре после воцарения¹. Охранительные соображения предопределили направление правительственной политики в течение всего периода его царствования. На формирование мировоззрения будущего самодержца еще в юности повлияло знакомство с историей Французской революции XVIII в.; великий князь почувствовал «непреодолимое отвращение» к ее зачинщикам. Ненависть к революционерам «росла с годами». Людовика XVI Николай Павлович осуждал за проявленную им слабость и считал, что король Франции не выполнил свой долг: «он бы сохранил от многих невзгод свой народ, не пощадив возмутителей»². Восстание декабристов, Польское восстание 1830 г., революции в странах Западной Европы

1830 и 1848-1849 гг. - все эти события усиливали подобные настроения, придавая политике Николая I все более охранительный характер. Современник отмечал подозрительность императора, который «во всем видел заговоры и бунты»³. Усилия верховной власти направились на укрепление устоев старого режима, которому, казалось, грозили опасности со всех сторон.

Идеологические основы нового царствования заложены уже в царском манифесте от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками»⁴ (декабристами). В нем проводилась идея незыблемости самодержавия. «Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усвершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления», - говорилось в манифесте. Тем самым, наряду с категорическим неприятием революционного пути, давалась надежда на преобразования сверху. Выдвигался тезис о нерушимой связи самодержавия с народом. Выражалась уверенность, что в России «любовь к монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа». Провозглашался национальный курс политики в области просвещения: признавалось исключительно «отечественное, природное, не чужеземное воспитание». Выражение благоволения к «расширению истинного просвещения» подразумевало существование просвещения неистинного, мнимого, ложного, под которым имелось в виду западноевропейское. Противовесом ему и должна была послужить идея народности, соответствующим образом интерпретированная. Идея эта была не нова: в предшествующее царствование в правящей верхушке существовала влиятельная группа сторонников опоры на русские национальные начала, противопоставлявшая их влиянию Запада (см. гл. I). Адмирал А.С.Шишков - наиболее яркая фигура в этой группе - в первые годы царствования Николая I (вплоть до 1828 г.) еще был министром народного просвещения, и действовал именно в этом духе. Национальная идея была положена в основу правительственной политики.

Новый царь заметно отличался от своего предшественника на престоле⁵. Помимо природных склонностей немалую роль в развитии того и другого сыграло воспитание. Младших сыновей императора Павла Петровича воспитывали иначе, чем старшего, опекаемого императрицей Екатериной II - в то время поклонницей гуманных принципов просветительской философии. Воспитание Николая и Михаила Павловичей было весьма суровым. Пятилетнего Николая и его брата мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, поручила генералу Ламсдорфу, которому помогали еще несколько наставников. Отношения с ними, по признанию Николая I, основывались главным образом на страхе. Особенно это относилось к Ламсдорфу, который «умел вселить в нас одно чувство - страх... страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум. В учении видел я одно принуждение и учился без охоты. Нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков»⁶. Когда мальчики подросли, главным предметом обучения

стала латынь, к которой Николай чувствовал «врожденную неохоту». Латынь нужна была для поступления в Лейпцигский университет, куда предполагали отправить молодых людей. Однако это противоречило их желанию. Юный Николай Павлович предпочитал математику, артиллерию, инженерное и особенно военное дело. «Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа», - вспоминал он. Приемы полученного из-под палки воспитания были крепко усвоены. Палка и розга в годы царствования Николая I употреблялись как нельзя более широко. За грубость и придирчивость великого князя, командовавшего бригадой, подчиненные не любили, а по свидетельству некоторых современников, даже ненавидели. Декабрист барон В.И.Штейнгейль вспоминал со слов Рылеева, что после кончины Александра I Милорадович «предупредил великого князя (Николая Павловича. - Р.Э.), что не отвечает за спокойствие столицы, по той ненависти, какую к нему питает гвардия»⁷. Что «военные были явно противу Николая Павловича», признавал и Булгарин в записке 1827 г.⁸

Существует мнение: если бы не восстание 14 декабря, царствование Николая I приняло бы иное направление. Позволительно в этом сомневаться. Хотя новому императору в момент воцарения не исполнилось и 30-ти лет, это был человек со сложившимися убеждениями. К тому же сведения о существовании тайных антиправительственных политических обществ и замыслах их участников стали ему известны еще до восстания. Преследование свободной мысли, возможно, не было бы столь всеобъемлющим, как это произошло в действительности. Но общий характер нового царствования едва ли мог стать иным.

Вступив на престол, Николай I неожиданно проявил себя как искусный политик. Изолировав наиболее опасных для власти заговорщиков, он постарался локализовать конфликт, предельно сузив круг преданных суду, и постарался привлечь на свою сторону многих недовольных, внушив им надежду на благоприятные перемены в будущем. Некоторые из арестованных получили оправдательные аттестаты. Те, кто участвовал в движении лишь на ранней стадии - в Союзе Благоденствия, - вообще не привлекались к следствию или были отпущены до суда. Родственники декабристов не подвергались преследованию. Напротив, кое-кому из них было выражено особое благоволение: Владимир Пестель чуть ли не на другой день после казни брата получил звание генерал-адъютанта, Алексей Орлов был возведен в графское достоинство. Тем из родных, кто попал в особо бедственное положение, была оказана материальная помощь⁹. Детей осужденных устроили на казенный счет в кадетские корпуса и другие учебные заведения.

В Николае I находили сходство с Петром I. Высокий рост молодого монарха, черты лица, незаурядная энергия, решительность в поступках, царственное величие во внешнем облике и манере держаться напоминали великого предка и невольно внушали некоторым пылкие надежды. «Семейным сходством будь же горд,/ Во всем будь пращуру подобен», -

обращался к Николаю I Пушкин. Однако новый самодержец таких надежд не оправдал. Правда, подобно Петру I, он проявил огромную работоспособность в делах управления империей. По свидетельству А.Ф.Тютчевой, фрейлины императрицы, Николай Павлович «проводил за работой восемнадцать часов в сутки... трудился до поздней ночи, вставал на заре»¹⁰. Некоторое сходство можно заметить и в мерах по укреплению бюрократического аппарата государства (своей склонностью к бюрократизации всей жизни страны Николай I превзошел и предшественников, и преемников). Но, конечно, по масштабам и плодотворности деятельности он несоизмерим с Петром I, а ее направленность была во многом противоположна петровской (особенно в отношении к Западу и западноевропейской цивилизации).

С первых шагов Николай I продемонстрировал твердую решимость управлять государством самому, вникая во все и все направляя. Новый император сам руководил подавлением восстания 14 декабря 1825 г., сам допрашивал арестованных участников движения, пристально наблюдал за ходом следствия и суда над декабристами, по существу predetermined меру наказания каждому.

Идея самодержавия, казалось, нашла живое воплощение в личности нового монарха: централизация управления усилилась при нем до предела, причем все ее нити восходили отныне непосредственно к императору. Этого удалось добиться прежде всего благодаря коренной реорганизации царской канцелярии, значение и роль которой неизмеримо возросли. Предпринятая мера должна была укрепить механизм функционирования самодержавной власти и тем содействовать упрочению существующего строя.

Уже через несколько дней после вступления на престол Николай I отстранил от заведования царской канцелярией А.А.Аракчеева и заявил, что будет руководить ею сам. Сделано это было якобы для поправления здоровья бывшего временщика. На деле новый царь не желал делить с ним власть. Аракчеев оказался ненужным. К тому же его устранение помогало завоевать всеобщее одобрение. Позднее Аракчеев под благовидным предлогом был уволен и от начальствования над военными поселениями, которые возглавил его помощник и любимец П.А.Клейнмихель, с легкостью предавший своего бывшего шефа и покровителя, представив императору компрометирующий Аракчеева документ.

Вблизи престола оказались теперь другие люди. Выдвинулись новые царские любимцы - А.Х.Бенкендорф, А.Ф.Орлов, П.А.Клейнмихель. Воцарение и коронация сопровождались многочисленными наградами - пожалованием орденов, титулов, повышением в чинах и должностях. Увеличилась свита, появилось 20 новых генерал-адъютантов и 38 флигель-адъютантов. По замечанию наблюдательного и осведомленного современника, большей частью это были люди незначительные «сущие пигмеи»¹¹. Вместе с тем наставником наследника престола был назначен поэт-гуманист В.А.Жуковский.

Император Николай Павлович показал себя человеком самостоятельным, способным на решительные организационные перестройки. Но, как правило, введенные им новшества имели целью консервацию основ старого порядка.

Царская канцелярия стала при Николае I средоточием важнейшей государственной функции - законодательной деятельности. Рескриптом императора на имя председателя государственного совета князя В.П.Лопухина от 31 января 1826 г. упразднялась Комиссия составления законов, вместо нее учреждалось особое (II-е) отделение Собственной Его Величества Императорской канцелярии для подготовки нового Уложения¹². Работа в этом направлении велась давно, но подвигалась крайне медленно; теперь она поступала под непосредственный контроль верховной власти. Во главе II-го отделения царь поставил М.А.Балугьянского (бывшего ректора Петербургского университета), преподававшего ему в свое время законоведение. Душой всего дела фактически стал М.М.Сперанский, которому Николай I вначале не доверял, но согласился на его назначение, уступив Балугьянскому и возложив на последнего всю ответственность за последствия такого шага. Колоссальную работу по систематизации законодательства удалось завершить в течение нескольких лет. Поставленная перед II-м отделением задача ограничивалась приведением в порядок принятых ранее законов; сколько-нибудь существенные нововведения исключались. Какие бы преобразовательные планы ни строил Сперанский, царь властно удерживал деятельность законододов в русле консервативной политики (не отвергая, разумеется, отдельных «усовершенствований» и дополнений)¹³.

Созданием II-го отделения расширение функций царской канцелярии не ограничилось. Летом 1826 г. появилось на свет пресловутое III-е отделение - орган всеобъемлющего надзора.

В том или ином виде политическая полиция существовала в России и раньше¹⁴. Восстание 14 декабря навело правящую верхушку на мысль о недостаточности и неэффективности прежнего порядка. Весной 1826 г. генерал А.Х.Бенкендорф представил царю проект организации «новой полицейской власти»¹⁵. В конце концов решено было, наряду с обычной полицией, создать учреждение высшего надзора в составе Собственной Его Величества канцелярии, тем самым придав ему особый авторитет. Вновь созданное III-е отделение действовало именем царя. Обращение туда означало как бы обращение к самому царю.

Новый правительственный орган обладал большими полномочиями. Его надзору были подведомственны не только частные лица, но и государственные учреждения, центральные и местные. В круг наблюдения жандармских офицеров входила политическая благонадежность населения, настроения крестьян, обращение с ними помещиков, взяточничество, мошенничество, картежная игра и другие неблагоприятные поступки разных лиц, любые местные происшествия. Как видно, функции III-го отделения были весьма многообразны¹⁶. По выражению историка, «оно проникало во все поры государственного организма»¹⁷.

Центральный аппарат III-го отделения вначале состоял из 16, а к середине века - уже из 40 человек. Там действовали четыре экспедиции. Первая, важнейшая, ведала политическими делами и лицами, состоявшими под полицейским надзором, остальные занимались раскольниками, сектантами, иностранцами, фальшивомонетчиками, уголовными делами, театральной цензурой.

Создание III-го отделения в какой-то мере символично: всеобъемлющий надзор за «верноподданными» выдвигался как одна из главных задач нового царствования. Тайной полиции постарались придать патриархальный характер. По существу вся страна отдавалась ей в опеку. «Государь избрал меня для образования высшей политции, которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными», - так излагал обязанности III-го отделения его глава Бенкендорф¹⁸. Рассказывали, что вместо ожидаемых инструкций Николай I подал ему свой носовой платок и произнес: «Вот тебе все инструкции. Чем больше отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!» Рассказ этот правдоподобен: Николай Павлович умел находить эффектные изречения, предназначавшиеся подданным и потомкам.

В «Инструкции» Бенкендорфа подведомственному чиновнику¹⁹ III-е отделение названо «отеческим государя императора учреждением», которое должно стараться предупреждать всякое зло, беспорядки и беззакония, наблюдать, чтобы не нарушались «спокойствие и права граждан», поощрять добросовестных чиновников («бедных и сирых»), покровительствовать «невинным жертвам алчности» злоумышленных людей. На него возлагались даже воспитательные функции. Так, рекомендовалось - прежде чем прибегать к взысканиям - пытаться «добрыми внушениями» обращать заблуждающихся молодых людей на путь истинный. Бенкендорф выражал уверенность в благородстве чувств и образа мыслей чиновников III-го отделения, что должно было помочь им приобрести уважение всех сословий. Вместе с тем говорилось, что «нет той меры наказания», которому подвергнется чиновник в случае злоупотребления своим служебным положением.

Ядовитой критике подверг этот документ консервативно настроенный литератор, крупный чиновник М.А.Дмитриев, обративший внимание на лицемерие автора инструкции; под видом защиты несуществующих прав россиян их предавали во власть жандармов, действующих втайне и совершенно безответственно. В результате никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Вместо уважения, на которое рассчитывало начальство тайной полиции, жандармы, по свидетельству мемуариста, вызывали общее презрение. Сотрудников у них действительно появилось немало, но исключительно по корыстным мотивам. В обществе распространилось взаимное недоверие и подозрительность. «Москва наполнилась шпионами, - вспоминал М.А.Дмитриев. - Все промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, не способная к трудам службы; весь обор человеческого об-

щества подвинулся отыскивать добро и зло, загребая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом. Вскоре никто не был спокоен из служащих; а в домах боялись собственных людей (т.е. крепостной прислуги - Р.Э.), потому что их подкупали, боялись даже некоторых лиц, принадлежащих к порядочному обществу и даже высшему званию, потому что о некоторых проходил слух, что они принадлежат к тайной полиции... разговор при них умолкал или обращался на другое»²⁰.

Создание III-го отделения повлияло на общество развращающе, подняв со дна мутную волну доносительства. Такую цель, между прочим, имел в виду Бенкендорф, заметивший в своем первоначальном проекте: «Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться»²¹. Доносили, правда, не столько раскаявшиеся, сколько те, кто желал получить от своего доноса какую-нибудь выгоду. Офицер Добрынин жаловался знакомому, что «нынешние времена страшат каждого служащего во всякой службе по причине беспрестанных доносов. Злые люди нынче только тем и занимаются, как бы кого оклеветать и показать свою фальшивую преданность, а более по личности...»²². Из-за таких откровенных высказываний попал под надзор и сам автор письма, поскольку оно подверглось перлюстрации (на сей раз не III-го отделения, а военных властей). Мания подозрительности приобрела невиданные масштабы: директор канцелярии III-го отделения вдруг обнаружил, что полиция следит за ним самим и его сотрудами²³.

Придавая III-му отделению важнейшее значение, Николай I ставил во главе его тех, кому особо доверял и кто способен был вызвать доверие общества. Первым по времени был А.Х.Бенкендорф²⁴. Тесные личные отношения связывали его в прошлом с некоторыми декабристами (С.Г.Волконским, М.С.Луниным и др.). По некоторым данным, Бенкендорф принадлежал к преддекабристскому «Ордену русских рыцарей», основанному М.А.Дмитриевым-Мамоновым и М.Ф.Орловым. Но в дальнейшем их пути разошлись. В 1821 г. Бенкендорф представил Александру I доклад М.К.Грибовского на Союз благоденствия. В день восстания 14 декабря он неотлучно находился при Николае I, заслужив его доверие и расположение. После разгрома восстания Бенкендорф - член Следственного комитета; во время допросов, по отзывам декабристов, он держал себя корректно и даже «с состраданием» по отношению к арестованным. Вместе с тем Бенкендорф - один из самых приближенных к Николаю I сановников. Пост главы III-го отделения он совмещал с должностью командующего Главной императорской квартирой, что особенно приближало его к императору. В 1832 г. Бенкендорф получил титул графа.

Первый начальник III-го отделения был, по-видимому, противником крепостного права, которое называл в одном из отчетов своего ведомства «пороховым погребом под государством»²⁵. О «постепенном освобождении крестьян» Бенкендорф в дружеском письме к П.Д.Киселеву

начала 40-х годов отозвался как о деле «самом нужном, самом необходимым»²⁶.

Возглавляя политическую полицию, Бенкендорф, по отзывам современников, предпочитал не усиливать, а смягчать подозрительность императора. Вместе с тем отмечали недостаточное знание им дела, забывчивость, беспечность, уверяли, что его благосклонные обещания просителям чаще всего оставались невыполненными. Любезность сочеталась у Бенкендорфа с начальственным тоном, привычкой поучать и распекать, что больно задевало, а то и оскорбляло людей, обладавших чувством собственного достоинства. Так, он считал своим долгом наставлять Пушкина и делать ему выговоры. Пушкин не был исключением. Благонамереннейший Нестор Кукольник получил в 1842 г. нагоняй за свой исторический рассказ «Сержант или все заодно». Шеф жандармов сообщал автору, что государь нашел его рассказ «ничтожным». «Желание ваше беспрерывно выказывать добродетель податного состояния и пороки высшего класса людей не может иметь хороших последствий, - предупреждал Бенкендорф Кукольника, - а потому не благоугодно ли вам будет на будущее время воздержаться от печатания статей, противных духу времени и правительства, дабы тем избежать взыскания, которому вы, при меньшей как ныне снисходительности подвергнуться можете»²⁷. Вот образчик наставлений Бенкендорфа писателю, пользовавшемуся в то время громкой славой.

После смерти Бенкендорфа в 1844 г. главным начальником III-го отделения стал еще более консервативно настроенный граф А.Ф.Орлов, который взялся за это дело с неохотой и ничем особым себя не проявил.

Директор канцелярии III-го отделения М.Я.фон Фок - человек умный, образованный, светский - по своим взглядам мало соответствовал общепринятому представлению о людях его профессии. По отзыву Ф.Ф.Вигеля, это был «немецкий мечтатель, который свободомыслие почитал делом естественным и законным и скорее готов был вооружаться на противников его»²⁸. «Добрый, честный и твердый» считал Фока А.С.Пушкин, отозвавшийся о его смерти в 1831 г. как об общественном бедствии²⁹. По убеждению Фока, основную роль в искусном управлении должно играть «не насилие, а хорошее знание нужд и желаний управляемых, умение найти с ними общий язык и завоевать их любовь»; цель надзора - обеспечить осведомленность правительства, дав ему возможность «предотвращать зло». В своих письмах Бенкендорфу и в отчетах III-го отделения Фок стремился знакомить своего шефа и верховную власть с реальными настроениями в разных слоях общества, как правило, не персонифицируя сообщаемые данные. На основании знакомства с его деловыми бумагами современный исследователь назвал Фока «социальным мыслителем-утопистом, теоретиком просвещенного абсолютизма»³⁰. Подобная характеристика, даже если признать ее неправомерно возвышающей Фока, наряду с другими отзывами о нем свидетельствует о неординарности этого деятеля.

Незаурядна личность генерала Леонтия Васильевича Дубельта, начальника штаба Корпуса жандармов, позднее - управляющего III-м отделением. В годы движения декабристов он, по свидетельству Н.И.Греча, был «одним из первых крикунов-либералов в Южной армии»³¹. В своем новом качестве Дубельт, по словам того же мемуариста, «если не сделал много добра, то отвратил много зла и старался помочь и пособить каждому». Богатый помещик, сын российского дворянина и испанской принцессы, хорошо образованный, обладавший светским лоском, подчеркнуто любезный, Дубельт выделялся среди окружающих умом и манерой поведения, довольно неожиданной для чиновника его положения. Вместе с тем, как свидетельствует современник, он «по должности, им занимаемой, и отчасти по наружности был предметом ужаса для большинства жителей Петербурга. Его худощавое лицо, с длинными седыми усами, пристальный взгляд больших серых глаз имели в себе что-то волчье. Ироническая усмешка и язвительность при разговоре с допрашиваемым пугали...»³².

Весьма интересна записная книжка Л.В.Дубельта, которую он вел с начала 1830 г.³³ Запечатленные в ней размышления рельефно отразили мировосприятие консервативно настроенного помещика и чиновника николаевской эпохи: приверженность христианской религии и существующему строю, безраздельную преданность царю, категорическое неприятие Запада.

Убежденный монархист, Дубельт видел в самодержавии залог могущества страны. «Россию можно сравнить с арлекинским платьем, которого лоскутки сшиты одною ниткою, - и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавие. Выдерни ее и платье распадется!». Царь для него - олицетворение отечества. О Николае I - «настоящем рыцаре *sans peur et sans reproche*»* - отзывы неизменно восторженные, о членах царской семьи говорится неизменно с почтением и сочувствием. Единственное исключение - брат царя, «бешеный» Михаил Павлович. Косность и недалекость великого князя в военном деле, фрунтomanия, бездарное управление военно-учебными заведениями заставили Дубельта признать его «бедой России», принесшим ей немалый вред, запятнавшим царствование Николая I. Удручала Дубельта и близорукая военная политика правительства, непонимание правительственными лицами необходимости модернизации вооружения армии и оснащения флота. Порицал он и «окружающий трон германизм». Российским порядкам Дубельт отдавал безусловное предпочтение перед западноевропейскими, противопоставляя спокойствие России политическим бурям на Западе. «Не лучше ли красивая молодость России дряхлой, гнилой старости Западной Европы? - задавал он себе вопрос. - Она пятьдесят лет ищет совершенства и нашла ли его? - Тогда как мы спокойны и счастливы под управлением наших добрых государей...». Отзывы его о Западе неизменно отрицательны: «это гадкая, помойная яма», «гнилое яблоко». Наиболее дейст-

*Без страха и упрека (фр.).

венным наказанием для русских вольнодумцев, по мнению Дубельта, могла стать их высылка на Запад, к единомышленникам. За границей народ «несчастнее нашего, даром, что свободен».

Вновь и вновь обращался автор заметок к крестьянскому вопросу. Его умиляли патриархальные нравы, «смирение и покорность наших славных мужичков». Он - решительный противник отмены крепостного права. Россия цела, потому что несвободна: «свобода разоряет народы». Оставшись без земли (а в том, что земля должна остаться у помещиков, Дубельт не сомневался), крестьянин, «потеряв голову от магического слова "свобода", захочет попытаться счастья в другом месте, пойдет шататься по городам, где потеряет свою святую, деревенскую нравственность и погибнет ... дойдет до того, что искавши лучшего, останется без кола и двора». Земли опустеют, некому будет их обрабатывать. Кроме того, освобождение крестьян неизбежно приведет к изменению образа правления, расшатает престол. «Наш народ оттого умен, что тих, а тих оттого, что несвободен», - заключал Дубельт.

Помещичью власть над крестьянами автор записной книжки считал благодетельной, а помещиков - «самым надежным оплотом государя»: «Никакое войско не заменит той бдительности, того влияния, какие помещик ежеминутно распространяет в своем имении. Уничтожь эту власть, народ наплет и нахлынет со временем на самого царя, как было не раз в чужих краях. Помещик есть самый верный, недремлющий пес, охраняющий государство». Но правительство должно добиваться, чтобы помещики не угнетали своих крестьян - «таких помещиков в Сибири!».

Наряду с мерами по охранению и укреплению старого предполагались и новшества. Новый царь, энергичный и умный, понимал: перед страной стоят проблемы, обойти которые невозможно. Свидетельством тому служил хотя бы недавно раскрытый заговор декабристов, их показания на следствии. О том, что «вся России ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях», напоминало III-е отделение. Поначалу создавалось впечатление, что Николай I не чужд реформаторства, но с непременным условием, чтобы перемены исходили с высоты престола и не затрагивали самодержавия: в этом отношении он не допускал ни малейших уступок.

Казалось, открывалась возможность продолжить реформы, начатые и задуманные в первой четверти XIX в. Через несколько месяцев после коронации, 6 декабря 1826 г. был учрежден Особый комитет, перед которым ставились чрезвычайно широкие задачи: по существу предполагалось выработать программу нового царствования. В собственноручной записке-инструкции императора сказано: «Занятия Комитета должны вкратце состоять: 1. В пересмотре и разборе бумаг, найденных в кабинете покойного императора. 2. В пересмотре нынешнего государственного управления. 3. В изложении мнения: 1) *что предполагалось*, 2) *что есть*, 3) *что кончить оставалось бы*. 4. В изложении мысли, что *ныне хорошо*, чего *оставить нельзя* и чем *заменить*»³⁴. Насколько большое значение придавал Николай работе Комитета, видно из распоряжения ежедневно

уведомлять его об «успехах дела», которое он относил к числу своих «важнейших занятий и обязанностей».

В Комитет вошли сановники из ближайшего окружения Александра I. Среди них - участники наиболее значительных преобразовательных замыслов и начинаний, включая М.М.Сперанского, ставшего, по выражению барона М.А.Корфа, «главной пружиной» Комитета. Сперанский составил ряд проектов по преобразованию государственного управления и сословной структуры общества. Предлагалось внести существенные изменения в организацию центральной и местной администрации, усилить роль принципа коллегиальности, содействуя разделению законодательной, исполнительной и судебной властей. Чинопроизводство должно было упроститься и утратить самодовлеющий характер, сословное деление общества - приобрести большую четкость. Предполагалось улучшить положение крестьян, расширить права буржуазии и интеллигенции³⁵.

Работа Комитета продолжалась более трех лет. Весной 1830 г. подготовленные им проекты поступили в Государственный совет, поддерживавший их единогласно. Николай I дважды возвращал документы на доработку. Наконец, совершенно готовые, они были представлены ему на утверждение. Проект закона о состояниях устанавливал порядок гражданской службы, юридический статус дворянства, духовенства, городского населения, крестьянства; был уже готов манифест о его введении в жизнь. Проекты Положения о дворовых людях и Указа об ограничении раздробления населенных имений имели в виду облегчение участи крепостных. Недоставало лишь подписи императора. По существу решался кардинальный вопрос: быть ли реформам?

Николай I, видимо, колебался. По его распоряжению все проекты отправили великому князю Константину Павловичу в Варшаву. Старший брат царя высказался против преобразований - особенно столь всеобъемлющих и «скоропалительных». Он утверждал, что лишь сохранение давнего порядка может обеспечить «твердость государственного быта». А потому предлагал предоставить перемены «на суд времени». Николай I признался, что и сам разделяет это мнение. В несвоевременности преобразований убеждал императора и другой брат - Михаил Павлович. В результате тщательно разработанные проекты оказались ненужными, и связанные с ними надежды угасли. Был принят лишь один из них - о выборах и собраниях дворянства.

Столь плачевный исход в значительной степени объяснялся сложившейся международной обстановкой: судьба реформ решалась в условиях возникшей на Западе революционной опасности. Шел 1830-й год. Во Франции назрела, а затем разразилась революция, распространившаяся и на другие страны³⁶. Николай I выступил за неизменность существующего международного порядка, установленного Венским конгрессом 1814 г. и гарантированного Священным союзом. Отстаивание консервативных принципов в международных делах неизбежно влекло за собой усиление охранительных элементов во внутренней политике.

Для российской правящей верхушки революция во Франции не явилась полной неожиданностью. Напряженная обстановка существовала там давно. Конфликт между оппозицией и кабинетом министров во главе с князем Полиньяком длился многие месяцы. Узнав о намерении Карла X подписать ордонансы, нарушавшие конституционную Хартию 1814 г, российский император старался удержать его от такого шага. Когда же стало ясно, что уговоры не помогли, Николай I напрямик сказал французскому посланнику П.Бургоэну, что король идет навстречу собственной гибели. При этом он с тревогой спрашивал своего собеседника, как поведут себя войска, если в Париже вспыхнет бунт, кто заменит Карла X на троне, если тот утратит корону, и не установится ли во Франции республика (допускалась и такая возможность)³⁷. Позиция российского самодержца в отношении Июльской революции видна из записи разговора с ним председателя Государственного совета В.П.Кочубея, а также из «мемории» генерал-фельдмаршала И.И.Дибича, направленного царем в Пруссию для переговоров³⁸. Николай I негодовал на Карла X, нарушившего присягу и установленный порядок, а потому потерявшего право на поддержку со стороны других монархов. Поступок короля он считал постыдным и непростительным, а его самого называл клятвопреступником. Герцога Орлеанского (коронованного под именем Луи-Филиппа) Николай Павлович готов был признать наместником королевства и регентом при единственном, по его мнению, законном наследнике престола - малолетнем внуке Карла X, в пользу которого тот отрекся от трона. Принятие же Луи-Филиппом короны от Палаты депутатов считал узурпацией власти.

Возникла серьезная опасность войны. Еще не зная, как развернутся события дальше, Николай I был готов на крайние меры. 30 июля в России был объявлен рекрутский набор. Шли военные приготовления. Войска подтягивались к западной границе. Велись переговоры о совместных действиях с Пруссией и Австрией - партнерами России по Священному союзу, а также с Англией. Генерал-фельдмаршал Дибич, военный министр А.И.Чернышев, великий князь Михаил Павлович были сторонниками силовых решений.

Кочубей советовал занять выжидательную позицию. Воинственные порывы старались также сдерживать министр иностранных дел К.В.Нессельроде и министр финансов Е.Ф.Канкрин. Опасность войны стала особенно реальной, когда к России за военной помощью против восставшей Бельгии обратился король Нидерландов. Однако в ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше, и это заставило правительство сосредоточиться на внутренних делах.

В плане международных отношений существенным моментом всех этих событий явилось то, что поддерживаемый Священным Союзом принцип легитимизма оказался поколебленным и начал вытесняться политикой невмешательства.

Революцию 1830 г. российские верхи восприняли как предостережение о грозящей опасности. Активизировалась тайная полиция. Усили-

лись репрессии по отношению к печати и вольнолюбивой молодежи: не осталась незамеченной выдающаяся роль в революции на Западе оппозиционной прессы и студенчества. Идея сколько-нибудь широких государственных преобразований была похоронена.

Впрочем, отдельные реформаторские попытки имели место и в дальнейшем. Касались они прежде всего крестьянского вопроса. Положение крепостных не переставало привлекать внимание верховной власти. За четверть века сменилось десять временных комитетов, в той или иной мере ими занимавшихся³⁹. По традиции все они были узкобюрократическими по составу. Их работа проводилась в обстановке строгой секретности. Общество не только отстранялось от какого-либо участия - ему не позволялось даже знать о шагах, предпринимаемых правительством (хотя какие-то слухи, разумеется, просачивались). Комитеты собирались, вырабатывали те или иные рекомендации, но результаты их работы оказывались по большей части малозначительными.

Николай I не раз отрицательно отзывался о крепостном праве и выражал намерение начать «процесс против рабства». Впрочем, об уничтожении крепостничества в ближайшее время он не помышлял, отодвигая эту перспективу в более или менее отдаленное будущее. Признавая крепостное право «злом, для всех ощутительным и очевидным», император полагал, что покуситься на него немедленно было бы «лишь преступным посягательством на общественное спокойствие», как он выразился, выступая в марте 1842 г. на заседании Государственного совета. В этом деле, как ни в каком другом, Николай Павлович проявлял сугубую осторожность и несвойственную ему нерешительность. В качестве непременно условия предпринимаемых мер выдвигалось добровольное согласие помещиков. А поскольку основная их масса горой стояла за сохранение крепостничества в полном объеме, попытки смягчить существующее положение в большинстве случаев кончались ничем или сводились к частным, маловажным постановлениям. Даже запретить продажу крепостных без земли (на своз) не удалось, хотя за это высказалось большинство Государственного совета и сам император. Не осуществился и замысел введения в помещичьих имениях инвентарных правил, которые установили бы точный размер крестьянских повинностей, предотвратив тем самым произвол помещиков. «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь», - заявил Николай I. Исключение было сделано лишь в отношении украинских губерний, где среди помещиков преобладали непокорные поляки: в 1847 г. по прямому настоянию царя были приняты, а в следующем году дополнены инвентарные положения для Юго-Западного края. В отношении же к остальным помещикам неукоснительно соблюдался принцип добровольности. Самодержавный властитель не решился даже запретить помещикам переводить крестьян в дворовые.

В этих условиях ожидать успеха было трудно. Более уверенно правительство действовало в отношении удельных и государственных крестьян, надеясь своим примером расположить помещиков в пользу перемен.

В 1827 г. по инициативе и под руководством Л.А.Перовского (входившего тогда в совет Департамента уделов) было начато реформирование отдельных имений. Реформа эта характеризуется в нашей литературе как крепостническая⁴⁰. Проводилась она на началах «попечительства» и усиления опеки над крестьянами.

Наиболее значительных масштабов достигла реформа в отношении государственных крестьян⁴¹. Руководил ее проведением П.Д.Киселев, которого Николай I называл своим «начальником штаба по крестьянской части». Реформу удалось провести в течение нескольких лет (1837-1841 гг.). Как и в удельном ведомстве, в ее основу был положен принцип «попечительства». Положение государственных крестьян несколько улучшилось и приблизилось к условиям жизни «свободных сельских обывателей», что и было целью преобразования. Однако возникший громоздкий управленческий аппарат привел к усилению налогового бремени, а его бюрократические методы озлобляли крестьян. Чиновничий произвол оказался не легче помещичьего. Все же реформа Киселева явилась значительной вехой в решении крестьянского вопроса в России. Но она представляла собой лишь часть общего замысла, имевшего в виду, начав преобразование с государственных крестьян, распространить его затем и на помещичьих. А это так и не осуществилось. Все ограничилось принятием царского указа об «обязанных крестьянах» от 2 апреля 1842 г., с помощью которого Николай I рассчитывал «открыть путь» к постепенной и безболезненной ликвидации в стране крепостного права. Однако надежды, если и оправдались, то в незначительной степени. Практические результаты указа оказались невелики: на положение обязанных перешло 25 тысяч (из 10 миллионов) ревизских душ. Гора родила мышь.

Для правящей верхушки было в высшей степени характерно выраженное министром внутренних дел Л.А.Перовским желание, чтобы освобождение крепостных произошло незаметно для них самих, «не возбуждая в народе опасных толков и не произнося даже слова: свобода или вольность»⁴².

В 1847 г. вновь обнаружилось едва заметное, но возбуждавшее немало надежд⁴³ движение в крестьянском вопросе. Выразилось оно прежде всего в попытке Николая I подтолкнуть помещиков более активно применять указ об «обязанных крестьянах». Об этом царь заговорил, принимая в мае депутатов смоленского дворянства. В том же духе им было предложено воздействовать на дворянство своей губернии, но не иначе, как «келейно, по-домашнему», без огласки⁴⁴. Принципу келейности, уже показавшему свою неэффективность, верховная власть неуклонно следовала и в дальнейшем. Любые инициативы, связанные с групповыми действиями дворян, пресекались. Так, была отвергнута просьба тульских дворян о создании губернского комитета по крестьянскому делу. Осенью та же участь постигла славянофила А.И.Кошелева, намеревавшегося ходатайствовать о создании рязанского губернского комитета для обсуждения необходимых изменений в крепостном праве. Ему не позволили даже выступить с этим предложением перед дворянами.

Принятые в царствование Николая I меры по ограничению крепостного права в большинстве случаев не дали сколько-нибудь значительных результатов. В научной литературе нередко делается упор на то, что император не встречал поддержки в своем ближайшем окружении. Но не забудем, что это окружение создавал он сам.

Консервативная тенденция явно побеждала реформаторскую.

Трон Николая I окружали сановники, не помышлявшие ни о каких переменах и готовые исполнить любой царский приказ, - такие как А.Х.Бенкендорф, П.К.Клейнмихель, А.Ф.Орлов, Д.Г.Бибиков. Но наряду с ними некоторые видные государственные посты занимали сановники, не сочувствовавшие реакционным мерам, понимавшие необходимость реформ, - те, кто в той или иной степени испытал на себе влияние идей европейского Просвещения и кого можно назвать просвещенными бюрократами.

Наиболее крупными фигурами среди них были М.М.Сперанский и П.Д.Киселев. Сперанский - великий, но неудачливый реформатор предшествовавшей эпохи, ставший теперь консерватором поневоле, и при Николае I принимал участие в важных государственных мероприятиях, упорядочении законодательства, обсуждении крестьянского вопроса, разработке нового университетского устава и проч.

Павел Дмитриевич Киселев, выдвинувшийся еще при Александре I, особенно ярко проявил себя в николаевское царствование. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг., а после ее окончания в течение нескольких лет фактически возглавлял управление Молдавией и Валахией, занятых русскими войсками. Ему удалось реформировать там администрацию, суды, провести ряд мер, ожививших экономику и финансы, упорядочить отношения между крестьянами и местными феодалами - боярами, создать армию; особенно важным новшеством явилось принятие каждым из княжеств «Органического регламента» (по существу конституции)⁴⁵. Энергичная реформаторская деятельность Киселева в Дунайских княжествах, по-видимому, и натолкнула Николая I на мысль привлечь его к решению крестьянского вопроса в России, включив в состав Секретного комитета 1835 г., а затем и последующих. «Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, - сказал он Киселеву, - ибо мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает...». Побуждения собеседников, однако, едва ли были одинаковы: Киселев руководствовался неприемлемыми для Николая I идеями о неотчуждаемости прав личности и противоестественности «рабства», император же исходил из представления о благодетельности всеобъемлющей государственной регламентации. Но оба понимали опасность сохранения существующего положения и необходимость его изменения.

Замыслы Киселева были несравненно шире того, что удалось сделать. Крепостнически настроенное окружение помешало осуществлению планов постепенной ликвидации крепостного права в масштабе всей страны. Не помогла и поддержка царя. Но и то, что Киселев сумел свершить,

свидетельствовало о его громадном реформаторском потенциале, который, однако, в тех неблагоприятных условиях смог реализоваться лишь отчасти.

Среди сановников александровского времени, продолжавших действовать при Николае I, выделялся и адмирал Н.С.Мордвинов, возглавлявший в Государственном совете Департамент гражданских и духовных дел. К тому же типу просвещенных бюрократов можно отнести князя В.П.Кочубея, барона М.А.Корфа - питомца первого выпуска Царскосельского лицея, Д.Н.Блудова - в прошлом участника известного литературного общества «Арзамас», отчасти графа Е.Ф.Канкрин⁴⁶.

Использование на важных государственных постах такого рода сановников, несомненно, говорит в пользу Николая I, однако царь сумел поставить их на службу своим охранительным целям; реформаторские возможности этих деятелей, напротив, всячески сдерживались.

2. ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРОСВЕЩЕНИЕ. ИДЕОЛОГИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ⁴⁷

В XVIII-XIX веках общее направление правительственной политики во многом определялось отношением к просвещению, которое понималось широко, - как категория познавательная, мировоззренческая и нравственная⁴⁸. При Петре I, Елизавете Петровне, Екатерине II, Александре I верховная власть всячески содействовала расширению масштабов и повышению уровня образования в стране. В последнее десятилетие царствования Александра I произошел поворот: прежнее покровительственное отношение правящих кругов к просвещению сменилось сугубо настороженным.

И в дальнейшем просвещение не переставало привлекать пристальное внимание правительства. Перед новым императором просвещение предстало в виде не столько обнадеживающем, сколько внушающим опасения. Следствие по делу участников тайных обществ, принадлежавших к числу образованнейших кругов России, укрепило царя в этом мнении.

На опасность европейского просвещения указывали и консервативно настроенные дворяне. Уже в первых откликах из этой среды на восстание 14 декабря раздались призывы к изменению системы воспитания и образования в стране⁴⁹.

Самодержец всецело разделял такие настроения. В царском Манифесте от 13 июля 1826 г. по поводу приговора участникам тайных обществ молодежь предостерегалась от опасности, грозящей ей от «своевольства мыслей» и «пагубной роскоши полупознаний». По указанию самодержца власти принялись срочно перестраивать всю систему образования в стране. В мае 1826 г. (еще до окончания следствия по делу декабристов) Николай I распорядился пересмотреть уставы всех учебных заведений. В том же году некоторым литераторам и другим лицам было поручено представить свои соображения о «воспитании юношества» (кое-кто сде-

лал то же по собственной инициативе); поручение прямо связывалось с обнаружившимися в декабре 1825 г. «пагубными последствиями ложной системы воспитания». Известны записки по этому поводу А.С.Пушкина, Ф.В.Булгарина, графа И.О.Витта, А.А.Перовского. Пушкин, осмелившийся выступить в защиту просвещения, получил от царя нагоняй. Передавая ему «высочайшую признательность» за исполненное поручение, Бенкендорф вместе с тем писал: «Его величество при сем заметил изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание»⁵⁰. В этом любопытном наставлении рельефно выразилось отношение нового венценосца к просвещению, с самого начала подозрительное и неприязненное. В предназначавшейся III-му отделению записке 1827 г. Булгарин передавал распространенное среди россиян убеждение в том, что «Государь ... не весьма любит литературу русскую и что на просвещение меньше всего обращает внимание... Общее мнение, будто не хотят, чтобы Россия подвигалась вперед в просвещении: так говорят на ушко люди, даже приверженные Государю»⁵¹. Более категорично выразился на сей счет историк С.М.Соловьев, сказавший, что «Николай I инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он был воплощенное: *"не рассуждать!"*⁵². Другие, напротив, восхваляли императора за покровительство просвещению»⁵³. Да и сам Булгарин, вопреки сказанному им самим, в открытом письме к А.А.Закревскому (1829 г.) утверждал, что «наше мудрое правительство печется о просвещении, ... дает уму простор»⁵⁴. Определенные основания имелись и у тех и у других. Дело в том, что Николай I был предубежден против гуманитарного образования. Особое недоверие у него вызывала философия, которую он, по авторитетному свидетельству обер-прокурора Синода графа Н.А.Протасова, называл «нечестивой, безбожной, мятежной наукой». «Государь не терпит самого имени философия», - утверждал Протасов⁵⁵. В то же время Николай I поощрял развитие практически полезного профессионально-технического, медицинского, военного образования.

Во многом подкрепила такое отношение поданная ему в апреле 1826 г. записка А.А.Перовского «О народном просвещении в России»⁵⁶. Автор ее - известный в свое время писатель (литературный псевдоним: Антоний Погорельский) и видный чиновник, сын графа Разумовского, человек высокообразованный, доктор философии и словесных наук. В записке выдвигалась программа перестройки всего дела образования в империи, направленная к консервации существующих в России порядков. Рекомендовалось привести учебные заведения в соответствие с ними, ибо «те же самые правила, которые могут возвысить одно государство, служат к потрясению другого, на иных основах утвержденного». Предпочте-

ние отдавалось положительным и точным наукам: «Мы имеем нужду в медиках, химиках, технологах, - писал Перовский, - но весьма сомнительно, чтобы появление в отечестве русских Кантов и Фихте принесло какую-нибудь пользу». Отвлеченные науки автор относил к «роскоши ума человеческого», вредной для русского народа, «еще юного». А потому преподавание таких наук предлагалось ограничить, не допуская «лже-мудрствования». В существующем порядке управления учебными округами Перовского не устраивала университетская автономия, руководящая роль университетов по отношению к остальным общеобразовательным учебным заведениям. Присвоение вместе с ученой степенью дворянского достоинства казалось ему излишним. Поражалась отмена телесных наказаний в учебных заведениях, питающая, по его мнению, «дух непокорности» и приучающая молодых людей к самонадеянности, вплоть до помышлений о государственных преобразованиях.

Записка влиятельного Перовского оказалась вполне созвучной мнениям самодержца. Многие из предлагаемого в ней было реализовано. Вся система просвещения в стране подверглась преобразованию в охранительном духе. Изучение философии, естественного права, политических наук, теоретической части естествознания стало целенаправленно сокращаться, а затем и вытесняться не только из гимназий, но даже из университетов. Любое теоретизирование навлекало теперь на профессоров подозрения. Преподаванию постарались придать утилитарно-прикладной характер, сводя его к передаче конкретных, практически нужных знаний и не давая простора работе мысли. В средних учебных заведениях вошли в обычай телесные наказания.

Тяжело отразились на просвещении события 1830-го года. Июльская революция во Франции вызвала в России некоторое общественное оживление. По словам В.С.Печерина, после разразившейся там революционной грозы, на родине «воздух освежел, все проснулись... Начали говорить новым, дотоле неслышанным языком: о свободе, о правах человека и пр. и пр. Да чего тут еще не говорили!»⁵⁷. Власти ответили усилением политического надзора и репрессиями. Характерна запись в дневнике М.П.Погодина осенью 1830 г., сделанная под впечатлением распространившихся слухов: «Видно, хотят взять вожжи покрепче. Ах, какая неприятная перспектива. Уехать в деревню. Того и гляди, что ни за что, ни про что сошлют учителем в уездное училище»⁵⁸. Жестокие наказания постигли в 1831 г. участников студенческого кружка Я.И.Костенецкого, привлеченных по делу так называемого «Сунгуровского общества», в 1832 г. исключен из Московского университета В.Белинский, в 1834 г. арестованы и высланы из Москвы Н.Огарев и А.Герцен. В течение четырех лет были запрещены три лучших русских журнала: «Европеец» И.В.Киреевского (1832), «Московский телеграф» Н.А.Полевого (1834), «Телескоп» Н.И.Надеждина (1836). Не ограничившись этим, Николай I распорядился приостановить появление новых периодических изданий. Сообщая министру народного просвещения князю К.А.Ливену о запрещении «Европейца», Бенкендорф добавлял: «Вместе с тем Его Величеству угодно,

дабы на будущее время не были дозволены никакие новые журналы, без особого Высочайшего разрешения»⁵⁹.

Но репрессий было недостаточно. Власти остро ощутили потребность укрепить свою идеологическую базу. Нужна была идея, способная привлечь на сторону правительства общество, сплотить его консервативные элементы, нейтрализовать инакомыслящих. Сменивший на посту министра народного просвещения престарелого А.С.Шишкова прибалтийский немец барон К.А.Ливен явно для этого не годился.

Тем временем в правительственных кругах появился государственный деятель, сумевший выдвинуть и сформулировать доктрину, ставшую идеологической платформой нового царствования. Речь идет об С.С.Уварове и его знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность».

Сергей Семенович Уваров - один из наиболее крупных деятелей николаевского царствования - личность сложная и противоречивая⁶⁰. Его роль в судьбах отечественного просвещения неоднозначна. Он - один из основателей литературного общества «Арзамас», противостоявшего архаичной шишковской «Беседе любителей русского слова»; вместе с ним участниками «Арзамаса» были В.А.Жуковский, П.А.Вяземский, А.И.Тургенев, А.С.Пушкин, декабрист М.Ф.Орлов. Будучи президентом Академии наук и попечителем Петербургского учебного округа, Уваров приложил немало усилий для создания в столице университета⁶¹. При открытии там в 1819 г. восточного отделения он произнес, по ядовитому замечанию Н.И.Греча, «ультралиберальную речь, за которую впоследствии сам себя посадил бы в крепость»⁶². Решительно разойдясь во мнениях с преобладавшей при министре А.Н.Голицыне группировкой в Главном правлении училищ (М.М.Магницкий, Д.П.Рунич, А.С.Стурдза и им подобные), Уваров покинул пост попечителя. И тот же Уваров в николаевское царствование стал, пожалуй, самым ярким выразителем консервативной идеологии.

Весной 1832 г. Николай I назначил Уварова товарищем (заместителем) министра народного просвещения. В записке на имя императора, датированной мартом этого года, Уваров выразил свое мнение по поводу стоящей перед министерством задачи: «Именно в сфере народного образования надлежит нам прежде всего возродить веру в монархические и народные начала»⁶³. По его замыслу, Министерство народного просвещения должно было составить душу правительственного аппарата. Одним из первых значительных действий Уварова на этом посту стала ревизия Московского учебного округа. В докладе императору по ее итогам он и сформулировал свой знаменитый тезис об «истинно русских охранительных началах *Православия, Самодержавия и Народности*, составляющих последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия Отечества»⁶⁴. Выдвигая подобную теорию, Уваров, несомненно, руководствовался голым политическим расчетом. Сам он отнюдь не исповедовал провозглашенные им принципы; по едкому замечанию С.М.Соловьева, дело обстояло как раз наоборот⁶⁵.

Первый камень знаменитой триады заложил Н.М.Карамзин, развив свою концепцию самодержавия как Палладиума России. После смерти Александра I Карамзин постарался внушить его преемнику на престоле свой взгляд на состояние России, развитый ранее в записках «О древней и новой России» и «Мнение русского гражданина» о Польше⁶⁶. Показательно, что Николай I проявил интерес к мыслям историка; сделанная для него копия первой из названных записок датирована январем 1826 г. (см.гл.I). Идея самодержавия составила с тех пор центральное ядро официальной идеологии. Теперь же она дополнилась чертами, придавшими ей специфическую окраску. Новое состояло в акцентировании вероисповедного и национального своеобразия России*.

Уваров не случайно выдвинул православие на первое место среди провозглашенных им спасительных начал. Православная церковь являлась одной из сильнейших опор традиционализма и консерватизма в России. «Нет власти еще не от Бога», - эти слова св.апостола Павла определяли поведение верующих. Церковь учила смирению, покорности воле Божьей и установленным свыше властям, самоотверженности, отказу от себялюбия и эгоистических порывов. Важно было сохранить и укрепить авторитет церкви в народе. Очевидна антипросветительская направленность уваровской доктрины. Религиозный индифферентизм и скептицизм, проникавший в образованную часть русского общества по мере распространения в ней идей просветительской философии, грозил подточить самодержавие, разрушив в глазах населения ореол его святости и божественного происхождения, низводя помазанника Божия к уровню обычного человека. Возвеличение просветителями человеческого разума предполагало право людей самим устраивать свою судьбу и заменять «неразумные» государственные порядки «разумными», что открывало дорогу политическому вольномыслию и безудержному прожектерству. В этих условиях усиление влияния православия в массе населения и особенно в молодом поколении приобретало важнейшее значение с точки зрения укрепления существующего строя. И раньше, при Александре I, правительство вполне осознавало государственное значение религии. Но большим влиянием почти до конца царствования пользовался религиозный космополитизм, признание наряду с «греко-российским вероисповеданием» католичества и разных ветвей протестантизма. При Николае I безусловное преимущество по сравнению с ними было отдано православия.

Как нельзя более кстати пришлось приверженцам самодержавия и русская национальная идея (выраженная в принципе «народности»), пропагандировавшая глубокое отличие России от Запада, признание особого национального характера и ценностных ориентаций русских, коренным образом отличающих их от народов Западной Европы. Борь-

* Карамзин оперировал более широкими понятиями: вера, отечество, упомянув, впрочем, и о важном значении привязанности к народным (национальным) особенностям («Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»).

ба против «европейских» (просветительских и преемственно с ними связанных либеральных и революционных) идей была воспринята как условие сохранения существующего строя и, тем самым, главная задача правительства.

Неприятие иноземного воспитания и европейских идей явственно проявилось уже в царском Манифесте от 13 июля 1826 г. Но Николай I этим не ограничился. Посетив осенью того же года (во время коронационных торжеств) Московский университет, император выразил недвусмысленное желание видеть в его воспитанниках *«прямо русских»*⁵⁷, подчеркнув тем самым национальную направленность своей политики в области образования.

Таким образом, вдохновителем новой официальной идеологии был именно Николай I, и уверение Уварова в том, что он действовал в соответствии с указаниями государя - не лесть верноподданного, а констатация факта. Но именно Уваров сумел развить и обобщить разрозненные мнения, придать им завершенность, облечь в чеканную, выразительную, понятную всем формулировку, выразившую суть правительственного курса. Поэтому именно он - создатель теории официальной народности. Такое название получила новая идеологическая доктрина в литературе. Нельзя не признать, что расчет был глубоко продуман. Учитывались общественные настроения: усилившееся национальное самосознание, нашедшее выражение как в национализме «русских патриотов», о которых доносило III-е отделение, так и в обостренном чувстве национального достоинства у многих передовых людей России (включая Грибоедова и писателей декабристского круга). Сказалось также связанное с романтизмом и новыми течениями в науке возрастание интереса к идеям народности, национальной самобытности, имевшее место и на Западе, и в России⁵⁸.

Николаю I национальная русская идея нужна была для противопоставления ее «вредным» идеям Запада: исторические традиции России представлялись неразрывно связанными с православием и самодержавием. Подход правительства был чисто политическим, чуждым националистических тенденций. По существу никакого пристрастия к русским император не испытывал. Более того, идеализация русского народа и его национального характера, нередко сочетавшаяся с выпадами против иностранцев на русской службе, вызывала у Николая Павловича настороженное отношение. Подобные чувства объяснялись, по-видимому, его отчасти немецким происхождением, родственными связями в германских государствах и Австрии, а также впитанной с ранних лет склонностью к окружавшим его служакам из немцев. Любые намеки на пристрастие российского самодержца к немцам болезненно задевали Николая I. Показателен его разговор в 1849 г. с только что выпущенным из крепости славянофилом Ю. Самариным, куда тот был заключен за свои письма об Остзейском крае. Император заявил ему, что это сочинение могло произвести новое 14 декабря. «Я знаю, что у тебя не было этого намерения, - сказал царь автору. - Но ты пустил в народ опасную идею, толкуя, что

русские цари со времени Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия»⁶⁹. Известно недоверчивое отношение правительства к славянофилам, превозносившим все русское.

Впрочем, главное в уваровской триаде было самодержавие, а вовсе не православие и народность. Последним двум компонентам отводилась задача упредить его своим авторитетом и популярностью.

Через год после ревизии Уваров получил повышение, став министром народного просвещения. Мысли по поводу руководящих идей своего ведомства он развил в докладе царю, датированном ноябрем 1833 г.⁷⁰ Министр подчеркивал, что «посреди бури, волнующей Европу» одной из лучших надежд и главнейших потребностей времени является принятый им лозунг «Православие, Самодержавие, Народность». В связи с этим ставился вопрос: «Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью?» Прямого ответа на этот вопрос не давалось. Повторялись приятные самодержцу утверждения о том, что «Русский колосс опирается на самодержавии как на краеугольном камне», что Россия «живет и охраняется» его спасительным духом. Попутно упоминалось о верности вере предков как необходимом условии существования любого государства. Менее определенным было рассуждение о народности. Ее место в своей триединой формуле Уваров определял неразрывной связью народных понятий с тронном и церковью. Вместе с тем автор доклада замечал, что народность «не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях»: физиономия народа должна сохраниться, но ее черты со временем меняются. Налицо - просвещенный консерватизм в несколько искусственной для автора оболочке народности.

Итоги своего десятилетнего управления министерством Уваров подвел в особом докладе, в котором излагал усилия возглавляемого им ведомства противостоять «разрушительным началам» и чуждым иноземным влияниям, укрепив отечество «на твердых основаниях» православия, самодержавия, народности, подчинив «развитие умов потребностям государства»⁷¹.

С обострением обстановки в стране и за границей охранительные черты в правительственной трактовке народности усиливались. Раскрытие на Украине тайного Кирилло-Мефодиевского общества, члены которого мечтали о создании всеславянской республики, помимо арестов, сразу же повлекло за собой меры идеологического характера. Славянская идея была заподозрена, и ее постарались отделить от собственно русской: единство в вере тем самым отодвигалось на второй план. 30 мая 1847 г. С.С.Уваров по распоряжению царя направил попечителям учебных округов секретный циркуляр, в котором пояснил, как следует трактовать отныне понятие народности. В новейшей официальной трактовке оно приобретало

характер национальной исключительности. Преподавателям предлагалось, не увлекаясь идеей славянского единства, сосредоточиться на популяризации «Русского начала, Русского духа... Русского просвещения»⁷².

Забегаю несколько вперед, нужно сказать, что в 1848 г. верхам стала казаться опасной и русская национальная идея (во всяком случае так были восприняты ее адептами правительственные меры)⁷³. Видимо, почуяв новые веяния в правящих сферах, осмелился высказаться по этому поводу и Булгарин в «Северной пчеле» (1848, 3 янв., №2). Отвергая мечты об общей славянской народности как безумие, издатель газеты подверг насмешкам и исключительное пристрастие к «развалинам старинного русского быта», веру в то, что «Русский дух иначе не может существовать, как в бороде и зипуне» (явный намек на славянофилов). Подобным взглядам Булгарин противопоставлял ориентацию на *современную* российскую действительность. «Из чего же должна быть составлена Русская современная просвещенная народность?» - ставил он вопрос, на который отвечал так: «Из нашего нынешнего государственного устройства, определенного нашим законодательством, дарованным Русскими государями; из Русской природы... которая заставляет нас жить иначе, нежели живут западные и южные народы и следовательно порождает другие идеи и другие обычаи; из сокровищ нашего богатого, звучного, прекрасного языка, из нашей Истории и преданий». Официозный характер высказанной здесь позиции Булгарина настолько прозрачен, что не нуждается в комментариях.

Но вернемся к истокам - началу 30-х годов. Смысл своей политической системы Уваров объяснил так: «Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»⁷⁴. Николай I сумел оценить преимущества, которые сулила идеологическая доктрина Уварова для укрепления существующего режима, помогая властям подчинить себе трудноуловимое и непокорное общественное мнение. Однако при всем консерватизме и карьеризме Уварова его позиция не вполне совпадала с позицией самодержца: первый понимал важность широкого гуманитарного образования, ценил европейскую науку, второй относился к тому и другому с недоверием и подозрением. Такое расхождение явилось в конце концов причиной отставки министра в 1849 г. Но пока до этого было еще далеко, и Уваров находился на вершине своего могущества.

В разработке теории официальной народности значительна роль молодого писателя, журналиста, ученого М.П.Погодина. Эволюция взглядов Погодина, приведшая его к пропаганде идей православия, самодержавия, народности, была закономерна и во многом объяснялась его биографией. В среде, из которой он вышел (отец Погодина был крепостным), юноша заимствовал глубокую религиозность. Кровная связь с народом сделала русскую национальную идею особенно ему близкой. Достигнутое благодаря неустанному труду положение, открывавшиеся пер-

спективы побуждали выбившегося в люди разночинца ценить строй, сделавший это возможным.

Защитив весной 1825 г. магистерскую диссертацию, Погодин начал преподавать всеобщую, а через три года и русскую историю в Московском университете. С 1833 г. он - ординарный профессор.

Погрузившись в изучение русских летописей, Погодин убедился в глубоком отличии хода отечественной истории от западноевропейской. Эту мысль проводил он во вводной лекции по русской истории, прочитанной в присутствии С.С.Уварова 8 сентября 1832 г. Доказывая, что «всякое настоящее, всякое будущее есть плод прошедшего», профессор подводил слушателей к заключению о несходстве исторических судеб России и Запада. Одобрение высокого посетителя должно было заслужить и объяснение Погодиным причин отсутствия в России законов и учреждений, подобных западноевропейским: «...Всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень... пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно». Отсюда следовал вывод: *«Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самую верною и надежною»*. Слова эти не могли оставить равнодушным сановного ревизора.

Вся лекция была проникнута идеей провиденциализма. Исторические события изображались как «поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением». Отечественная история предстала наглядным примером руководящей роли Божественного промысла. «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного ... как Российская», - подчеркивал Погодин, заключая, что Россию ведет «перст Божий ... к какой-то высокой цели». Отчеству предрекалось блистательное будущее. Особое значение придавалось этническому единству населения империи, говорящего одним языком, исповедующего одну веру и потому имеющего один образ мыслей. При этом отмечалось, что российское духовенство - в отличие от западного - не претендует на самостоятельность и подчиняется государям. Русскому дворянству, получившему свои привилегии благодаря службе, отдавалось преимущество перед западным. Существующие в России порядки профессор хвалил и за то, что «простолыдину открыл путь к высшим государственным должностям, и университетский диплом заменяет собою все привилегии и грамоты, чего нет в государствах, наиболее славящихся своим просвещением». Тем самым, полагал он, обеспечивается доступность прав, являющихся яблоком раздора между сословиями в других странах. Красноречиво повествовал Погодин о величии России - «этого колосса, стоящего на двух полушариях». «Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает? - вопрошал он. - ... кто помешает РУССКОМУ ЦАРЮ решать судьбу Европы, судьбу всего человечества?».

Уваров мог быть доволен выслушанной лекцией. Формулируя доктрину православия, самодержавия, народности, он, конечно, немало почерпнул из нее. Вернувшись в Петербург, сановный ревизор докладывал царю о желательности пробудить в молодежи охоту заняться отечественной историей - как для более близкого знакомства с русской народностью, так и для предотвращения в дальнейшем «бурных порывов к чужеземному», вызываемых увлечениями опасными «европейскими идеями». Уверившись в благонамеренности московских профессоров, Уваров ходатайствовал перед царем об издании университетом «Ученых записок», рассчитывая получить в них противовес неблагонадежным в его глазах «Московскому телеграфу» и «Телескопу». С 1833 г. «Ученые записки» начали выходить, положив начало традиции, дожившей до наших дней. Первая книжка нового журнала открывалась публикацией текста лекции Погодина, озаглавленной: «Взгляд на русскую историю». А ее автор вскоре занял вновь образованную кафедру российской истории.

Идеи официальной народности Погодин пропагандировал и в дальнейшем - как в лекциях, так и на страницах печати. Однако, придерживаясь консервативных взглядов на государственное устройство России, ученый в то же время был убежденным сторонником отмены крепостного права, и свою приверженность самодержавию основывал прежде всего на просветительной миссии, которую с ним связывал. В книге французского путешественника маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», вызвавшей яростное раздражение завидных охранителей, обвинивших автора в намеренном очернительстве и клевете, Погодин увидел «много жестокой правды о России», добавив, что «за изображение действий деспотизма ... готов поклониться ему в ноги»⁷⁵. Историк преклонялся перед Петром I как великим преобразователем отечества. Реакционную политику последних лет царствования Николая I он не одобрял. В середине 50-х годов позиции Погодина и либерально настроенных сторонников реформ сомкнулись⁷⁶.

Ближайшим союзником Погодина в идейной борьбе 40-х годов стал его друг С.П.Шевырев, поэт и литературный критик. Оба они раньше входили в литературный кружок С.Е.Раича, сотрудничали в «Московском вестнике». Сближал их и общий интерес к истории: Шевырев принадлежал к московским «архивным юношам». В 1829 г. он уехал в Италию в качестве домашнего учителя сына княгини З.А.Волконской. Размышляя над историческими судьбами родины, сравнивая их с прошлым и настоящим стран Запада, Шевырев все более проникался национально-патриотическими настроениями⁷⁷. В стихотворениях, написанных им за границей, уже сквозит предчувствие особого предназначения России. В 1832 г. поэт вернулся в Москву и был представлен Уварову. О его назначении в Московский университет хлопотали Погодин, Давыдов, многого ожидал от его преподавательской деятельности А.С.Пушкин.

С 1834 г. Шевырев начал читать в университете курс лекций по истории мировой поэзии. А через несколько лет приступил к курсу русской

литературы, преимущественно древней. Его научная деятельность оказалась плодотворной⁷⁸. В 1837 г. он - профессор, через 10 лет - академик.

С юных лет проявлявший серьезный интерес к немецкой философии (прежде всего к Шеллингу), Шевырев со временем стал особенно ценить исторический подход в изучении наук. «В России, мне кажется, должно бы предпочитать методу историческую и самую философию, если возможно, заключить в историю»⁷⁹, - записал он в дневнике летом 1830 г. «... Знание наше тогда будет полно, когда Философия повернется Историю и обратно История согласится с Философиею... Взаимная их дружба будет торжеством всех стремлений ума человеческого ... Все уже сказали себе: Наука должна иметь душою Философию, телом Историю»⁸⁰, - утверждал он позже. Историческое направление связывалось в его понимании прежде всего с изучением своей страны.

Существенной чертой деятельности Шевырева явилась ее яркая идеологическая направленность. В своих научных трудах, журнальных статьях, публичных лекциях ученый настойчиво развивал мысли о самобытности России и ее великой миссии в мире. Западноевропейская образованность, утверждал он, из-за своей односторонности и «разврата мысли» зашла в тупик. России же, сумевшей сохранить в чистоте христианскую идею, предстоит в будущем объединить человеческие стихии (немецкую умозрительную, французскую общественную и проч.) с Божественным началом, принеся тем самым спасение человечеству. Консервативная утопия Шевырева, как видно, была обращена не только в прошлое, но и в будущее. Ее можно рассматривать как одно из наиболее ярких проявлений теорий официальной народности. основополагающей в ней был принцип не самодержавия, как у Уварова, а идея православия, определявшая, согласно Шевыреву, всемирное, всечеловеческое предназначение русского народа. Идею царя в трактовке Шевырева отводилось место хотя и важное, но менее значимое⁸¹.

Погодин и Шевырев явились наиболее крупными теоретиками и пропагандистами «официальной народности» и ближайшими помощниками Уварова в этом деле. Вместе со своими единомышленниками они представляли наиболее характерную для николаевского времени разновидность российских консерваторов, отличавшуюся «православно-русским направлением» (выражение П.А.Вяземского). Среди предшественников их можно сопоставить в этом отношении с А.С.Шишковым и шишковистами. Однако это были люди уже иной эпохи, не разделявшие крайностей автора «Рассуждения о любви к отечеству», а по своим личным связям и симпатиям явно тяготевшие к кругу Жуковского - Пушкина. Прежде чем оказаться в стане охранителей, оба пережили заметную идейную эволюцию. Единомышленники в главном, они представляли собой весьма различные индивидуальности. Вышедший из низов Погодин, с его простонародной внешностью, приземленными суждениями, «рублеными фразами», заметно отличался от своего приятеля - чистокровного дворянина и богатого помещика Шевырева, утонченного любителя изящного. Оба по-своему были преданы науке и просвещению, но проявляли замет-

ную односторонность и пристрастность во взглядах. Особой запальчивостью в отстаивании охранительных устремлений и напаках на Запад отличался эмоциональный Шевырев.

Общественная роль их неоднозначна. Своей профессорской и публицистической деятельностью они содействовали распространению знаний, повышению культурного уровня русского общества, росту в нем национального самосознания. Но в силу своей консервативной общественно-политической позиции Шевырев и Погодин оказались на стороне устаревшего режима и во вражде с теми, кто пропагандировал «европейские» идеи, т.е. либеральные, демократические, просветительские. По мере роста влияния этих идей в России авторитет официальной идеологии, которую они представляли, неуклонно шел на убыль.

Наряду с Погодиным и Шевыревым сходные с ними взгляды проводили в своих лекциях и печатных трудах некоторые другие профессора-гуманитарии. Прежде всего это относится к преподавателям отечественной истории - таким как Н.Г.Устрялов в Петербурге (автор многих учебных пособий), Н.А.Иванов в Казани (вместе с Ф.В.Булгариным выпустивший в 1837 г. «ручную книгу для русских всех сословий» под названием «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении»), П.П.Гулак-Артемовский в Харькове.

Определенную поддержку теоретики официальной народности встретили со стороны немецкого христианского философа фон Баадера, возглавлявшего большие надежды на посредничество России и русской православной церкви между Западом и Востоком. В своем письме министру С.С.Уварову - «Миссия русской церкви в условиях упадка западного христианства» - Баадер писал об опасном, по его мнению, процессе дехристианизации науки и гражданского общества на Западе. Новую философию автор письма обвинял в том, что ее представители (начиная с Декарта и Спинозы) впали в «фундаментальное заблуждение», вступив на путь «разрушительного принципа картезианского сомнения, которое по сути ничем не лучше скептицизма». Баадер отмечал воздействие «способа мышления народов (т.е. их философии)» на политику, утверждая, что «наука без молитвы» «влечет за собой правление без молитвы - эту гибель для правительства и подданных». Философ надеялся, что русская наука поможет православной церкви выполнить ее посредническую миссию, и Россия послужит Западу моделью, доказав, что «подлинная наука не может существовать без веры, а подлинная вера не может жить без науки»⁸². Во время своего пребывания в Мюнхене зимой 1839-1840 гг. Шевырев часто беседовал с Баадером, близким ему по взглядам на миссию православия. Содержание этих бесед он позднее изложил в «Москвитянине» (1841, №6). Баадер, со своей стороны, проявлял интерес к Шевыреву. Полученное от него письмо немецкий философ напечатал в приложении к своей книге о восточной и западной церкви⁸³.

Принципы официальной народности правительство проводило последовательно и целеустремленно. Занималось этим прежде всего ведомство Уварова. Основным проводником насаждаемых сверху идей стал со-

зданный им «Журнал Министерства народного просвещения», выходивший с 1834 г. Отсюда - особое значение этого органа печати для изучения идеологического курса правительства. В открывавшем журнал циркулярном предложении министра начальникам учебных округов общей обязанностью признавалось содействие народному образованию «в соединенном духе *православия, самодержавия и народности*» (выделено мною. - Р.Э.). Профессоров призывали стать «достойным орудием правительства». От студентов новый глава министерства ждал «успехов, благонравия, скромности и покорности к начальникам».

Кроме официального отдела в журнале имелся неофициальный, где публиковались статьи по разным отраслям знаний, по педагогике, сведения о состоянии университетов, гимназий, других учебных заведений в России и на Западе, обзоры содержания отечественных и зарубежных периодических изданий. В журнале сотрудничали видные ученые, профессора, высокообразованные журналисты. Таким путем Уваров рассчитывал направить воспитание молодого поколения и тем самым воздействовать на формирование общественного мнения. Жесткие цензурные ограничения по отношению к частным изданиям должны были помочь в достижении этой цели.

В программной статье (1834, №1) насаждение в стране «истинного просвещения» всецело связывалось с деятельностью монархов - Петра I, Екатерины II, Александра I. Исходная позиция журнала - просвещение, руководимое правительством и основанное на сословных началах. Период подражания Европе объявлялся отжившим. Царствующий император назван хранителем русской веры и народности, «Отцом России». «Отцом-монархом» Николай I именовался и в речи попечителя учебного округа Е.Ф. фон Брадке на торжественном открытии Университета святого Владимира в Киеве (1834, №8). Попечитель указывал на пагубный пример Западной Европы, где философия и другие науки «часто служили для преподавания безверия и губительного вольнодумства». Образование учащейся молодежи в новом университете должно было, напротив, совершаться «на твердых основаниях веры». Такое предназначение символизировало и присвоение ему имени святого князя Владимира. Профессорам предлагалось внушать своим слушателям, что истинная свобода состоит в порабощении страстей, точном исполнении законов и христианских заповедей, а также в повиновении властям.

Предельно выразительно сформулировал идею самодержавия ученый секретарь Главного педагогического института А.Ободовский, речь которого также была опубликована в журнале Министерства (1836, №3). Выступая на торжественном собрании института по случаю первого выпуска студентов, он заявил: «Царь есть земное Провидение, самим Богом для охранения и благополучия государства ниспосланное».

В публикациях по политическим наукам самодержавие трактовалось как главный оплот России. В статье В.Андросова «О пределах, в коих должны быть изучаемы и преподаваемы права политическое и народное» (1834, № 12) политическая нравственность граждан определялась их со-

ответствием той системе гражданственности, в какой им предстояло действовать. Оплот права автор видел в вечных истинах религии, независимых от человеческих уставов и учреждений. Религия, по его словам, облекает право в святыню закона, а закон освящает державную власть. Просветительская концепция общественного договора отвергалась. Общественное устройство признавалось делом Провидения, а не рук человеческих. Политическое устройство народа - «святыня неприкосновенная, недосягаемая ни для чьих частных преобразований». Любые нововведения - исключительная прерогатива державной власти, подчиняющейся только Божественным уставам. В подтверждение приводились тексты Священного писания. Преподавателям рекомендовалось укреплять учащихся «в высоком мнении о своем отечестве, правительстве, на родности».

При всей своей тенденциозности позиция журнала не была однозначной. Предназначенный всемерно сдерживать несовместимые с официальной идеологией тенденции, он вместе с тем имел целью содействовать распространению знаний и повышать уровень образования в стране. Несмотря на охранительную в целом направленность, в журнале то тут то там пробивалась просветительская струя - прежде всего в форме защиты науки и научного просвещения. Так, благотворное значение научного знания и образованности для благосостояния народов раскрывал академик Карл Бэр в статье «Взгляд на развитие наук» (1836, №5). Однако науку, которая подрывала бы священные основания веры, Бэр готов был признать гибельным для человечества даром.

Наиболее целесообразное соотношение консервативных и преобразовательных тенденций в жизни страны стремился установить профессор-правовед И.И.Ивановский в статье «О началах постепенного усовершенствования государств» (1837, №1). Только при спасительном равновесии между тем и другим общество может нормально развиваться, утверждал автор. Наследственная привязанность к вере, монарху и народным учреждениям - одно из условий благоденствия государства. Но для успешного функционирования общества столь же важна потребность в движении, деятельности, преобразованиях, которая тем сильнее, чем дальше продвинулось общество на пути просвещения. Законными и прочными признавались лишь реформы, проводимые сверху, ибо только правительство может «согласить противоположные интересы и виды различных классов и сословий». Общественному мнению это не под силу, поскольку оно разноречиво и разнородно, считал Ивановский.

В журнале восхвалялось «истинное» просвещение, основанное на религиозно-нравственном воспитании и «правильном умственном образовании»⁸⁴. Нравственные понятия провозглашались неотделимыми от религиозных⁸⁵.

В соответствии с принятой опорой на традиции, особое внимание уделялось истории. Уваров и раньше - задолго до того, как стал министром, - был убежден, что преподавание истории «есть дело государственное»⁸⁶. В первой же книжке журнала была опубликована лекция

М.П.Погодина «О всеобщей истории». Провиденциальный взгляд молодого профессора на ход исторического процесса вполне соответствовал общей позиции журнала, активным сотрудником которого он стал. Знаменитого Гизо Погодин упрекал за отсутствие в его трудах указания на христианство как корень европейской цивилизации и всей новой истории. Критиковал он французского историка и за то, что тот обошел славыякие страны.

Теперь уже историю - вместо философии - называли «наукою наук» (1836, №6, отд. II, 409). Как «основание всех наук человеческих» и «самый философический довод религии» представляла история в переводной статье Лоранси «О важности и успехах исторических знаний в их связи с христианством» (1836, №11). Автор находил в ней защиту религии «против нападений науки и философии». Истинной философией истории он признавал христианство. Еще более рельефно позиция журнала отразилась в неподписанной (по-видимому, редакционной) статье «О связи философии с историею» (1837, № 9). Главнейшим элементом философии - «науки о Боге, мире и человеке» - признавалась этика, которая и превращает философию в «мудрость жизни». По законам этики должны действовать три великие учреждения для воспитания человека - семья, государство и церковь. Но философия - «дело человеческое», «светская мудрость», а потому способна вводить людей в заблуждение; всегдашней ее коварной спутницей является «лжемудрие», говорилось в статье. История же, собирая «великую жатву опыта», способна предохранить человечество от заблуждений философов.

Философия, в отличие от истории, оказалось гонимой. У консервативно настроенных современников (включая императора) она вызывала неприязненное отношение и сильные подозрения в неблагонамеренности. Ученые-философы оказались в трудном положении. Стремясь защитить свою науку, университетские профессора философии всячески постарались отмежеваться от просветителей XVIII в. и их последователей. А.Фишер в статье «О новейшем естественном праве» (1836, № 1) критиковал современных авторов, отрешивших естественное право от религии и нравственности. Решающую роль в таком повороте сыграли, по его мнению, французские атеисты и материалисты, назвавшие «недостойными просвещенного века предрассудками и религию и бескорыстную нравственность - эти неколебимые опоры общественной жизни». Не соглашаясь с теми, кто утверждал, что теория естественного права породила революцию 1789 г., Фишер вместе с тем считал, что физиократы, Вольтер, Руссо, Гельвеций, энциклопедисты сыграли гибельную роль в «великой драме».

Во вступительной лекции к курсу теоретической философии (1845, № 1) тот же автор специально остановился на отношении философии к Божественному Откровению, утверждая, что разум не может служить «положительным мерилем истин Откровения», ибо далеко не все истины доступны человеческому уму. Фишер приходил к выводу, что Разум и Откровение равно суть дары Божии, дополняющие друг друга. Автор стре-

мился доказать, что хотя «философствующий разум часто впадал в грубые заблуждения и вступал во враждебную противоположность с христианством ... в самом существе разума нет ничего враждебного вере». Философские исследования благодетельны, пока они ведутся в согласии с Откровением. Истина едина и источник ее - в Боге.

Весьма острого вопроса коснулся Фишер в статье «О сущности философии и отношении ее к положительному авторитету», то есть к власти (1845, № 3). Вековечному неравенству между людьми, как и требующему повиновения авторитету, автор приписывал божественное происхождение. Авторитет дан людям свыше для их собственного блага, утверждал он. А потому те, кто считают установленный Богом порядок вещей несправедливым и неразумным, а тем более выступают за его изменение, проявляют «богопротивную дерзость». Побуждая людей к повиновению и смирению, авторитет тем самым дает им опору и воздвигает преграду «разрушительным, враждебным действиям эгоизма». Профессор философии восставал против «надменной школьной и книжной мудрости, которая, не зная действительного мира, создает новые системы и идеалы государственного устройства и, не заботясь о существующем и о невозможности упразднить его без вопиющей несправедливости, проповедует необходимость ввести новый, более согласный с разумом порядок вещей». Неопытным юношам, мечтающим о преобразовании мира, профессор советовал начать его исправление с самих себя. Философия, по его убеждению, должна примирять с действительностью путем внутреннего совершенствования каждого человека.

Защите философии от нападок, которым она все более подвергалась, посвящена статья известного в свое время киевского профессора Ореста Новицкого «Об упреках, делаемых философии, в теоретическом и практическом отношении» (1838, № 2). Развивая взгляд на философию как на «науку наук», автор пытался опровергнуть мнение об ее опасности для религии и государства - «будто она, питая своемыслие, оскорбляет святыню религии безверием, а питая своеволие, разрушает установленный порядок гражданской жизни». Отстаивая свободу и самостоятельность философского мышления, профессор вместе с тем доказывал, что оно ничуть не противоречит вере и является одной из надежных опор общественного порядка. Автор выступал против французской просветительной философии, «решительно погрязшей в самом грубом материализме ... поставившей низкий, чувственный эгоизм основным началом человеческой жизни и таким образом искажившей нравственность в самом ее корне». Русской философии автор прочил блестящее будущее. Чтобы стать национальной, она должна, по его словам, основываться на благочестии, патриотизме и преданности своему царю. Ее краеугольным камнем должно явиться не умозрение (как у немцев), не опыт (как у французов), а вера. Тем самым философия получит высшее завершение, преодолев односторонность прежних направлений.

С середины 40-х годов со страниц журнала исчезают статьи по философии. Все больший акцент делается на религиозно-нравственном вос-

питании. Публикуются статьи типа «Православие - источник спасения Отечества» (1849, № 1). При этом православие старательно подверстывается к самодержавию. Усиленно пропагандируется тезис «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога». Автор ссылается на послание апостола Павла, согласно которому «противящийся власти противится Божьему постановлению, а противящиеся подвергнутся осуждению». В одной из опубликованных в журнале переводных статей утверждалось, что «*дурное знание* или знание заносчивое ... в тысачу раз опаснее, нежели полное неведение»⁸⁷.

За самостоятельность духовной жизни россиян выступал в статье «О народности в литературе» П.А.Плетнев (1834. № 1). Автор критиковал проповедников космополитизма, «кичливую ученость Запада», поддавшегося «искушения лжеучености», приветствовал пробуждение у соотечественников чувства народности.

На зарубежном материале пропагандировались идеи, созвучные общей позиции журнала. Вышедшую на французском языке книгу «История философии древней и новейшей, для юношества» обозреватель новой литературы А.Краевский хвалил за то, что в ней изображалось «гибельное влияние секты Вольтера на учения нравственные, общественные, даже на узы семейные»⁸⁸. Автора книги «О французской литературе в XIX ст.» К.Демаре он одобрял за суровый приговор Вольтеру и революции⁸⁹. В статьях того же Краевского (1834, №№ 2 и 3) превозносились труды профессора философии аббата Ботена, провозгласившего «единственным началом науки Евангелие или Слово Божие» и выступавшего с позиций философии «истинно христианской», призывая слушателей «к Вере путем Науки». Совершенно иначе журнал оценивал нашумевшую во Франции и в России книгу одного из родоначальников христианского социализма - католического проповедника, публициста и философа Ф.Ламеннэ «Слова верующего». Чтобы доказать ее несостоятельность, автор обзора ссылался на доводы духовных лиц, порицавших «опасные софизмы» Ламеннэ.

Современное направление университетского образования во Франции порицалось как утратившее в значительной мере христианский характер. В обзоре иностранных журналов отмечалось, что кафедры «заняты большей частью противниками христианства», и ученая молодежь находит в факультетах атеизм, деизм, пантеизм и любые другие учения, кроме христианского. «Удивляться ли после этого баррикадам и самоубийствам?» - вопрошал автор. Приветствовалось появление во Франции нового периодического издания «Католический университет», где «все науки будут означаемы с точки зрения религиозной» (1836, № 10, с. 181). С сочувствием говорилось о проникнутых христианской идеей сочинениях «первейших умов Германии» Герреса и Сталя (Шталя). В труде последнего, по словам обозревателя, «заглушается деизм и атеизм науки. Освобождением от выдумок естественного права засыпается бездна политических революций».

Переведенная с английского языка обширная статья «Французская литература XVIII века» (1840, № 9) знакомила с вышедшим во Франции трехтомным трудом знаменитого ученого и государственного деятеля А.Ф.Вильмена. Предмет освещался в статье с консервативных позиций. С неодобрением отмечалось влияние на литературу XVIII в. «ложной философии», «склонности к политическим преобразованиям». Делалась попытка развенчать Вольтера с его «мятежным умом», «богопротивными произведениями», с его теориями, способствовавшими низвержению существующего образа правления. Мысли о народной свободе и ограничении монархической власти признавались нелепыми, материалистические понятия Гольбаха, Гельвеция и их последователей - «омерзительными».

Пропаганда принципов официальной народности в печати предназначалась читающей публике и прежде всего преподавателям учебных заведений, на которых возлагалась обязанность воспитывать в этом духе учащуюся молодежь, вызывавшую наибольшие опасения властей.

Укрепляя свои идеологические позиции, правительство не ограничилось этим. Была продумана и предпринята целая система мер, рассчитанных также на более широкие слои населения. Важнейшим из них стало утверждение в 1832 г. нового проекта храма Христа Спасителя в Москве (на этот раз - «в старинном русском вкусе»). Вслед за тем внимание самодержца устремилось к созданию государственного гимна (ранее для этой цели использовалась «Молитва русских» В.А.Жуковского на мелодию английского гимна «Боже, храни короля»). В 1833 г. царь через А.Х.Бенкендорфа поручил одаренному композитору, офицеру А.Ф.Львову сочинить новую музыку. Композитору хотелось, чтобы это был «гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа от ученого до невежи». Слова гимна «Боже, царя храни» написал опять Жуковский. Пробное исполнение хором певчих в сопровождении двух военных оркестров состоялось в присутствии царской семьи. После одобрения музыки императором гимн был торжественно исполнен 11 декабря 1833 г. в Большом театре в Москве, а затем 25 декабря (в день изгнания из России наполеоновской армии) в Зимнем дворце в Петербурге. «... Мигом музыка гимна разнеслась по всем полкам, по всей России и, наконец, по всей Европе»⁹⁰.

Власти поощряли создание литературных произведений патриотического содержания - преимущественно на темы из русской истории. В особом ходу были сюжеты, связанные со Смутой XVII в. и избранием первого царя из династии Романовых. Их популярность объяснялась и очевидным политическим подтекстом: в годы, следовавшие за восстанием в Польше, они затрагивали тему русско-польских отношений, повествуя о польской интервенции в прошлом и ее отражении. Ф.В.Булгарин сочинил роман «Дмитрий Самозванец». Пользовавшийся громкой славой Нестор Кукольник (товарищ Гоголя по Нежинской гимназии высших наук) посвятил той эпохе две драмы, которые были поставлены в театрах - «Князь Скопин-Шуйский» и «Рука Всевышнего отечество спасла». Задум-

мавшему сочинить русскую оперу М.И.Глинке Жуковский посоветовал в качестве сюжета подвиг Ивана Сусанина и сам собирался написать для нее либретто. (Из-за нехватки времени поэт смог выполнить свое намерение лишь отчасти, посоветовав композитору обратиться к другому литератору - барону Е.Ф.Розену). Некоторые стихи для либретто были написаны приятелем Глинки Кукольником. Посвященная императору Николаю Павловичу, опера получила название «Жизнь за царя». Ее первое представление состоялось в петербургском Большом театре в конце 1836 г.⁸

Обращение к историческим традициям диктовало необходимость усилить внимание к Москве - первопрестольной столице, средоточию отечественного православия. Николай I сам выбрал место для возведения Храма Христа Спасителя - в самом центре города. Интенсивно обновлялся Кремль. Величие императорской власти должно было подчеркнуть строительство Большого императорского дворца, продолжавшееся с 1838 по 1849 г. Его завершение озаменовалось «русским праздником», устроенным генерал-губернатором А.А.Закревским в своей официальной резиденции, а затем в Благородном собрании. Участники костюмированного бала облачились в старинные русские одеяния. Среди изображаемых персонажей были Иван Сусанин, Минин и Пожарский, юный Ломоносов. Исполняли русские народные песни, водили хоровод. Еще до этого, в 1836 г. Николай I распорядился установить в Кремле на специальных постаментах Царь-пушку и не менее гигантский Царь-колокол, ставшие на многие годы достопримечательностями Москвы - как своего рода символы военной и духовной мощи России.

Принятый правительством Николая I политический курс требовал особого внимания к положению православной церкви. Согласно Основным государственным законам, «Православная Восточная Грекороссийская» вера признавалась первенствующей и господствующей в Российской империи⁹. Уложение о наказаниях предусматривало преследование преступлений против веры. Отказ от православия и переход в другие вероисповедания, тем более - религиозная пропаганда в их пользу карались по закону. В царствование Николая I заметно увеличилось число монастырей и храмов, росло число религиозных изданий. Правительство пыталось улучшить недостаточное материальное обеспечение духовенства. Усилилось преследование старообрядцев. В 1839 г. к православной церкви были присоединены западноукраинские униаты.

Верховная власть в лице императора признавала одно-единственное вероисповедание, более того, - и внутри него не допускалось разноречий даже по частным вопросам¹⁰. Человек несомненно верующий, Николай I, по-видимому, не отличался глубоким религиозным чувством. Присутствующий при его коронации современник вспоминал: «Откровенно скажу, что во все продолжение этой августейшей церемонии я не заметил на его лице не только никакого растроганного чувства, но даже и самого простого благоговения. Он делал все как-то смело, отчетливо, по темпу, как солдат по флигельману, и как будто не в соборе, а на плац-параде».

Взаимоотношения светской и духовной властей император понимал в привычном ему духе военно-государственной иерархии. Убеденный сторонник бюрократических методов управления, он насаждал их и в церкви. Решающее слово в духовных делах принадлежало не духовной власти, а светской. «Верховным защитником и хранителем догматов господствующей Веры и блюстителем Правосверия» закон признавал императора⁵⁵. А его непосредственным представителем в духовном ведомстве был обер-прокурор Синода, назначавшийся царем из людей светских. Среди синодальных прокуроров николаевского царствования наиболее известен полковник, флигель-адъютант граф Н.А.Протасов, занимавший этот пост с 1836 г. Пользуясь доверием Николая I, Протасов сосредоточил в своих руках большую власть, и, по словам современника, «стук его гусарской сабли был страшен для членов Синода»⁵⁶. Подчиненный обер-прокурору канцелярский аппарат все больше разрастался, расширял свои функции, приобретал силу и значение. Среди православного духовенства Протасов не пользовался уважением. Его стиль руководства, проводимые им преобразования в области церковного управления и духовного образования не одобрялись, воспринимались как нечто навязанное. Подозревали, что получивший воспитание в иезуитском пансионе граф презирает православие и более расположен к католичеству, православным же объявляет себя «из земных видов».

Протасов намеревался преобразовать сельское духовенство, пребывавшее, по его мнению, «в невежестве и грубости нравов». В действительности задуманная им мера была направлена отнюдь не к преодолению «невежества». Напротив, существовавшие в духовных учебных заведениях программы предполагались сократить и упростить, исходя из того же утилитарного подхода, который насаждался в светских учебных заведениях. Преследовалась цель усилить влияние духовенства в народе.

Дело велось втайне от Синода. Нуждаясь в помощи знающего человека, Протасов вызвал в Петербург ректора Вятской духовной семинарии Никодима (Казанцева). Ему было поручено составить проект устава духовных семинарий в требуемом духе, скрывая ото всех, чем он занимается. Протасов внушал Никодиму, что воспитанникам семинарии не нужна «излишняя» ученость: «Помните, семинария не академия... Из семинарий поступают священники по селам. Им надобно знать сельский быт и быть полезным крестьянину даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная Богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия - наука вольномыслия, вздор, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердит хорошенько катехизис, церковный устав, нотное пение, и довольно!»⁵⁷. Возражения не принимались: обер-прокурор ссылался на волю императора. Пришлось подчиниться. Однако проект нового устава духовных семинарий не получил хода, поскольку Синод «восстал против проектов графа». Но и Синоду пришлось пойти на уступки: в учебный процесс были внесены существенные изменения, ослабившие его общеобразовательное значение, делавшие его более специальным и догматичным. Филосо-

фия (кроме логики и психологии) исключалась из учебных программ. Вводились новые предметы, и в числе их: сельское хозяйство, медицина, естественная история. Изменился и порядок преподавания. По отзывам людей осведомленных, перемены отрицательно сказались на семинарском образовании.

Требую от священников понятного народу истолкования Священного писания, власти в то же время упорно возражали против перевода Библии на русский язык. Предпринимавшиеся некоторыми духовными лицами попытки такого рода расценивались как святотатство. Сказывалось предубеждение против деятельности не так давно закрытого Библейского общества, непримиримым противником которого был первоприсутствующий в Синоде петербургский митрополит Серафим (Глаголевский).

Громкую огласку получила история с переводом Библии на русский язык протоиерея Г.П.Павского⁹⁸. Этот популярный среди студентов профессор Петербургской духовной академии и Петербургского университета одновременно преподавал Закон Божий наследнику престола, его братьям и сестрам. Несмотря на видное положение, ему пришлось испытать большие неприятности из-за своего перевода. Нападкам некоторых влиятельных духовных лиц еще раньше подверглись составленные Павским для своих именитых учеников «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе». Обвинения в неблагонамеренности заставили Павского в 1835 г. прекратить преподавание царским детям. Настоящую бурю вызвало литографирование студентами некоторых книг Ветхого завета, переведенных Павским с древнееврейского на русский язык. Его комментарии к переводу инспектор Московской духовной академии иеромонах Агафангел (Соловьев) признал «возмущающими чувство православного христианина»⁹⁹. С помощью нескольких «благонамеренных студентов» он написал критический разбор труда Павского, отправив его трем митрополитам, включая Филарета Московского и Филарета Киевского. Последний переслал анонимное послание Агафангела обер-прокурору Синода Н.А.Протасову. Тот дал делу ход. Царь приказал произвести «строгое дознание». Начались допросы причастных лиц. При расследовании дело это велось «так горячо, что к нему боялись подойти близко, - свидетельствует историк церкви. - Допросы Павского, бывшего 25 лет профессором, доктора богословия, законоучителя университета, наставника цесаревича производили ужасное впечатление»¹⁰⁰. Павскому грозило лишение сана. Однако после длительного и тягостного разбирательства Синод признал его невиновным.

Плохо пришлось не только Павскому. Дело закончилось фактическим отстранением московского и киевского митрополитов от участия в делах Синода: оба, «оскорбленные и униженные», отправились в свои епархии. Глава Синода митрополит Серафим высказался решительно против переложения Священного писания на русский язык.

В те же годы о напечатании своего перевода пророческих книг Ветхого завета на русский язык хлопотал известный алтайский миссионер о.Макарий (Глухарев). За это митрополит Серафим предлагал сослать

его в Спасо-Евфимьев монастырь. «В печь этот перевод!» - будто бы воскликнул он в негодовании¹⁰¹.

Церковь играла большую роль в жизни страны. В задачи ее входило прежде всего нравственное воздействие на современников. В то же время правительство стремилось - и небезуспешно - использовать ее и как политический инструмент, консервативный по своей сути и призванный содействовать стабилизации положения в стране. В годы революционных бурь в соседних странах Западной Европы это было особенно важно. И церковь не осталась безучастной. Уча со смирением и кротостью встречать любые невзгоды, повиноваться законным властям, она тем самым предотвращала или смягчала возможные социальные взрывы, содействуя успокоению смятенных душ.

3. КОНСЕРВАТИВНОЕ ТЕЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

События на Сенатской площади в конце 1825 г., а затем восстание Черниговского полка на Украине оказали большое влияние на последующий ход дел в России. Открытое вооруженное выступление против верховной власти потрясло русское общество. К такому повороту событий оно не было готово. Одно дело - свободолюбивые мысли и разговоры, другое - публичный отказ элитных воинских частей повиноваться властям, вооруженное противостояние в центре столицы, замыслы цареубийства. Все это в корне противоречило традиционному мировоззрению большинства населения, основывавшемуся на православии и признании царя помазанником Божиим.

Сохранилось множество откликов современников-дворян, всячески поносивших декабристов, называвших их бунтовщиками, чудовищами, преступниками, злодеями, а их замыслы «адскими» и «нечестивыми». 23 декабря 1825 г., в разгар арестов «злоумышленников», император Николай I писал брату Константину: «Здесь все усердно помогали мне в этой ужасной работе; отцы приводят ко мне своих сыновей, все желают показать пример и, главное, хотят видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрений этого рода»¹⁰².

Известны и противоположные мнения. Так, князь П.А.Вяземский писал после казни пяти декабристов жене: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо»¹⁰³. За жестокую расправу с участниками восстания Николая I осуждали даже некоторые консервативно настроенные современники. «Если бы Николай Павлович оказал при этом царское великодушие, наказал легко и временно, и то немногих, - рассуждал писатель М.А.Дмитриев, - он приобрел бы себе сердца всех этих людей, а Россия приобрела бы в них людей способных, которые со временем, получивши опытность, могли бы быть людьми государственными, потому что в уме и сведениях у них недостатка не было! Но Николай Павлович был жесток, не имел в себе довольно величия

души и благородства духа, чтобы быть великодушным. Он видел в этом одно: восстание против деспотизма; он желал одного: усиления своей деспотической власти. Он желал царствовать не любовью, а страхом; и действительно, со времени этих казней и со времени учреждения тайной полиции в его подданных не было другого чувства, кроме страха!»¹⁰⁴. Автор замечал, что подобных мнений придерживались в 1826 г. «все люди мыслящие». Единичность сохранившихся откликов такого рода не должна вводить в заблуждение. В атмосфере всеобщего страха мало кто решался доверить бумаге неодобрительные суждения о действиях императора. Наступившая эпоха заставляла проявлять осторожность, в ожидании репрессий сжигали даже невинные в политическом отношении документы (как это сделали, например, «любомудры» - участники юношеского философского кружка). Да и приведенный здесь отзыв М.А.Дмитриева написан много позднее.

Выражать открыто свое сочувствие пострадавшим рисковали лишь немногие родственники (особенно родственницы) и друзья заключенных. В целом же наблюдалось, по словам А.И.Герцена, «быстрое нравственное падение»: «Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести теплого слова о родных, о друзьях, которым еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротив, явились дикие фанатики рабства: одни - из подлости, а другие хуже - бескорыстно»¹⁰⁵. По свидетельству современника, в обществе воцарился ужас: ареста ожидали даже те, кто не был замешан ни в каких действиях против правительства. Некоторые из переживших те дни не могли без страха слышать звук колокольчика даже много лет спустя, страшась появления фельдъегеря с повелением об аресте.

Сочувствие пострадавшим участникам тайных обществ чаще всего вызывалось состраданием, не означая одобрения их поведения и намерений. Даже такие близкие декабристам люди, как А.С.Грибоедов и П.А.Вяземский, считали принятый ими способ действия безрассудным (вспомним насмешливые слова первого: «сто прапорщиков хотят переменить весь государственный быт России»¹⁰⁶). Впрочем, нашлись у декабристов и прямые последователи: это были большей частью представители молодого поколения - студенты, офицеры, чиновники. Смелый протест героев 14 декабря нашел в этом слое горячий отклик, а жестокая расправа царя с ведущими деятелями движения породила ненависть к самодержавию и непреодолимое желание освободить от него отечество.

В целом же наблюдался явный сдвиг общественных настроений вправо. Общество в своей массе не поддержало участников заговора, более того - осудило их. Причина такого отношения заключалась не только в своекорыстных помещичьих интересах (несомненно имевших место). Главное в том, что позиция декабристов не соответствовала общественному сознанию тех лет. К уничтожению крепостного права, ограничению или ликвидации самодержавия стремилось лишь незначительное меньшинство. Тенденциозно-обвинительное «Донесение Следственной комиссии» по понятной причине умалчало о благородных стремлениях

участников тайных обществ, представив их преступниками и извергами. Но даже если бы стали известны их подлинные цели, это не могло бы обеспечить декабристам сколько-нибудь широкой поддержки. Намерение Союза Благоденствия воздействовать на общественное мнение не успело дать результатов. На смену ему пришла идея военной революции с ее установкой на силовое решение общенациональных проблем. Дворянство и армия остались в массе чужды планам заговорщиков. «Стихия обывательского застойного консерватизма» (выражение Н.К.Пиксанова) оказалась сильнее.

Нелюбимый войсками и мало известный остальному населению, великий князь Николай Павлович после своего воцарения стал быстро приобретать популярность. Исследователи отмечают возникновение подлинного культа Николая I в ранний период его царствования¹⁰⁷. Многим импонировали смелость императора в день 14 декабря, незаурядная энергия и распорядительность, с которой он взялся за дела управления, давно заброшенные его предшественником. С ликованием было встречено отстранение ненавистного стране Аракчеева, а затем Магницкого. Одобрение вызывали попытки правительства бороться со взяточничеством и служебной волокитой, во внешнеполитических делах - защита угнетаемых султанской Турцией единоверцев - греков. Успехи русского оружия в войне с Турцией еще больше подняли престиж молодого царя. Верноподданные преисполнились надежд на грядущие перемены к лучшему.

Среди них были некоторые выдающиеся деятели отечественной культуры - В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, М.И.Глинка, Ф.И.Тютчев.

Первого из них можно с полным основанием назвать просвещенным консерватором европейского типа. С годами он все более определялся как продолжатель идейной традиции Н.М.Карамзина, которого называл «другом, хранителем, наставником»¹⁰⁸. Оба соединяли с горячим патриотизмом и убежденностью в благотворности самодержавия для России приверженность европейской культуре, независимый образ мыслей и поведения. Жуковский сурово осудил восстание декабристов, но он же сделал впоследствии все возможное, чтобы облегчить их участь. Поэт-гуманист и противник деспотизма, он надеялся увидеть в Николае I просвещенного монарха, от которого можно ожидать много хорошего для страны.

Назначенный наставником наследника престола (будущего императора Александра II), поэт с энтузиазмом принялся за дело: ведь в его представлении от воспитания во многом зависело, какой характер примет деятельность будущего монарха. Касаясь плана и направленности занятий 8-летнего мальчика на 12 лет вперед, он поставил на первое место просвещенность, ибо только это качество дает, по его мнению, государю «способность властвовать благотворно». Соединяя знания с нравственностью, просвещение, считал Жуковский, научит юношу действовать для общего блага. В документе, представленном на утверждение Николаю I, Жуковский призывал любить и распространять просвещение, ува-

жать общественное мнение (которое часто бывает «просветителем монарха» и его лучшим помощником), любить «свободу, т.е. правосудие», любить свой народ. Из всех наук, нужных будущему императору, его наставник выделял историю. Одним из главных правил, которое предстояло цесаревичу извлечь из нее, был совет подвигаться «не быстро, но постоянно», не опережать своего века, но и не отставать от него¹⁰⁹. То, что подобный план не вызывал возражений со стороны царя, - факт, показательный и для тогдашней позиции Николая I.

О необходимости для монарха действовать в «духе времени» Жуковский писал и императрице Александре Федоровне (своей бывшей ученице). Опасаясь, что увлечение «военным ремеслом» сформирует в мальчике привычку «видеть в народе полк, в отечестве - казарму», Жуковский предостерегал (увы, тщетно) от поощрения в нем подобной наклонности.

Дневники и записная книжка Жуковского второй половины 20-х годов обнаруживают в нем человека, в значительной мере разделяющего просветительские взгляды. Свидетельство тому - его рассуждения о законности, просвещении, свободе, человеческом достоинстве, общественном договоре, общем мнении, духе времени. Так, 1 ноября 1827 г. поэт записал: «Институции* суть зеркало государя и подданных. Они лампада правления. ...Без правил незыблемых нет и власти незыблемой, нет и повиновения твердого». По убеждению автора, целью государя должна быть «не власть, а благо». Если правитель не заботится о подданных, а предаётся расточительности и тратит на свои прихоти «те сокровища, которые собраны народом в кровавом поте труда», в сердце народа возникает «искра мятежа, которая при первом удобном случае произведет ужасное пламя!»; «настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство». «...Сан царский есть только средство, а не право, - записывает Жуковский в 1828 г. - Если его ненавидят, то виноват не народ, а он сам». Гражданские блага дарует, по мнению поэта, только просвещение. Главным средством общественного благоденствия представляется ему утверждение договора между властителями и подданными. Дух времени, замечает Жуковский, «требует реформы в отношении государей и подданных. Наше время есть ...время утверждения общественного договора...». Правда, не все европейские страны (включая Россию) созрели для этого. Однако российский государь «должен убедиться в неизбежности сего договора и сам готовить к нему народ свой, без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным»¹¹⁰.

По мере развития событий на Западе и в России консервативные настроения Жуковского усиливались, просветительские слабели. После 1830 г. он рассуждал уже иначе, чем до того. В письме 1833 г. Александру Тургеневу¹¹¹ поэт одобрял развенчание швейцарским государствоведом К.-Л.Галлером теории общественного договора Руссо и мнение Галлера о «вечных Божественных законах» как источнике существующих

*Здесь в смысле - законы.

порядков. Убежденный в том, что «под именем свободы должно разуметь не безумное равенство прав, а независимость каждого на его месте», Жуковский писал: «...нельзя без отвращения и содрогания читать всего того, что врут защитники фальшивой свободы, - верховной власти народа, так называемого общего блага и пр. и пр. Это отсутствие всего Божественного, этот материализм, это заме[не]ние всего высокого и святого в душе человеческой расчетами интереса (частного или общего, все равно), это презрение ко всему историческому, это замещение патриархальной верховной власти грубою властью народов, этот деспотизм книгопечатания ... все это приводит в трепет». В «царстве типографического прессы» поэт отказывался видеть свободу мысли. Единственным выходом из трудностей ему представлялась религия: «В ней и гражданство, и свобода, и благородство души человеческой». Убеждая друга, что не принадлежит к поклонникам абсолютизма, Жуковский добавлял, что для него неприемлем (противен «как святому дьявол») и «абсолютизм в красной шапке».

Как видно из дневников и записной книжки поэта, теперь упор делался на необходимости для России неограниченной власти самодержца. «Нам невозможно думать о конституции, - обращался в 1835 г. Жуковский к своему царственному воспитаннику, - она еще не в натуре русского народа; мы для нее никаких начал не имеем, и нам необходимо твердое самодержавие». Но при этом поэт внушал наследнику престола мысль о необходимости приучаться самому и приучать других к законности. С огорчением замечал автор дневника, что юный великий князь «уже полон если не правил, то понятий абсолютизма». Историческое русское самодержавие (не отождествляемое с абсолютизмом) было в представлении Жуковского понятием высоким, качественно отличавшимся от восточного деспотизма. Укрепление в русском народе любви к самодержавию и надежды на его спасительность наставник цесаревича относил ко временам междоусобиц и татарского ига. С тех пор, говорилось в дневнике, оно хранится силою предания, освященного церковью, и стало «дополнительным членом символа веры, голосом истории, знаменем судьбы народной, синонимом слова Отечество». «Эта вера далека от рабства, - полагал Жуковский. - ... Покорность самодержцу есть благоговение перед святынею, которой поклонялись отцы и деды, отвлеченно от самого лица самодержца». Чувство это непонятно иноземцам, но глубоко коренится в душе русских, утверждал он. Российский император должен быть достоин такого идеала и стараться сберечь его в народе. Царю не подобает видеть в своей неограниченной власти всемогущество: «всемогущество принадлежит одному Богу; горе тому, кто замыслит его себе присвоить». Русский государь должен быть «смирненным исполнителем воли Провидения».

По мнению Жуковского, самодержавие может быть и «самою благоденственную ... и самою бедственную властью, ибо тяжелое бремя исполнения сей власти возложено на слабые человеческие плечи». Поэт был убежден в необходимости для страны непрестанного развития. Он

осознавал, что препоны, воздвигаемые на пути «движения спокойного», неизбежно повлекут за собой «движение буйное, разрушительное». Считая самодержавие необходимым для тогдашней России, Жуковский вместе с тем видел в нем и возможный источник произвола. Время от времени в его записной книжке прорывается недовольство российскими политическими порядками, признание преимуществ Западной Европы, где гражданское общество достигло своего полного развития с точки зрения прав человека и их ограждения законом. Иное дело в России. «Меры нашего правительства, - записывает Жуковский в 40-х годах, - клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр нам отворил в Европу. ...Нас хотят насильственно заставить любить Россию, боятся заразы либеральных мнений ... боятся того действия, которое на русских производит сравнение России с Европою. Но средство фальшиво. ... Прикуй к Отчеству и заставишь его возненавидеть. Нет! Сделайте, чтобы нам было хорошо в России и смело отворите настезь дверь в Европу». В России постоянно чувствуешь себя под полицейским надзором, сетовал поэт. «Беда России, - считал он, - состоит особенно в том, что у нас, благодаря первенству военного быта, дисциплину смешивают с законностью»¹¹².

Все эти оговорки не помешали Жуковскому поддержать самодержавие своим нравственным авторитетом. Он приветствовал взятие Варшавы в 1831 г., наивно радуясь, что «честь России опять сияет по-старому». Поэт был автором государственного гимна «Боже, царя храни» (две строфы написал А.С.Пушкин). Он сдерживал свободолюбивые порывы своих друзей, влияя на идейную эволюцию Пушкина, Гоголя, Вяземского. Вокруг Жуковского группировался приятельский кружок, состоящий преимущественно из друзей и почитателей Карамзина. У него в Зимнем дворце собирались Пушкин, Вяземский, Плетнев, Крылов, Одоевский, Гоголь, Глинка. Всех их соединяла любовь к поэзии, литературе, преданность просвещению. Их политические позиции были неодинаковы, но постепенно сближались.

Свободолюбец А.С.Пушкин, как и многие другие, поддался обаянию надежд на нового самодержца. Этому содействовали обстоятельства его личной биографии. Николай I освободил его из ссылки, где поэт томился более шести лет. Произошло это в дни коронации осенью 1826 г. Из далекого села Михайловского Пушкин был доставлен фельдъегерем прямо в Москву, в кремлевский дворец на аудиенцию к императору. Несмотря на первоначальную настороженность и предубежденное отношение поэта к Николаю Павловичу, тот сумел расположить его к себе. «Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем»¹¹³, - сказал царь, выйдя с поэтом после аудиенции к столпившимся в соседнем зале придворным.

В декабре того же года написаны известные «Стансы» Пушкина («В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни...»), немного позже - «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю/ Хвалу свободную слагаю...»). О надеждах на нового самодержца Пушкин признавался и в письмах к приятелям¹¹⁴. Возникшее расположение питалось уверенностью в том,

что «правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения» (X, 274).

Наряду с этим в высказываниях Пушкина стали заметны консервативные настроения. Отношение его к Июльской революции во Франции и другим событиям 1830 г. неоднозначно¹⁵⁵. Пушкин возмущался ординасами Карла X, но таково было мнение многих*. Он желал казни Полиньяка и других министров, толкнувших короля на этот шаг. Но прошло немного времени, и поэт был рад, что их не казнили. В.А.Жуковский назвал его «врагом Июльской революции» и даже карлистом. По уверению близко знавших его людей, Пушкин был сторонником возведения на престол внука Карла X Генриха, герцога Бордоского. К Луи-Филиппу и Июльской монархии поэт относился с неприязнью. Стоит сравнить все эти данные с известной позицией Николая I (см. выше), чтобы увидеть немало точек соприкосновения. Когда началось восстание в Польше, Пушкин заодно с Жуковским оказался на стороне правительства. Это видно как из его писем (X, 351, 353-354), так и из сочинений той поры. В сентябре 1831 г., вскоре после того, как правительственные войска заняли польскую столицу, в Петербурге появилась небольшая книжечка «На взятие Варшавы», куда вошли «Старая песня на новый лад» В.А.Жуковского и два стихотворения Пушкина - «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», воспевавшие победу русского оружия. Последовали горячие споры в дружеском кружке. П.А.Вяземский и А.И.Тургенев иначе смотрели на разыгравшуюся «кровавую драму». Пушкин же возмущался нападками иностранных газет, выступивших в защиту «польских мятежников». В адресованной начальнику III-го отделения записке он предлагал властям свою помощь, задумав издавать журнал, который стал бы «орудием его (правительства - Р.Э.) действия на общее мнение» (X, 653-654, 637-638). Летом 1832 г. Пушкин получил разрешение издавать политическую и литературную газету; намерение это, однако, не осуществилось (X, 413-414, 549). Среди подготовительных материалов к газете - любопытный отклик поэта на появление Николая I перед взбунтовавшимися военными поселянами Новгородской губернии: «Царю не должно сближаться лично с народом, - полагал Пушкин. - Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя»¹⁵⁷. Консервативные ноты ясно слышны в этих рассуждениях.

* В.П.Кочубей в разговоре с Николаем I заметил: «Начиная с людей самых незначительных, от поденщика, до людей самых выдающихся, все у нас находят Карла X виновным, это установившееся мнение...». О том же доносило III-е отделение¹⁵⁶.

В письме к П.А.Осиповой от 26 декабря 1835 г. Пушкин сам писал об изменении своих взглядов за прошедшие 10 лет (X, 556, 861). Заслуживает внимания позднейший отзыв П.А.Вяземского о поэте: «На политическом поприще, если оно открылось бы пред ним, он без сомнения был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом»¹¹⁸.

Для характеристики общественных настроений в первые годы царствования Николая I большой интерес представляют Всеподданнейшие отчеты III-го отделения, содержащие обзоры общественного мнения¹¹⁹. Подробно характеризовались настроения и поведение разных общественных слоев. В высшем обществе шеф тайной полиции выделил две группы - довольных (во главе с графом В.П.Кочубеем и М.М.Сперанским) и недовольных. К числу последних он относил прежде всего «так называемых русских патриотов», состоявших из «старых сановников, праздно знати и полуобразованной молодежи»; имелись они и в других слоях общества - среди купцов, чиновников, духовенства. Столпом «русских патриотов» назван был адмирал Н.С.Мордвинов, их кумиром - генерал А.П.Ермолов, средоточием - Москва. Именно эту часть общества III-е отделение признавало самой опасной. Сообщалось, что «русские патриоты» осуждают все меры правительства, поносят всех, кто занимает видное положение (особенно «кричат против немцев») и желали бы видеть на руководящих постах в администрации Мордвинова, в армии - А.П.Ермолова и Н.Н.Раевского. К числу недовольных III-е отделение относило также эгоистичных честолюбцев, «закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке».

«Душой империи» отчет признавал средний класс - помещиков, неслужащих дворян, купцов двух первых гильдий, литераторов. «Именно среди этого класса государь пользуется наибольшей любовью и уважением», - говорилось в документе.

«Самую гангренозную часть империи» тайная полиция усматривала в молодежи, т.е. «дворянчиках от 17 до 25 лет». «Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух», - сообщал Бенкендорф.

«Наиболее развращенным морально» признавалось сословие чиновников: «Хищения, подлоги, превратное толкование законов - вот их ремесло» - так характеризовались представители государственного аппарата.

О настроениях в армии отзыв был в целом одобрительный, хотя отмечалось и наличие недовольных - главным образом среди офицеров.

К царю отчеты III-го отделения шли за подписью А.Х.Бенкендорфа. Составлял же их (до своей смерти в 1832 г.) директор канцелярии III-го отделения М.Я. фон Фок. Человек светский, он знал настроения, преобладавшие среди дворян. Существенно и то, что фон Фок был хорошо знаком с Ф.В.Булгариным, часто виделся с ним у себя дома, прислушивался к его мнению. По наблюдению исследователя, многие официальные записки фон Фока лишь переписаны им или писарем, настоящим же их автором был Булгарин¹²⁰.

Фаддей Венедиктович Булгарин - широко известный в те годы писатель и журналист - оказался одним из наиболее верных союзников пра-

вительства из интеллигентской среды. Сотрудничество с тайной полицией сделало его имя одиозным. Однако в последние годы предпринимают попытки пересмотреть устоявшиеся оценки.

Личность Булгарина вовсе не так проста и однозначна, как казалось еще недавно. До 14 декабря он - друг А.С.Грибоедова, декабристов К.Ф.Рылеева, А.А.Бестужева, А.О.Корниловича. В его «Северной пчеле» сотрудничали на первых порах А.С.Пушкин и другие известные писатели. По свидетельству декабриста В.И.Штейнгейля, за два дня до восстания, на обеде у директора Российско-Американской компании, где присутствовали многие литераторы, «Греч и Булгарин ораторствовали более прочих; остроты сыпались со всех сторон и в самом либеральном духе»¹²¹. Булгарин посетил Рылеева вечером 14 декабря, уже после разгрома восстания. Именно ему Рылеев доверил свой архив. Чем мог, помогал Булгарин арестованному Грибоедову¹²², с которым был дружески близок. Конечно, все это не дает оснований видеть в нем единомышленника декабристов. Противником самодержавия он не был, хотя его, как и многих других, устраивало далеко не все в окружающей действительности и существующих порядках.

И раньше, при Александре I, Булгарин обращался к властям с записками о театре, цензуре и проч. (Надо сказать, что это был единственный способ довести свое мнение до правительства, ибо обсуждение подобных вопросов в печати не допускалось.) Примерно так же обстояло дело при Николае I. После декабрьских событий 1825 г. для сотрудничества Булгарина с властями, возможно, появился новый дополнительный повод - желание обезопасить себя от неприятностей в связи с арестом друзей-декабристов. Опасность была вполне реальной: его подозревали в соучастии в заговоре¹²³. Царь распорядился держать Булгарина «под строгим присмотром». Запросили о его прежней службе в армии Наполеона (Булгарин был поляк). После этого он и направил в Главный штаб записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», предназначенную государю¹²⁴.

Записка касалась важнейшего, злободневного вопроса - отношений правительства с обществом. Автор уговаривал власти проявить гибкость. Поскольку общественное («общее») мнение уничтожить невозможно, убеждал он, «то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напугать его и управлять им посредством *книгопечатания*, нежели предоставлять его на волю людей злонамеренных». Рекомендовался особый подход к разным социальным слоям. В качестве противовеса самонадеянной и честолюбивой знати Булгарин выдвигал «приверженных правительству писателей». Привлечь к себе литераторов он советовал «ласковым обхождением» и уничтожением мелочных запретов. «Главное дело состоит в том, - внушал автор записки, - чтобы дать деятельность их уму и обращать деятельность истинно просвещенных людей на предметы, избранные самим правительством, а для всех вообще иметь какую-нибудь общую маловажную цель, например, театр, который у нас должен заменить суждение о камерах и министрах». Вынуж-

денное безмолвие подрывает доверие к правительству, убеждал Булгарин, необходима хотя бы видимость гласности: «Нашу публику можно совершенно покорить, привязать к трону одною только *тенью свободы в мнениях* насчет некоторых мер и проектов правительства». Управлять людьми «нижнего состояния» (грамотные крестьяне, сельское духовенство и проч.) предлагалось при помощи «магического жезла - матушки России» (т.е. используя патриотические чувства). Острой критике подвергалась придирчивая мелочность цензуры, делавшая ее предметом насмешек и эпиграмм. Как видно, автор записки преследовал ту же цель «успокоения умов», которой служила и его «Северная пчела». Желание услужить правительству сочеталось при этом с учетом интересов «благонамеренной» журналистики, к которой принадлежал он сам.

После создания III-го отделения царской канцелярии Булгарин адресовал свои записки по общим и частным вопросам уже туда. Самая ранняя из них - «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo»¹²⁵. По содержанию она шире своего названия и посвящена поиску способов, которые могли бы помочь правительству в преодолении вольномыслия как главной опасности для России. Под условным наименованием «лицейского духа» Булгарин фактически объединил типично просветительские настроения, которыми, по его признанию, одержимы не только юноши, но и многие немолодые люди. Внешние признаки этого духа он усматривал в насмешках над высокопоставленными особами, порицании и высмеивании мер правительства, рассуждениях о конституциях и парламентах, «пророчествах перемен», интересе к запрещенной литературе, скептицизме по отношению к христианским догматам.

В качестве мер борьбы с «лицейским духом» Булгарин предлагал воспитание и убеждение. Исполнителями этой задачи, по его мнению, могли бы стать педагоги и литераторы. От них требовалось терпеливо и настойчиво доказывать, что все зло происходит «не от порядка вещей, а от недостатка способных людей», что России - по ее составу, обширности, недостатку просвещения - не подходит образ правления, существующий в государствах Запада. Но цензурный устав, - переходил в наступление Булгарин, - мешает литераторам действовать в этом направлении, ибо не защищает их от произвола министра, интриг и наветов. «Мертвое молчание журналов», - утверждал он, - порождает в молодых образованных людях недовольство мелочными притеснениями и обращает их к «политическим мечтам и - погибели». Не без цинизма автор записки замечал, что необходимо дать занятие умам, «забавляя их пустыми театральными спорами, критиками и т.п.» и отвлекая тем самым от размышлений над более важными и злободневными вопросами. Что касается людей, проникнутых «лицейским духом», то за ними нужно наблюдать, «исправимых - ласкать, поддерживать, убеждать и привязывать к настоящему образу правления»; неисправимых - рассылать по разным местам, изолируя их от войска и молодежи, пресекая их влияние на толпу и препятствуя им собираться вместе. Булгарин уверял, что осуществление предло-

женных им мер способно исцелить Россию, очистить ее от революционных идей, превратить в сильное и просвещенное государство.

Тесному сотрудничеству с III-м отделением способствовали приятельски-доверительные отношения Булгарина с фон Фоком. Честолюбивого и энергичного журналиста тешила, вероятно, надежда влиять таким путем на правительство. Не менее важным стимулом явились, по-видимому, личные интересы, расчет на покровительство власть имущих (никакого денежного вознаграждения за свои услуги он не получал).

В архиве III-го отделения сохранилось около 80 записок Булгарина¹²⁶. Справедливости ради нужно сказать, что многие из них были направлены к защите литературы, смягчению цензуры, к доказательству бесполезности репрессий, к улучшению положения крестьян и людей нерусских национальностей. Вместе с тем некоторые записки содержали нападки на литературных противников, конкурентов, личных врагов. Кое-какие можно приравнять к доносам. Такова, например, направленная против А.А.Краевского записка «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее 25-летие» (1846 г.), которая, однако, не встретила поддержки со стороны III-го отделения, взявшего Краевского под защиту¹²⁷.

Наметившаяся в последнее время тенденция представить Булгарина не консерватором, а человеком просветительских взглядов не соответствует действительности, хотя писатель, несомненно, испытал на себе влияние идей Просвещения, в какой-то степени сохранившееся и после 1825 г. Имелись у него и серьезные расхождения с правительством. Поляк Булгарин едва ли разделял национальные и религиозные пристрастия верхов. Он порицал притеснение властями людей неправославных вероисповеданий, не одобрял репрессий, неприязненно относился к аристократии. Булгарин по-прежнему придавал первостепенное значение просвещению, которое почитал «единственным средством к благоденствию народов»¹²⁸. Как и раньше - отстаивал полезность сатиры - жанра, столь любимого просветителями и подозрительного в глазах защитников старины и застоя. (Правда, теперь речь шла лишь о «благонамеренной сатире».) Как писатель, журналист, газетчик, Булгарин пытался противостоять жесткой цензуре, содействовал пересмотру «чугунного» устава 1826 г. Но теперь у него явно преобладали тенденции охранительские. Сотрудничество с тайной полицией, низкопоклонство перед властью имущими, попытки подчинить общественное мнение интересам самодержавия, ожесточенные нападки на прогрессивные журналы прочно привязали Булгарина к консервативному лагерю. Очевидна антипросветительская направленность записки о Царскосельском лицее, доноса на «Отечественные записки» (борьба против пантеизма), других текстов, вышедших из-под пера Булгарина. В его знаменитом романе «Иван Выжигин» крайне отрицательно обрисован последователь философов XVIII в., выведенный под говорящей фамилией Вороватин (!): он ведет нечестный образ жизни, развращает молодежь нравственно и идейно, проповедует «под именем прав природы и прав человека» «адские правила», сея в «неопытных сердцах безверие и понятия о скотском равенстве». Такими черными красками

ми изобразил человека просветительских взглядов автор романа, начатого в первой половине 20-х годов под явным влиянием А.Р.Лесажа - предшественника Д.Дидро и просветителей (первые отрывки из романа появились в журнале «Северный архив» в 1825 г. под названием «Иван Выжигин или русский Жилблаз»).

Заметную эволюцию пережил и многолетний сотрудник Булгарина в журнальном деле - Н.И.Греч. До восстания 1825 г. Греч принадлежал к либерально настроенной части общества и, по выражению декабриста В.И.Штейнгейля, «производил впечатление отъявленного карбонари[я]»¹²⁹. В своих воспоминаниях Греч прямо признал, что многие из пострадавших 14 декабря виновны не больше его. Противником монархии Греч не был и раньше. Но о существующих порядках отзывался критически. Восстание, закончившееся разгромом, и последующие репрессии отрезвили его. Сохранив в какой-то степени критический настрой и позже, Греч в дальнейшем явил собою, можно сказать, образец политической благонамеренности в духе официальной идеологии. Николая I он ставил чрезвычайно высоко, признавая в нем редкие достоинства. Революционную деятельность считал безрассудной, но о некоторых из декабристов отзывался с большой похвалой и непритворным сочувствием.

Булгарин и Греч были заметными фигурами литературной жизни России. Однако считать их идеологами консерватизма едва ли было бы верно. Никаких значительных идей этого рода они не выдвинули¹³⁰. Их прислужничество властям вызывалось, судя по всему, опасениями за свою судьбу, попыткой приспособиться к сложившимся обстоятельствам и извлечь из них для себя возможную пользу. Круг Пушкина и его друзей находился с ними в открыто неприязненных отношениях.

Выразителем общественного мнения все больше становилась периодическая печать, прежде всего журналы. Важно отметить: во второй четверти XIX в. идейная борьба велась не вокруг политических вопросов (считавшихся исключительной прерогативой правительства и закрытых для публичного обсуждения), а вокруг литературных, нравственных, философско-богословских проблем. Основная коллизия при этом, как правило, сводилась к противостоянию между традиционным мировоззрением (закрепленным в триаде официальной народности) и просветительством, с его религиозным и политическим вольномыслием. О позиции журнала или газеты свидетельствовало прежде всего их отношение к официальной идеологии, а также к перспективам социально-экономического развития страны (насколько то позволяли цензурные условия).

Выходившая с начала 1825 г. «Северная пчела» Булгарина (с 1831 г. он издавал ее вместе в Гречем) была единственной газетой, которой разрешалось публиковать политические известия. Такой монополией она пользовалась исключительно благодаря своей «благонамеренности» и неукомости следованию правительственной линии. Как признавал А.Х.Бенкендорф, «все политические статьи, помещенные в "Северной пчеле", почитаются публикою исходящими от правительства»¹³¹. Содержание газеты строилось в расчете на «успокоение умов» в стране. Политическая ин-

формация, впрочем, была весьма скупой и касалась почти исключительно других стран. Обсуждение политики российского правительства (даже в хвалебном духе) не допускалось. Помещались лишь официальные материалы - царские манифесты, правительственные сообщения, краткие изложения сведений, публиковавшихся в издаваемой Министерством иностранных дел газете «Journal de St.-Petesrbourg». Во время крупных политических событий Булгарин нередко помещал в своей газете извлечения из частных писем (некоторые из них сочинял он сам).

В дни Июльской революции 1830 г. во Франции и Бельгии «Северная пчела» ограничивалась сообщением фактов, извлекаемых из иностранной периодики, избегая прямого комментирования происходящего. Тем не менее издатель не преминул упомянуть, как счастливы «под покровом отеческого правления» жители России в сравнении с народами беспокойного Запада (23 авг. 1830, № 101). Газета опубликовала несколько речей в Палате пэров при обсуждении декларации Палаты депутатов об изменении Хартии 1814 г. и предложении герцогу Орлеанскому титула «короля французов». Все они выдержаны в легитимистском духе. Наиболее интересна речь выдающегося писателя-романтика, виконта Ф.-Р. де Шатобриана, выступившего против декларации (1830, 21 авг., № 100). Было напечатано также письмо французского офицера-монархиста, восхвалявшее королевскую гвардию, которая при столкновении с «разъяренными толпами черни» не изменила присяге и «покрыла себя славой» (1830, 12 авг. № 96).

Как «злонамеренное покушение» и «гнусная измена» осуждалось восстание в Польше. При этом Булгарин старался подчеркнуть, что «мятеж» не пользовался общей поддержкой поляков. «...Только безразличная, невежественная чернь и малое число развращенных воинских чинов могли забыть долг присяги, вероятно, побуждаясь к сему людьми беспокойными, жаждущими беспорядков», - говорилось в помещенном «Северной пчелой» отрывке из «партикулярного письма в Москву» (1830, 2 дек., № 144). Отрывок этот перепечатал и «Русский инвалид» (1830, 3 дек., № 309). В следующем году Булгарин напечатал в своей газете сочиненный им самим «Перечень письма из Варшавы от жителя того города к родственникам в Петербург», вызвавший восхищение Бенкендорфа и одобрение царя¹³² (1831, № 145 и 147).

Николая I в помещаемых «Северной пчелой» корреспонденциях величали «чадолюбивым отцом» народа, великим, обожаемым, великодушным монархом.

Большое место отводилось новостям литературной жизни. «Наша публика, - писал по этому поводу Булгарин Бенкендорфу, - как всякая другая, требует умственных занятий, и литературные споры заменяют у нас парламентские споры и брань с министрами. Это хвост алумбиядовой собаки для отвлечения афинян от политики!»¹³³. Популярностью у читателей пользовался ежедневный фельетон Булгарина «Всякая всячина». По свидетельству писателя, каждый приезжающий в Петербург провинциал (помещик, купец, чиновник) спешил с ним познакомиться, не говоря уже о столичных жителях; в иные дни у него в доме перебивало

до 50 человек. «Судьба поставила меня в такое положение, - писал Булгарин в 1846 г. Дубельту, - что в течение 25 лет я ежедневно вижу с людьми разного сословия, прибегающими ко мне, как к какому-нибудь канонику (chanoine), с исповедью, за советом и за справкою»¹³⁴. В силу особенностей издателей, а отчасти и влияния времени, литературная полемика нередко приобретала форму перебранки.

Литературная позиция «Северной пчелы» достаточно определена. В полном соответствии с правительственными установками, в ней одобрялся наметившийся в обществе интерес ко всему русскому, причем лучшими выразителями народности признавались М.П.Погодин и М.Н.Загошкин (1836, № 13). Гоголь же характеризовался как автор карикатур и фарсов. Именно с легкой руки Булгарина гоголевское реалистическое направление стали именовать «натуральной школой» - якобы «старательно ищущей вдохновения исключительно в одних темных углах и закоулках жизни» (1845, № 67).

Издания Булгарина и Греча их современники и позднейшие исследователи относят обычно к «торговому направлению» в журналистике, преследовавшему не идейные, а прежде всего коммерческие цели издателей.

Из журналов того же направления наиболее заметна «Библиотека для чтения» О.И.Сенковского. Ее редактор - блестящий ориенталист, один из основателей востоковедения в России, человек замечательного ума, обширных знаний и едкого, язвительного характера. Поляк по происхождению, поддерживавший приятельские отношения с И.Лелевелем и другими деятелями польского национально-освободительного движения, Сенковский со временем отошел от вольнолюбивых настроений молодости и оказался на стороне правительства¹³⁵. Внешним проявлением такой эволюции явилась публикация в сборнике «Новоселье» (1833) фельетона «Большой выход у Сатаны» (первоначальный вариант «Прием у Люцифера» напечатан за год до того на польском языке в газете «Balamut»). Недавнее польское восстание и революция 1830 г. во Франции изображались там (разумеется, иносказательно) как дело рук «злого духа мятежей, бунтов, переворотов» - гадкого, отвратительного чёрта Астарота. Его диалог с Сатаной должен был показать читателю, что из революций и конституций - вместо «блистательной будущности, богатства, благоденствия, тишины и порядка» - выходят только «гонения, тюрьмы, нищета и разрушения»¹³⁶.

Выходившая с 1834 г. «Библиотека для чтения» - благодаря разнообразию и богатству содержания, обилию развлекательного материала, высокой культуре издания - пользовалась большим успехом у читателей. Политические вопросы из программы, понятно, исключались. Однако редактор не упускал случая показать свою благонамеренность, порицая «ложные умствования века», воздавая преувеличенные похвалы существующим порядкам, «мудрому и обожаемому Государю». «Какое утешительное и величественное зрелище представляет Россия, твердая своею верою в самодержавие, пламенным своим усердием к законным царям, среди Европы, растерзанной и разоренной происками бурных страстей!»¹³⁷ - восклицал он.

Позиция журнала не расходилась с правительственной. Солидный отдел наук был богат информацией о технических новинках в промышленности и сельском хозяйстве, публикацией интересных и полезных сведений, извлеченных из иностранных изданий. Но все это приравнивалось к узкопрактическим целям. Теоретический, философский подход к науке вызывал неприятие, подвергался насмешкам.

Сенковский позволял себе высмеивать и видных европейских ученых (Гаммера, Шампольона, Кювье). Подобные выпады возмущали просветительски настроенных людей. Пушкинский «Современник» расценил это даже как вражду к просвещению¹³⁸.

Сенковский не ставил перед литературой идейных задач. Ее назначение он видел в «мимолетном услаждении образованного человека», в перенесении на бумагу «прелести умной светской беседы». Произведения писателей-реалистов с этой точки зрения казались малопривлекательными. Великого Гоголя в журнале сравнивали с Полем де Коком, находя «еще грязнее». Французскую «юную словесность» (под этим наименованием объединяли В.Гюго, Э.Сю, О.Бальзака, М.-Ф.Сюлье) «Библиотека для чтения» обвиняла в разрушительном влиянии на нравственность молодого поколения, в попытках ниспровергнуть различие «между добродетелью и преступлением, между пороком и честью, между прекрасным и отвратительным!». Произведения «новой парижской школы» Сенковский уподоблял революции 1789 г. в применении к словесности. «... И это безверие, скептицизм, ужас и бесстыдство в драме, романе и повести, и эти кровь и буйства на страницах легкого и приятного чтения, происходят от того же умственного недуга, который за сорок лет перед сим усеял Францию политическими развалинами и трупами»¹³⁹, - заключал редактор журнала.

Несмотря на политическую благонадежность «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», Булгарин и Сенковский - поляки, входившие некогда в «весьма вредное», с точки зрения властей, общество «шубравцев»*, находились у них на подозрении и не пользовались расположением императора. Оба подвергались цензурным стеснениям. «На Сенковского, наконец, воздвиглась политическая буря, - записал цензор А.В.Никитенко уже после выхода первой книжки его журнала. - Я получил от министра приказание смотреть как можно строже за духом и направлением "Библиотеки для чтения". Приказание такого рода, что, если исполнять его в точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь в писари, чем оставаться в литературе». Не видя за Сенковским никакой вины, автор дневника недоумевал: «Конечно, я не могу поручиться за патристические или ультрамонархические чувства его. Но то верно, что он из боязни или из благоразумия никогда не выставляет себя либералом»¹⁴⁰. Впрочем, многоопытный Никитенко тут же вспоминал, что в неблагона-

* «Шубравцы» (от польск. szubrawiec - прощельяга), шутовское самоназвание литературно-общественного кружка польской интеллигенции в Вильно в 1816-1822 гг. Высмеивали невежество и сословную спесь шляхты. - *Прим. ред.*

меренном духе был обвинен и издатель «Литературной газеты» А.Дельвиг, которого никак нельзя считать «деятельным либералом».

Верный своей неприязни к журналистам и газетчикам, Николай I не жаловал и «Северную пчелу». После того как газета поместила отрицательную рецензию на 7-ю главу «Евгения Онегина», царь писал Бенкендорфу: «В сегодняшнем номере "Пчелы" находится несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина ... предлагаю Вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; и, если возможно, запретите его журнал»¹⁴¹. За помещение в газете неблагоприятного отзыва о романе М.Н.Загоскина «Юрий Милославский» и перебранку по этому поводу с А.Ф.Воейковым Булгарин подвергся аресту. Немало потерпевшая от Булгарина цензура придиралась к нему нещадно.

Даже консервативная в целом позиция не всегда спасала органы печати от закрытия. Такова, например, была печальная участь «Телескопа» Н.И.Надеждина, несмотря на поддержку журналом официальной доктрины православия, самодержавия, народности. Издатель воевал с радикальным «Московским телеграфом», восхищался «благодетельным» для России самодержавием, осуждал революционные выступления в Западной Европе. Надеждин страстно выступал против романтизма, видя в нем «чадо безверия и революции». Консервативно настроенный М.А.Дмитриев предостерегал в журнале против следования «духу времени», духу критики и анализа - на его взгляд, болезненному и ложному.

Однако консервативные тенденции сочетались в «Телескопе» с просветительскими. Журнал пропагандировал европейское просвещение. В статье «Европеизм и народность в отношении к русской словесности» (1836, №№ 1 и 2) Надеждин, отзываясь критически о современном состоянии русской литературы, утверждал, что изменить положение к лучшему способны лишь просвещение и наука, ибо только таким путем народ может достигнуть самосознания - необходимого условия народности. Консервативно настроенные люди находили в журнале склонность к религиозному и политическому вольнодумству, безнравственность, дерзкие суждения. По мнению министра Уварова, «дух сего издания был всегда дурен, а редактор всегда подозрителен»¹⁴². Публикация «Философического письма» Чаадаева лишь подвела черту, и «Телескоп» запретили.

Ревностным сторонником идей православия, самодержавия, народности оказался среди других будущих издатель демократических «Отечественных записок» А.А.Краевский¹⁴³. Его деятельность началась в «Журнале министерства народного просвещения», где он вел обозрение научной литературы. Уже тогда внимание читателей привлекла к себе статья молодого Краевского, популяризирующая философскую систему аббата Ботана (см. выше).

Став редактором «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», Краевский опубликовал там программную статью «Мысли о России» (1837, №№ 1 и 2). С удовлетворением отмечал он успехи новой идеологической доктрины, заметив, что «высокая мысль русской народности» стала

господствующей везде - в искусстве, в печати, в науке, в повседневной жизни. Автор уверенно заявлял, что «европейские идеи религии, быта общественного и нравственности семейной» чужды русским, а кровавые революционные бури и треволения их отталкивают. «Встревоженной, разрываемой на части» Европе Краевский противопоставлял Россию, воспевал слепую покорность русского народа своим государям. Одобрялось отторжение «твердою в вере отцов» Русью всех покушений Европы «вести между нами несвойственные нам преобразования». В единодержавии - сила России, подчеркивал автор: оно обеспечило ее единство, сплотив весь народ.

Физиономия русского народа оригинальна и не имеет себе подобных, говорилось в статье. Основные черты русского характера: «беспредельная любовь к царскому дому и ненависть к власти чужеземной». Похвалы русскому народу, которому чуждо подражание Европе, соседствовали с упреками поклонникам европеизма, желавшим «внести в русскую жизнь идеи, заимствованные у Запада».

Жителей Западной Европы автор порицал за то, что они пытаются «предписывать законы своему государю» и отстаивать свои «мечтательные права», не подтвержденные ни разумом, ни верой. Буйство подданных, требующих равенства, стремление высших классов утвердить свой перевес, властные претензии западного духовенства, религиозная нетерпимость - все это приводит к кровавым междоусобиям, к непрекращающейся на Западе политической и религиозной борьбе, утверждал Краевский.

Русских он отделял и от европейцев, и от азиатов, отводя им особое место среди народов мира. В высокопарных выражениях восхвалялись величие, обширность, природные богатства России, необычайные способности русского народа, а главное - «его полное смирение и покорность единой отеческой власти, этой осуществленной на земле мудрости». Признавая недостаточность умственного образования и развития духовных сил России в настоящем, автор не сомневался в ее будущей светлой судьбе, в том, что она внесет в человечество «целый мир новых идей, созданных из ее собственных элементов». Свои надежды Краевский связывал с просвещением «народа-исполина», с его «своеродным развитием в науке, в искусстве, в жизни», которое обогатит «общую сокровищницу человеческого образования». Залог виделся ему в том, что образованные народы уже исполнили свое предназначение, а у молодого русского народа - все впереди. Европа, восставшая против «спасительного монархизма - лучшего плода истинного, религиозного образования», нуждается в обновлении, но не способна добиться этого сама: бесконечные перевороты отбрасывают ее назад, к средним векам. Европейская наука, истребив в людях веру, обмелела и «дошла до нелепости». Предпринимаемые на Западе попытки спасительного соединения философии с христианством бесплодны. Европейское искусство подчинилось корысти, погрузилось в эгоизм и чувственность, обрекая себя на бессилие. Европа одряхла, как некогда древний мир. Россия же, с ее смирением и «политической невинностью», «крепкая верою и любовью ко власти правящей», непричастная к потря-

сающим Европу кровавым волнениям, полна сил. Ей и суждено обновить дряхлеющую Европу. В этом - высокое назначение, уготованное ей Провидением. В таком духе Краевский рекомендовал воспитывать молодое поколение.

Консервативные тенденции очевидны и в «Московском наблюдателе» - причем не только вначале, при Погодине и Шевыреве, но и в 1838-1839 гг., когда его фактическим редактором стал В.Г.Белинский, а сотрудниками - участники кружка Станкевича и их друзья. В первом же номере обновленного «Наблюдателя» в статье, предварявшей перевод «Гимназических речей» Гегеля, ее автор М.А.Бакунин представал горячим защитником религии, противником «кровавых и неистовых сцен революции». Будущий непримиримый революционер порицал «ужасную, бессмысленную анархию умов» нового поколения, объявлял великой задачей современности примирение с действительностью. Русская действительность называлась прекрасной, настоящим русским человеком признавался лишь тот, кто предан царю и отечеству. В том же журнале Белинский писал одобрительные рецензии на книги известного писателя по церковным вопросам А.Н.Муравьева.

Но особенно показательны его выступления в «Отечественных записках» 1839 - начала 1840 г. На редкость прямолинейно идеи официальной народности выражены в статье критика о Бородинской годовщине (1839, № 9). «... Безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни, наша народность... - писал в ней будущий литератор-бунтарь. - И наше русское народное сознание вполне выражается и вполне исчерпывается словом «царь», в отношении к которому «отечество» есть понятие подчиненное»¹⁴⁴. Русскую историю автор, как водится, противопоставлял европейской. В статье порицались «абстрактные умствования ложно понятого русского европеизма». В рецензии Белинского на «Очерки Бородинского сражения» Ф.Глинки царская власть трактовалась как божественное установление, материалисты XVIII в. подвергались критике. В его же статье «Менцель, критик Гете» (1840, № 1) опровергалось мнение о том, что искусство должно служить обществу, руководствоваться общественными целями; провозглашался гегелевский тезис: «Все, что есть, то необходимо, разумно и действительно»¹⁴⁵. Однако уже вскоре критик излечился от своего кратковременного примирения с тогдашней российской действительностью.

Наиболее рьяно боролся против новых идей (невзирая на свое название) «Маяк современного просвещения и образованности», вышедший в Петербурге с 1840 по 1845 г.* Отличительная черта этого издания - категорическое неприятие просветительских взглядов, отстаивания православия и основанных на нем нравственных ценностей. Издатель С.А.Бурачок¹⁴⁶, видный кораблестроитель, автор научных трудов в этой области,

* Вначале «Маяк» выходил с подзаголовком «Труды ученых и литераторов русских и иностранных», затем стал называться «Журналом современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской».

охотно печатал статьи по математике, другим точным и прикладным наукам, но не они определяли направление журнала. «Маяк» не отвергал и философии. Напротив, посвящал ей много места и внимания, однако при этом подчеркивалось, что «наукой истинной мудрости» она может стать, лишь приняв в основание «высшие истины Божественного откровения». «Слабый и весьма ограниченный человеческий разум», по его мнению, такой возможностью не давал. Просветительская философия XVIII в., с ее материализмом и безбожием, учения Канта, Фихте, пантеизм Шеллинга, «формализм» Гегеля объявлялись заблуждениями. С удовлетворением констатировал Бурачок, что русские остались в стороне от этих лжеучений. Выражалась надежда, что «наконец-то и у нас мало-помалу станут укоренять и развивать добрую философию, по-русски»¹⁴⁷.

Позицию «Маяка» рельефно выразил один из его читателей и авторов - Н.Ильин, выступивший против «одностороннего лжеумствования и прихотливой вещественности» - за Божественное просвещение, дополненное человеческим просвещением с Запада. «Соединение света Откровенного и света научного составляет верх просвещения человеческого и благоденствия народов. Разделение науки от света Откровенного - верх помрачения, источник всех страданий человеческих», - говорилось в статье. С удовлетворением отмечал автор, что и Запад, представлявший еще недавно «плачевную картину ... злостного враждования науки к Божественному Откровению», превознесения ее независимости и самостоятельности, в лице Шеллинга «единодушно стал работать над решением вопроса о подчинении науки Откровению»¹⁴⁸.

В литературных оценках эстетические критерии не были для «Маяка» решающими. П.А.Корсаков (соиздатель журнала в первые полтора года его выхода)¹⁴⁹, автор программной статьи «О критике» (1840. Ч.1) утверждал, что главное внимание нужно обращать на «господствующую идею» сочинения, «на дух изложения: сообразен ли он с верой, законами, философией и политическим бытом тех читателей, для которых книга написана; на направление, скрытое в изложении». Критика художественных произведений должна руководствоваться идеалом прекрасного, заложенным самим Богом при создании человека. Научная критика не может вмешиваться в область богословия. Порицалась критика, выражавшаяся в «гаерстве, пасквиле, сатире», обращающая в смех благородное стремление к высоким истинам. Отмечалась недолговечность критических теорий, «основанных на мечте и разгульной свободе, не знающей никаких правил и законов, кроме своеволия».

Современная отечественная литература характеризовалась с этих позиций как «помертвевый труп», а ее состояние как застой, упадок, в котором виновны все действующие писатели, начиная с Жуковского и Пушкина. Причину этого явления автор усматривал в том, что литература «недостает философии, религиозности и народности». Разделение литературы на духовную и светскую неправомерно: «Литература светская есть литература языческого народа. Коль скоро христианские элементы вросли в народ - языческим нет места». Литература христианского наро-

да «непрерывно должна быть христианская, духовная, религиозная, а не светская, не языческая». Иначе ее ждет упадок, в худшем же случае - падение народа, развращенного литературой.

Некоторые материалы «Маяка» представляли интерес для читающей публики - произведения В.Даля, Н.П.Резанова, Т.Шевченко, других украинских писателей. Однако в целом журнал не смог привлечь сколько-нибудь широкий круг читателей. Главной (хотя и не единственной) причиной этого было несоответствие его позиции преобладавшему общественному мнению. Издание пришлось прекратить.

Выразителем взглядов наиболее консервативно настроенной части общества С.Бурачок выступил и в своей брошюре «Народное значение Вселенской церкви на Западе и Востоке» (СПб., 1845). Брошюра была посвящена развенчанию Запада - духовно растленного наследника языческого Рима с его католицизмом (папством), различными видами протестантизма, деизмом, пантеизмом, атеизмом и прочими «ересями». Европейские идеи, по убеждению автора, - «ложь и гибель человечества», включая мысль о том, что «истинное просвещение, искусство и образованность возможны без Евангелия и церкви православной». Западное просвещение на деле - «ангел тьмы». Светская, мирская жизнь несоединима с христианской, евангельской. Характерное для Запада желание сочетать то и другое предопределило пагубный ход европейской общественной и народной жизни, философии, всех наук, искусств и литературы. «Настало самодержавное царство Ума, ослепленного страстями; направление научности и литературы XVIII в. стало губительно для старых нравов, обычаев, верований предков, сгубивших свою церковь ... и для самой веры в Иисуса Христа и Бога»¹⁵⁰. В силу своей растленной природы человек может спастись, только самоотверженно отречьшись от своего Я во имя любви к Богу. Но Запад пошел иным путем, поддавшись соблазнам «похоти очес, похоти плоти и гордости житейской»¹⁵¹, открыв дверь «материализму, неверию, безбожии» и подготовив тем самым почву для ужасов революции.

«Черная туча европейских идей» нахлынула и на Россию. Все выдающиеся русские писатели отдали им дань. У Ломоносова и Державина преобладает деизм. Сумароков - «пламенный поклонник Вольтера». Фонвизин - «чистый энциклопедист». Крылов и Карамзин-литератор - «полные деисты». Пушкин и Лермонтов - «олицетворенные волканы европейских идей - идей революционных, анархических, всесторонней эмансипации, певцы свободы, равенства, сладострастия, всех видов беспутства...»¹⁵². В следовании европейским идеям обвинялись и журналы - от «Московского телеграфа» до «Отечественных записок», действующих «по плану энциклопедистов, якобинцев и Мирабо». И все это - при полном одобрении современников, подчеркивал Бурачок.

Бурачок и его «Маяк» в какой-то мере предвосхитили «Домашнюю беседу» В.И.Аскоченского 60-х годов, хотя критика «Маяка» была более сдержанной.

Близок к «Маяку» по взглядам был известный в свое время писатель М.Н.Загоскин. Об этом во всеуслышание заявил он сам, обратившись с

письмом к издателю журнала П.А.Корсакову (опубликовано в ч.7 за 1840 г.). Загоскин восторженно приветствовал направление «Маяка», особенно выделяя статьи С.А.Бурачка. «Боже мой!... Что за логическая, светлая и умная голова у твоего Бурачка! - восклицал он. - Сколько новых, ясных идей, сколько святых истин!» Автора письма пленяла религиозность издателей журнала, их позиция в общественной борьбе. Со свойственной ему непосредственностью Загоскин радовался, что у него появился союзник в ратоборстве «против наших скептиков, европейцев, либералов, ненавистников России, апологистов неистовых страстей и поэтов сладострастья, т.е. защитников земной жизни и всех ее плотских наслаждений». Но даже Бурачка Загоскин уличал в непоследовательности, упрекнув в пристрастии к философии - науке, для христианина сомнительной, в которой сам он видел только пустословие, а то и богохульство. Аполлон Григорьев называл Загоскина - этого «благороднейшего из смертных» - «наивным талантливим человеком застоя», честным и искренним представителем обскурантизма¹⁵³.

Страстный (и пристрастный) почитатель русской старины и всего русского, Загоскин пропагандировал идеи официальной народности в своих многочисленных сочинениях - романах, повестях, водевилях. Его «Юрий Милославский» привел в восхищение Николая I, который во время посещения Москвы весной 1830 г. принял писателя в кремлевском дворце и щедро наградил его¹⁵⁴. Заведую дирекцией московских императорских театров, Загоскин поставил на сцене Большого Петровского театра свой водевиль «Недовольные», высмеивающий тех, кому тогдашние российские порядки были не по нраву и кто отдавал предпочтение западным. В главных сатирических персонажах этого памфлета узнавали Петра Чаадаева и Михаила Орлова. Рассказывали, что тему комедии подсказал автору сам монарх¹⁵⁵.

Не столь крайних позиций придерживался другой орган официальной народности - «Москвитянин», издававшийся с 1841 г. М.П.Погодиным при ближайшем участии С.П.Шевырева. Впрочем, идеи православия, самодержавия, народности проводились здесь весьма последовательно и целеустремленно. Руководящие «Москвитянином» профессора-гуманитарии вдохновлялись мыслью о самобытности России, русской истории, русской народности, протестуя против поклонения Западу и в полемическом порыве нередко впадая в преувеличения и односторонность.

Главной идеей журнала было противопоставление мирной, богобоязненной, преданной своим государям России беспокойному Западу. Выразительное воплощение эта идея получила в программной статье Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841, № 1). Запад уподоблялся в ней то Мефистофелю, то тяжело больному человеку. Преимущественное внимание уделялось Франции и Германии. Обе эти страны характеризовались как неизлечимо больные, уже источающие трупный запах (!). Источником болезней Шевырев считал Реформацию в Германии и революцию во Франции. В высокопарных выражениях он пугал россиян опасностью общения с Западом, недуг которого ядовит и за-

разителен. Франция ужасала его «развратом личной свободы», «своеволием низших классов народа», утратой религиозного чувства. Французскую литературу автор обвинял в том, что она сеет мятежный дух в народе и развращает нравы. Большой вред усматривал он в журналах, подробно повествующих о пороках и преступлениях, а также в театральной сцене, не огражденной от безнравственных зрелищ (к числу которых относил драмы В.Гюго). В результате - «упадок религии, политики, воспитания, наук и самой словесности». Не удовлетворяло Шевырева и положение в Германии, несмотря на внешнее благоустройство страны, гражданский порядок, законопослушность населения, высокий уровень цивилизации, успехи в науках. Главную ее беду и недуг, порожденный Реформацией, видел он в «разврате мысли» добропорядочных и смиренных немцев, поскольку те считали свою умственную жизнь никому не подвластной, а автор не мог этого одобрить.

Настаивая на несовместимости жизненных начал России с современным направлением западноевропейского образования, Шевырев призывал разорвать литературные связи с Западом и черпать вдохновение в своей древней истории. Статья завершалась прославлением «трех коренных чувств», которыми сильна Россия: преданности православию, государственному единству, своей народности.

На материале отечественной истории противопоставлял Россию Западу М.П.Погодин¹⁵⁶, не допускавший, впрочем, столь резких выпадов, как Шевырев, и высказывавшийся более примирительно. Проявляя особый интерес и сочувствие к древнерусской жизни, Погодин вместе с тем высоко ценил Петра I - «гения, которому мало подобных в истории», создателя новой, европейской России, хотя и соглашался, что порою царь-реформатор слишком увлекался духом преобразований¹⁵⁷. Погодин возражал тем, кто утверждал, будто Петр I, приобщая Россию к европейской цивилизации, нанес ущерб русской национальности. Петровские преобразования он считал необходимыми «по естественному ходу вещей в самой России». Нововведения Петра, по его мнению, имели «глубокий корень в русской почве».

Большое внимание «Москвитянин» уделял православию. Там был заведен особый отдел «Духовное красноречие», где помещались проповеди выдающихся церковных ораторов (митрополита Филарета, архиепископа Иннокентия и др.). В журнале публиковались материалы по истории церкви, жизнеописания церковных деятелей, рецензии на богословские труды и прочую религиозную литературу. С удовлетворением отмечал рецензент «Москвитянина», что «на святой Руси непрерывно свяжутся книги, имеющие целью назидание православных в истинах святой религии нашей или наставительное чтение в духе религиозном»¹⁵⁸.

Философские учения оценивались в журнале в зависимости от их отношения к религии. «Москвитянин» выступал с позиций христианской философии. Вопрос об отношении философии к религии, волновавший мыслящих людей везде («и у нас, может быть, сильнее, чем где-нибудь»), Шевырев назвал «величайшим из вопросов современного человечества»¹⁵⁹.

Его рассуждения помогают понять многое в позиции и логике охранителей. Говоря о системе Гегеля, Шевырев приходил к выводу о «совершенной невозможности подчинить эту философию христианской религии». Исключительно важным событием считал он обращение к религии другого «исполина мысли» - Шеллинга. Рассуждая о том, почему этот великий философ не решается публично повергнуть «знание к подножью веры», Шевырев объяснял его молчание опасением остаться непонятым соотечественниками и заключал, что примирение философии с религией невозможно. Причину раздора философского начала с религиозным Шевырев видел в Реформации. Да и саму философию, со свойственной ей «гордостью разума», он считал порождением протестантизма, который, по его словам, «рушит все предания и водворяет свершенную, полную свободу» в религии. (Католицизм, впрочем, тоже отвергался.)

Позицию редакции «Москвитянина» характеризует и статья профессора И.И.Давыдова «Возможна ли у нас германская философия?» (1841, № 4). Философия определялась в ней как «вывод всех знаний известной эпохи какого-либо народа, система идей, теория самопознания» - своего рода «народная энциклопедия», развивающаяся из народной жизни и народного духа. А потому у каждого народа она своя. Германская философия, восходящая к Реформации, «в ослеплении своем возмечтала руководить религию, ниспосланную свыше». А потому в России она невозможна. Отечественная философия должна исходить из православия, государственного законодательства, русского языка и «дивной истории славы нашей». Но прежде чем создать такую философию, освободившись от влияния «чуждого суетумудрия», необходимо изучить все, что уже создано. Выражалась уверенность в том, что будущий русский Шеллинг или Гегель, осененный Божественной благодатью, создаст философию, которая превзойдет германскую.

«Москвитянин» ратовал за развитие науки и распространение просвещения. Но его сочувствие безраздельно принадлежало просвещению, основанному на христианском вероучении. К религиозному и политическому вольномыслию Погодин относился столь же отрицательно, как и Шевырев. Свидетельство тому - его записки «Месяц в Париже» (1841, №№ 1-3). Здесь та же неприязнь к революциям и «мятежникам», к новой французской литературе, то же негодование и недоумение по поводу допускаемой в стране свободы слова и неумеренного свободолюбия французов, для которых «всякая власть ... есть уже личное оскорбление». Выслушав речь известного историка Ф.Минье, содержащую непривычно прямые суждения о политических событиях и государственных мерах, Погодин записывает: «Положим, это можно позволить человеку, который заслужил себе право 20-летними трудами, ученьем, размышлением, политическим поведением; но не всякому площадному гаеру, сзывающему народ в свой балаган, не всякому крикуну, которому должно зажимать рот!». По поводу лекции Сен Марка Жирардена в Collège de France о «Тартюфе» Мольера Погодин замечает: «Какое низкое, преступное понятие имеет он о религии». В религиоз-

ном богохульстве упрекает Погодин и Р.Сент-Илера, добавляя: «Чему же удивляться, что в Париже так часто строятся баррикады?»

В статье о Петре Великом Погодин называл отличительным свойством западного образования исследование, восточного (прежде всего русского) - веру. И то и другое, по его мнению, односторонне, в будущем они должны соединиться в новом, полном, вселенском просвещении. Петр I - зачинатель этого процесса и тем самым - новой эпохи в истории человечества. В России период европейский сменился национальным, который может стать вехой в истории Европы и человечества.

Ставя вопрос о соотношении науки и религии, Шевырев возражал тем западным мыслителям, которые противопоставляют одну другой, «утверждая, что знание истинное начинается с сомнения, следовательно, с уничтожения веры»¹⁶⁰. Такое противопоставление Шевырев считает ложным. Еще более неправы, по его мнению, те, которые «осмеливаются науку, неполную и недостаточную в самой себе, ставить выше религии, единственной восполнительницы всякого необходимого недостатка в науке и в жизни». Из всех современных недугов наиболее опасным для религии Шевырев признавал «сомневающийся разум». Сам он был убежден, что «только в религии, как во Христе, истина становится жизнью и жизнь проникается истиною».

Позиция «Москвитянина» поставила его во враждебные отношения с демократическими «Отечественными записками». Полемика была предельно резкой с обеих сторон. Вызывающе отозвался Шевырев о Белинском (имя которого не называлось, но каждому было понятно, о ком идет речь) в статье «Взгляд на современную русскую литературу. Сторона черная» (1842, № 1). Тот ответил уничтожающим памфлетом «Педант». Нападкам подвергалась в «Москвитянине» и петербургская журналистика в целом (включая издания Сенковского, Булгарина, Греча).

Погодина и Шевырева современники нередко относили к славянофилам. И действительно, между ними имелось немало общего. В славянофильстве ощутимы заметные консервативные элементы¹⁶¹: приверженность национальным русским традициям, православию, патриархальным нравам, монархии (в форме идеала земского царя), отрицательное отношение к рационализму и вообще характеру западноевропейского просвещения. Но консервативные тенденции переплетались у славянофилов с либеральными: неприятие крепостного права и полицейского деспотизма не менее для них характерно. Славянофилы выступали в защиту свободы мнения и сомнения, свободы слова. Правительству они казались подозрительными как из-за либеральных тенденций своего учения, так и из-за свойственного им «русского патриотизма», выражавшегося в идеализации русского народа, которая сочеталась с критикой излишнего, по их мнению, влияния иностранцев в России.

Обращает на себя внимание роль поэтов той поры как выразителей общественного мнения. Оригинально обосновал их особое значение в развитии русского национального самосознания И.С.Аксаков¹⁶².

Своеобразное место в общественно-идейной жизни своего времени занял поэт, дипломат, мыслитель Ф.И.Тютчев - по отзыву современников, человек замечательного ума и проницательности; не раз выступал он по острым политическим вопросам. Совсем юным уехав за границу и прожив там 22 года (большей частью в Мюнхене), он глубоко впитал в себя европейскую культуру. Но это не помешало ему сохранить живое ощущение своей национальной принадлежности и стать горячим приверженцем идеи о «русской миссии в Европе, в истории». М.П.Погодин, университетский товарищ Тютчева, которому принадлежит эти слова, уверял, что никто в России «не верит так искренно в ее всемирное, общечеловеческое призвание, как он»¹⁶³. Иван Аксаков называл поэта одним из «носителей, даже двигателей нашего русского самосознания», отметив сходство его взглядов со славянофильскими¹⁶⁴.

Впрочем, проявилось это не сразу. Приятель и сослуживец Тютчева в 1833-1835 гг. князь И.С.Гагарин утверждал, что в то время поэт не был чужд либеральных настроений и никаких славянофильских тенденций не обнаруживал¹⁶⁵. Другой близкий знакомый Тютчева, барон К.Пфелфель (впоследствии с ним породнившийся) относил перелом в мировоззрении Тютчева к началу 40-х годов, когда поэт испытал разочарование в западной цивилизации и повернул к родным истокам¹⁶⁶.

Вернувшись на родину в 1843 г., поэт попытался через А.Х.Бенкендорфа убедить Николая I, что в интересах России нужно воздействовать на общественное мнение Запада. Для начала он сам опубликовал весной 1844 г. два письма к редактору газеты «Allgemeine Zeitung», в которых старался опровергнуть нелестные высказывания немецкой печати о российских порядках. Тютчев напоминал о роли России в освобождении германских земель от владычества Наполеона и пытался убедить немецких читателей в том, что именно в союзе с ней - залог благополучия немецких государств. Обвинения в несовершенстве общественного строя России, недостатках ее администрации, тяжелом положении низших слоев народа автор парировал тем, что и в других странах дело обстоит нелучше¹⁶⁷.

В записке Тютчева 1845 г. на имя императора Николая Павловича¹⁶⁸ просматриваются теократические идеи, смешанные с панславистскими. Ее пронизывала мысль о грандиозном предназначении России как законной наследницы Восточной Римской империи - Византии (преемницы «высшей власти цезарей») и вселенской Восточной церкви. Огромный мир православного Востока, утверждал Тютчев, духовно един и неделим, в нем - «семя будущего христианства». Его единственный законный властитель - российский император. В восприятии поэта Восточная церковь сливалась с православной империей. Ему казалось крайне важным доказать Западу, что Россия сильна не только материальным, но прежде всего нравственным могуществом, поскольку ее жизненным принципом, «высшим выражением духа нации» является христианство в его истинном, не искаженном виде. С этой целью Тютчев советовал правительст-

ву «завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии», предлагая свое содействие.

Записка вызвала неоднозначное отношение у тех, кому она стала известна. Николай I поощрил автора, вернув ему звание камергера и снова приняв на службу в Министерство иностранных дел, но советам его не последовал. А.И.Тургенев «исполнился негодованием, особенно подумав, для кого она писана». Его брат Николай заметил, что любящие Россию должны думать не о наследии Византии, «а о голоде и холоде, о палках и кнуте»¹⁶⁹.

Свои историософские и политические взгляды Тютчев развил позднее в публицистических выступлениях времен революции 1848-1849 гг.

Заметным фактом в истории общественной мысли стал переход на консервативные позиции Н.В.Гоголя - главы «натуральной школы», виднейшего представителя «отрицательного направления» в русской литературе. В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.) писатель отрекался от своих прежних произведений, выступал горячим почитателем церкви, самодержавия, сословности, хвалил «истинно русские отношения помещика к крестьянам», писал о «преимуществах нашего крестьянского быта» (при крепостном праве!).

Произошедший в Гоголе духовный поворот совершился в период его жизни за границей. Уже в начале 40-х годов в сочинениях писателя ощущалась неудовлетворенность западной цивилизацией (повесть «Рим», 1842 г.). Наблюдение европейской жизни, обострившихся в предреволюционной Европе противоречий оказало решающее воздействие на эволюцию его взглядов. Самое большое зло для России он увидел в разладе между людьми, в доходившем до ненависти расхождении в убеждениях и вере. Излюбленной идеей Гоголя становится всеобщее примирение на основе внедрения в жизнь христианских идей. Публикуя извлечения из своей переписки с друзьями, он хотел заставить общество задуматься, убеждал россиян осознать положение и призвание своей страны, опереться на родные корни, на «самородные» начала, но при этом предостерегал от самонадеянности и кичливости, от «квасного» патриотизма. Состояние России, русского человека не удовлетворяло писателя. Но выход он видел не в политических и социально-экономических преобразованиях, не в изменении *внешних* условий существования. Самым важным представлялось ему «дело *внутреннее*», самовоспитание, просвещение души, уразумение и выполнение каждым своего долга. На это он и хотел вдохновить своих соотечественников. Преодоление существующего разлада и призыв к всеобщему примирению - одна из основных идей книги. Примирить же все противоречия в стране способна только церковь, считал Гоголь. Общественно полезное значение религии он усматривал в ее объединяющей роли: «Без нее общество не может существовать, потому что всякий имеет свои идеи, и что ни человек, то думает иначе и хочет строить по своему плану все общество»¹⁷⁰. Гоголь был убежден, что благотворное преобразование общества под силу только христианству. Мечтая о введении христианских начал в частный и государственный

быт, он с горечью признавал их слабость в действительности. Непреодолимое препятствие виделось ему в гордости, прежде всего в гордости ума. «Никогда еще, - говорилось в книге, - не возростала она до такой силы, как в девятнадцатом веке»: человек верит «в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы»¹⁷¹.

Книга Гоголя противоречива. Охранительные тенденции сочетались в ней с просветительскими¹⁷². Но основная ее направленность была религиозно-консервативной. «Выбранные места» вызвали противоречивые отклики - преимущественно отрицательные, поскольку занятая писателем позиция не соответствовала преобладавшим общественным настроениям тех лет.

4. 1848-Й ГОД И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ В РОССИИ

Рубеж 40-50-х годов - веха в истории российского консерватизма, вступившего в ту пору в новую стадию своего развития внутри страны и с утрагивающей силой проявившего себя в международных отношениях.

Под знаком революционной угрозы прошло все царствование Николая I. Его вступление на престол в конце 1825 г. ознаменовалось восстанием декабристов. В 1830 г. прогремела революция во Франции, разразилось Польское восстание. В 1830-1831 гг. в разных местах России вспыхнули холерные бунты. В 1848-1849 гг. опасность оказалась особенно велика: революция охватила Францию, Италию, Австрийскую империю. В некоторых странах она сопровождалась падением феодальных монархий и установлением республиканского строя. Соответственно российское правительство приняло на этот раз меры самые жесткие.

Активные действия начались еще в преддверии грозных событий. Возможностью революционного взрыва в Западной Европе обитатели Зимнего дворца были озабочены с первых дней 1848 г. Уже в январе в Петербурге разрабатывались планы борьбы с «революционной заразой». Велась переписка по этому поводу с прусским королем и австрийским канцлером Меттернихом. Предпринимались попытки согласованных действий монархических правительств - прежде всего входивших в Священный Союз. По словам Отто Бисмарка, «император Николай действовал в убеждении, что волею Божиею он призван возглавить монархическое сопротивление надвигающейся с Запада революции»¹⁷³. 24 февраля был подписан указ о мобилизации. Николай I рвался к активным действиям. Однако складывавшаяся обстановка этому не благоприятствовала. Революция развертывалась по самому опасному из предусмотренных им возможных вариантов. Победив во Франции, она захватывала одну европейскую страну за другой. Прусский король согласился подписать конституцию. То же сделал австрийский император. Кабинет Меттерниха пал. Российский самодержец оказался в изоляции. Непокойно было и

внутри империи. О непрочном положении самодержавия в России, о влечении русских к либеральным порядкам твердила иностранная печать¹⁷⁴. После поражения июньского восстания в Париже и подавления властями разрозненных восстаний в Пруссии и Австрии соотношение сил изменилось. Летом 1848 г. царские войска вошли в охваченные волнениями Дунайские княжества (формально подвластные Турции).

К весне 1849 г. центр революционных событий переместился в вставшую против австрийского владычества Венгрию. Вот тогда-то Николай I и решил нанести революции сокрушительный удар, предприняв с согласия австрийского императора Франца-Иосифа военную интервенцию в Венгрию. Вторжение русских войск численностью более 150 тысяч человек обеспечило контрреволюционным силам решительный перевес, хотя победу удалось одержать далеко не сразу. После окончания военных действий русские войска, вопреки опасениям правительства Австрии, вернулись на родину. «В истории европейских государств едва ли известен другой пример, когда неограниченный монарх великой державы оказал своему соседу такую услугу, как император Николай Австрийской монархии», - заметил по этому поводу Бисмарк, подчеркнув, что российский император не потребовал за свою помощь «никаких выгод, никаких возмещений, не упомянув о спорных между обоими государствами восточном и польском вопросах». Столь бескорыстное поведение «самовластного, преувеличенно рыцарственного самодержца» Бисмарк объяснял тем, что Николай I «смотрел в то время на императора Франца-Иосифа как на своего преемника и наследника в руководстве консервативной триадой», состоявшей из России, Австрии и Пруссии.

Венгерский поход русской армии вызвал в России неоднозначное отношение. Многие (включая кое-кого из высших слоев общества и даже Л.В.Дубельта) считали, что России не следует вмешиваться не в свое дело. Кроме всего прочего, противники революции опасались «вредного» влияния заграничного похода на молодых военных. Русские офицеры - участники войны - нередко проявляли сочувствие к побежденным венграм и неприязнь к союзникам-австрийцам. Наряду с этим имели место ура-патриотические настроения.

Революционные события в Европе чрезвычайно болезненно отозвались в России. Правительство предприняло ряд мер в целях «обеспечения внутреннего спокойствия». Царство Польское наводнили войсками. Запретили въезд в Россию французам, а затем и прочим европейцам. Выезд за границу был предельно ограничен. Россиян, находившихся там, срочно вызвали обратно. Отказавшихся вернуться (в том числе А.И.Герцена и Н.И.Сазонова) объявили изгнанниками с конфискацией их имений.

Реакционные элементы, явственно осязаемые в политике правительства и раньше, теперь обрели вид законченной системы. По выражению современника, со времени февральской революции во Франции наступило «царство мрака в России»¹⁷⁵. Главное внимание властей и всех защитников государственных устоев направилось на изоляцию россиян от За-

падной Европы, на предупреждение и пресечение влияния на родине европейских революционных идей.

Вслед за царским Манифестом от 14 марта 1848 г., извещавшим поданных о событиях на Западе, свой голос против революции возвысила православная церковь. Некоторые проповеди появились в печати. Пользовавшийся всероссийской известностью преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, ратовал в своем «Слове» против «духа злобы», воздвигнувшего «бурю, которая свирепостью своею превосходит все, от чего страдали когда-либо царства и народы». «Везде слезы, кровь и пламень! - восклицал церковный вития. - Одна Богом возвеличенная и Богом хранимая Россия непоколебима среди всемирных треволений». Владыка призывал соотечественников не поддаваться «чувству недовольства своим», заградить свой дух и сердце «от всех обаяний лжеименной мудрости иноземной». Выражалась надежда, что Господь поможет России послужить «обузанию адского духа безначалия, от коего мнутятся теперь царства и народы»¹⁷⁶.

Обращаясь летом 1848 г. к вновь произведенным офицерам, воспитанникам военно-учебных заведений, священник Иоанн Рождественский предупреждал об ожидающих их опасностях - о «смутах» на Западе, готовых взволновать весь мир, и напутствовал новоиспеченных воинов словами о том, что они должны проникнуться стремлением «соответствовать ожиданиям Государя». «При современном волнении умов, господствующем у народов нам сопредельных, ... более всего нужно беречься заразы мнений, от которых возродились смуты», - поучал юношей их бывший законоучитель. Имелось в виду учение «о правах на всеобщее равенство и неограниченную свободу». «Чудовищные порождения» подобных идей, по его словам, заставили мир содрогнуться. К числу плодов «от древа необузданной свободы» относил он грабежи и кровопролития. Мечты о коренных государственных преобразованиях оратор называл гибельными. Снова говорилось о распространившемся недуге «недовольства ... настоящим порядком вещей». К зараженным этим недугом причислялись люди, превратно воспитанные. Надежным средством против подобных настроений признавалась «безусловная покорность Провидению в устроении нашей судьбы». «Вооружитесь же против окружающих нас воплей о безрассудной свободе твердым убеждением в необходимости и святости власти вообще, и в особенности глубокою, благоговейною преданностию Престолу ... самодержавие, по воле Божией утвердившееся в России, благотворнее для нее всякого другого правления»¹⁷⁷.

Власти всемерно усилили надзор за населением. Участились аресты и высылки лиц, подозреваемых в антиправительственных настроениях. Преследования коснулись и славянофилов. В марте 1849 г. был арестован Ю.Ф.Самарин, затем И.С.Аксаков. И того и другого, впрочем, вскоре освободили. В апреле того же года последовал арест петрашевцев.

Волна запретов и ограничений обрушилась на печать и просвещение. Как только разразилась революция во Франции, глава тайной полиции А.Ф.Орлов представил министру доклад об усилении цензурного надзо-

ра за периодической печатью. Записки аналогичного содержания подали барон М.А.Корф и граф С.Г.Строганов. Уже 27 февраля был создан временный секретный комитет под председательством князя А.С.Меншикова для проверки цензуры, затем другой - постоянный, под председательством Д.П.Бутурлина для систематического контроля за нею. Новые строгости касались прежде всего периодических изданий. Особенно строго требовалось следить за литературой для народного чтения или хотя бы доступной «низшему классу», а также за поступлениями из-за границы. О литераторах, чьи сочинения подверглись запрещению, цензоров обязали негласно сообщать в III-е отделение. Редакторов предупредили о личной ответственности за «дурное направление» их журналов, «хотя бы оно выражалось косвенными намеками». Наиболее неблагонадежными меншиковский комитет признал «Современник» и «Отечественные записки». Писателя М.Е.Салтыкова за повесть «Запутанное дело» подвергли административной ссылке, отправив на службу в Вятку. (Военный министр князь А.И.Чернышев грозился даже сослать его на Кавказ в солдаты.)¹⁷⁸ За неосторожную фразу в повести «Ворожейка» имел служебные неприятности В.И.Даль (несмотря на высокий чин статского советника). «Есть ли надежда, что наша литература еще кое-как будет чахнуть, или уж ей пропета вечная память?» - осведомлялся в письме Погодину из деревни И.В.Киреевский. «Цензура делается неслыханным бичом, - писал А.С.Хомяков приятелю. - Просто поверить нельзя, до чего она доходит». По его словам, цензоры «до того напуганы, что у них просто ум помутился». Даже сочинения таких писателей, как Загоскин, Жуковский, Погодин не избегли цензурных запретов. «Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими», - свидетельствовал современник¹⁷⁹.

Ужесточилась политика в сфере просвещения, на имя царя поступали проекты перестройки учебных заведений в охранительном духе. Комитету под председательством Д.Н.Блудова поручалось разработать меры по преобразованию учебных заведений в империи. Другой комитет во главе с И.И.Давыдовым был создан для проверки учебников. Сложившееся положение А.В.Никитенко оценил как «крестовый поход против науки». «Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему», - заключал он в конце 1848 г. Научную работу, преподавание, популяризацию знаний стеснили до предела. Правительственная регламентация достигла небывалых размеров. Изучение общественных наук постарались свести к минимуму. Профессорам было приказано удалить из программ «все ненужное и лишнее». «В университете страх и упадок духа», - записал в ту пору в дневнике А.В.Никитенко¹⁸⁰.

Для проведения столь репрессивного курса оказался непригодным даже С.С.Уваров. За публикацию в «Современнике» (1849, № 3) статьи И.И.Давыдова в защиту университетов министр получил от царя выговор. Николай I нашел ее «неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши Правительственные учреждения ...не согласно ни с достоинством Правительства, ни с порядком, у нас, к счастью, существующим. Долж-

но повиноваться, а рассуждения свои держать про себя»¹⁸¹. Такова была царская резолюция. В том же году Уваров оставил свой пост.

В начале 1849 г. распространились зловещие слухи о том, что все или почти все университеты будут закрыты. Рассказывали, что Д.П.Бутурлин предлагает закрыть и гимназии¹⁸². Осенью того же года царь утвердил «Инструкцию ректорам университетов и деканам факультетов, предусматривающую усиление надзора за духом и направлением преподавания»¹⁸³.

Вслед за «Инструкцией» последовало одобренное царем негласное «Наставление ректорам и деканам» гуманитарных факультетов за подписью товарища министра народного просвещения князя П.А.Ширинского-Шихматова¹⁸⁴. Особое внимание предлагалось обратить на преподавание государственного права, политической экономии, науки о финансах и «всех вообще исторических наук». Программы по этим предметам подлежали утверждению министерства. Ставилась задача оградить молодежь от «зловредных мнений» «о мнимом превосходстве республиканского или конституционного правления, об ограничении монархической самодержавной власти, о равенстве всех состояний», от знакомства с «разрушительными началами» социалистов и коммунистов. Категорически запрещались критические суждения о положении крепостных крестьян и злоупотреблениях помещиков, предположения о желательности перемен в отношениях между сословиями.

На подозрении оказались важнейшие отрасли знания. Признанные особо опасными подверглись исключению из университетских программ. Преподавание других было урезано до предела или вынужденно искажалось. С ноября 1849 г. прекратилось преподавание государственного права европейских держав. Философский факультет перестал существовать как единое целое: его разделили на историко-филологический и физико-математический. В целях «ограждения юношества от обольстительных мудрований новейших философских систем» преподавание философии в 1850 г. ограничили логикой и психологией, поручив оба предмета профессорам богословия.

Напуганное революционными событиями в Западной Европе, правительство постаралось пресечь все контакты с Западом и европейской наукой, видя корень зла в «разрушительных» идеях просветительной философии, порождавшей вольномыслие. Научные командировки и любые зарубежные поездки лицам учебного ведомства были запрещены. Университеты лишились права получать литературу из-за границы.

Правящая верхушка видела в университетах очаги вольномыслия, а в образованных людях - благоприятную среду для пропаганды революционных идей. В 1849 г. общее число студентов (за исключением медиков и стипендиатов) было ограничено 300-ми для каждого университета - с воспрещением приема, пока оно не сократится до указанного размера¹⁸⁵.

Попечителями учебных округов при Николае I назначались, как правило, люди, чуждые просвещения: большей частью из военной среды. «Военный человек ... привыкший не рассуждать, но исполнять, способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, са-

мым способным начальником везде, - с горечью писал С.М.Соловьев, - ... стремление занять начальнические места фельдфебелями в генеральских эполетах было ощутительно и в гражданском учебном ведомстве. Таковы были "енаралы", назначавшиеся попечителями»¹⁸⁶.

Искусственно сужая круг образованных людей, затрудняя развитие научной мысли в России, самодержавие действовало вопреки жизненно важным потребностям страны, жертвуя ими ради своих охранительных целей.

Невиданных размеров достигло вмешательство в частную жизнь. Дворянам запрещалось отпускать бороды, которые правительство сочло западной модой, не допускалось ношение в быту национальной русской одежды.

Поворот к реакции незамедлительно сказался и на позиции правительства в отношении к крепостному праву, затормозив наметившееся было продвижение вперед. О замеченном П.Д.Киселевым в императоре в 1848 г. «сильном охлаждении стремлений освободить крестьян из крепостной зависимости» вспоминал П.П.Семенов-Тянь-Шанский¹⁸⁷. Метко охарактеризовал сложившееся положение сам Киселев, сказав кому-то из своих племянников Милютиных (Николаю или Дмитрию): «*Вопрос о крестьянах лопнул*»¹⁸⁸. На письмо какого-то помещика к наследнику с просьбой представить императору его записку по крестьянскому вопросу гофмаршал двора цесаревича В.Д.Олсуфьев ответил отказом, пояснив, что государь «отнодье не имеет намерения изменить настоящих отношений крестьян помещичьих с их владельцами». По свидетельству современника, письмо это «ходило по рукам», радуя крепостников. Принимая в конце марта 1848 г. депутатов петербургского дворянства, Николай I отверг приписывавшиеся ему «нелепые» мысли об эмансипации и подтвердил, что земля является собственностью помещиков. Вместе с тем император призвал их заботиться о благосостоянии своих крестьян, заметив, что безнравственных и жестоких помещиков следует предавать «силе закона»¹⁸⁹.

При обсуждении в высших бюрократических инстанциях возбужденного П.Д.Киселевым вопроса о законодательном ограждении имущественных прав крепостных, министр юстиции граф В.Н.Панин, не возражая против приобретения ими ненаселенных имений, выдвинул непременное условие, что распоряжаться этим имуществом они могли бы только с согласия помещика. Управляющий II-м отделением царской канцелярии граф Д.Н.Блудов предлагал предоставить крестьянам больше самостоятельности в этом деле и дать им право переоформить документы на недвижимость, приобретенную ранее на имя помещика. Однако его предложение не встретило поддержки в Государственном совете, мнение которого утвердил царь. Согласно царскому Указу от 3 марта 1848 г., крепостные в России получили право приобретать недвижимую собственность на свое имя - однако лишь с согласия помещика. Относительно имущества, приобретенных ими ранее на его имя, было заявлено, что никакие жалобы с их стороны приниматься не будут. Тем самым по-

вый закон, по существу, брал под защиту землевладельцев, которые пожелали бы присвоить себе крестьянское имущество.

Был отвергнут проект 13-ти смоленских помещиков, предлагавших кое-какие меры по ограничению крепостного права. Дворянству сообщили об отрицательном отношении государя к таким совместным инициативам и предложили руководствоваться указом от 2 апреля 1842 г. каждого отделено.

Летом 1848 г. очередной секретный комитет рассматривал вопрос об изменениях в Указе от 8 ноября 1847 г., разрешавшем крестьянам выкупаться на свободу при продаже имений с публичных торгов. Причиной пересмотра явилось недовольство этим указом многих помещиков, опасавшихся, что крестьяне, желая освободиться, перестанут выполнять повинности, чтобы довести имение до разорения и тем обречь его на продажу. Приводились и более веские аргументы. В адресованном императору письме неизвестного «О возмутительных началах, развивающихся в России» (октябрь 1848 г.) говорилось, что указ взбудоражил крестьян, породил среди них слухи о том, будто за единовременный денежный взнос можно навсегда освободиться от оброка и получить в собственность «леса, угодья и жилище их владельцев». Совещаясь между собой по этому поводу, подчеркивалось в письме, крестьяне приучаются к заговорам и получают «уроки коммунизма: о выгодах уничтожения власти и разделения их богатств». Автор предупреждал, что помещичьей власти грозит смертельная опасность, способная поколебать престол и империю. При этом в качестве устрашающего примера приводился «кровавый мятеж» 1848 г. на Западе. В конце концов Указ от 8 ноября 1847 г., хотя и не был отменен, но вышло новое Положение о продаже имений, ставившее право крестьян на выкуп в зависимость от помещиков.

Крепостническим духом была проникнута записка предводителя дворянства Смоленской губернии князя М.В.Друцкого-Соколинского, представленная императору в ответ на его обращение к смоленским депутатам (см. выше). Автор доказывал несостоятельность Указа об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г., его невыгодность для крестьян, помещиков и государства. Николай I поблагодарил Друцкого-Соколинского за откровенность и предложил высказаться более подробно, что тот и сделал во второй записке, датированной февралем 1849 г. Консервативные позиции автора нашли в ней еще более яркое выражение. Смоленский предводитель дворянства исходил из того, что Западная Европа и Россия представляют «две различные системы цивилизации, из которых нашу нельзя применить к Европе, а европейскую - к нам». Отсюда выводилась необходимость прикрепления российских крестьян к земле; в отношении же к помещикам, замечал Друцкой-Соколинский, они и по существующим законам всего лишь обязаны. Автор утверждал, что в России не существует рабства, и настоящими владельцами земли являются именно крестьяне: «только одни помещики лишались и будут лишаться своего достояния, а крестьяне ничего не теряли и не теряют». Неоценимое преимущество существующих в российской деревне отношений Друцкой-

Соколинский видел в том, что помещик соединяет в своем лице административную, полицейскую и судебную власть, отвечая перед правительством за миллионы народа и служа надежной опорой престола. При свободном труде, убеждал он, исчезнет «надзор помещиков за трудолюбием крестьян» и образуется класс пролетариев, что привело уже в Западной Европе к распространению «либеральных идей коммунизма». Консервативно настроенный автор приходил к выводу, что крепостное право нельзя изменить «без потрясения в основании существующего здания» и восклицал: «Да сохранит нас всеблагий Творец от пагубных переворотов образованного Запада!»¹⁹⁰.

В ряду правительственных мер 1848-1849 гг. по крестьянскому делу можно считать исключением лишь подтверждение инвентарных правил для Юго-Западного края, устанавливавших размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян. Однако его политическая направленность не вызывает сомнений: правительство, не уверенное в лояльности польских помещиков, стремилось создать себе опору в массе крестьянского населения украинских губерний и тем обезопасить государственную границу.

Новости о разгоравшейся в странах Запада революции произвели на россиян сильнейшее впечатление. Многих они буквально ошеломили. Революционный вихрь, захвативший западноевропейские страны, потрясение многовековых устоев, падение абсолютистских монархий поражали воображение. Росло чувство приближающейся опасности. Казалось, почва заколебалась под ногами. «Лава льется волнами: все опрокинуто, - писал В.А.Жуковский через несколько дней после получения "страшного известия" о "новом чудовище революции". - ... Теперь в несколько часов делаются изменения всемирные»¹⁹¹. «Бывало, такие события происходили в течение веков», - замечал он в другом письме.

Консервативные настроения усилились как никогда прежде. Революцию сравнивали со стихийными бедствиями - с потопом, пожаром, извержением вулкана, бурей, землетрясением, с болезнями - тифом, чумой, холерой. «Сохрани Бог Царя и укрепи в руке Его самодержавие! - восклицал Жуковский в только что цитированном письме к А.Я.Булгакову. - ... все русские теперь крепче, нежели когда-нибудь, должны слиться в одну силу с Царем своим»¹⁹². В письме к графу Ш-ку 7 июля (25 июня) 1848 г.¹⁹³ поэт с глубоким беспокойством писал о Западе как о «вулканическом кратере, из которого льется разрушительная лава, с громом давно знакомых бедственных криков: «свобода, равенство, братство!». «Буйству нашего века», «произволу толпы народной» автор письма противопоставлял «убежище покоя» - Россию. До мозга костей европеец, Жуковский теперь возлагал надежды на освобождение родины от долговременного влияния Европы. По его мнению, России предстоит вступить в предназначенную ей Промыслом новую эпоху, составив «самобытный, великий мир ... сплоченный верою и самодержавием в одну несокрушимую, ныне вполне устроенную громаду». Он верил, что, «вопреки всем любимым теориям нашего времени, судьба родины заключается в развитии самодержавия». Не соглашаясь с «отрицателями власти», видевшими в России прежде всего

произвол царя и рабство народа, Жуковский отдавал предпочтение самодержавию как воплощению «слова евангельского» перед хартиями, написанными человеческой рукой. Поэт не сомневался, что самодержавие «вернее всех бумажных конституций приведет народ русский без всех потрясений, медленным путем законности, к той цели, к которой все земные народы стремятся, к свободе». Свобода же, по его убеждению, заключается в личном благоденствии всех и каждого, влекущем за собой благоденствие общее (а не наоборот, когда первое приносится в жертву последнему). Вступление России в период гражданского благоденствия Жуковский всецело связывал с «гением самодержавия». Он был уверен, что это - дело ближайшего будущего.

Пожалуй, с наибольшей полнотой политическая позиция Жуковского запечатлена в его письмах из Германии 1848-1849 гг. к своему бывшему ученику, цесаревичу Александру Николаевичу¹⁹⁴. Здесь - и анализ обстановки в Пруссии, и мнение о каждой из борющихся сил, и рассуждение о том, что следовало бы предпринять прусскому королю в сложившихся обстоятельствах, чтобы «овладеть новым порядком», и размышления о революциях вообще. Интерес к этим письмам возрастает, если учесть, что адресату Жуковского было тогда уже 30 лет и, пользуясь доверием отца, он активно участвовал в государственных делах; заметим и то, что по матери цесаревич был родным племянником прусского короля.

В своих письмах Жуковский - убежденный монархист, противник «демонической силы» революции, «гидры анархии», мятежей, буйства, «народного самодержавия», сторонник «хранительной власти», без которой «нет порядка, и никакая свобода невозможна». Весьма любопытно сравнение им событий 1848 г. с концом XVIII в.: «Теперьшая французская *безумная* и ее обезьяна немецкая *глупая* революция совсем не сходствуют в характере своем с революциею 1789 г. Тогда, при всей разрушительности действий (истекающих из всякой революции), главным действователем был *энтузиазм*, была какая-то свежая экзальтация, воспаленная доктринами философии. Стремилась к химере, но эта химера была увлекательный идеал лучшего, этому идеалу верили, никакой еще опыт не доказал на деле несбыточности идеала. Свобода, братство, равенство, все эти слова еще имели высокое значение. Начало этой революции можно сравнить с молодостию жизни, когда нам мечтательное кажется сбыточным. Но скоро терроризм, гильотина и военный деспотизм Наполеона отрезвили умы и показали им голую истину»¹⁹⁵.

Революцию же 1848 г. - «отвратительное детище эгоизма» - поэт сравнивал со стариком, лишенным энтузиазма и веры. Ее развязали, считал он, утописты, честолюбцы и властолюбцы, рвущиеся к чужому добру. Их опора - «бунтующая чернь», «толпа пролетариев, которым нужно иметь *чужое*, дабы иметь что-нибудь *свое*». В низший класс - «туда, где царствует нужда», голос ненависти и искушения проникает с ужасающей быстротой. А потому безотлагательно нужны решительные меры - союз между государствами, «союз народов с их государями», уступки с обеих сторон, «пока не успели восторжествовать демагоги-разбойники, пока не

всколыхнулась чернь, пока не разлилась чума по армиям», - предупреждал Жуковский.

В более поздних письмах речь шла о Национальном собрании Пруссии, представлявшемся их автору «шайкой анархистов», «разбойничьей партией». С этим собранием «ни мир, ни перемирие невозможны», его нужно распустить, заменив новым, утверждал Жуковский. Вырванная у короля «уродливая» конституция казалась ему несомненным злом. «... Всякая подобная хартия есть обман, своевольный разрыв с прошедшим, насильственное завладение будущим. Истинная хартия народа есть его история. Беда государю и народу, если они эту хартию, написанную рукою времени (которое можно назвать стенографом Божия слова) разрывают самовольно, чтобы ее заменить ничтожным листом бумаги, исписанной умом человеческим»¹⁹⁶. Уступки, на которые пошел король, были необходимы, даже спасительны, но они могут оказаться губительными, если не удастся внести в конституцию необходимые ограничения. Касаясь причин революции, Жуковский винил, с одной стороны, германские правительства в «небрежении о нуждах народов», нежелании пойти навстречу велениям времени, с другой - тех, кто «слишком жарко и бешено» действовал, добиваясь удовлетворения законных требований. Народное благо невозможно без твердой власти; но власть обязана об этом благе заботиться, без чего она «рано или поздно разрушается», - таков общий вывод автора. При этом старый порядок он характеризовал как устарелый, к которому нет возврата.

В условиях разгоравшейся революции Россия казалась Жуковскому «ковчегом спасения», а залогом ее силы - «патриархальный монархизм», неограниченное, «отеческое» самодержавие, но «без всякой примеси произвола». Выражалась надежда, что Россия «вступила ныне в новый период бытия своего, в период развития внутреннего, твердой законности, спокойного приобретения всех истинных сокровищ гражданской жизни». Теперь Жуковский делал упор на самобытность России, утверждая даже, что «мы можем обойтись без Европы; мы не будем отброшены, как они кричат, в Азию; мы - христиане; мы заняли образование у Европы и употребим его по-своему и для себя». По отношению к охватившим Европу событиям настойчиво рекомендовалась политика невмешательства: Жуковский предлагал китайской стеной «отгородиться от всеобщей заразы»¹⁹⁷.

Таким образом, в условиях революции на Западе изоляционистами в ряде случаев становились даже те, кто до того выступал за тесное общение России с западноевропейскими странами. Революционные события во Франции и других странах явно способствовали росту консервативных настроений в России.

Под впечатлением происходящего заметно изменилось настроение князя П.А.Вяземского. Бывший вольнодумец отозвался на революцию 1848 г. стихотворением «Святая Русь», в котором восхвалял «высокое смирение» русского народа, его покорность Промыслу, святость православной церкви и царского престола, клеймил мятежный Запад, водворяющий насилие «под знаменем свободы ложной». Революция казалась ав-

тору проявлением Божьего гнева. Жуковский был восхищен и растроган стихотворением друга.

Показательно, что оба поэта выступили в эти годы в качестве публицистов. Их поэтические отклики на происходящие события и прямые высказывания по вопросам текущей политики вышли за пределы частной переписки и стали достоянием общественности. Отрывок из письма Жуковского к наследнику престола в самом начале революции под заглавием «Что будет?» напечатала в 1848 г. «Северная пчела» (с небольшими изменениями и без имени автора). Стихотворения Жуковского и Вяземского публиковались в разных периодических изданиях. «Святая Русь» Вяземского вышла в виде отдельной брошюры. Обширное письмо Жуковского по поводу этого произведения и вызвавших его событий появилось в издаваемой Военным министерством газете «Русский инвалид» (1848, № 207).

Иначе рассуждала теперь и поэтесса графиня Е.П.Ростопчина (урожд. Сушкова), из-под пера которой некогда вышли стихотворения: «Соотчичи мои, заступники свободы...» (обращено к декабристам), «Насильный брак» (об угнетении царской властью Польши) и другие вольнолюбивые произведения. «В наше смутно-противное время, право, не до поэзии, особенно не до женской; надо молиться за гибнущих и благодарить за нас, еще спокойных, - писала она М.П.Погодину. - Хотелось бы на часочек быть Богом, чтоб вторым, добрым потоком утопить всевозможных коммунистов, анархистов и злодеев; еще хотелось бы быть на полчаса Николаем Павловичем, чтоб призвать налицо всех московских либералов и демократов и покорно просить их, яко не любящих монархического правления, прогуляться за границу и поселиться в любом европейском государстве, где демократы ввели такое чудесное благоустройство и общее и личное спокойство»¹⁹⁸.

Консервативной утопией можно назвать публицистические выступления Ф.И.Тютчева, представлявшие собой прямой отклик на революционные события в Западной Европе. Написанная в апреле 1848 г. записка «Россия и революция»¹⁹⁹ была тогда же подана им Николаю I и через некоторое время опубликована в немецкой печати. Россия предстала в ней основной силой, противостоящей революции в Европе. Революционные стремления признавались прямым порождением «разрушительной философии», приведшей к отрицанию веры. Суть противостояния автор видел в непримиримом различии мировоззрений. «Революция - прежде всего враг христианства! - подчеркивал он. - Антихристианское настроение есть душа революции; это ее особенность, отличительный характер». Основу христианства составляет «чувство смирения и самоотвержения». Ему противостоит «дух гордости и превозношения» человеческого Я, пожелавшего «зависеть лишь от себя самого», заменив собою Бога. В этом - корень революции 1789 г. Высокомерие ума - «язва нашего века». Россия же «прежде всего христианская империя», русский народ - христианин по преимуществу. Отсюда - неизбежность борьбы, от исхода которой зависит будущее всего человечества.

Записку «Россия и революция» Тютчев предполагал включить в качестве одного из разделов в свой трактат «Россия и Запад», над которым работал в 1848-1849 гг., но оставил его незавершенным²⁰⁰. Революция характеризовалась в трактате как «логическое следствие и окончательный итог» современной западной либеральной цивилизации - цивилизации, которую «антихристианский рационализм отвоёвал у римской церкви». Исходным пунктом этой - либеральной - цивилизации, оказавшейся перед угрозой собственного банкротства, Тютчев считал разрыв с церковью и сопровождавший этот разрыв апофеоз человеческого Я, признание человеческого разума независимым от каких бы то ни было высших сил. (Как известно, культ человеческого разума составлял суть просветительной философии XVIII в.) « ... В продолжение многих и многих поколений, - писал Тютчев, - мы видим вас, людей Запада, - всех, народы и правительства, богачей и бедняков, ученых и невежд, философов и светских людей, - погруженных сообща в чтение одной и той же книги - книги раскрепощенного человеческого разума...». Религиозная Реформация XVI в., современная философия, революция 1789 г., европейская демократия с присущим ей поклонением человека самому себе - страницы этой книги. Февральская революция 1848 г. лишь перевернула в той же книге ее последнюю страницу. Однако ради спасения цивилизации либеральное европейское общество оказалось вынужденным прибегнуть к приемам старого мира - к вооруженной силе. Лишь благодаря этому удалось предотвратить общую гибель. Но современная мысль, чуждая вере, неспособна отречься от самой себя, а это - тупик.

На Западе Тютчеву виделся очевидный разлад между миражом общественного либерального мнения и реальностью фактов, ходом событий. Европейская публика, зараженная индивидуализмом и духом отрицания, «порвала с исторической жизнью масс и отрешилась от всех положительных верований». Свойственная ей ненависть к власти делает ее способной к разрушению, но лишает возможности созидания. Революция - сила не объединяющая, а разобщающая. Что касается европейских правительств и других элементов старого общества, то они жизнеспособны лишь настолько, чтобы воспрепятствовать полному разрушению, но едва ли могут создать что-либо заново, поскольку тоже подверглись воздействию современной западной цивилизации. Разрешение возникших трудностей Тютчев видел на Востоке, в России, с ее православием и способностью создать на этой основе Вселенскую империю (см. выше). В пророчествах Тютчева выразился не столько трезвый взгляд политика, сколько воображение поэта. Но в свое время его публицистические выступления производили сильное впечатление, вызвав немало откликов не только в России, но и за рубежом²⁰¹.

Характерны и отклики других современников. Узнав, что Париж горит, историк И.М.Снегирев воспринял это событие как возмездие за Москву 1812 г. «Видно, что прогрессисты действуют там железом и огнем, - писал он Погодину. - Да сохранит нас Бог от подобных прогрессов и реставрации!»²⁰². Н.В.Гоголь после встречи с только что вернувшимся из Фран-

ции П.В.Анненковым делился впечатлениями с А.С.Данилевским осенью 1848 г.: «Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, просто страх: совершенное разложение общества!»²⁰³.

«Северная пчела» откликнулась на начавшуюся революцию «Парижскими письмами» Н.И.Греча (1848, 25 февр., № 43), оказавшегося в тот момент во Франции. Живое и конкретное описание происходящего проинкнато яростным неприятием «мятежа». Происшествия в Париже названы «вредными, опасными и отвратительными», их виновниками - оппозиция, а подстрекателями - «злодеи-радикалы». Автор огорчен тем, что «седые пустозвоны (оппозиционеры - Р.Э.) вмешивают в свои проделки парижское юношество». «Глупая чернь» характеризуется как орудие «сатанинских замыслов». Масса участников событий - «буйные и неистовые обитатели предместий», фабричные рабочие, «блузники с засученными рукавами» и проч. - награждены весьма нелестными эпитетами. Не забыты и «дерзкие мальчишки, гнусное исчадие, участвующее зверски во всех смятениях», бегавшие по улицам «с хохотом и воплем».

Газета поместила также письмо из Парижа неназванного соотечественника (1 марта, № 47), не сообщавшего по существу ничего нового, но обрушившегося с нападками на происходившие в столице Франции «смуты, неистовства, буйства», которые он называл беспричинной и постыдной «кукольной комедией», произошедшей из-за легкомыслия французов. Временное правительство, провозглашенное «толпой своевольной, буйной черни», наименовано в письме шутовским.

«Чудовищным» названо новое французское правление и в редакционной заметке «Северной пчелы» (1848, 15 марта, № 59), а направленная против всех богатых позиция французской печати (задающей тон обществу) - устрашающей.

Пагубные последствия революции 1848 г. предсказывал и неизвестный автор письма в Петербург из Брюсселя, помещенного в газете «Русский инвалид» (1848, 10 марта, № 55). Его беспокоила позиция французского Временного правительства, взявшего на себя неисполнимую обязанность и внушившего массам населения неосуществимые надежды. «Существующее правительство, - говорилось в письме, - не есть правительство Франции: это правительство пролетариев, созданное ими и для них думающее». Обещания обеспечить всех работой, заняться улучшением положения работающих именовались «промышленными утопиями». Автор писал о своем глубоком отвращении к увиденным в Париже «сатурналиям безумия» и о том, что благодаря им он «еще более научился ценить благоденствия порядка и необходимость охраняющей власти».

Поход царских войск против революционной Венгрии «Северная пчела» объявила священной войной. Русские воины «должны восстановить законы и правду, поправные высокомерием, злобою и превратным учением», - говорилось в фельетоне Булгарина «Журнальная всякая всячина» (1849, 7 мая, № 100).

Журналы, как правило, не имели возможности высказываться на политические темы. Однако некоторые из них так или иначе выразили свое от-

ношение к происходящему. После предупреждения о неминуемых карах, если в журнале будет замечено «что-либо предосудительное», А.А.Краевский поместил в «Отечественных записках» (1848, № 7) статью «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», выдержанную в столь благонамеренном духе, что она вызвала одобрение самого Николая I. Возмущенный беспринципностью автора, Погодин разразился было критической статьей, в которой доказывал, что «Отечественные записки» - вопреки своей прежней позиции - на этот раз заимствовали свои основные положения у «Москвитянина», причем дошли до таких крайностей, которые последнему журналу не свойственны. Но цензура не допустила статью Погодина к печати. Наиболее заметными публикациями в охранительном духе самого «Москвитянина» той поры явились басня Ф.Миллера «Философия коммуниста» (1848, № 9) и заметка Погодина «Несколько слов по поводу некрологов Белинского» (№ 8).

По мере усиления политической реакции в России осуждение «ужасов» революции на Западе все больше дополнялось (а то и вытеснялось) сетованиями по поводу правительственных усилий обуздать печать и просвещение в России. Такие меры порождали у литераторов и ученых уныние и подавленное состояние. Не свободны от него оказались даже самые лояльные к режиму люди. В.И.Даль писал Погодину: «Времена шатки, береги шапки; тяжело будет вам теперь издавать журнал ... боюсь даже, что бросите ... я теперь уж более печатать ничего не стану, покуда не изменятся обстоятельства». Погодин был крайне раздражен и озабочен цензурными придирками и всерьез подумывал о том, чтобы прекратить издание «Москвитянина», опасаясь только, как бы такой шаг не вызвал у властей подозрений. Недоволен был даже Шевырев: «Не знаешь, право, что и писать. Лучше всего о буквах, да о словах, да и тут еще найдут что-нибудь». «Неужели мы одни во всем мире лишены права мыслить и печатать?» - жаловался М.А.Дмитриев. Пожалуй, один И.И.Давыдов убеждал своих корреспондентов, что их страхи и переживания - плод расстроенного воображения; однако не поздоровилось и ему самому, когда он поместил в печати статью в защиту университетов²⁰⁴.

Репрессивные меры правительства в отношении просвещения, подавление независимой мысли порождали в образованных, мыслящих людях чувство протеста, неприязнь к произволу. Подобными чувствами, как видно из сказанного, были захвачены не только люди радикально настроенные, но и весьма умеренные. Историк С.М.Соловьев назвал последние годы царствования Николая I постыдными: в событиях Запада верхи «нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза... Время с 48-го по 55-й год было похоже на первые времена римской империи, когда бездумные цезари, опираясь на преторианцев и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое в Риме... в это несчастное время самый положительный человек был отрицателем, и своим авторитетом приучал к отрицанию»²⁰⁵. В такой оценке сходились радикалы, либералы-западники, славянофилы, даже кое-кто из консерваторов. Отрицатель-

ным отношением к существующим порядкам все более проникалась учащаяся молодежь.

Консерватизм оказался скомпрометирован в общественном мнении и подорван действиями самой власти. С особой силой это обнаружилось в годы Крымской войны и начинавшегося общественно-демократического подъема в России. «Историко-политические письма» М.П.Погодина середины 50-х годов с критикой политики правительства широко распространились тогда в рукописях. Резко осуждал николаевское царствование Ф.И.Тютчев, особо отметив, что «подавление мысли в течение многих лет было руководящим принципом правительства». По его словам, чуждая каких-либо убеждений власть подменила «подлинный принцип консерватизма» репрессивными мерами²⁰⁶.

Вторая четверть XIX в. - одна из самых консервативных эпох в истории России. Стремление сохранить в неприкосновенности устои существующего строя становится по существу главной задачей верховной власти и основой правительственной политики. Под влиянием нарастающей революционной опасности эти охранительные тенденции все крепки, приобретая в последние годы царствования Николая I крайние формы. Консерватизм в политике правительства выражался прежде всего в заметном усилении централизации государственного управления, бюрократизации разных сфер жизни страны и, может быть, особенно выразительно в области идеологии. Показательно, что в социально-экономической области верховная власть проявляла относительно ббльшую податливость, нежели в вопросах идеологических. В крепостном праве император Николай Павлович видел зло, рано или поздно подлежащее уничтожению; в годы его правления поощрялось развитие промышленности, частное предпринимательство, техническое образование. Но, в отличие от своего старшего брата Александра I, затронутого влиянием просветительских идей, Николай I убежденно отстаивал неприкосновенность самодержавия и твердо стоял на страже сословности. В этих вопросах он не допускал ни малейших уступок. По отношению к идеям, так или иначе покушавшимся на существующие порядки и традиционное мировоззрение, проявлялась жесткая непримиримость. Культ самодержавия, всемерное усиление роли государства сочетались с провозглашением национального курса политики и верности традициям. Именно в ту эпоху была выдвинута идея самобытности России, ее коренного отличия от стран Западной Европы*. Знамя народности, приоритет православия выдвигались как противовес влиянию опасных для существующего строя «западных» идей. Целенаправленная пропаганда идеологии «православия, са-

* С существованием конституционных порядков вне России Николай I готов был мириться, а иногда и содействовать их внедрению (см. выше, а также статью: *Гросул В.Я.* Российский конституционализм за пределами России // *Отечественная история.* 1996. № 2.)

модержавия, народности» сопровождалась мерами подавления любых проблесков религиозного и политического вольномыслия, деятельности сколько-нибудь независимой прессы. Сообразуясь с сословными интересами дворянства и позицией ближайшего окружения, император в то же время проявлял упорное нежелание хоть сколько-нибудь считаться с более широкими общественными кругами и предпочитал действовать путем запретов. Это имело печальные последствия. Именно в николаевское царствование обнаружилось печальное расхождение, более того, - взаимная неприязнь между самодержавной властью и образованным обществом, что принесло впоследствии горькие плоды.

Данный период характеризовался и усилением общественных консервативных настроений в ответ на восстание декабристов в 1825 г., на революционные события в Западной Европе в 1830 и 1848-1849 гг., восстание 1830 г. в Польше и неоднократные стихийные массовые выступления внутри страны.

Помимо консерватизма правительственного, допускавшего некоторые предельно осторожные, реформаторские попытки при обязательном условии сохранения основ существующего строя, в России 2-й четверти XIX в. можно выделить еще несколько видов этого явления. Один - безоговорочное отстаивание самодержавно-крепостнических порядков. Такой позиции придерживалось немало русских и остзейских помещиков и чиновников, яркие примеры - Л.В.Дубельт, граф В.Н.Панин, князь М.В.Друцкой-Соколинский. Другой тип назовем условно просвещенным, поскольку он впитал в себя заметные элементы идеологии Просвещения. Выразителями этого, общеевропейского, типа консерватизма были В.А.Жуковский, некоторые сановники, сформировавшиеся в предшествующую, александровскую, эпоху (В.П.Кочубей, Н.С.Мордвинов, М.А.Корф, П.А.Валуев). Специфически российской разновидностью консервативной мысли той поры являлась теория официальной народности, ставшая на многие десятилетия идейной опорой российских охранителей. Наиболее выдающиеся ее представители - М.П.Погодин и С.П.Шевырев, выступившие в тесном сотрудничестве с властью. Крайними выразителями этого направления явились писатели типа С.А.Бурчака и М.Н.Загоскина, доходившие порой до прямого обскурантизма.

Некоторые видные консервативные деятели (М.П.Погодин, Ф.И.Тютчев, С.С.Уваров) в прошлом сами испытали на себе влияние просветительских идей и это не прошло для них бесследно: даже перейдя на иные позиции, надолго заглушив свои былые порывы, они сохранили в себе какие-то прежние черты, что рано или поздно давало о себе знать. Так, Погодин в обстановке Крымской войны проявил свойственный просветителям критицизм, тягу к свободной мысли и стремление к переменам. Нечто подобное произошло и с Тютчевым, в юности настроенным весьма вольнолюбиво³⁹⁷, позднее перешедшим на антипросветительские позиции, а в середине 50-х годов снова жестко критиковавшим правительство. В некоторых выдающихся деятелях отечественной культуры черты

консерватизма сосуществовали с просветительскими и либеральными воззрениями (А.С.Пушкин, славянофилы).

Своеобразной разновидностью изучаемого явления был консерватизм, определявшийся не столько идейными соображениями, сколько практической целесообразностью - стремлением выжить, приспособиться к существующему режиму, наконец, просто выгодой или карьеризмом (Н.И.Греч, Ф.В.Булгарин). Существовал также, условно говоря, бытовой консерватизм, питавшийся традициями и не возвышавшийся до критического осмысления положения дел.

Идейное размежевание в 30-40-е годы далеко еще не завершилось. Процесс находился тогда в самом разгаре. В одних и тех же периодических изданиях, в действиях одних и тех же людей совмещались противоречивые тенденции. Даже привычно считающиеся одиозными фигуры в большинстве случаев сочетали в себе неоднозначные стремления. Шел напряженный идейный поиск. Выработка общественно-политической позиции (отношение к монархии, сословности, крепостному праву) основывалась на общем мировоззрении, была теснейшим образом связана с отношением к религии, просвещению, народным традициям. Во второй четверти XIX в. консерватизм в России противостоял прежде всего идеологии Просвещения, со свойственным ей культом человеческого разума, стремлением к независимости и самостоятельности мысли, отстаиванием природного равенства людей.

По мере того как политика правительства становилась все более консервативной и даже реакционной, в обществе нарастали оппозиционные настроения, принимавшие порой радикальный и даже революционный характер. Наблюдавшийся в начале царствования Николая I культ его личности все больше тускнел. Консервативные настроения шли на убыль. На исходе Крымской войны заметную силу стали набирать противостоявшие им реформаторские стремления, которым принадлежало будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 315.

2. Цит по: *Лакруа П.* История жизни и царствования Николая I, императора все-российского. М., 1877-1878. Т. I. Вып. I. С. 19-20.

3. *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.. 1998. С.262

4. Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. I. С. 730.

5. См. о нем: *Пресняков А.Е.* Николай I. Апогей самодержавия // *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990; *Мироненко С.В.* Николай I // Российские самодержцы. 1801-1917. М., 1993. С. 91-157; *Его же:* Николай I // Романовы. Исторические портреты. 1762-1917. М., 1997. С. 331-403; *Капустина Т.А.* Николай I // *Вопр. истории.* 1993. № 11-12. С. 27-49.

6. Записки *Николая I* // Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 11.
7. *Штейнгейль В.И.* Автобиографические записки // *Штейнгейль В.И.* Соч. и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 134.
8. См.: Записки *Ф.В.Булгарина* в III отделение. (Публ. А.И.Рейтבלата) // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 133-134.
9. См.: *Рахматуллин М.А.* Император Николай I и семьи декабристов // Отечественная история. 1995. № 6. С. 3-33.
10. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 36.
11. Вступление на престол императора Николая I в записках генерал-лейтенанта *[А. И.] Михайловского-Данилевского* // Рус. старина. 1890. № 11. С. 513-514.
12. ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 1. СПб., 1830. С. 175.
13. См.: *Кодан С.В.* М.М.Сперанский и систематизация законодательства в России // Советское государство и право. 1989. № 6; *Чибыряев С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1989. С. 138.
14. См.: *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 10.
15. Проект Г.А.Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Рус. старина. 1900. № 12. С. 615-616.
16. См.: *Троцкий ИМ.* Третье отделение при Николае I. Л., 1990. С. 14-15.
17. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собств. Его Имп. Величества канцелярии. Изд. 2-е. СПб., 1909. С. 34.
18. См.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 465-466.
19. Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику «Третьего отделения» // Рус. архив. 1889. Кн. 2. № 7. С. 396-397.
20. *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 259.
21. Рус. старина. 1900. № 12. С. 615.
22. Цит. по: *Ганцова-Берникова В.* Отголоски декабрьского восстания 1825 г. // Красный архив. 1826. Т. 3 (16). С. 190.
23. Петербургское общество в начале царствования императора Николая по донесениям М.Я.Фока А.Х.Бенкендорфу. Июль-сентябрь 1826 г. // Рус. старина. 1881. №9. С. 192.
24. См. о нем: *Рац Д.* «Отрицательно-добрый человек» // Факел. Историко-революционный альманах. [М., 1990.] С. 42-55.
25. Крестьянское движение 1827-1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 31-32.
26. Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 269.
27. Цит по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 133.
28. *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 258, 277.
29. *Пушкин А. С.* Полн.собр.соч. Л., 1949. Т. 12. С. 201.
30. *Рейтблат А.И.* Булгарин и III отделение в 1826-1831 гг. // Новое лит. обозрение. 1993. №2. С. 118.
31. *Греч НИ.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 269.
32. *Каратыгин П.П.* Бенкендорф и Дубельт // Ист. вестник. 1887. № 10. С. 174.
33. *Дубельт Л.В.* Заметки // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 127-171.

34. Сборник имп. Русского исторического общества. (Далее: Сб. РИО). СПб., 1891. Т. 74. С. XVI.
35. См.: Журналы Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сб. РИО. Т. 74. 502, С. XX, IV с.
36. История Франции. В. 3 т. М., 1973. Т. 2. Разд.: Июльская революция 1830 г. /Авт. *А.И.Молок*; *Орлик О.В.* Россия и французская революция 1830 г. М, 1968; *Ее же*: Передовая Россия и революционная Франция. М, 1973.
37. Воспоминания барона Бургоэна, французского посланника при санкт-петербургском дворе с 1828 по 1832. // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 220, 231-233.
38. *Богданович Т.* Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи. (Из неизданных бумаг графа Виктора Кочубея) // *Анналы*. 1924. С. 131-138: Между двумя войнами. (Эпизод из царствования императора Николая) // *Рус. старина*. 1881. № 7. С. 371-400.
39. См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888; *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.
40. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 290. (Авт. главы *Н.М.Дружинин*).
41. См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.;Л., 1946. Т. 1-2.
42. Цит. по: *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 144.
43. См.: *Белинский В.Г.* Полн.собр.соч. М., 1956. Т. 12. С. 436-439.
44. Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846-1849 гг. Сообщ. И.В.Майнов // *Рус. старина*. 1873. № 12. С. 912-913.
45. См.: *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев // *Русские реформаторы*. XIX - начало XX в. М., 1995. С. 92-98.
46. См.: *Иконников В.С.* Граф Н.С.Мордвинов. Историч. монография, сост. по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873; *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982 (гл. 2: «Друг наш Мордвинов»); *Ружицкая И.В.* М.А.Корф в государственной и культурной жизни России. // *Отечественная история*. 1998. № 2; *Долгих Е.В.* Д.Н.Блудов, М.А.Корф. К проблеме менталитета российской бюрократии первой половины XIX в. Автореф. дисс... М., 1995; *Ружицкая И.В.* Граф Е.Ф.Канкрин // *Преподавание истории в школе*. 1996. № 3.
47. *Пыпин А.Н.* Исторические очерки. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1873 (гл. 2: Народность официальная); *Шнем Г.Г.* Очерк развития русской философии // *Шнем Г.Г.* Соч. М., 1989; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and official nationality in Russia. 1825-1855. Berkley; Los Angeles, 1959. то же: 1969. Н.И.Цимбаеву термин «официальная народность» кажется неподходящим для определения данной идеологии (см. его вступительную статью к сб.: *Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников*. М., 1989. С. 30-31). Думается, напротив, что этот вошедший в научную литературу термин весьма удачен, отличаясь меткостью и емкостью. Конечно, ему, подобно многим другим, не чужда некоторая условность, - однако не более, чем таким общепринятым выражениям, как «славянофилы» и «западники». Употребленный же Н.И.Цимбаевым термин «казенный патриотизм» отражает лишь одну сторону господствовавшей при Николае I идеологии и не учитывает ее специфику в целом.

48. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Словарь живого великорусского языка» *В.И.Даля*. См. также: *Эймонтова Р.Г.* Реформы и просвещение в России XIX в. // Реформы и реформаторы в России. Сб. статей. М., 1996. С. 79-81.

49. См.: *Пиксанов Н.К.* Указ. соч. С. 152, 154, 169-171.

50. См.: *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 10-ти т. Т.7. М.: Л., 1951. С. 42-49, 663-664.

51. Записки *Ф.В.Булгарина* в III-е отделение. 2. Взгляд на общее мнение в России от вступления на престол императора Николая I до сего времени. Публ. *А.И.Рейтблота* // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 135.

52. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 311.

53. См.: *Погодин М.П.* Взгляд на российскую историю. Лекция // Уч. записки Моск. ун-та. 1833. Ч. 1. № 1. С. 11-12, 22.

54. *Булгарин Ф.В.* Соч. М., 1990. С. 26-27.

55. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 2. С. 41, 2-й паг.

56. О народном просвещении в России. (Всеподданнейшая записка попечителя Харьковского университета Перовского) // Рус. старина. 1901. № 5. С. 363-367.

57. *Печерин В.С.* Замогильные записки // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 166.

58. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1890. Кн. 3. С. 100-101.

59. Цит. по: *Фризман Л.Г.* Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец. Журнал И.В.Киреевского. 1832. М., 1989. С. 429.

60. См. о нем: *Шевченко М.М.* Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95-136; *Whittaker С.Н.* The origins of modern Russian education: an intellectual biography of count S.Uvarov, 1786-1855. Dekalb (Illinois), 1984.

61. *Григорьев В.В.* Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Ист. записка, сост. по поручению совета университета. СПб., 1870. С. 6-10.

62. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 219.

63. Цит. по: *Зорин А.Л.* Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX в.). М., 1996. С. 126.

64. См.: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. СПб., 1891. Кн. 4. С. 83 (текст доклада Уварова приведен на с. 78-85).

65. См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 267-268.

66. Интересное свидетельство об этом см.: *Погодин М.П.* О Карамзине как человеке и гражданине. Речь... // Соч. М., 1872. Т. 3. С. 159-160.

67. Цит. по: *Шевырев С.П.* История имп. Московского университета. М., 1855. С. 605.

68. См.: Красный архив. 1929. Т.6. С. 144-145; 1930. Т. 1. (38). С. 144; *Зорин А.Л.* Указ. соч. С. 105-128.

69. См.: *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 328-329.

70. Доклады министра народного просвещения *С.С.Уварова* императору Николаю I. Публ. *М.М.Шевченко*. <I>. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 70-72.

71. [*Уваров С.С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843. (Записка, представленная Государю Императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г. ...). СПб., 1864.

72. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. СПб., 1895. Кн. 9. С. 235-237. Николай I в 1849 г. так выразил свое отношение к славянскому вопросу (в заметках на полях письменных показаний арестованного III отделения И.С.Аксакова): «... Под видом участия к мнимому угнетению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, губительного для России!» (*Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844-1849. М., 1988. С. 501-502).

73. См.: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 284, 301.

74. Цит. по: *Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. С. 174.

75. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. СПб., 1893. Кн. 7. С. 285.

76. См.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М, 1985. С. 172-173.

77. *Песков А.М.* У истоков философствования в России: русская идея С.П.Шевырева // Новое лит. обозрение. 1991. № 7.

78. Возникновение русской науки о литературе. М. 1975.

79. Цит. по: *Аронсон М.* Поэзия С.П.Шевырева // Шевырев С.П. Стихотворения. Л., 1939. С. IX. (Б-ка поэта).

80. *Шевырев С.П.* История поэзии. Чтения... М, 1835. Т. 1. С. 3.

81. *Песков А.М.* Указ. соч. С. 132-134.

82. Цит. по: *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопр. философии. 1990. № 1. С. 104, 105. См. также С. 144.

83. См.: *Шевырев Степан Петрович.* [Автобиография] // Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 618.

84. О просвещении во Франции. Из Герри // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 7. С. 138.

85. Причина безнравственности во Франции, изъясненная Виктором Гюго // Там же. 1834. № 9. С. 550-553.

86. [Уваров С.С.] О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С.2.

87. *Дювержье.* О взаимном обучении // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. № 5. С. 114.

88. Там же. 1834. № 2. С. 272.

89. Там же. С. 273.

90. Записки композитора Алексея Федоровича Львова // Рус. архив. 1884. Вып. 4. С. 243-244.

91. *Глинка М.И.* Записки. М., 1988. С. 64, 65, 68-73.

92. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1832. С. XVI. Ст. 40.

93. См.: *Дмитриев С.С.* Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4.

94. *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 247.

95. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. С. XVI. Ст. 42.

96. Сб. РИО. Т. 113. С. 157.

97. *Никодим,* епископ красноярский. О Филарете, митрополите московском, моя память // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1877. Кн. 2. С. 57.

98. *Павский Герасим Петрович* // Русский биографический словарь. Том: Павел преподобный - Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 103-108.

99. Цит. по: *Миловский М.В.* Московская духовная академия в 1838-1842 гг. // Рус. архив. 1893. № 9. С. 49.
100. *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 341.
101. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. М., 1877. Кн. 2. С. 57.
102. См.: *Пиксанов Н.* Дворянская реакция на декабризм // Звенья. М.: Л., 1933. Сб. 2. С. 141, 142, 152-162, 165.
103. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1913. Т. 5. Ч. 2. С. 52.
104. *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 245.
105. *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 59.
106. См. также: Остафьевский архив князей Вяземских. Т.5. Ч. 2. С. 158-160.
107. *Пиксанов Н.К.* Указ. соч.; *Пугачев В.В.* К эволюции политических взглядов А.С.Пушкина после восстания декабристов // Уч. записки Горьковского гос. ун-та. Серия ист.-филол. 1966. Вып. 78.
108. Н.М.Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 1. С. 504.
109. *Жуковский В.А.* О воспитании великого князя наследника цесаревича: 1. План учения, 1826 г. // *Жуковский В.А.* Соч. Изд. 8-е, испр. и доп. Под ред. П.А.Ефремова. СПб., 1885. Т. 6. С. 348, 349 и др.
110. *Жуковский В.А.* Из дневников 1827-1840 гг. Публ. А.С.Янушкевича// Наше наследие. 1994. № 32. С. 36, 38, 39, 41.
111. *Жуковский В.А.* Письма к А.И.Тургеневу. М., 1895. С. 274-276.
112. *Жуковский В.А.* Из дневников 1827-1840 гг. С. 43, 44, 46; *Жуковский В.А.* Мысли и замечания. Публ. А.С.Янушкевича // Наше наследие. 1995. № 33. С. 46, 50, 51, 53, 61.
113. Цит. по: *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 205.
114. *Пушкин А.С.* Полн.собр.соч. М., 1951. Т. 10. С. 217, 341, 316. Далее сноски на это издание даются в тексте: римская цифра означает том, арабские - страницы.
115. См.: *Томашевский Б.* Пушкин и июльская революция 1830-1831 гг. (Французские дела 1830-1831 гг. в письмах Пушкина к Е.М.Хитрово) // *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824-1837). М.; Л., 1961. С. 291-344.
116. Цит. по: *Богданович Т.* Указ. соч. С. 132; Красный архив. 1930. Т. 1. (38). С. 138.
117. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.;Л., 1949. Т. 12. С. 199.
118. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 322.
119. Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827-1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 141-169; 1930. Т. 1. (38). С. 109-115.
120. *Рейтблат А.И.* Булгарин и III отделение в 1826-1831 гг. // Новое лит. обозрение. 1993. №2. С. 120.
121. *Штейнгель В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 153.
122. *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 574-575, 584-585, 595, 609.
123. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990. С. 279-280.
124. Текст ее см.: [*Дубровин Н.Ф.*] Ф.В.Булгарин после 14-го декабря 1825 г. Сообщ. Н.Д. // Рус. старина. 1900. № 9. С. 579-591.

125. Текст опубликован в кн.: *Модзалевский Б.Л.* Пушкин под тайным надзором. Очерк. 3-е изд. Л., 1925. С. 35-51.
126. *Рейтблат А.И.* Указ. соч. С. 121, 124.
127. См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 300-312.
128. *Булгарин Ф.В.* Соч. М., 1990. С. 26; Записки Ф.В.Булгарина в III отделение // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 136.
129. *Штейнгейль В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 155.
130. Иного мнения придерживается А.Янов, видящий в Булгарине «социального мыслителя высокого ранга» - более крупного по сравнению с Уваровым и Погодиным (*Янов А.* Загадка Фаддея Булгарина // *Вопр. литературы.* 1991. № 9-10).
131. Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 276.
132. Там же.
133. Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 269.
134. Там же. С. 317.
135. См.: *Каверин В.* Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., Наука, 1966.
136. *Сенковский О.И.* (Барон Брамбеус). Собр. соч. Т. 1. СПб., 1858, С.396-406.
137. Библиотека для чтения. 1834. № 5. Отд. VII. С. 83.
138. *Одоевский В.* О вражде к просвещению // *Современник.* 1836. № 2. Наряду с Сенковским имелся в виду, по-видимому, М.Н.Загоскин, а может быть, и другие авторы.
139. [Сенковский О.И.] (Подп.: Барон Брамбеус). Брамбеус и юная словесность // Библиотека для чтения. 1834. № 5. С. 37, 38.
140. *Никитенко А.В.* Дневник. Т.1. М., 1955. С. 134 (запись 16 янв. 1834 г.).
141. Выписки из писем графа А.Х.Бенкендорфа к императору Николаю I о Пушкине // *Старина и новизна.* СПб., 1903. Кн. 6. С. 7-8.
142. Цит. по: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 443.
143. См. о нем: *Орлов Вл.* Молодой Краевский // *Орлов Вл.* Пути и судьбы. Л., 1971. С. 449-504.
144. *Белинский В.Т.* Полн.собр.соч. М., 1953. Т. 3. С. 247.
145. Там же. С. 413.
146. См. о нем: *Немзер А.С.* Бурачок Степан Анисимович // *Русские писатели. 1800-1917.* Биогр. словарь. Т. 1. А-Г. М., 1989. С. 364-365.
147. Маяк. 1842. Кн. 11. Гл. 4. С. 46.
148. Маяк. 1842. Т.3. № 6. С. 72.
149. См.: *Осьмакова Н.И.* Корсаков Петр Александрович // *Русские писатели. 1800-1917.* Биогр. словарь. Т. 3. К-М., М., 1994. С. 88-90.
150. *Бурачок С.* Указ. соч. С. 70.
151. Там же. С. 32.
152. Там же. С. 95-96.
153. *Григорьев Ан.* Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Григорьев Ан.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 275, 277, 279, 282.
154. См.: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. СПб., 1890. Кн. 3. С. 1-2.
155. См.: *Усакина Т.Н.* Памфлет М.Н.Загоскина на П.Я.Чаадаева и М.Ф.Орлова // *Усакина Т.И.* История, философия, литература (Середина XIX в.). Саратов, 1969. С. 11-12.

156. См.: *Погодин М.П.* Параллель русской истории с историей западноевропейских государств относительно начала (1845) // *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1.
157. *Погодин М.П.* Петр Великий // *Москвитянин*. 1841. № 1.
158. *Москвитянин*. 1842. № 4. С. 514.
159. *Шевырев С.П.* Взгляд русского ... // *Москвитянин*. 1841. № 1. С. 284.
160. *Москвитянин*. 1842. № 4. С. 489.
161. См.: *Дмитриев С.С.* Славянофилы и славянофильство // *Историк-марксист*. 1941. № 1. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории рус. общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.
162. *Аксаков И.С.* Биография Ф.И.Тютчева. М., 1886. С. 77-81.
163. *Погодин М.П.* Воспоминание о Ф.И.Тютчеве // *Лит. наследство*. М., 1989. Т. 97. Кн. 2. С. 28, 25.
164. *Аксаков И.С.* Биография Ф.И.Тютчева. С. 6, 64.
165. Тютчев в Мюнхене. (Из переписки И.С.Гагарина с А.Н.Бахметевой и И.С.Аксаковым). Публ. А.Л.Осповата. // *Лит. наследство*. Т. 97. Кн. 2. С. 45-46, 53.
166. Карл Пфедфель о Тютчеве. Публ. К.В.Пигарева // Там же. С. 34.
167. *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // *Тютчев Ф.И.* Политические статьи. Paris, 1976. С. 7-31.
168. См.: *Осоват А.Л.* Новонайденный политический меморандум Тютчева. К истории создания // *Новое лит. обозрение*. 1992. № 1. С. 89-97.
169. Там же. С. 89.
170. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. В. 14 т. М., 1951. Т. 7. С. 383.
171. Там же. М., 1952. Т. 8. С. 413-414.
172. См. об этом: *Эймонтова Р.Г.* Непризнанный пророк примирения (Гоголь и прощение России) // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 155-183.
173. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Пер. с нем. М., 1940. Т. 1. С. 158.
174. См.: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 г. М., 1949. С. 217-218.
175. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 500.
176. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1848. Т. 71. № 284. С. 443-451.
177. Там же. Т. 73. № 289. С. 113-128.
178. К истории ссылки Салтыкова. Сообщ. М.Панченко // *Лит. наследство*. М., 1934. Т. 13-14. С. 481-492.
179. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 285; *Хомяков А.С.* Полн.собр.соч. М., 1904. Т. 8. Письма. С 172; *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 312.
180. *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 326, 315, 314.
181. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. СПб., 1896. Кн. 10. С. 538. См. также С. 530-531.
182. См.: Дневник графа *П.А.Валуева* // *Рус. старина*. 1891. № 4. С. 172 (запись 16 марта 1848 г.).
183. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т.2. Отд-ние 2. Стб. 1041-1047.
184. *Рус. старина*. 1872. № 10. С. 448-450.
185. Подробнее см.: *Эймонтова Р.Г.* Указ. соч. примеч. 76.
186. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 311, 348.
187. Мемуары П.П.Семенова-Тян-Шанского. Пг., 1917. Т. 1. С. 207.
188. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 315.

189. См.: [Хрущов Д.П.] Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860, Vol. 1. С. 77-78; *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 189.
190. Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846-1849 гг. Сообщ. И.В.Майнов // Рус. старина. 1873. № 12. С. 928-938.
191. *Жуковский В.А.* Соч. Изд. 8-е. Т. 6. С. 540.
192. Рус. архив. 1868. № 9. Стб. 1470.
193. *Жуковский В.А.* О происшествиях 1848 г. // Соч. Изд 8-е. Т. 6. С. 145-160.
194. *Жуковский В.А.* Письма к государю наследнику цесаревичу Александру Николаевичу // Там же. С. 537-589.
195. Там же. С. 587-588.
196. Там же. С. 571-572.
197. Там же. С. 543, 548, 546, 541.
198. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 272-273.
199. *Тютчев Ф.И.* Политические статьи. Paris, 1976. С. 32-50.
200. *Тютчев Ф.И.* Незавершенный трактат «Россия и Запад». Публ. К.В.Пигарева. Вступит статья В.В.Кожина. Комментар. Л.Р.Ланского // Лит. наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 183-230
201. *Лэйн Р.* Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х - начала 1850-х годов // Там же. С. 231-252.
202. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 269.
203. *Гоголь Н.В.* Поли. собр. соч. М., 1952. Т. 14. С. 87.
204. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Указ. соч. Кн. 9. С. 288, 282-285.
205. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 313, 338.
206. *Тютчев Ф.И.* Соч. в 2-х т. М., 1984. Т. 2. Письма. С. 231, 357. См. также: Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 269.
207. См.: Записи о Тютчеве в дневнике М.П.Погодина (1820-1873) // Лит. наследство. Т. 97. Кн. 2. С. 10-13.

Глава III.

В ЭПОХУ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА (1856-1866гг.)

1. КОНСЕРВАТИЗМ В ОБОРОНЕ (1855-1859 гг.)

Обычно новый общественный подъем в России связывают с окончанием Крымской войны и заключением неудачного для страны мирного договора. В принципе так оно и было, но оживление в обществе прослеживается несколько раньше, еще во время войны, и эта на первый взгляд незначительная деталь вносит определенные коррективы в широко распространенные представления о том, как пришли в движение различные слои российского общества. Еще известный историк А.А.Корнилов, основательно занимавшийся историей XIX столетия и бывший одним из видных деятелей кадетской партии, в своих работах начала нынешнего столетия развернул достаточно убедительную систему доказательств в пользу этого утверждения. Он подчеркивал, что, «хотя до конца царствования (Николая I. - В.Г.) все реакционные меры, принятые после 1848 г, формально оставались в силе, однако же люди чуткие уже в 1853 г. почувствовали приближение оттепели»¹.

А.Корнилов привел ряд фактов, убедительно свидетельствующих об общественных переменах уже в 1853-1855 гг. Это и послабления в отношении преследовавшихся литераторов, например И.С.Тургенева и М.Е.Салтыкова-Щедрина, и довольно смелые выступления в «Современнике» Н.Г.Чернышевского, и появление ряда обличительных записок как западников, так и славянофилов, прежде всего Т.Н.Грановского, А.И.Кочелева, Ю.Ф.Самарина. Даже М.П.Погодин - один из апологетов «официальной народности» и в середине 50-х годов видный представитель консервативных кругов - проникается оппозиционными, более того, обличительными настроениями и пытается через министра императорского двора В.Ф.Адлерберга передать свою довольно резкую записку императору. Важным симптомом начавшегося подъема было празднование 100-летия Московского университета, по мнению того же Корнилова, не гармонизировавшего с мрачной эпохой предшествовавшей реакции², а по словам академика Н.М.Дружинина, «празднование столетнего существования Московского университета было не только открытой общественной демонстрацией, но и первой капитуляцией самодержавия, симптомом начавшегося "кризиса верхов"»³.

При всей схожести смены общественных настроений от Павла I к Александру I и от Николая I к Александру II, все-таки были заметные отличия. Конечно, и в том и в другом случае роль императора в изменении государственной политики и, соответственно, общественного настроения была чрезвычайной. И Александр I, и Александр II сыграли весьма значительную роль в зарождении и становлении российского либерализма, и без их личного вмешательства это течение было бы намного слабее. Фигура царя-реформатора давно стала предметом особого изучения и, казалось бы, основные материалы, связанные с его личностью, уже освоены и осмыслены. Упомянутый А.Корнилов не без основания писал, что Александр II не был рожден реформатором. В его биографии до того как он получил родительский престол прослеживаются определенные идейные зигзаги, тесно связанные с настроениями его венценосного отца. Любопытно одно из писем опального декабриста М.А.Фонвизина, относящееся еще к апрелю 1842 г. и предназначенное другому видному декабристу - И.И.Пушину. В далекой Сибири Фонвизин столкнулся с одним из прибывших из Петербурга и поведавшим о том, что все умы заняты упразднением крепостного права в стране и что главный виновник таких разговоров - П.Д.Киселев, «который сумел передать свои убеждения императрице и наследнику, а через них и самому царю»⁴.

Однако со все большим поворотом Николая I в сторону реакции вместе с отцом правел и наследник. Более того, по мнению исследователей, по отношению к крестьянскому вопросу Александр Николаевич был даже правее, чем его отец, и во всех комитетах по крестьянскому делу он неизменно поддерживал помещичьи права и интересы⁵. Когда он получил престол, консервативная Россия выражала свое удовлетворение и отнюдь не предполагала начала новой эры, ознаменованной целым каскадом разнообразных реформ. Для подавляющего числа представителей консервативных кругов сближение императора с либералами было неожиданным и даже ошеломляющим, причем до такой степени, что значительная часть из них оказалась в состоянии оцепенения и потеряла волю к сопротивлению. Лишь очень немногие знали об эволюции взглядов будущего императора, начавшейся к концу правления Николая I⁶. Нужно отдать должное наследнику, четко уловившему потребности страны, тем более что окружение его не было заражено вирусом либерализма. Более того, если Александра I окружала группа его близких друзей, разделявших его тогдашние воззрения, то вокруг Александра II в этом отношении была, скорее, прочная пустота и, казалось, преодолеть ее не будет никакой возможности. Нового императора окружали николаевские вельможи, верно служившие ему не одно десятилетие и не позволявшие себе каких-либо вольностей.

Историк Н.Рожков дает убийственные характеристики николаевскому окружению и, пожалуй, за исключением П.Д.Киселева, да и то с рядом оговорок, никто из них не получил сколь-нибудь позитивной оценки. Один из самых приближенных Николая I, А.Ф.Орлов, был невежествен и ленив не менее Бенкендорфа⁷. Досталось от историка и С.С.Уваро-

ву, и А.И.Чернышеву, и М.С.Воронцову - практически всему николаевскому окружению. Но маститый историк в своих характеристиках явно увлекся бичеванием. Тот же А.Ф.Орлов, при всей его приверженности духу охранительности, был крупным дипломатом, заключившим Адрианопольский трактат 1829 г. - один из самых благоприятных для страны. Он показал свое искусство и во время Парижского конгресса 1856 г. В целом нельзя обрисовывать одной черной краской все николаевское окружение. Были среди них и способные, образованные, государственно мыслящие сановники. Многие из них были активными участниками Отечественной войны 1812 года, но стать сподвижниками нового императора они в большинстве своем не могли по простой причине своего предельного возраста. Берясь за серьезное дело преобразования России, Александр II практически не имел своей команды. Несколько лучше обстояло дело в составе императорской фамилии, роль которой в государственной политике и общественной жизни начинает возрастать. Здесь у нового императора было два верных сподвижника, нередко более последовательных и активных, чем он сам. Прежде всего речь идет о его брате Константине Павловиче и вдове его дяди - Михаила Павловича - Елене Павловне. Оба они относятся к выдающимся деятелям реформы и к вдохновителям новой волны русского либерализма.

Речь идет именно о новой, большой волне русского либерализма. Она была столь значительна, что позволила видному специалисту по истории общественного движения Ш.М.Левину высказать следующие слова: «Строго говоря, настоящая история русского либерализма как крупного общественного течения теперь именно, в середине 50-х годов, и начинается»⁸. Обращаем внимание на то, что известный автор исследовал либерализм на этапе его превращения именно в крупное общественное течение, а отнюдь не его зарождения как такового, последовавшего еще в начале века, хотя и тогда это течение отнюдь не может рассматриваться как слабое и маловлиятельное, будучи поначалу поддержано самим императором Александром I.

Настроения середины 50-х годов во многом походили на те, что имели место в начале века, и если, вспоминая события первых лет правления Александра I, Н.Греч подчеркивал, что все хотели быть либералами, то примерно в том же духе писал летом 1856 г. другой мемуарист - К.Н.Лебедев, отметивший: «... в современной атмосфере искренне или притворно - все либералы»⁹. Но постепенно укрепляя свои позиции, либералы явно нуждались в поддержке со стороны близких им по духу могущественных бюрократов. Эти настроения хорошо прослеживаются в том же 1856 году. В марте этого года один из лидеров западников К.Д.Кавелин писал о больших надеждах, возлагавшихся в обществе на «стариков» - таких крупных сановников, как П.Д.Киселев и Д.Н.Блудов, и все с ужасом думали, что будет, если они умрут¹⁰. Сколь значительную роль играли в подъеме либерального движения буквально осколки либерализма начала века, хорошо осознавали и представители консервативной «партии». Понимая, что мода дня значительно изменилась и выступать в от-

крытую им будет очень трудно, консерваторы предпочли использовать метод тонкой политической интриги, прежде всего в дворцовых кругах. Первый, против кого они направили свой удар, был П.Д.Киселев.

В условиях надвигающейся крестьянской реформы не было более крупного специалиста по крестьянскому вопросу, естественно в кругах правительственных бюрократов, нежели бывший адъютант Александра I. В его руках было созданное им Министерство государственных имуществ со слаженным и подобранным им самим аппаратом, прекрасно разбиравшемся во всех тонкостях сельского хозяйства и крестьянской жизни. И хотя ему было уже 68 лет (в момент написания письма К.Д.Кавелина), министр государственных имуществ был еще силен и крепок и достаточно активен. При всем том, что за его жизнь опасались близкие ему по духу либералы, прожил он еще 16 лет. Помещицья «партия» видела в нем, кстати, тоже хозяйствующем помещике, своего главного противника и именно против него направила свой первый удар. Но этот удар был так завуалирован, что трудно было даже понять, откуда и от кого он исходил. Еще видный историк Н.П.Барсуков в своей фундаментальной, 22-х томной работе о М.П.Погодине подчеркивал, что перемещение Киселева «состоялось не без влияния сильной придворной партии из противников освобождения крестьян»¹¹. Император сам пытался подсластить пилюлю, видимо, не зная точной подоплеки интриги. Он предложил Киселеву пост посла в Париже, в то время чрезвычайно важный, поскольку он должен был осуществить сближение с Францией, что ему, кстати, удалось. В беседе с Киселевым Александр II сказал, что он просит даже не о согласии, а о пожертвовании¹², и таким путем самый достойный государственный деятель, вполне способный возглавить проведение реформы, был от нее, по существу, отстранен. Правда, Киселеву позволили самому избрать преемника, и новым министром стал В.А.Шереметев, но ему не долго довелось управлять министерством. Скорая его кончина привела к тому, что буквально через несколько месяцев после ухода Киселева министерство возглавил один из лидеров российских консерваторов М.Н.Муравьев, сразу же начавший проводить совсем иную политику, чем это было при Киселеве.

Порадовали поначалу консерваторов и некоторые другие смены, осуществленные императором в то время. Еще до отставки Киселева, осенью 1855 г. пришлось оставить службу министру внутренних дел Д.Г.Бибикову, считавшемуся защитником крестьянских интересов в Западном крае, на которого вели активное наступление белорусские и литовские помещики. Бибикив не без помощи Николая I пытался улучшить быт белорусских крестьян и приступил там к распространению инвентарных правил, но встретил негодование помещицьеи группировки. Если к этому добавить, что на место защитника крестьянских интересов был поставлен С.С.Ланской, относившийся к приверженцам помещицьеи «партии»¹³, то не вызывает удивления неприкрытое ликование консерваторов, поспешивших убедить себя в благоприятном течении дел. Ведь Бибикив имел столкновения с наследником еще при Николае I¹⁴.

Однако перемещения П.Д.Киселева и Д.Г.Бибикова были лишь пирровыми победами тогдашнего консерватизма. Императору еще не раз приходилось обращаться за советами к Киселеву, и эти советы имели свое действие, а Ланской окружил себя советниками, активно готовившими проведение реформы. Поначалу им были призваны П.И.Мельников и А.И.Левшин, а затем и племянник П.Д.Киселева Н.А.Милютин, ставший выдающимся деятелем реформы. Сам Ланской явно эволюционировал влево, и уже вскоре консерваторы и его стали считать ненавистником дворянского сословия¹⁵. Вообще среди сановных бюрократов той поры подобное изменение взглядов не было исключением¹⁶, и первопричиной таких метаморфоз была установка самого императора на реформу. Опасения консервативного лагеря все более усиливались, особенно, когда они убеждались в решительной нацеленности императора на реформу. Оснований для смущения было более чем достаточно. Действительно, когда Ланской опубликовал свой первый циркуляр предводителям дворянства, где со ссылкой на Александра II утверждалась незыблемость привилегий дворянства и говорилось о дворянстве не только как о твердой опоре Отечества, но и как о верном сподвижнике державной власти, либеральные круги охватило уныние, а консерваторы, ликуя, бросились его раскупать с такой скоростью, что пришлось издать циркуляр повторно¹⁷. Но затем следует знаменитая московская речь императора перед дворянством, речь столь неожиданная, что даже сам Ланской, как свидетельствует литература, поначалу ей не поверил¹⁸.

История произнесения этой речи, неоднократно комментировавшаяся, все-таки заслуживает особого внимания. Не кто иной как московский генерал-губернатор, откровенный крепостник, пропитанный, по словам славянофила А.И.Кошелева, правилами покойного императора¹⁹, то есть Николая I, попросил Александра II успокоить московское дворянство, встревоженное различными слухами о предстоящих преобразованиях. Но эта московская речь 30 марта 1856 г. оказалась совсем не той, которую ожидали представители консервативной «партии». Их настроения резко ухудшились, когда они осмыслили и речь в целом, и ту ее часть, особенно их озадачившую. Эти слова, ставшие широко известными не только по всей России, но и далеко за ее пределами, были следующими: «Я убежден, что рано или поздно мы к этому должны прийти... Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»²⁰. Поскольку речь шла о ликвидации крепостного права и проведении крестьянской реформы, то у консерваторов были основания для печали, тем более что они видели, как оживились их противники из либерального лагеря.

Но консервативная «партия» не собиралась складывать своего оружия. Она хорошо знала настроения широких дворянских кругов и видела в них свою достаточно прочную опору. А землевладельческое дворянство в своем подавляющем большинстве было против глубокой крестьянской реформы. Карл Маркс, внимательно следивший за событиями в

России из Англии, написал об этом в двух своих статьях, специально посвященных этой теме²¹.

Консервативные круги, убедившись в истинных воззрениях императора, стремились использовать в своих целях не только общее недовольство землевладельческого дворянства, но и те институты, которым было поручено подготавливать эту реформу. К их числу прежде всего относился Секретный комитет по крестьянскому делу, созданный 3 января 1857 г. и продолживший традицию подобного рода комитетов предшествующей поры²². Комитет был создан самим императором, самостоятельно подобравшим его состав и председательствовавшим на заседаниях. Но в отсутствие царя, а такие отсутствия были неоднократными, заседания было поручено вести А.Ф.Орлову, которому шел 71-й год и который по возрасту был старше Киселева. Бывший главный начальник III-го отделения и шеф жандармов отличался крайне консервативными взглядами и, будучи крупным земельным собственником, вполне разделял взгляды крепостнической «партии». Он фактически был противником намечавшейся реформы и, на первый взгляд, его назначение свидетельствовало о намерении императора свести реформу до простой формальности. Все остальные члены Комитета, а их было всего 14 человек, также были людьми весьма почтенного возраста и, как правило, по своим взглядам мало отличались от А.Ф.Орлова. Исследователи, которые основательно изучили состав и деятельность Секретного комитета, единодушно оценивают его как консервативный и даже крепостнический, поскольку большинство его членов вполне могут быть отнесены к лидерам консервативной «партии»²³. Кроме Орлова откровенными крепостниками были М.Н.Муравьев, П.П.Гагарин, В.А.Долгооруков, В.Н.Панин. Ряд членов комитета занимали как бы промежуточные, порой колеблющиеся позиции. Поначалу к ним относился весьма близкий к императору Я.И.Ростовцев, а также М.А.Корф, В.Ф.Адлерберг, П.Ф.Брок, К.В.Чевкин. К числу же сторонников реформы могут быть причислены в момент создания Комитета разве что С.С.Ланской и Д.Н.Блудов, люди тоже весьма для того времени преклонного возраста, первый 1787-го, а второй 1785-го года рождения. Они были по возрасту старше Киселева, что еще раз свидетельствовало о том, что причины перемещения знаменитого министра государственных имуществ отнюдь не были связаны с возрастом.

Такой состав Секретного комитета дал вполне убедительные основания для того, чтобы сделать в литературе вывод о направленности политики его членов. Как пишется в специальных работах, абсолютное большинство членов Секретного комитета было противниками освобождения крестьян²⁴. Они «недоверчиво относились к задуманному государем преобразованию, считая его и преждевременным и обильным опасными последствиями. Усилила их клонились к тому, чтобы, по возможности, затормозить дела, а если и осуществить, то в самых ограниченных размерах»²⁵. Характерна в этом отношении позиция управляющего делами Комитета, самого младшего по возрасту его члена (ему тогда было 33 года) - В.П.Буткова. Поначалу он был человеком довольно консервативных

взглядов, близким по своим воззрениям к А.Ф.Орлову. Эта ориентация на бывшего шефа жандармов привела к тому, что он не только затягивал решение вопроса, но и прямо вредил делу освобождения крестьян. Без сомнения, лично Бутков был в момент включения в состав Комитета противником реформы.

Нет ничего удивительного в том, что такой Секретный комитет, имея своей задачей реформирование страны, не стремился ее решать в позитивном плане, замедлял ход решения дел, изобретая все новые и новые проволочки. В этой связи невольно напрашивается вопрос: почему император подобрал такой состав этого архиважного органа общегосударственного значения? Без сомнения, это объяснялось прежде всего отсутствием необходимого количества высших сановников, откровенно поддерживавших реформирование деревни. Поставить в один ряд с первейшими чинами людей второго и третьего ранга не представлялось никакой возможности. Но император предпочел свою, особую тактику настойчивого подталкивания видных бюрократов к благоприятному для себя решению. И постепенно на позиции реформы переходит один член Комитета за другим. Видными деятелями реформы становятся прежде всего Я.И.Ростовцев, затем К.В.Чевкин, а далее и В.П.Бутков. Однако потребовалось еще одно решительное вмешательство Александра II в деятельность Комитета. В его состав в июле 1857 г. включается великий князь Константин Николаевич, который стал играть в Комитете активную роль. Однако за основу последующей деятельности по реформированию страны был принят не проект Комитета, опубликованный в его журнале 18 августа 1857 г. и фактически намечавший дальнейшую оттяжку реформ, а записка Министерства внутренних дел - явное свидетельство того, что император решил ослабить роль Комитета в преобразованиях. Но, тем не менее, когда в феврале 1858 г. Секретный комитет был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу и стал гласно проводить свою работу, его состав остался неизменным. Как давно отмечено в литературе, «большинство в Главном комитете продолжало не сочувствовать делу преобразования»²⁶.

Между Главным комитетом и Министерством внутренних дел продолжали оставаться существенные противоречия, и первый из них вполне может рассматриваться как консервативный центр по проведению, или, скорее, парализации реформы. Еще Секретный комитет в январе 1858 г. отвергает проект Министерства, по существу поддерживавший предложения тверских либералов и противостоявший устремлениям московского дворянства, большинство которого занимало откровенно консервативные позиции. Московское дворянство в этом отношении не было одиноком. Большинство землевладельческого дворянства продолжало придерживаться крепостнической линии, и его настроения даже после обнародования высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора от 20 ноября 1857 г. хорошо передал славянофил А.И.Кошелев: «Все губернии, одна за другой, хотя и с горем в душе, изъявили готовность приступить к указанному великому делу - улучшения быта крепостных крестьян»²⁷.

«С горем в душе» продолжал дальнейшую работу и Главный комитет, тесно связанный с дворянскими губернскими комитетами, где явно выделилось так называемое большинство и меньшинство. Летом 1858 г. в двух номерах герценовского «Колокола» публикуется большая статья «Программа для занятий губернских комитетов», где хорошо передается настроение той поры и явно заметный раскол в правительственных верхах, получивший распространение на ситуацию в губерниях. Говоря о визитах предводителей дворянства в Петербург, автор подчеркивал, что «они уезжали из правительственной столицы успокоенные, уверенные в окончательном торжестве старого порядка вещей, и всюду разнося за собой убийственную для народа молву о бессилии государя...»²⁸.

В Московском комитете лидером крепостнического большинства вскоре становится бывший главнокомандующий крымской армией князь А.С.Меншиков, столкнувшийся с руководителем либерального меньшинства Д.А.Ровинским. Как и во многих других комитетах, здесь также разгорелась борьба по поводу размеров крестьянских усадеб. Большинство московских депутатов высказалось против перехода усадебной земли в собственность крестьянства. Серьезные дебаты вызвал вопрос о размерах и формах крестьянских повинностей. Решение Московского комитета отражало победу консервативных слоев дворянства, допустившего отмену крепостного права, поскольку это было требованием времени и соответствовало воле императора, выступавшего за сохранение феодальной системы эксплуатации крестьянства. Предоставление крестьянам гражданских прав сопровождалось, по мнению Московского комитета, признаками явного ухудшения их экономического положения. Более того, если бы решения этого комитета были проведены в жизнь, то это означало бы полное подчинение крестьян бывшим крепостникам и в юридическом, и в экономическом плане²⁹.

Н.П.Огарев посвятил деятельности этого комитета обширную специальную статью, которая так и называется «Московский комитет», опубликованную в четырех номерах «Колокола». В заключении, довольно обширном и доказательном, он пришел в печальному и вполне определенному выводу: «С подобными комитетами Россия будет волочиться в грязи, а не идти вперед по пути своего развития»³⁰. Но в том-то и дело, что Московский комитет, к деятельности которого было обращено внимание всей России и о работе которого Огарев писал со множеством всевозможных деталей, не был для той поры редким исключением.

Известная мемуаристка А.Ф.Тютчева описала свои впечатления от посещения в августе 1858 г. Нижнего Новгорода. По ее словам, губернатор А.Н.Муравьев, открыто выступавший за эмансипацию крестьян, столкнулся с местным дворянством, а это дворянство, по словам Тютчевой, «здесь более цепко и упорно держится крепостного права, чем где бы то ни было. Во главе оппозиции стоят Шереметев и некий Стремюхов». Мемуаристка далее пишет о приезде Шереметева из Петербурга и о тех слухах, которые он распускал, пытаясь доказать поворот в уме государя, переставшего ратовать за освобождение крестьян, и «это сильно

приободрило непримиримых и утвердило их в фрондирующем настроении»³¹. Большинство Нижегородского губернского комитета потребовало установить выкуп за личное освобождение крестьян, и это вызвало резкое столкновение между большинством и меньшинством, причем до такой степени, что губернатор Муравьев был вынужден обратиться к министру С.С.Ланскому, а тот незамедлительно составил по этому поводу специальную записку и довел ее до сведения самого императора. Мнение Александра II было вполне категоричным, и уже несколько позднее в том же самом Нижнем Новгороде стали распространяться слухи о том, что «государь - красный», и нет уже более никаких надежд³².

Решение по Нижегородскому комитету имело принципиальное значение, и Главному комитету пришлось на него в дальнейшем ссылаться и руководствоваться при оценке постановлений других комитетов. В соответствии с этим решением было отклонено 24 декабря 1858 г. ходатайство Воронежского комитета, предусматривающее вознаграждение помещиков за потерю ими крепостного права³³. «Нижегородский прецедент» наглядно показал поддержку императором меньшинства в губернских комитетах и одновременно его одобрение действий Министерства внутренних дел в пику Главному комитету, вынужденному поддерживать волю императора. Консервативным кругам пришлось уступать одну позицию за другой, но ни о какой капитуляции они не помышляли. Слишком хорошо они знали о настроении большинства землевладельческого дворянства, так же как хорошо об этом знало и правительство. Изучение отчетов III-го отделения за вторую половину 50-х годов свидетельствует о неприятии помещиками подготовлявшейся крестьянской реформы. В отчете за 1858 г. прямо писалось, что «большая часть помещиков смотрит на это дело как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение»³⁴. Еще до этого, в отчете за 1857 г., было выражено беспокойство многих дворян, их страхи перед упразднением крепостного права, и вообще в ликвидации у них власти над крестьянами они усматривали «уничтожение дворянства»³⁵. В отчете за 1859 г. уже отражено то явление, которое получило впоследствии название как «хождение в народ», и отмечены первые случаи сближения разночинцев с народом. В отчете говорилось: «Повторяющиеся случаи путешествия таких людей, которые сближением своим с простым народом, особенно при нынешнем ожидании помещичьими крестьянами свободы, могут подать повод к беспорядкам». Действительно, это явление привлекло внимание министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и главного начальника III-го отделения, которые наметили формы борьбы с ним³⁶.

Разные круги русского общества использовали намечившееся оживление с разными целями. Либералы требовали проведения реформы, ссылаясь на возможные восстания и погромы, консерваторы указывали на них с тем, чтобы предотвратить реформу по существу или по мере возможности урезать ее до минимума. Так получилось, что интересы консерваторов в значительной степени отстаивали в Главном комитете, предложения либералов находили отражение в планах и действиях Министерства внут-

ренных дел. Новый этап борьбы нашел свое выражение в работе редакционных комиссий, открывших свои заседания в марте 1859 г. Само их создание следует расценить как очередное поражение консервативных сил и ослабление роли Главного комитета. Не случайно Н.П.Огарев, внимательно следивший за ходом подготовки реформы, даже посчитал нужным подчеркнуть в своей новой статье в «Колоколе» за сентябрь 1859 г., что «очевидно - Главный комитет утратил свою главность и становится ненужным»²⁷. Хотя Главный комитет был упразднен лишь 19 февраля 1861 г., его роль в проведении реформы заметно ослабляется. Консервативные силы это хорошо почувствовали и перенесли свое сопротивление на другие сферы. Одной из них была попытка усилить свое участие в идейной борьбе того времени, но как раз в этой области консерваторы чувствовали себя особенно неуютно.

Оплот николаевского охранительства, казавшийся столь основательно построенным, на поверку оказался довольно зыбким. С началом нового царствования, почувствовав новые мотивы, зазвучавшие с самого верха, уступают свои позиции наиболее ретивые проводники «официальной народности». Многие видные ее деятели в самом начале правления нового императора были еще живы и не очень стары. Н.А.Иванову в 1855 г. было всего 42 года. Он, как известно, пытался разработать собственные взгляды на судьбы России, сочетая основные принципы официальной народности с гегелевской философией. Именно он, фактический автор книги «Россия...», завершенной в 1837 г. и присвоенной Ф.Булгариным, казалось бы, относился к искренним проводникам консервативной идеологии. Но как раз в 50-е годы отмечается его явное ослабление и в научной, и в общественной деятельности. Бывший профессор переходит на работу в гимназию, и о его последующей жизни почти ничего не известно.

Не большей активностью отличалась и известная тройца - Булгарин, Греч и Сенковский. Первым из них скончался в 1858 г. самый молодой и, пожалуй, наиболее даровитый из них «барон Брамбеус», то есть О.И.Сенковский. Через год, в 1859 г., не стало Ф.В.Булгарина, разбитого параличом еще в 1857 г. Дольше всех из членов литературного комитета прожил Н.И.Греч, скончавшийся в 80-летнем возрасте в 1867 г. Их главный рупор - газета «Северная пчела», некогда популярное издание, пользовавшееся покровительством верхов и прежде всего III-го отделения²⁸, к середине 50-х годов потеряла свое прежнее влияние. Фактически она прекратила свое существование в 1859 г., поскольку новый ее редактор - издатель П.С.Усов, принявший газету в 1860 г., изменил направленность газеты, которая стала уже либеральным органом, но и это не прибавило ей авторитета, и в 1864 г., на сороковом году издания, «Северная пчела» перестала выпускаться. Такова судьба чуть ли не главного печатного органа деятелей официальной народности. Н.И.Греч еще работал, в 60-е годы он издал свою очередную русскую грамматику, писал мемуары, но никакого влияния на жизнь общества уже не оказывал. Его настроения накануне реформы хорошо известны. Он по-прежнему был предан Николаю I и в сердцах писал, что «благодетельствованные, возвеличенные им люди

восстали на него бессовестно и бесстыдно»³⁹. Н.Греч так и остался чело-
веком николаевского царствования, хотя в молодости он был либералом.
Он пережил реформу и дождался новой консервативной волны.

Пережил реформу и такой деятель официальной народности, как про-
фессор и академик С.П.Шевырев, скончавшийся в 1864 г. Но и он, кото-
рому в 1855 г. не было и пятидесяти лет, в новых условиях не смог играть
сколь-нибудь заметной роли. Издававшийся им и его соратником
М.П.Погодиным журнал «Москвитянин» прекратил свое существование
в 1856 г. Настойчивый проводник идеи процветания России и гибели За-
пада не смог выстоять, несмотря на то что с начала 50-х годов в состав
его редакции вошли молодые и талантливые силы, среди которых были
А.Н.Островский, А.Ф.Писемский, П.И.Мельников (Печерский) и другие.
Примечательно, что в середине 50-х годов между Шевыревым и Погоди-
ным были заметны определенные противоречия. Они, например, не-
сколько по-разному отнеслись к стихотворениям П.А.Вяземского - быв-
шего либерала, перешедшего затем в консервативный лагерь - по случаю
кончины Николая I. В 1855 г. Вяземский издал небольшой политический
сборник «Шесть стихотворений», где, говоря о покойном императоре, на-
писал следующие слова: «Благодарит его Россия с умилением/ За цар-
ские труды, за блеск и честь венца». Собственно, и другие стихотворения
были написаны в таком же духе. С.П.Шевырев принял их всей душой и
писал автору с благодарностью за присылку сборника⁴⁰.

Иной, однако, была реакция М.П.Погодина, не постеснявшегося на-
писать именованному поэту и государственному мужу о том, что нашлись и
такие, кто восстал против последних стихов автора⁴¹, и к ним, сим по-
следним, наверняка относился и сам М.П.Погодин. Оно и понятно, по-
скольку его рукописные «Политические письма» времен Крымской вой-
ны явно свидетельствовали об эволюции взглядов некогда убежденного
охранителя и горячего проповедника самобытности русского историчес-
кого процесса, что так сближало Погодина со славянофилами. Сторон-
ник Н.М.Карамзина, который сыграл в его судьбе особенную роль⁴², сам
стал тяготиться рамками николаевского режима. Не только с точки зре-
ния приспособления к новым временам следует рассматривать статью
Погодина по случаю прибытия нового императора Александра II в Моск-
ву в сентябре 1855 г., где вполне можно было усмотреть негативное от-
ношение автора к правлению Николая I, хотя бы даже потому, что в ста-
тье присутствовали любезные, по его словам, имена Петра, Екатерины и
Александра и отсутствовало имя покойника - Николая I⁴³.

В середине 50-х годов в стане консерваторов произошло довольно заметное расщепление. Убежденный проводник официальной народности,
М.П.Погодин после войны стал ратовать за реформы и даже за некоторое
сближение с Западом и если не перешел в стан либералов, то вполне мож-
ет быть отнесен к типу консерваторов с некоторыми прогрессивными
устремлениями, тем более что довольно близкие ему славянофилы стали
активными проводниками и деятелями реформы. Не нужно забывать
особенностей николаевского царствования, его предельной жестокости,

задевавшей нередко интересы и самих консерваторов, желавших большей политической свободы и, когда дело касалось литераторов из консервативных кругов, большей свободы творчества.

К консерваторам, несомненно, может быть причислен, в частности, такой блестящий поэт, как Ф.И.Тютчев. Прекрасный знаток Запада, многие годы там проживший, человек, до тонкостей знавший французский и немецкий языки, он с конца 40-х годов искренне ратовал за обособление России от Европы. Тютчев хотел бы обособить Россию и политически, и духовно, прежде всего укрепив ее православие и территориально расширив вплоть до Константинополя. И при всем этом он чуть ли не первый почувствовал признаки общественного оживления и, как писал И.С.Аксаков еще в начале апреля 1855 г., именно Тютчев назвал тогдашние российские перемены оттепелью⁴⁴. Если 8 апреля 1856 г. Тютчев счел необходимым записать:

Все, что сберець мне удалось,
Надежды веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

то немногим более чем через год, 15 августа 1857 г., из-под его пера вышли следующие слова:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдеш ли ты когда Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?...⁴⁵

Видный русский дипломат, талантливый политик, вхожий в высшие слои русского общества, Тютчев тоже мечтал о свободе. Он тоже неуютно чувствовал себя в тогдашней России и не случайно, как отмечается в литературе, «неласково» отозвался о нем Александр II⁴⁶. Неудивительно, что консервативный лагерь не смог в то переломное время организовать сколь-нибудь значительные литературные силы и наладить издание влиятельных или литературных или общественно-политических газет и журналов. Идеологическую инициативу попытались перехватить люди, не имевшие ни литературного имени, ни литературного таланта. Взяться за перо их принудила сама тогдашняя обстановка, усилившийся накал социальной напряженности. Одним из наиболее подготовленных в научном плане и наиболее активных деятелей дворянской оппозиции был Н.А.Безобразов, в 1856 г. сорокалетний выпускник юридического факультета петербургского университета.

Книжка, выпущенная им в 1859 г. в Берлине, представляет интерес, поскольку позволяет довольно четко уловить круг интересов значительных слоев тогдашних консерваторов⁴⁷. Прежде всего Безобразов открыто солидаризируется с Н.М.Карамзиным и его установкой на предпочтение охранительности перед политическим развитием. Безобразов - ярко выраженный традиционалист и охранитель, причем до такой степени, что идеалом законотворчества для него является Уложение 1649 г., то есть Соборное уложение Алексея Михайловича, ставшее важным этапом в развитии кре-

постного права и выражавшее интересы дворянского класса. Уложение, окончательно оформившее крепостное право в России, выдвигалось накануне реализации планов по его упразднению как само совершенство, что полностью раскрывало тогдашние настроения наиболее крайних представителей крепостнической «партии». Н.Безобразов ратует за сохранение коренных устоев российской государственности и предрекает в противном случае кровавые смуты и даже ниспровержение престола.

Если книга Н.Безобразова вышла в Берлине, то брошюра другого деятеля дворянской фронды увидела свет еще дальше - в Париже. Речь идет о публикации В.П.Орлова-Давыдова, графа, проповедовавшего крайне олигархические взгляды. В этой брошюре явно прослеживаются антибюрократические тенденции и отстаивается право дворянства играть первую скрипку в разрешении крестьянского вопроса, в противовес бюрократии. В литературе выступление Орлова-Давыдова рассматривается как проявление конституционно-аристократических настроений⁴⁸, заметных еще в XVIII в., получивших отражение в проектах начала царствования Александра I. Вообще в канун реформы особенно рельефно выделяется множество различных оттенков консервативной мысли. Кстати, мнение о том, что за сохранение привилегий дворянства ратовали лишь закоренелые крепостники, прежде всего из среды помещиков, не умевших приспособиться к процессу развития капитализма, не всегда подтверждается при ознакомлении с некоторыми документами.

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой в среде русских помещиков, умело сочетавших традиционное хозяйствование с капиталистической предприимчивостью, был С.И.Мальцов. Бывший генерал-майор, служивший в кавалерийской гвардии, еще в 1839 г. соорудил первый русский рельсопрокатный завод, наладивший затем производство первых русских рельсов. Он же организовал выпуск первых в России паровиков, занимался стекольным делом, производством хрусталя. Владелец 200 тысяч душ крестьян был образцом стремительного приспособления к новой буржуазной эпохе. Но его обстоятельная записка конца 50-х годов, ходившая по рукам в разных слоях высшего русского общества, характеризует ее автора как представителя одной из разновидностей русского консерватизма того времени. Отталкиваясь от сочинений А.Токвиля, одно время возглавлявшего во Франции консервативную партию порядка, и ссылаясь на возможность народных беспорядков, Мальцов ратует за сохранение интересов дворянства и категорически выступает не только против наделения крестьян землей в собственность, но даже против предоставления им усадьбы⁴⁹.

Пытаясь отстоять свои интересы, представители консервативных кругов стремились опереться на имена зарубежных авторитетов, не гнушаясь порой самых настоящих подделок. Одним из таких созданий было подложное письмо бывшего французского премьера Ф.Гизо, не имевшее к нему никакого отношения и датированное октябрём 1858 г., письмо, где императора пытаются пугать возможной революцией, отстаивают интересы дворянства и ратуют за предоставление крестьянам разве что личной свободы⁵⁰.

Однако зарубежные публикации, а также довольно многочисленные записки и письма, вышедшие из среды дворянства и опровергавшие слова императора, сказанные его брату Константину Николаевичу в августе 1858 г. о том, что «дворянство примется за дело с усердием»⁵¹, не могли заменить сколь-нибудь популярный периодический орган. Здесь консервативные круги проигрывали не только либералам, но и тому направлению, которое в нашей литературе было принято называть революционными демократами. Ничего подобного «Колоколу», «Современнику», а также изданиям западников и славянофилов консервативной «партии» наладить в ту пору не удалось, и это было залогом их неминуемого поражения. В то время, а именно в 1858 г., единственным сколь-нибудь заметным изданием консервативного направления, которое удалось наладить и выпустить в свет, был «Журнал землевладельцев». Этот журнал, еще в 20-е годы исследованный Н.М.Дружининым, издавался казанским и пензенским помещиком А.Д.Желтухиным. Издавался он всего два года, причем расцвет журнала приходится на конец 1858 - начало 1859 г., а с апреля уже отмечено падение роли журнала, поскольку он был тесно связан с деятельностью губернских комитетов, последний из которых прекратил свое существование в июне 1859 г.

Но и в этом журнале исследователем было выявлено отражение борьбы двух направлений, причем второе, носившее черты отживающей патриархально-потребительской психологии, уступало первому, где явно заметен «дух бодрого и энергичного предпринимательства»⁵². Таким образом, даже это издание, которое одни авторы относили к крепостническим печатным органам, а другие более мягко называли журналом, защищавшим дворянские интересы⁵³, не было в полной мере четко консервативным. Потерпели неудачу и попытки других консервативных изданий. В 1856 г. во главе известного журнала «Библиотека для чтения», налаженного в свое время О.И.Сенковским и привлекавшего на свои страницы многих известных авторов, становится видный критик А.В.Дружинин. Из этого издания, пользовавшегося широкой популярностью, он пытался сделать серьезный орган консервативного направления, причем в английском духе⁵⁴. Однако удача не сопутствовала Дружинину, которого называли «первым критиком» после Белинского. Хотя «Библиотека для чтения» с 1858 г. стала помещать статьи по крестьянскому делу, а с 1859 завела специальный политический раздел, и на страницах его выступали А.Ф.Писемский, И.С.Тургенев, М.Е.Салтыков-Щедрин, А.Н.Островский и Л.Н.Толстой, он был буквально затерт другими журналами, поскольку как бы отгородился от духа времени. Не снижал себе доброй славы и не привлек сколь-нибудь значительного читательского внимания и такой орган, как еженедельная газета «Домашняя Беседа», издававшаяся В.И.Аскоченским и проповедовавшая идеи крайнего обскурантизма, подававшего под видом защиты православия и вылившегося в борьбу с наукой и просвещением. Газета В.Аскоченского, начавшая издаваться с середины 1858 г., заняла позиции самого крайнего, реакционного консерватизма. Своим неприятием прогресса Аскоченский отличился и в вышедшем

из-под его пера романе «Асмодей нашего времени», изданном в 1858 г. Тогда же заявляет о себе и П.Ф.Лиленфельд-Тоаль, издавший в 1860 г. свою политэкономю.

Таким образом, на литературном поприще консерватизм в те годы пытается вести оборонительные бои, не предложив никаких свежих идей и не выдвинув сколь-нибудь значительных литературных сил. Но поражение в области идеологии неминуемо вело и к неудачам политическим.

2. НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РЕФОРМЫ (1859 - 1861 ГГ.)

Работа Редакционных комиссий стала важным этапом на пути разработки решающего проекта готовившейся крестьянской реформы. Хотя она приблизила саму реформу, ход дебатов показал, что накал борьбы даже в это время, когда стала ясной неизбежность отмены крепостного права, отнюдь не утихает. Славянофил А.И.Кошелев, говоря о работе Рязанского редакционного комитета, подчеркивал наличие в ее составе трех проектов, одного от большинства и двух от меньшинств. По его словам, «проект большинства был составлен в крепостническом духе, с малым наделом крестьян на землю, с удержанием разных помещичьих прав в отношении к крестьянским обществам и без права выкупа»⁵⁵. Второй, собственно, тоже был отражением конституционных устремлений, но устанавливал обязательный выкуп с незначительным увеличением крестьянских наделов по сравнению с предложением большинства и лишь третий проект, который отстаивали А.Кошелев и немногочисленное число его сторонников, называется им самым либеральным⁵⁶.

Та борьба, которая развернулась в Рязанском комитете, была по тому времени не исключением, а правилом для всей России. Эпоха Редакционных комиссий, однако, продемонстрировала определенную смену консервативных установок, их заметное отличие от установок 1855-1856 гг., когда среди представителей консервативной «партии» еще выделялись решительные сторонники крепостного права. В самый канун реформы большинство консерваторов уже смирились с неизбежностью отмены крепостничества и всю свою силу направили на благоприятное для них решение земельного вопроса. Собственно Редакционные комиссии как центральный орган должны были состоять из двух комиссий, но создана была одна, сохранившая название во множественном числе и состоящая из нескольких отделений. В отличие от Секретного, затем Главного комитета, в Редакционных комиссиях ведущую роль играла либеральная бюрократия, противостоявшая также губернским дворянским комитетам. И если в губерниях большинство, как правило, было за консерваторами, то в Редакционных комиссиях их представители оказались, наоборот, в меньшинстве. Такой откровенный крепостник, как А.С.Меншиков, называл Редакционные комиссии «вертепом» Ростовцева⁵⁷, хотя не Я.И.Ростовцев, а Н.Милютин был душой этого необычного органа.

У А.С.Меншикова были серьезные основания для недовольства, поскольку в Комиссии входили 17 представителей министерств и 21 член-

эксперт. Любопытно, что в числе первых невозможно назвать ни одного закоренелого крепостника (за исключением В.И.Булыгина, вынужденного проводить линию шефа - М.Муравьева⁵⁸). Среди экспертов к таковым безоговорочно можно отнести разве что несколько человек. Это представивший Орловский губернский комитет В.В.Апраксин, уже упоминавшийся А.Д.Желтухин, сын известного военного деятеля, генерал-адъютант Ф.И.Паскевич, председатель Петербургского комитета - П.П.Шувалов и К.И.Гечевич (из Вильны) и М.П.Позен (из Полтавы). Оказавшись в явном меньшинстве, консерваторы, отнюдь не собирались складывать оружие. Уже на заседании в марте 1859 г. П.Шувалов и Ф.Паскевич предложили объявить экспроприацией дворянской собственности обязательство продажи земли помещиками⁵⁹. Но конфликт этих двух членов Комиссий с остальными их членами особенно обострился по вопросу определения того, что следует считать окончанием крепостного периода⁶⁰. Он приобрел столь острые формы, что потребовал затем вмешательства самого императора.

П.П.Шувалов чувствовал свою силу в этом вопросе, поскольку, будучи петербургским предводителем дворянства и председателем губернского комитета, он ощущал поддержку большинства петербургских дворян. Не случайно в литературе уже давно отмечалось, что ни в одном из губернских комитетов, за исключением разве что Костромского, так ярко, как в Петербургском, не отразились «поползновения крайней помещичьей партии»⁶¹. Имея за спиной такую сильную поддержку, П.Шувалов позволял себе резкое несогласие с большинством Комиссий, тем более что и Ф.Паскевич, помещик многих губерний, человек весьма состоятельный и известный, разделял его мысли. Но Комиссии большинством голосов постановили считать концом срочно-обязанного периода выкуп крестьянских полей и угодий, хотя и необязательный⁶². Это решение и Шувалов, и Паскевич подписать отказались и потребовали занести в журнал заседаний Комиссий их собственное мнение. Они настаивали на том, чтобы вопрос о выкупе был категорически отделен от вопроса определения личных и имущественных прав крестьян, то есть прекращение крепостного права они сознательно отделяли от выкупа земли.

Большинство Комиссий сразу нашло это мнение противным высочайшей воле и, что любопытно, занесло его не в общий журнал заседаний, а в частный. Это привело к тому, что мнение двух оппозиционеров не было занесено в печатные журналы, предназначенные для общего сведения и рассылаемые на места. Результатом этого стала подача Шуваловым и Паскевичем прошения об отставке их как членов Редакционных комиссий. Но в этой связи весьма примечательна позиция самого императора. С одной стороны, он утвердил решение большинства, но, кроме того, посчитал нужным дать личную аудиенцию двум оппозиционерам. Результатом этой встречи стало решение Александра I затребовать от Шувалова и Паскевича письменного изложения их мнения, при том что они оставались членами Редакционных комиссий. Такая записка была составлена, и мнение консервативного меньшинства в ней свелось к тому, что-

бы действительное освобождение крестьян, с правом бессрочного земельного пользования, было реализовано в непродолжительный срок, но в четко определенное время, независимо от выкупа. Сам же этот выкуп должен был стать результатом добровольного соглашения помещиков и крестьян⁶³.

Хотя этот взгляд весьма значительно отличался от позиций консервативных кругов в начале подготовительных работ на подступах к реформе, эта записка меньшинства членов Редакционных комиссий стала источником жарких дебатов. Такие члены большинства, как Н.Милютин, В.Черкасский и другие, вполне справедливо подчеркивали, что, по плану Шувалова и Паскевича, крестьяне окажутся в полной экономической зависимости от помещиков. Но противоборствующие стороны остались при своих убеждениях. Император вновь поддержал мнение большинства, но, что примечательно, распорядился оставить Шувалова и Паскевича в составе Комиссий. Ситуация была такова, что мнение меньшинства не могло поколебать общие установки Комиссий, и император вполне мог допустить противное мнение и соблюсти принцип объективности, то есть учета разных мнений.

Хотя Шувалов и Паскевич оказались в меньшинстве, император прекрасно понимал, кто стоит за ними, и вынужден был демонстрировать консервативным силам максимум лояльности и понимания. Несомненно, что они уже перегруппировали свои ряды и не настаивали на сохранении крепостного права. Но они фактически устами Шувалова и Паскевича ратовали за сохранение отношений феодального типа, оставшихся в силе по их проекту не только на срочнообязанный период, но и после него. Добровольность выкупа в таком случае целиком зависела от личной инициативы помещиков⁶⁴.

Один из тех, кто активно полемизировал с этими двумя проводниками мнения меньшинства в Комиссиях, - П.П.Семенов-Тянь-Шанский, в то время заведовавший делами этих Комиссий, впоследствии вспоминал, что Шувалов и Паскевич были выдвинуты, по его словам, очень сильной в высших кругах партией противников земельного освобождения крестьян⁶⁵. Но их также серьезно поддерживали периферийные губернские комитеты. Чувствуя эту силу, представители консервативных сил продолжали борьбу в Редакционных комиссиях, хотя хорошо знали бесперспективность сопротивления. Но они пользовались также возможностью обращения к императору напрямую. Так, Паскевич счел нужным в конце 1859 г. подать Александру II свой собственный проект освобождения крестьян без земли, не встретивший одобрения императора, хорошо понимавшего, какой заряд сильнейшей силы таит в себе полное обезземеливание крестьян.

Но в Комиссиях шла борьба и по ряду других вопросов. Объектом усиленной полемики стал вопрос о вотчинной власти помещиков и об общественном самоуправлении. И здесь довольно четко просматривается мнение большинства и консервативного меньшинства. Последнее отстаивало вотчинную власть помещиков. С этих позиций были составлены записки второй половины 1859 г., вышедшие из-под пера Апраксина

и Желтухина, а также записка члена Виленского комитета, члена-эксперта Комиссий К.И.Гечевича. Однако и по этому вопросу консерваторы остались в меньшинстве⁶⁶. Осенью 1859 г. основная борьба вокруг реформы разворачивается уже не в самих Комиссиях, где соотношение сил было достаточно определенным и непоколебимым, а между большинством Редакционных комиссий и представителями дворянских губернских комитетов. Как вспоминал Семенов-Тянь-Шанский, приезд губернских депутатов в Петербург рассматривался Александром II как чуть ли не решающий шаг в процессе подготовки, поскольку он хорошо знал, что лишь меньшинство помещиков склонялось к полному упразднению крепостного права. Любопытно, что он также подчеркнул тесную увязку между потерей власти над крестьянами и желанием ее компенсировать за счет ограничения верховной власти⁶⁷.

Так получилось, что в числе депутатов от губерний оказались и некоторые члены Редакционных комиссий явно консервативного плана. К ним, например, относились П.Шувалов, а также М.Позен, который с полным основанием может быть отнесен к консервативным членам Комиссий, но вместе с тем, судя по его запискам периода 1856 г., он относился к тем деятелям крепостнической «партии», которые поняли неизбежность реформы и решили пойти на нее с наименьшими для помещиков потерями. В то время когда П.Шувалов и Ф.Паскевич выступили открыто, Позен предпочел метод закулисных комбинаций и все свое искусство интригана направил на то, чтобы воздействием на самого Ростовцева попытаться оторвать его от либеральной группировки большинства и при его помощи по возможности максимально урезать масштаб реформ. Примечательно, что в качестве губернского депутата Позен явно отошел от установок Комиссий и даже начал против них откровенную атаку. Он стремился доказать нелегитимность Комиссий в деле устройства экономического быта крестьян, утверждая, что это право принадлежит губернским комитетам. Позен дошел до требования полной власти помещика над временнообязанным крестьянином и доказывал неприменимость постановлений Редакционных комиссий по отношению к Полтавской губернии. По мнению Позена, дворянин должен был сохранить полные права собственности на всю землю, обладать вотчинной властью как помещик, а крестьянин должен был получить землю только для пропитания, но отнюдь не для активного хозяйствования. Он также ратовал за повышение повинностей, то есть, как правильно отмечали в литературе, добивался продолжения крепостного права в видоизмененной форме.

Продемонстрировав столь категорическое неприятие работы Редакционных комиссий, членом которых он все-таки являлся, и неоднократно выступая по тем или иным вопросам, Позен подает прошение о выходе из этих Комиссий, которое было сразу же удовлетворено⁶⁸. Он счел необходимым в ноябре 1859 г. подать письмо Ростовцеву с копией самому императору, где категорически отрекался от установок Комиссий. Похоже, что Позен считал для себя более важным быть депутатом от своей Полтавской губернии, нежели членом Редакционных комиссий.

По своему содержанию и духу весьма близким к письму Позена было всеподданнейшее письмо депутата от Симбирской губернии Д.Н.Шидловского. Автор его выступает апологетом дворянства и утверждает необходимость прямого контакта с уполномоченными от дворянства, с которыми и необходимо решить основные вопросы. Это, по его мнению, необходимо для спасения Отечества, поскольку дворянство оклеветано, причем оклеветано перед самим монархом. Письмо Шидловского, где он, тем не менее, не забыл высказать претензии помещиков на обладание всей землей, более того, счел необходимым заявить, что крестьяне не имеют никаких прав на землю, отражало крайнюю озабоченность значительной части землевладельческого дворянства. Оно явилось свидетельством некоторой паники, которая начиналась в среде тех помещиков, которые чувствовали опасность реформы. Александр II обратил на него внимание, возвратил министру внутренних дел, сделав пометку неодобрения ее содержанием⁶⁹. Но среди замечаний членов губернского комитета были и более резкие и непримиримые.

Представитель Воронежского комитета князь И.В.Гагарин в своей реакции на предложения Редакционных комиссий даже писал о попытках ввести административным путем начала коммунизма, усматривал нравственное уничтожение дворянства как сословия и, конечно, отмечал попытки покушения на неприкосновенность дворянской собственности. Он полностью отрицал идею выкупа и поставил вообще под сомнение инициативную роль правительства. По его мнению, реформа должна стать результатом общего согласия дворянства, а отнюдь не инициативой закона⁷⁰. По сравнению с этими решительными демонстрациями дворянского сопротивления реформе, выступления П.П.Шувалова казались более умеренными и спокойными, тем более что из среды провинциальных комитетов исходили и крайне реакционные идеи, чем, например, отличался Костромской губернский комитет.

Осень 1859 г. была отмечена особой драматичностью в той борьбе, которая развернулась на подступах к реформе. На сей раз имело место ожесточенное и продолжительное сражение между консервативной частью губернских депутатов и Редакционными комиссиями. Нельзя сказать, чтобы консервативный лагерь был монолитен и однороден по своим требованиям. Внутри него можно обнаружить разные оттенки мнений: от полного неприятия реформы до ее большего или меньшего ограничения. Хозяиствующие помещики ряда губерний хорошо понимали те проблемы, которые у них наверняка могли появиться в случае принятия во всем объеме предложений Редакционных комиссий. Перед многими из них замаячило пугало неизбежного разорения, и этот страх прибавлял заряд активности, отнюдь не всегда разумной и эффективной. Приехавшие депутаты, как сторонники реформ, так и их противники, всячески использовали свои петербургские связи, чтобы провести именно свои соображения. Среди представителей петербургской знати им удавалось находить различных деятелей, склонявшихся порой к полярным позициям. Высшие слои петербургского света к концу 1859 г. хорошо понимали, что

крепостное право уже не удастся отстоять. Три главных придворных центра - Зимний дворец, двор великой княгини Елены Павловны и Мраморный дворец великого князя Константина Николаевича - стали важнейшими центрами проводимой верхами обработки общественного мнения в направлении реформы. В этом направлении работал и двор великой княгини Марии Николаевны, родной сестры Александра II, бывшей всего лишь годом моложе императора и находившейся с ним в весьма дружеских отношениях. И для этого двора были весьма характерны политические беседы во время маленьких вечеров, где хозяйка старалась всячески поддерживать интересы своего венценосного брата.

Высшее петербургское общество конца 1859 г., в отличие от озобоченных провинциальных помещиков, еще пытавшихся вести арьергардные бои, пожалуй, основной акцент начинает делать на укреплении политических прав дворянства. В.П.Мещерский, внук Карамзина по матери, входящий во все петербургские салоны, несколько позднее вспоминал: «Были гостиные, где тогдашние Мирабо большого света рассуждали так, обращаясь к правительству: вы хотите отнять у нас помещичьи наши права, прекрасно, отнимайте, но взамен мы хотим политического влияния, как дворянское сословие, мы хотим права голоса в государственных делах...»⁷¹.

Однако не все петербургские аристократы пытались улавливать дуновения ветров, которые шли от Зимнего дворца и великокняжеских салонов. Были с их стороны и выступления, противодействовавшие верховной линии, которые придавали дополнительную силу губернским депутатам. Одно из таких наиболее примечательных выступлений, шедших из-за пределов губернских комитетов и их депутатов, было сделано в форме специальной записки камергера М.А.Безобразова, брата уже упоминавшегося Н.Безобразова, сына сенатора А.М.Безобразова и племянника А.Ф.Орлова. Это тоже был видный аристократ, но его дом на Фонтанке стал одним из важных консервативных центров, где категорически высказывались и против работ Редакционных комиссий, и, вообще, против сколь-нибудь радикальной реформы. Здесь, впрочем, тоже смирились с отменой крепостного права, но решительно стояли за сохранение полной собственности дворян на землю и активно поддерживали выступления Шувалова и Паскевича в Редакционных комиссиях⁷².

Записка М.А.Безобразова - один из наиболее примечательных документов русского консерватизма конца 50-х годов, примечательная еще и тем, что тон ее был очень решительным и бескомпромиссным. М.А.Безобразов прежде всего апологет дворянства, которое он представляет как наиболее прочную опору престола, несправедливо оклеветанную, причем не без помощи высшей бюрократии, исказдившей, по его мнению, царские предначертания. В этой записке достается прежде всего Министерству внутренних дел, членом Редакционных комиссий, наиболее популярным журналам и цензуре. Он даже обвиняет правительственных чиновников в сообществе с заграничными изданиями и утверждает, что крамола в России имеет своим корнем иностранное происхождение.

Безобразов предлагает свой план создания соответствующих органов по проведению реформы. Прежде всего он призывает к тому, чтобы обуздать Министерство внутренних дел и Редакционные комиссии и собрать в Главном совете выборных, которых он называет настоящими, не признавая таковыми представителей от меньшинства комитетов. Прекрасно зная настроения провинциального дворянства, он считает лучшим вариантом представительство собрания выборных от губерний, к которым он предполагал присоединить депутатов от комитетов. Именно выборные, как подчеркивает автор записки, придают власти значение самодержавия, поскольку без них она имеет характер своеволия и становится игрушкой в руках бюрократии. Бюрократия же, по его же словам, «вместо того, чтобы быть орудием власти, делается ее двигателем и руководителем». Ненависть камергера М.Безобразова к бюрократии была столь значительна и неприкрыта, что он обвинил ее в намерении захватить всю полноту власти и в желании посеять рознь между престолом и дворянством, а также между народом и высшим сословием. Вообще, он в полном смысле этого слова клеймит бюрократию и даже обвиняет ее в стремлении расшатать государственное здание и призывает верховную власть восстановить на твердой основе колеблющийся государственный порядок, собирая около себя «родных, законных своих советников»⁷³.

Если добавить, что, по мнению Безобразова, государственный порядок был урунен своеволием, то даже его ратование за укрепление самодержавия отнюдь не смягчило все негодование и ярость, заложенные в этой записке. Александр II испещрил ее своими неодобрительными замечаниями и не остановился перед прямыми репрессиями против инакомыслящего. Он повелел рассмотреть действия М.Безобразова в Главном комитете, причем князь А.Ф.Орлов, собственно, один из главных консервативных деятелей той поры, в этом заседании не участвовал. Безобразов по решению Главного комитета был уволен в отставку, выслан из Петербурга и отдан под надзор полиции⁷⁴.

Столь суровые меры против выразителя настроений довольно значительной прослойки дворянства были призваны поставить жесткий заслон подобному рода выступлениям. Но такие выступления не прекращались, другое дело, что они не всегда могли быть опубликованными. Печать прочно находилась в руках либералов и демократических кругов и они не пропускали иных мнений, активно прокладывая пути реформе. Поэтому и в канун реформы преобладали консервативные рукописные сочинения разного плана, но господствующее влияние приобрел консерватизм нового типа. Задача сочинителей такого типа заключалась в том, чтобы показать себя поклонниками общего прогресса, несомненного, но постепенно развития, и консерваторы кануна реформы - это, скорее, не традиционалисты и охранители, а люди изменений, но изменений больше по форме, чем по существу, изменений, направленных на всяческое сохранение власти дворянства, которому, как они считали, угрожает смертельная опасность. В литературе уже давно подмечено, что в то время в России ни одно из политических течений не было заинтересовано в сохранении ста-

тус-кво и «русский консерватизм из статической доктрины сохранения существующего строя превращается в теорию изменений»⁷⁵.

Выдающийся русский хирург Н.И.Пирогов, описывая состояние общества перед реформой, указывал, кто были ее противники и кто относился к сторонникам эмансипации крестьян. К противникам он относил крепостников из эгоизма и личных интересов, далее шли крепостники по принципу и, наконец, люди, которых он называл наивными, - считавшие, что прежде надо образовать, а потом освобождать⁷⁶. Исследователи той же эпохи проследили, как в среде дворянства усиливаются настроения, направленные на постановку проблем реорганизации государственного управления. Эти настроения прослеживаются с 1857 г., когда стало ясным желание императора упразднить крепостное право. С 1858 г. поток дворянских проектов подобного рода усиливается, и это усиление продолжается и в 1859 г. и прослеживается вплоть до 1866 г., достигая наивысшего уровня в 1862 г.⁷⁷ Дворянство чем дальше, тем больше требует своего допущения к законодательству и к большему управлению государством. Естественно, что такие устремления не могли зиждиться на традиционном консерватизме, и предреформенная пора четко заявила о себе зарождением консерватизма нового типа. Собственно, он не был абсолютно новым. Были у него предшественники и в самом начале правления Александра II; затем эта тенденция заметно слабеет, но она снова усиливается на стыке 50-60-х годов. И вопросы государственного переустройства, как и вопросы сословного характера, действительно бывшие как бы оборотной стороной вопроса о крепостном праве, стали в этот период объектом особого внимания дворянства⁷⁸. Оппозиционеры из высших кругов петербургского света, таким образом, воспользовались нападками представителей губернских комитетов для того, чтобы добиться уступок в свою пользу, полагая, что именно ведущие сановники от этого выиграют больше всего.

Обстановка для этого казалась достаточно благоприятной. Депутаты из губерний, вернувшись на места, всячески пытались организовать нажим на центральный аппарат, кооперируясь со своими сторонниками, которых было достаточно много. Дворянские собрания в ряде губерний очень хорошо об этом свидетельствовали. Они явно выражали недовольство Редакционными комиссиями. И эти выступления не остались незамеченными и безрезультатными. В самом конце 1859 г. происходит поворот в верхах с целью учета мнений консервативного дворянства. Этот поворот был и фактическим, и демонстративным. Так, в феврале 1860 г. вместо скончавшегося Я.И.Ростовцева председателем Редакционных комиссий назначается В.Н.Панин, слышавший в общественных кругах откровенным консерватором, не раз демонстрировавшим свои взгляды на посту министра юстиции. Это назначение породило уныние в рядах сторонников реформы, в том числе и в составе самих Комиссий, но оно было тонкой уловкой самого императора. Александр II, назначая Панина, дал ему четкую установку на продолжение работ в том же духе, что и раньше⁷⁹, и поэтому принципиальных отличий от принятых уже установок

быть не могло. Он мог вносить изменения лишь в деталях, хотя порой эти детали были довольно заметными.

Самое главное заключалось в том, что Панин оказал прямое воздействие на депутатов от губерний так называемого второго призыва, давая им возможность определенного пересмотра выработанных при Ростовцеве положений⁸⁰. И крепостники из провинций организовали очередную атаку на предначертания Комиссий. Не случайно исследователи отмечают усиление реакционных настроений в деятельности депутатов второго призыва, оказавших влияние на труды Редакционных комиссий⁸¹. Таким образом, в проекты Редакционных комиссий были внесены поправки, которые приводили к уменьшению крестьянских наделов и увеличению повинностей. Дальнейшее продвижение проектов Редакционных комиссий через Главный комитет и Государственный совет показало, что и там консервативные силы продолжали борьбу. В Главном комитете, как отмечал великий князь Константин Николаевич, «были прения довольно горячие»⁸². Ряд членов комитета с консервативных позиций выступали против Редакционных комиссий, и эти проекты были приняты шестью голосами против четырех. Среди этих четырех были В.А.Долгоруков, П.П.Гагарин, А.М.Княжевич и М.Н.Муравьев. В целом решение Главного комитета поправило проекты Редакционных комиссий в сторону учета интересов консервативных сил. Это касалось и мировых посредников, выбирать которых крестьянам было запрещено, и уменьшения наделов крестьян, и увеличения их повинностей. Что примечательно, некоторые члены Главного комитета - противники Редакционных комиссий - получили возможность выступать против них и в Государственном совете, где сложилось прочное большинство, ратовавшее за дальнейшее изменение проектов реформы. Государственный совет под давлением консервативного большинства был вынужден еще больше урезать величину крестьянского надела. Положение с реформой могло бы еще больше усложниться, если бы император Александр II самолично не утвердил мнение меньшинства⁸³.

Еще 9 февраля 1861 г. великий князь Константин Николаевич оставил заметку в своем дневнике о заседании Государственного совета, на котором, как он писал, «было много споров и несколько разногласий, где мы по обыкновению в меньшинстве»⁸⁴. Если бы не вмешательство императора, то консервативное большинство Государственного совета одержало бы убедительную победу. Но уже 11 февраля прочли проект Манифеста по делам реформы, составленный московским митрополитом Филаретом, который, по словам великого князя, чрезвычайно понравился членам совета и подвергся лишь незначительным переменам⁸⁵. Всего лишь через несколько дней, 19 февраля, царь подписал и Манифест и другие документы реформы. Судьба реформ была решена. Ожесточенная битва вокруг нее была, казалось бы, закончена. Несмотря на то что консервативным силам удалось заметно подправить более радикальные проекты реформы, в целом они потерпели поражение, во всяком случае, того, чего они хотели в самом начале работ над реформой, не получилось. Как писал А.Корнилов, «даже среди духовенства обнаружались симпатии к ос-

вободительным реформам и к просвещению; некоторые архиереи заговорили и там и сям по-человечески, и в речах по случаю открытия губернских комитетов высказали истинно христианские мысли и пожелания»⁸⁶.

Сам же Филарет, составитель Манифеста, несомненно крупнейшая в то время величина русской православной церкви, как и большинство иерархов, длительное время противился реформе и был важнейшим столпом церковного консерватизма⁸⁷. Однако реформа все-таки была проведена и стала важнейшим переломным моментом российской истории XIX в. Консервативные силы потерпели поражение, но прекращать борьбу они не собирались. Слишком многое было поставлено на карту и землевладельческое дворянство - основная опора консервативной идеи того времени - хорошо понимало, какие потери оно может понести и в дальнейшем, если прекратит сопротивление новым веяниям. Но уже в том же 1861 году замаячили контуры нового союза консервативной «партии» с самодержавием. Этот союз был неизбежным в связи с обострением ситуации на левом фланге общества и явным усилением натиска низов как в коренных русских районах, так и на национальных окраинах. Уже с лета 1860 г. заметно усиление массового движения в Польше, где оно принимает поначалу форму демонстраций. Одна из таких манифестаций, 15 февраля 1861 г., была расстреляна, причем пять человек было убито и множество ранено. Но это не прекратило выступлений. Итогом расстрела демонстрации 8 апреля было уже ста убитых⁸⁸. Если к этому добавить, что в том же апреле были расстреляны крестьянские выступления в Бездне и Кандеевке, то складывалась довольно мрачная картина пореформенной России. Резко изменилось отношение и к массовым акциям в столицах. Если за избивание студентов в сентябре 1857 г. в Москве виновники полицейского произвола были отданы под суд⁸⁹, то совсем по-другому отнеслись власти к уличной демонстрации в Москве в октябре 1861 г. Студенты были избиты полицейскими и лавочниками-охотнорядцами, которые никаких наказаний не понесли. Наоборот, арестованы были студенты⁹⁰. Чувствовалось начало новой политической линии, получившей подтверждение в самое ближайшее время.

3. ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ (1861 - 1866 гг.)

Конечно, реформа 1861 г. была важным этапом в истории развития страны. Заметно усилился процесс ее капитализации, но эта модернизация не сняла многих существенных черт старого строя. Сохранился во многом прежний бюрократический аппарат, не чуждавшийся методов, характерных еще для волокитчиков времен Алексея Михайловича. В полном составе сохранились все сто тысяч бывших душевладельцев и все землевладельческое дворянство. Сохранились сословия и многие другие пережитки времен феодального режима. Все эти остатки служили питательной средой для деятельности консервативных масс, отнюдь не смирившихся со своим поражением начала 60-х годов и склонявшихся к перегруппиров-

ке сил и к переходу в контрнаступление. Это прекрасно понимала верховная власть и всячески стремилась к нахождению общего языка с недовольным дворянством. Уже в апреле 1861 г., то есть через пять недель после подписания Манифеста уходит со своего поста С.Ланской, а затем и его самый деятельный сотрудник, один из главных двигателей реформы, Н.Милютин. Были перемещены и некоторые другие активные сподвижники реформ, что было одобчительно встречено в консервативных кругах.

Вместе с тем проблема взаимоотношения дворянства и государственной власти постоянно находилась в центре внимания различных кругов русского общества, нередко получая противоположные трактовки. Либералы-западники, такие как К.Д.Кавелин, всячески одобряли реформу и, хотя признавали те жертвы, которые принесло дворянство, но подчеркивали, что они были многократно меньше революционных потрясений и никого не выбросили на улицу, не лишили крова и пищи, не лишили всяких других средств существования⁹¹. Этот мотив оценки проведения реформы как оптимальной характерен и для других ее видных деятелей. В том же 1862 г., когда Кавелин записал свои мысли по поводу реформы, опальный Н.Милютин, находясь в Париже, подчеркивал, что «лучше потерять несколько десятин земли, чем сложить голову на плахе, как французское дворянство»⁹². Но в действительности эта плаха для дворянства была отложена на пять десятилетий и во многом потому, что после реформы дворянству удалось, хотя и не сразу, но все же одержать реванш. Землевладельческое дворянство все сделало, чтобы повернуть положение реформы в свою сторону. Прежде всего оно всячески старалось сохранить огромные земельные массивы, принадлежавшие им в то время. И хотя дворянский земельный фонд постепенно, но неуклонно сокращался⁹³ (до этого в процессе реформы активно поработали силы торможения⁹⁴), в целом это земельное оскудение было не столь значительным, как это было после революций в Англии и Франции. Дворянство сохраняло лучшие, наиболее плодородные земли страны, цена на которые неуклонно возрастала.

Оно также сохраняло свои основательные позиции в правительственном аппарате и даже в тех учреждениях, которые были созданы сразу после реформы. В день подписания основных документов крестьянской реформы, 19 февраля подписывается также указ о создании органа для проведения положений реформы в жизнь. Таким органом стал Главный комитет об устройстве сельского состояния. Хотя это новое учреждение возглавил великий князь Константин Николаевич и в него вошел С.С.Ланской, большинство его членов все-таки числились в составе консервативной «партии». Сюда входили М.Н.Муравьев, В.Н.Панин, А.М.Княжевич и другие, известные своими взглядами еще до реформы. Но, конечно, в деле проведения реформы на первое место выходит вопрос о мировых посредниках, и в этой области намечается новый виток борьбы между консервативным дворянством и сторонниками реформы. Новый министр внутренних дел - П.А.Валуев, тоже вошедший в состав Главного комитета об устройстве сельского состояния, все-таки был близок к консервативным кругам, и его политика в деле выдвижения мировых посредников на

глядно об этом свидетельствует. В назначении мировых посредников он укрепил преобладание мнения дворянства над мнением губернаторов⁹⁵, что имело принципиальное значение в таком важном деле.

Вообще, как отмечается в литературе, назначение нового министра внутренних дел «получило определенное политическое значение, как указание на желание государя в дальнейшем направлении крестьянского дела принять в соображение законные интересы дворян, а также изгладить то раздражающее впечатление, что произвело на большинство землевладельцев недоверчивое и даже пренебрежительное отношение к поместному дворянству органов администрации»⁹⁶.

Хотя отнюдь не всегда смены в правительственном аппарате производились в пользу консервативных сил, элементы реакции заметны уже в 1861 г. и усилились в следующем, 1862 г., когда началась открытая кампания против «лондонских пропагандистов» и последовали самые настоящие репрессии против демократического лагеря. «Дело В.А.Обручева», «Дело Н.Г.Чернышевского», «Дело 32-х» - вот далеко не полный перечень тех дел, в которых нашла свое отражение политическая реакция⁹⁷. Деятели консервативной «партии» сочли момент благоприятным и организовали новые наступательные акции. В этом отношении весьма показательными стали ряд губернских дворянских собраний. Уже ход Тульского губернского дворянского собрания, имевшего место в декабре 1861 г., показал недовольство дворянства реформой и его попытки как-то выйти из неудобного и даже трудного для него положения. Целая дворянская группа во главе с губернским председателем дворянства В.П.Мининым составили адрес императору, где прямо говорилось о губительном раздоре между крестьянами и дворянами и конкретно излагались меры по оказанию материальной помощи помещикам. Меры эти свидетельствовали о явном стремлении помещиков улучшить свое положение за счет крестьян и, более того, тульские дворяне не предлагали составить новые законоположения, которые, таким образом, внесли бы заметные коррективы в установки документов крестьянской реформы. Тульские дворяне предлагали учредить не где-нибудь, а в Москве, дворянство которой отличалось известной оппозиционностью, Общую Комиссию из дворянских депутатов губерний, целью которой должно было стать решение дворянских проблем⁹⁸. Как решит поставленную дворянством задачу эта Комиссия, было предельно ясно, и сомнений в исходе работы не было. Не случайно П.А.Валуев подтвердил общность интересов тульских и других дворян и посоветовал проявить «благодушную снисходительность»⁹⁹. При этом Валуев хорошо чувствовал и политические притязания дворянства, и это повлияло на составление им своего плана будущего устройства российского государства, во многом продолжавшего устремления части консервативного дворянства начала XIX в., например, братьев Воронцовых. Не без основания в литературе отмечается, что идеалом Валуева было английское парламентское устройство¹⁰⁰.

Но выступление тульских дворян было лишь предвестником усилившейся дворянской фронды. Буквально с самого начала 1862 г. вступила в

бой «тяжелая дворянская артиллерия», и во весь голос заявило о себе московское дворянство. Вновь в числе главных заводил выдвинулся Н.А.Безобразов, опубликовавший, и опять в Берлине, свою новую брошюру, в которой откровенно ратовал за укрепление позиций дворянства и сохранение его прав, записанных в Жалованной грамоте 1785 г.¹⁰¹. Эту же грамоту автор высоко оценивал и в своей брошюре 1859 г. Опытный правовед, защитивший диссертацию по проблемам внешнего государственного права, Безобразов, по словам несомненно сочувствовавшего ему В.П.Мещерского, «действительно и наружностью, и талантом был выдающийся оратор»¹⁰². Он без всякого труда увлек за собой членов Московского дворянского собрания, тем более что очень умело выражал их собственные устремления. Безобразов подверг суровой критике положения реформы 1861 г., не скрывая своих явных антикрестьянских настроений, и по существу призвал дворянство к объединению и сопротивлению. Действительно, большинство московских дворян поддержало Безобразова, хотя для принятия законного решения собрания не удалось дотянуть до необходимых двух третей голосов¹⁰³.

В числе весьма близких по духу к Н.Безобразову оказался и В.П.Орлов-Давыдов, также выдвинувшийся в число дворянских оппозиционеров реформе еще в конце 50-х годов. Он - категорический противник принципа всеобщности, апологет дальнейшего укрепления позиций дворянства, ратовавший за особые корпоративные дворянские права. Результатом деятельности таких продворянских ораторов, как Н.Безобразов и В.Орлов-Давыдов, стало составление всеподданнейшего адреса, который вызвал неодобрение в верхах и, более того, возвращение его обратно¹⁰⁴.

Откровенные высказывания консервативного характера, явно направленные на изменение положений реформы 1861 г. в пользу дворянства, звучали и в Петербургском дворянском собрании, а также на дворянских съездах в ряде других губерний, таких как Курская, Тамбовская, Смоленская и другие. Это была хотя и несколько запоздалая, но непосредственная дворянская реакция на реформу, свидетельство попыток дворянства организовать и либо прямо скорректировать положения реформы, либо путем каждодневной практики свести на нет ее основные установки. Изучение дворянских собраний 1861-1862 гг. опровергает утверждение В.П.Мещерского, вскоре выдвинувшегося в число общероссийских консервативных лидеров, который писал в своих мемуарах: «Реформа 19 февраля принята была там с благоговением тем самым дворянством, которое в Петербурге либеральные реформаторы хотели, во что бы то ни стало, представить какую-то оппозиционную правительству и Государю массую и над материальным разорением которого так усердно ломали себе головы, совершая задачу освобождения крестьян»¹⁰⁵. Кстати, описывая настроения дворянства накануне реформы, В.Мещерский утверждал, «что главной отличительной чертой дворянства накануне грандиозной реформы, его ожидавшей, было добродушие»¹⁰⁶. Он отрицал наличие какой-либо дворянской фронды и политической агитации против правительства¹⁰⁷, но конкретные факты явно противоречили его утверждениям. Сразу по-

сле реформы значительные слои дворянства предприняли атаку на положения реформы, и эта атака побудила императора еще раз продемонстрировать свою волю. 16 февраля 1862 г. он повелел объявить дворянам, что суждения дворянских собраний по общим вопросам государственного устройства России «остаются без последствий»¹⁰⁸.

Естественно, что это указание несколько охладило пыл многих дворянских оппозиционеров, но не всех, поскольку, кроме указанных губернских собраний, настроения несогласия и прямые заявления о неприменимости положений и необходимости их пересмотра прослеживаются в Симбирской, Харьковской, Псковской, Воронежской, Рязанской, Нижегородской и в других губерниях. Одергивая дворянских оппозиционеров, Александр II неоднократно заявлял об окончательности «Положения» от 19 февраля, а несколько позднее последовал рескрипт от 13 мая, где еще раз подтверждалась полная неприкосновенность права собственности во всех ее видах, определенных общими законами и положениями 19 февраля¹⁰⁹. В целом и настояния, и успокоения со стороны императора сыграли определенную роль, и с конца 1862 - начала 1863 г. отмечается явный спад оппозиционных настроений дворянства¹¹⁰.

События начала 60-х годов выявили лидеров дворянской фронды в ряде губерний. В Петербургском дворянском собрании отличился А.П.Платонов, в Тульском - М.Н.Лонгинов и граф В.Бобринский, в Симбирском - В.В.Орлов-Давыдов и Д.Н.Шидловский, в Псковском - граф А.А.Бобринский, В.Д.Скарятин и другие. Но, как отмечается в литературе, наиболее полно программа крепостников изложена в записке и выступлениях Н.А.Безобразова в январе 1862 г.¹¹¹ Безобразов выразил кровные интересы землевладельческого дворянства во вполне откровенных, незавуалированных формах. Но дворянский консерватизм в то время был более разнообразным и многоцветным. Собственно, после реформы во многом меняется направленность и содержание сущности консерватизма, ибо он уже не мог быть отождествлен с теми консервативными установками, которые были выработаны в сочинениях Н.Карамзина и А.Шишкова, не мог он и полностью соответствовать установкам «официальной народности», хотя эта триада была довольно гибкой и еще могла использоваться и в практической политике, и в идеологии. Но после реформы для консервативных мыслителей и практиков наступили времена тяжелых раздумий, времена поисков новых установок, которые бы позволяли сохранить главное, но, вместе с тем, приспособиться к явно изменившимся условиям. Это были годы томительных изысканий, заставивших консервативных деятелей максимально использовать имевшиеся идейные и нравственные резервы, годы, которые проложили дорогу новому русскому консерватизму, получившему свое более или менее законченное оформление в 80-х годах.

Потерпев поражение в социальной сфере, консервативное дворянство по-прежнему стремится к реваншу в сфере политической. Помещичья «партия» активно добивается расширения своих политических прав. И во многом результатом ее устремлений стала записка П.Валуева от 26 июня

1862 г., представлявшая собой развернутую политическую программу, прежде всего реформы государственного управления в стране, наиболее важным звеном которого стало бы создание центрального представительного учреждения, но как учреждения совещательного. В этом учреждении именно дворянству предназначались руководящие рычаги, и именно с целью успокоить дворянство и составил эту записку видный государственный деятель консервативного направления¹¹². Примечательно, что тому же Валуеву принадлежит и идея реформы православной церкви¹¹³.

Стремление к преобразованиям, но в свою пользу, было одной из важных сторон пореформенного консерватизма. Но хорошо сознавая значение идеологической подпорки, консервативная «партия» все больше внимания стала обращать на идейную сферу - художественную литературу, общественные науки¹¹⁴. Именно в пореформенную пору зарождается новый жанр литературы - антинигилистический роман, новая форма проявления консерватизма. Одним из первых, кто пошел по этому пути, был такой крупный писатель, как А.Ф.Писемский. В «Библиотеке для Чтения», которую он возглавил в 1860 г. и где под псевдонимом Никита Безрылов он уже начал атаку на нигилистов, публикуется в 1863 г. его «Взбаламученное море». А через год, в 1864 г., русский читатель был буквально завален подобного рода романами. Н.С.Лесков в той же «Библиотеке для чтения» с января 1864 г. начинает публикацию своего романа «Некуда», с негодованием воспринятого левыми кругами русского общества, увидевшими в этом романе не только влияющие реакции, но и откровенный донос. Противники Лескова даже утверждали, что этот роман был сочинен по заказу III-го отделения¹¹⁵. По всей вероятности, знаменитый писатель был искренним в своем видении тогдашних процессов в среде российской молодежи и, хотя в том же романе он отнюдь не всех представителей нигилизма мажет черной краской, непредвзятый читатель мог делать вполне определенные выводы.

В том же 1864 г. в «Русском вестнике» появляется еще один антинигилистический роман, вышедший из под пера совсем молодого двадцатитрехлетнего автора - В.П.Клюшников. Клюшниковское «Марево» было одним из самых резких выпадов против левой молодежи, получившим гневную отповедь со стороны Д.И.Писарева. Но если Клюшников не относился к числу популярных писателей, то подключение к противонигилистической литературе такого великого художника, как Ф.М.Достоевский, придало всему этому направлению серьезную силу. В 1864 г. в журнале «Эпоха» выходят «Записки из подполья» Ф.Достоевского, прямо направленные против кумира леворадикальной российской молодежи - Н.Г.Чернышевского. Одновременно писатель направляет огонь критики против идеологии европейского просветительства XVIII в., против социалистических идей, полностью отрицая какую-либо возможность перестроить общество на разумных началах, видя такую вероятность лишь в рамках религии и индивидуального совершенствования¹¹⁶.

Эта антинигилистическая волна в русской прозе, выливавшаяся нередко в откровенную реакцию, нашла определенное отражение и в тог-

дашней поэзии. Один из самых выдающихся поэтов России - А.А.Фет в эпоху реформы 1861 г. был не только противником революционеров-демократов, но и резко расходился с либеральными кругами. Более того, он не нашел общего языка и с традиционными консерваторами, и все правивший «Русский вестник» с неохотой печатал его стихи. Любопытно, что в начале 60-х годов Фет решил испытать свои силы как хозяйствующий помещик, поняв, что одним литературным творчеством не проживешь. Как помещик-публицист он публикует в 1862 г. в «Русском вестнике» «Записки о вольнонаемном труде» и очерки «Из деревни». В этих очерках, встретивших негативный прием в левых кругах русского общества, он требует от властей активнее защищать помещичью собственность, защищать самих помещиков от крестьян и наемных рабочих¹¹⁷.

Заметную эволюцию вправо проделал и такой замечательный поэт России, как А.Н.Майков, некогда арестованный по делу петрашевцев. Став цензором в Комитете иностранной цензуры, он отходит не только от радикалов, но и от либералов. Майков пореформенной поры - это сторонник православия и твердой монархической власти, при том что он позитивно оценивал реформу 1861 г., боролся с мракобесием и невежеством. И хотя в стихотворении «Картинка», посвященном Манифесту 19 февраля 1861 г., начертаны следующие слова:

Воля, братцы, - это только
Первая ступень
В царство мысли, где сияет
Вековечный день¹¹⁸,

тем не менее, Майков пореформенной поры - это поэт из консервативного лагеря, при всей его противоречивости и социальной и политической неуверенности¹¹⁹.

Поправление взглядов в пореформенное время заметно и в творчестве такого выдающегося поэта страны, как Ф.И.Тютчев, хотя и прославлявшего реформу 1861 г., но писавшего о двух святых образах - царе и России, причем о царе в первую очередь¹²⁰. Из крупнейших поэтов страны первой половины века, не считая Некрасова и близких к нему стихотворцев из левого лагеря, пожалуй, лишь Я.П.Полонский - «истинный русский интеллигент демократической складки»¹²¹ остался верным идеалам своей молодости, когда он увлекся В.Г.Белинским и М.Ю.Лермонтовым. К поправившим метрам русской поэзии в пореформенное время примыкают новые имена, далеко не всегда равные им по силе своего таланта. Одним из них был едкий пародист, некогда входивший в так называемую «молодую» редакцию «Москвитянина» - Б.Н.Алмазов, дебютировавший под псевдонимом Эраст Благодрагов. Против социалистов была направлена его поэма «Социалисты», а в стихотворении «Старая русская партия», написанном в 1864 г.,¹²² он, по существу, отразил дальнейшее поправление славянофилов, действительно вскоре перешедших в консервативный лагерь.

Консервативный уклон не миновал и пореформенную драматургию. Бывший генерал-лейтенант, автор повестей, рассказов, стихов и пьес, вызвавших еще насмешки В.Г.Белинского, - М.А.Марков пишет очередную

пьесу под названием «Дядя и Племянник». Пьеса стала настоящим поклепом на молодую Россию, на прогрессивные литературные силы и многие нововведения предреформенной эпохи и самого периода реформы. Хотя пьеса не была пропущена цензурой, была дозволена ее секретная постановка в московском Малом театре 15 декабря 1862 г., в которой участвовали видные московские актеры. Любопытно, что афиша об этом спектакле, сразу же ставшая библиографической редкостью, была перепечатана в герценовском «Колоколе»¹²³.

Пореформенная пора довольно серьезно сказалась и на российской публицистике. Если накануне реформы консервативный лагерь не смог организовать газеты и журналы, которые сравнились бы с периодикой либералов и демократов, то после реформы ситуация заметно меняется. Конечно, многие консервативные издания так и не смогли подняться и бесславно прекратили свое существование. В 1865 г. перестает издаваться «Библиотека для Чтения», которую И.С.Тургенев назвал «глухой дырой». Но одновременно идет процесс создания новых органов, консервативная направленность которых не подлежит сомнению. Одним из журналов, который начал выходить в 1861 г., был журнал братьев Достоевских «Время», очень сложный по составу авторов и проводимых в нем идей. Нельзя сказать, чтобы это был однозначно консервативный орган. Все было гораздо разнообразнее и сложнее. Но этот журнал в дальнейшем стал основой для почвенничества - одной из разновидностей консервативной мысли, родственной славянофильству, но все же заметно от него отличающейся. Уже в эпоху «Времени», как отмечается в литературе о Ф.Достоевском, «в его мировоззрении демократическая струя осложнена консервативными элементами»¹²⁴. «Время» показало траекторию последующей духовной эволюции бывшего петрашевца, тем более что к числу апологетов почвенничества относились А.А.Григорьев и Н.Н.Страхов, известные своими консервативными взглядами. И хотя «Время» было запрещено «за вредное направление», его противодействие и либералам, и революционным демократам ставит его в ряды все-таки проконсервативных изданий. Еще более четкими становятся позиции нового печатного органа почвенников - «Эпохи», начавшей выходить в 1864 г. Обличительные черты, которые были заметны в публикациях «Времени» и «Эпохи», сменились главным образом на защитительные, и этот боевой антинигилистический орган, где чаще других публиковались А.А.Григорьев, Н.Н.Страхов и Д.Д.Аверкиев, может в целом рассматриваться как один из проводников консервативной идеологии.

В то время налаживается и ряд других изданий, более правых, чем «Эпоха». Неумолимый Н.Безобразов начинает издание газеты «Весть», которая вообще характеризовалась как прокрепостническая и в которой кроме него публиковались В.Д.Скарятин, Н.Н.Юматов, Г.Бланк - публицисты откровенно правого толка. В литературе подчеркивалось, что «Весть», начавшая издаваться в 1863 г. как орган олигархической дворянской «партии», отстаивая идею олигархической конституции, установила с П.А.Валуевым полное «антант кордиаль»¹²⁵.

«Весть» начала выходить в самый разгар Польского восстания на основе издававшегося в 1861-1862 гг. «Русского листка». Нашедшая в ней свое отражение реакция на восстание изрядно подпитывалась волной национализма, но это было, однако, лишь одной из причин повышенного внимания к этому изданию со стороны консервативных сил. Особенно большую роль сыграло их желание укрепить свои идейные позиции и перейти к решительному наступлению в защиту своих интересов. Для этого уже накопилось достаточно сил. Прошел шок времени реформы 1861 года, определилась расстановка сил, и консерваторы смогли окончательно подумать над своей новой программой. Важнейшую задачу они видели прежде всего в закреплении дворянской земельной собственности, а также в сохранении сословных привилегий и преобладающей роли в политической жизни страны¹²⁶. «Весть» выдвинула также задачу разрушения общины, полагая, что таким образом землевладельческое дворянство сможет сосредоточить в своих руках значительные земельные массивы крестьян и получить свободные рабочие руки. Разрушив общину, помещики полагали, что тем самым они ослабят крестьянскую организацию как орган самоуправления и обороны. Более того, авторы «Вести» выдвигали требование возврата вотчинной власти помещиков и резко критиковали крестьянское самоуправление в пределах села и волости.

Не меньшей критике подвергся в «Вести» и институт мировых посредников, и ряд других положений реформ 60-х годов. Нет ничего удивительного в том, что газета всячески отстаивала дворянские привилегии и именно с дворянством связывала дальнейшее развитие «русской цивилизации»¹²⁷. Она предлагала передать руководство земствами дворянским предводителям и настаивала, чтобы в представительных учреждениях принимали участие достаточно крупные собственники. Газета прямо ставила также вопрос о создании центрального представительства от дворянства, но с правом совещательного голоса. Выдвинула она и свою программу судебной контрреформы, и свой курс, явно реакционный, в области просвещения, печати, военного дела. Как отмечается в литературе, эти установки «Вести» получили поддержку в годы контрреформ 80-90 годов¹²⁸.

В консервативном лагере оказался и ряд других печатных органов, например журнал «Оса», активно выступавший против нигилистов¹²⁹, а также издания М.Н.Каткова.

Еще в 1861 г. Катков в своем «Русском вестнике» посчитал необходимым записать следующие слова: «Мы не отказываемся от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек, но будем этим заниматься искусством не для искусства, а в интересах дела и чести»¹³⁰. Как стал понимать «дело» и «честь» этот весьма популярный орган либерального направления, становилось все понятнее буквально месяц от месяца. Польское восстание 1863-64 гг. было воспринято Катковым как сигнал для окончательного перехода в консервативный лагерь, и охранители в его лице получили основательную литературную силу, которой им так не хватало в канун реформы. Если Достоевский мечтал об обращении госу-

дарства в церковь, если он ратовал за строй, основанный на моральном совершенстве отдельной личности, называя его «русским социализмом»¹³¹, то Катков отстаивал систему подавления и сильной власти и открыто выступал против предоставления политических свобод и в первую очередь конституции.

Пореформенная консервативная публицистика, как и вообще консервативная мысль того времени, демонстрирует явную перегруппировку сил, подключение к ним новых идей, поскольку старый багаж оказался излишним и не смог помочь в борьбе ни с либералами, ни с радикалами. Трудности идейной и политической борьбы, сложные изыскания способствовали предельной мобилизации сил консервативных мыслителей. Пореформенное время оказало решающее влияние на формирование взглядов К.П.Победоносцева, впоследствии писавшего: «Упорство догматического верования всегда было и, кажется, будет уделом бедного, ограниченного человечества, и люди широкой, глубокой мысли, широкого кругозора всегда будут в нем исключением»¹³². Это же время определило и систему взглядов Н.Я.Данилевского, а затем и оказавшегося на далеких Балканах К.Н.Леонтьева. Явное поправление стало характерным и для поздних славянофилов.

Идейные поиски консерваторов той поры не отвлекли их от участия в общественных выступлениях, от попыток проводить свою политическую линию. Последним всплеском помещичьей фронды явились их выступления в процессе дебатов на московском дворянском собрании 1865 г.¹³³, когда вновь инициативу проявили Н.А.Безобразов и В.П.Орлов-Давыдов. Ими был выдвинут адрес с предложением о привлечении дворянства к управлению страной. Примечательно, что газета «Весть» опубликовала, вопреки запретам, сам текст этого адреса и выступление В.Орлова-Давыдова и, более того, позитивные примечания редактора В.Д.Скарятин¹³⁴. В подобном же русле проследовали и выступления Петербургского губернского земского собрания в декабре 1865 г., Рязанского губернского земского собрания в январе и Петербургского губернского дворянского собрания в марте 1865 г.¹³⁵. В борьбе против этих выступлений правительство сочло политику кнута и пряника. Нужно было как-то считаться с выдвижением дворянством политических требований, но принимать их основные устремления царская власть никак не хотела. Ни общедворянского, ни общеземского представительства правительство допускать не желало, прекрасно понимая, какую опасность ограничения существовавшей власти оно могло таить в себе. Но даже великий князь Константин Николаевич, не говоря уже об Александре II, не соглашался с возможностью излечить пороки страны при помощи конституции¹³⁶. События апреля 1866 г. внесли заметные коррективы в последующую деятельность консервативных сил. Происходило это в условиях заметно менявшейся международной обстановки, согласно которой русский консерватизм пореформенного времени вырабатывал свою собственную внешнеполитическую программу.

В литературе подчеркивается, что представителями консервативных кругов пропагандировались идеи сильной России, дальнейшего укрепле-

ния ее политического могущества¹³⁷. Униженному положению России после Крымской войны они, наоборот, стремились противопоставить Россию воспрянувшую, могучую, способную вершить судьбу не только Европы, но и мира. От писаний ведущих консервативных мыслителей исходят великодержавность и национализм и даже идеи исключительности и избранности России. Именно середина 60-х годов стала временем оформления многих идей деятелей консервативного лагеря по вопросам внешней политики. Все более переходивший в консервативный стан И.Аксаков последовательно развивал антиавстрийские взгляды, называя Австрию злейшим врагом освобождения славян¹³⁸. Более того, он подчеркивал, что «Россия всегда будет не своя Западу»¹³⁹. Н.Я.Данилевский, выпустивший, впрочем, свою основную книгу «Россия и Европа» в 1869 г., в январской книжке почвеннического журнала «Заря» также проводил идеи противопоставления России Европе. При этом он подчеркивал, что «ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»¹⁴⁰. Он считал, что мир славянский идет на смену миру германо-романскому и призывал к объединению всех славян вокруг России. Несколько иные идеи развивал все более правевший К.Н.Леонтьев, не один год проведший на Балканах и хорошо знавший конкретные условия балканского захолустья. Он выдвигает свою довольно оригинальную, но утопическую теорию византизма, пропитанную настроениями антибуржуазности и открытого изоляционизма¹⁴¹. К 60-м годам относятся многочисленные выступления по вопросам внешней политики и других видных представителей консервативной мысли - М.Н.Каткова и Ф.М.Достоевского, свидетельствующие о большом внимании их к международным отношениям и довольно оригинальных подходах, нередко, впрочем, пронизанных духом романтизма, повышенной чувствительности и, можно сказать, консервативного утопизма. 1866 год внесет заметные изменения в настроения консерваторов, заставив их еще больше задуматься над разработкой своей внешнеполитической концепции¹⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Корнилов А.А.* Курс Истории России XIX века. Часть II. М., 1912. С. 111.
2. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. (1855-1881). Исторические очерки. М., 1909. С. 7.
3. *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны // *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 165.
4. *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск., 1979. С. 241.
5. *Корнилов А.А.* Курс истории... С. 130.
6. *Корнилов А.А.* Общественное движение... С. 13.
7. *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., 1924. Том десятый. С. 223; Об окружении Александра II см.: *Толмачев Е.П.* Александр II и его время. Книга первая. М., 1998. С. 154-157.
8. *Левин Ш.М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX - начало XX века. Лг., 1974. С. 348.
9. Из записок сенатора К.П.Лебедева // Рус. архив, 1893. Кн. 1. Вып. 4. С. 353.

10. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. XIV. СПб., 1900. С. 211.
11. Там же. Кн. XV. СПб., 1901. С. 462.
12. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Том 1. Изд. второе. СПб., 1911. С. 192.
13. Корнилов А.А. Общественное движение... С. 33.
14. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Часть 1 (1850-1865 гг.). СПб., 1897. С. 39.
15. Никифоров Д. Москва и царствование императора Александра II. М., 1904. С. 40; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995. С. 48.
16. Были, однако, и другие примеры. «Осмысленным консерватором» называл графа С.Строганова, воспитателя наследника, В.Мещерский. См.: Мещерский В.П. Указ. соч. С. 206.
17. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование Александра II. Т. I. Берлин, 1860. С. 104.
18. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Часть II. С. 137.
19. Кошелев А.И. Записки. М., 1991. С. 98.
20. Розенталь В.Н. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1963. С. 375-376.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд 2-е. Т. 12. С. 605-608; 692-701.
22. Алексеев В.П. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа. Т. 2. М., 1911.
23. См.: Лященко П.И. Последний Секретный комитет по крестьянскому делу. 3 января 1857 г. - 16 февраля 1858 г. СПб., 1911; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. М., 1984.
24. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 55; Толмачев Е.П. Указ. соч., С. 161.
25. Татищев С.С. Указ. соч. Т. I. С. 282.
26. Там же. С. 294.
27. Кошелев А.И. Указ. соч. С. 99.
28. Колокол. 15 июля 1858, № 19. С. 156.
29. Дружинин Н.М. Москва и реформа 1861 года // Дружинин Н.М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М., 1988. С. 198-207.
30. Колокол, 1 февраля 1859. № 35. С. 284.
31. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М.: Мысль, 1990. С. 167.
32. Там же. С. 168.
33. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 110.
34. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 85. Д. 23 (1858 г.). Л. 123.
35. Там же. Д. 22 (1857 г.). Л. 77.
36. Там же. Д. 24 (1859 г.). Л. 21 об.
37. Колокол, 1 сентября 1859 г. № 51. С. 415.
38. См.: Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855. СПб., 1908.
39. Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 3-4.
40. Письма М.П.Погодина, С.П.Шевырева и М.А.Максимовича к князю П.А.Вяземскому. 1825-1874 годов. СПб., 1901. С. 156.
41. Там же. С. 55.
42. Умбрашко К.Б. М.П.Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1995. С. 13.
43. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. XIV. С. 94.
44. Левин Ш.М. Указ. соч. С. 344.

45. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Лг., 1987. С. 194-195.
46. Берковский Н.Ф. Тютчев // Там же. С. 7; По словам В.Мещерского, «Тютчев был глубоко русский человек в своих политических убеждениях, и в то же время глубоко искренний. Оттого он ненавидел либерализм того времени, потому считал его космополитизмом и совсем не русским...». См.: Мещерский В.П. Указ. соч. С. 327.
47. См.: Бездобразов Н. Две записки по вотчинному вопросу. Берлин, 1859.
48. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 184.
49. Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х - начале 60-х годов XIX века. Лг., 1962. С. 96.
50. Там же. С. 92.
51. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. 1857-1861. М., 1994. С. 65.
52. Дружинин Н.М. «Журнал землевладельцев». (1858-1860 гг.) // Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М, 1987. С. 77.
53. Дружинин Н.М. «Журнал землевладельцев». С. 6; Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 298.
54. Корнилов А.А. Общественное движение... С. 85-86.
55. Кошелев А.И. Записки. С. 106.
56. Там же.
57. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 136.
58. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Ч. II. С. 166.
59. Там же. С. 152.
60. Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 325.
61. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 152.
62. Татищев С.С. Указ. соч. Т. 1. С. 325.
63. Там же. С. 327.
64. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 155.
65. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. III. Пг., 1915. С. 215.
66. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 161.
67. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. с. 285.
68. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 189-190.
69. Татищев С.С. Указ. соч. Т. II. С. 59.
70. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 191.
71. Мещерский В.П. Мои воспоминания. Часть первая (1850-1865). С. 138.
72. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. XVII. СПб., 1903. С. 135.
73. Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. Т. II. СПб., 1890. Приложение. С. 940-952.
74. Корнилов А.А. Общественное движение... С. 62.
75. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века. М., 1970. С. 4.
76. Неизданные страницы из мемуаров Н.Пирогова - «О минувшем». СПб., 1909. С. 12.
77. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Лг., 1978. С. 16-17.
78. Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 101.
79. Татищев С.С. Указ. соч. Т. I. С. 339-340.
80. Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 206.

81. Там же. С. 213.
82. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. С. 272.
83. *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 126-127.
84. Переписка императора Александра II... С. 304.
85. Там же. С. 304-305.
86. *Корнилов А.А.* Общественное движение... С. 49.
87. См.: *Мельгунов С.П.* Митрополит Филарет - деятель крестьянской реформы // Великая реформа. Т. 5. М., 1911.
88. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815-1917. М., 1976. С. 144-145.
89. *Дружинин Н.М.* Москва и реформа 1861 г. С. 187.
90. *Никифоров Д.* Указ. соч. С. 66.
91. *Кавелин К.Д.* Дворянство и освобождение крестьян // *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. 2. СПб., 1898. С. 131.
92. *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 230.
93. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 55.
94. *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории, 1989, № 10, С. 11, 19.
95. *Чернуха В.Г.* Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма. Лг., 1967. С. 198-199.
96. *Татищев С.С.* Указ. соч. Т. I. С. 360.
97. Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978. С. 349-357.
98. *Сладкевич Н.Г.* Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861-1862 гг. // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М.В.Нечкиной. М., 1976. С. 108-109.
99. Там же. С. 109.
100. *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 24.
101. См.: *Безобразов Н.* Предложения дворянству. Берлин, 1862.
102. *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 158.
103. *Дружинин Н.М.* Московское дворянство и реформа 1861 года // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1948. №1. С. 77.
104. *Сладкевич Н.Г.* Об общественно-политических настроениях... С. 111-112.
105. *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 165.
106. Там же. С. 147.
107. Там же. С. 148.
108. *Корелин А.П.* Российское дворянство и его сословная организация (1861-1904 гг.)// История СССР. 1971. № 5. С. 75.
109. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. С. 237, 248.
110. *Сладкевич Н.Г.* Об общественно-политических настроениях... С. 114.
111. *Корелин А.П.* Дворянство... С. 237-238.
112. *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 29.
113. *Римский С.В.* Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. Ростов-на-Дону, 1998, С. 136-137.
114. Некоторые консерваторы искали поддержку в сочинениях иностранных авторов правого толка. Так, В.Мещерский вспоминал, что в это время он внимательно чи-

тал известные книги А.Токвиля и Ж.Б.Боссюэ. См.: *Мецгерский В.П.* Указ. соч. С. 290; О попытках идейного перевооружения консерваторов той поры см.: *Соловьев К.А.* Идейная платформа дворянской консервативной оппозиции 60-х годов XIX века // *Общественная мысль, политические движения и партии России XIX-XX вв.* Брянск, 1996. С. 10.

115. *Лесков Н.С.* Собр. соч.. Том 2. М., 1956. С. 711-712.

116. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в девяти томах. Том 4. М., 1956. С. 595-596.

117. *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы. Лг., 1986. С. 16. (Вступительная статья Б.Бухштаба).

118. *Майков А.* Стихотворения. М., 1980. С. 153.

119. Там же. С. 10. (Вступительная статья В.Коровина).

120. *Тютчев Ф.М.* Полное собрание стихотворений Л., 1987. С. 12.

121. *Фридлянд В.* Поэт сердечной и гражданской тревоги // *Полонский Я.П.* Литература. Проза. М., 1984. С. 9.

122. *Алмазов Б.Н.* Сочинения в 3-х томах. М., 1892; *Алмазов Б.Н.* Старая русская партия. СПб., 1912.

123. Колокол, 15 апреля 1863 г., № 161; С. 1329-1330.

124. *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России (1861-1881). М., 1990. С. 32.

125. *Корнилов А.А.* Общественное движение... С. 165.

126. *Скорospelова В.А.* Газета «Весть» в общественно-политической жизни России 60-х годов XIX века. М., 1975. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. С. 9.

127. Там же. С. 16.

128. Там же. С. 19.

129. Революционная ситуация... С. 310.

130. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания). М., 1978. С. 21.

131. *Сиповский В.В.* Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 87.

132. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 77.

133. *Корелин А.П.* Дворянство... С. 248.

134. *Скорospelова В.А.* Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // *Вестник Московского ун-та. Серия 9. История*, 1974. № 2. С. 37.

135. *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика... С. 45.

136. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 304.

137. Там же. С. 54.

138. *Аксаков И.С.* Славянский вопрос. 1860-1886. М., 1886. С. 44.

139. *Аксаков И.С.* Сочинения в семи томах. М., 1886. Т. 7. С. 19.

140. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 60.

141. См.: *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991; *Косик В.И.* Константин Николаевич Леонтьев: Революционер, пророк // *Советское славяноведение*. М., 1991. №3. С.3-11; *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991 *Долгов К.М.* Восхождение на Афон. Жизнь и мировоззрение Константина Леонтьева. М., 1997.

142. *Рибер А.Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // *Великие реформы в России. 1856-1874*. М., 1992. С. 44-72.

ОТ 4 АПРЕЛЯ 1866 ДО 1 МАРТА 1881 ГОДА

Во главе государства в это время находился Александр II, отменивший в России крепостное право и проводивший дальнейшие коренные преобразования: земскую, военную, городскую, судебную и другие реформы. Что бы о нем ни говорили, но это был человек, услышавший веление времени, вынужденный обстоятельствами на радикальные изменения в стране. Конечно, курс самодержавной политики определялся не только императором, но и крупнейшими государственными деятелями, его окружавшими. Часто осуществление той или иной программы зависело от того, насколько их авторам удавалось довести проекты непосредственно до самодержца и убедить его в целесообразности того или иного решения.

Естественно, что Александр II все время испытывал влияние и консервативных и либеральных представителей высшей администрации. В результате часто в своих воззрениях император колебался между либерализмом и консерватизмом, прогрессом и реакцией, что, в свою очередь, приводило к непоследовательной внутренней политике. С одной стороны, император признавал и осуществлял необходимые реформы, понимая, что такая реорганизация должна проводиться сверху - не допуская народного движения, революции. С другой, - он остерегался более или менее радикальных реформ, которые проводились людьми, заподозренными им в либерализме. Тут на политической сцене появлялись министры-реакционеры, убеждавшие своего монарха в необходимости ограничения реформ либо изменения их смысла законодательным путем, консервативным толкованием новых законов¹.

В целом же некоторые современники, а вслед за ними и историки оценивали взгляды Александра II и многие его государственные деяния как реакционные; другие - как либеральные. По мнению прогрессивного министра Д.А.Милютина, «государь поддался влиянию таких личностей, которые с самого начала реформ смотрели на них враждебно, точно так же как старые бояре XVII века смотрели на реформы Петра». Император Александр II не обладал твердостью убеждений и железную силу воли своего предшественника, и потому запугать его было нетрудно. Царь-освободитель остановился в своих благих начинаниях, даже усомнился в пользе и своевременности того, что было уже совершено. Поэтому военный министр делит царствование Александра II на два периода: либеральный - «период реформ», последующие годы - «период реакции»².

Известный публицист, консерватор князь Мещерский считал, что Александр II «отдал свое самодержавие» в руки тех деятелей, которые поставили своей целью «это самодержавие поколебать и обессилить». Царь, не зная внутренней жизни России, взял на себя «инициативу в либеральном подходе против великого царствования своего отца» и этим сломал «весь фундамент русской государственной крепости»³.

Так два современника оценивают деятельность Александра II с противоположных позиций. Либеральный администратор обвиняет императора в консерватизме; консерватор упрекает своего монарха в либерализме. Разноречие находило отражение в историографии, хотя преобладало мнение, что Александр II больше склонялся к консерватизму. Правда, Л.Г.Захарова считает, что «если говорить о главном направлении политики Александра II в первые годы после отмены крепостного права, то неоспоримым остается факт, что либеральные реформы интенсивно продолжались»⁴.

Сказали свое слово в этом вопросе и англо-американские историки. Одни считали, что Александр II в своих политических воззрениях колебался между либерализмом и реакцией; другие (а таких было большинство) называли царя-освободителя консерватором: «Все, что ни делал Александр II, было консервативно по своей сути. Преобразуя социальные отношения между классами, он ставил задачу восстановления самодержавной власти»⁵.

Думается, что нельзя однозначно оценивать царствование Александра II. Его позиция, направление деятельности во многом зависели от сложившихся в стране обстоятельств, от остроты политических событий, от роли ведущих публицистов, от влияния политических группировок, окружавших императора. Когда значение консервативных деятелей возрастало, царь склонялся к реакционным действиям, выступая за незабываемость основ самодержавия. Когда же идеи либеральной бюрократии в результате сложившейся ситуации побеждали, то и Александр II, колеблясь, все же вынужден был отступать от своих устоявшихся монархических воззрений: он мог быть и консервативно и либерально настроенным правителем.

1. ПОСЛЕ ПОКУШЕНИЯ КАРАКОЗОВА

4 апреля 1866 г. прозвучал выстрел Дмитрия Каракозова. Это был первый террористический акт, направленный против царя. Последовало усиление реакции, была создана Следственная комиссия во главе с М.Н.Муравьевым («вешателем»). Начались аресты. Широкая российская общественность встретила покушение на царя с негодованием, смешанным с радостью, - государь остался невредим. По воспоминанию современника, в Москве многолюдная толпа заполнила Моховую, Охотный ряд, Красную площадь. В храмах совершались молебствия. Вечером этого же дня в Большом театре шла опера Глинки «Жизнь за царя», зрители под возгласы «Ура!» заставляли артистов исполнять гимн. Когда же Сусанин пропел свой громовой ответ:

«Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за царя, за Русь»,

общему восторгу не было границ: «Крики браво! и Ура! не умолкали в течение многих минут»⁶.

Думается, что исследователь консерватизма в России должен всегда иметь в виду этот исторический фон глубоко монархической страны, на котором развивалась идейная жизнь государственных деятелей, давали свои оценки публицисты, в целом определялся курс правительственной политики.

Свою точку зрения на выстрел Дмитрия Каракозова высказал М.Н.Катков, пытавшийся определить «корень зла», связав его с Польским восстанием 1863 г. «Московские ведомости» прямо ставили вопрос: «Где был истинный корень мятежа? В Париже, Варшаве, Вильне? Нет, в Петербурге... Зло в польском патриотизме в России»⁷. Консервативная «Весть» считала, что виноваты не только поляки, - «не найдем ли где зло чисто русского происхождения»⁸. Так или иначе, но жесткая позиция Каткова, его «крайности», навлекшие на него в свое время высочайшее недовольство, по словам В.А.Твардовской, «теперь, на новом этапе усиления реакции и ее борьбы с освободительным движением, уже не казались в "верхах" опасными, они были как раз к месту»⁹.

Так в момент обострения ситуации происходила консолидация консервативных сил, во имя укрепления самодержавного деспотизма забывались частные разногласия. К этому во многом консервативно настроенных людей толкала боязнь связи покушения на императора с народным движением. Своими опасениями поделился 19 апреля 1866 г. с И.С.Аксаковым Ф.И.Тютчев. Он признавался, что испытывает чувство «какого-то испуга при виде нашей собственной действительности... Вдруг словно гора зашевелится и пойдет... Эта гора - народ Русский... И куда тогда деваются все наши теории и соображения?». Поэтому, по мнению Тютчева, задача заключается в том, чтобы народ обрек себя «на умышленную неподвижность», а будущее развитие должно происходить по «единственно возможной конституции - чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ»¹⁰.

Наступающая реакция, усиление консервативных сил сразу были замечены современниками. «С 4 апреля, - писал Д.А.Милютин, - берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане был граф Петр Шувалов; к нему примкнули все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массой»¹¹.

С весны 1866 г. правительство начало действовать решительно. Либерально настроенный министр народного просвещения А.В.Головнин за-

меняется реакционером графом Д.А.Толстым. Огромное влияние на императора приобретает властолюбивый шеф жандармов П.А.Шувалов.

Прав был Ф.И.Тютчев:

«Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй»¹².

Влияние Шувалова быстро сказалось. 26 апреля 1866 г. под председательством императора обсуждалась Записка нового жандармского начальника. Документ носил программный характер и свидетельствовал о широких консервативных планах, долженствующих стать основой внутренней политики царизма после выстрела Каракозова. Записка констатировала, что в российское общество проникли «вредные элементы», проповедующие «крайний социализм» и считающие «Бога, Государя и весь существующий порядок за предрассудки». Это вызвало в России крик недовольства. «Нет власти, власть потрясена». Социалисты направили свою борьбу против дворянства. Поэтому Шувалов (вслед за Катковым) призвал энергично поддерживать и восстанавливать дворянство и землевладение, так как «без этих элементов консервативных и здоровых не может существовать правильно организованное общество»¹³. Для выполнения этой задачи необходимо преобразовать полицию, усилить цензуру, изменить политику народного просвещения.

Записка Шувалова легла в основу рескрипта царя от 13 мая 1866 г. на имя председателя Комитета министров князя П.П.Гагарина. Император повелевал обратить внимание на воспитание юношества, направляя его в духе религиозных истин, уважения к правам собственности и соблюдения «коренных начал общественного порядка». Правительственным начальникам вменялось в обязанность не допускать «вражды против дворянства» и опираться в своей деятельности на здоровые охранительные и добронадежные силы, «которыми Россия всегда была обильна и доселе, благодаря Бога, преизобилует»¹⁴.

В свете этой охранительной деятельности личность министра народного просвещения играла особую роль в духовной жизни России. Современники хорошо запомнили деяния этого человека. Яркую характеристику графу Д.А.Толстому дал Б.Н.Чичерин: «Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции: человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не выдавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое общественное движение... лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей...». Еще во времена николаевского царствования граф Толстой убеждал Грановского, что «надобно в историю вносить консервативные начала». На это Грановский ответил: «Как это в историю вносить консервативные начала? Если они есть, то их нечего вносить, а если их нет, то как же исказить историю?»¹⁵.

Отметим, что «консервативные начала», о которых говорил граф Толстой, по-разному воспринимались, а подчас даже отрицались самими

консерваторами. Газета «Весть» после выстрела Каракозова усиленно подчеркивала, что реформы расшатали, разорили, развратили Россию¹⁶. Условия русской жизни, система воспитания народа с ее учебными заведениями привели к тому, что стало «возможно из молодого поколения сделать такой позорный, бездушный материал, которым располагали и располагают польские революционные эмиссары»¹⁷.

«Московские ведомости» (с которыми часто полемизировала «Весть») в середине 60-х годов к преобразованиям относилась более или менее лояльно. Катков, например, энергично поддерживал судебную реформу: «Суд есть сила независимая и состоятельная», - заявлял он¹⁸. Больше того, редактор газеты считал, что законная власть сильна «силой своего народа» и ей «нет повода бояться никакой свободы»¹⁹. По мнению Каткова, поместное дворянство должно стать опорой правительства, отвечать интересам государства. Правда, олигархические устремления русского дворянства никогда не находили поддержку у знаменитого публициста, что вызывало недовольство газеты «Весть». «Следовало бы, - писалось там, - радоваться единению дворянства; следовало бы радоваться, что торжественно провозглашенные нашим Государем воззрения проникают постепенно в действительность. Ничуть не бывало! Вызываются тени "верховников", говорится о "революции регрессивной"»²⁰.

Этим спором дело не ограничилось. В ответ на заявление «Московских ведомостей», что земское дело «оказалось несостоятельным», «Весть» высказала свое понимание проблемы: «Несостоятельно не земское дело; напротив, будущность его несомненна. Несостоятельны тепешние губернские и уездные собрания». «Весть» считала, что когда самоуправление начинает автоматизироваться, а правительство впервые выпускает «из своих рук часть власти и передает ее обществу», в этих условиях следует призывать к действию «лишь элементы наиболее охранительные», а когда дело стабилизируется, «могут быть призываемы и элементы более подвижные»²¹.

Идея же «Московских ведомостей», что либерализм расшатывает устои государства и, в конечном итоге, ведет к социальным потрясениям, всякий раз вызывала протест газеты В.Д.Скарятина, в которой, напротив, утверждалось, что в России не может быть революции: «Пора нам отличать либерализм от революции, свободу от равенства, право от насилия, власть от произвола»²².

Так в консервативной публицистике происходила полемика по вопросу последствий российских реформ. Спорили и о роли дворянства, и о направлении земской деятельности, и об отношении к либерализму и о многом другом. Но все эти несогласия носили все же частный характер и не затрагивали основы, сущности самодержавного правления. В конечном итоге оппоненты были заинтересованы в одном и том же - укрепить императорскую власть.

Да, конечно, Катков был последовательным идеологом российского самодержавия. И все же передовицы «Московских ведомостей» иногда слишком усиленно нападали на бюрократические тенденции российской

администрации, что и было замечено в правительственных кругах. Об этом 1 октября 1866 г. Шувалов известил Каткова. Шеф жандармов писал, что «Государь недоволен некоторыми статьями газеты, которые отличаются "враждебным направлением" против администрации», что бросает тень и на самого императора; следует учитывать, что реформы вызваны жизнью не для того, «чтобы уничтожить правительственное начало, администрацию, во главе которой сам Государь и от которой себя отделить Его Величество не желает и не может»²³.

По-видимому, голос Шувалова был услышан. «Московские ведомости», казалось, перестали бросаться в крайности, бдительно охраняя царский авторитет, хотя, в общем-то, во внутренней политике страны не было стабильности. Общественная и государственная жизнь отличались своими перманентными колебаниями, что и отметил 29 декабря 1867 г. в своем дневнике А.В.Никитенко: «Россия - странное государство: это страна всевозможных экспериментов - общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго... судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой»²⁴.

Развитие консервативных идей в России не было изолированным явлением, а было во многом связано с политическими событиями в Западной Европе. Это особенно сказалось на рубеже 60-70-х годов прошлого века, когда усиление деятельности Интернационала, провозглашение республики во Франции, победа Парижской Коммуны насторожило либеральную общественность и вызвало глубокую тревогу в лагере консерваторов. Им было о чем задуматься: как бы зарубежные социальные преобразования не перекинулись в Россию, как бы отечественные социалисты не стали подражать своим западным коллегам. Тем более, что в Петербурге 1 июля 1871 г. начался открытый судебный процесс над нечаевцами. Публиковавшийся стенографический отчет раскрыл революционные намерения подсудимых. Сразу возник вопрос: не были ли русские социалисты агентами Интернационала, «нет ли тут связи с Парижской Коммуной?»²⁵

Действительно, Парижская Коммуна оставила глубокий след в общественном сознании России. Революцию 18 марта 1871 г. оценивали и консерваторы, и либералы, и революционеры. Оценивали различно...

7 мая 1871 г. Ф.Тютчев писал И.Аксакову:

«Казалось, что к событиям таковым, как в Париже, всякий мыслящий человек не может отнестись двояко и что эта страшная поверка на деле известных учений не может убедить кого бы то ни было - оказывается далеко не то: я встречаю здесь людей серьезных - ученых - и даже нравственных, которые нисколько не скрывают своего горячего сочувствия к Парижской Коммуне и видят в ее действиях занимающую зарю всемирного возрождения». И вот что больше всего тревожило Тютчева - «повсеместное отрицание Власти»²⁶, что открывает возможности «для личного произвола». Парижская Коммуна, следовательно, по мнению корреспондента, и явилась примером такого произвола, могущего повлиять на развитие общественной жизни в России.

Естественно, такие события в западноевропейской жизни сказались на российском правительственном курсе. А.В.Никитенко 9 февраля 1871 г. свидетельствовал в своем дневнике: «Реакция принимает, по-видимому, систематический характер»: реформы учебных заведений направлены на то, чтобы неимущие сословия не могли получить высшее образование; правители «подкапываются под самостоятельность новых судов»; придумывают «стеснительные меры» против печати²⁷. Автор дневника называл и конкретного вдохновителя этой политики - того же графа Шувалова, который «систематически образовывал дело реакции», подчинив себе главных административных лиц²⁸.

А.Никитенко не ошибался - так оно и было. 21 декабря 1873 г. под председательством императора происходило совещание Совета министров - обсуждали меры по усилению надзора над народными школами. Граф Шувалов в своем докладе нарисовал мрачную картину «растления народа злоумышленниками-пропагандистами» и предложил обратиться к русскому дворянству: возложить на него наблюдение за школами, чем непосредственно и должны были заняться предводители губернских и уездных собраний. Прочитан был и проект высочайшего рескрипта на имя министра народного просвещения. Граф Д.А.Толстой, граф К.И.Пален и П.А.Валуев поддержали это начинание. Великий князь Константин Николаевич, граф С.Г.Строганов, А.М.Горчаков, князь С.Н.Урусов, Н.П.Игнатьев высказались против намерений дворянской партии. Тогда Александр II обратился к наследнику: «А ты сочувствуешь ли предлагаемой мере?». С некоторым смущением Александр Александрович ответил: «Нет, не сочувствую». Тогда прозвучали грозные слова царя: «А я одобряю предложенную меру и считаю ее необходимой. Я делаю это не сколько для себя, сколько для тебя и твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности».

Так консервативная идея победила, император склонился на сторону тех, кто во главу политики ставил репрессивные меры. Рассказав в своем дневнике об этом эпизоде, Д.А.Милютин так выразил свое настроение: «Если все сказанное против предложенной меры не могло повлиять на высочайшую волю, если после разумного и энергичного протеста председателя Государственного совета и заявления наследника все-таки взяла верх всецельная шуваловская шайка, то можно ли после этого бороться с нею такому одиночному противнику, каков я теперь в среде враждебного мне состава правительственных властей»²⁹.

Да, самодержавный натиск был достаточно сильным, консервативные деяния правительства все глубже проникали в общественную жизнь России и вызывали там недовольство. Реакционное давление испытывали и прогрессивные министры, и либерально настроенные интеллигенты и, разумеется, представители революционного подполья. Об этом красноречиво свидетельствуют документы. Вновь обратимся к дневнику Никитенко - к записи от 3 ноября 1874 г.

«Главное зло состоит в том, что теперь ничему не верят и менее всех правительству, которое усиливается отнять у нас то, что им же самим да-

но. Мы вступали на новый путь, а нас толкают назад. И весь этот новый путь не был какою-нибудь прихотью или мог быть и не быть. На него устремились в силу вопиющей необходимости. Освобождение крестьян, новые суды, земства, гласность и хоть некоторая свобода печати - разве это прихоть общества, а не такая потребность, не удовлетворив которой нет возможности России существовать? Все недовольны, все страдают...»³⁰.

Разумеется, усиление русского консерватизма заметил и П.Л.Лавров, выступивший в зарубежной газете «Вперед!» со статьей «Русские либералы и консерваторы». Скажем прямо - идеолог революционного народничества явно недооценил силу и значение русского консерватизма. По его мнению, «торжество русского консерватизма крайне эфемерно». Он, якобы, только внешне производит впечатление господства в государственной жизни, в действительности же консерватизм «лишен всякой внутренней возможности установить это господство». И вот почему: «Ни одного талантливого государственного человека; ни одного надежного помощника для правительства; ни одного даровитого защитника. Все сохранившее силу умственного развития и достоинства человеческого характера - в оппозиции»³¹. Думается, что это был во многом пропагандистский прием - выдавать желаемое за действительное.

Стремление принизить силу консерватизма в России, представить его явлением поверхностным, а иногда и сатирически нарисовать образы консерваторов имело достаточно устойчивую тенденцию в публицистике. Как тут не вспомнить М.Е.Салтыкова-Щедрина, который в середине 1870 г. на страницах «Отечественных записок» давал такую характеристику правительственным чиновникам: «Вообще чиновничья мудрость измеряется ныне не годами, а плотностью и даже, так сказать, враждебностью консервативных убеждений, сопровождаемых готовностью, по первому трубному звуку, устремляться куда глаза глядят»³².

Нет, разумеется, историк обязан более серьезно относиться к консерватизму и его значению в общественной и государственной жизни страны. Это было глубокое идейное течение, определявшее направление и духовных интересов, и правительственного курса империи. Течение имело и своих крупных идеологов...

2. ИДЕОЛОГИ

Тон российским консерваторам в пореформенное время задавали, главным образом, два человека: М.Н.Катков и К.П.Победоносцев - стойкие, последовательные и верные идеологи самодержавия. Именно они на протяжении долгого времени определяли основные тенденции консерватизма, направленные на укрепление царского режима, отстаивая его неизблемость и защищая от нападения прогрессивных сил общества. Преследуя одну цель, они действовали различными путями. Катков талантливо делал свое дело в публицистике; Победоносцев (особенно вначале) проводил свой консервативный курс путем непосредственного влияния на на-

следника престола цесаревича Александра Александровича, постепенно ставшего оплотом реакционных сил в правительственном лагере.

Осведомленный читатель скажет, что и консервативная пресса Мещерского была популярна и, быть может, более понятна для широкого читателя, чем публицистика Каткова. Но в идейном смысле она почти ничего нового не давала, а лишь повторяла передовицы «Московских ведомостей». Поэтому остановимся прежде всего на тех сторонниках самодержавной России, которые были наиболее солидными, самостоятельными и творческими людьми.

В декабре 1886 года, за семь месяцев до своей кончины, Катков на страницах «Московских ведомостей» высказал суть своего мировоззрения: «Говорят, что Россия лишена политической свободы; говорят, что хотя русским подданным и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имеют прав политических. Русские подданные имеют нечто более, чем права политические; они имеют политические обязанности. Каждый из русских обязан стоять на страже прав Верховной Власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то, что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша Конституция»³³.

Да, на страже Верховной Власти должен стоять русский народ, способный к активной политической жизни, - «он есть сила, проходящая через миллионы людей», - писал Катков еще в конце 60-х годов. С этой силой следует считаться. В обычное время она «неслышна и незаметна». Но наступает время, когда эта сила начинает бурно пробуждаться. «Все закружится в урагане, когда поднимется эта сила, столь же слепая, сколь и неумолимая, как и всякая сила природы. Мелкое и великое, умное и глупое, ученое и невежественное - все равно охватит одна могучая сила». Но в этом стихийном порыве есть «разумное и святое» - они-то и должны определить характер движения. Успех придет к тому, «чья мысль и чувство совпадут в один ток с народным влечением, в ком народная сила найдет свой разум и свою волю, кто послужит ей живым и сознательным органом - благо тому!»³⁴.

Этими словами, думается, определил Катков свою собственную роль в общественном движении. Стихия - вещь страшная. Она может уничтожить все на своем пути. Этого допустить нельзя. Нужно выражать и то народное чувство, которое станет организующим началом и будет способствовать укреплению российской государственности³⁵.

Не все политические деятели сразу становятся консерваторами. Не консерватором начал свой идейный путь и Катков - выходец из разночинной среды, детство и юность которого прошли в бедности³⁶.

В 1851 г. Катков начал заведовать редакцией университетской газеты «Московские ведомости», а в 1856 г., как уже отмечалось, примкнул к московским либералам, издававшим «Русский вестник». В 1858 г. он стал единоличным редактором журнала, а его помощником - профессор П.М.Леонтьев. «Русский вестник» выступал за преобразования, но постепенные, без противоречий и конфликтов³⁷. В 1862 г. Катков совместно с Леонтье-

вым получают в аренду «Московские ведомости». В лице Каткова правительство увидело издателя, который мог бы талантливо поддержать (а иногда и сформулировать) самодержавную идеологию. Ставка была сделана верно: Катков приступил к редактированию газеты, «воодушевленный ненавистью к демократическим и социалистическим идеям, видя самый надежный оплот против них в самодержавии, и готовый служить ему последовательно и неуклонно», - отмечает современный исследователь³⁸.

Польское восстание 1863 г. еще больше укрепило Каткова в его консервативных убеждениях, сделало его стойким борцом с либерализмом, свободомыслием, с радикальными идеями переустройства России. Первая передовая «Московских ведомостей» за 1864 г. четко сформулировала взгляды ее редактора: «Реформа! Преобразование! Почему эти привлекательные слова... перестали ласкать наш слух, почему мы не приходим в восторг от многочисленных проектов различных ведомств и даже относимся к ним с недоверчивостью?» Почему? Катков считает, что нужно отличать план реформы от практического их исполнения. В непосредственных исполнителях и заключается корень зла: нужны люди, которые стояли бы на «твердой почве», чувствовали бы назревшие потребности, отражающие быт и намерения народа³⁹. К этому вопросу Катков возвращается и в 1865 г. в связи с осуществлением судебной реформы. В очередной передовой мы читаем: «У нас нет людей! - Неправда, у нас есть люди, - дайте учреждение, люди явятся!... Богатства наши массою лежат в недрах и на поверхности нашей земли, нетронутые и неразработанные... силы в нас много, так много, что вовсе не ценим и растрачиваем ее самым бессмысленным образом»⁴⁰.

Так или иначе, но в 60-х годах Катков был воодушевлен верой в возможность реформирования России, не затрагивая при этом основ абсолютизма, что и должно было вывести страну в число цивилизованных государств Европы.

Именно поэтому в 60-х годах отношение Каткова к земству было в своей основе положительное. Правда, он признавал, что в деятельности земских учреждений еще много недостатков. Вместе с тем, учреждения земства, по его мнению, «настолько же лучше тех учреждений, которые ему предшествовали, насколько мировая юстиция лучше прежних судебных органов»⁴¹. Постепенно, однако, этот взгляд изменялся. Главный порок российской жизни он видел в независимости и самостоятельности земских и судебных учреждений. По его мнению, их следовало подчинить правительству, т.е. консервативной бюрократии, которая всегда выступала против реформирования страны. Этот мотив начал определенно звучать в начале 70-х годов. «Земские учреждения, - отмечается в "Московских ведомостях", - представляют печальное зрелище. Гласные во многих местах охладевают к своему делу, перестают видеть в нем серьезное дело государственного значения, начинают сомневаться в его будущности. Они замечают в правительственных властях какое-то глухое нерасположение»⁴².

Такая оценка земства имела свои истоки. Еще в 1863 г. Катков был противником отдельного существования как крестьянских учреждений, так и дворянских собраний. По его мнению, в основе земских собраний

должны были оставаться собрания дворянские, дополненные представителями других сословий. Разлад между правительством и земскими учреждениями может быть ликвидирован путем привлечения к активной деятельности дворянства, которое, по словам Каткова, в изменившихся условиях «теряет под собой почву» и не знает, «что с ним будет». Нельзя отталкивать дворянство «в область прошедшего», оно остается «опорой престола» и должно стать органической связью между самодержавием и народом. Больше того, по мнению Каткова, «дворянство после отмены крепостного права выдвигается только, как передовой отряд народа»⁴³.

Формирование идеологии российского самодержавия во многом зависело от состояния образования, от направления и характера учебной реформы. Это очень хорошо понимал Катков: нужно завладеть умами юношества, вселить в них веру в истинно русские охранительные начала. Для этого в условиях пореформенной России следовало вспомнить и последовательно осуществлять принципы, выдвинутые в свое время графом Уваровым, - «Православие, Самодержавие и Народность». Реформы в области образования должны были подготовить такие кадры для самодержавия, которые не увлекались бы проблемами науки, были бы далеки от вольнодумства, а прочно верили в силу официальных догм, в справедливость государственного порядка, принципов самодержавной власти. Разумеется, наибольшее противодействие предстояло оказать «нигилизму», активно заявившему о себе в пореформенное время. Катков понимал, что вместе с нигилизмом в общественное сознание просачиваются идеи демократии и социализма, которые смыкаются порой с «гнилым либерализмом». А это приводило к тому, что самодержавная идеология отеснялась либеральными и демократическими идеями.

Для того чтобы этого не произошло, нужна программа образования, отвечающая целям охранительной идеологии, т.е. классическая система обучения, в центре внимания которой находились бы древние языки и математика. Преподавание естественных наук сводилось до минимума, что и должно было ограничивать развитие материалистического мирозерцания у учащейся молодежи. И русская словесность, по мнению Каткова, приносила вред воззрению обучающихся, воспитывала в них обличительные настроения.

Отметим, что обстоятельства благоприятствовали осуществлению планов Каткова. С приходом на пост министра народного образования реакционера графа Д.А.Толстого началось плодотворное сотрудничество редактора и министра - консервативная идеология прочно их объединила.

К концу 60-х годов вера Каткова в целесообразность реформ в своей основе начала исчезать. Усилилась ностальгия по дореформенным временам, в передовицах «Московских ведомостей» начали звучать обращения к правительству притормозить преобразование, т.к. они не укрепляют самодержавный режим, а, скорее, подтачивают основы абсолютизма. Публициста пугала возможность высвобождения части общества из-под официальной идеологии, что укрепляло позиции либералов, а это, в свою очередь, по мнению Каткова, открывало простор для деятельности ниги-

листов. «Государственная Россия перерождалась, - писали "Московские ведомости" в конце 1871 г., - меняла свои устои. Общество, привыкшее к мраку и духоте, было сразу охвачено свежим воздухом свободы. Вчерашние сны сегодня переходили в явь и гнали старый порядок ... людьми овладевает состояние крайнего возбуждения, голова идет кругом, под ногами уходит земля... Растление человеческих душ начинается чуть ли не с первого лепета. На смену безбородым социалистам идут двенадцатилетние коммунисты»⁴⁴.

События конца 70-х - начала 80-х годов стали переломными во взглядах Каткова, в его оценке внутренней жизни России. Под влиянием деятельности народолюбцев он окончательно выступает против реформирования страны, с глубокой ненавистью обрушивается на социалистов, обнажает причины распространения нигилизма. Достается не только радикалам, но и либеральной интеллигенции, которая чуть ли не в каждом номере «Московских ведомостей» обвиняется в попустительстве и потворстве нигилизму.

В эти годы деятельность Каткова приобретает особую значимость, он обретает славу знаменитого публициста в среде российской журналистики. Один из первых биографов Каткова Н.А.Любимов метко заметил: «Признанная страню и правительством заслуга печатного слова, оказанная "Московскими ведомостями" и "Русским вестником" в годы испытания, подняла роль журналиста до роли государственного деятеля. Редакция газеты, скромно печатавшейся в Москве, на Страстном бульваре, мало-помалу становится государственной инстанцией. С мнением "Московских ведомостей" начали считаться государственные люди. К ним внимательно прислушивался Глава государства»⁴⁵. Константин Леонтьев вспоминал, что в 1867 г. имя Каткова повторялось даже в самых отдаленных городах Турции, а английский консул Блонт с бешенством восклицал: «Россия - это Япония; в ней два императора: Александр II и мосье Катков!»⁴⁶.

В.А.Твардовская верно подметила, что в тактике борьбы за консервативные идеалы между Катковым и Победоносцевым была ощутимая разница. Катков был противником всяких полумер и паллиативов, признавал единственный путь - «напролом», призывая власть «вырвать зло с корнем». Победоносцев действовал иначе. В конкретных условиях, по необходимости, он считал нужным «двигаться к заветной цели обходными путями, не отказываясь от компромиссов»⁴⁷.

При этом, думается, нужно учитывать и то, что Катков выступил с позиции влиятельного публициста, автора блестящих передовых. У Победоносцева было другое амплуа, другое общественное положение: он начал учителем цесаревича, наследника престола, кончил крупным государственным деятелем - тут без дипломатии не обойдешься.

В эпоху падения крепостного права взгляды Победоносцева были достаточно прогрессивны. В письме к помещице Смоленской губернии он

в марте 1861 г. писал: «Мы до сих пор еще недостаточно оцениваем всю важность этого перелома. Но, господи боже, какая великая перемена? Каково же - подумайте, в России нет крепостного права!.. Никто не будет слушать по принуждению»⁴⁸.

Это было во многом результатом умеренной дани, отданной распространённому на рубеже 50-60-х годов XIX в. либерализму, реакцией российской общественности на мрачное царствование Николая I, что и сказалось на воззрениях молодого К.П.Победоносцева. Но в дальнейшем этот налет вольномыслия, прогрессивности исчез. Став знатоком английского парламентаризма, истории Англии и ее духовной жизни, свидетелем трудного реформирования России, крестьянских и студенческих волнений, Константин Петрович резко изменил свои взгляды. По словам историка, «врожденный и воспитываемый в нем с молодых ногтей русский "византизм" взял верх и в его лице приобрел постепенно своего выдающегося идеолога и практика»⁴⁹.

Все это формировалось действительно постепенно, в противоречивых поисках. Достаточно сказать, что англоман Победоносцев был близок к славянофилам, поддерживал с ними (через Е.Ф.Тютчеву) переписку, разделял многие их взгляды⁵⁰. Он не был чужд и идей реформирования России, выступая сторонником судебной реформы и отстаивая необходимость гласного судопроизводства, адвокатуры, состязательного процесса. Свои идеи он высказывал в середине 60-х годов на лекциях в Московском университете, завоевав популярность среди студентов. А.Ф.Кони вспоминал, что Победоносцев содержательными лекциями по гражданскому судопроизводству доказывал справедливость открытого суда, который должен обличать неправду и соблюдать закон. Кони встречался с Победоносцевым и в 70-х годах, когда его отношения с министром юстиции графом К.И.Паленом были натянутыми. Тогда выпускник училища правоведения отличался критическим и острым умом. «Его слова лились, как тонкая и метко направленная струйка азотной кислоты и выедали все, к чему прикасались. Но тут же обнаруживалось с одинаковой яркостью отсутствие творческого элемента в его скептическом и бесплодном для государственного строительства уме»⁵¹.

Да, творческого элемента, прогрессивных суждений явно не хватало знатоку юридической науки. Приняв участие в разработке судебных уставов 1864 года, Победоносцев в 70-х годах выступил против радикального решения судебной реформы. Особое неприятие проявил он к суду присяжных. Недоволен был и военной реформой, построенной на принципе уравнивания сословий. «Главная прелесть дела, - писал Победоносцев Тютчевой в феврале 1874 года, - состояла в том, чтобы не отстать от Европы и произвести полное уравнивание сословий в главной повинности. Весело сказать, что дворянина возьмут в солдаты так же, как и крестьянина»⁵².

Став воспитателем будущего императора Александра III, Победоносцев приблизился ко двору и мог оказывать влияние на политику правительства. Его письма к наследнику престола убедительно раскрывают мировоззрение мудрого наставника, стремившегося оградить своего уче-

ника от влияния сторонников подлинного реформирования России. В середине 70-х годов он обвиняет правительство в том, что оно проявляет слабость в управлении государством, «погрузилось в какую-то апатию», допускает «возбуждение общества», что ведет к разрыву между правительством и народом. Российские правители думают только о новых преобразованиях, забывая о том, что они должны «надзирать и править»; в результате государственное дело попало в руки людей ленивых и неспособных - лишь бы они «казались настроенными в духе тех или других любимых начал, уставов и положений»⁵³.

Разговоры о конституции вызывали резкое недовольство Победоносцева, стремившегося всеми силами развенчать в глазах Александра Александровича эту вредную (с точки зрения наставника) идею. 12 октября 1876 г. он пишет наследнику престола: «Придет, может быть, пора, когда льстивые люди, - те, что любят убажывать монархов, говоря им одно приятное, - станут уверять вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер - все пойдет гладко, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай боже истинному русскому дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться»⁵⁴.

В дальнейшем Победоносцев еще и еще раз подчеркивал в своих письмах, что у правительства нет твердой воли, нет решимости защищать основные начала государственного управления, призывал «проснуться и встать, править рулем и работать всеми веслами днем и ночью, чтобы провести судно сквозь мрак и бурю»⁵⁵.

С годами влияние Победоносцева усиливалось, с его мнением считались и наследник престола, и консервативно настроенные министры. По словам Ю.В.Готье, «профессор московского университета и автор классического курса русского гражданского права, далекий и чуждый придворным кругам, постепенно превращался в "вице-императора", в долголетнего влиятельного и безответственного руководителя внутренней политики русской империи»⁵⁶.

Победоносцев часто критиковал Александра II за нерешительность, за отсутствие последовательного консервативного правительственного курса, за нерациональную политику. «Государь, - писал Победоносцев в сентябре 1877 г. Е.Ф.Тютчевой, - по-видимому, впал в пассивное состояние; решится ли он пойти вопреки себя, взять метлу в руки, вымести прежних, взять новых людей. Во всю свою жизнь он как бы по природе боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что на ничтожестве легче было ему успокоиться»⁵⁷. Константин Петрович возмущался тем, что Александр II продолжает курс реформирования России, слабо использует свою самодержавную власть, допускает к важнейшим государственным делам «конституционалиста» - великого князя Константина Николаевича. 29 декабря 1879 г. Победоносцев писал Каткову: «Власть уже становится на Руси игрушкой, которую хотят передавать друг другу жалкие и пошлые честолюбцы посредством интриги... нет уже твердого центра, из которого всякая власть прямо исходила бы и на котором прямо бы держалась»⁵⁸.

Став обер-прокурором Святейшего Синода, Победоносцев начал оказывать колоссальное влияние на развитие просвещения и религиозной жизни в стране; взгляды крупнейшего идеологического чиновника ставятся на службу государственного мышления. А.Ф.Кони с возмущением писал, что Победоносцев «стремился отдать умственное развитие простого русского народа в руки «невежественного и ленивого, нищего и корыстного сельского духовенства»⁵⁹.

Кроме политической программы Победоносцева, основанной на идее укрепления самодержавных порядков в России, в планах обер-прокурора Святейшего Синода содержалась другая коренная идея: переродить внутренний мир людей, нравственно перевоспитать общество. Но такая политика несла в себе неразрешимые противоречия. С одной стороны, Победоносцев был сторонником идей патриархально-сословной России; но это означало возвращение к прошлому, к отказу от проведенных реформ, что могло вызвать общественные потрясения, которых так боялся стойкий сторонник стабильной державы⁶⁰.

Размышляя в начале 70-х годов над общественным движением, князь Мещерский приходил к выводу, что в «людской жизни широко распространен либерализм»: весьма популярна газета Краевского «Голос», действуют либералы и в правительственных сферах, всякая либеральная идея, включая и конституционную, «находила массу лабораторий в человеческих мозгах», центром либерализма стало земство. Что же касается консервативной мысли, то она «вызвала нервные судороги отвращения»⁶¹. Такую несправедливость необходимо было исправить - создать в С.-Петербурге консервативный орган, который бы встал на защиту «церковного авторитета», самодержавия, обличал бы всякое увлечение либерализмом⁶². Газета Мещерского «Гражданин» в 1872 г. и стала таким органом.

Первые номера сразу определили характер и направление нового издания, стремившегося оценить ход реформирования России. Нет, В.П.Мещерский, казалось бы, не выступал против проведения реформ, он писал в статье «Вперед или назад», что «назад идти невозможно», т.к. в стране «закипала жизнь». Идти, следовательно, нужно вперед. Но как? «Тихо, стройно и в неразрывном органическом общении правительства с народом». А так как такая пора еще не наступила, то следует на основных реформах «поставить точку», т.к. «нужна пауза» - для того чтобы «дать жизни создать душу и формы» для народного образования. За это время, по мысли Мещерского, вырастут люди не колеблющиеся, могущие стать опорой для общества и правительства⁶³.

Да, «нужна пауза» для развенчания нигилизма, «исчадия того мира», где общество не может правильно воспитывать своих детей, не может проповедовать идеи религии, нравственности и народности⁶⁴. Особую тревогу у князя Мещерского вызывает Петербург, где распространяется пропаганда «безверия и безначалия», что весьма опасно для всей России.

«Если Россия делается Петербургом - она погибла. Если Петербург делается Россией - она спасена»⁶⁵.

Социальные обострения, нечаевский процесс, Парижская Коммуна - все это заставляет публициста вспомнить о Великой французской революции. Может ли подобное произойти в России? Такая драма «на народной сцене» немислима. Но причины, вызвавшие революцию во Франции, следует учитывать, дабы не допустить углубления противоречий между правительством и народом⁶⁶.

В делах укрепления государственности основную роль, по мнению Мещерского (об этом неоднократно писал Катков), сыграет дворянство. Россия без дворянства не может иметь политического будущего - «неминуемо погибнет как единодержавное государство». Значение дворянства, с его точки зрения, заключается в том, что оно всегда незримо руководило волей народа - «народ сжился с дворянством, как дворянство сжилось с народом»⁶⁷. Обстоятельства же в стране сложились так, что дворянство «как духовная сила» улетучилось. Так продолжаться не может. «Перерождение общества посредством консервативной реакции, - пишет Мещерский, - должно произойти не на почве изменения реформ, а исключительно в той нравственной сфере, где ложный дух исказил благодетельное значение реформ»⁶⁸. Эта «нравственная сфера» включает в себя усиление консервативного элемента в деле реформирования России - нельзя проводить реформы только в либеральном духе, «без консерваторских или охранительских начал»⁶⁹. Да, в эпоху отмены крепостного права консерваторы были «одиночками личностями», не смевшими группироваться в партии. Теперь же дело изменилось. Эти личности «составляют кружок» единомышленников, в той или иной мере получивших «известную нравственную силу» и могущих смело высказывать свое мнение относительно будущего страны. «С этими консерваторами надо считаться», - заключает Мещерский⁷⁰.

И все же этого, по всей видимости, не происходит. Во время общественного подъема конца 70-х - начала 80-х годов публицист продолжал утверждать, что консерватизм в государстве превратился в легенду. В России нет консерватизма, нет и «правильного» либерализма и в результате нет политического равновесия. «Остался консерватором, но бессознательным, т.е. инстинктивным - один народ»⁷¹. Это были раздумья типичного реакционера о взаимоотношениях между консерваторами и либералами. Подробнее об этом и пойдет сейчас речь.

3. КОНСЕРВАТОРЫ И ЛИБЕРАЛЫ

Как и в любом общественном течении, среди консерваторов по ряду вопросов не было единства мнений, не было согласия. Это вполне естественно. Страна, находившаяся на пути от крепостничества к буржуазным порядкам, не имевшая последовательно выработанного политического курса, установившейся правительственной политики, была чревата проблемами, спорными и невыясненными вопросами. Для их решения име-

лись различные варианты, с которыми и выступали мыслящие, образованные люди, стремившиеся понять, что будет с Россией, что ждет огромную державу, насколько непредсказуема ее судьба.

В этих условиях имел место переход представителей либерализма к консерватизму, «от фронды к охранительству», что часто объяснялось трусостью идеологов буржуазно-либерального направления. Но при этом не учитывалась причина более существенная: «голоса влияния, воли этой самой демократически и материалистически настроенной массы русского общества, за которую и шла борьба»⁷². Иначе говоря, имело место парадоксальное явление: демократическая, народная масса не воспринимала либеральную идеологию, предпочитая ей воззрения консервативные, направленные на укрепление самодержавных порядков, - верила в неизбежность абсолютизма в России. На этом фоне и происходили поиски истины, правильных судьбоносных решений, чем и были увлечены представители различных идейных течений.

20 марта 1875 г. Победоносцев обратился с очередным письмом к наследнику престола Александру Александровичу, предостерегая его от «особого сочувствия» к произведению Р.Фадеева «Чем нам быть?», первоначально опубликованному в газете «Русский мир». Наставник писал, что труд Фадеева справедливо оценивает существующие «неустройства» в России, но там, где автор «принимается сочинять» новые порядки, он оказывается «очень слабым» советчиком⁷³.

Книга консервативного публициста (она потом вышла отдельным изданием) пришлась не по вкусу не только Победоносцеву, она вызвала несогласие и других консерваторов и, разумеется, либералов. В ней утверждалось, что дворянство в России - этот «культурный слой» - должен стать основой для ведения в стране «общественного дела». Дворянство, правда, не может быть признано «всей умственной силой России», но оно несомненно должно стать «законным средоточием и устоем всей этой силы»⁷⁴. Стабильность общества зависит от толщины культурного слоя - дворянства. Эта основа сознательного консерватизма, сдерживающая бродящие под этим слоем стихийные силы, способные прорваться наружу. Реформы в России расшатали дворянство как сословие, оно растворилось в народной массе, растеряло свои охранительные функции. Для спасения страны от анархии требуется сплочение разбитого дворянства, ему предназначено быть *властным* сословием, наделенным новыми правами, отвечающими общественным потребностям. В России необходимо самоуправление, но оно только тогда станет «положительным делом», когда «перейдет в руки дворянства и крупного купечества»⁷⁵.

Наиболее обстоятельный ответ на произведение Фадеева содержится в опубликованной в 1875 г. в Берлине книге двух авторов: Ю.Самарина и Ф.Дмитриева - «Революционный консерватизм». Издание состоит из обширного «Письма к Р.Фадееву», написанного Самариним, и проведенного Дмитриевым анализа проектов петербургских дворян, касающихся вопросов всесословной волости. И тот и другой текст идейно связаны с названием книги.

Революционный консерватизм - сочетание необычное. По мнению Самарина, в эпоху отмены крепостного права уже можно говорить о группе революционеров-консерваторов, которые самоустранились от главного общественного дела, т.к. не одобряли способа осуществления реформы. В дальнейшем они объединились вокруг газеты «Весть». Так реакционно-дворянская, крепостническая оппозиция реформам 60-х годов получила название революционного консерватизма: «консерватизм заключается в *намерениях*, а революционность - в рекомендуемых *средствах* и в употребляемых приемах»⁷⁶.

Самарин прямо поставил автору книги вопрос: откуда появился образ общества с твердым культурным слоем наверху и «растопленной кипучей лавой внизу»? Он взялся из опыта общественной жизни таких стран как Франция, Англия, Германия, переживших революционные потрясения. «Вы просто вывезли из западноевропейского исторического музея готовую картину... наклеили на нее два ярлыка. Под верхним консервативным слоем Вы написали "дворянство", под нижним, стихийным - "простонародие" и для вразумления публики прибавили: "если на Западе прочность государственного общественного устоя зависит вполне от крепкой связи культурного слоя... то это неперемнное условие существует еще в большей мере для нас"»⁷⁷.

Но «для нас» эта схема не подходит. Не в деятельности дворянства нужно было искать выход из сложившейся в России ситуации; дворянство никогда не располагало доверием народа и не могло вести его за собой. Только земские соборы сближали гласных от крестьян с людьми культурного слоя и устранили «старое, взращенное крепостным правом предубеждение мужиков против господ». В этом заключалось воспитательное влияние земских учреждений. Оно шло от крестьян - гласных, «а через них на все простонародие»⁷⁸.

Программа же Фадеева, по слухам, доходящим из Петербурга, получила поддержку в правительственных кругах, что и беспокоило Самарина: «Петербургскому дворянству недавно было разрешено "в *сословном* своем собрании" обсуждать новую организацию волостей, что является вопросом чисто земским. Во всем этом и заключалась опасность для общественной жизни России: «Наступает, по-видимому, новый законодательный и вместе общественный кризис; надвигается новая историческая напраслина сверху и нам остается привести себя в такое же настроение духа, с каким покорный пациент, привязанный к постели, готовится встретить не по разуму усердного фельдшера», - заключает Самарин»⁷⁹.

Действительно, в Петербурге появились дворянские проекты, в которых недостатки крестьянского самоуправления объяснялись слабым влиянием образованных классов. В проектах утверждалось, что в России не будет порядка, «пока демократической массой не станет руководить консервативная мысль высшего сословия»⁸⁰. Это были проекты Савельева, Платонова и графа Орлова-Давыдова о «Всесословной волости», хотя в действительности речь шла о приоритете *дворянского* сословия в общественном устройстве страны. В проектах указывалось, что землевладель-

цы должны стать во главе самоуправления, признавалась необходимость уничтожения сельской общины, «от подобия которой, в лице Парижской Коммуны, содрогнулась вся Европа»⁸¹.

Главная же задача проекта Платонова, по мнению Дмитриева, состояла в установлении не столько образованной власти, сколько власти вообще, что и было до 19 февраля 1861г.⁸². Понятно, что идеи, выраженные в дворянских проектах, шли «вразрез с реформами нынешнего времени», - как об этом открыто заявлял Платонов. Таким образом, отмечает Дмитриев, консерватизм авторов привел их «прямо к революционному способу действий, к насильственной ломке существующего»⁸³.

Указанные проекты не были рассмотрены в дворянском собрании. Может быть, это произошло потому, что их осуществление подрывало правительственную власть. «Захватывая в руки своих голов и старшин всю местную полицию, - пишет Дмитриев, - они, в сущности, упраздняют полицейскую власть правительства». Но нельзя безнаказанно ослаблять государственную власть, помня о международном опыте: «Точно так же в 1789 году либерально-консервативная часть Учредительного собрания ослабила правительственную власть во Франции. Последствия известны»⁸⁴.

Иначе к книге Фадеева «Чем нам быть?» отнесся Мещерский, назвав ее «замечательным трудом». Полемизируя с книгой А.Кошелева «Наше положение» (Берлин, 1875 г.), Мещерский не согласен, что реформы ни к чему не привели, что нет свободы печати, нет свободы действия для земства. Опровергая это, он обращается к книге Фадеева: все зависит от нас самих - «правительство - это мы», чиновники - «это мы», других людей у нас нет⁸⁵. Правда, Мещерский возражает Фадееву, считавшему, что в стране «нет общества», но есть государство. Это не так: «если у нас нет общества, то значит и нет государства», - пишет Мещерский. Но, так или иначе, он приходит к выводу о необходимости укрепления общества, для чего необходимо связующее живое начало, закваска. «Эта закваска - дворянство»⁸⁶.

Не мог смолчать и К.Д.Кавелин, выпустивший в Европе (1875 г.) анонимную брошюру «Чем нам быть? Ответ редактору газеты "Русский мир" в двух письмах». Русский либерал прямо заявил, что в публикации Фадеева содержится «отрицание преобразований шестидесятых годов»⁸⁷. Что же касается дворянства, то оно уже теперь фактически «соединяет в своих руках всю власть» и поэтому нельзя говорить, что происходит «растворение культурного слоя в мужицкой массе». И далее: «Где, - вопрошает Кавелин, - господство или хотя преобладание черни в местном управлении? Утверждать это могут одни недобросовестные люди, или круглые невежды, не имеющие понятия о том, что делается в России»⁸⁸. Во всех бедах страны виновата, по его словам, «придворная партия», искусная в интригах и клевете на бюрократию, но не способная к созидательной деятельности.

Где же выход? Он, по мнению Кавелина, в создании административного или правительствующего (иначе организованного, чем первый департамент) Сената, который должен дать единство государственному уп-

равлению, положить конец бюрократическому произволу, закулисным «интригам придворной клики»⁸⁹.

Обратил внимание на труд «генерал-мыслителя» и Ф.М.Достоевский, признавший, что взгляды Фадеева об объединении духовных сил и дворянства «достойны полного сочувствия». Но при этом автор книги, как считает Ф.М.Достоевский, сделал «существенную и важную ошибку»: он счел необходимым облегчить «переход в дворянство крупным купцам, остающимися купцами»⁹⁰. Это, по мнению Достоевского, приведет к «уничтожению дворянства и дворянского духа вытеснением их прав или обезземелением мелких владельцев, в которых именно приютились старые знатные роды и дух дворянства». В результате «толстопузые купцы» скупят мелкие имения, прекратится образование, капитал, деньги станут «выше всего»⁹¹.

Полемика вокруг произведения Р.Фадеева «Чем нам быть?» отражала насущные потребности консервативной части образованного общества, стремящегося не только определить дальнейший путь развития России, но и не допустить социальных потрясений, оградить самодержавный порядок от радикальных преобразований, могущих привести к конституционному правлению, а то и к народному взрыву. Спор в основном велся по частным вопросам. Кто станет подлинной основой самодержавия: дворянские собрания или земства? Как оценить реформы в России? Не могут ли они расшатать монархическое правление, отнять власть у дворянского сословия? Ответы на эти спорные вопросы тогда получены не были. Они еще долгие годы будут будоражить консерваторов и либералов, станут предметом дальнейших споров на страницах российской публицистики.

Тот, кто берется за изучение консерватизма в пореформенную эпоху, должен решить для себя: как оценивать славянофильство этого времени? С.С.Дмитриев дал ответ на этот вопрос - старое славянофильство перестало существовать, центральное место заняли «новые начала». Это период «заката и распада славянофильства, период превращения его в исключительно реакционное направление»⁹². Казалось бы, все ясно: пореформенное славянофильство - составная часть российского консерватизма. Но в своей монографии Е.А.Дудзинская утверждает: «На протяжении всего существования славянофильского направления оно представляло собой оппозицию власти, либеральную, благонамеренную, но готовую в период обострения революционной ситуации прийти на выручку самодержавному правительству»⁹³.

Разобраться во всем этом стремились еще современники. По этому вопросу в «Вестнике Европы» выступил А.Н.Пыпин. Вот как он представил концепцию славянофилов. Петровская реформа нарушила естественный ход русской жизни; заимствование европейской цивилизации внесло разлад: высшие классы отделились от народа и стали бесполезными для национального развития - их образование стало «чуждо русскому народ-

ному духу». Для спасения страны следует «уничтожить этот разлад и это подчинение чуждой цивилизации»⁹⁴.

По мнению автора, число приверженцев этого учения увеличилось, но это не привело к успеху школы, т.к. «слабые стороны учения» удалось обнаружить теперь до «полной осязательности», в результате «по некоторым предметам славянофилам пришлось говорить в один тон с "Московскими ведомостями"»⁹⁵. Это, по мнению Пыпина, привело к вражде со стороны «лучших литераторов», которые «стремились пробудить в обществе критическое сознание, возвыситься над той официальной народностью, которую проповедовал бюрократический консерватизм», славянофилы же вступили в эту борьбу мнений с такими взглядами, «по которым их нередко можно было принять за союзников официальной народности»⁹⁶.

Таким образом, признавая «большую историческую заслугу» раннего славянофильства, публицист «Вестника Европы» считал, что дальнейшее развитие этой идеологии привело ее к сближению с консервативными течениями русской общественной мысли. Статья Пыпина привлекла серьезное внимание образованной общественности.

На страницах «Гражданина» в защиту славянофильства выступил М.П.Погодин, обвинивший Пыпина в необъективности, в стремлении не говорить о прогрессивной роли славянофилов, об их «занятиях науками», а сосредоточить свое внимание на тех идеях, которым «возражать может»⁹⁷. По мнению Погодина, славянофильские идеи завоевывают важное место в общественной жизни - «занимается заря новой эры»: русские начинают понимать требования своего времени; им становится тяжким иностранное иго, «чуждые земные семена не принимаются, не пускают корней, или производят один *пустоцвет*»; люди убеждаются, что для собрания богатой жатвы нужно «*возделывать свою землю*»⁹⁸.

Идеи, высказанные Погодиным, поддерживал Н.Н.Страхов, писавший в том же «Гражданине», что нелепо думать, что влияние Европы положительно может сказаться в России. «Нет, - продолжал он, - самые благотворные идеи могут на дурной почве приносить плоды уродливые и даже ядовитые»⁹⁹.

Казалось бы, все консерваторы-славянофилы должны быть единомышленны в своих воззрениях, что их объединяет одна общая идея, противоречащая взглядам российских либералов. Но это было не так. Мыслящие представители славянофильского учения, как правило, проявляли нестандартную, сугубо индивидуальную точку зрения в понимании процессов общественной жизни России, в оценке влияния Западной Европы. Так, например, А.Кошелев, сравнивая жизнь в России и Европе, писал: «Там права человека все более и более признавались, расширялись и утверждались; здесь, напротив того, усиливались права державные. Там науки, искусства, промышленности и торговли все более и более самостоятельно развивались и совершенствовались; здесь народные способности и всякая самобытность подавлялись»¹⁰⁰. Вся Европа, за исключением Турции и России, имеет конституционное правление, народ является «носителем нравственных, умственных и физических сил и богатств, и

единственно верною опорой для правительства»¹⁰¹. Отсюда Кошелев приходит к выводу, что и Россия - обширная страна, «вполне втянутая в европейское движение», но она не может непосредственно высказаться. Это вполне исправимо: «Учреждение государственного земского собрания или государственной земской думы - стало необходимостью неотложною - неустрашимую»¹⁰². Все сказанное (с некоторыми оговорками) можно легко принять за текст, принадлежащий типично либеральному деятелю. И не случайно князь Мещерский обрушивается на эту книгу Кошелева, назвав ее «осколком российского сумбура»¹⁰³.

И все же с реформаторскими взглядами Кошелева соседствовали типично славянофильские идеи. Утверждалась приверженность русского народа самодержавному властителю, говорилось о том, что пора перестать идти «на буксире Европы», «жить чужим умом», понять свое особое положение¹⁰⁴. Следовательно, воззрения Кошелева нельзя оценивать однозначно - они содержали и либеральные, и консервативные суждения. При этом хотелось бы отметить, что в ряде вопросов (и это естественно) взгляды Кошелева находились в противоречии с позициями таких классических консерваторов, как Катков и Мещерский, призывавших поднять значение дворянства в управлении государством. Он называл эту мысль «несчастной», т.к. она вредит деятельности земства - ставит в нем дворян «в какое-то обособленное положение», мешает консолидации сил общества¹⁰⁵.

Вышедший в ноябре 1880 г. первый номер газеты «Русь», редактором-издателем которой был И.С.Аксаков, содержал программную передовую, вызвавшую резонанс в российской публицистике. Это и понятно - затронуты были актуальнейшие вопросы. Газета заявляла, что страна не определила еще путь своего развития, она находится на роковом распутье, царят ложь и обман; от выбора направления зависит будущее государства. Говорят, отмечается в передовой, нужно идти «по пути реформ», по пути мирного и разумного прогресса, «венчать здание». Этот ли путь? «Венчать здание! Да венчать-то нечего! Здания-то еще никакого нет! То есть здания вполне возведенного и довершенного. Приходится еще кирпичи класть»¹⁰⁶. «Русь» выступала против либеральных идей, заимствованных с Запада и негодных для России. Короче - это была консервативная программа.

Сразу забил тревогу «Вестник Европы», увидевший в газете «Русь» своего принципиального противника: «Если бы под этой программой не стояло имя И.С.Аксакова, если бы за нею не стояло его почтенное прошлое, наши реакционеры могли бы узнать в ней самих себя и воскликнуть, торжествуя: "Нашего полку прибыло!" Насмешки над интеллигенцией, над "партиями", над "начальниками народа", отвергающие самые дорогие верования его - все это любимые тезисы той группы, которая стоит поперек движения, все это коньки, более чем когда-либо заезженные "Берегом"»¹⁰⁷.

А между тем консервативная позиция «Руси» проявилась не в одной только программной статье. Эта тенденция легла в основу идеологии всей газеты, поставившей своей задачей борьбу с либеральными идеями. Либералы упрекались в том, что ответы на все вопросы они искали за граница-

ми России и этим были довольны: «Мы созрелая национальная интеллигенция, мы - последнее слово и западной науки, и русского самосознания»¹⁰⁸. Либеральная интеллигенция обвинялась в том, что она не считается с ходом общественного развития, спешит с проведением реформ и этим отрывается от народа; она «точно форейтор, оборвавший постромки и усакававший вперед, не оглядываясь, без экипажа: доскакавши до крайнего предела, она в простодушии своем думает, может быть, порешить задачу с налета, - но тут-то и желательно осадить ее окликом: "а где же экипаж? Он далеко позади, завяз и ни с места: не угодно ли возвратиться?"»¹⁰⁹.

Правда, «Русь» заявляла, что газета не против либерализма вообще, а против петербургского либерализма, который она называла «пошлым». Что же касается либерализма вообще, то «Русь» якобы относилась к нему вполне приемлемо. Полемизируя по этому вопросу с либеральным «Голосом», газета Аксакова писала, что «истинно консервативно» в жизни государства, т.е. придает ей прочность, именно то, что «истинно же и либерально», - и «истинно либерально» только то, что несет в себе охраняющий государство элемент, т.е. консервативное начало¹¹⁰.

Разумеется, все эти полемические приемы едва ли могли убедить современников в прогрессивной позиции «Руси». Ведь что такое «петербургский либерализм»? Это - «Вестник Европы», «Голос», - ведущие либеральные издания. К стати, «Русь» вела полемику и с московскими «Русскими ведомостями»¹¹¹.

Таким образом, противник был обнаружен - либералы, которые, по словам газеты Аксакова, впали в припадок «гнева и негодования». Но либералы, критикуя «Русь», сами якобы разоблачали свои планы: они не хотят считаться «с историей и с народом». «Идти вместе с народом! Это не либерально! Это значит проповедовать отсрочку!» - восклицает газета¹¹².

Не воздержалась она и от демагогии: «Нужно, стало быть, чтоб интеллигенция шла врозь с народом.. Русское общество будет теперь знать, сколько под личиною демократизма и либерализма скрывается вожделений деспотического свойства и глубокого презрения к русскому народу, к его душе, к разуму и воле»¹¹³.

Высказанные наблюдения относительно позднего славянофильства убеждают в том, что мы имеем дело с течением российского консерватизма. Об этом же свидетельствует монография Н.И.Цимбаева об И.С.Аксакове, где признается, что в первой половине 70-х годов происходит процесс «неуклонного поправления И.С.Аксакова, его отход от либеральной оппозиции самодержавию и приобщение к консервативному направлению русской общественной мысли. Что касается газеты «Русь», то она однозначно определяется как консервативный печатный орган»¹¹⁴.

В начале июня 1880 г. в Москве произошло открытие памятника А.С.Пушкину - важное литературно-общественное событие, вызвавшее большой резонанс в духовной жизни страны. Это был праздник в честь

памяти великого поэта, всеобщая любовь к которому в тот момент во многом способствовала умиротворению политических страстей. «Разом, - вспоминал современник, - хлынула волна животворного света и тепла. Довольно убийств, крови, казней! Протяните друг другу руки, живите и давайте жить другим. Такое благотворное чувство пролетело над Русью в этот чудный Пушкинский день»¹¹⁵.

На обед, устроенный в честь этого события в Московской городской думе, были приглашены московские и петербургские литераторы. Либералы задумались: стоит ли принимать участие в этом застолье вместе с Катковым?

6 июня 1880 г. И.Тургенев писал М.Ковалевскому: «Любезный Максим Максимович, вчера было решено соборне, чтоб нам всем идти непременно - иначе может показаться, что мы трусим - но если Катков что-нибудь себе позволит, мы все встаем и удаляемся. Стало быть, приходите и Вы - мы все Вас просим»¹¹⁶.

Опасения оказались напрасными. Все было спокойно и внешне дружелюбно. Выступление Каткова, этого влиятельного консерватора, оказалось загадочным. Так редактор «Московских ведомостей» еще никогда не говорил: «Кто бы мы ни были и откуда бы мы ни пришли и как бы мы ни разнились во всем прочем, но в этот день, на этом торжестве мы все, я надеюсь, единомышленники и союзники. И кто знает, быть может, это мирное сближение послужит для многих залогом более прочного сближения в будущем и поведет к замирению, по крайней мере к смягчению вражды между враждующими»¹¹⁷.

Дореволюционные биографы Каткова (Р.Сементковский и С.Неведенский) и современные зарубежные историки - М.Катц и Э.Таден - оценили это выступление как призыв реакционного публициста к замирению, к своеобразному миру между враждующими. Против этой точки зрения выступила В.А.Твардовская: «Позиция Каткова, вынужденного затаиться, уйти от открытой борьбы, не была позицией примирения, она состояла в выжидании. Катков отказался от свойственного ему агрессивного, наступательного тона, приспособившись к новым условиям, новым формам борьбы, готовясь к новым схваткам»¹¹⁸. Вполне вероятно, что Катков готовился к «новым схваткам». Но для этого-то, может быть, и нужно было временное примирение. Именно временное, как тактический прием, - в дальнейшем консервативный накал выступлений публициста не снизился. Думается, что в данный момент, по тем или иным причинам, редактор «Московских ведомостей» выступал за «смягчение вражды» между консерваторами и либералами, призывал к мирному сосуществованию этих двух идейных течений.

В принципе такая позиция не была новой в духовной жизни образованного общества: и консерваторы и либералы, как мы увидим, неоднократно выступали в печати (но с иными целями, чем Катков) с этой идеей, идеей терпимости, смягчения разногласий между политическими противниками.

Еще в середине 70-х годов князь В.Мещерский, размышляя о взаимосвязи между либерализмом и консерватизмом в государственной дея-

тельности, признавал, что «либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм». Правительство не может быть либеральным, продолжал он, «без уравнивания этого либерализма элементом консерватизма»¹¹⁹. Эта же идея анализировалась в газете «Новое время» А.С.Суворинным, считавшим, что консервативная программа при известных условиях может быть очень полезна для страны - для этого она «не должна походить на стоячую воду», а должна быть подвижной, быть более подвижной, чем программа другой партии, и этим сгладить свою долю антипатичности в обществе. Тем более что либеральная программа «может ослепить своим блеском, своими фразами, своими учреждениями». У консерваторов этого преимущества нет, и потому они должны быть «необыкновенно умны и сообразительны»¹²⁰.

В этой же связи К.Д.Кавелин 27 января 1880 г. писал М.М.Стасюлевичу: «Старая славянофильская партия не получила поддержки, т.к. формулировала свои идеалы, исходя из "прошедшей вечности"». Провалились якобы в своей деятельности и Катков, и Валуев, и Шувалов; одиозной оказалась и деятельность революционеров. Не справилось со своими задачами и правительство, потому что опиралось на старые идеалы. Где же выход? Что будет дальше? «Новые славянофилы, - пишет Кавелин, - новые западники, подобно Вам и я с моими идеалами мужицкого царства ищем нового и отворачиваемся от прошедшего. Это наша общая почва... Повторяю, различные воззрения на будущее уже начинают сближаться между собою и из них образуется одна большая политическая партия»¹²¹.

Приведенные тексты в какой-то мере перекликаются с взглядами публициста Л.А.Полонского, считавшего, что «различие консерватизма от либерализма лежит уже не в теории, а только в практике, или проявляется лишь в вопросе о *своевременности* того или другого улучшения, большего или меньшего шага по пути дальнейшего развития и преуспеяния»¹²².

Подробнее осветил проблему либеральный профессор С.-Петербургского университета А.Градовский в публикации «Что такое консерватизм». Он писал, что абсурдно противопоставлять термины: консервативный и либеральный. «Словами - консерватор, консерватизм, определяется не столько склад теоретических понятий общественного деятеля, сколько практическое направление его деятельности, не столько склад его ума, сколько направление его воли»¹²³. Либерализм же есть «известная теория устройства государства», долженствующая обеспечить права личности¹²⁴. При этом, если консерватор стремится связать прошедшее с настоящим, то прогрессист-либерал думает о связи настоящего с будущим. Но тот и другой «стоят на почве исторического развития народа», понимают, что «люди меняются со временем и что новым временам нужны и новые учреждения»¹²⁵.

Примерно в этом же направлении мыслил и Лев Тихомиров, считавший, что «истинный консерватизм» во времена социальных обострений (смуты) «совершенно совпадает с истинным прогрессом - и тот и другой поддерживают жизнедеятельность общественных основ, охраняют разви-

тие свободы. Отсюда следовал вывод: «мы должны совершенно отбросить мысль о прогрессе или консерватизме, а думать о *жизнедеятельности*»¹²⁶.

Следовательно, в глазах современников устойчиво доминировал взгляд, что на определенных этапах общественной жизни (это больше всего относилось к событиям в России на рубеже 70-80-х годов XIX века) размывалась граница между консерватизмом и либерализмом, политические деятели различных идейных течений выступают за смягчение конфронтации, за выработку идеала, стратегического плана, позволяющего найти пути к примирению.

Сказанное далее дает основание предположить, что примирительно-тактическое выступление Каткова на Пушкинском празднике не было явлением спонтанным, а в какой-то мере отражало общую тенденцию развития идейной борьбы в России. Эта речь идеолога российского самодержавия была встречена сочувственно многими органами печати, подверглась оценке и анализу, стала предметом раздумий и для консерваторов, и для либералов. Передовая «Недели» так и называлась: «Смысл примирения». Газета писала, что если консервативная публицистика могла свободно высказывать свою точку зрения, то либеральные органы печати, «наученные горьким опытом», этого делать не могли. Следовало пожелание: «Пусть консерваторы существуют по-прежнему, пусть они пользуются полнейшей свободой в выражении своих мнений, но пусть они перестанут приравнивать к врагам отечества всякого, кто исповедует другие убеждения... пусть они откажутся от привычки переносить всякий спор на политическую почву, - пусть они, одним словом, научатся уважать чужое мнение»¹²⁷.

Все эти абстрактные рассуждения о размывании грани между консерватизмом и либерализмом, о сближении их позиций на определенных этапах развития страны можно проследить на конкретных фигурах общественных и государственных деятелей. Живые люди с их характером, мироощущением далеко не всегда укладываются в жесткие рамки понятий консерватизма или либерализма.

Попробуйте ответить на вопрос: Никитенко - консерватор или либерал? Он то выступает за прогресс и критикует позицию «Московских ведомостей», то восхищается курсом этой газеты; то поддерживает самодержавие, то признается, что в России есть две глубокие раны: «невежество народа и дурная администрация»¹²⁸. Да и сам он пишет в своем дневнике: «Главное начало, служащее основанием моего мировоззрения, есть закон *уравновешивания*... Он господствует в природе и должен господствовать в отношении людей... Я враг всякого абсолютизма, будь он политический, умственный, абсолютизм системы или мнения»¹²⁹. Исходя из этого своеобразного «закона уравновешивания», Никитенко подходит и к оценке консерватизма. Он считает, что в самом консерватизме есть две силы. Одна из них «вредная, задерживающая», сопротивляющаяся всякому движению вперед, прогрессу. Но есть и другая сила, полезная, «воздерживающаяся - она сдерживает искусственные движения, возбужденные страстями, стремящиеся сломя голову к какому-то неопределенному мечтательному утопическому совершенству»¹³⁰.

Ну а как быть с Валуевым, крупным государственным деятелем, которого Д.А.Милютин назвал «просвещенным консерватором»? П.А.Зайончковский обратил внимание на то, что Валуев не примыкал ни к одной из правительственных группировок, ни к либеральным бюрократам - сторонникам буржуазных преобразований, ни к реакционерам-крепостникам¹³¹.

К какому лагерю, например, следует отнести А.Кошелева, признававшего «великие дела», совершенные императором и, одновременно с этим, считавшего необходимым «учреждение государственного земского собрания или государственной земской думы», критиковавшего правительство за ошибочный курс («ведут нас туда, куда нам идти не придется и мы не желаем»), за его насилия над гражданами России?¹³².

Список общественных деятелей с трудно определяемым политическим лицом, воззрения которых находились на грани между либерализмом и консерватизмом, можно было бы значительно увеличить¹³³. Но в этом нет необходимости - и так ясно: нестабильная политическая обстановка в стране, часто менявшийся правительственный курс способствовали тому, что на определенных этапах общественной жизни границы между консерватизмом и либерализмом размывались, становились подвижными; консервативные элементы проникали в либерализм, а либеральные - в консерватизм.

4. КОНСЕРВАТОРЫ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА САМОДЕРЖАВИЯ НА РУБЕЖЕ 70-Х - 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Демократический подъем на рубеже 70-80-х годов XIX века вызвал кризис самодержавия. Власти оказались неспособными управлять на основе существующих законов¹³⁴. Нарастание в стране социальных обострений, возросшее недовольство народных масс, активизация публицистики - все это привело к усилению карательной политики царизма, поискам правительственных мер, направленных на стабилизацию положения; консервативные идеи стали преобладать в государственной и общественной жизни России.

В это время все сильнее сказывались противоречия в правительстве между двумя течениями российской бюрократии: дворянско-консервативным и буржуазно-либеральным. Главой первого, защитником неограниченного абсолютизма был наследник престола, цесаревич Александр Александрович, находившийся под неослабным влиянием Победоносцева. Аничков дворец стал их генеральным штабом. Там неустанно звучал один главный мотив: политика реформ ограничивает власть царя, данную ему Богом.

Вокруг брата Александра II, великого князя Константина Николаевича (энергичного и разносторонне образованного), группировались сторонники западноевропейских форм государственного устройства, дальнейшего реформирования России, утверждения формальной законности в делах управления державой. Но, боясь революционного движения, они

в конкретных обстоятельствах искали союза с представителями консервативного дворянства, которые отстаивали жесткие меры борьбы с оппозиционным движением, боролись с малейшими попытками конституционных преобразований.

Естественно, что наибольшую тревогу вызывали террористические акты. Они особенно будоражили и правительственные круги, и органы печати. В этом отношении особенно громкий резонанс имело покушение (24 января 1878 г.) Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова. Общественность привлек не столько факт самого покушения, сколько оправдание виновной судом присяжных. Это была сенсация. «Первый раздавшийся в России выстрел, - писал эмигрант П.Ф.Алисов, - заставил Европу на несколько дней забыть славянский вопрос, всех царей, дипломатов, всю политическую жизнь Европы... Слабая девушка на некоторое время заставила Европу задуматься над нашим будущим»¹³⁵.

Но прежде всего об этом задумались в России. Вот, оказывается, решили консерваторы, к чему привели реформы. «Гражданское общество, - писали «Московские ведомости», - не может держаться, коль скоро суд, основанный на законе и служащий ему органом, будет оправдывать преступление и возводить его в апофеозу»¹³⁶. Каткова возмущало еще и то, что российская общественность, и прежде всего демократическая интеллигенция, с восторгом восприняли случившееся. С этих пор окончательно завершился разлад редактора «Московских ведомостей» с либеральной интеллигенцией. Об этом свидетельствовало еще одно событие.

3 апреля 1878 г. около Московского университета мясниками и лавочниками были зверски избиты московские студенты, сопровождающие кареты с арестованными киевскими студентами. Катков был удовлетворен таким ходом дела: «Неужели Вы думаете, - писал он, - что наши народные массы будут равнодушны при демонстрациях такого рода... Если вы хотите жить в мире с русским народом, не издевайтесь над его верованиями, не будьте бессознательными орудиями врагов его Отечества»¹³⁷.

Так сформировалась одна из основных идей Каткова: идея ненависти народа к интеллигенции. Эта идея, думается, вписывалась в консервативную концепцию идеолога самодержавия, утверждающего, что для царского режима дворянство и народные массы являются подлинно опорой, а различные слои интеллигенции (главным образом демократические) - «язва», от которой нужно избавиться.

По свидетельству князя Мещерского, оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то «ужасном кошмарическом сне». Общество молчало. Никто громко не протестовал, хотя требовались самые строгие меры для «пресечения зла». Государь должен был своей властью касировать решение суда, а весь его состав подвергнуть «изгнанию со службы». Следовал вывод: «усиление крамолы явилось последствием слабости всех предшествовавших правительственных мероприятий»¹³⁸. Так лишний раз произносился приговор консервативного публициста над российскими реформами - все беды государственной жизни объяснялись несовершенством проведенных в стране преобразований¹³⁹.

В 1879 г. деятельность народовольцев усилилась, что привело к дальнейшей консолидации правительственных сил, лихорадочно искавших пути успокоения России. Каждый новый террористический акт обнаруживал бессилие охранительных органов. 9 февраля в Харькове был убит губернатор князь Д.Н.Кропоткин; в Петербурге 13 марта произведено покушение на шефа жандармов генерала А.Р.Дрентельна.

Сразу со своими советами к цесаревичу Александру Александровичу поспешил Победоносцев, призывавший 2 апреля немедленно «объединить власть» в Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе, действовать быстро и решительно: «Надобно, чтобы казнь следовала как можно скорее за преступлением». Только так, «железом и кровью» нужно расправляться с террористами, а не призывать к обществу, как это пытается делать правительство. Если этого своевременно не сделать, то простой народ отречется от признания государственного режима - «это будет минута ужасная, и не дай бог нам дожить до нее»¹⁴⁰. В этом же духе высказался и Катков: «Еще ли не пора явить святую силу власти во всей грозе ее величия? Ее проявлений на страх врагам ждет, не дожидается негодующий народ, беспрерывно оскорбляемый в своей святыне»¹⁴¹.

По предложению императора 15 марта в очередной раз собралось Особое совещание. Его участники пришли к заключению, что прошло время полумер. Обстоятельства требуют исключительных действий. Предложения, принятые по инициативе графа Шувалова, носили чисто полицейский характер. А между тем политические страсти разгорались. 2 апреля 1879 г. было совершено покушение А.К.Соловьева на жизнь императора. Это еще больше подняло волну реакционных действий: решено было в обеих столицах и других крупных городах учредить временных генерал-губернаторов, дав им право действий, соответствующих военному положению¹⁴².

Во второй половине июня Комитет министров обсуждал доклад статс-секретаря Валуева о результатах деятельности Особого совещания. Правителей особенно волновало то, что образованная часть населения проявляет безучастие к борьбе со злоумышленниками, хотя тревожное состояние общества заметно усиливается: в разных губерниях «уже заметны признаки действующей» подпольной работы. «Вообще во всех слоях населения проявляется какое-то неопределенное, всех обуявшее неудовольствие. Все на что-нибудь жалуются и как будто желают и ждут перемены»¹⁴³.

К середине 1879 г. в правительственных кругах стали говорить о конституции, о новых реформах, о необходимости каких-то уступок - так думали спасти существующий режим. Это сильно тревожило Александра II, но ближайшее окружение подсказывало, что другого выхода нет. Император как будто намеревался к 25-летию царствования продолжить систему преобразований. 21 января 1880 г. в Зимнем дворце под председательством царя обсуждались два «конституционных» проекта - Валуева и великого князя Константина Николаевича. И хотя в этих проектах ничего конституционного не было, самодержавие сохранялось, они были отвергнуты. По словам Александра II, «решили ничего не делать»¹⁴⁴.

И все же в правительственных кругах были люди, которые понимали, что так поступать нельзя. Одними репрессиями стабилизировать обстановку в стране невозможно, необходимо расширение «социальной базы власти путем привлечения к участию в разрешении ряда вопросов представителей господствующих классов, охранительных элементов»; ставится вопрос и о реформах органов государственного управления, «обнаруживших свою слабость в борьбе с революционным движением»¹⁴⁵. Жизнь заставила поступать именно так.

5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце раздался взрыв - это было очередное покушение на императора. На этот раз в его собственном доме. 8 февраля на экстренном совещании наследник, великий князь Александр Александрович предложил создать Верховную следственную комиссию с диктаторскими полномочиями. Тогда Александр II отклонил эту идею. Но на другой день дал согласие на учреждение такой комиссии во главе с М.Т.Лорис-Меликовым. Это отвечало замыслам Каткова - он давно мечтал об установлении твердой правительственной власти, о диктатуре сильного и умного человека: «борьбу с организованной крамолой ... необходимо сосредоточить в одной сильной руке: необходимо, чтобы один правительственный орган, облеченный полным доверием государя, имел диктаторскую власть для борьбы со злом. На нем должна лежать вся ответственность и ему должны быть предоставлены все средства действия...»¹⁴⁶.

Смушало лишь одно: как к Лорис-Меликову отнесутся высшие сановники. «Но встретит ли он, - писал Катков, - вполне искреннее содействие со стороны всех высоких властей, которыми он будет окружен в Петербурге?.. Не возникнет ли с разных сторон противодействие, если не явное, то глухое, которое бывает хуже явного?»¹⁴⁷. Одобрил вначале публицист и обращение Лорис-Меликова к народу. Но как только и либеральная пресса поддержала это обращение, Катков, вникнув в суть дела, изменил свою позицию. 11 марта он писал Александру II: «Да поможет бог доблестному генералу ... вывести наши дела из смуты. Зло, с которым ему прежде всего предстоит бороться, имеет острый характер. Опасно медлить с раскрытием и искоренением этого зла... Мысль действовать в союзе с обществом - есть мудрая мысль. Но для того, чтобы иметь общество на своей стороне, следует искать сойтись с ним не столько во мнениях, сколько в интересах. Нельзя гоняться за мнениями... История представляет разительные и страшные примеры катастроф, вызванных исканием подладиться к ходячим в обществе мнениям»¹⁴⁸.

В смутное время, по мнению Каткова, неуверенность, слабость, попытки «подладиться» под общественное мнение не выведут страну на путь нормального развития, не избавят от революционных потрясений. Спасение в диктатуре, в сильной государственной власти. Идеолог самодержавия во всех оппозиционерах видит врагов отечества, забывая об отличиях между революционерами и либералами, о том, в чем кроется причина борьбы народовольцев. На это обратили внимание либеральные публицисты. К.Д.Кавелин писал в «Молве» (1880, № 59), что Катков так увлекся «гневом и страстью», что забыл об исторической правде, оши-

бочно укоряет либералов в соучастии их в деятельности анархистов и революционеров в борьбе с самодержавием. Для России же в трудную минуту полезны только слова правды и беспристрастности. «Горе нам, - заключал Кавелин, - если из зрячих мы станем слепыми! Мы потеряем всякое право на уважение и авторитет... Где же и когда клевета и неправда оказывались надежными союзниками самого правого дела?»¹⁴⁹

Живя в Москве, Катков хорошо знал, что происходило в Петербурге - в верхних эшелонах власти. Он имел своих единомышленников среди широкого круга высших сановников, окружавших Александра II. Это прежде всего К.П.Победоносцев - член Государственного совета, генерал А.А.Киреев, князь С.Н.Урусов, граф С.Г.Строганов и другие, менее влиятельные чиновники в правительственной иерархии. Имел он и простых, преданных ему корреспондентов. Когда Катков узнал, что над графом Д.А.Толстым сгущаются тучи, он не замедлил обратиться прямо к императору: «Государь, я говорю перед Вами, как перед Богом, как на духу. Каковы бы ни были личные свойства графа Толстого, он служит Вам, Государь, верой и правдой, и ознаменовал себя заслугами, которые внесут его имя в историю Вашего Славного Царствования»¹⁵⁰.

Можно понять такую озабоченность московского корреспондента судьбой министра народного просвещения. Для современников не составляло тайны, что реформы, которые проводил граф Толстой, были во многом подсказаны Катковым и осуществлялись под его влиянием. Е.М.Феокистов свидетельствовал, что граф Толстой своими успехами был обязан Каткову, который проявлял в этом деле изумительную активность: «Каждый раз, с приездом его в Петербург, все оживлялись и все проникались бодростью; он не знал отдыха, проводил ночи без сна, бросался в разные стороны, посещал всех лиц, которых можно было склонить в пользу дорогого ему дела»¹⁵¹.

Но все это не помогло - Толстой был уволен с поста министра народного просвещения, что усилило авторитет Лорис-Меликова в кругах прогрессивной общественности, с радостью воспринимавшей это событие¹⁵².

В условиях обострения социально-политической обстановки усиливался интерес к состоянию и взаимоотношениям политических сил в стране. В прессе активнее заговорили о роли консерваторов, либералов, революционеров в общественной жизни. По мнению К.Д.Кавелина, только крестьянина можно считать «прирожденным охранителем, консерватором». Именно в народных массах, среди крестьян-землевладельцев находятся «охранительные элементы». Тогда как высшие слои общества, интеллигенция составляют «элементы движения», но они очень малы, а потому не имеют политического веса, свободны от сословных предрассудков. Это давало русской мысли «широкий размах и полет» и в то же время она всегда была «политически бессильна и безвредна»¹⁵³. Трудно, разумеется, согласиться с такой оценкой русской мысли. Но так мал один из лидеров русского либерализма.

Рассмотрел Кавелин и взаимосвязь между верховной властью и народом: «Цезаризм везде живет обманом, ложью и беззаконием. Но как

только в результате реформы народные массы освобождаются от гнета и достигают гражданских прав, то и властители, освобожденные от политических страстей, предстают "во всем всемогуществе" - им теперь нет необходимости «лгать и обманывать», происходит «естественное развитие народной жизни»¹⁵⁴. Вывод один: только реформы способны оздоровить самодержавный порядок, дать возможность избежать революционных потрясений и привести страну к разумному государственному и общественному устройству.

Это провозглашение реформаторского курса не находило, разумеется, поддержки у консерваторов, которые считали либералов «главными виновниками развития пагубных идей социализма». В ответ на страницах «Отечественных записок» выступил Г.З.Елисеев, утверждавший, что никаких опасностей либеральные идеи не представляют, т.к. они совмещаются с любым государственным порядком, который открывает путь к социальным преобразованиям, утверждает «поступательное движение общества»¹⁵⁵.

Несколько иначе о государственном порядке заговорила «Неделя», считавшая, что русский народ издавна верен своему царю. Эту веру не смогут разрушить «злобные фанатики» - народ проникнут идеей прогресса, указанной «царственной рукой»¹⁵⁶. Так деятельность царя-реформатора связывалась с торжеством прогресса. В дальнейшем «Неделя» высказала свое отношение к идейным течениям публицистики. С одной стороны, она утверждала, что направление «Московских ведомостей» «вполне правильное», можно согласиться с мнением газеты: «Не нужно ни консервативных, ни либеральных мер, а нужные меры полезные». С другой, - критиковала газету Каткова за отрицательную позицию по отношению к деятельности Лорис-Меликова¹⁵⁷.

В этом же номере газета поддержала взгляд «Нового времени» (статья Суворина) о том, что «либеральная доктрина хороша, если она вырабатывается на собственной почве». Но тот либерализм, который вырос на чужеземной почве, - чужд народу, «навязывает материализм», является «бездушным». Правда, «Неделя» делает примечание: «Но есть здесь либералы и другого рода, желающие блага столько же народу, сколько и себе»¹⁵⁸.

Этот незначительный крен в сторону либерализма более отчетливо проявился в публикациях «Юридического вестника», утверждавшего, что именно либералам обязана Россия политическими преобразованиями. Что же касается консерваторов, то «Юридический вестник» был к ним беспощаден: «Если бы перед нами были хоть лорды Биконсфильды - мы могли бы если не соглашаться с ними, то по крайней мере уважать их за ум, последовательность, энергию и ясность политики. Но ведь перед нами господа Катковы и князя Мещерские, у которых нет ни того, ни другого, ни третьего, которые сами не знают, чего хотят и куда идут... Это не больше как полутрупы, возбуждающие себя искусственными средствами. Они смотрят в землю, они никого не любят, они только фыркают на все и от всего отплеиваются»¹⁵⁹.

Это пренебрежительное отношение к российскому консерватизму, проявленное «Юридическим вестником», не отвечало исторической дей-

ствительности. Нельзя согласиться с тем, что Катков, например, не знал, «куда ему идти». Его блестяще написанные передовые ярко отражают уверенную позицию автора, последовательно стремящегося к укреплению самодержавных основ российской империи.

Особое внимание борьбе с консерватизмом уделял «Вестник Европы». Под пристальным вниманием журнала оказались «Московские ведомости». Чуть ли не каждый реакционный выпад газеты подвергался анализу, критике и осуждению. Когда Лорис-Меликов обратился к обществу за поддержкой, «Московские ведомости» обрушились на начальника Верховной распорядительной комиссии: «Разве можно думать в эту минуту о представительстве как о полезной силе?.. Нет надобности обращаться к обществу за поддержкой и пособием. Оно само обратится к правительству...»

«Вестник Европы» отметил, что высказано не личное мнение Каткова: за московской газетой стоит могущественная группа, которая давно уже провозглашает необходимость «поставить точку» на реформах, «взять назад или извратить наиболее опасные из них, искать спасение только в силе, рассекать все вопросы острием полицейских или карательных мероприятий»¹⁶⁰. Консерваторы восстают не только против нигилистов, но также и их «потворников». А это означает, что они «заносят руку» на целые общественные группы: «Журнал или газета неофициального колорита, земское собрание, непочтительно относящиеся к интересам крупного землевладения, присяжные заседатели, оправдывающие сознавшегося преступника, суд, допускающий раскрытие сословных или административных злоупотреблений, - вот враги, на которых они хотят навлечь спасительную строгость власти»¹⁶¹.

«Вестник Европы» в конце 1880 г. посвятил внутреннее обозрение анализу реакционной печати. Журнал отметил, что «Московские ведомости» якобы потеряли свою былую боевитость, уделяя главное внимание внешней политике. Газета «Берег» «не впала в апатию», но ее консервативные призывы отличались анахронизмом. Однако в этих органах печати появились и свежие идеи. «Мельничное колесо реакции, - отмечается в "Вестнике Европы", - давно потерявшее способность к действительной работе, завертелось было с удвоенной быстротой, когда в обмелевшую речку влилась новая, мутная волна, шумно провозгласившая свое могущество. Это - произведение Достоевского "Дневник писателя", ожививший на время полемику против западников, либералов, "отщепенцев русского народа". Но меч, которым размахнулся Достоевский, "оказался картонным", а "глубина двинутой им волны - далеко не соответствующей количеству взбитой пены". И после "Дневника", как и до него, реакционная печать "не имеет под ногами никакой прочной почвы"»¹⁶².

В целом же российская либеральная публицистика во время кризиса самодержавия на рубеже 70-80 годов во многом отличалась своей неопределенностью: не смогла адекватно отразить расстановку политических сил в стране, выявить подлинные позиции различных течений общественного движения, определить силу консервативного влияния на ход разви-

тия социальной борьбы. Между тем, самодержавные власти искали путь укрепления консервативных взглядов в общественном мнении России.

Официальная правительственная печать обычно не вела полемики с общественными кругами, не печатала публицистических выступлений. А нужда в этом была. С этой целью и появились в России официозы - негласные правительственные издания. Они могли придерживаться и консервативного, и либерального направлений - все зависело от сложившейся конкретной ситуации¹⁶³.

Особая потребность в официозах проявилась во время общественного подъема в конце 70-х - начале 80-х годов. Газеты «Отголоски» и «Берег» были созданы и финансировались правительством, но функционировали как частные издания - находились под покровительством П.А.Валуева, в 1879 г. - министра государственного имущества, а с 1880 г. - председателя Комитета министров. Валуевский официоз «Отголоски» просуществовал три года: от 7 января 1879 г. до декабря 1881 г. Газета, соблюдая «независимость», стремилась уходить от полемики как с либеральными, так и консервативными изданиями, пытаясь сплотить консерваторов и либералов вокруг правительства.

Умный политик Валуев, которого современники называли «реакционером в бархатных перчатках», учитывая общественные настроения, пытался придать газете легкий оттенок либеральной благонамеренности, но не мог удовлетворить ни правых консерваторов, ни левых либералов¹⁶⁴. Когда стало известно, что «Отголоски» - официоз, издание пришлось прекратить. Но появился (15 марта 1880 г.) новый официоз - газета «Берег», - финансируемый правительством и идейно руководимый все тем же Валуевым. В первом номере газеты была изложена ее программа: «Но сообразите, господа, на что вы так легкомысленно протягиваете ваши руки! Царская власть слишком дорого стоила русскому народу, она собрала из Московского княжества обширную Россию - она, эта власть и только она, - создала государство и толкнула его в европейские формы. Царская власть - единственная народная власть, в нее народ верит, ей повинуются; оставьте же эту власть народу, для него она нужна надолго, может быть навсегда»¹⁶⁵.

Главная задача «Берега» состояла в борьбе с нигилизмом: в искажении сущности движения, клевете, запугивании общества. Следует иметь в виду, что в 1880 году и либералы и консерваторы активно выступали против народофильского террора. Консерваторы призывали к репрессиям, а либералы искали выход в расширении демократических свобод. Последнее было неприемлемо для правительственного официоза, считавшего, что либералы играют на руку нигилизму, а возможная победа в правлении либеральной бюрократии ослабит самодержавную власть. Между тем в эпоху влияния Лорис-Меликова имел место политический компромисс: для расширения социальной базы монархического правления делались попытки привлечь на сторону правительства представителей либеральной общественности. «Берег» в этих условиях мог создать только дисгармонию - 31 декабря 1880 г. произошла кончина непопулярного издания.

В момент социального кризиса консерваторы вспомнили об уроках Великой французской революции. В 1880 г. «Русский вестник» начал печатать за подписью В.Кочнева очерки «Против течения». Публикация продолжалась до 1884 г., вызвала резонанс в русском обществе и оказала влияние на самодержавную политику. Подлинным автором этих очерков был профессор физики Московского университета, единомышленник Каткова и редактор «Русского вестника» Н.А.Любимов. «Против течения» было задумано с совершенно определенной целью: на примере Великой французской революции предостеречь правительство России от возможности подобного общественного потрясения. Автор сравнивал Россию конца 70-х - начала 80-х годов с Францией конца XVIII века и пытался доказать, что и в настроении, умах и убеждениях русских людей начали проявляться идеи революции. Любимов утверждал, что в России в конце XIX века возникли стремления к политической жизни. «Мы испытываем злоупотребление свободой без самой свободы, тиранию не власти, а безвластия», в стране действует революционная партия. В этих условиях, по его мнению, «мы нуждаемся в хороших уроках всякого рода, но теперь чуть ли не более всего в уроках политической мудрости»¹⁶⁶.

Эти уроки «политической мудрости» профессор и преподавал правителям самодержавной России. Рассказав о созыве Генеральных штатов, он показал ошибочность такого шага, приведшего к революции. Во Франции возникло две силы: «близоруко колеблющееся правительство со слабым королем во главе и собрание народных представителей, увлекаемых революционным потоком. Победа осталась на стороне собрания»¹⁶⁷. Вывод был понятен - колеблющееся правительство и слабая королевская власть могут своей близорукой политикой довести дело до революции. Это наблюдение реакционного публициста целиком адресовывалось царскому самодержавию - только сильная государственная власть может оградить Россию от революции.

Проповедуя идею крепкой самодержавной власти, автор «Против течения» утверждал, что всякие общественные собрания ведут не к укреплению монархического правления, а к революции. Так было во Франции. Так может быть и в России, где с конца 70-х годов высказывались конституционные идеи: «Одному мерещится Земский собор именитых людей от митрополита до крестьянина, другому - собрание выборных людей от земства, третьему - английский парламент»¹⁶⁸.

После событий 1 марта 1881 г. сподвижник Каткова с еще большей энергией стал развивать свою точку зрения. Он писал, что Россия переживает время, сходное с той эпохой, которая решила судьбу королевской власти во Франции. «Трудно не заметить», - утверждал Любимов, - значительного родства явлений. Переживаемую нами эпоху неурядицы, созданной главным образом правительственными ошибками, нельзя не назвать предреволюционной в том смысле, что она вся есть неразумное брожение, способное привести к затруднениям, какими не преминули бы воспользоваться наши многочисленные враги». И далее: «Революцион-

ные симптомы одинаковы в человеческих обществах. Нигде болезнь не являлась в такой чистой типической форме, как во Франции в эпоху первой революции. Потому так и поучительно ее изучение»¹⁶⁹

Голос консерватора прозвучал и в Варшаве - со страниц газеты «Варшавский дневник», передовые которой писались Константином Леонтьевым. Исследователь так оценивал его творчество: «Если бы надо было назвать реакционнейшего из всех русских писателей второй половины XIX столетия, то вряд ли можно найти кого-нибудь, кто мог бы оспаривать бы это место у К.Н.Леонтьева»¹⁷⁰. Польское восстание 1863 г. сыграло решающую роль в становлении его мировоззрения: угроза надвигалась со стороны революции, которая могла обрушиться на богатство и власть поместного дворянства, разрушить устои монархической России.

В 1863 г. Леонтьев поступил на службу в Министерство иностранных дел; был консулом в ряде городов европейской Турции. В 1874 г. возвратился в Россию, сотрудничал в «Гражданине» и «Русском вестнике». В 1880 г. был назначен помощником редактора (князя Н.Н.Голицина) «Варшавского дневника».

Взгляды Леонтьева отличались своеобразием. Он считал, что Россия испытывает сильное влияние византизма. Но одновременно с этим страна, в результате сближения с Западом, может встать на путь буржуазных отношений, чего, по мнению публициста, допустить нельзя. «Нам русским, - писал он, - надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав новый путь, - стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества»¹⁷¹. Но для этого вначале нужно остановить Россию в ее развитии, «подморозить», законсервировать. Так случилось с Византией, которая ряд столетий оставалась неизменной. Только в этом заключается и спасение России - в ее жизни следует сохранить и усилить элементы византизма. «Византийские идеи и чувства, - писал Леонтьев, - сплести в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество»¹⁷².

Естественно, что Леонтьев последовательно выступал и против демократов, и против либералов, расходился часто во взглядах и с такими консерваторами, как Победоносцев и Катков. Он критиковал своих демократически настроенных оппонентов за пропаганду идей социального равенства, считая, что человеческая природа индивидуальна, люди не могут иметь одинаковые характеры. Идея же демократизма нарушает порядок гражданского устройства и этим опасна для России, в которой из-за «полного отсутствия даже малейших демократических традиций обоснование иллюзии политического равенства есть приглашение к мужицким мятежам и бунтам»¹⁷³.

В середине 70-х годов Леонтьев писал, что жизнь «пошлет от прогресса». Он выступал против «либерального нигилизма», проповедуемого на страницах «Вестника Европы», «Отечественных записок», «Дела»,

«С.-Петербургских ведомостей». В этих изданиях он видел «дряхлость ума и сердца». Вызывали его протест и «либеральные московские славянофилы»: «если снять с них пестрый бархат и парчу бытовых идолов, то окажется под этим приросшие к телу их обыкновенное, буржуазное либеральничание, ничем существенным от западного эгалитарного свободопоклонства не разнящееся»¹⁷⁴.

Создается впечатление, что Леонтьев со своей византийской теорией не вписывается в классический российский консерватизм, представленный охранительными взглядами Победоносцева и Каткова. Насколько отвечает исторической действительности такое впечатление? Тут есть о чем подумать. Следует иметь в виду, что Леонтьев разделял идею Каткова о «гниении Запада»; оба идеолога резко отрицательно относились к революционному демократизму, опираясь в своих концепциях на знаменитую формулу Уварова - «Православие, Самодержавие, Народность». Размышляя над проблемами насилия, Леонтьев писал: «Катков похож на военачальника, знающего удобопревертную натуру человека, которому ввиду наступающего неприятеля убеждать высокими словами оробевших и растерявшихся солдат некогда. Он разбивает сам пулей голову одному, бьет кулаком по лицу другого, ругает третьего, ласково одобряет остальных и кратко взывает к патриотизму»¹⁷⁵. Такая позиция Каткова воспринималась Леонтьевым с пониманием. И он не отвергал необходимость насилия. Но в каких условиях? Если для Каткова насилие и государственное подчинение «есть, - по словам исследователя, - постоянная доминанта политической власти, для Леонтьева, напротив, временная и вынужденная социальными обстоятельствами»¹⁷⁶.

Таким образом, Леонтьев не был, строго говоря, консерватором в буквальном смысле слова. Та Россия, которую отстаивал Катков, была чужда Леонтьеву. Настоящее и будущее России он оценивал как опасное, указывая на единственный возможный выход в «возрождении идеи византизма как высшей национально-государственной ценности. Другого пути нет»¹⁷⁷.

Это была, так сказать, стратегическая задача. Но события в России в начале 1880 г. вызвали необходимость конкретной реакции, разумных тактических шагов (и тут взгляды Леонтьева сближались с воззрениями Каткова), способных предотвратить социальный взрыв в стране. Все это и нашло отражение на страницах «Варшавского дневника». В этом отношении его передовые в газете - ценнейший источник по истории консервативной мысли. 12 января 1880 г. публицист писал, что все деяния, исходящие от императора, правительства, их реформы «законны и хороши». Простой народ проявил «великий государственный такт», достойно их воспринял. Другое дело интеллигенция, «развращенная донельзя европейскими современными предрассудками», наносила только вред самодержавному правлению. «Покаемся ли мы, наконец, хотя ко дню великого народного торжества (имеется в виду празднование 25-летия царствования Александра II - Б.И.) и не решимся ли мы просить могучего Отца, чтоб впредь Он держал нас грознее?.. Великий и необходимый свое-

временный опыт сделан... Но мы вряд ли оказались достойными той доли свободы, которая нам была дана! *Довольно же народной колеснице уклоняться все влево и влево!..*¹⁷⁸

Еще более решительно раздался голос из Варшавы после взрыва 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце. Леонтьев призывал действовать, а не смиренно ждать, что «против этого всеобщего зла выдумает Запад», - там «целые массы простолоудинов» расположены к анархии. У нас этого нет: революцию поддерживает не народ, а интеллигенция. Против нее и должны действовать консерваторы - открыть новую эпоху в истории России. «Как произнести слово - реакция?.. Как сознаться, что настало время реакционного движения, если не для всех, то по крайней мере, для некоторых сторон жизни? Все это русскому консерватору почему-то кажется страшным сказать»¹⁷⁹. Так со страниц «Варшавского дневника» прозвучал прямой призыв к реакционному правительственному курсу.

Отсюда непримиримое отношение Леонтьева к попыткам сближения консерваторов с либералами. Когда Катков на упомянутом Пушкинском празднике высказал эту мысль, «Варшавский дневник» осудил знаменитого публициста: «Зачем эта мягкость мысли? На что это полусочувствие "всеобщему миру" в устах энергичного вождя охранительной России! С какой стати уступать?.. с какой стати протягивать руку людям вредным, людям пошлого или безумного направления, людям непримиримым, неисправным... Мне было больно за Каткова, мне было горько и стыдно за Каткова!»¹⁸⁰. Так Леонтьев выразил свое отношение к российским либералам - с ними союза быть не может, «охранительная Россия» не должна протягивать руку представителям «безумного направления». Каткова же автор статьи не только стыдил, но и защищал от нападок либералов.

Стало известно, что Комиссия Общества любителей российской словесности лишила Каткова права быть членом этого общества. Тогда Леонтьев взялся за перо. Его возмущало то, что избранные представители российской словесности до того «ненавидят власть», равнодушны к политическому престижу монархии, что забывают о литературных достоинствах передовых статей газеты, стоявшей на страже интересов страны. Во всем этом и виноваты либералы, которые не отказались от идей «ветхого» европейца - «раба капитала, конституции, от раба адвокатов и машин»¹⁸¹.

Да, считал Леонтьев, Запад не может быть примером: «На что нам Россия не самодержавная и не православная?» А Катков именно и заботился, чтобы Россия сохранила еще оставшиеся, прежние традиции и не стала *новой* Россией, «неприглядной и недостойной уважения»¹⁸². Так как же можно отрицать историческое значение Каткова, его важную роль в духовной жизни страны? Леонтьев сослался на высказывания покойного профессора Московского университета О.М.Бодянского, который ненавидел Каткова, но понимал его государственные заслуги: «Катков личный мне враг!.. Я его терпеть не могу; но он первый, он великий русский публицист». Именно так и следует оценивать Каткова и теперь - можно быть «врагами ему самому, но не противниками его политического духа», ибо враждовать против идей «Московских ведомостей» - значит вы-

ступать против «силы и целостности русского государства». Далее Леонтьев делает, по его собственным словам, «неслыханный» жест: требует открыть подписку на памятник Каткову на Страстном бульваре вблизи от памятника Пушкину. «Что за беда, что так не делают, что это "крайность", что это будет "неумеренная вспышка реакционного увлечения". Тем лучше! Тем лучше! Пора учиться как делать реакцию...»¹⁸³.

В целом же можно согласиться с мнением дореволюционного исследователя, утверждавшего, что Леонтьев весь свой талант вложил в идейную защиту крепостничества, что он был «теоретиком и певцом» той формы государственности, «в которой застыла Россия Николая I». Провозглашение этого царствования происходило в эпоху «русской реставрации в пору реакционных попыток конца 70-х и 80-х годов, когда в правящих сферах возникло сильное влечение назад к дореформенной России»¹⁸⁴.

Подводя итог нашего раздела исследования, нужно сказать, что во внутренней жизни страны как бы параллельно проходило два процесса. С одной стороны, продолжались реформы, игравшие прогрессивную роль в становлении новых социально-экономических отношений. С другой, - на эти важные начинания наслаивался и с годами увеличивался налет консерватизма, тормозивший движение России по ее прогрессивному пути. Шаг за шагом усиливалась и ожесточалась официальная идеология, сужались рамки духовной жизни людей, расширялись репрессивные меры, направленные против революционных и либеральных деятелей.

Консервативная политика царизма наиболее активно проявилась на рубеже 70-х - 80-х годов, когда все основные области государственного правления оказались под властью реакционных сил. Административно-полицейские репрессии стали доминировать в действиях высших чиновников. Современники испытали на себе гонения на печать и высшую школу, создание института урядников, борьбу со слухами о передаче земли, силу и коварство полицейского наблюдения. Наметившийся кризис самодержавия и невозможность управлять на основе обычных законов и существующего аппарата власти заставляли переходить к диктаторским мерам, создавать новые консервативные учреждения, Особые совещания и др. На местах реакционную политику осуществляли временные генерал-губернаторы. Наконец, оперативно созданная Верховная распорядительная комиссия сочетала в себе диктаторские полномочия с либеральной политикой лавирования, что должно было предотвратить возможность революционного взрыва.

Одним словом, реформы в России проходили с трудом, движение к организованному обществу постоянно тормозилось. В чем причина? Кто виноват? По мнению историка В.В.Леонтовича, главные виновники - не консерваторы. Виноваты, по его мнению, другие: «революционное движение было гораздо более опасным для продолжения либеральных реформ, чем влияние реакционных кругов». Революционеры, разумеется, не могли оказывать непосредственного влияния на правительство, но их «выступления, и в первую очередь террор вызвали в правительственных кругах подлинное смятение и удерживали их от проведения в жизнь либеральных

реформ»¹⁸⁵. Это наблюдение историка верно лишь с одной стороны. Но нельзя забывать и о другом. Именно революционная борьба народовольцев заставляла правителей идти на уступки для смягчения социальных обострений, делать пусть неуверенные, но либеральные шаги. Результатом чего, собственно, и явился проект «конституции» Лорис-Меликова, который осуществлен не был: убийство народовольцами 1 марта 1881 г. Александра II развеяло и эту робкую надежду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В числе советников Александра I были не только министры, но и его морганатическая супруга княгиня Юрьевская, с которой, по словам М.Палеолога, император обсуждал «государственные вопросы», «не принимая без нее ни одного важного решения». См.: *Палеолог Морис*. Александр I и княгиня Юрьевская. 1924. Репринт. изд. С. 31.

2. *Милютин Д.А.* Дневник. 1881-1882. Том IV. М., 1950. С. 96. К этой оценке Милютина близки высказывания публициста «Общего дела», либерала Н.А.Белоголового, утверждавшего, что Александр II с конца 70-х годов вместо того чтобы сохранить курс реформ, «все более и более отдавался необузданному произволу деспота и забыл свою первоначальную программу. И вот мрак стал все более и более окутывать русскую землю». См.: *Общее дело*. - Женева, 1880. № 33-34. С. 7.

3. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Часть II. (1865-1881 гг.) СПб., 1898. С. 507.

4. *Российские самодержцы*. 1801-1917. М., 1993. С. 194.

5. *Павловская А.В.* Александр II как реформатор в англо-американской историографии // *Вестник МГУ. История*. Серия 8. № 6. 1994. С. 45.

6. *Любимов Н.А.* М.Н.Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889. С. 333-334.

7. *Московские ведомости*. 1866. № 75.

8. *Весть*. 1866. 25 апреля. № 31.

9. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 71. Можно полностью согласиться и с мнением В.Г.Чернухи, утверждавшей, что покушение 4 апреля в определенной мере упрочило позицию Каткова как знаменосца «антинигилизма», человека, который мог бы «сплотить благонамеренные слои вокруг царизма». См.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60-70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 165.

10. *Литературное наследство*. Том 97. Кн. 1. Ф.И.Тютчев. М., 1988. С. 272.

11. *Милютин Д.А.* Дневник. 1873-1875. Т. 1. М., 1947. С. 37.

12. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. Л., 1934. С. 205. Несколько иначе оценивал роль Шувалова князь Мещерский: «Графу Шувалову не удалось во время своей первенствующей во внутренней политике роли иметь то консервативное и сдерживающее влияние, на которое он имел право по своим способностям». Он не мог «понимать всю непереваримость и литературную путаницу, которые вселили в жизнь реформы». См.: *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 65-66.

13. *Былое*. 1907. № 1. С. 237.

14. *Татищев С.С.* Александр II. Его жизнь и царствование. Т. II. СПб., 1903. С. 3-10.

15. *Тичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 192-194.

16. *Весть*. 1866. 21 апреля. № 30.

17. *Весть*. 1866. 11 апреля. № 17.

18. Московские ведомости. 1866. № 86.
19. Московские ведомости. 1866. № 167.
20. Весть. 1867. 9 января. № 4.
21. Весть. 1867. 27 января. № 12. В 1869 г. В полемику между «Вестью» и «Московскими ведомостями» намеревался ввязаться П.А. Валуев, который пытался привлечь к этому делу министра внутренних дел А.Е.Тимашева. См.: *Щеголев П.Е. М.Н.Катков, П.А.Валуев и А.Е.Тимашев // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 240-246.*
22. Весть. 1867. 5 мая. № 51.
23. *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 173.
24. *Никитенко А.В.* Дневник. Том 3. Л. 1956. С. 109.
25. Подробнее о влиянии Первого Интернационала и Парижской Коммуны на Россию см.: *Итенберг Б.С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. *Его же:* Россия и Парижская Коммуна. М., 1971.
26. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. С. 366.
27. *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 225.
28. Там же. С. 249. Дневниковая запись от 15 августа 1872 г.
29. *Милотин Д.А.* Указ. соч. С. 116.
30. *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 324.
31. *Лавров П.Л.* Избр. соч. Т. 4. М., 1935. С. 16-17.
32. *Щедрин Н.(М.Е.Салтыков)* Благонамеренные речи // Собр. соч. Т.6. М., 1951. С.41.
33. Цит. по: *Любимов Н.А.* Указ. соч. С. 2.
34. Там же. С. 8-9.
35. В связи с этим важную мысль высказала В.А.Твардовская: «Разумеется, сам Катков исключал обреченность своей деятельности, но был ли он искренен в своем утверждении самодержавия как идеальной формы живой и непосредственной связи - без какого-либо «средостения» между верховной властью и стомилионным народом?.. С уверенностью можно сказать только, что искренней у Каткова была его ненависть к революции, ее демократическим и социалистическим идеям, к их носительнице - разночинной интеллигенции». См.: *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 270.
36. Подробнее см. там же. С. 16-18.
37. Подробнее см.: *Твардовская В.А.* Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850-1860-х годов // Освободительное движение в России в XIX веке. Вып. 6. Саратов, 1975.
38. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. С. 23.
39. Цит. по: *Неведенский С.* Катков и его время. СПб., 1888. С. 415.
40. Московские ведомости. 1865. № 93.
41. Московские ведомости. 1867. № 273.
42. Московские ведомости. 1870. 12 марта. № 68.
43. Московские ведомости. 1874. 1 сентября. № 217. По мнению исследователя, спустя десять лет после начала реформы «приверженцы старого порядка вещей, прежде робко выражавшие свое мнение, теперь как будто устыдились своей прежней скромности и, вслед за «Московскими ведомостями», набросились на все живое и разумное в обществе». (*Головачев А.А.* Десять лет реформ. 1861-1871. СПб., 1872. С. 2.).
44. Цит. по: *Неведенский С.* Указ. соч. С. 508-509. По мнению современника, такое происходило в центральных городах, а «в провинции повсюду вы замечаете старые порядки, даже в новых учреждениях, и интерес к общественным делам, который одушевлял общество перед крестьянской реформой и вскоре после нее, исчезает совершенно». См.: *Головачев А.А.* Указ. соч. С. 2.

45. *Любимов Н.А.* Указ. соч. С. 12.
46. *Леонтьев К.* Страницы воспоминаний. СПб., 1922. С. 34.
47. *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 268.
48. Цит. по: *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. записки Московского гос. пед. ин-та. № 309. М. 1969. С. 90.
49. *Рабкина Н.А.* Константин Петрович Победоносцев // Вопр. истории. 1995. №2. С. 61.
50. *Готье Ю.В.* К.П.Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865-1881. Публичная библиотека СССР им В.И. Ленина. Сборник. Т. II. М., 1928. С. 109.
51. *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 258-259.
52. Цит. по.: *Эвенчик С.Л.* Указ. соч. С. 132-133.
53. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 48-53.
54. Там же. С. 54.
55. Там же. С. 120-121.
56. *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 110.
57. Там же. С. 118-119.
58. Отдел рукописей РГБ. Ф.Каткова (ф.120), Д. 19. Л. 99.
59. *Кони А.Ф.* Указ. соч. С. 264.
60. Подробнее об этом: *Полунов А.Ю.* К.П.Победоносцев в начале 1880-х годов. Программа нравственного перевоспитания общества // Россия и реформы: 1861-1881. Сб. статей. М., 1991. С. 66.
61. *Мещерский В.П.* Указ. соч. С. 155.
62. Там же. С. 198.
63. Гражданин. 1872. № 2.
64. Гражданин. 1872. № 15.
65. Гражданин. 1872. № 34.
66. Гражданин. 1872. 23 октября. № 25. Передовая Мещерского «Мысли вслух».
67. *Мещерский В.* Речи консерватора. СПб., 1876. С. 17, 21-22.
68. Там же. С. 33.
69. Там же. С. 92.
70. Там же. С. 94.
71. О современной России. По рукописям иностранца. Т. 1. Изд. кн. В.Мещерского. СПб., 1880. С. 157-158.
72. *Кантор В.* «Средь бурь гражданских и тревоги»... Борьба идей в русской литературе 40-70-х годов XIX века. М., 1988. С. 283-284. - *Подчеркнуто автором.*
73. Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 36.
74. *Фадеев Р.А.* Собр. соч. Т. III. Ч. 1. СПб., 1890. С. 78.
75. Там же. По словам молодого исследователя, программа Фадеева конца 70-х годов XIX в. отличалась от программы середины этого десятилетия. «Об опоре на культурный слой теперь не могло быть речи. Фадеев вынужден был признать, что общества, в том виде как оно мыслилось ему еще несколько лет назад, в виде культурного слоя, попросту не существует. Вера в созидательные способности первого сословия развевалась со временем точно так же, как улетучилось неизвестно куда и само дворянство». См.: *Кузнецов О.В., Р.А.Фадеев* в общественном движении России (вторая половина 60-х - начало 80-х годов XIX в.). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Волгоград, 1966. С. 16.

76. Самарин Ю. и Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Berlin. 1875. С. 2.
77. Там же. С. 12.
78. Там же. С. 39.
79. Там же. С. 72.
80. Там же. С. 78.
81. Там же. С. 83.
82. Там же. С. 122.
83. Там же. С. 139.
84. Там же. С. 141.
85. Мещерский В. Речи консерватора. С. 9.
86. Там же. С. 23.
87. Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. II. СПб., б.г. С. 865.
88. Там же. С. 888.
89. Там же. С. 889.
90. Фадеев Р.А. указ. соч. С. 72.
91. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 21. Л. 1980. С. 271. Из записных тетрадей 1872-1875 гг.
92. Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 89.
93. Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 264.
94. Пылин А. Характеристики литературных мнений. От двадцатых до пятидесятых годов // Вестник Европы. 1872. № 11. С. 60.
95. Там же. С. 64; Вестник Европы. 1872. № 12. С. 678.
96. Там же.
97. Гражданин. 1873. № 11.
98. Там же. 26 марта. № 13. В 1875 г. «Гражданин» (№ 50) поместил некролог М.П.Погодину: «Он был в среде русского общества родоначальником славянской идеи».
99. Гражданин. 1873. № 20.
100. Кошелев А. Наше положение. Berlin. 1875. С. 17-18.
101. Там же. С. 19.
102. Там же. С. 64, 149.
103. Мещерский В.П. Речи консерватора. С. 6.
104. Кошелев А. Указ. соч. С. 10, 23, 116 и др.
105. Там же. С. 144.
106. Русь. 1880. 15 ноября. № 1.
107. Вестник Европы. 1880. № 11. С 379. Внутреннее обозрение.
108. Русь. 1880. 20 декабря. № 6.
109. Русь. 1881. 3 января. № 8.
110. Русь. 1881. 21 марта. № 19.
111. Там же.
112. Русь. 1881. 17 января. № 10.
113. Там же.
114. Цимбаев Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1987. С. 219, 253.
115. Градовский Г.К. Итоги (1862-1907). Киев, 1908. С. 57.
116. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. XII. Кн. 2. Л., 1967. С. 270.
117. Неведенский С. Указ. соч. С. 532.

118. *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 199.
119. *Меццерский В.* Указ. соч. С. 98, 108.
120. Новое время. 1879. 9 (21 декабря). № 1359.
121. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. Том II. СПб., 1912. С. 148.
122. Там же. Том I. СПб., 1911. С. 465. Внутреннее обозрение Л.А.Полонского, вырезанное цензурой из «Вестника Европы» (1879 г.).
123. *Градовский А.* Трудные годы (1876-1880). СПб., 1880. С. 338.
124. Там же. С. 339-340.
125. Там же. С. 343.
126. *Тихомиров Лев.* Борьба века // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 90, 93.
127. Неделя. 1880. 22 июня. № 25.
128. *Никитенко А.В.* Указ. соч. С. 230.
129. Там же. С. 227.
130. Там же. С. 146.
131. *Валуев П.А.* Дневник министра внутренних дел. Том I. М., 1961. С. 28. Биографический очерк П.А.Валуева.
132. *Кошелев А.* Указ. соч. С. 143, 150.
133. Так, например, по мнению В.А.Твардовской, «Тютчева невозможно поставить под знамя какого-либо одного идейного течения или политической группировки. Мировоззрение поэта рядом черт... близко консервативной, "охранительной" идеологии. Защитой же преобразований общественно-экономического строя страны, поддержкой реформ 1860-х годов оно противостоит официальной мысли, сходясь с идеологией буржуазной демократии, с либерализмом». См.: Литературное наследство. Т. 97. Кн. I. Ф.И.Тютчев. М., 1988. С. 164.
134. П.А.Зайончковский установил хронологические рамки этого кризиса: весна 1878 года - середина 1882 года. См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 5.
135. *Алисов П.* Александр II. Освободитель. Женева [1879], С. 12-13.
136. Московские ведомости. 1878. 2 апреля. № 85.
137. Московские ведомости. 1878. 4 апр. № 87.
138. *Меццерский В.П.* Указ. соч. С. 405-406.
139. Подробнее об усилении политической реакции в конце 1870-х годов см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 58-147.
140. Письма Победоносцева Александру III. С. 194.
141. Московские ведомости. 1879. 3 апреля. № 82.
142. См. *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. С. 134.
143. *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 606-607.
144. Цит. по: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 146.
145. Там же. С. 147.
146. Московские ведомости. 1880. 7 февраля. № 37.
147. Московские ведомости. 1880. 14 февраля. № 45. Катков оказался прав. Е.А.Перетц 18 февраля 1880 г. записал в дневнике: «Против Лориса большая оппозиция в высших кругах. Главною виною ставят ему то, что он в погоне за популярностью совершенно распустил печать, позволяющую себе судить не только свободно, но и дерзко и резко про все и про всех. Наиболее ожесточенные крикуны - Тимашев, Делянов и Победоносцев». См.: *Перетц Е.А.* Дневник. 1880-1883. М.; Л., 1927. С. 22.
148. Былое. 1917. Окт. № 4 (26). С. 6.

149. Цит. по: *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т.2. б.г. С. 1083-1084.
150. Былое. 1917, октябрь. № 4 (26). С. 7. Письмо Каткова к Александру II от 11 марта 1880 г.
151. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. 1848-1896. Л., 1929. С. 176, 180.
152. В этой связи: Тургенев - Стасюлевичу, 21 апр. (3 мая) 1880 г.: «Любезный Михаил Матвеевич, какое же Вы поднесли мне вчера красное яичко!! ... Представьте, кому ни скажешь, кому ни покажешь телеграмму - первым делом все крестятся. Вот ненавидим был человек! Но каким образом это случилось? Как рухнул этот столб?! Подробностей, ради бога, подробностей!». См.: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. Письма. Т. XII. Кн. 2. Л., 1967. С. 236.
153. *Кавелин К.Д.* Политические призраки. Берлин, 1878. Цит. по: *Кавелин К.Д.* Указ. соч. Стб. 991.
154. Там же. Стб. 992.
155. Отечественные записки, 1879 г. № 10. С. 205, 210-211. Внутреннее обозрение.
156. Неделя. 1880. 17 февраля. № 7.
157. Там же. 2 марта. № 9.
158. Там же.
159. Неделя. 1880. 6 апреля. № 14.
160. Вестник Европы. 1880. №. 4. С. 775-776.
161. Там же. С. 781.
162. Вестник Европы. 1880. № 11. С. 377-378.
163. Подробнее см.: *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 102-105.
164. Подробнее см.: *Емельянов Н.* Из истории русских официозов 1879-1880 гг. // Вопросы журналистики. Межвуз. сб. статей. Вып. II. Кн. 2. Л., 1960.
165. *Силаев М.А.* Правительственный официоз газета «Берег» (1880) // Труды гос. Ордена Ленина Историч. музея. Вып. 46. М., 1976. С. 215.
166. Русский вестник. 1880. Август. С. 616-617, 624.
167. Там же. С. 626.
168. Русский вестник. 1881. Июль. С. 748-749.
169. Русский вестник. 1882. Июль. С. 212. Подробнее о влиянии идей Великой французской революции на Россию см.: *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988 г.
170. Литературное наследство. 1935. № 22-24. С. 427. Вступительная статья Н.Мещерякова к публикации «Моя литературная судьба». (Автобиография Константина Леонтьева). Другой исследователь отмечал противоречивость в воззрениях К.Н.Леонтьева: «Один из самых пламенных патриотов России, он, кажется, не верил ни в Россию, ни в русский народ; неистовый борец против либерально-эгалитарной Европы, поклонявшийся Востоку, он был и остался западником; великий гуманист, он выступал против гуманизма и не мыслил дальнейшего развития без деспотизма, принуждения, неравноправия и силы». См.: *Долгов К.М.* Восхождение на Афон. Жизнь и мировоззрение Константина Леонтьева. М., 1997. С. 6.
171. *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. Сб. статей. Т. I. М., 1885. С. 310.
172. Там же. С. 98.
173. *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991. С. 6.
174. Литературное наследство. 1935. № 22-24. С. 436, 446.
175. *Фудель И.* Культурный идеал К.Леонтьева // Русское обозрение. 1895. № 1. С. 263.

176. *Сивак А.Ф.* Указ. соч. С. 22.

177. Там же. С. 33.

178. *Леонтьев К.* Восток, Россия и Славянство. Сб. статей. Т 2. М. 1886. С. 51.

179. Там же. С. 76-78.

180. Там же. С. 145.

181. Там же. С. 146-147.

182. Там же. С. 149.

183. Там же. С. 150, 152.

184. *Козловский Л.* Мечты о Царьграде // *Голос минувшего*. 1915. № 11. С. 45-47.

Многое для понимания роли Леонтьева в духовной жизни России дают новейшие публикации: Константин Леонтьев: Pro et contra: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 1: 1881-1917. Кн. 11: После 1917 г. СПб. 1995.

185. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 320.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III

1. ПОСЛЕ 1 МАРТА 1881 Г.

Катастрофа 1 марта 1881 г. и последовавшие за ней события многое изменили в судьбах российских консерваторов. С восшествием на престол Александра III началась новая полоса в истории консерватизма в России. Достигший к этому моменту 36 лет, новый царь вполне сформировался как личность и по своим взглядам был последовательным приверженцем охранительной идеологии. Правда, далеко не все в «верхах» и тем более в обществе имели ясное представление о политических симпатиях Александра III: он был достаточно сдержан в своих публичных оценках политики отца. При обсуждении лорис-меликовской «конституции» великий князь Александр Александрович поддержал ее вместе с другими высшими сановниками, среди которых были и консерваторы. Позицию цесаревича и его единомышленников определили всесилье и могущество министра внутренних дел, пользовавшегося безграничным доверием Александра II.

Но в ближайшем окружении Александр Александрович не скрывал неприязни к отцовским преобразованиям. Резиденция наследника - Аничков дворец становится одним из центров притяжения консервативных сил. Конфидентом цесаревича сделался его бывший наставник, профессор-правовед К.П. Победоносцев, ставший в 1880 г. обер-прокурором Св. Синода. Доверительные отношения, возникшие между учителем и учеником, не прекратились и после завершения курса гражданского права. Константин Петрович дорожил возможностью влиять на «мысль и волю» наследника престола. В беседах с ним и в письмах к нему он не уставал повторять, что самодержавие - единственно приемлемая форма власти для России, а православная церковь - самая надежная опора этой власти. Он снова и снова доказывал, что народ дорожит этими установлениями как основанием своей жизни и никогда не смирится с их утратой. Все это находило живой отклик в душе будущего царя, и нити близости и понимания между ними крепились.

Особенно соединила их растущая неприязнь к реформам 60-х годов, подорвавшим вековые устои русской жизни. Невзлюбивший земские учреждения и новые суды, наследник начинает сомневаться и в благотворности крестьянской реформы 1861 г., задаваясь вопросом, «не ослабла ли народная сила» с уничтожением крепостного права¹.

Последовательно, не боясь наскучить повторением, Победоносцев внушал будущему самодержцу, что «вся тайна русского порядка и преус-

певаний - наверху, в лице верховной власти». Если власть слабеет и распускается - слабеет и распускается вся земля. Воспринимая конституционные веяния в пореформенном обществе как угрозу самодержавию, Константин Петрович призывал цесаревича к бдительности, предостерегая, что угроза эта может стать реальностью².

И вот такой момент наступил. Именно Александру III предстояло решить судьбу лорис-меликовской «конституции». Назначенное покойным императором ее обсуждение в Совете министров 4 марта было перенесено на 8 марта. Понимая опасность промедления, М.Т.Лорис-Меликов уже 6 марта вручил императору «всеподданнейший доклад» и проект правительственного сообщения о переменах в системе управления. Но и Победоносцев создавал, что медлить нельзя, хотя и верил в искренность неприятия своим учеником «конституционных затей»: обер-прокурор Святейшего Синода учитывал настроения в обществе и в самом правительстве, где сложилась сильная группировка либеральных администраторов.

Одновременно с докладом Лорис-Меликова император получил 6 марта письмо Победоносцева, призывавшее не слушать либеральных доводов в пользу проекта министра внутренних дел и порвать с курсом Лорис-Меликова. «Час страшный и время не терпит, или теперь спасать Россию или никогда», - возвещал он царю³. 7 марта Победоносцев имел часовую беседу с Александром III, которая, по-видимому, несколько успокоила обер-прокурора Синода относительно намерений царя. А 8 марта Константин Петрович, почувствовавший себя в эти дни предводителем консервативной партии, дал решительный бой Лорис-Меликову и его соратникам.

Присутствовавшие на заседании министры, великие князья и сам обер-прокурор Синода, как и царь, отдавали себе отчет, что речь будет идти не столько о проекте Лорис-Меликова, сколько о дальнейшем пути России. В центре обсуждения 8 марта в Зимнем дворце стал вопрос о совместимости самодержавия и общественного представительства. Либеральная группировка (в лице самого министра внутренних дел, военного министра Д.А.Милютина, министра финансов А.А.Абазы и их сторонников) настаивала на возможности полной гармонии между ними. Совещательный характер представительства, оставлявший неприкосновенными прерогативы самодержавия, казалось, был тому порукой. Но консерваторы-ортодоксы этих доводов не приняли, усмотрев в лорис-меликовском проекте как раз угрозу самодержавной власти.

Особенно резко высказался о предложениях Лорис-Меликова К.П.Победоносцев. В своем монологе он, по сути, осудил все преобразования 60-х годов, доказывая, что они поставили страну на край гибели. Созыв же общественных представителей для участия в управлении станет окончательной гибелью державы⁴.

Консерваторы оказались на заседании 8 марта в меньшинстве. Против проекта Лорис-Меликова кроме К.П.Победоносцева подал голос граф С.Г.Строганов - уже отставленный от дел, но специально приглашенный на обсуждение по совету обер-прокурора. Высказались против также министр почт и телеграфа Л.С.Маков и министр путей сообщения К.Н.По-

смет. Умеренные консерваторы (принц А.П.Ольденбургский, князя С.Н.Урусов и А.А.Ливен) воздержались от оценки доклада Лорис-Меликова, предложив еще раз вернуться к его обсуждению. Министра внутренних дел поддержали Д.А.Милютин, А.А.Абаза, министр просвещения А.А.Сабуров, государственный контролер Д.М.Сольский, министр юстиции Д.Н.Набоков а также великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович⁵.

Мысль о необходимости хотя бы частичных уступок общественным устремлениям уже проникла и в высший эшелон власти, а первые обсуждения планов Лорис-Меликова, состоявшиеся по воле Александра II, ее как бы узаконили. Многие из тех, кто в ту пору поддержал министра внутренних дел, еще не успели перестроиться.

И все же, оказавшись в большинстве, сторонники преобразований в системе управления победителями себя не ощущали: решающим было мнение царя, а оно достаточно ясно обозначилось на заседании 8 марта. Скупыми, но выразительными репликами Александр III дал понять свое отрицательное отношение к реформам прошлого царствования и к их продолжению. В частности, утверждение графа Строганова, что проект Лорис-Меликова «прямо ведет к конституции», Александр III сопроводил признанием: «Я тоже опасаясь, что это первый шаг к конституции»⁶.

Отвага К.П.Победоносцева, резко выступившего против большинства, и объяснялась прежде всего его осведомленностью о настроении нового царя. Со вступлением на престол Александра III Константин Петрович чувствовал себя как за каменной стеной, разоблачая вред либеральных начинаний. Совсем недавно - в пору всесии Лорис-Меликова - обер-прокурор Святейшего Синода и не пытался бороться с либеральной опасностью. Он не пытался воодушевить на эту борьбу и наследника. Только когда Александр Александрович стал неограниченным властителем страны, и он сам, и его бывший наставник ощутили стремление противодействовать планам, которые тайно ненавидели.

Александр III, однако, не спешил объявить войну либеральным администраторам. Медлил и с традиционным для нового монарха заявлением о направлении своей политики. Он выжидал, изучая обстановку, хотя ему было «невыносимо и странно» слушать «умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма»⁷.

Однако и 8 марта в Зимнем дворце, и 21 апреля в Гатчине царь внимательно вслушивался в речи тех, кто убеждал его, что призвав выборных от общества, власть лишь укрепит свои позиции. Император вычислял возможную силу сопротивления сторонников представительства, пытаясь определить и общественную поддержку этой идеи.

Сплотиться и сорганизоваться либеральной бюрократии в этот решающий момент противостояния консервативным силам так и не удалось. Представ блестящим политиком в пору, когда пользовался поддержкой самодержца, М.Т.Лорис-Меликов оказался беспомощным и бессильным,

лишившись ее. Александр III и Победоносцев с удовлетворением наблюдали, как от всемогущего недавно министра отпадали союзники, усиливая ряды консерваторов. Одни меняли ориентацию, уловив настрой нового монарха, чтобы не повредить карьере. Другие разочаровались в способности Лорис-Меликова отстоять свой проект.

Задумавший преобразование отживших форм государственности, Лорис-Меликов сам оказался прочно с ними связан. Его действиям в полной мере присуща такая характерная черта российской политической жизни, как патриархальность, персонификация отношений в политике. Власть диктатора основывалась на особой близости к Александру II, на личном влиянии на царя. С воцарением Александра III Лорис-Меликов вновь делает главную ставку именно на него. Борьба за «конституцию» становится для министра борьбой за привлечение на свою сторону императора. Михаил Тариэлович, по сути, сам отказался от общественной поддержки, цензурными карами пресекая выступления в печати в защиту представительного управления. Завоевание доверия и расположения царя он посчитал главным залогом успеха. Лорис-Меликов не учел только всей глубины консерватизма нового правителя. Для Александра III и он сам, и его либеральные соратники были прежде всего политическими противниками.

Группировавшиеся вокруг министра внутренних дел способные, знающие, опытные деятели были на голову выше тех, что теснились вокруг Победоносцева, признанного лидера консерватизма. В окружении обер-прокурора не оказалось ярких и талантливых личностей, о чем он сам немало сокрушался в письмах царю. Но этим посредственностям оказалось легче сговориться и сплотиться, чем их либеральным противникам. «Коалицией честолюбий» назвал М.Н.Катков либеральную группировку, и не без оснований. Ее внутренняя разобщенность объяснялась не только идейными расхождениями, но и амбициями либеральных администраторов, заглушавшими порой чувство ответственности перед страной. Характерно поведение П.А.Валуева, к консерваторам себя не причислявшего, но и к либеральной бюрократии не приставшего. Автор более радикального проекта представительного управления, чем лорис-меликовский, он весьма вяло и неохотно поддержал 8 марта этот последний. В дневнике этот «просвещенный консерватор», как называли его сторонники Лорис-Меликова, признавался, как тягостно ему выступать союзником министра внутренних дел. Вроде бы сама идея общественного представительства ему дорога, но он со злорадством наблюдает, как падает влияние Лорис-Меликова, как теряет этот «ближний боярин» свое могущество⁶.

Стремительный взлет Лорис-Меликова к вершинам власти создал ему недоброжелателей не только в консервативной группировке. И среди близких ему по взглядам оказались те, кто с удовлетворением наблюдал, как терпит крах эта необычная карьера. Но вскоре отступившиеся от «премьера» в эти решающие дни весны 1881 г. уже скорбели о том, что «дикая допетровская стихия берет верх», так и не осознав своего содействия победе консервативных сил.

Непреклонные или, как их называли, «строгие» консерваторы во главе с Победоносцевым, между тем, ждали от императора прямых и открытых заявлений о разрыве с политикой реформ. Промедление с соответствующим манифестом Победоносцев рассматривал как нерешительность и слабоволие, недопустимые для власти. Жалобы на отсутствие воли у монарха нередко в письмах Константина Петровича к давнему другу - Е.Ф.Тютчевой. А в письмах к императору обер-прокурор Святейшего Синода взывал к безотлагательному разрыву с курсом Лорис-Меликова и объявлению о «новой политике»⁹. О том же неустанно вещал и М.Н.Катков: «Более всего требуется, чтобы показала себя государственная власть в России во всей непоколебимой силе своей, ничем не смущенная, не расстроенная, вполне в себе уверенная»¹⁰.

Однако Александр III вступал во власть неспешно и осторожно, обдумывая каждый новый шаг. Неопределенность его позиции в первые месяцы царствования не была результатом безволия и колебаний. Он внимательно присматривался к группировкам в правительстве, к общественным настроениям. Изучая своих идейных противников, знакомясь с предложениями и планами, касавшимися преобразований в управлении, царь не мог не видеть, как трудно будет их авторам сговориться и действовать в одном направлении. Могли ли объединиться те, кто требовал передачи «общественных дел в общественные руки» (как Н.К.Михайловский), с теми, кто, подобно Б.Н.Чичерину, наряду с созывом выборных представителей от населения ждал ужесточения режима, укрепления самодержавия¹¹. Это было так же маловероятно, как и согласие между сторонниками Земского собора чисто ритуального характера и выдвигавшими требование Учредительного собрания, которое бы решило вопрос о форме правления.

Как и надеялись консерваторы, силы, которая могла бы оказать натиск на самодержавную власть, в стране не оказалось. Речь, разумеется, не о том, что у народолюбцев не хватило ресурсов продолжить борьбу: новые покушения на царя только повредили бы делу, но общество не выработало способов легального воздействия на власть. В стране так и не сложилась либерально-демократическая коалиция, которая бы заставила самодержавие пойти на уступки общественным требованиям. Сторонникам представительного управления (в его разных вариантах) расхождения в их программах казались более существенными, чем сходство. Способность политических сил к объединению, к компромиссам - черта развитого гражданского общества, к которому Россия делала только первые шаги.

Обескровленное, загнанное в глубокое подполье революционное движение, разобщенная, несмелая, дезорганизованная либеральная оппозиция, ослабленная, усомнившаяся в успехе своих начинаний либеральная администрация - все это давало охранителям надежду на преодоление кризиса самодержавия.

Новые настроения в обществе, ощущавшиеся в послемартовский период, эту надежду поддерживали. Около пяти лет - начиная с русско-турецкой войны 1877-78 гг. - Россия находилась в состоянии неустойчивости - социального и политического. Трудности военного и послевоенного суще-

ствования усугубились в неурожайном 1880 году, закончившимся голодом в Поволжье. Общество, несколько лет стоявшее на пороге революционных событий, устало от динамитных взрывов, подкопов, заговоров, военных судов, виселиц. 1 марта 1881 г., казалось, подвело страну к той черте, за которой мог последовать террористический беспредел и анархия. Все больше обнаруживалось в самых разных общественных слоях тяготение к нормальной жизни, к порядку, к стабильности. К.П.Победоносцев был не так уж неправ, доказывая царю, что «смятенная и расшатанная Россия» жаждет, «чтобы повели ее твердой рукой»¹².

Тяга к твердой власти как реакция на затянувшуюся революционную ситуацию сказалась и в либеральной среде, о чем свидетельствует, в частности, записка царю Б.Н.Чичерина. «Сама жизнь вступила в роль охранителя, и инстинкт самосохранения заговорил почти везде громче всяких писателей, либеральных и консервативных», - делился своими наблюдениями В.П.Мещерский¹³.

Утверждения Л.А.Тихомирова - новоявленного адепта консерватизма - о росте консервативных настроений в 80-е годы можно было бы посчитать субъективными¹⁴. Однако о том же свидетельствует и К.Ф.Головин - консерватор, который как раз в 80-е годы особенно сблизился с либералами. В послемартовский период стремление к стабильности было так велико, что, по его наблюдению, «даже резкая фигура К.П.Победоносцева стала почти популярной». Любопытно его заключение о влиянии на рост консервативных тенденций «самого спокойствия политики Александра III, действовавшей неотразимо на воображение». Такое воздействие Головин считает «более сложным, чем думают»¹⁵.

Выводы о распространении консервативных веяний в обществе были несколько преувеличены охранителями, поскольку совпадали с их пожеланиями. Не учитывалась совокупность процессов, происходивших в общественной жизни России последних двух десятилетий XIX в., когда наблюдался явный рост и либерального движения. Заметна была и эволюция отдельных консерваторов в сторону либерализации их идей. Не прекращалось и пополнение рядов революционеров. Однако на общем фоне общественной жизни 80-х годов усилившееся влияние консерватизма в послемартовский период было реальностью. На волне этих настроений, воодушевленные ими, приверженцы самодержавной монархии и одерживали свои победы.

После совещания в Гатчине 21 апреля 1881 г., где М.Т.Лорис-Меликов, Д.А.Милютин, А.А.Абаза снова доказывали преимущество представительных учреждений при самодержце и не получили от него отпора, К.П.Победоносцев резко усиливает активность. 23 апреля в письме к царю он настаивает на том, что «для успокоения умов» необходимо «обратиться к народу с заявлением твердым и не допускающим никакого двоямыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей». 25 апреля он напоминает об этой необходимости снова, сообщая, что работает над проектом соответствующего манифеста. 26 апреля обер-проку-

пор Синода посылает Александру III уже подготовленный текст и получает полное одобрение царя. 29 апреля манифест был опубликован.

Царь провозглашает, что встает на дело правления «с верой в силу и истину самодержавной власти», которую будет «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». О царе-реформаторе, приступившем, хотя не без колебаний, к обсуждению преобразований в государственном управлении, говорилось как о незыблемом консерваторе. Александр II, по словам манифеста, «приняв от Бога самодержавную власть на благо вверенного ему народа, пребыл верен до смерти принятому им обету, и кровью запечатлел великое свое служение»¹⁶. Стремясь представить традицию самодержавного правления непоколебленной, автор манифеста написал нечто противоположное тому, что думал. В письмах Победоносцева запечатлелась уничтожающая характеристика Александра II как государственного деятеля, в руках которого «разбилась и опозорилась власть»¹⁷.

В стане консерваторов манифест приняли восторженно. «Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного»¹⁸. Манифест, возвестивший незыблемость самодержавия, послужил сигналом к смене правительства и перегруппировке сил в «верхах». М.Т.Лорис-Меликов, Д.А.Милютин, А.А.Абаза ушли в отставку. Несколько ранее был смещен с должности министра просвещения А.А.Сабуров. Великий князь Константин Николаевич, считавшийся главой либеральной оппозиции в высших сферах, был удален с поста главы Морского ведомства. Консервативная группировка в правительстве усиливалась, получая все большие возможности влиять на политику. Либеральный журнал «Русская мысль» задавался вопросом: «Что означает отставка графа Лорис-Меликова? Смена ли это только лиц или направлений?» «Призыв графа Лорис-Меликова к власти был началом новой эпохи; вот почему в удалении его от управления думаем видеть как бы окончание этой эпохи», - отвечал «Вестник Европы»¹⁹.

Приводя отрывки из Манифеста 29 апреля, лондонская «Таймс» заключала о победе консервативных сил. Отмечая, что циркулировавшие в Петербурге и за границей слухи о конституционных переменах не оправдываются, газета ссылаясь на манифест, который «достаточно ясно указывает на действительное направление внутренней политики страны»²⁰.

В письме к Е.Ф.Тютчевой 1 мая 1881 г. К.П.Победоносцев, имея в виду выход в свет манифеста и его восприятие в обществе, сообщал, что произошел «соир d'Etat»²¹. Полушутливая оценка событий таила и серьезный смысл: случилось нечто большее, чем смена правительства и даже правительственного курса. Прерывалась сама линия развития России на мирные преобразования, на реформы «сверху». Непоследовательная, зигзагообразная, она все же ясно обозначилась в эпоху Александра II, вселяя надежды на безреволюционный путь. При всей своей непоследовательности политика Александра II предусматривала движение вперед. Насильственный обрыв этой линии, с ее ориентацией на преобразование

существующего строя, говорил о смене концепции развития России. Противоборство приверженцев консерватизма и реформизма на этом этапе завершилось победой «охранителей».

2. КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕЧАТЬ. ИЗДАТЕЛИ, РЕДАКТОРЫ, ПУБЛИЦИСТЫ

Консерватизм как общественное течение заметно оживляется после 1 марта 1881 г. Усиливается роль консерваторов в земских собраниях, где они почти повсеместно стали теснить либерально-демократические элементы. Особенно активизировались «охранители» в дворянских собраниях, получив там явное преобладание в 80-е годы. Именно оттуда, из «глубинки» в это время выдвинулся ряд деятелей высшей бюрократии. Среди них - А.Д.Пазухин - предводитель дворянства Алатырского уезда Симбирской губернии - правитель канцелярии Министерства внутренних дел, один из идеологов контрреформ; С.С.Бехтеев - предводитель елецкого дворянства Орловской губернии, введенный в так называемую Кахановскую комиссию, играл важную роль в подготовке земской контрреформы. Из Орловского губернского дворянского собрания были призваны в «верха» на высокие должности А.В.Шереметьев и А.А.Нарышкин. На этом общем фоне избрание предводителя Тверского губернского дворянства из среды либерально-демократической было воспринято в консервативной прессе как чрезвычайное событие²².

Разрастается сеть консервативных изданий - столичных и провинциальных. В особо трудные для либеральной и народнической печати 80-е годы охранительные органы пользуются поддержкой властей: они не испытывают цензурного гнета, получают субсидии из казны. Основными столпами консерватизма по-прежнему остаются издания М.Н.Каткова - «Московские ведомости» и «Русский вестник», - а также «Гражданин», возобновленный в 1882 году В.П.Мещерским.

Голос Каткова к концу царствования Александра II почти не был слышен - идеолог самодержавия ушел в тень, устранившись от открытой борьбы с теми, кого считал противниками - либералами, демократами, социалистами. «Для кого писать, - объяснял он свою позицию в период диктатуры Лорис-Меликова. - Тот, для кого я единственно держал перо в руках, сам отступает от своей власти, удерживая только ее внешность...»²³.

На другой день после 1 марта 1881 г. Каткову стало ясно, для кого и что писать: он снова занял пост «сторожевого пса» самодержавия - как сам определил его в одном из писем царю. В полный голос Катков заговорил о том, о чем на рубеже 70-х - 80-х годов высказывался лишь в письмах единомышленникам, посланных с верной оказией. Щеголяя своей независимостью, он снова позволял себе критиковать правительство. Неприкосновенным для него оставался сам принцип самодержавия, но не его живые носители. Гордившийся тем, что его издания существуют без правительственной субсидии, Михаил Никифорович явно лукавил. И в 80-е годы за «Московскими ведомостями» осталась серьезная финансовая под-

держа власти: публикация казенных объявлений. В конце 1880 г. в печать проникли сведения о незаконном присвоении редакцией сумм, принадлежавших Московскому университету, у которого Катков арендовал газету. Дело грозило перейти в суд, а редактор-издатель давал пространные, но необедительные разъяснения: напоминал о своих заслугах перед царем и отечеством, обещая в будущем представить необходимые для оправдания документы. Сменивший Лорис-Меликова министр внутренних дел граф Н.П.Игнатьев не без совета К.П.Победоносцева замял дело: первый публицист правительства должен был быть незапятнанным в глазах публики.

Катков сохранил за собой право обращаться непосредственно к царю, дарованное ему еще Александром II, и широко пользовался им. Как и раньше, ему случалось навлекать на себя недовольство властей: он иногда забывался и переходил границу, допустимую в отношениях с ними. Незадолго до смерти, в 1887 г. он вызвал гнев Александра III статьями по внешней политике. Царь увидел в них прямое вмешательство в дела правительства. Однако Победоносцев уговорил Александра III не наказывать Каткова цензурным предостережением, которое в обществе могло бы быть воспринято как ослабление позиций охранительного органа. Редактору было сделано «словесное внушение» его же ставленником и сотрудником его изданий - Е.М.Феоктистовым, начальником Главного управления по делам печати²⁴. Победоносцев был прав, доказывая, что Каткова нечем будет заменить. Яркий публицист, чуткий к интересам самодержавной империи, он добился влияния, какого консервативной печати уже никогда затем не суждено было достигнуть. С гордостью, вполне обоснованной, писал он Александру III, что «Московские ведомости» были не просто газетой, а «случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались»²⁵.

Со смертью М.Н.Каткова в 1887 г. редактором «Московских ведомостей» становится давний их сотрудник С.А.Петровский. Не имевший и доли способности своего предшественника - посредственный публицист и неумелый редактор, - он не удержал газету на том же уровне. Окончательно захирел и «Русский вестник». Интерес к журналу падает еще в 80-е годы, когда издатель, целиком сосредоточившись на газете, передоверил работу в нем Н.А.Любимову. Профессор Московского университета в 80-е годы деятельно занимался подготовкой к проведению университетской реформы и запустил редакционную деятельность. С 1887 г. редактором становится Д.Н.Цертелев, а через год - Ф.Н.Берг, также сотрудник катковских изданий, остававшийся на посту редактора до 1887 г. В «Русском вестнике» почти исчезает публицистика, в свое время составившая популярность журналу Каткова. Балласт малозначительных по теме материалов все сильнее тягощает издание, терявшее читателей даже из консервативного лагеря.

Дела редактора - издателя «Гражданина» шли несколько успешнее. Друг юности Александра III, князь В.П.Мещерский сумел сохранить с ним близкие, хотя и неровные отношения, обеспечившие ему громадную по тем временам субсидию из казны²⁶. Репутация у Мещерского была скан-

дальной, отношения с ним порвали и его родственники. Временами из-за очередной истории с князем и Александр III под давлением общественного мнения переставал принимать старого приятеля. Но немилость царя к Владимиру Петровичу (Вово) была недолгой и князь продолжал бывать во дворце, хотя и с «заднего крыльца» - конспиративно. Его письма Александру III передавал обычно Победоносцев. Мещерский писал и специальный Дневник для цесаревича, где развивал идеи «Гражданина» с большей откровенностью. Князь не пытался сделать «Гражданин» теоретическим органом консерватизма - в нем преобладала публицистика, посвященная злобе дня. В подражание Достоевскому Мещерский вел постоянный «Дневник писателя», где пытался отразить хронику текущего. Мещерский был не только хорошо информирован благодаря своим связям, но и прекрасно чувствовал настроения в «верхах». Обо всем этом он со свойственной ему недальновидностью и несдержанностью иногда «проговаривался», по выражению В.И.Ленина, по этой причине «журнальчик» князя читавшего²⁷.

Идеи «Гражданина» не были оригинальными. По выражению современника, он «снял сливки» с катковских изданий или, как еще говорили, был их «секундантом» в борьбе с идейными противниками. «Вторичность» публицистики журнала-газеты восполнялась литературными приложениями - романами Мещерского из жизни «большого света» и «полусвета». Бойкое перо и знание материала обеспечили им успех у довольно широкого круга читателей, знакомившихся с консервативными идеями по этой беллетристике. Мещерский открыто и гордо называл себя непопулярным в России словом «консерватор» (оно стало одним из его псевдонимов). В эпоху Александра III, почувствовав особые возможности для своей литературной деятельности, он основал новые издания, рассчитанные на широкого читателя: «Воскресение» (1887-1905) и «Русь» (1894-1896). Несмотря на богатые иллюстрации, «Русь» читателей не приобрела: журнал прославился защитой телесных наказаний для крестьян. «Воскресение» также не имело успеха.

В 90-е годы среди консервативных изданий, влачивших довольно жалкое существование, выделилось «Русское обозрение». Журнал возник в 1890 г. как «внепартийный», открытый для всех направлений. Однако консервативная струя в нем преобладала, что дало современникам основание обвинить редакцию в сокрытии своего направления, утаивании его²⁸. Разнородность авторов «Русского обозрения» неодобрительно была встречена и в охранительной печати, где редактора Д.Н.Цертелева обвиняли в желании занять позицию «между двумя стульями»²⁹.

В середине 1892 г. Д.Н.Цертелева сменил А.А.Александров, и «Русское обозрение» стало последовательным органом консерватизма. Ученик М.Н.Каткова, получивший образование в семинарии при катковском Лицее, Александров обратил на себя внимание Победоносцева и был рекомендован им на пост редактора. Выбор этот свидетельствовал о скудости публицистических сил охранителей: Александров был весьма урядным литератором и редактором.

Будучи респектабельнее, чем издания Мещерского и преемников Каткова, «Русское обозрение» более отличалось погруженностью в прошлое, чем интересом к текущему. В постоянном разделе журнала «Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей» были опубликованы воспоминания А.А.Фета, письма Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, художника А.Иванова и другие эпистолярные и мемуарные материалы, составлявшие здесь основную ценность.

Редакции названных главных органов консервативной мысли были одновременно и своеобразными центрами собраний охранителей. Весьма влиятельным в Петербурге считался салон князя В.П.Мещерского. Его среды в 80-е годы посещали министры, высшие чиновники и титулованные особы.

В Москве таким пунктом для личных контактов консерваторов была редакция «Московских ведомостей» на Страстном бульваре. Сюда они из разных концов империи слали свои отклики и предложения. Здесь встречались представители московского дворянства, профессуры, чиновничества, бывали деятели из высших правящих сфер, искавшие поддержки газеты, министры. Как и в салоне Мещерского, здесь обменивались информацией, обсуждали политические проблемы, намечались желательные перестановки в правительстве - отставки и назначения, а также сподобы повлиять на них.

Главные «столпы консерватизма» - издания Каткова и Мещерского, а затем и «Русское обозрение» часто ссылались друг на друга, а порой и прибегали к перепечаткам из дружественных органов. Еще чаще это делали второстепенные и провинциальные охранительные издания, как бы и созданные для тиражирования идей Победоносцева - Каткова. Наиболее близок «Московским ведомостям» и «Гражданину» был «Варшавский дневник», где в редакции главенствовали П.К.Щебальский и его помощник К.Н.Леонтьев. Среди массы менее значительных изданий 1880-начала 90-х годов назовем лишь те, что продержались хотя бы по несколько лет. Перечислять все непрерывно возникающие и быстро гбнувшие от равнодушия публики - такие как «Век» М.Филиппова (1882-1884), «Русский экономист» (1884-1886), «Современник» (1883-1884) и другие «однодневки» охранительной прессы вряд ли целесообразно: их слишком много, а роль каждой незначительная.

Из примыкавших к упомянутым лидерам консерватизма стоит назвать издания В.В.Комарова, бывшего редактора «Русского мира» (1863-1870), известного антимилютинской линией. С конца 70-х годов Комаров издавал «С.-Петербургские ведомости» - в 1883 г. газета перешла к В.Г.Авсеевко и издавалась им в том же охранительном духе до 1896 г. Комаров был редактором-издателем также «Славянских известий» (1889-1891) - (он являлся одним из лидеров Славянского благотворительного общества), а также газеты «Свет» (1882-1917) - национал-патриотического направления, к которому принадлежала и «Правда» М.М.Кояловича (1884-1894). «Современные известия» Н.П.Гилярова-Платонова (1867-1887) - дешевая газета для широкого читателя, задуманная в целях воспитательных, отли-

чалась преимущественным вниманием к религиозно-нравственной тематике. К консервативным изданиям в 80-е годы можно с полным основанием отнести славянофильские газеты: «Русь» И.С.Аксакова (1880-1886) и ее преемницу - «Русское дело» С.Ф.Шарапова (1886-1890).

Почти все редакторы наиболее заметных из этих органов - «птенцы гнезда Каткова», как называли их в либеральной прессе. П.К.Щебальский, В.Г.Авсеенко, М.М.Коялович - сотрудники катковских изданий 70-80-х годов. В.В.Комаров и Н.П.Гиляров-Платонов работали в тесном контакте с Катковым, состояли с ним в постоянной переписке. Исключение составляет, пожалуй, лишь А.П.Пятковский - редактор «Наблюдателя» (1882-1904) - недавний сотрудник «Отечественных записок», оказавшийся в консервативном стане подобно Л.А.Тихомирову, Н.И.Чернову, Ю.Н.Говорухе-Отроку и некоторым другим подобным «перебежчикам».

Своего индивидуального лица охранительные издания, как правило, не имели, отличаясь лишь оттенками в освещении текущего. Слишком похожие друг на друга, они составляли как бы единое целое, в котором ни одна частица не могла существовать самостоятельно - только в соединении с другими. К каждому из них можно отнести слова современника, обращенные к «С.-Петербургским ведомостям» Комарова: - «ни таланта, ни физиономии, ни содержания, ни читателей»³⁰.

В 80-е и 90-е годы здесь не появилось новых дарований, способных соперничать с тем же Катковым, который до середины 80-х годов лидировал, не зная конкуренции.

Правда, выступал в печати и К.П.Победоносцев - не часто, но довольно регулярно сотрудничал с «Московскими ведомостями», «Русским вестником» и «Русским обозрением». Однако в его наследии публицистика составляет значительно меньшую долю, чем письма, записки, принадлежащие его перу тексты манифестов, рескриптов и других официальных документов. Этой своей деятельности обер-прокурор Св.Синода придавал более серьезное значение, нежели публицистической, предпочитая идейному влиянию на политику участие в управлении.

Ценным приобретением этих лет охранители считали бывшего революционера, члена Исполнительного комитета «Народной воли», редактора народофильской газеты Л.А.Тихомирова. Вернувшись в 1889 г. из эмиграции, будучи помилован царем, он стал активно сотрудничать в «Московских ведомостях», а затем и в «Русском обозрении». В брошюре «Почему я перестал быть революционером» (1888) Тихомиров не только объясняет свой разрыв с народофильством, но и намечает ту консервативную программу, которой отныне намерен следовать. Утверждая, что «революция - не русская болезнь», он заявляет о нереальности планов захвата власти и последующего социального переворота. Но отвергает и западную демократию с ее парламентаризмом как строй, не способный обеспечить сносное существование народа. Бывший народолюбец делает ставку на старую государственную систему, способную, по его мнению, к постепенным плодотворным улучшениям. Создание «широкой партии национального прогресса» должно помочь власти на этом пути. Ориги-

нальным мыслителем Тихомиров не был. В народовольческий период его «заряжали» идеями А.Д.Михайлов и А.И.Желябов - с арестами публицистика его потускнела. В среде охранителей он попал под опеку Победоносцева, подсказывавшего ему темы и сюжеты для разработки и контролировавшего их исполнение³¹.

Весьма ценился консерваторами и В.А.Грингмут, начавший сотрудничать в газете и журнале Каткова с 70-х годов, но обративший на себя внимание в правительственных сферах позднее. Его назначение в 1896 г. редактором «Московских ведомостей» приветствовал Николай II. Последовательно ортодоксальная позиция поборника «самодержавия, православия и народности» не сочеталась у Грингмута ни с глубиной мысли, ни с литературным дарованием.

В целом над обоснованием политики и основных положений идеологии самодержавия в 80-х - начале 90-х годов трудился весьма внушительный отряд консервативных публицистов, численно превосходивший силы либерально-демократической журналистики.

3. ПРИМАТ ГОСУДАРСТВА В КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

После январской катастрофы консервативная мысль занялась поисками ее «генеалогии», анализом истоков и причин кризиса власти на рубеже 70-80 годов. Масштабы этого кризиса консерваторы не склонны были преуменьшать даже по мере отдаления от него во времени. В публицистике, письмах и дневниках охранителей страна в конце 70-х - начале 80-х годов уподоблялась то кораблю, потерявшему управление и несущемуся на рифы, то объётому пожаром зданию, стены и крыша которого вот-вот рухнут. Сразу же по выходу Манифеста 29 апреля 1881 г. ведущему беллетристу «Русского вестника» Б.М.Маркевичу был заказан роман, которому предстояло «художественно отобразить la degingolade нашего общества в последние годы прошлого царствования». В редакции ему придумали название «Над бездной»³².

На протяжении 80-х годов на страницах консервативной печати возникает образ революции - как напоминание о пережитой опасности, как предостережение на грядущее. Обращаясь к документам и материалам Французской революции, свидетельствам о ней современников, консерваторы рисуют ее как торжество анархии и беззакония. Вместо обещанных свободы, равенства и братства - братоубийственная война, безудержное кровопролитие, вседозволенность черни, революционная тирания. При всей гиперболизации ужасов революции, в этом ее образе немало реальных черт, оставленных в тени демократической публицистикой. Сосредоточенная на высоких идеалах революционеров, она создавала свою легендарную версию Французской революции. Консервативная мысль, по своему односторонняя в анализе революционных событий, противостояла их идеализации. В первую очередь это относится к очеркам Н.А.Любимова³³.

Обсуждение консерваторами причин кризиса самодержавия, связанное с поисками путей к стабилизации государственной жизни, растянулось на много лет. Среди условий, вызвавших кризисную ситуацию, назывались самые разные: дух либерализма, занесенный с Запада, отчуждение интеллигенции от народа, ослабление роли религии, неправильная постановка учебного дела и т.д. Охранители оказались единодушны в том, что причины всех затруднений и настроений явились реформы 60-х годов. Основанные на «фальшивых началах», они расстроили государственный быт, потрясли устои существующих порядков. «Новые учреждения, слишком быстро следовавшие одно за другим», - объяснял М.Н.Катков, - были «не все должным образом и с достаточной зрелостью продуманы, а во многом сфабрикованы по чужим лекалам, и потому они внесли с собой массу представлений, которые не имеют почвы и лишены смысла в России»³⁴.

Это же мнение высказывалось и в «Гражданине», где не раз утверждалось, что смуту породили поспешно свершившиеся реформы. В.П.Мещерский обращал внимание, что еще в начале 70-х годов он призывал «поставить точку к реформам» - «во имя спасения России», но получил отпор. «Когда мы первые сказали о точках к реформе, нас высмеяли», - напоминал он, доказывая, что не было бы в России беспорядков, если бы прислушивались к «Гражданину»: «Вовремя надо было бы подобрать вожжи», - заключал его издатель, делая вывод, что слабость власти и распущенность общества определили последующую неурядицу³⁵. Идеологи консерватизма видели вред реформ Александра II в том, что они «поселили заблуждение в направленности государственной жизни и конституции», «породили смутное мнение, что дело идет к многовластию»³⁶.

Проблемы самодержавной государственности оказываются в центре внимания консервативной мысли 80-х годов. Катков уделял им первоочередное внимание еще в первые пореформенные десятилетия. Он и напомнил некоторые из своих предупреждений об опасности бездействия власти в условиях активизации враждебных сил. 1 марта 1881 г. Катков рассматривал как возмездие за политическое легкомыслие и малодушие в правительственных сферах. «Были правительственные лица, но правительства не было». Слабость власти, не уставал повторять Катков, ведет к «анархии в правительстве, как ни странно сочетание этих понятий». Ведь по мере того как «ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти», «вместо явного правительства появляются тайные»³⁷.

Опасность этих процессов доказывалась обращением к опыту европейских стран. Автор «Русского вестника» находил «замечательное сходство» недавних событий в России с тем, что происходило в Пруссии в начале века, когда она также очутилась «на краю гибели». Но каждый раз, когда правительство действовало твердо и энергично, оно встречало «беспрекословное повиновение». Если революционное брожение оказывалось опасным, - заключал автор, - то «ответственность за него лежала на правительстве - оно не только не останавливало его, но и само давало ему пищу»³⁸.

Те же проблемы рассматриваются в очерках Н.А.Любимова о Французской революции, публиковавшихся в «Русском вестнике» с 1880 г.

Симптоматичны изменения, произошедшие в них после 1 марта 1881 г. С 1882 г. Любимов отбрасывает псевдоним (Варфоломей Кочнев), выступая под собственным именем. Заглавие очерков «Против течения» уже не было точным: они шли в резко обозначившейся струе общественной мысли, которой не могли открыто противостоять иные течения. Исчез и подзаголовок: «Беседы о революции». Наброски и очерки в разговорах двух приятелей». Теперь это был монолог убежденного консерватора, не сомневавшегося в своих оценках и выводах.

Нарушилась и хронология изложения: автор возвращается к началу Французской революции, чтобы заново рассмотреть проблему власти и ее кризиса, ставшую для него центральной. Сейчас Любимова уже не так интересует состояние общества и настроение народа, как в первых публикациях. Внимание его сосредоточено на роли монархии: может ли верховная власть предотвратить революционные события или же она по своему способна подготовить наступление революции, несущей ей гибель? «Не общественные настроения, как ни велико их значение, делают революцию, - убеждает консервативный писатель, - и не в них главная опасность положения в переходные эпохи. Первенствующее значение имеет настроение правительства и его образ действий». Любимов убежден, что революции происходят от правительственной бездарности, уменья власти прекратить «злоупотребления идеями прогресса». В споре с западной консервативной мыслью (в частности с Т.Карлейлем) он доказывает, что революцию совершил вовсе не народ («голоштанство»), называя это «фальшивое утверждение» ложью. По его словам, власть сама сотворила революцию. В течение полутора десятков лет (1774-1789) все действия правительства, по наблюдению Любимова, направлялись к унижению власти короля и воспитанию революционного духа в обществе. Но в «государственной машине старого порядка упором, на каком стояла и вращалась вся ось механизма, была королевская власть. Понятно... к какому разрушению должно было вести расслабление этой точки опоры одновременно с расшатанием всех сдерживающих винтов механизма»³⁹. Любимов показывает, как с началом революционных событий «самоупразднение центральной власти» вызвало и самоупразднение власти на местах, что предопределило дальнейшую борьбу⁴⁰.

Сравнительно-исторический анализ, к которому прибегали консерваторы, стремясь извлечь уроки из европейского опыта, проводя аналогии между кризисом самодержавия и французской монархией XVIII в., вступали в явное противоречие с их теоретическими установками на «своеисторичность» и «особливость» русского пути. Это, в частности, уловил И.С.Аксаков, высоко оценивший очерки Любимова в целом. Отмечая, что они прошли «не совсем бесследно» во «властных кругах нашего общества», он видел их основной изъян в том, что для автора «что Россия, что Франция - это все равно»⁴¹.

Но и подтверждая самобытность России, ее несходство с европейскими странами (на что Аксаков призывал сделать упор), консервативная публицистика рассматривала государственную власть и в России и на Западе

как главную силу, организующую общество, по сути его формирующую. Ненаправляемое властью, несдерживаемое ею общество Катков уподоблял Панургову стаду, «бегущему на всякий свист, покорному всякому хлысту»⁴². Характерен сам образный строй консервативной литературы, раскрывающий представление консерваторов о назначении власти. Она выступает здесь в виде карательного меча, жестокой узды, мороза-сторожа.

К.П. Победоносцев осознает власть как изначальную и вечную основу самого человеческого бытия. Без твердой государственной политики общество не может функционировать как живой социальный организм. Недаром, по его словам, люди тяготеют к власти столь же сильно, как и к взаимному общению. Власть дается от Бога и потому тот, кто от нее отступает, нарушает не только закон, но и Божью волю. Власть может быть только решительной, последовательной, бескомпромиссной в проявлении своей воли. Изверившаяся в себе, забывшая о своем божественном предназначении, она неизбежно падает, создавая в обществе хаос. «Великое бедствие искать власти и не находить ее или вместо нее найти мнимую власть большинства», - делал вывод обер-прокурор Святейшего Синода, опираясь на пережитый страной опыт и по-своему его интерпретируя. «Не менее, если еще не более печально видеть власть, лишенную сознания своего долга, самой мысли о своем призвании...»⁴³

Однако теоретические положения о тяжком бремени власти, ее громадной ответственности за благо страны, ее самоотверженном служении народу и обществу явно противоречили практике Победоносцева как государственного чиновника и добровольного советника царя. В повседневной жизни обер-прокурор Синода более заботился о престиже самодержавия, нежели об ответственности перед этим народом и готовности служить ему и обществу. Константин Петрович был весьма раздражен составленным Н.П.Игнатьевым текстом высочайшего указа, где говорилось «об общественном служении» власти, о «единении ее с народом». Он строго указал министру внутренних дел на недопустимость подобных формулировок: речь могла идти лишь о единении народа с властью и служении ей⁴⁴. Самоотверженного служения власти требовал от народа и общества Катков, не упоминая ни о ее обязанностях, ни об ответственности по отношению к подданным. Не было таких жертв, кои Катков посчитал бы чрезмерными во имя сохранения и укрепления монархии. То, что шло на пользу самодержавию, всегда представлялось «публицисту-государственнику», как его называли в консервативной среде, справедливым и исторически необходимым. В утверждении роли самодержавия как власти, единственно возможной в России, консерваторы видели великую заслугу Каткова⁴⁵.

Любимов без устали пропагандировал взгляды Каткова, вслед за ним усматривая в неограниченной монархии ценнейший итог российской истории и ее непрременную принадлежность в будущем. После смерти Каткова Любимов оставался рупором его взглядов на российскую государственность, постоянно выступая в рубрике «Отголоски», которую вел в газете «Свет». Убеждение, что Россия держится самодержавием, было стержнем политических взглядов и рядовых консерваторов - в столицах

и провинции. Князь Н.П.Мещерский, в 70-е годы попечитель Московского учебного округа, в отличие от своего брата - издателя «Гражданина» - не игравший заметной роли в общественной жизни, не уступал ему в приверженности к самодержавной монархии. До конца жизни он не сомневался, что «без самодержавия немыслима Россия»: иной власти не совладать с исполином, именуемым государством Российским»⁴⁶. Эти же мысли исповедовал харьковский публицист Н.И.Чернов. В 70-е годы весьма сочувствовавший народническому движению, он все более утверждается на позиции монархизма. Его программное сочинение «О русском самодержавии», увидевшее свет в харьковской газете «Южный край», перепечатало столичное «Русское обозрение» (1895, № 8-9).

Утверждая, что «незыблемость самодержавия - основной догмат нашего государственного права и нашей государственной мудрости», Чернов и свое обоснование российской «разновидности монархии» представил в виде неколебимых догм. В самодержавии он усматривает наилучший способ «приведения к одному знаменателю 140 000 000 умов и воля, из которых слагается ум и воля нации», тот наиболее совершенный аппарат, «с помощью которого можно привести в действие сложный громадный государственный организм империи».

В соответствии со своим пониманием роли государства консервативная мысль отводила решающую роль в преодолении правительственного кризиса самой власти. Вслед за призывами к ней Каткова явить себя «во всей своей силе», «Гражданин» требовал у тех, кто держал в руках бразды правления, «подобрать вожжи», натянуть туже узду. К твердой позиции, энергичным мерам по искоренению крамолы, решительному отказу от каких-либо уступок призывали Н.А.Любимов и В.В.Комаров⁴⁷. «Все говорят о необходимости придумать что-нибудь для умиротворения России и успокоения умов», - записывал в дневнике А.А.Киреев, консерватор славянофильского толка, давая свой совет: «Ну, попробуйте поуправлять, zu regieren». Говоря о необходимости для власти завоевать доверие молодежи и общества, генерал все же отдавал предпочтение «решительным мерам» борьбы с нигилизмом, под которыми опять-таки понималась карательная политика⁴⁸.

Ослабление власти в царствование Александра II Катков склонен был рассматривать как реакцию на жесткие принципы политики Николая I. Но, отмечая мягкосердечие и снисходительность его преемника, он доказывал, что черты эти для государственного деятеля опасны - они могут явиться причиной «государственной анемии», а в конечном итоге - «анархии в правительстве». Образ императора Николая I, традиции николаевского царствования в консервативной литературе обретают все более симпатичные черты под влиянием неудовлетворенности состоянием власти при Александре III.

Казалось, та твердость воли и решительность действий, которых требовали от правительства консервативные ортодоксы, воплотилась для них в Николае I. Образ деда был по-своему дорог и самому Александру III, а Победоносцев не скрывал, что обращался к николаевскому царствованию в поисках ответов на современные вопросы. «Гражданин» представлял

этого царя как эталон истинного самодержца, пример для подражания. Катков был согласен со своим давним корреспондентом, Н.П.Мещерским, который разделял эту оценку Николая I. Процитировав слова своего брата об императоре как великом государственном деятеле, Н.П.Мещерский повторил вслед за «Гражданином», что на Руси еще многое держится «остатками тени» Николая I⁴⁹.

В борьбе за укрепление власти, за более полную ее централизацию консерваторы позволяли себе достаточно резкую критику правительственных лиц. Катков доказывал Александру III, что «Россия имеет две политики, идущие врозь, - одну царскую, другую - министерскую»⁵⁰. Принцип самодержавия в понимании консерваторов непоколебим и безупречен, но лица, сменяющиеся «на чередѣ власти», могут быть недобросовестными и неспособными⁵¹. К.П.Победоносцев написал Александру III немало писем о непригодности министров юстиции Д.Н.Набокова и Н.А.Манасеина, министра просвещения А.П.Николаи, министра внутренних дел Н.П.Игнатьева (граф был рекомендован на этот пост самим Константином Петровичем). Нападкам «Московских ведомостей» подвергались также министр финансов Н.Х.Бунге, министр иностранных дел А.К.Гирс.

Враждебный натиск катковских изданий в 80-е годы был направлен на Сенат и Государственный совет, которые слишком напоминали редактору «игру в парламент». Каткова возмущала сама борьба мнений в Государственном совете, в результате которой представленный на обсуждение законопроект порой существенно менялся. В состав Государственного совета в 80-е годы входили многие «шестидесятники» - деятели, готовившие реформы и продолжавшие их отстаивать. Председателем Государственного совета был политически инертный великий князь Михаил Николаевич, а государственным секретарем А.А.Половцев - умеренный консерватор, в ряде случаев способный поддержать здравые предложения, исходящие и от идейных противников. Он мужественно сдерживал наскоки Каткова, а порой и отражал их, грозя уйти в отставку. Состав Сената был более консервативным, и в 80-е - 90-е годы этот орган, призванный наблюдать за выполнением законов, в основном поддерживал текущую политику. Но и Сенат не избежал критики охранителей.

Нападки на министров и высшие правительственные органы неизменно предпринимал «Гражданин». В.П.Мещерский, хорошо знающий настроение царя, пользовавшийся советами Победоносцева, иногда даже опережал Каткова в этих критических атаках. В переписке консерваторов не прекращаются жалобы на нехватку людей способных, честных, деятельных. Сам царь сетовал на их отсутствие, считая таких «огромной редкостью». «А, пожалуй, и есть, - иронизировал он, - да из ложного стыда скрываются»⁵². Но никто из консерваторов не попытался понять, почему же идея самодержавия перестала рекрутировать талантливых и способных. Почему же, по словам Победоносцева, исполнилось пророчество Исаяи: «Десятеро ухватятся за одного негодного»⁵³.

Победоносцев постоянно отмечает в качестве препятствия последовательному и твердому курсу отсутствие единства в правительстве. «Досе-

ле не удалось сплотить государственных людей в один круг твердо единомыслящих насчет власти и ее образа правления», - неоднократно сетует «Гражданин»⁵⁴. Идея однородного министерства, выдвинутая Лорис-Меликовым и в то время неприемлемая для консерваторов, теперь, в пору их преобладания в «верхах», показалась спасительной. Победоносцев ратует перед царем за соответствующий подбор кандидатур в правительство.

На протяжении 80-х годов, а затем в 90-е годы идеологи консерватизма так и не были удовлетворены состоянием власти. Самодержавие вышло из кризиса, царь чувствовал себя достаточно уверенно, власть явила себя, как ее к этому призывали, уже не «смущенной и расстроенной», а вполне устойчивой. Однако логика консервативной мысли предусматривала завоевания все новых и новых позиций, все большего сосредоточения власти в руках монарха. «Правительственное дело, как и всякое, не должно останавливаться, засыпать. Что нейдет вперед, то идет назад, мертвеет и падает», - наставлял власть Катков⁵⁵. И до самого ухода из жизни идеологу самодержавия все будет казаться, что «правительственное дело» идет не столь энергично как следует.

В начале 1886 г., подводя итоги первым годам царствования Александра III, Михаил Никифорович снова задается вопросом «началось ли правление нашего здоровья? Кончилась ли власть семи бесов, бросавших нас из стороны в сторону?» Вроде бы соглашаясь, что «должный путь открылся», он скептически замечал: «Нельзя сказать, что мы на него вступили»⁵⁶. Откликаясь на письма и передовицы Каткова, Победоносцев полностью разделял «тоску и уныние» от происходящего в высших сферах, подтверждая, что «не слышать доброго и сильного поворота кормы корабля». «Мы так далеко зашли в трясины и так ослабли от беспорядочных и бесплодных усилий из нее выбраться, что уже затрудняемся понимать, что с нами происходит»⁵⁷.

Пессимизм обер-прокурора Святейшего Синода усиливается вместе с падением его влияния, начавшегося в середине 80-х годов. Царь начинает тяготиться «опекой» Константина Петровича, его постоянными советами и рекомендациями относительно государственных дел, его непозитивной критикой и всегда мрачным настроением. К нему реже обращаются с поручениями и реже выслушивают его просьбы. Высшие чиновники и даже министры еще как бы по инерции ищут его покровительства, но Александр III все более отдаляется от своего советника.

Своеобразным проявлением неудовлетворенности идеологов консерватизма ходом «правительственного дела», состоянием российской государственности явилась теория «византизма» К.Н.Леонтьева. Определившаяся еще в основных чертах в 70-е годы, она была с большей четкостью и законченностью представлена в его работах 80-х годов. Призывы консерваторов к всемерному укреплению и жесточению власти, к организованной во всероссийском масштабе системе репрессий против всех, кто мешает этому укреплению и жесточению, логически завершалась идеей Леонтьева. Он печатает в «Гражданине» «Письма о восточных делах» (1882-1883), «Записки отшельника» (1887-1891), выпускает книгу «Вос-

ток, Россия и славянство» (М., 1885-1886. Т.1-2), основанную на его публицистике. В этих сочинениях византизм мыслится как совокупность принудительных начал в общественной жизни, призванных охранить ее от натиска прогресса. Деспотизм власти выступает при этом главной организующей и сдерживающей силой, противостоящей анархии - неминуемому, в понимании Леонтьева, следствию свободы. Деспотизм осуществляется при поддержке христианской религии, суть которой для Леонтьева не в любви к ближнему, а в страхе Божьем. Но «внутреннего насилия» - подавления зла с помощью христианских заповедей для религиозного философа явно недостаточно: Леонтьев убежден, что страх Божий должен быть соединен со «страхом Бисмарка» - т.е. страхом перед государством, действующим «железом и кровью». «Легализованное внешнее насилие» - главный стержень политических воззрений Леонтьева.

Только византизм способен уберечь Россию от разрушительного буржуазного прогресса, поможет ей сохранить свое лицо, шествовать своим, иным, нежели европейский, путем. В качестве отдельных мер для «консервации» российской самобытности Леонтьев рекомендовал власти уменьшить число школ и кабаков, увеличить число церквей и монастырей, «где можно и когда можно» дать крестьянам прирезку к наделу, уменьшить их подати, ужесточить карательную систему, исключив «судебные любезности».

«Enfante terrible» российского консерватизма, как называли его в либеральной журналистике, Леонтьев стоял особняком в консервативной среде, где его своим признавали немногие. Однако он действительно был дитя консерватизма, хотя и чудовищное. Теории Леонтьева явились своего рода порождением консервативного максимализма Каткова, Победоносцева, Мещерского. Недаром либеральная публицистика говорила о «московско-византийской волне» консерватизма как о крайнем его течении⁵⁹. Катков и Победоносцев казались Леонтьеву недостаточно последовательными, излишне либерализованными и европеизированными мыслителями. В свою очередь, поборник «византизма» ими не всегда был понят и оценен по достоинству. В 1876 г. Катков отказался печатать в «Русском вестнике» статью «Византизм и славянство». «Так можно договориться до чертиков», - выразился он, мотивируя отрицательное отношение к труду Леонтьева.

Однако до «чертиков» Леонтьев договорился-таки, идя по следу Каткова и Победоносцева. Он досказал все ими недоговоренное, домыслил и развил их идеи. Во взглядах Леонтьева больше сходства с ортодоксами российского консерватизма, чем отличий. Особенно это касается проблем государственности, занимающих центральное место в их мировоззрении. Если всемерное укрепление самодержавия для Каткова, Победоносцева и Мещерского имело главной целью его же самосохранение, как и сохранение всего сословного, полукрепостнического строя в целом, то Леонтьев предусматривал и вселенские функции царизма, направленные на предотвращение всемирной революции⁶⁰.

Российские консерваторы немало способствовали обоснованию государственной политики Александра III с ее тяготением к «надзаконным»

средствам. В сентябре 1881 г. вступило в действие «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно вводило чрезвычайные меры на территориях, объявленных на «исключительном положении»: генерал-губернаторам и градоначальникам давались здесь особые полномочия. Административные высылки без суда, прекращение изданий, закрытие учебных заведений и промышленных предприятий - все эти исключительные меры становились нормой авторитарного государства, все более сближавшегося с тоталитарным в области карательной политики. «Положение об охране», поддерживаемое и оправдываемое консерваторами как необходимое для наведения порядка, бесконечно продлевалось, просуществовав до 1917 г.

Рассуждая о роли закона в общественной жизни, обер-прокурор Святейшего Синода сетовал, что закон порой становится «сетью для самих властей», стесняя их множеством ограничений и противоречивых предписаний. Давалось понять, что царская политика таких стеснений и ограничений терпеть не должна⁶¹. Самодержавная власть всегда рассматривалась охранителями как стоящая над законом. Первые шаги пореформенной России в направлении к правопорядку расценивались ими как посягательство на неограниченную власть монарха. Позиция консерваторов, стремившихся с помощью чрезвычайных мер стабилизировать положение в стране, укрепить престиж власти, приводила к обратным результатам, способствуя обострению политических противоречий, росту протеста против произвола центральной и местных властей.

Публицистика консерваторов ярко и откровенно обнажает корни их идеологии - неверие в человеческую природу, в которой они усматривали преобладание зла и пороков, недоверие к прогрессу. К.П.Победоносцев в 70-е годы об испорченности человеческой природы говорил главным образом в письмах. В 80-е он рассуждает об этом в публицистике, доказывая, что только сильная и твердая власть может сдерживать общественные страсти, в основе которых дурная, «поврежденная» природа человека. Демократии не справиться с противоречиями, возникающими в любой общности в силу этой греховности человеческого естества, - только единодержавию под силу усмирить и подавлять бушующие в общественной жизни страсти, - продолжение и отражение тех, что кипят в душе каждого отдельного человека⁶². Идеолог российского консерватизма не был оригинален - консерватизм европейский также был проникнут пессимизмом по отношению к человеку, скептицизмом по поводу его общественных инстинктов и природной нравственности.

Мировоззрение К.Н.Леонтьева основывается на том же исходном признании порочности человеческой сущности. Однако для него «русские пороки» требуют больше, чем у других народов, власти церковной и политической, то есть «наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить»⁶³.

Выдвигая в качестве универсального мерила - «наилучшего для истории и жизни» - эстетику, Леонтьев, по-видимому, не хочет видеть, как не-

эстетичны его государственные идеи. Впрочем, он признает, что готов их защищать «в ущерб эстетике».

При всей бесперспективности консервативной альтернативы пореформенному развитию России, нельзя не увидеть здесь нечто существенное в самом подходе к решению общественных проблем. Это - попытка учесть природу человека, которая если не игнорировалась, то явно недооценивалась в политических и социальных доктринах либералов, демократов, народничества. Консерваторы обоснованно привлекали внимание русской общественной мысли к человековедению, без которого действительно невозможно понять развитие общества и строить планы социальных и политических преобразований.

Итак, государственная власть, синонимом которой для консерваторов являлось самодержавие, выступает в их взглядах главной жизненной силой общества - организующей, направляющей, карающей. Власть может быть источником не только порядка, но и анархии - в зависимости от своего состояния и сознания собственного предназначения. Признание примата государства, характерное для консерватизма, обретает в 80-е годы особую четкость и последовательность.

В решении проблемы государства как первенствующей и всеопределяющей силы нельзя не заметить сходства ортодоксальных консерваторов с левыми радикалами революционного движения (П.Н.Ткачев, народовольцы, часть социал-демократии во главе с В.И.Лениным). Их установки на захват власти, превращение государства в орудие социального переворота, декретирование «сверху» общественных преобразований свидетельствуют о том же признании приоритета государственной силы, первенства политики.

4. ДЕМОКРАТИЯ ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРОВ

Отстаивая самодержавное начало государственной жизни, консервативная мысль неизбежно должна была обратиться к критике начала выборного, представительного. Попытки развенчания буржуазной демократии постоянно сопутствовали защите абсолютизма, но в 80-е и 90-е годы консерваторы сосредоточены на них в большей степени, нежели на доказательстве превосходства самодержавного строя.

После 1 марта в охранительных изданиях главной опасностью для самодержавной монархии был объявлен именно либерализм, а не революционеры. «На врагов негодовать нечего, - объяснял М.Н.Катков позицию, которую надлежало занять правительству и обществу, - от них надо отбиваться. Вся сила негодования должна сосредоточиться на именуемых себя "образованными людьми" - людях правящих, учащих, ораторствующих, пишущих». Либеральная интеллигенция обвинялась не только в потворстве крамоле - в прямой смычке с ней. Либеральная печать, по словам московского публициста, вполне усвоила направление нелегальной, требуя «облегчить бремя самодержца»⁶⁴.

В самом начале царствования Александра III «Гражданин», отставая от «Московских ведомостей» и не в лад с ними, призывал либералов осознать революционную опасность и сплотиться вокруг самодержавной власти, которая одна может обеспечить им «сохранение достоинства либерализма»⁶⁵. Но в последующие годы Мещерский не устал указывать на либеральную угрозу, напоминая, что «петербургское болото еще не высохло и политические миазмы либерализма и демократизма продолжают из него испаряться»⁶⁶. На страницах «Гражданина» и К.Н.Леонтьев предупреждал, что от «умеренного нигилизма» исходит более страшная опасность, чем от нигилизма крайнего.

Ежегодно отмечая годовщину Манифеста 29 апреля 1881 г., консервативные публицисты повторяли, что хотя либерализму и был нанесен сокрушительный удар, «была рассеяна ложь и тьма», либеральные стремления еще живы. К.П.Победоносцев, с его особым чутьем к политическим веяниям, предсказывал возможность «новой страшной эры русской демократии».

В стремлении ниспровергнуть идеи гражданских свобод, правопорядка, парламентаризма консерваторы не были оригинальны. Они смело обращались к народнической литературе 70-х годов, весьма критически настроенной по отношению к буржуазной демократии. Публицистика «Отечественных записок» и «Дела», пронизанная разочарованием в демократических свободах, доказывала, что ничего не принесет народу, они оказывались выгодны лишь буржуазии. «Не парламентаризму ли мы должны завидовать, этой пошлой доктрине, везде потерявшей кредит, которая может быть годна только как средство постепенного ослабления власти и перемещения ее в другие руки?»⁶⁷ - подобные пассажи консерваторов опирались и на материалы народнической печати, причем тогда, когда сами народники в лице «Народной воли» уже пришли к осознанию значимости гражданских прав, и легальная журналистика также о них заговорила.

Аргументы против либерализма и демократии консервативные идеологи черпали и из западной литературы. Имена европейских консерваторов И.Бентама, Ф.Бэкона, И.Тэна, Т.Карлейля, А.Токвиля мелькают на страницах консервативной публицистики. Доводами западных консерваторов пользовались и такие антизападники, как Победоносцев и Катков. В одном из писем обер-прокурор Святейшего Синода обращает внимание редактора «Московских ведомостей» на биографию Томаса Карлейля, изданную профессором-богословом Оксфорда Харелом Фрудом. «Достаньте эту книгу, она приведет вас в восхищение и наведет на множество мыслей, - советует Константин Петрович. - Как глубоко и верно все, что он говорит о парламенте (коего терпеть не мог),... о присяжных и т.д.»⁶⁸.

Победоносцев и сам составляет очерк о Т.Карлейле, пользуясь книгой Х.Фруда, хотя и не ссылаясь на него. Он напоминает некоторые особо близкие ему мысли английского консерватора. «Мудрость приказания, мудрость послушания, способность к тому и другому - вот истинная верная мера культуры и доблести человеческой... Всякое зло, всякая неудача и пагуба в отсутствии этих качеств...»⁶⁹

В системе доказательств, разоблачающих «великую ложь нашего времени» - парламентаризм с его выборным началом, у Победоносцева заметно влияние доводов Тэна и Токвиля, приводимых на основе опыта Французской революции.

Против «одного из самых лживых политических начал», проникшего в «русские безумные головы» - народовластия, - направлено рассуждение о нереальности, надуманности самого понятия «воля народа». В каком смысле множество людей или народное собрание может проявить единую волю? - ставит резонный вопрос Победоносцев, справедливо замечая, что «демократическая фразеология не останавливается на этом вопросе, ограничиваясь словосочетаниями "глас народа" и "общественное мнение"». И столь же верно обер-прокурор Синода утверждает, что сложные политические вопросы не находят единодушного решения массы, в которой нет возможности для объединения мысли и воли, на деле народное собрание не свою волю выражает, а мнение отдельных личностей, под влияние которых оно попадает⁷⁰. Высказывая уверенность, что единой народной воли не существует, Победоносцев уличает «энтузиастов демократии» во лжи.

Но представители власти в Российской империи, включая и самого обер-прокурора Святейшего Синода, а также ее «охранители» беспрестанно ссылались на волю народа. Волей народа обосновывалось существование самодержавия: народ, по утверждению консерваторов, не понял бы и не принял перемену формы правления, даже если бы сам царь захотел бы отказаться от власти. Волеизъявлением народа объяснялись указы по внутренней политике и вступление в войну. От имени народа Победоносцев ходатайствовал перед царем о казни первоартовцев, утверждая, что народ будет возмущен помилованием. Даже в частных случаях он прибегал к ссылке на народные мысли и чувства. Так, требуя запрета пьесы Л.Н.Толстого «Власть тьмы», заявлял, что народ будет оскорблен подобным изображением его жизни⁷¹.

Критикуя парламентаризм и выборное начало, Победоносцев явно непоследователен и в других доводах. Он не грешит против правды, когда обращает внимание на расхождения предвыборных обещаний с реальной деятельностью народных избранников, которые руководствуются «собственным произвольным усмотрением и расчетом», соображаемым «с интересом той или иной партии». Трудно спорить и с его метким определением парламента как «учреждения, служащего для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей народа». На реальных основаниях строится и обвинение парламентариев в коррупции, продажности. Но все эти серьезные изъяны и издержки представительства изображены как специфические для парламентарных государств. Между тем в империи были те же «болезни». Власти забывали о своих обязанностях перед народом. Корыстолюбие, мздоимство, взяточничество были присущи чиновникам самого разного ранга. В начале царствования Александра III были вскрыты серьезные злоупотребления ряда высших чиновников Министерства почт и телеграфа. В ожидании суда министр Л.С.Маков застрелился, покушался на самоубийство и директор

департамента министерства С.С.Перфильев. Победоносцев не мог не знать, что упомянутое министерство вовсе не исключение. Однако коррупцию он рассматривает как порок, присущий именно демократии.

Исходя из своего понимания человеческой природы как несовершенной, перегруженной недостатками, Победоносцев полагал, что при парламентском правлении эти недостатки получают особое развитие⁷². Мысль эта варьируется в охранительных изданиях как чисто теоретическая, не подкрепленная убедительными примерами. Повторяя ее, публицист «Русского вестника» прибегает к образному выражению разницы между парламентаризмом и абсолютизмом, считая, что она подобна различию между кулаком (эксплуататором крестьян) и помещиком (их защитником)⁷³.

Все реальные противоречия западных стран - социальные, политические, национальные - на страницах консервативных изданий служили доказательством непригодности республиканского строя или конституционной монархии. Верным союзником в критике политического устройства европейских государств Победоносцев с основанием считал Каткова. «Московские ведомости» с удовлетворением рассказывали о нищете рабочих на Западе, о борьбе партий, демонстрациях и стачках протеста, о покушениях и других террористических акциях, делая вывод, что «пресловутый "правовой порядок" ничего не обеспечивает»⁷⁴.

Во всех крупных консервативных изданиях были постоянные отделы европейской хроники, где помещались корреспонденции из стран Европы. В «Московских ведомостях» на протяжении 70-80-х годов корреспондентом газеты в Англии была О.А.Новикова (сестра генерал-адъютанта А.А.Киреева). Во Франции от «Московских ведомостей» работал Н.В.Щербань. В «Гражданине» события западной жизни часто освещал с своим «Дневнике» В.П.Мещерский.

Выразительным примером «нелепостей парламентаризма» и его тяжелых последствий в охранительной прессе признавалась Франция. Республиканский строй, сменивший монархическое правление, выступал причиной «разложения страны»: расстроены финансы, потеря престижа в Европе. «Поучительный опыт» Франции, по словам Каткова, показывал, к чему ведет «фикция народного управления, если ее не парализует сколько возможно сильная власть»⁷⁵.

В статьях, посвященных западным политическим проблемам, нередко заявления консервативных публицистов о том, что «конституционный чад» в Европе проходит, как и «конституционные надежды». Лишь «безумные русские головы» подвержены «конституционным галлюцинациям». Сквозь эти общие рассуждения иногда пробивались конкретные наблюдения иностранных корреспондентов, сообщавших нечто иное. Так, Н.В.Щербань, взвешивая перед очередными выборами шансы консерваторов во Франции, делал вывод, что «консервативная революция» в стране невозможна. Признавая, что ставка на восстановление монархии не имеет оснований, Щербань объясняет это отсутствием у консерваторов серьезных лидеров, способных повести за собой массы, а также «отсутствием идей». Судя по материалу статьи, такие идеи и лидеры оказались

у республиканцев, что обусловило «бессилие консерватизма» против «республиканской социально-анархической дребедени»⁷⁶.

Вывод автора, что «ни выборами, ни иначе» французскому консерватизму не одолеть противников, в контексте охранительной журналистики звучал странно, если иметь в виду ее утверждения о преимуществах консервативной позиции перед либеральной и демократической, а монархии - перед демократией.

Несостоятельность теории «управления народа самим народом» доказывало сочинение профессора А.В.Романовича-Славатинского «Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии сравнительно с государственным правом Западной Европы» (Киев, 1886). Сравнительный анализ был не в пользу Европы, а книга получила одобрение в «Московских ведомостях» и «Гражданине». Консерваторы использовали исследование своего единомышленника для подтверждения преимуществ самодержавной империи перед демократическим устройством.

Еще больший резонанс в консервативной среде имела книга А.А.Введенского «Западная действительность и русский идеал» (Сергиев Посад, 1894). Составленная из заграничных писем служителя церкви, наполненная житейскими впечатлениями от Европы, она, казалось, оставляла в стороне политику. Особое внимание автор уделяет падению культуры, «процессу понижения личности» в странах, где неограниченная монархия уступила место конституционному или либеральному устройству. Наблюдения о снижении в них духовных запросов, замене творчества - работой, искания истины - точным знанием вполне реальны и существенны. Но эти черты европейской жизни противоречат, по мнению Введенского, русскому идеалу, который ставит на первое место духовность. Консерватор-богослов предчувствует полный «обвал культуры» в Европе и предсказывает там наступление социальной катастрофы.

Введенский по сути разрабатывал тему, начатую Победоносцевым и К.Н.Леонтьевым, иллюстрируя своими заграничными впечатлениями их мысли. Выводы о падении на Западе духовной культуры, о снижении духовных запросов с особой резкостью были высказаны Леонтьевым. Его книга «Восток, Россия и славянство», в целом холодно встреченная охранителями, была поддержана ими лишь в этой части, состоявшей в «горькой правде о либерализме»⁷⁷.

Леонтьеву был ненавистен буржуазный эгалитаризм с его «мещанскими идеями». Результат «эгалитарного процесса» он видел в нивелировании общественной жизни и личности, понижении культуры. Монархию с ее сословным строем, поэтическим разнообразием, «цветущей сложностью», сменил строй с господством «среднего человека» и усредненной мещанской культурой. Буржуазная цивилизация с ее идеями всеобщего материального благоденствия, по мнению Леонтьева, неизбежно должна была привести к господству материального над духовным, к падению культуры⁷⁸.

Оградить Россию от «либерально-эгалитарного прогресса» и европейского просвещения может лишь политика, основанная на упомяну-

тых уже принципах «византизма». Только с ее помощью Россия сможет не только сама защититься от разрушительного европеизма, но и сыграть роль сдерживающей «консервативной силы» для других стран.

Тему «культура и государственное устройство» вслед за Леонтьевым и в его духе развивал религиозный мыслитель В.В.Розанов. Розанов сблизился с Леонтьевым в последние годы его жизни, когда тот находился уже в Оптиной пустыни и вел полуотшельническую жизнь, поддерживая лишь интенсивную переписку с единомышленниками. Леонтьев увидел в Розанове возможного последователя и щедро делился с ним идеями. Их переписка - важный источник для постижения российского консерватизма⁷⁹. После смерти Леонтьева в 1891 г. Розанов активно сотрудничал в «Русском обозрении» и в «Русском вестнике», следуя в том же направлении.

Замечая, что «в Европе все не хотят понять, что естественный вид политического быта для новых народов есть монархия», Розанов брался объяснить эту естественность, выходя за пределы политики. Сравнивая монархию и республику по уровню духовного развития, философ высказывался в пользу монархии: монархическая Европа - страна культуры, Америка с ее республикой - мир бескультурья. По словам Розанова, монархия - форма отношений, завещанная от Евангелия, выражает нравственный миропорядок, подобно тому, как республика представляет миропорядок физический (т.е. материальный. - В.Т.)⁸⁰.

Консерваторы поставили важную проблему соотношения политики и культуры, вниманием либеральной и народнической мысли особо не пользовавшуюся. Однако решали ее односторонне и упрощенно, явно подчиняя решение политическим целям. Взаимоотношение культуры и политики не столь однозначно просто, а влияние государственных форм на нравственный миропорядок не столь прямолинейно, как это представлено в консервативной публицистике.

Казалось бы, пример самодержавной России с ее высочайшей культурой подтверждает выводы Победоносцева, К.Н.Леонтьева и В.В.Розанова. Но исторический опыт свидетельствует, что в стране, отсталой по политическому развитию и социально-экономическим отношениям, духовная культура может достичь высокого уровня, но оставаться при этом недоступной народу. В передовых странах культура не всегда соответствует высокому развитию политической жизни и экономики, но, как правило, быстрее распространяется вширь. Противополагая нивелирование культурных и духовных запросов на Западе высокой культуре России, консерваторы умалчивали, что она оставалась достоянием лишь тонкого слоя общества - интеллигенции и образованного дворянства.

В 90-е годы консерваторы предпринимают ревизию основных принципов либеральной идеологии - равенства, братства, свободы. Главная роль принадлежала здесь К.П.Победоносцеву. Объясняя, что за давностью времени эти принципы, берущие начало в учениях французских мыслителей XVIII века, устарели и их пересмотра требует нажитый опыт, обер-прокурор Св.Синода не только сам выступил с разоблачени-

ем «ложных понятий», но и сорганизовал целую серию выступлений на эту же тему в соответствующем духе.

Позиция идеолога консерватизма, как и его единомышленников, оказалась сбивчивой. Победоносцев признает, что лозунги Французской революции - «свобода, равенство, братство» - «вечные истины», «идеальные законы». Он верно подметил, что «идеальный закон» хотели превратить в «обязательный закон для общественного быта»⁸¹. Правда, это замечание скорее относится к революционно-народнической, нежели либеральной интеллигенции.

Однако ненависть к «либеральной тримиургии», обличение требования свободы в иллюзорности и одновременно во вредоносности, как угрозы анархии, говорит о странном понимании обер-прокурором Св.Синода роли общественного идеала и его соотношения с действительностью.

Идеал, если он признан за таковой, при всей недостижимости в данный момент является своеобразным ориентиром в развитии общества, указывая ему направление. Общество не может двигаться вперед без идеалов - гражданских и нравственных. Этим и объясняется живучесть лозунгов революционной эпохи, давно превратившихся в «вечные истины». Идеал требует пусть постепенного и многотрудного, но приближения к себе. Однако, справедливо возражая против превращения «идеального закона» в политическую программу, Победоносцев совершенно отчуждает его от действительности, называя ложью и заблуждением.

Пересмотру консерваторов подверглось прежде всего требование свободы. Звучавшее во весь голос в нелегальной печати (газетах «Народная воля», «Вестник "Народной воли"», революционных брошюрах и прокламациях), оно не сходило и со страниц подцензурной прессы - либеральной и народнической, замаскированное от цензуры с помощью приемов, понятных «проницательному читателю». Консерваторы объясняли, что именно начало свободы представляет собой главную опасность, по сравнению с другими принципами либерализма. «В разрушительной идее равенства», по толкованию Н.А.Любимова, «нет по крайней мере тех недоразумений и того обмана, какими преисполнено другое начало - революционная свобода»⁸².

В.П.Мещерский в своем «Дневнике» не раз повторял, что идея равенства не имеет и не может иметь успех в народе с его «здравомыслием». Консервативный философ и публицист П.Е.Астафьев объяснял это особенностями русского национального характера, которому изначально свойственно равнодушие к социальным и политическим преобразованиям⁸³.

Консерваторы сознательно или невольно смешивали либеральный принцип равенства с уравнительным, присущим народнической идеологии. Либералы никогда не разделяли стремлений к «всеобщему поравнению», а именно их имела в виду консервативная публицистика, справедливо доказывая, что все и во всем не могут быть равны - ведь способности у людей разные⁸⁴.

Либеральная идеология признавала нормой гражданское равенство - равные права для всех, отсутствие привилегий - общественные условия,

создающие всем одинаковые возможности. Однако консерваторам легче было бы обличать как «ложный принцип» либерализма уравнительность, отстаивая под этим прикрытием сословные привилегии. В.А.Грингмут, помощник редактора «Московских ведомостей», посвятил принципам свободы, равенства и братства три последовательно опубликованные друг за другом статьи под соответствующими названиями⁸⁵. Доказывая, что содержание этих принципов нуждается в обновлении, поскольку условия развития общества резко изменились со времени провозглашения равенства, братства и свободы в XVIII в., сам автор, однако, использует в их критике западную консервативную литературу.

Основной удар по устаревшим понятиям предназначалось нанести Л.А.Тихомирову под руководством и контролем обер-прокурора Святейшего Синода. Тихомиров восхищался его публицистикой. «Вообще я крайне завидую ходу развития Вашей мысли», - писал он Победоносцеву, высоко оценивая его умение «вложить такую сложность мысли в такое малое количество слов»⁸⁶.

Выступив с объемной статьей «Социальные миражи современности», Тихомиров доказывал иллюзорность понятий свободы, равенства и братства. Он говорил о кризисе либерализма, предупреждая об опасности идущего ему на смену «социального демократизма»⁸⁷.

Заметив, что «исканиями свободы» на рубеже 80-90-х годов интеллигенция увлекается меньше, чем в 60-е годы, новообращенный консерватор признал, что из этого не следует, чтобы свобода не занимала общественной мысли. Стремление к свободе бывший народоволец назвал коренным свойством человека. Вслед за Победоносцевым Тихомиров, как и Грингмут, попытался вывести состояние свободы за пределы политики, рассмотрев ее как состояние внутреннего мира человека, его идейного, религиозного и психологического настроения. Тихомиров соглашается с определением свободы Грингмутом как понятия «отрицательного», состоящего в «отсутствии стеснений». Стремление к свободе, законность которого консерваторы не отрицали, не должно, по их мнению, направляться на «внешние реформы». Не стоит связывать понятие свободы с политическими правами и политическими учреждениями: обрести подлинную свободу можно, лишь ощутив ее в самом себе, изменяя свой внутренний мир. Декларируя эту свободу, состоящую в управлении собственным мироощущением, Л.Тихомиров утверждал, что и раб может быть свободен; пусть он не имеет гражданской свободы, но состояние его души может быть столь же вольным, как у его господина⁸⁸.

Консервативная интерпретация принципа свободы встретила отпор в либеральной журналистике. На протяжении 1893-94 гг. «Вестник Европы» полемизировал по этому поводу с «Русским обозрением» и «Московскими ведомостями». Главным оппонентом Тихомирова и Грингмута выступил К.К.Арсеньев. Он справедливо заметил, что лишая свободу политического смысла и ставя в зависимость от свойств личности, консерваторы, по сути, сводят на нет само содержание этого понятия. Особое недоумение вызвала мысль о свободе раба: Тихомирова уличали в крепо-

стничестве. В своих «Внутренних обозрениях» и «Общественной хронике» «Вестник Европы», самый солидный и стабильный орган либерализма, подчеркивал принципиальное расхождение с консервативным толкованием свободы как категории, независимой от политического устройства общества⁸⁹.

В ответах оппонентам Тихомиров настаивал на том, что права человека выше, чем права гражданина, а либералы, по его мнению, смешивают их воедино, сужая тем самым именно человеческие права. Отметая упрек в подмене гражданской свободы свободой воли, Тихомиров так и не ответил на вопрос, каким образом будет гарантировано для личности «отсутствие стеснений». Как может быть огражден ее внутренний мир от «тиранических мер». Не найдя веских аргументов против главного пункта либеральной программы - требования свободы личности и законодательных гарантий ее прав, Тихомиров совершает легкий подлог в полемике с идейными противниками. Он добавляет от себя к слову «свобода» эпитет «неограниченная» и доказывает вред и опасность либеральных понятий, ведущих к анархии, сражаясь уже против стремления к «неограниченной свободе»⁹⁰. Однако сторонники правопорядка и законности никогда не отстаивали свободу без ограничений. Но честно и добросовестно полемизировать с идеями, заключавшими в себе не только политический, но и общечеловеческий смысл, оказалось для идеолога консерватизма делом непосильным.

Десятилетие назад бывший редактор «Народной воли» и ее главный публицист доказывал, что политические иллюзии губят народы. Он писал, что политические партии гибнут, если руководствуются не реальными фактами действительности, а иллюзорными представлениями о ней. Так утверждал Тихомиров, доказывая вред анархических иллюзий народничества 70-х годов и призывая понять значимость демократических свобод. Теперь от лица российских консерваторов он предлагал очередную иллюзию - идею свободы, которая «выше политики и вне политики». Общество звали отказаться от политических преобразований, искать свободу в себе самом. Отстаивая первенство политики, решающую роль самодержавия, охранители одновременно проповедовали для его подданных своеобразный консервативный аполитизм, обнаруживая явные противоречия в своей идеологии и практике.

Отстаивание неограниченной монархии само по себе исключало признание гражданских свобод. А в этом отстаивании консерваторы - крайние, умеренные, разумные - были едины. Правда эти последние - в лице П.А.Валуева, И.И.Воронцова-Дашкова, А.А.Киреева, А.А.Половцева и других - готовы были признать и представительство, не затрагивавшее прерогатив самого самодержца. В отдаленном будущем некоторые из них предполагали изменения традиционной российской государственности в сторону сближения с европейской. Так, А.А.Половцев даже мыслил Россию республикой - в необозримых даях. А.А.Киреев, считая, что сейчас народ не готов к конституции, не отрицал ее возможного появления - через многие десятилетия. В начале XX века славянофил-консерватор уже

думал иначе, связывая и дальние перспективы страны с единодержавием. Во взглядах консерваторов-ортодоксов абсолютистская монархия в ее специфической царистской форме была не только необходима и целесообразна для России: она утверждалась как высшая форма государственности. Обоснованием этого служила и критика европейских форм государственной жизни.

При всей необъективности и односторонности этой критики, в ней было немало существенного и точного. Враждебная представителю и выборному началам, консервативная мысль зорко подмечала многие изъяны и издержки самого механизма их осуществления. Консервативная публицистика убедительно показывала ограниченность политических свобод в европейских странах, не распространившихся на массу граждан. Консерватизм в этом смысле являлся реальным противовесом излишней увлеченности европейскими формами государственности, их определенной идеализации в либеральной печати. Однако эффективность консервативной критики снижалась ее неконструктивным характером. Демократия обличалась как непригодная форма государственного устройства, альтернативой ей выступало самодержавие. Это способствовало тому, что либералы и демократы отворачивались от консервативных нападок на парламентаризм, не вникая в то реальное и дельное, что звучало в критике этих принципов охранителями.

Точно так же и сами охранители не давали себе труда вдуматься, чем привлекает демократия часть подданных империи, в чем жизнестойкость ее идеалов.

Среди размышлений о демократии идеолога консерваторов - Победоносца заслуживает особого внимания одно. Специалист по гражданскому праву, изучавший генезис, становление и утверждение европейских государственных систем, Победоносцев пришел к выводу, что «демократическая форма правления самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества». Именно поэтому, по его словам, она трудно приживается. К ней нужна особая подготовленность в политическом, нравственном и культурном отношении⁹¹.

Мудрое это замечание нуждается лишь в одном дополнении: подготовиться к демократии в условиях самодержавия было весьма сложно.

5. КОНСЕРВАТОРЫ ПРОТИВ ВСЕСОСЛОВНОСТИ

Кризис власти на рубеже 70-80-х годов, показавший отсутствие широкой и прочной общественной поддержки самодержавия, остро поставил вопрос о его социальной опоре. Относивший себя к разумным консерваторам К.Ф.Головин писал, что и после 1 марта 1881 г. можно было говорить скорее о нейтралитете к власти, нежели об активной поддержке ее обществом⁹².

В консервативной публицистике надежной защитой трона всегда выступал народ. Подтверждением этого являлись обычно экскурсы в далекую историю, но не примеры из современной жизни. «Когда в смутное

время власть в России пошатнулась, то сам народ добровольно восстановил ее», - вспоминал автор «Русского вестника», сенатор Н.П.Семенов, делая вывод, что «стало быть, она есть выражение священной воли народа». Ведь даже, когда «цари действовали несообразно с благом народа», народ хотя и шатался, но после внешнего натиска «еще сильнее смыкался вокруг власти»⁹³.

В убежденности консерваторов разного толка, что кроме самодержавия «иного строя наш народ не знает и не хочет знать»,⁹⁴ была своя правда. Народ действительно имел самое смутное представление об иных формах правления. Из народной среды не раздавалось требований изменить государственное устройство. Как и всякий народ, русский был консервативен в своей основе: тяготел к прочности, устойчивости бытия, соблюдал обычаи, чтил традиции. Такой традицией, уходящей вглубь истории, была царская власть, воспринимавшаяся в народе как некая изначальная и неотъемлемая принадлежность действительности, почти как явление природы. Следы этого восприятия - в народном творчестве, поговорах и присловьях: «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Без Царя земля вдова». «Народ - тело, Царь - голова».

Медленно, подспудно шло разрушение народных представлений о власти. Симптомы этого процесса, значимость которых революционеры явно преувеличивали, консерваторы, казалось бы, не склонны были анализировать. Однако, утверждая неразрывное единство царя и народа, консервативные писатели признавали все же преимущество дворянства как опоры престола. Это сословие никогда не «шаталось», не знало колебаний в своей поддержке монархии. Идеолог самодержавия М.Н.Катков еще в 60-е годы обращал внимание на то, что дворянство - единственное сословие, не имеющее своих, отдельных от власти, интересов и целей. «Дворянство потому только и дворянство, что оно стоит непрерывно и неусыпно на страже общих интересов, между тем, как массы народа лишь в минуты чрезвычайной опасности поднимаются на их призыв. Все достоинство дворянства состоит в чутком неослабном патриотизме»⁹⁵.

На протяжении 70-х годов консерваторы - К.П.Победоносцев, В.П.Мещерский, Р.А.Фадеев, И.И.Воронцов-Дашков выступали против попыток «отталкивать» дворянство в прошлое, доказывали полную гармонию между ним и властью, напоминая, что дворянство остается в изменившейся России «органической связью между престолом и народом». В начале нового царствования эти положения были повторены на страницах охранительной прессы. Наблюдая оскудение дворянства, постепенно терявшего главенствующую роль в экономической и политической жизни, консерваторы требовали от власти возрождения «благородного сословия», в котором «заключена главная действенная сила нашей государственной жизни»⁹⁶.

Процесс помещичьего разорения и оскудения, вытеснения дворянства новыми социальными силами в пореформенной России трудно оценить однозначно при всей его естественности и закономерности.

Нельзя, разумеется, согласиться с консервативным критиком, что избранные Гоголем представители этого сословия - не снимки с действительности, а лишь сатирические маски⁹⁷. Однако дворянство состояло не только из Ноздревых, Собакевичей, Маниловых. Его роль в российской жизни оставалась достаточно сложной и после реформы. Дворяне пополнили ряды не только консерваторов, но и либералов, и революционеров. «Дворянские гнезда» являлись своеобразными очагами культуры. Появлялись помещицьи имения, вполне соответствующие требованиям времени, служившие образцом ведения хозяйства на новый лад. Переход разорившихся имений в руки «новых русских» - предпринимателей, купцов, заводчиков имел и свои отрицательные стороны. Уничтожались леса, из-за которых часто и приобретались помещицьи владения. Гибли библиотеки, семейные архивы, собрания живописи, памятники архитектуры, остававшиеся в усадьбах. Теневые последствия дворянского «оскудения» были сильно преувеличены в консервативной печати, но нельзя не признать, что этот процесс касался всего общества.

Консерваторы верно понимали, что остановить прогрессирующий упадок дворянства можно было только искусственными мерами, с помощью государственной власти. Не без помощи консервативной мысли это создала и сама власть. В мае 1883 г. в Москве на собрании волостных старшин, прибывших на коронацию, царь призвал их во всем подчиняться «вашим предводителям дворянства». Эта несколько необычная формулировка не была случайной обмолвкой. Она воспринималась современниками как директива о руководящей роли дворянства на местах, идущей на смену их вотчинной власти в прошлом.

Воодушевленные этой позицией самодержца, консерваторы с новым энтузиазмом и последовательностью разрабатывают «дворянскую тему».

Либералы не отрицали значимость дворянства в пореформенной России, предвещая ему «счастливое будущее и блестящую роль». Это будущее, обусловленное сосредоточенностью в руках самого образованного класса крупной земельной собственности, мыслилось при отсутствии словесных привилегий. В противоположность призыву явить миру новый тип «дворянского» государства, «осуществив новую комбинацию общественных элементов»,⁹⁸ консерваторы настаивали на традиционном сочетании этих элементов, при котором дворянство оставалось при своих привилегиях и ведущей роли. Беды пореформенного развития охранительная печать усматривала в том, что дворянство и крестьянство оторвались друг от друга. Вернуть их прежнюю связь, «гармонию» дореформенных отношений - в этом и состояла насущная задача. Консерваторы утверждали, что точка зрения на крестьянина как на самостоятельного и полноправного гражданина фальшива. Нравственная, умственная и экономическая несостоятельность крестьян требует опеки, которой они лишены с потерей вотчинной власти помещиков⁹⁹. Попытка при обосновании этого положения взять в союзники либералов была неправомерна. Хотя либеральные публицисты и соглашались, что крестьяне не были готовы к самостоятельности после ликвидации крепостного права, они до-

казывали необходимость в этот переходный период экономической и культурной помощи им со стороны государства, но не дворянской опеки.

Консерваторы 80-х годов основную роль дворянства видят уже не столько в государственной службе, сколько в попечительстве над крестьянством, посреднической роли между ним и престолом. Дворянство предназначалось, усиливая свою власть и влияние на местах, постепенно вытеснить земское самоуправление. Планы консерваторов с остервенностью высказаны в программных статьях В.П.Мещерского «О русском дворянстве» и «Дворянство и земство». Называя земские учреждения «либеральным обманом», князь призывает вспомнить «настоящую земскую жизнь», до реформы 1861 г., когда был «подлинный союз земских людей» - помещиков и крестьян. «Если хотят усиления власти для блага государства», - увещевал Мещерский эту же власть, - надо «всеми мерами усилить дворянство поземельное»¹⁰⁰.

Утверждая, что дворянство вынесло на своих плечах всю тяжесть реформ, консерваторы требовали воздаяния ему за принесенные жертвы. Откликаясь на слухи о возвращении дворян, живших в пореформенные годы за границей, в «родовые гнезда», автор «Русского вестника» замечал: «Но если они вернутся туда, как безмолвные жертвы, то проку будет мало»¹⁰¹. Катков и Победоносцев также считали, что «оскудевший дворянин» - не имеющий земельной собственности - не способен выполнить свою историческую роль - ни на местах, ни на государственной службе. Идеологи консерватизма поддерживали ходатайство дворянских собраний царю - всеми мерами усилить земельное дворянство, вернуть его к общению с народом, утвердить его прежнее влияние на местах¹⁰².

В поисках таких мер в дворянских собраниях обсуждалась и возможность возвращения к указу Петра I о майоратах: учреждению заповедных имений, не подлежащих дроблению и наследуемых по старшинству. Высказанная в ряде петиций дворянских собраний¹⁰³, идея эта была поддержана в консервативной печати. Противником ее выступил К.П.Победоносцев. Отрицатель западных образцов для русской жизни опирался в своих доводах на опыт Англии, политическую силу которой составляли не крупные, а среднепоместные дворяне. Подчеркивая важность «семейных союзов, преемственно связанных с хозяйственно устроенной местной дачей», Победоносцев предупреждал об опасности подорвать их с утверждением майоратов. Уничтожение среднепоместного дворянства, по его словам, «свойственное новейшей демократии», лишит государство его главной опоры¹⁰⁴.

100-летие издания Жалованной грамоты дворянству Екатерины II явилось поводом для того, чтобы подчеркнуть дворянскую ориентацию самодержавия. Рескрипт, написанный К.П.Победоносцевым по поручению царя, возвещал, что ныне, как прежде, потребно, чтобы российские дворяне сохраняли первое место «в предводительстве ратном, в службе государственной, в делах местного управления и суда...» «В сознании необходимо более, чем когда-либо, в настоящее время видеть русское дворянство руководителями местной общественной, народной и государственной жиз-

ни», власть обещала этому сословию «облегчение условий экономической жизни», а также сохранение и расширение дворянских привилегий¹⁰⁵. В 1885 г. учреждается Дворянский банк, предоставлявший потомственным дворянам под залог имений долгосрочную ссуду на льготных условиях.

«Из долгих блужданий мы, наконец, возвращаемся в нашу родную, православную, самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение», - приветствовали «Московские ведомости» дворянское направление правительственной политики. Она была не просто «немедленно поддержана» в консервативной печати, как это говорится в литературе¹⁰⁶, но обоснована и подготовлена ею.

В консервативной среде лишь отдельные ее представители отстаивали всеобщие начала - при первенствующей роли дворянства. Это были немногие консерваторы славянофильского толка (И.С.Аксаков, затем С.Ф.Шарапов), а также «мягкие», с либеральным оттенком консервативные деятели типа К.Ф.Головина. Подавляющее большинство охранителей в 80-е годы было поборниками сословных принципов. Наиболее четко и последовательно с защитой сословности как основы государственной жизни выступал А.Д.Пазухин. Крайний консерватор, он был богатым помещиком, уездным предводителем дворянства Симбирской губернии. Как публициста «открыл» его Катков. Статья Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос» была инспирирована Катковым, пропагандировалась им в передовых «Московских ведомостях», издавалась отдельной брошюрой¹⁰⁷. В противоположность большинству консервативных публицистов с их ностальгией о славном прошлом дворянства, Пазухин весьма деловито рассуждал о взаимнеобходимости дворянства и самодержавия. Укрепление самодержавия, доказывал он, может произойти только с возрождением дворянства. Главный порок реформ Пазухин находил в принципе бессословности, противоречащем естественно-историческому развитию России. «Основная причина социального расстройтва России кроется в том, что большинство реформ прошлого царствования были проникнуты отрицанием сословного начала», - мысль эта, полностью созвучная оценкам Победоносцева, Каткова и Леонтьева, явилась своеобразным контрапунктом сочинения Пазухина. Автор ставил перед властью задачу создать дворянству господство и преобладание в местном управлении и судебных органах, сделав его «снова служилым сословием и вместе с тем земским»¹⁰⁸. Идеи эти не были оригинальны, однако они излагались в обобщенном и системном виде как конкретная практическая программа. «Вестник Европы» справедливо оценил статью Пазухина в «Русском вестнике» как переход консерваторов «не только от обороны к наступлению, но и от общих фраз к более или менее определенным проектам». Самая влиятельная либеральная газета увидела в выступлении А.Д.Пазухина «наиболее полное выражение реакционных требований дворянства», попытку обосновать и подготовить наступление на реформы 60-х годов¹⁰⁹.

В консервативной среде заслугу Пазухина усмотрели в «воскрешении им принципов мнимо умерших, утративших веру в саму возможность своего существования». «Самое озлобление, с каким в известных кругах

была принята статья г.Пазухина, - замечал Д.И.Воейков, крупный помещик и чиновник Министерства внутренних дел, - лучше всего доказывает, что он правильно поставил свою задачу, коснулся многого, что намеренно замалчивалось одними в видах партийной дисциплины, другими оставлялось без внимания, нередко из опасения в обвинении в отсталости, чаще же вследствие ложного взгляда, благодаря которому думали, что сословия перестали существовать»¹¹⁰.

Ведущий беллетрист «Русского вестника» Б.М.Маркевич получил от Каткова заказ создать художественные образы дворян пореформенной формации. Дворянство должно было предстать «крепкой культурной силой», патриархально-попечительной по отношению к крестьянству, руководящей в родном краю. Маркевич тщетно искал жизненных прототипов, обращаясь за помощью к знакомым консерваторам: подсказки от них он так и не получил¹¹¹. Так и не обнаруженные в действительной жизни «новые дворяне» в изобилии населяли романы «Русского вестника», где изображались полные гармонии отношения помещиков и крестьян¹¹². Консерваторы разных оттенков искренне верили в возможность обрести эту гармонию, не ущемляя привилегии дворянства, отвергая притязания крестьян на увеличение надела - обойдя решение аграрного вопроса. Так, например, князь С.Е.Трубецкой рисует своего деда - князя А.А.Щербатова помещиком, сознающим себя «отцом» для окрестных крестьян, всемерно помогающим им при стихийных бедствиях, неурожаях, пожарах. Но иллюзия «патриархальной идиллии», казалась бы, царившей в екатеринославском имении, резко и грубо разрушилась в 1905 г. неожиданно для землевладельцев. По-видимому, они так и не поняли, почему это произошло¹¹³.

Реформами 60-х годов Россия сделала первые шаги если не к бессловному, то к всеобщему обществу. Пореформенные условия сразу поставили под сомнение монополию дворянства на государственную и военную службу в ее высших должностях, а также сами сословные привилегии. Дворяне оказались наименее всех других сословий приспособлены к новой действительности, но консервативная мысль именно им предназначала руководящую роль в России, вступившей на путь капитализма. Консерваторы надеялись создать в привилегированном сословии твердую опору самодержавной власти. Однако ставка на сословный принцип государственной и общественной жизни неизбежно усиливала социальную рознь, обостряла общественные противоречия и тем самым еще более расшатывала колеблющиеся устои самодержавной монархии, пожелавшей остаться дворянской.

6. РЕВИЗИЯ РЕФОРМ. ПЕРВАЯ КОНТРЕФОРМА

Главная стратегическая цель консерватизма как политического течения - укрепление самодержавия - требовала пересмотра реформ 60-х годов и разработки планов ликвидации их последствий. Исторический прогресс консервативная мысль понимала как «собрание власти», «ее concentra-

цию», а преобразования Александра II угрожали принципу единодержавия, внося в государственную систему противоречия, нарушив ее дореформенную целостность и монолитность. Новые установления и учреждения - автономия университетов, местное самоуправление, независимый суд, по выражению Каткова, вели к многовластию, подрывая устои верховной власти, призванной быть по своей природе всеохватывающей, всепроникающей и неделимой. Охранители оценивали преобразования 60-х годов как чуждые органическому развитию страны, сделанные по западным образцам и потому вредные. Даже те из них, кто в свое время поддерживал в определенной степени реформы, доказывали, что следовало не ломать старую систему, а совершенствовать ее, не подвергая рискованным нововведениям, несовместимым с ее принципами. Таков был лейтмотив выступлений К.П.Победоносцева, М.Н.Каткова, В.П.Мещерского. «Мягкие» консерваторы, не отрицая необходимость реформ, утверждали, что они проводились неправильно, в спешке, с ненужной быстротой, не будучи тщательно подготовлены и согласованы с основами государственной жизни империи и ее традициями. Такие как П.А.Валуев, И.И.Воронцов-Дашков, А.А.Половцев требовали серьезных корректив к нововведениям 60-х годов, сходясь с ортодоксами в том, что оставлять их без изменения невозможно. Однако и в среде крайних консерваторов, где раздавались призывы «уничтожить зло с корнем», отдавали отчет в неосуществимости коренной ликвидации преобразований Александра II. «Законодательством минувшего 25-летия до того перепутали все прежние учреждения и все отношения властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономией русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, дабы разобраться в этой путанице. Узел этот разрубить невозможно, необходимо развязать его, и притом не вдруг, а постепенно» - делился своими соображениями К.П.Победоносцев с Александром III¹¹⁴. Царь и сам, как истинный консерватор, не был сторонником «разрубания узлов». Радикальных мер - «хирургического вмешательства» - требовал в печати М.Н.Катков, но и он понимал опасность крутой ломки уже прижившихся узаконений и учреждений. Катков не уставал доказывать, что нельзя остановиться на результатах «завещанных двадцатилетием реформ, которые всего коснулись, все подвергли вопросу... Верно то, что требуется ряд законов, отчасти преобразовательных, отчасти согласительных. Дело преобразования должно идти вперед, вопрос только в том, куда, в какую сторону»¹¹⁵. Для идеологов консерватизма ответ на вопрос будущего развития страны был один: они видели его в наступлении на реформы прошлого царствования, в контрмерах против них.

Контурь общего плана контрреформ вырисовываются уже в первые дни царствования Александра III - в дебатах по поводу «конституции» М.Тлорис-Меликова, в выступлении Победоносцева и других консерваторов, отмечавших пагубные последствия всех преобразований Александра II для страны.

Сменивший Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел Н.П.Игнатьев вскоре был признан непригодным для претворения в

жизнь реставрационных планов. Честолюбивый, ищущий популярности граф Игнатьев поддался влиянию близких ему славянофилов и взялся подготовить созыв Земского собора. Вознамерившись получить согласие императора, новый министр приурочил созыв выборных от всех сословий к предстоящей коронации и одновременно к 200-летию этого учреждения. Игнатьев с энтузиазмом доказывал, что Собор сделает коронацию особо праздничной и значительной, явившись волеизъявлением народа в пользу самодержавного правления, своеобразной санкцией его. Избранный на основе высокого имущественного ценза, Земский собор обеспечил бы первенство крупных землевладельцев. Из 4 тыс. выборных 1 тыс. предполагалась от крестьян. Как доказывал И.С.Аксаков, план этот, будучи реализован, посрамит все конституции в мире, представляя собой «нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе». Созыв ритуального по своим задачам Собора, не получившего даже, как объяснял царю Игнатьев, законосовещательных функций, должен был заставить «замолкнуть всякие конституционные вождедения»¹¹⁶.

Неопределенность положения молодого монарха, еще не сориентировавшегося в расстановке сил, способствовала его благосклонному началу отношению к плану министра. Однако о затее Игнатьева узнал Катков, у которого в министерстве внутренних дел были свои осведомители, и первым поднял тревогу. Зашевелилась консервативная группировка во главе с Победоносцевым. В то время как обер-прокурор Св.Синода и его соратники воздействовали на царя при непосредственных контактах с ним, убеждая в опасности замысла Игнатьева, Катков развернул в печати кампанию против министра. «Если наше правительство кому-то кажется слабым, нуждающимся в сборе людей, которые сами не знали бы, зачем они призваны, не следует ли искать причин этой слабости в неспособности ее случайных органов?» Газета Каткова обращала внимание на сходство плана созыва Земского собора в лице выборных от земли русской с самыми крамольными помыслами. «Разве не того хотели Желябов и Нечаев?» - вопрошал он, имея в виду требование созыва Учредительного собрания, выдвинутое «Народной волей»¹¹⁷. В подкрепление публицистических выступлений Катков обратился и с письмом к Александру III, доказывая рискованность для самодержца затеи с Земским собором. «При государственном маразме всякая интрига, всякое враждебное дело могут иметь успех» - внушал он царю, не церемонясь, как видим, в выражениях¹¹⁸. Впрочем, зная взгляды царя, можно было не сомневаться, что слова о государственном маразме будут отнесены к наследию Александра II.

27 мая 1882 г., напутствуемый консерваторами и разделявший уже их тревоги, Александр III созвал в Петергофе совещание, на котором план Игнатьева был резко осужден: К.П.Победоносцев, И.Д.Делянов и М.Н.Островский дали ему самую негативную оценку. Император решительно заявил, что не согласится на созыв собора. Консерваторы могли торжествовать.

После отставки Н.П.Игнатьева, с назначением на пост министра внутренних дел графа Д.А.Толстого надежды на «черный передел» реформ

60-х годов получили реальную опору. Само имя Толстого, по словам Победоносцева, служило «знаменем известного направления». В обществе оно было синонимом крайнего, ортодоксального консерватизма, отождествляемого с прямой реакцией. Победоносцеву, как и царю, были известны «громадные недостатки» бывшего министра просвещения: алчность, лживость, мстительность. Но его твердая приверженность самодержавной системе, фанатическая ненависть к независимой мысли, не укладывающейся в рамки казенного мирозерцания - все это делало Д.А.Толстого вполне подходящим для проведения жесткого, бескомпромиссного курса на завоевание властью позиций, оставленных в прошлое царствование. Выдвинутый консервативной группировкой в «верхах», поддерживаемый ею, Толстой и повел наступление на общественные достижения 60-х годов.

Выполнявший роль организатора консервативных сил, Победоносцев был озабочен их расстановкой на ключевых постах. Обер-прокурор Святейшего Синода пристально следил, чтобы из соответствующих министерств и высших государственных учреждений были изъяты те, кто «подвержен либеральным галлюцинациям», и поставлены люди пусть «не очень больших способностей», но «имеющие здравые понятия об отношении властей». Так, в 1-й департамент Сената он рекомендует Д.А.Толстому взять Н.П.Семенова, Н.О.Тизенгаузена, Э.В.Лерхе, М.Ф.Гольцгоера, Ф.М.Дмитриева.

Соответственно, Константин Петрович советовал изъять из 1-го департамента А.П.Сабурова, В.А.Арцимовича и особенно настаивал на удалении Н.С.Абазы и С.А.Мордвинова¹¹⁹.

Первой под удар консервативных сил попала университетская реформа 1863 г. Пересмотр университетского устава, подготовляемый еще в 70-е годы Н.А.Любимовым при участии М.Н.Каткова, ждал своего часа, отложенный в связи с отставкой Д.А.Толстого. С назначением последнего министром внутренних дел создавались все условия для контрреформы. Проект нового устава для университетов предусматривал ликвидацию университетской автономии. Ректор и декан должны были не избираться из среды профессуры, как следовало по правилам 1863 г., а назначаться Министерством просвещения. Введение государственных экзаменов ставило под контроль не только студентов, но и преподавателей. Авторы проекта исходили из того, что только полностью «огосударствленный» университет сможет формировать нужные самодержавию научные и чиновничьи кадры, казенную интеллигенцию.

Оппозиция проекту университетской контрреформы оказалась более значительной, чем могли предполагать сторонники ее проекта. Ее составили в Государственном совете не только бывшие либеральные администраторы (Д.А.Милютин, А.А.Абаза, М.Т.Лорис-Меликов), бывшие министры просвещения (А.В.Головнин, Е.П.Ковалевский, А.П.Николаи), сенаторы Н.И.Стояновский, Д.Н.Замятин и К.К.Грот, министр финансов Н.Х.Бунге, министр юстиции Д.Н.Набоков. Проект нового устава не приняли и некоторые консерваторы во главе с К.П.Победоносцевым

(П.А.Валуев, И.И.Воронцов-Дашков, А.А.Половцев). Ряд высших чиновников Министерства Просвещения также оказались его противниками.

Охранители вполне сходились в том, что университет - дело государственное, профессора - должностные лица, находящиеся на коронной службе и должны быть подведомственны Министерству просвещения. Но если никто не оспаривал необходимость назначения ректоров и деканов министром, то по вопросу о государственных экзаменах в консервативной группировке произошел раскол.

Противником этого пункта выступил Победоносцев. Разделяя взгляды Каткова на необходимость подчинения науки потребностям государства, бывший университетский профессор устранился столь полного принесения ее в жертву политическим целям, как это предусматривал новый устав. «Благонадежность» фактически выдвигалась более важным критерием оценки преподавания, чем его научный уровень. «Храмы науки» грозили превратить, по выражению П.А.Валуева, в «высшие полицейско-учебные заведения»¹²⁰.

Победоносцев настаивал на том, что экзаменовывать студентов должны сами преподаватели, а не назначенные министерством просвещения чиновники. Он доказывал, что отделение экзаменов от преподавания резко снизит уровень образования: найти компетентных чиновников в достаточном количестве будет трудно. Студенты начнут пренебрегать лекциями, профессура будет оскорблена недоверием. Убеждая, что «экзамены нельзя вынести из стен университета», обер-прокурор Синода признавал государственный характер только для экзаменов при принятии на казенную службу¹²¹. Склоняя на свою сторону министра просвещения И.Д.Делянова - единомышленника Каткова, - Константин Петрович предрекал, что в случае принятия нового устава «последует такой в деле народного просвещения крах», что и сам виновник реформы Делянов не переживет его.

Между тем Катков видел ключ к университетской контрреформе именно в государственных экзаменах. Профессура для него была частью интеллигенции, в которой идеолог консерватизма привык видеть самый благонадежный слой общества. «Большая ошибка думать, что волнения возникают между студентами в их среде или заносятся в нее какими-то посторонними агитаторами, а профессора только по слабости [вставлено: из страха перед студентами - В.Т.] потворствуют им и либеральничанием заслуживают их благосклонность. Эти явления происходят из профессорской среды, оттуда возбуждаются, и здесь надо искать их корни»¹²².

Передовые «Московских ведомостей» неумоимо доказывали непригодность университетского образования, основанного на принципах автономии, для подготовки государственных служащих - чиновников и преподавателей. Еще более важным для агитации в пользу контрреформы было утверждение несовместимости университетской автономии с общими государственными основами. Реформу 1863 г. Катков определил как «опыт конституционного режима в самодержавном государстве»¹²⁴.

Принципы нового устава университетов не менее рьяно защищал в печати и один из авторов его проекта - Н.А.Любимов. Консервативный

профессор не признавал за университетами права на автономию, поскольку они «учреждены правительством, черпают главные средства свои из Государственного казначейства, в своих решениях по сколько-нибудь важным делам управления связаны необходимостью начальственного разрешения». Университеты, по его словам, должны стать частью учебного ведомства во главе с министром¹²⁵.

Осенью 1882 г. Н.А.Любимов, назначенный членом Совета министра народного просвещения, переселяется в Петербург, откуда систематически отправляет в Москву Каткову реляции о продвижении проекта нового устава.

Издания Каткова несли главную тяжесть борьбы за уничтожение университетской автономии, но редактор сознавал, что общественное мнение не на их стороне. С консервативной прессой по университетскому вопросу полемизировали такие либеральные издания, как «Голос», «Новости», «Русский курьер», «Вестник Европы». Однако идейная дискуссия не была главным средством достижения цели для идеолога консерватизма и его соратников. Едва ли не большую значимость придавали они закулисной - организационной и тактической - деятельности в высших правительственных сферах. Сохранившиеся «всепогоднейшие» записки и письма Каткова Александру III, посвященные университетскому вопросу, свидетельствуют о систематическом давлении консервативной группировки на царя¹²⁶. Между тем на пути к цели, мешая обратиться царя в безоговорочного сторонника контрреформы, встал Победоносцев, в свою очередь пытавшийся воздействовать на Александра III.

Позиция обер-прокурора Св.Синода явилась неожиданностью для многих в «верхах»: его знали как убежденного противника устава 1863 г. Первые сигналы о критическом настрое Победоносцева по отношению к важным пунктам нового устава Катков получил в начале 1882 г. от консервативного чиновника министерства просвещения А.М.Гезена - постоянного своего корреспондента и сотрудника катковских изданий. Столь же консервативный А.И.Георгиевский - товарищ министра просвещения - доносил в письмах о высказываниях Константина Петровича против государственных экзаменов¹²⁷.

Склоняя Победоносцева на свою сторону, группировка Толстого-Каткова не стремилась опровергнуть его доводы: усилия были направлены на усвоение того, кого консерваторы привыкли считать лидером. Его стыдили, растолковывая, «куда и с кем он идет», укоряли тем, что он оказался в одном стане с давними противниками, призывали стать в ряды единомышленников, не нарушая их сплоченности. «Не такое ли теперь время, чтобы всем честным и здравомыслящим в политическом отношении людям более всего стараться о крепком и видном для всех между собой единстве?» - вопрошал старого соратника Катков. Он предупреждал, что «неудача этой законодательной меры отзовется не на одних университетских, но и на всем нашем государственном деле». Ответ обер-прокурора Св.Синода был непреклонным: «От нового устава я вижу не пользу, а вред для того самого начала, во имя коего реформа задумана»¹²⁸.

Раскол в консервативной группировке усилил позиции противников университетской контрреформы. Ее защитники в Государственном совете (И.Д.Делянов, П.А.Шувалов, М.Н.Островский, Т.И.Филиппов) выглядели жалко и беспомощно на фоне блестящих выступлений своих оппонентов, которых оказалось подавляющее большинство¹²⁹.

Александр III поначалу решил отложить рассмотрение университетского вопроса до осени. Однако консерваторам не терпелось ввести новый устав уже в предстоящем учебном году, и под их нажимом царь созвал совещание в августе 1884 г. в Ропше, куда вместе с защитниками проекта были приглашены и К.П.Победоносцев. Доводы Константина Петровича о неизбежном падении уровня образования не казались царю столь уж важными. Ближе и понятнее ему была позиция приверженцев полного огосударствления университетов. Победоносцев в ходе обсуждения присоединился к сторонникам нового устава, оговорив лишь некоторые уступки. «Вице-император», как его называли в начале царствования Александра III, умел стоять один против всех, когда чувствовал поддержку царя. Пойти против его воли - даже в союзе с подавляющим большинством Государственного совета - Константин Петрович не решился. Впрочем, вопрос, на котором разошлись мнения консерваторов, был решен компромиссно. Наряду с экзаменами государственными, оставались и факультативные, принимавшиеся профессурой.

Устав 1884 г. резко ограничивал автономию университетов, усиливая власть над ними попечителей учебных округов и министерства просвещения. Должности ректора, декана, профессоров замещались отныне по назначению министра.

Консерваторы довольно дружно приветствовали новый устав университетов. Спор вокруг него в их среде был по сути спором о степени допущения академической свободы, о возможных пределах независимости науки. Все они были согласны в понимании ее роли как прикладной, обслуживающей нужды государства, а потому подлежащей в своем развитии государственному контролю и вмешательству.

И хотя проект устава претворился в жизнь не во всей «полноте и чистоте», по-своему удовлетворен был и один из вдохновителей контрреформы - Катков. Он воспринимал устав 1884 г. как «первый органический закон нового царствования», устраняющий «призрак фальшивого самоуправления», подчеркивая его далеко идущий смысл. «Новый университетский устав - говорилось в специальной передовой "Московских ведомостей", - важен не только для одного учебного дела, он важен еще потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве; как устав 1863 года был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 года предначинает собою возобновление правительства, возвращение властей к их обязанностям». «Предначинание» это должно было открыть наступление и на другие реформы с целью восстановления самодержавного управления «во всей полноте и неотесненности». «Итак, господа, встаньте, - злорадно и торжествующе

обращался Катков к тем, чьи надежды на либерализацию не сбылись, - правительство идет, правительство возвращается»¹³⁰.

Торжество «Московских ведомостей» и «Гражданина» по поводу установления в университетах «надзора государственной власти» и «выдворения вон» академической свободы поддержки в обществе не получило. Ущемление университетской автономии было встречено недовольством не только либеральной профессуры, но и частью профессоров консервативной ориентации¹³¹. Общественному мнению издания Каткова пытались противопоставить опыт европейской политики высшего образования. Ссылаясь на «передовую мысль» Запада, охранители уверяли, что там университеты признаны правительственным делом и обязанностью властей считается «регулировать организацию университетского образования». Особо отмечались рекомендации западных консерваторов (а именно они представляли «передовую мысль») об отделении экзаменов от преподавания¹³².

Об оценке европейской общественностью политики самодержавия в области высшего образования можно судить по передовой лондонской «Таймс», посвященной университетской контрреформе в России. Намеченный российскими консерваторами план преобразования университетов назван здесь чудовищным: по мнению газеты, их лучше вообще закрыть¹³³.

С годами и в среде консерваторов все больше осознавалось, что контрреформа 1884 г. не достигла цели, оказалась несостоятельной: она не предотвратила роста студенческого движения и все сильнее втягивала профессуру в оппозицию к власти. Анализируя последствия контрреформы, П.А.Капнист (попечитель Московского учебного округа) писал, что устав 1884 г., «имевший прежде всего в виду усиление власти в университетах, лишил ее в сущности прочной опоры и повел в конце концов к полной дезорганизации университетов»¹³⁴.

Единственной из реформ царствования Александра II, на которую консерваторы не покушались, была реформа 1871 г. «Самая безукоризненная, самая благонадежная» в глазах охранителей¹³⁵, она так и не вошла «органически», как было задумано, в русскую жизнь, возбуждая протест, то глухой, то более явственный. Обязательная для гимназий классическая система образования с ее сосредоточенностью на древних языках и математике не соответствовала все возраставшим и многообразным общественным потребностям в век естествознания и технического прогресса.

Трудности обучения, высокая плата, протяженность гимназического курса должны были служить своеобразным регулятором социального состава учащихся и средней и высшей школы: путь в университет шел только через классические гимназии. Однако консервативная мысль стремилась обосновать новые ограничения доступа к образованию, превратив его в привилегию для высших слоев. Государственный секретарь А.А.Половцев, считавший себя весьма прогрессивным и нередко критиковавший крайние позиции консерватизма, размышлял в дневнике о нуждах образования в общем духе охранителей. Он убежден, что низ-

шим слоям изначально не нужно то обучение, которое должны получить его дети - ведь жизненные пути у них будут совсем разные.

Покушение на царя 1 марта 1887 г., предпринятое группой А.И.Ульянова, резко усилило подобные настроения среди консерваторов разного толка: студенты, входившие в террористическую фракцию «Народной воли», были в основном из разночинцев. Уже 4 марта в письме к Александру III Победоносцев отнюдь не риторически задавался вопросом «Отчего у нас так много обезумевших юношей?». Он давал на него весьма категорический ответ, усматривая причину неблагополучия в принципе всеобщности образования: «Мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нашему быту систему образования, которая, отрывая каждого от родной среды, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий...»¹³⁶

Победоносцев выражал не только свое мнение - он опирался на ряд писем и записок, полученных после 1 марта 1887 г. Некто Д.Ф.Щеглов, прослуживший 12 лет в системе министерства просвещения (директором новочеркасской и одесской гимназий) требовал «оздоровления» средней школы, искоренения в ней либерального духа. Он призывал спасти общество от «негласной конституции», при которой дело образования ведется «не так, как того требует общее направление государственной политики». Письмо Щеглова с пометкой «Конфиденциально» содержало прямой донос на товарища министра просвещения, князя М.С.Волконского, который, по словам автора, приобретал все более опасное влияние на министра И.Д.Делянова¹³⁷.

Между тем М.С.Волконский, придерживающийся самых консервативных убеждений, уже в марте 1887 г. отправил царю записку о мерах для «коренного изменения состава учащихся» в средней и высшей школе, предлагая запретить прием в высшие и средние учебные заведения детей «крестьянина, казака, рядового, лакея, дворника, прачки»¹³⁸.

Щеглов, обличавший товарища министра в либерализме, оказался прав в одном - И.Д.Делянов действовал в полном согласии со своим помощником. В июле 1887 г. был издан циркуляр министра просвещения с целью урегулировать социальный состав учащихся. Он предписывал не принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п.». По-своему решал вопрос, «как сделать, чтобы самый малый процент молодежи тянулся в гимназии и в университеты», князь В.П.Мещерский. Он предлагал в виде экстренных мер закрытие С-Петербургского университета, прекращение приема в 150 гимназиях (оставив по 1 гимназии на 2 губернии). Высвободившиеся средства князь советовал направить на профессиональные и ремесленные школы¹³⁹. Циркуляр «О кухаркиных детях», как его прозвали в обществе, сильно подорвал престиж правительства. Либеральная печать подчеркивала его противоречие с действующим законом, не устанавливавшим для обучения сословных преград. Доказывалась и вздорность обвинений в испорченности детей из социальных низов. «Из среды беднейших гимназистов пополняется многочисленный класс репетиторов, и это уже дает право ут-

верждать, что бедность не только не составляет помехи ученью, но позволяет даже соединить школьные занятия с постоянной работой...»¹⁴⁰

Записывая в дневнике, что циркуляр Делянова «возбуждает в обществе негодование и смех», А.А.Киреев осуждает его за «нелепость» весьма своеобразно, считая, что можно было бы «достигнуть желаемого результата без публикации», установить при поступлении в гимназии серьезный экзамен по французскому языку, хорошим манерам и т.д.¹⁴¹

Недовольные шумом, произведенным непродуманностью действий министра, консерваторы в большинстве своем не подвергали сомнению сословный принцип в системе образования. В.П.Мещерский, жалуясь царю, что ежедневно приходится общаться с недовольными циркуляром, сам критиковал не содержание его, а «бестактность» Делянова. «Какая нужда была публиковать об этом циркуляре, - спрашивал он царя - да еще вставлять туда знаменитые и весьма неполитичные фразы о кухарках и т.д.» По мнению редактора-издателя «Гражданина», следовало бы дать секретную инструкцию попечителям: «Тогда меры могли бы приниматься, но никто об инструкциях не знал бы, кухарки не были бы оскорблены, газеты не подняли бы против правительства похода и общественное мнение не было бы затронуто в своих демократических инстинктах»¹⁴².

7. НА ПОДСТУПАХ К ЗЕМСКОЙ КОНТРЕФОРМЕ. РАСКОЛ В РЯДАХ КОНСЕРВАТОРОВ

Критика земских учреждений и земской деятельности консерваторами не только усиливалась с первых дней царствования Александра III, но и стала сопровождаться призывом исправить «роковую ошибку» - покончить с «либеральным обманом» в виде «земского парламента». В войне охранителей с земством тон задавали «Московские ведомости» и «Русский вестник» Каткова. Не отставал от них и «Гражданин» Мещерского, иногда даже опережая по части бездоказательных обвинений земских деятелей. «Новое время» и «С.-Петербургские ведомости» оставались непоследовательными: совершая нападки на земства, сообщали немало ценной информации о конкретной их деятельности.

В консервативной печати привычным стало списывать на земское и крестьянское самоуправление все невзгоды текущей жизни - от пустых продовольственных складов до неисправных мостов и бездорожья. Передовые Каткова, «Дневник писателя» Мещерского и другие близкие им издания указывают на самоуправление как на главный источник всех бед и неурядиц в городе и деревне.

Корреспонденции с мест пестрят сведениями о злоупотреблениях земцев - растратах земских средств, коррупции, дезорганизации. Консерваторы смело черпают негативные факты из либеральной и демократической журналистики, где земская деятельность пользуется пристальным вниманием и отнюдь не идеализируется. Симптоматично, что, используя в своих передовицах очерки Г.И.Успенского о земском «хищничестве», Катков, резко отрицательно относившийся к его творчеству, от-

мечает талант и реализм народнического писателя¹⁴³. Статья «Русского вестника» - «Земские деятели и сеятели» (без подписи), которой Катков посвятил специальную передовую, обращала внимание на то, что «к земскому пирогу нередко пристраиваются сосланные в данную местность политические преступники», отмечая, что в составе земских сил немало «неблагонадежных» элементов¹⁴⁴.

Столь же ожесточенно обличается и городское самоуправление, по словам идеолога консерватизма, оказавшееся причиной разорения городов. Сведения о «разграблении городов под охраной городской конституции», «о земском хищничестве» совсем вытеснили со страниц охранительских изданий факты казнокрадства государственных чиновников¹⁴⁵.

Заявляя о ненависти народа к земству, В.П.Мещерский основную задачу власти видел в «упорядочении земского управления, оздоровлении земства»¹⁴⁶. Катков же настаивал на том, что речь должна идти об отмене основных принципов местного самоуправления: выборности, сословности и независимости, а не о частных поправках к его деятельности.

Уже в 1884 г. в верхах знакомились с запиской А.Д.Пазухина «О преобразовании в местном управлении и устройстве земских учреждений», составленной по поручению Толстого. Преобразования мыслились на принципе сословности, отмене выборного начала и подчинения органов самоуправления государственной власти. Победоносцев доказывал невозможность заняться коренной перестройкой всех местных учреждений одновременно, советуя начать с крестьянского самоуправления, которое касается 90 млн. населения и требует неотлагательных перемен. Созданная еще при Н.П.Игнатьеве для разработки реформы местного управления комиссия М.С.Каханова подготовила его проект. Однако предложение создать новую административно-территориальную единицу - всесословную волость - не встретило поддержки со стороны тех членов комиссии, которыми ее пополнил Д.А.Толстой. Министр внутренних дел ввел в Кахановскую комиссию представителей от губерний - консервативных помещиков, так и не смирившихся с реформами 60-х годов. Они встали на защиту проекта Толстого - Пазухина, по которому властью в уезде становились земские начальники, назначенные из поместного дворянства и сосредоточившие в своем лице функции административные и судебные¹⁴⁷.

Контурь этого плана уже проглядывали в консервативной публицистике, где решались вопросы местного управления. Спор о том, каким ему быть, продолжался и после ликвидации Кахановской комиссии в апреле 1885 г. Либеральные издания высказали приверженность к проекту всесословной волости, сохранявшему крестьянское самоуправление. «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости» высказались против особой власти для крестьян, считая необходимым и на низшей ступени управления сохранить его административно-территориальный, а не сословный характер.

Защите этого мнения была посвящена статья в «Вестнике Европы» К.К.Арсеньева. Автор ссылаясь на европейский опыт, не знающий прецедента соединения в одном лице административных, судебных и полицей-

ских функций. Арсеньев полагал, что подобное соединение противоречит общим основам государственного управления¹⁴⁸. Отвечавший «Вестнику Европы» К.Ф.Головин доказывал, что слияние административной и судебной власти на низшей ступени управления закономерно и целесообразно. Ссылку на европейский опыт он отметал как не имеющую веса для решения русских вопросов. По словам Головина, с отменой института мировых посредников «управления в более широком смысле, служащего для охраны и развития народного благосостояния, не существует вовсе». Крестьянское самоуправление он, как и большинство консерваторов, отождествлял с безначалием. Он объяснял этим «безначалием» рост числа безлошадных и бездомных хозяев, ростовщичество, распространение кабаков. Головин напоминал, что либеральная печать всегда протестовала против контроля власти над самоуправлением, но когда власть отступила от этой своей обязанности, самоуправление обнаружило полное «административное бессилие». Между правительством и выборными органами, с одной стороны, и крестьянской массой, с другой, оказалось пустое место.

Развивая таким образом тезис Каткова о «самоустранении» власти, Головин одновременно пропагандирует идеи проекта Толстого - Пазухина. О делах Кахановской комиссии и Сопрошения по преобразованию местного управления, созывавшегося после ее роспуска, он мог знать не только от осведомленного редактора «Русского вестника». Консервативный предводитель елецкого дворянства, введенный в комиссию - С.С.Бехтеев - был другом Головина. Возможно, с его слов Головин и повторял доводы консерваторов в защиту проекта Пазухина. Он убеждал, что разделение властей мужику непонятно, что лишние должностные лица в местном управлении только увеличат путаницу, и содержание их ляжет тягостью на народ. Головин отвергал опасения «Вестника Европы», что выдвижение дворянства на руководящие посты в управлении может быть воспринято как возрождение его старой власти над крестьянством. По словам консервативного писателя, практика доказывает, что помещики будут действовать не в своих интересах, а учтут местные нужды. Главную опасность Головин видел как раз во всеобщей волости. Он определял ее как волостной парламент, где будет заседать интеллигенция, а народ останется ни с чем¹⁴⁹.

Разъяснения Головина, что народ не признает разделения власти и воспринимает ее лишь как твердое единоначалие, а не коллегиальность, весьма близки тем, что давал царю К.П.Победоносцев по поводу проекта Пазухина - Толстого. Не сомневавшийся в том, что «крестьянское общечитие настоятельно требует власти и порядка», которых ему не в состоянии дать самоуправление, обер-прокурор Св.Синода убежден, что «власть сельского старосты, волостного старшины осталась на бумаге оттого, что она бесформенная, выборная и лишенная авторитета, не связанная с источником авторитета в государстве». По его мнению «власть для того, чтобы быть властью в государстве, действительно должна носить на себе печать государства и иметь опору вне среды местной общечтвенности и выше ее». Выборное начало, вообще ненавистное идеологу консерватизма, он считал для крестьянского мира особенно противо-

показанным. «Сельская власть, завися исключительно от выбора, большей частью беспорядочного, случайного или прямо развратного, чувствует около себя лишь гнетущую силу той же беспорядочной среды, которая ее выбрала...»¹⁵⁰ Разногласия по проблемам местного самоуправления Победоносцев назвал теоретическими, а не практическими.

Однако у консерваторов были разногласия не только с либеральной бюрократией. В консервативной среде обнаружили свои расхождения во взглядах на местное управление, отчетливо проявившиеся при обсуждении проекта его преобразования в общем собрании Государственного совета. Проект закона о земских начальниках, которым подчинялось бы крестьянское самоуправление, у ряда консерваторов вызвал опасения роста недовольства в деревне, обострения положения в ней.

В одном ряду с выступившими против него либеральными администраторами (барон А.П.Николаи, А.А.Абаза, Д.М.Сольский, М.С.Каханов, Н.Х.Бунге, Н.И.Стояновский и др.) оказались великие князья Михаил Николаевич, Владимир Александрович, Алексей Александрович, М.Х.Рейтерн, П.А.Валуев, И.А.Вышнеградский, П.С.Ванновский, Н.А.Новосельский, А.Е.Тимашев, Н.В.Исаков, граф И.И.Воронцов-Дашков и другие консерваторы. Воронцов-Дашков представил свой проект преобразования местного управления. Соглашаясь с основами плана Пазухина, - с его словным принципом, ограничением выборного начала, подчинением крестьянских органов самоуправления государственной власти, - он выступил против соединения в лице уездных начальников административных и судебных функций. В его проекте судебная власть оставалась независимой от административной¹⁵¹. Александр III не без воздействия Победоносцева, Толстого и Каткова присоединился к меньшинству (13 против 39).

Закон о земских начальниках 1889 г. был обоснован консерваторами и отвечал их стремлениям, воссоздавая некий эквивалент вотчинной власти помещиков в деревне. Создавая условия для престижной службы дворян, он способствовал возрождению их привилегий. Призванный укрепить существующий порядок, он содействовал консервации старых, отживающих его основ. Но, забегая вперед, стоит сказать, что ни «охраны», ни «развития народного благосостояния», как обещали консерваторы, он не принес. Подтвердив опасения либеральных администраторов и разумной части консервативной группировки, закон 1889 г. способствовал усилению социальной напряженности в деревне.

Еще более серьезные трудности в продвижении ожидали проект земской контрреформы, подготовленный Д.А.Толстым и А.Д.Пазухиным. Он по сути пересматривал основы местного самоуправления: планировались ликвидация выборности земских органов, введение сословного принципа при их формировании и полное подчинение их администрации. Доказывая, что независимость земств, выборное начало не согласуются с принципами монархии, охранители особое внимание обращали на восприятие либеральной журналистикой земства как «подготовительной школы гражданственности». «Сокрушить земства» как «последнюю станцию до конституции» призывал «Гражданин». В статье Н.П.Семенова «Наши рефор-

мы», обратившей на себя внимание в «верхах», тотальной критике подверглись все преобразования 60-х годов, но автор подчеркивает особую значимость перестройки местного самоуправления. «Самое главное - устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к высшему центральному правительству земство и местное управление, ибо через их посредство верховная власть может войти в более тесную связь с народом»¹⁵². Та же мысль - в статьях К.Ф.Головина и Н.А.Новосельского (как и Н.П.Семенов, принадлежавших в высшей бюрократии). Здесь утверждался вред выборности, бессловности, но главное внимание уделялось проблеме соотношения местного самоуправления и власти. Критикуя «обособленность» земства от государственных учреждений, авторы говорили о необходимости ввести земские органы в общую систему¹⁵³.

Опираясь на консервативную публицистику, обер-прокурор Синода писал в 1886 г. царю как бы от лица общественного мнения: «Необходимо изменить нынешний характер земских учреждений, безответственных, отрешенных от центральной администрации и предоставленных всем случайностям выбора»¹⁵⁴. Катков до конца своей деятельности высказывал уверенность, что «для очищения дум и земств ничего иного придумать нельзя, как изменения не каких-либо второстепенных условий, а именно основных законов их организации»¹⁵⁵. В отличие от Победоносцева, он был противником постепенности в перестройке земского дела, паллиативных мер по отношению к нему.

Либеральные издания - «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости» - отстаивали земскую реформу перед лицом охранителей более последовательно, чем демократическая печать. В народнических журналах - до конца 80-х годов - к земству как учреждению, «дарованному» свыше, отношение было несколько скептическое. С аргументированными статьями в защиту земского самоуправления выступили А.Д.Градковский, В.А.Гольцев, В.Ю.Скалон. Скалон, сотрудничавший весьма плодотворно в «Русских ведомостях», много писал и в недолговечном органе «Земство». Собранные в отдельном издании его выступления по земскому вопросу Катков считал наиболее яркими и типичными для либеральной позиции - он посвятил брошюре Скалона «Земские взгляды на реформу местного управления» (М., 1884) ряд передовых¹⁵⁶, попутно касаясь его мнения о самоуправлении - земском и крестьянском, - выраженном в других трудах¹⁵⁷.

Критически относясь к состоянию земства, Скалон видел одну из причин неустройства земского дела в его зависимости от администрации и неоправданных ограничениях. Не столько расширение, сколько соблюдение прав местного самоуправления могло бы, по его мнению, способствовать более твердой и правильной земской деятельности. Скалон признавал, как и другие сторонники земского самоуправления, законным и уместным государственный контроль над местным самоуправлением, но при уважении властью самостоятельности земских органов.

Полемизируя со Скалоном, Катков, согласный с его критикой земской деятельности, замечал, что «виды на лечение земства» у него иные, чем у либералов. О расширении прав земских учреждений, по его словам, не мо-

жет быть и речи: «зло происходит от того, что правительство слишком сильно устранило себя от самых властных функций... в городских, земских и судебных учреждениях»¹⁵⁸. Яростно обличая «самоотречение» правительства от своих прямых обязанностей, идеолог самодержавия требует «коренного изменения системы местного управления». Все, что называется властью, - пусть даже самого местного значения - «все обязательно должно принадлежать правительству и только правительству», - повторяет он.

Катков, однако, далеко не все отвергал в либеральной концепции самоуправления. Он взял на вооружение «государственную теорию» местного самоуправления, завоевавшую определенный авторитет в либеральной среде. Наиболее серьезное обоснование она получила в трудах А.Д.Градковского и Н.М.Коркунова - видных либеральных правоведов. «Государственная теория» отрицала принципиальную разницу между деятельностью государства и местных органов самоуправления: они одной природы. Государство, передавая некоторые собственные задачи местному населению, обязано предоставить им права и создать условия действовать как органам власти. Земские учреждения должны получать возможность осуществлять «акт власти», только тогда они станут опорой правительства. Исходя из однотипной природы земства и государства, либеральная мысль требовала для местного самоуправления властных полномочий¹⁵⁹.

Лидер консерватизма, признав самоуправление властью - пусть и местного значения, делал вывод о необходимости ввести земские учреждения в общую государственную систему как ее неотъемлемую часть. Договор о «властных полномочиях» для земства, - главное положение «государственной теории», - при этом он отбрасывал.

Среди консерваторов «государственной теории» органов самоуправления придерживался В.П.Безобразов, на страницах «Русского вестника» развивший некоторые ее положения. В своих статьях он особенно ссылался на Р.Гнейста, не скрывая, что во многом следует за ним в понимании соотношения общественного и государственного управления. Для Безобразова они «двойные органы одного и того же организма, различные формы одной и той же власти». Самоуправление, противостоящее бюрократическому управлению, в соединении с ним создает равновесие государственных органов¹⁶⁰.

По-видимому, в Кахановской комиссии оказалось немало сторонников государственной природы самоуправления. В докладе царю Д.А.Толстой особо выделил убеждение комиссии, что земские установления «должны быть признаваемы за такие, кои наравне с правительственными обязаны исполнять в указанных законом пределах возложенные на них высочайшей властью дела по различным отраслям управления»¹⁶¹.

Мысль о слиянии земских органов с государственными, воплощенная в проекте Пазухина - Толстого, не нашла поддержки не только у либеральных администраторов.

Победоносцев, одобрив сословный принцип, положенный в основу проекта, как и ограничение выборного начала и числа избираемых глас-

ных («чем теснее круг избираемых, тем благонадежнее выборы»), не согласился с поглощением земских органов государственной системой. Сведение на нет в проекте самостоятельности земских собраний, замена земских управ (исполнительных органов земства) земскими присутствиями, не избравшимися, а назначавшимися властью, - все это встретило неприятие обер-прокурора Синода, как и ряда консерваторов, снова оказавшихся в одном стане с либеральной бюрократией. Внесенный в 1888 г. Толстым проект земской контрреформы подвергся серьезной критике. Признавая необходимость государственного контроля над органами самоуправления, государственного вмешательства в их деятельность, Победоносцев посчитал нецелесообразным их полное подчинение власти. «Я не вижу ни прямой надобности, ни пользы изменять коренные начала постановки земских учреждений, вводя их в общую организацию учреждений прямо правительственных с характером служебно-чиновничьим и бюрократическим». Победоносцев, по его словам, не ожидал пользы от «превращения управ в земские присутствия, коим придается по проекту несомненно бюрократический характер». Настаивая на известной *«доле свободы»* для земства, он доказывал, что опасаться ее при контроле государства нечего¹⁶².

Критиковал проект и М.Н.Островский - за ущемление принципа выборности. В отличие от представителей либеральной администрации, консерваторы, хотя и делали серьезные замечания по проекту, в целом готовы были его поддержать - с учетом отдельных поправок. Исправленный проект был внесен в Государственный совет в 1890 г. И.Н.Дурново (Д.А.Толстого в 1889 г. не стало), и он снова встретил сопротивление большинства. Замысел «уничтожить теперешнее значение земских учреждений, их самостоятельность, выборное начало»¹⁶³ оставался неприемлемым и для таких консерваторов, как К.П.Победоносцев, А.А.Половцев, М.Н.Островский, П.А.Валуев. А вот И.И.Воронцов-Дашков, активно выступивший против закона о земских начальниках, поддержал проект земской контрреформы.

«Положение о земских учреждениях» (1890 г.) значительно отличалось от первоначального плана контрреформы. Проект Толстого - Пазухина, приверженцем которого был Катков, так и не прошел. Правительство вынуждено было учесть общественные настроения, поддержку обществом земской деятельности, защиту самоуправления в печати. Немалую роль сыграло здесь и отсутствие единства в рядах консерваторов, часть которых снова сомкнулась с либеральной бюрократией.

В 90-е годы натиск на земское самоуправление консервативной печати несколько ослабеваает. Консерваторы, казалось, были удовлетворены Земским положением 1890 г. - охранительная печать приветствовала новый закон как положивший конец «разобращению земской и государственной власти» в заведовании местными делами. «Русский вестник» и «Московские ведомости» отмечали, что усиление правительственного контроля сможет положить конец «безответственности земства»¹⁶⁴. Однако, имея в виду представления покойного редактора этих изданий о том,

какой быть контрреформе, можно сказать, что Катков отнес бы «Земское положение» к паллиативным мерам, которые не одобрял.

Новый закон не внес коренных изменений в деятельность земства, не изменил его характера, хотя и усилил правительственный контроль над самоуправлением. Несмотря на «поправки» к реформе 1864 г., земство не стало дворянским, как задумывали консерваторы. Хотя процент дворян в земстве достаточно вырос, в самом дворянстве уже усиливались тенденции к всесословности¹⁶⁵. Действительность по-своему противостояла планам охранителей.

8. НОВЫЙ СУД ПЕРЕД СУДОМ КОНСЕРВАТОРОВ

Инициатором подготовки судебной контрреформы в верхах стал К.П. Победоносцев. Бывший профессор, он не переставал трудиться в области правоустройства. Наступление на новые суды возглавили издания Каткова и Мещерского при активной поддержке «Нового времени» и «С.-Петербургских ведомостей».

Выступая в годы правления Александра II с критикой ошибок и изъянов нового судопроизводства, идеолог консерватизма уже обращал внимание на несовместимость «судебной республики» с общегосударственными основами. Однако в ту пору Катков предпочитал нападки на отдельные принципы новой судебной системы, не поставив еще вопрос о необходимости ее изменения в целом. В 80-е годы у него оказались мощные единомышленники в высших сферах во главе с Александром III, ненавидевшим судебную реформу 1864 г. Вспоминая о единстве позиций обер-прокурора Святейшего Синода и издателя «Московских ведомостей», Е.М. Феоктистов писал: «Если Катков, справедливо или нет, запальчиво порицал наши судебные учреждения, то и Победоносцев нисколько не уступал ему в этом отношении; не раз приходилось мне слышать от него, что с тех пор, как возникли они у нас, никогда его нога не переступала порога судейского здания, - так было противно ему все то, что там происходит. Он зачитывался статьями "Московских ведомостей", направленными против наших судов, и аккуратно посылал их государю»¹⁶⁶.

По свидетельству Феоктистова, и Д.А. Толстой «относился с негодованием к недостаткам нашего судебного устройства».

В первые же месяцы нового царствования Победоносцев направляет Александру III записку с резкой критикой судопроизводства (автор ее - крайний консерватор - остался неизвестен). Солидаризируясь с этой критикой, обер-прокурор Св.Синода выделяет мысль о том, что «бесконтрольная, обособленная юстиция не совместима с самодержавием». Тезис о недопустимости независимого суда - в центре сопроводительного письма Победоносцева. «Нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России», - возмущается он, доказывая, что везде, где признается несменяемость судей, они не бесконтрольны, и есть на них управа. Суд, наставляет Победоносцев Александра III, «должен служить необходимым и

крепким орудием государственной власти для охранения закона, для поддержания основных начал управления и порядка»¹⁶⁷.

О том, что суд должен стать послушным орудием самодержавия, толкует и В.П.Мещерский, так же оспаривающий правомерность независимости суда. «Правительство, давая суд присяжных, поставляя несменяемость судей, неприкосновенность приговоров и, наконец, установив гласность, - отдает все свои исторические святыи, крепкие и здоровые прерогативы царской власти в распоряжение расстроеного, разнuzданного и само в себе разделившегося общества»¹⁶⁸.

В 1882 г., в связи с подготовкой проекта изменений в правилах по составлению списков присяжных заседателей, «Московские ведомости» высказались за изменение и существующего судопроизводства в целом, заявив, что в нем, как и в других преобразованиях, «далеко не оправдались предположения закона о самодеятельности общества»¹⁶⁹. Говоря о необходимости строжайшего контроля за составлением списка присяжных, Катков высказывает неудовлетворенность самим институтом присяжных заседателей, «принятым под покровительство нашей "либеральной" печатью»¹⁷⁰.

Одновременно с Победоносцевым он ставит вопрос о вреде несменяемости судей - гарантии их независимости, заявляя, что «нет ничего фальшивее и грубее ходячего у нас понятия о независимости судей». В противовес либеральному мнению, что с «подчинением суда администрации претерпевает ущерб нравственное достоинство и суда, и администрации»¹⁷¹, выдвигается тезис, что «чем зависимее суд от государственной власти, которой он служит, тем он в истинном смысле свободнее и вернее себе»¹⁷².

Катков подчеркивает вредоносность независимости суда для «правительства в высшем значении этого слова». Оно, «не изменяя себе, не отрекаясь от самого себя, не может спокойно оставлять управляемый им народ на произвол и безответственное распоряжение корпораций, самовольно возникших или государством уже созданных, но действующих самоуправно и бесконтрольно, и не чувствуя никакой зависимости от высшей государственной власти, которой должно строго подчиняться все...что имеет значение и силу власти»¹⁷³.

«Русские ведомости» напоминали, как горячо Катков защищал новый суд в 60-е годы, укоряя его в измене прежним убеждениям. «Не мы изменились, - возражал Катков, - изменилось их (судов. - В.Т.) положение в народной жизни, их характер»¹⁷⁴.

В 1884 г., в юбилейный для судебных уставов год, атака на них консерваторов становится столь всесторонней и дружной, что наводит на мысль о продуманном и подготовленном сговоре. В отличие от либералов и демократов, консерваторы, как показывает опыт, умели сплотиться и организоваться как перед лицом опасности, так и вокруг важного для них дела. Симптоматично, что в январе 1884 г. Катков получил письмо А.А.Киреева с призывом «усугубить усилия» в разоблачении «безобразной системы суда, развращающей наше общество». Предвидя сопротив-

ление «разных либералов от Градовского до Кавелина», генерал выражал уверенность, что Катков будет «решительно и сильно отстаивать дело правительства»¹⁷⁵. Имея в виду обширные, серьезные связи консервативного генерала в высших сферах, можно полагать, что письмо носило не только личный характер.

Не дожидаясь юбилейной даты (судебные уставы вышли 20 ноября 1864 г.) и не упоминая о ней, с января 1884 г. одна за другой стали появляться в охранительных изданиях резко критические статьи о суде с предложением принципиальных изменений в судопроизводстве.

Запев принадлежал «Гражданину». В передовой его № 1 за 1884 г. Мещерский призвал к «самым решительным и энергичным мерам» в отношении действующего суда, с тем чтобы «немедленно противодействовать вредному и растлевающему влиянию его на народ». «Гражданин» требовал:

1. «Немедленно прекратить на время суд присяжных, поручив обязанность суда исключительно коронным судьям».
2. «Отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства».
3. «На время отменить вовсе гласность судопроизводства».
4. «Приступить одновременно к пересмотру судебных уставов».

Это по сути был «костяк» судебной контрреформы. Каждая из предложенных «Гражданином» мер уже неоднократно обсуждалась в консервативной печати, но впервые все они предстали в своей совокупности, обозначив главные направления задуманной контрреформы, ее задачи. Уже в следующем выпуске своего журнала-газеты Мещерский, не без гордости упомянув, что «первый дерзнул сказать о суде правду», сообщал, что ответом было «молчание, дышащее ненавистью», анонимные письма с угрозами редактору¹⁷⁶. Однако без поддержки он не остался: «Московские ведомости» предлагали те же меры, что и «Гражданин», но с еще большим напором и агрессивностью. Называя существующую судебную доктрину «самой чудовишной из аномалий», Катков требовал согласовать ее с самодержавием. Отступив от прежней тактики попеременных нападков на отдельные принципы судопроизводства, он предпринимает развернутое наступление на судебную систему в целом, доказывая, что вместе с чужеродными строю империи судебными установлениями «воцарилась у нас чужая система воззрения», породившая «ни с чем несообразное представление об ограничении верховной власти самодержавия его слугами»¹⁷⁷. Судебная тема становится одной из ведущих в передовых 1884 г. и в статьях и корреспонденциях «Московских ведомостей». Все сколько-нибудь заметные судебные процессы 80-х годов использовались для доказательства вреда суда присяжных, опасности независимости гласности и состязательности суда.

В 1884 г. в «Русском вестнике» начинают печататься статьи В.Я.Фукса (брата сенатора Э.Я.Фукса), который развивает мысли, высказанные в передовицах Каткова Э. Фукс считает ненормальным признание суда функцией власти общественной, полагая аксиомой, что «судебная власть есть

непосредственный атрибут верховной власти». Он убежден, что старый суд надо было не ломать, заменяя новым, а совершенствовать, внося нужные поправки, устраняя недостатки. Требуя отменить независимость судей, гласность и состязательность судебного процесса, автор предлагает заменить суд присяжных коренным судом. Суд государственных чиновников предусматривалось дополнить заседателями, избранными по сословному принципу и имущественному цензу¹⁷⁸.

В одном ряду с изданиями Каткова и Мещерского выступили и «С-Петербургские ведомости». В статье, направленной против И.С.Аксакова, защищавшего в «Руси» судебную реформу 1864 г., развивалась та же программа коренных перемен в судопроизводстве¹⁷⁹. Слухи о Победоносцеве как ее авторе заставили председателя Московской судебной палаты А.Н.Шахова обратиться к обер-прокурору Св.Синода с запросом об этом. Причастность Константина Петровича к подготовке судебной реформы 1864 г., к обоснованию ее необходимости (в «Русском вестнике» Каткова) была достаточно известна судебным деятелям. Замечая, что «судейские» признают «положительно невозможным» авторство Победоносцева в «С-Петербургских ведомостях», Шахов восклицал: «Довольно с нас и одного Каткова, который так усердно изощряется и издевается над нынешними судами огульно!». Ответив, что «в целом своем виде» статья его перу не принадлежит, Победоносцев признал, что ее план и основные мысли были подсказаны редактору «С-Петербургских ведомостей» В.Г.Авсеенко именно им, вполне солидарным с Катковым в критике судебных учреждений, которая служит выражением «всеми ощущаемого недовольства»¹⁸⁰.

В 1885 г. Победоносцев выступает с обширной программной запиской-докладом, доказывающей необходимость судебной контрреформы и намечающей ее план. Исходя из несоответствия нынешних судов с потребностями народа и «общим строем государственных учреждений в России», он полагает необходимым исправление их недостатков, но не сразу, а постепенно, «по плану заранее обдуманному». Первоочередным мыслится введение судебных органов «в общий строй государственных учреждений». «В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти». Как первоочередная задача выдвигается также ликвидация несменяемости судей, гласности (публичности) судопроизводства, состязательности в нем и суда присяжных¹⁸¹.

Программа не только идейно близка катковской, но и использует аргументы и терминологию «Московских ведомостей» (так, новое судопроизводство определено как аномалия). Но, если Катков требовал мер немедленных и решительных («хирургического вмешательства»), то Победоносцев отдавал отчет в том, что контрреформа суда - дело многотрудное и затяжное.

Для идеологов консерватизма был особо ненавистен институт присяжных заседателей. «Суд общественной совести» для них - фактор деморализации общества. Присяжные, избранные из разных сословий на основе имущественного ценза - скопище «случайных» людей, подверженных подкупу и уговору, «суд улицы». Поразительны эти манипуля-

ции консерваторов со словами «народ», «чернь», «улица». Грандиозные процессии, сопровождавшие похороны Достоевского (в 1881 г.) и Тургенева (в 1883 г.) - без единого случая беспорядка - для обер-прокурора Святейшего Синода - толпа, оскорбляющая его чувства. Толпы на улицах Москвы во время коронации для него и Каткова - «народ русский во всем его непосредственном представительстве». Обличая «суд улицы» в лице присяжных, Катков предрекал, что «за отсутствием власти, охраняющей общественную безопасность», «народ» прибегнет к самосуду, к саморасправе, «бессудие» вызовет «суд Линча».

Царю был ближе план судебной контрреформы Победоносцева - он не любил «разрубить узлы». Александр III последовательно ограничивал поле деятельности суда присяжных, постепенно изымая, как советовал Победоносцев, из его ведомств ряд делопроизводств, ущемляя принципы нового суда не разом, а в продуманной очередности. Вызывая серьезное недовольство царя и обер-прокурора Синода, министр юстиции Д.Н.Набоков пытался сопротивляться курсу на изменение судебных уставов, за что и подвергся травле Каткова. Учрежденное законом 1885 г. Высшее дисциплинарное присутствие из сенаторов получило право увольнять и перемещать судей. Однако это право (не без усилий министра) было обставлено такими оговорками, что практически не ущемило (как было задумано) принципа несменяемости судей. В 1887 г. последовали новые указы, также фактически обоснованные консерваторами: ограничивавшие гласность и публичность судопроизводства путем введения закрытых заседаний «там, где это целесообразно». Когда либеральная печать связала это изменение с «домогательствами Каткова», сам он заявил отрицательное отношение к этой мере: «тут не мелкие штопки и починки нужны». «Технические улучшения придут сами по себе, если суд будет поставлен на свое место в общем государственном механизме, если судебное ведомство перестанет держаться как особое самоправное государство со своей волей и политикой», а суд перестанет быть «гангреной, разъедающей тело»¹⁸². И за несколько месяцев до смерти (в 1887 г.) Катков не видел иного способа «отделаться» от нового суда, кроме «хирургического вмешательства».

Скорее всего, к новым контрмерам против суда, последовавшим в 1889 г. Катков отнесся бы столь же негативно - как и к паллиативам. Они предусматривали повышение имущественного и образовательного ценза присяжных заседателей, а также изъятия из их ведомства значительной категории дел. Эти изменения в судопроизводстве, по сути, были введены волею самодержца - большинство в Государственном совете их не одобрило. Царь присоединялся к меньшинству, возглавляемому Победоносцевым. Вокруг него группировались великий князь Владимир Александрович, М.Н.Островский, И.Н.Дурново, И.А.Вышнеградский.

Назначенный министром юстиции в 1894 г. Н.В.Муравьев - сотрудник катковских изданий, бывший преподаватель лицея Каткова, главный обвинитель на политических процессах - вполне устраивал крайних консерваторов. Ему предстояло довести до конца контрреформу судопроизводства.

Задавшись целью согласовать судебные установления с государственным строем, Муравьев как первоочередные меры на пути к этому предусматривал ликвидацию несменяемости судей (т.е. независимость), а также постепенную замену суда присяжных коронным судом. В комиссию по пересмотру судебных уставов вошли В.К.Плеве, И.Л.Горемыкин, Н.П.Долгово-Сабуров, сенаторы С.И.Лукьянов, Н.П.Шрейбер, А.Ф.Кони, Н.С.Таганцев. Довольно пестрая по составу комиссия жестко управлялась Муравьевым, не допуская к обсуждению особо острых и спорных вопросов¹⁸³. Однако после смерти Александра III обстановка в стране стала быстро меняться - контрреформу суда пришлось отложить. То, что не удалось российским реакционерам, завершила революция. Просуществовавший до 1917 г., суд присяжных был уничтожен пришедшими к власти большевиками. Ликвидированы были и другие принципы уставов 1864 г.

Критика земских и судебных учреждений «справа» - консерваторами, как ни парадоксально, имела свои точки соприкосновения с той, что раздавалась «слева». Радикальные народнические публицисты по-своему нигилистически относились к реформам 60-х годов за их непоследовательность и незавершенность, так же как и крайние консерваторы не верили в «паллиативы», требуя коренных (революционных) преобразований. Народническая печать, по сути, также выступала за сословность земства, настаивая на преобладании в нем крестьянства.

Ненависть консерваторов к земским и судебным учреждениям на первый взгляд может показаться неоправданной. Современники не могли не признать, что вместе с земством в самые глухие углы России пришли учителя, врачи, агрономы, стали появляться школы и больницы, на которые у правительства всегда не хватало средств. Земство мобильнее, чем администрация, приходило на помощь местному населению в голодные, неурожайные годы и во время эпидемий.

Критикуя новые судебные уставы, консерваторы как будто забывали о старом дореформенном суде, служившем в свое время постоянной мишенью для критики. Волокита, мздоимство судей, неоправданность судилища - от этого страдали в той или иной мере все подданные империи. Новый суд по сравнению со старым судопроизводством - громоздким, неповоротливым, запутанным, - отличался мобильностью и простотой. Суд присяжных в глазах самого общества служил своего рода гарантией от судебных ошибок: общественные представители при вынесении приговоров руководствовались здравым смыслом, жизненным опытом и совестью. «Зародыш новой России» видел в суде присяжных Ф.И.Тютчев - поэт и мыслитель. «Трибуна наших правых судов - решительная нравственная школа нашего общества и народа» - полагал Ф.М.Достоевский¹⁸⁴. Но «охранителей» пугали далеко идущие последствия реформ местного самоуправления и суда, влияние на общество возникших в ходе преобразований демократических институтов. Общественные представители, допущенные к решению своих - пусть только местных и хозяйственных - нужд, к участию в правосудии, приучались к самоуправлению, получа-

ли первые навыки гражданского воспитания. Теми, кто мечтал о консервации самодержавного строя, это осознавалось как прямая угроза ему.

9. РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ревизия реформ 60-х годов, предпринятая властью, ее сословная политика не могли обеспечить сколько-нибудь широкую общественную поддержку. Сознывая, что усилить самодержавие становится все труднее¹⁸⁵, консерваторы ищут новых средств ее идейной защиты: скудость старых в обстановке роста влияния либерализма и народнической демократии становится очевидной. Объяснить целесообразность изжившей себя формы правления давней исторической традицией, самобытностью «русского пути», обращением к отрицательному опыту европейских государств оказывалось уже недостаточным. Для обоснования абсолютизма в пореформенной России требовалось нечто иррациональное. Провиденциализм в консервативной идеологии 80-х годов получил явное преобладание. Идея Божественного происхождения русского самодержавия, Божественного промысла как основы его политики, идея царя - помазанника Божьего противопоставляется всем планам преобразования неограниченной монархии как еретическим, кощунственным, святотатственным. «Русскому царю дано особое отличие от других властителей мира. Он не только государь своей страны, и вожьд своего народа. Он Богом поставленный блюстителем и охранителем православной церкви. Русский царь не только наследник своих предков, он - преемник кесарей»¹⁸⁶. Н.А.Любимов (профессор физики, специалист по электродинамике) определял цель государственной деятельности как «исполнение заветов истории и путей Провидения»¹⁸⁷. Ссылки на Провидение, на Божественный промысел, на Божью волю и милость Божью - неотъемлемый компонент консервативной публицистики эпохи Александра III, своеобразное отражение тяги к опоре, которая казалась едва ли не единственно твердой.

Консервативные издания этих лет, как правило, имели специальный отдел для обзора церковной печати. В «Русском обозрении», кроме постоянных обзоров духовной литературы, давалась и обширная хроника духовной жизни. Статьи на религиозные сюжеты, более уместные в богословских изданиях, занимают огромное место и в «Гражданине», и в «Русском вестнике». Консервативная пресса как бы сливалась с церковной, составляя единое целое, тем более что в церковных изданиях политическая тематика все чаще преобладала над религиозной. Обер-прокурор Святейшего Синода, стремившийся свести на нет либеральную и демократическую журналистику, способствовал самому широкому распространению церковной печати, в которой консерваторы видели заслон от влияния неофициальной мысли, «рационализма и неверия». «Церковные ведомости» (орган Святейшего Синода), «Православный благовестник», «Русский паломник» и «Кормчий» - журналы семейного чтения, «Вера и разум» (Харьков), «Вера и церковь» (Москва), «Православный собеседник» (Казань) - эти и другие издания охотно предоставляли страницы

консерваторам, выступавшим на темы текущей политики. Да и самих священнослужителей и богословов, казалось, больше, чем проблемы бессмертия души и царства Божьего, занимало это текущее. Их статьи и проповеди часто напоминали передовые статьи консервативных органов: здесь не о заповедях Христа шла речь - звали к борьбе с «духовными врагами человечества» - «гегелистами, реалистами, социалистами», уповая при этом на «твердую власть»¹⁸⁸.

Религиозные философы и богословы (Г.П.Смирнов-Платонов, А.А.Иванцов-Платонов, П.Е.Астафьев, Н.П.Гиляров-Платонов) часто выступали в светской литературе охранительного направления. Гиляров-Платонов издавал «Современные известия» - общественно-политическую газету, где и сам писал на религиозные темы. Из среды религиозных мыслителей 80-90-х годов не вышло ни одного «властителя дум» или «нравственного учителя», который имел бы серьезный авторитет. Жалобы на равнодушие общества, прекращение церковных изданий, так и не сумевших обрести своего читателя, - постоянная тема обзоров церковной прессы в консервативных газетах и журналах.

Л.А.Тихомиров не был объективен, когда, не считаясь с этими фактами, заявлял о росте религиозного чувства в обществе и усилении роли религии. Сам он в полемике по религиозным вопросам вынужден был ссылаться на Филарета за неимением опоры в современных авторитетах по вопросам церкви. Цитируя проповеди Филарета о «непризнанных учителях веры» и вреде «самочинных» религиозных движений (перепечатанные «Церковным вестником» в 1892 г.), Тихомиров оспаривает В.С.Соловьева, утверждавшего право каждого на свою веру. Как некую аксиому Тихомиров заявляет, что только православная церковь обладает истиной, а пастыри лишь возвещают ее. И ни один из них не может претендовать на роль учителя собственных верований¹⁸⁹. Отстаивая монополию православия на истину, консерваторы утверждали в религии тот же принцип единоверия, что в области идеологии - единомыслия.

Лейтмотив статей Тихомирова на религиозно-нравственные темы - мысль, что только подчинение церкви создает возможность человеку думать о действительном общественном устройении, а не творить утопию.

Подобными размышлениями об общественном порядке, исходя из религиозных догматов, делился и в религиозно-философских трудах П.Е.Астафьев, выступавший в «Московских ведомостях». Заведующий отделением Катковского лицея, (где ведал этикой и психологией), он одновременно служил в Московском цензурном комитете, а с 1890 г. стал приват-доцентом Московского университета на историко-филологическом факультете. Имя его ныне почти забыто, но в консервативной среде 80-х годов он числился незаурядным мыслителем. Астафьев доказывал иллюзорность стремления в земной жизни к равенству и воплощению «либеральных идеалов». Но и всякое стремление к общественному благу он осуждает как отвлекающее от истинных задач прогресса, состоящего в религиозном самосовершенствовании. Отмечая в народе равнодушие к задачам социального преобразования, он резко осуждает Л.Толстого за

увлечение ими. По убеждению Астафьева, «мирноблагополучная», сытая жизнь несовместима с христианскими идеалами и грозит одичанием¹⁹⁰.

Вопрос о церкви охранительная публицистика провозгласила «главным для образованного общества». «Поистине, мир самых возвышенных явлений искусства и науки не может сравниться с действием церковной службы, - делился своими наблюдениями В.П.Мещерский. - Кто хочет видеть подлинное собрание русских людей в Петербурге, пусть идет в церковь и там любуется народом» - «здесь русский дух, здесь Русью пахнет»¹⁹¹.

Определив церковь главной опорой государства, консерваторы постарались дать обоснование их взаимоотношениям в условиях самодержавной монархии. Противник - как и большинство консерваторов - отделения церкви от государства, К.П.Победоносцев рассуждает о необходимости их равноправия при размежевании функций. Обер-прокурор Синода предупреждает об опасности - и для церкви, и для государства - положения, когда церковь становится «учреждением, удовлетворяющим одной из признанных государством потребностей населения - потребности религиозной - и новейшее государство обращается к ней с правом своей авторизации, своего надзора и контроля, не заботясь о веровании». Но и при отделении церкви от государства, доказывает Победоносцев, церковь «непрерывно оказывается подчиненным на деле учреждением государству». А государство, «отрешенное от церкви, становится бездуховным, равнодушным к верованию». Однако в том соединении церкви и государства, которое Константин Петрович считал единственно верным, он - вольно или невольно - отводит ведущую роль государству, явно нарушая декларируемое «равновесие» этих сил. Так, обер-прокурор Святейшего Синода считает целесообразным право власти назначать церковных служителей и содержать их («поставлять пастырей»). Отказ от этого возможен лишь в далеком будущем. Государство, следуя логике Победоносцева, оказывается над церковью, получая преобладание в их соединении¹⁹².

В годы, когда Победоносцев занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода (1880-1904), церковь окончательно поглощается государственной системой, становится ее частью. Авторитарность, регламентация и контроль светской власти пронизывают церковную организацию. Церковь подчиняется интересам монархии, обслуживает ее, всемерно политизируется, утрачивая при этом роль нравственной руководительницы. Достоевский уподоблял состояние православной церкви на рубеже 70-80-х годов «параличу», в 80-е годы она так и не смогла прийти к оздоровлению. Примат государственной идеи в решении проблемы соотношения церкви и государства в идеологии консерватизма очевиден. Один из наиболее приверженных православию лидеров консерватизма - Победоносцев, по сути, не верил в действенность религии без поддержки «твердой власти» и ее «верховенства»¹⁹³. Отказ от признания этого верховенства государства Победоносцев оценивал как заблуждение. Как «безумную статью безумного Соловьева» он определил выступление этого либерального консерватора, где тот отстаивал независимость церкви. Запретив ее в С.-Петербурге, обер-прокурор был возмущен, что Соловьев

«прокрался» с нею в «Русь». Независимую церковь Победоносцев охарактеризовал как висящую в воздухе - «без почвы, без ограды, без органической связи с государством». В концепции независимости церкви он находил близость к школе Руссо с ее «верой в неповрежденность природы человеческой» и «фантастическим идеалом свободы»¹⁹⁴.

С годами, при неизменной позиции ортодоксов, консервативная мысль все больше разветвлялась, обретая новые оценки и в подходе к религии. В.В.Розанов, философствуя о трех основных принципах человеческой деятельности - праве, нравственности и политике, хотя и подчеркивает их неразделимость, решающее значение оставляет за нравственностью, которая не мыслится без религии. Отсюда - его определение государства «как пристройки к церкви»¹⁹⁵. И Победоносцев, и Александр III вряд ли согласились бы с подобной метафорой.

Обоснование роли религии как орудия государственной политики требовало унификации веры, что в многонациональной империи вело к ужесточению религиозно-национального гнета. «Смешение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства», - вспоминал о «политически-умственных трафаретах царствования Александра III» князь С.М.Волконский. «Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность»¹⁹⁶.

Консерваторы 80-х годов утилизировали «русскую идею», выдвинутую еще «почвенничеством», по-своему трансформировав ее. Для «почвенников» 60-х годов «русская идея» должна была стать своеобразным синтезом славянофильства и западничества при отказе от крайностей этих течений. Православие и самодержавие трактовались как устои, живущие в органической цельности бытия - «почве». Политика, чтобы быть реальной, должна стать неразрывной и с «почвой» и с вековыми национальными устремлениями. «Русская идея» у идеолога почвенничества - Достоевского - идея всеединства русской нации, способной к усвоению опыта и других народов, к «всемирной отзывчивости».

Охранители отождествляли национальный и религиозный принципы, придавая им политический смысл. Консервативная «русская идея» основывалась на признании, что «Россия может иметь одну государственную национальность», но понятие национальности - не этнографический, а скорее политический термин¹⁹⁷. Призыв сойтись на «действительной, то есть на русской почве», имел в виду объединение под знаменем православия и самодержавия. Понятие «русскости» и в консервативной публицистике, и в переписке консерваторов служит прежде всего политической характеристикой. Победоносцев с удовлетворением пересылает Александру III записку неизвестного приверженца «русской идеи» в ее консервативном смысле, где утверждается, что Лорис-Меликов не понимает России и русского народа. При этом имелась в виду не национальность министра - армянина, а его посягательство на изменения в русской государственности, тяготение к либеральным мерам¹⁹⁸.

С этих же позиций А.А.Киреев (адъютант великого князя Константина Николаевича) отказывал в праве быть русским Н.Г.Чернышевскому, Н.А.Добролюбову, Н.А.Некрасову, Г.И.Успенскому и всем другим «сродным им по направлению разным мнимым печальникам о народе»¹⁹⁹. Боевым девизом «Московских ведомостей» и «Гражданина» становится лозунг «Россия для русских», подхваченный другими охранительными изданиями. Огромное место они начинают уделять религиозно-национальной проблематике, будучи буквально заполнены материалами о положении дел на национальных окраинах империи. Сосредоточив внимание на Польше и Остзейском крае, «Гражданин» требует принятия решительных мер против католических священников, вытесняющих православное духовенство, жалуется на тяготы для русского населения и доказывает, что православная церковь здесь должна обрести более широкие права и «монопольные функции». При поддержке консервативной прессы политика в национально-религиозной области, отличавшаяся при Александре II определенной терпимостью, становится прямолинейной и жесткой. В империи ущемляются права «инородцев» - на образование, при поступлении на государственную службу, в хозяйственной деятельности. Проводятся русификация и христианизация насильственным путем, помимо миссионерской деятельности. Сам лозунг «Россия для русских» разжигает национализм, губительный для многонационального государства. «Мултанское дело» (1892-1896), по которому обвинение в жертвоприношении было предъявлено целому народу - удмуртам, используется охранительной печатью для обоснования еще более «энергичных мер» в пользу русификации.

Обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев побуждал к преследованию иноверцев и сектантов - духоборов, пашковцев, штундистов, толстовцев. Гонения на них рассматривались в консервативной прессе как необходимые и закономерные.

В 1889 г. «Московские ведомости» напечатали сокращенный перевод статьи Новиковой «Правда о России», появившейся до этого в одном из лондонских изданий. Она содержала характеристику национально-религиозной политики России, предназначенную для западного читателя. О.А.Новикова - давний сотрудник газеты Каткова - являлась, по определению ее редактора, «делегатом от России» в Англии, где жила постоянно, лишь наездами бывая на родине. Сестра генерала А.А.Киреева, она была связана с высшим светом, состояла в переписке с рядом русских писателей. По свидетельству П.А.Кропоткина, интенсивно сотрудничая с английской прессой, где ее мнение служило отголоском консервативных изданий в России, она оказывала влияние на понимание русских событий в английском обществе²⁰⁰.

«В Англии и Америке, - объясняла Новикова, - где христианская вера расколота на сотни различных сект, не только возможно, но необходимо допустить свободу религиозной конкуренции или пропаганды. Иное дело у нас. Единство церкви составляло во все времена существенную силу России. Всякий раскол представляется нам злом, от коего нужно освободиться... Мы любим величественное здание нашей церкви и вовсе не

расположены заменять его сборным двором разделяющих друг друга сект». Раскол, по выражению консервативной публицистики, - «доблесть нонконформиста». «А мы довольствуемся единой непреложной истиной, основанной на св.Писании и истолкованной семью священными соборами. Церковь - душа России». Сопоставляя религиозных иконоборцев с политическими - нигилистами, «делегат от России» заявляла: «Мы оставляем всех и каждого в своей вере, свободно исповедовать свою веру, но не можем допустить попыток к совращению из православия. Руки прочь - таков наш девиз в деле веры, равно как и в балканской политике... То, что называют преследованием, есть дело самозащиты»²⁰¹.

Западное общество, в которое проникли сведения о религиозных преследованиях в империи, Новикова информировала в некотором противоречии с тем, как освещались вопросы веротерпимости в российской консервативной прессе. Ведущий публицист тех же «Московских ведомостей» Л.А.Тихомиров доказывал как раз, что позволять всем и каждому «свободно проповедовать свою веру» - недопустимо. Соглашаясь с тем, что, согласно христианской религии, терпимость - один из основных житейских принципов, в общественной деятельности он признавал терпимость беспринципную. Бывший революционер, работавший под цензурой Победоносцева, действительно являл себя «нонконформистом» в области веры²⁰².

Далеко не все консерваторы солидаризировались с религиозно-национальной политикой самодержавия. Самым ее непримиримым противником оказался К.Н.Леонтьев, выступавший против русификации окраин с ультраконсервативных позиций. Его концепция отразилась уже в заглавии труда, посвященного этой теме, - «Национальная политика как орудие всемирной революции» (М., 1889). Леонтьев и ощущал русификацию как некую враждебную силу разрушительного действия. В его восприятии она не менее чем демократия вела к потере самобытности. Национализм с его русификацией Леонтьев относил к числу антигосударственных идей, доказывая, что он означает по сути нивелировку, утверждение космополитизма, а не сплочение. Вводить на окраинах империи земства и новые суды, чтобы русифицировать национальные районы, сделать их однотипными с центральными - и значило в его понимании демократизировать и революционизировать их. Леонтьев призывал отбросить ложный принцип национализма, охранив тем самым особливость России от других народов²⁰³.

Идеи Леонтьева не нашли поддержки у консерваторов, хотя среди них многие по-своему не одобряли религиозно-национальную политику самодержавия, опасаясь ее крайних проявлений. П.А.Валуев, А.А.Половцев, И.И.Воронцов-Дашков, Н.П.Гиляров-Платонов, К.Ф.Головин критиковали решение национальных проблем за методы и средства, но в целом курс на русификацию у них не вызывал принципиальных возражений. Да и сама критика умеренными консерваторами «перехлестов» в области религии и национального вопроса была отнюдь не публичной, а известной лишь узкому кругу единомышленников. Валуев и Половцев изливали негодование против излишней грубости и прямолинейности в религиозных и национальных делах преимущественно в дневниках. Головин рассказал

о своем критическом отношении к политике правительства в воспоминаниях, Гиляров-Платонов в своих «Современных известиях» выступал лишь против злоупотреблений и издержек в деятельности чиновников и православного духовенства на национальных окраинах. О несогласиях с правительственным курсом других консерваторов также можно узнать только из дневников, писем и мемуарной литературы, но не из их общественных выступлений - таких в консервативной среде не оказалось.

Протест против политики, проводимой в вопросах национальности и веры, раздавался в либеральной и демократической (народнической) журналистике. В середине 90-х годов развернулась полемика, вызванная статьей В.С.Соловьева, проанализировавшего цели и средства решения самодержавием национального и религиозного вопросов и показавшего их противоречие с христианской моралью.

Соловьев представил национально-религиозную политику самодержавия в образе некоего сфинкса - с женским лицом и звериными когтями: на словах власть руководствуется понятиями христианства, на деле - приближается к «тамерлановщине». По убеждению религиозного философа, государство обязано одинаково относиться ко всем подданным - независимо от национальности и веры. Выступая против насилия в области вероисповедания, Соловьев высказывался за религиозную свободу²⁰⁴.

Основным оппонентом этих идей консерваторы выдвинули Л.А.Тихомирова, известного своим авторитетом в религиозной области. В его ответе либеральному «Вестнику Европы» сказались не только мысли, но и любимые выражения обер-прокурора Святейшего Синода. Проповедь свободы веры Тихомиров называет ложью. Призыв к терпимости сначала превращается в призыв к безразличию и неучастию, а затем доказывается его несостоятельность. Государство не может быть равнодушным к вере своих подданных, объясняет он, напротив, политика его здесь должна быть самой активной. «Имеет ли право миссионер искоренять язычество?» - задает казуистический вопрос Тихомиров. Но ведь Соловьев выступает только против насильственной христианизации, а вовсе не миссионерской деятельности. Тихомиров видит в его статье проповедь «чистого либерализма» по отношению к иноплеменным народам. А равноправие в области религии недавний революционер-социалист отождествляет с принципом уравнительности, возмущаясь тем, как можно предоставить одинаковые права народам, игравшим различную роль в создании российской государственности. В этой же статье, - заключает он, - власть самодержавная перестанет быть русской и православной. Став равноправными с русскими, поляки, финны, немцы легче бы организовались против правительства, а русские подданные не поддержали бы его, не ощущая его своим²⁰⁵.

«Русское обозрение», где выступал Тихомиров, было поддержано статьями В.А.Грингмута в «Московских ведомостях» и В.П.Мещерского в «Гражданине». Если «Spectator» отстаивал «верховенство» русской национальной идеи в государственной политике, то «Гражданин» призывал «Русскую партию» сплотиться «перед угрозой для русской народности

со стороны партии польской, финской, жидовской, армянской, малороссийской».

В полемике Соловьева и Тихомирова сконцентрировались в прямом и открытом столкновении взгляды крайних консерваторов и либералов на национальные и религиозные проблемы. Надежды консерваторов на то, что национальная и религиозная общность сплотит страну, раздираемую социальными и политическими противоречиями, не оправдались. Национализм, обоснованный консервативной мыслью как один из ведущих принципов государственной политики, вызывал все новые, неразрешимые для многонациональной империи проблемы.

10. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Охранительная печать первых пореформенных десятилетий отказывалась признать само существование крестьянского вопроса, который она объявила «раз и навсегда» решенным Положением 19 февраля 1861 г.²⁰⁶

Между тем уже в консервативной журналистике первых пореформенных десятилетий появлялись картины народных бедствий не менее впечатляющие, чем в народнической. Заставил говорить здесь о неблагополучии сельского хозяйства и повторявшийся голод деревни - в 1868, 1873 и 1880 гг. Красноречивые свидетельства обеднения и разорения землевладельцев встречались в изданиях М.Н.Каткова и в «Гражданине» В.П.Мещерского. «Отчего обеднение при законоположении 19 февраля?» - размышлял П.А.Валуев спустя полтора десятка лет после реформы - в 1876 г. «Отвечать можно, но еще рано» - закрывал он тему²⁰⁷.

В начале 80-х годов консервативная мысль вплотную и открыто занялась поисками ответа на этот вопрос, что несомненно было связано с пережитым страной общенациональным кризисом. В стремлении обрести стабилизацию было невозможно обойти аграрный вопрос. «Охранительная» пресса, признав его важным, отнюдь не воспринимала приоритетным, каким он осознавался народнической мыслью и каким должен был стать в земледельческой стране. Внимание к крестьянскому вопросу консерваторов было неравномерным: вспыхнув в начале 80-х годов, оно постепенно ослабевает и вновь оживляется лишь после голода 1891-92 гг.

Но публицист «Русского вестника» уже соглашается с давним оппонентом изданий Каткова - «Вестником Европы» в том, что «преобладающий в России общественный интерес в настоящее время и надолго еще впереди, это - устройство крестьян»²⁰⁸.

Консерваторы не представили сколько-нибудь серьезных исследований пореформенной деревни, как это было сделано либеральными и народническими экономистами и социологами. Статьи по крестьянскому вопросу в охранительной журналистике носят преимущественно публицистический характер и написаны представителями высшей бюрократии, чиновничества, помещиков. Они используют данные, опубликованные в либеральной и демократической печати, и ряд ее наблюдений и выводов.

Так, в изданиях мелькают признания, что в ряде губерний крестьяне получили меньший, чем при крепостном праве, надел. Признается, что выкупные платежи, как правило, значительно превышают рыночную стоимость земли. Не отрицается разорение деревни, пролетаризация крестьянской массы, перед которой бессильна община.

Выводы эти намного сдержаннее, чем в либеральной и народнической журналистике, где продолжались статистические исследования процессов, происходящих в деревне. Но симптоматично, что вопрос о крестьянском обеднении был признан «жгучим» устами публициста, еще в 1880 г. упрекавшего печать в преувеличении тяжести положения крестьянства с целью разжигания общественных страстей. Речь идет о К.Ф.Головине, уже не раз упоминавшемся среди видных консервативных писателей²⁰⁹.

Здесь уместно сказать о нем - весьма заметной фигуре в консервативной среде, поскольку он усердно занимался проблемами деревни. Константин Федорович Головин (1843-1913) - чиновник Министерства государственных имуществ, действительный статский советник, был и ведущим беллетристом «Русского вестника», выступая под псевдонимом К.Орловский. В начале 80-х годов прогрессирующий паралич привел его к потере зрения. Однако Головин продолжает службу в Министерстве, комиссии которого собираются у него на дому. Не бросает и литературную деятельность. На «средах» у Головина бывают не только приверженцы консервативной позиции, но и либералы, образуя своеобразный кружок, где обсуждаются социально-экономические, по преимуществу, проблемы. Известный в Петербурге как «Эллипсис», салон Головина, меняя состав и названия, просуществовал до начала XX века, когда стал весьма влиятельным. Не оставляя консервативных убеждений, Головин в 90-е годы сближается с либералами, сотрудничает с «Вестником Европы», явив собой отнюдь не исключительный для консервативной среды пример.

Оглядываясь на ожидания, связанные с реформой 1861 г. тех, кто ее готовил, обер-прокурор Синода К.Победоносцев признает, что они не оправдались: крестьяне со своей свободой не справились, не смогли, в частности, «осмотрительно» распорядиться выкупленным наделом, о чем свидетельствует скупка крестьянских земель одними и обезземеление других²¹⁰.

Напоминанием о несбывшихся надеждах на гармоничное развитие сельского мира после отмены крепостного права звучали и размышления Н.Я.Данилевского в его книге «Россия и Европа». Опубликованная впервые в 1868 г., она была переиздана в 1888, 1889 и 1891 гг. Ее автор (умер в 1885 г.), к концу 70-х годов стал вполне сложившимся консерватором, отразив эволюцию большинства славянофилов.

Реформированная Россия рисовалась Данилевскому как «единственное обширное государство, имеющее под ногами твердую почву, в которой нет обезземеленной массы, в которой, следовательно, общественное здание зиждется не на нужде большинства граждан, не на необеспеченности их положения, где нет противоречия между идеалами политическими и экономическими». Автор убежден, что беды, характерные для Ев-

ропы, не страшны молодой, развивающей свою собственную цивилизацию России. «Условия, дающие такое превосходство русскому обществу над европейским, доставляющие ему непоколебимую устойчивость, обращающие именно те общественные классы в самые консервативные, которые угрожают в Европе переворотами - заключаются в крестьянском наделе»²¹¹.

В пору подготовки освобождения крестьян так думали и многие консерваторы (включая Победоносцева), не причислявшие себя к крепостникам. Спустя двадцатилетие после реформы они вынуждены искать новые средства общественной устойчивости, признав необеспеченность самого многочисленного в стране земледельческого сословия.

Истоки этой необеспеченности, указанные консерваторами, сильно различались от тех, что назывались в либеральной и народнической печати. При всей их пестроте можно выделить наиболее часто употреблявшиеся охранителями причины деревенского неустройства: косность крестьянского хозяйства, его низкая агрокультура и «неустойчивость» крестьянского управления. Последняя причина фигурировала и как «отсутствие управления в деревне», «безначалие». Когда консерватор-славянофил С.Ф.Шарапов, заявив в «Русском деле», что крестьянское хозяйство «гибнет на местах», стал ратовать за первоочередные экономические преобразования, «Гражданин» отчитал его за недомыслие. В.П.Мещерский доказывал, что все беды в деревне «от безобразного права земства облагать какими угодно поборами». «Экономическая жизнь потому и разоряется», - утверждал Мещерский, - что «доселе правительство не может кулаку противопоставить свое вето. Нет на местах агентов власти, оберегающих народ». В роли главного кулака в «Гражданине» выступало земство²¹². Назывались и иные причины, мешавшие крестьянину «поправить» хозяйство. Победоносцев даже склонен был видеть главную из них в пьянстве. Однако, отдавая отчет в том, что питейное дело - источник казны, обер-прокурор Синода предлагал лишь усилить проповедь трезвости в деревне²¹³.

Среди называемых консерваторами причин обеднения крестьян отсутствовала та, что в либеральной и народнической печати выступала главным источником народных бедствий - малоземелье. Признание недостаточности надела уже встречается в охранительных изданиях, где заговорили о том, что «большинство крестьян прежде всего почувствовали недостаток угодий, а затем и тесноту в самом количестве надельной земли»²¹⁴. Однако упоминания о земельной нужде не повлекли за собой пересмотра консерваторами земельного вопроса. Истоки неустройства и бедности деревни они по-прежнему призывали искать не в малоземелье.

Еще до того как в мае 1883 г. Александр III в выступлении перед волостными старшинами опроверг надежды крестьян на увеличение надела, «Русский вестник» в апреле заявил о неправомерности подобных расчетов, как бы предваряя «царское слово». В журнале утверждалось, что Положение 19 февраля 1861 г. трактуется в литературе неверно - «будто бы правительство и на будущее время обязано обеспечивать крестьянский быт отводом новой земли»²¹⁵.

А после того как стало ясно, что новый царь «и думать не мог поднимать руку на основные устои»²¹⁶, охранители заняли еще более твердую позицию. На протяжении 80-х годов они доказывали, что реформа 1861 г. и не ставила целью обеспечить крестьянский быт только и единственно землей: предполагалось приложение мужицкого труда и вне надела. Консерваторы здесь следовали за славянофилами, вперые таким образом поставившими вопрос о малоземелье. Речь идет о статье Д.Ф.Самарина, посвященной исследованию Ю.Э.Янсона, на материалах 12-ти губерний доказавшего недостаточность надела для прокормления крестьянской семьи²¹⁷. Статью сразу же стали пропагандировать «Московские ведомости» и «Русский вестник», подхватив идею Самарина. Осуществляя ревизию реформы 1861 г., консерваторы раскрывали по сути ее подспудный замысел: обеспечить помещиков рабочими руками.

О том, как тяжело было «приложить» крестьянину труд вне надела, сообщала не только народническая, но и сама охранительная печать. И здесь рассказывалось, как трудно ему, опутанному долгами, связанному круговой порукой, отойти на какой-либо промысел, кроме работы у соседнего помещика. Препятствием оказался и паспортный режим²¹⁸.

Отчетливо прозвучала в консервативной литературе мысль о том, что земельный достаток, самое полное удовлетворение потребности крестьянина в земле вовсе не устранит процессы, происходящие в их среде - обеднение одних и рост богатства других. «Никакое земельное устройство, никакое обеспечение наделом не в состоянии помешать тому естественному ходу развития, в силу которого одни крепнут и богатеют, а другие обречены на экономический застой, приводящий мало-помалу к обезземеливанию, даже при неотчуждаемости отведенного надела», - писал К.Ф.Головин. Едва ли не первый не только в консервативной печати, но и в русской социально-экономической литературе вообще, он высказал мысль, что чем больше земли получают крестьяне, тем быстрее пойдет в их среде процесс расслоения и «переработки»²¹⁹. Мысль эта быстро прижилась в консервативной среде. Неоднократно ее высказывает в своем дневнике А.А.Половцев в подкрепление своего отрицательного отношения к расширению крестьянского землевладения.

Исследуя положение дел в Самарской и Саратовской губерниях, где земля была сравнительно дешева, Головин делал вывод, что все процессы, характерные для центральных районов, здесь протекают заметнее и быстрее. «И чем больше простора (т.е. земли - В.Т.), тем ярче эти явления, - замечает Головин, - как будто в беспредельном пространстве степи расширяется действие экономического зла». «Не идем ли мы к миру, - ставит вопрос публицист, - думая отыскать в раздолье степей средство обеспечения и уверяя себя, что наделив всех и каждого землей, мы тем самым оградим их от последствий собственной неумелости?»²²⁰

Здесь консервативная мысль близко соприкасается с марксистской в понимании пореформенной действительности. Разве не то же самое позднее утверждал В.И.Ленин в полемике с народничеством, когда выступал против непонимания, «что чем больше (и чем дешевле) получали крестьяне от

крепостных бар, чем больше было "земли и воли", тем *быстрее* шло развитие капитализма, тем скорее обнаруживалась буржуазная природа крестьянства»²²¹. Для молодой российской социал-демократии в «раскрестьянивании» состоял социально-экономический прогресс. Для консерваторов - «экономическое зло»: рост сельского пролетариата, который «с паразитической правильностью идет параллельно увеличению надела», оценивался ими как «явление прискорбное». Однако следует обратить внимание на то, что первая критика одного из основных положений народничества прозвучала из консервативной среды раньше, чем из социал-демократической.

Естественно, что, охраняя основы существующего порядка, его приверженцы отказывались решать аграрный вопрос за счет помещичьего землевладения. Консерваторы логично доказывали, что покушение на помещичью собственность будет потрясением священного права собственности в целом и, следовательно, самих основ социального строя, и «пересозданием современного государства».

Обращаясь к опыту Французской революции, Н.А.Любимов показывал, что попытка аграрного законодательства, покушавшегося на феодальные владения, была встречена неприятием самыми разными слоями населения, и земельная собственность осталась неприкосновенной. Однако, отмечая приверженность к собственности французских крестьян, он не делает здесь обобщений, не приводит характерных для его статей аналогий²²².

Консерваторов пугали любые планы и эксперименты, грозившие нарушить существующее землеустройство. С возмущением писал К.П.Победоносцев Александру III о последователе Л.Н.Толстого князе Д.А.Хилкове, раздавшем землю крестьянам, усматривая в этом «развращающее влияние» его примера на других²²³. Помещик И.Васьянов (Рыльский уезд Курской губ.) рассуждал в «Русском вестнике», что передача земли крестьянину поставит это сословие в тяжелое положение - «оно не всегда и не везде оказалось бы на высоте этой задачи». Но главное, по его словам, - невозможно требовать, чтобы класс землевладельцев, «отрешившись от всего, чем владел, посвятил себя миссионерской апостольской деятельности, в чем Энгельгардт видит его настоящее призвание и тот идеал, к которому он должен стремиться»²²⁴.

Взгляды народника - автора «Писем из деревни» А.Н.Энгельгардта упрощены и искажены его консервативным критиком. Публицист «Отечественных записок» высказывался, что владеть землей должен тот, кто ее обрабатывает, имея в виду некий идеал, вовсе не требуя передачи крестьянам помещичьей земли. Не требовало этого ни одно из общественных течений, кроме революционного народничества. В либеральной, как и в легальной народнической печати, была разработана система мер социальной помощи деревне: прирезка за счет казенных земель, организация переселения на свободные земли, развитие мелкого поземельного кредита, который мог бы облегчить крестьянину покупку земли, пропаганда агрономических знаний с целью интенсификации крестьянского хозяйства. Меры эти не способны были радикально решить аграрный вопрос, но они могли бы

сдерживать разорение деревни, сделав процесс «раскрестьянивания» не столь болезненным и мучительным для масс, содействовать росту среднего крестьянства, противостоящего пауперизации. Однако помощь деревне требовала перераспределения бюджета, что вызывало не меньшее противодействие консерваторов, чем покушение на помещичью собственность: финансовые «вливания» в деревню могли реализоваться лишь за счет урезания государственной помощи привилегированным сословиям.

Ни одна из мер для поддержки деревни, предложенных либеральной и демократической печатью, не была одобрена охранителями.

Возможность «прирезки» за счет казенных земель к наделу стала находить защитников среди консерваторов только после года 1891-92 гг. В 80-е годы они все еще настаивали, что не в «затеснении» причина народной бедности. «Если сейчас дать прирост земли из казенных земель до высшего надела, - рассуждал неизвестный публицист консервативного толка, укрывшийся за криптонимом Д.Д., - то у населения останется мысль и в будущем получить ее с приростом населения»²²⁵.

Не было единодушия в охранительной прессе и по отношению к мелкому поземельному кредиту. Организация его земством встречала, как правило, отрицательное отношение. Поддержка государственного кредита высказывалась реже, чем скептическое недоверие к нему. Утверждая, что государство может тратить на сословные нужды, «если в этом удовлетворяет серьезным государственным потребностям», «Русский вестник» имел в виду прежде всего экономическую помощь дворянству. Помогая сохранению помещичьего землевладения, доказывалось здесь, власти облегчают и положение крестьян, которым грозят в деревне новые хищники. Только дворянство является опорой крестьянского быта, помогая выстоять против ростовщиков и других аферистов, не способных извлечь доход из земли²²⁶.

Писавший о кредите в изданиях Каткова Д.И. Воейков - чиновник Министерства внутренних дел - подверг уничтожающей критике проект земледельческого всесословного кредита, внесенный в Государственный совет осенью 1884 г. министром финансов Н.Х. Бунге. Воейков негодовал по поводу самой возможности употребить кредит государства «во имя доктрины всеобщего уравнивания», в то время как политика власти должна быть направлена на предотвращение перераспределения собственности. Выражая мнение большинства консерваторов, «Русский вестник» и «Московские ведомости» убеждали, что кредит должен оставаться только сословным²²⁷.

Но и создание Крестьянского (т.е. сословного) поземельного банка не встретило единодушного одобрения в консервативной среде, столь дружно приветствовавшей основание банка Дворянского. К.П. Победоносцев признавался, что «желал бы потопить крестьянский поземельный банк», считая его «*фальшивым* учреждением - одним из звеньев той фальшивой цепи, которую заплела политика Л[орис-]Меликова и Абазы». Обер-прокурор Св. Синода увидел здесь «трату государственных денег и внесение в народное сознание начал развращающих»²²⁸.

Действительно, идея Крестьянского банка созрела в пору министерства Лорис-Меликова. Тогда же были подготовлены и отмена соляного налога, подушной подати и другие меры по облегчению лежавших на подушном сословии тяжестей. Все они также признаны Победоносцевым «фальшивыми» и вредными. Как и большинство консерваторов, он исходил из старых имперских стереотипов, что казна должна пополняться за счет крестьянства, а не помогать ему. Ничего «развращающего» в Дворянском банке идеолог консерватизма не усмотрел. А ведь помещикам государство предоставляло ссуды на значительно более выгодных, чем крестьянам, условиях. В хозяйстве, как правило, эти деньги не были вложены - их попросту «промотали».

Победоносцев выражал отнюдь не личное мнение, отрицая кредит для крестьян. Его единомышленником был граф П.А.Шувалов. Сенатор Н.А.Новосельский порицал эту меру как основанную на неверном начале расширения крестьянского землевладения. Новосельский был уверен, что «Крестьянский банк будет содействовать перераспределению земельной собственности в нежелательном для народного хозяйства и для государства смысле»²²⁹.

Как к сомнительному мероприятию отнесся к Крестьянскому банку К.Ф.Головин. Не увидел в нем пользы и помещик-публицист И.Васьянов, убежденный, что только труд и бережливость самого крестьянина выведут его из нищеты. Те из охранителей, кто поддерживал мелкий поземельный кредит, требовали предоставления его не отдельным лицам, а сельским обществам. «Правые», как это уже бывало, сходились здесь с левыми радикалами. Отстаивая крестьянский кредит, представители левого крыла народничества также выступали за его сословный характер и отстаивали преимущественное право на финансовую помощь сельским обществам, отторгая ее от тех, кто вышел из общины.

Под протестом радикальной интеллигенции в народническом «Русском богатстве» против «принесения интересов общины в жертву отвлеченному принципу всесословности» подписался бы любой заурядный консерватор.

В год десятилетия Крестьянского банка «Русское обозрение» назвало его вредным учреждением, порожденным «антиземлевладельческим течением в обществе». Банк, по мнению автора консервативного органа, способствовал переходу помещичьих земель в руки общин, нарушая, таким образом, сложившееся традиционное и единственно верное для России соотношение земельной собственности - частной и общинной²³⁰.

К организации крестьянских переселений консервативная печать не высказывала интереса. Порой эта мера даже и не называлась как средство от земельного голода при обсуждении путей к подъему благосостояния деревни. Но выражалось отрицательное к ней отношение, как, например, в «Русском вестнике». Здесь переселения «в форме организованной правительством операции для поднятия крестьянского хозяйства» признавались «не только не нужными, а относительно государственной

экономики даже вредными, за исключением тех случаев, когда само государство нуждается в них»²³¹.

Не придавал значения крестьянским переселениям К.Ф.Головин, а П.А.Дементьев (Тверской) - публицист из крупных помещиков - отнесся к ним вообще негативно. Лишь после голода 1891-92 гг. эта мера, предложенная в либеральной и народнической печати, стала серьезно обсуждаться и в консервативной. Итак, консерваторы посчитали программу улучшения положения крестьянства, разработанную и в либеральной, и в народнической журналистике, нерезультативной, а то и ведущей к вредным последствиям, предложив свой путь к подъему сельского хозяйства.

Отрицая крестьянское малоземелье как фактор, действующий на его «упалость», консерваторы объясняли косность и низкий уровень агрокультуры общинными пережитками - круговой порукой, земельными переделами, общинной регламентацией, сковывавшей инициативу земледельцев. Как и в 60-70-е годы, в консервативной среде единодушия по отношению к общине не наблюдалось. Но большинство здесь уже понимало, что общинные порядки - серьезное противодействие росту производительности сельского труда. В то же время в глазах охранителей община обладала преимуществами, которые стоило поддерживать. В стремлении разрешить это противоречие и билась консервативная мысль, сознающая губительность общинного уклада для плодотворного хозяйствования и одновременно дорожившая общинными принципами с точки зрения государственной пользы.

«Не следует ли приискать способы к устранению вреда, причиняемого общинным землевладением, хотя бы не нарушая принципа общинной земельной собственности», - вопрошал Катков, и именно такая постановка проблемы была близка большинству консерваторов²³².

Уничтожающая критика общины содержится в дневнике А.А.Половцева. Общинное земледелие этот опытный хозяин называл «табунным ковырянием земли»²³³. Дневник государственного секретаря изобилует наблюдениями над недостатками общинного землепользования, размышлениями о его последствиях, дурных для сельского хозяйства. И.И.Воронцов-Дашков в письмах царю настаивал на том, что частые переделы душевых наделов разоряют землю и это будет продолжаться, пока земля не увидит хозяина, «а не проходящую душу, которая царапает ее кое-как, зная, что она останется другому»²³⁴.

Однако раздавались голоса и в защиту круговой поруки, утверждавшие, что без нее не обойтись. Помещик Тверской губернии А.П.Дементьев уверял, что неблагоприятное влияние этого института второстепенно, значительно сильнее его благотворное воздействие. Отмена круговой поруки, как и паспортов, невозможна без ломки общественных и семейных устоев крестьянской жизни. Совсем по-народнически этот охранитель устоев видит в общине торжество принципов взаимности, солидарности, их преобладания над эгоизмом. Дементьев не сомневается, что свобода отлучек при «подвижности нашего народа» оставит землю необработанной²³⁵.

С этим был вполне согласен и К.П.Победоносцев, ратовавший за прочную оседлость народа как условие нормальной государственной жизни²³⁶.

Столь же вескими для многих консерваторов оказывались доводы защищавших общину как оплот против пролетаризации сельского мира. Свое решение общинных проблем, наиболее обстоятельное и аргументированное, дал К.Ф.Головин в серии статей и ряде брошюр²³⁷.

Обнаружив прекрасное знание литературы разных направлений по теме, он выступает против мифотворчества в ней, в частности показывая мифичность мнения, что община спасает от пролетариата. «Фактически сельский пролетариат существует, - не сомневался Головин, - но он существует как бы украдкой, непризнанный законом и как будто скрывается от глаз официальным правом каждого на землю».

Мифом, по его словам, является и уверенность в приверженности к общине народа. «Вправе ли мы утверждать, что община - форма, сросшаяся с народом», - ставит он вопрос, полагая, что с получением экономической свободы народ не обнаруживает привязанности к общине. Остановившись на изъятиях и издержках общинного землепользования, публицист неоднократно оговаривается, что вовсе не покушается на него: общине не нужна ломка - ей нужна помощь в том естественном процессе разложения, который она переживает. Головин предлагает отменить переделы земли и круговую поруку. Он доказывает, что фискальные функции община не выполняет - рост недоимок свидетельствует об этом. С отменой «общинных цепей» он связывает возрождение крестьянского мира, которому не нужно, по мнению Головина, ни расширение земли, ни освобождение от тяжести платежей, - только свобода действий. «Все выгоды общины, объединение мелких подворных участков в крупные дачи, неотчуждаемость душевых наделов, наконец, общее пастбище - останутся нетронутыми и твердая организация мира не пострадает. Исчезнет одно лишь - тот фискальный элемент, который в настоящее время ставит в зависимость от произвола мира каждое отдельное домохозяйство», - так обосновывает он свое решение проблемы²³⁸.

В воспоминаниях Головин представляет себя уже в 80-е годы решительным сторонником ликвидации общин. Однако, предлагая отменить ряд общинных стеснений, он оставлял в неприкосновенности главный принцип общинного землепользования - неотчуждаемость надела. Среди консерваторов вряд ли можно найти того, кто покушался на этот принцип. В литературе называют противником общины И.И.Воронцова-Дашкова²³⁹. Но в его высказываниях, которые приводятся в доказательство этой позиции, отражена как раз приверженность к общинной собственности. Граф ратует за «подворный земельный надел... не подлежащий отчуждению». Критиковавший общинные порядки «вдоль и поперек», В.П.Мещерский никогда не заносил руку на общинное владение. Ретивый противник круговой поруки и общинных переделов, Катков в 80-е годы вообще перестает выступать против общинных порядков. Правда, А.А.Половцев записал ряд разговоров с царем, где предлагал уничтожение общинного владения, доказывая, что тогда Александр III оставит после себя «совсем другую Россию»²⁴⁰.

Но это - в дневнике, а публичные выступления государственного секретаря в защиту частной крестьянской собственности неизвестны.

Консерваторы, считавшие себя противниками общинных пут, и не пытались воспрепятствовать прикреплению крестьянина к наделу, предусмотренному законами 1886 и 1893 гг., которые вполне можно определить как аграрные контрреформы. Пересмотр Положения 19 февраля 1861 г. осуществлялся при поддержке сторонников общинного землевладения во главе с Победоносцевым и при «невступательстве» противников общинных регламентаций.

Закон 1886 г. ставил препятствия семейным переделам крестьянской земли. Закон 1893 г. затруднял распоряжение надельной землей и для тех, кто ее выкупил. Запрещался залог земли, а продать ее можно было своей же общине.

Голод 1891-92 гг. заставил правительство обратиться к решению проблем деревни, но власть нашла выход лишь в ревизии крестьянской реформы 1861 г. Сущность и цели консервативного ревизионизма отчетливо видны в сравнительном анализе изданий «Курса гражданского права» К.П.Победоносцева. Раздел о крестьянской собственности в издании 1868 г. изложен в соответствии со статьей 165 Положения 19 февраля 1861 г.: «До уплаты выкупных платежей крестьянин ограничен в праве собственности - надел не может быть отчуждаем, - говорится здесь. - По выкупе земли сельским обществом оно приобретает на нее право собственности, которое не может считаться полным, пока на земле лежит повинность внутренних платежей». В издании труда Победоносцева 1896 года признается, что право крестьянам по завершении выкупа распоряжаться надельной землей было дано преждевременно: они пользуются им «нерасчетливо и неосторожно». А на общине остается тяжесть повинностей тех, кто продал надел, а также содержание оставшихся без земли.

С.Ю.Витте, после революции 1905 г. отстаивавший переход от общинной собственности на землю к индивидуальной, в подкрепление своей позиции ссылается на признание П.П.Семенова-Тян-Шанского, по словам которого, при ее подготовке была сделана «большая ошибка»: увлекшись общинным началом, реформаторы не оценили принципа собственности.

Как уже было видно, Положение 19 февраля 1861 г. как раз предусматривало переход от ограниченного права собственности к полному - после выкупа. Временное сохранение общинного землевладения для переходного периода имело свой смысл. Община помогла крестьянину пережить первые, самые трудные пореформенные десятилетия, несколько смягчив остроту социальных противоречий при переходе от одного состояния к другому.

Однако консерваторы пытались препятствовать реализации пункта о выкупе, что лишало крестьянина права собственности даже на выкупленный надел²⁴¹.

К.Ф.Головин выступил с большой критической статьей о законах 1893 г., показав, что крестьянского вопроса они не разрешают. Упомянув, что лагерь общинников празднует победу, он снова выступает со своим

развенчанием мифов об общине. На фоне закона 1893 г. миф об общинном землевладении как «самородном образовании» действительно не выдерживал критики. Головин анализирует вредные последствия законов 1893 г. - отток населения из деревни в город, застой крестьянского хозяйства. Но предложенная им система мер для подъема земледелия не касается главного - проблемы частной крестьянской собственности на землю, возможности свободного ею распоряжения. Головин предлагает лишь несколько ослабить действия законов 1893 г. введением заповедных дворов, т.е. установлением твердых размеров земли, которая не может быть отчуждаема, и возможности располагать той, что остается сверх этой нормы²⁴².

Коллективное землевладение автор «Русского обозрения» полагает идеалом «в гражданском и государственном смысле». Вновь повторяется, казалось бы, развеянный миф, что при неприкосновенности общины «Россия обеспечена на века от всяких аграрных смут или капиталистических насилий»²⁴³.

До 1905 г. оставалось немногим более десяти лет...

«Государственной необходимостью» назвал закон 1893 г. и Победоносцев. Государственные соображения в конечном счете оказывались для консерваторов важнее общенациональных. Даже те из них, кто глубоко и серьезно задумывался о благополучии общенародном, исходили прежде всего из интересов самодержавной монархии.

Анализируя опыт Европы, Головин близко подошел к исторически верному решению проблемы «собственность и политика», поняв, казалось бы, что «наличие многочисленного, самостоятельного крестьянства, сидящего на собственной земле, важна не столько в видах имущественного обеспечения рабочего класса, сколько для того, чтобы крестьянство служило оплотом для общественного порядка». Казалось, консервативная мысль нащупала реальное решение проблемы крестьянской собственности, осознав ее воздействие на политику, на общественную стабильность. «Развитие многочисленного и здорового крестьянства, обеспечение в землевладении есть политическая необходимость первостепенной важности», - заявлял Головин²⁴⁴. Но даже разумные консерваторы мыслили это обеспечение как насильственное - при неотчуждаемости надела, - что превращало крестьянина не в хозяина земли, а, как говорил Воронцов-Дашков, в «проходящую душу», эту землю царапавшую без заинтересованности и инициативы.

Проблема общины - столь же социально-экономическая, сколь и политическая - так и не была решена консерваторами. Самостоятельного, свободного крестьянства при неотчуждаемости надела возникнуть не могло даже при отмене тех многочисленных общинных регламентаций и запретов, которые предусматривала консервативная мысль. Мечта консерваторов о крепком среднем слое, который стал бы опорой стабильности жизни страны, столь же несбыточна, как и либеральные надежды на формирование под эгидой самодержавия широкого слоя крестьянских собственников. Она оказалась не менее утопичной, чем расчеты революционных народников на коллективистские, общинные традиции как ос-

нову нового общества. Самодержавной власти было удобнее и привычнее иметь дело с землепользователями, а не с независимыми собственниками земли. Большинство консерваторов это понимало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма В.П.Мещерского Александру III. // ГАРФ. Ф. Александра III (677). Оп. 1. Д. 895. Л. 225. В письме 24 сент. 1871 г. Мещерский приводит цитируемые слова, как сказанные самим Александром Александровичем.
2. Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 54.
3. Там же. С. 315-318.
4. Дневник Е.А.Перетца, государственного секретаря (1880-1883 г.). М.; Л., 1927. С. 32-33, 36; Дневник Д.А.Милютина. Т. IV. М., 1950. С. 35.
5. См. подробнее: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 292 и след.
6. Дневник Е.А.Перетца... С. 32-33.
7. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полугом 1. М.-Пг., 1923. С. 328.
8. *Щеголев П.Е.* Из истории «конституционных» веяний в 1879-1881 годах // Былое. 1906. № 12. С. 282; Граф П.А.Валуев в 1881-1884 годах. Дневник // О минувшем. Сб. СПб., 1906. С. 432.
9. Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 315-316; К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полугом 1. С. 47.
10. Московские ведомости. 1881. 4 марта, 20 марта, передовые.
11. *Чичерин Б.Н.* Задачи нового царствования // К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1., Полугом 1. С. 110 и след.
12. Там же. С. 45.
13. *Чичерин Б.Н.* Указ. соч.; [Мещерский В.П.] На новый год // Гражданин. 1884. № 1. С. 3.
14. *Тихомиров Л.А.* Что такое либерализм? // Рус. обозрение 1894. № 7. С. 360.
15. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. II. СПб., 1908. С. 45.
16. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полугом 1. С. 51.
17. Письмо К.П.Победоносцева Е.Ф.Тютчевой 25февр. 1880 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее: ОР РГБ). Ф. К.П.Победоносцева (230). Оп. 1. К. 4400. Д. 2. Л. 13. об.
18. Московские ведомости. 1881. 30 апр. № 118, передовая.
19. В.Г. [Гольцев В.А.] Внутреннее обозрение // Рус. мысль. 1881, № 6. С. 91; [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1881, № 6. С. 789.
20. The Times, 1881, 12 May. P. 9.
21. ОР РГБ. Ф. 230. Оп. 1. 1881. К. 4410. Д. 1. Л. 41.
22. Гражданин, 1884, 29 янв. № 5. С. 3.
23. Письма Б.М.Маркевича к графу А.К.Толстому, П.К.Щебальскому и друг. СПб., 1888. С. 154.
24. Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 141-142; К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I., Полугом 2. С. 645.

25. Письмо М.Н.Каткова Александру III (1882) // ОР ГРБ. Ф. М.Н.Каткова (120) Оп. I. Кн. 46. Л. 48; Былое, 1917. окт. № 4 (26). С. 21.
26. По свидетельству С.Ю.Витте, Мещерский в течение 80-х годов, а затем и в 90-е годы получал ежегодно из казны на издание «Гражданина» 80 тыс. руб. См.: *Витте С.Ю.* Князь Мещерский // *Его же: Воспоминания*. Т. II. Берлин, 1922. С. 511.
27. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 45.
28. См.: Северный вестник, 1890. № 3. С. 118.
29. Гражданин, 1890. 21 марта. № 13. С. 7.
30. *Михневич Б.О.* Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 107.
31. См. подробнее: *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма // Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография. 1985. № 2. С. 95 и след.
32. Роман не был завершен. См.: Письма Б.М.Маркевича к гр. А.К.Толстому. П.К.Щебальскому и друг. СПб., 1889; *Маркевич Б.И.* Бездна // Рус. вестник. 1883. № 1, 11. 1884. № 5, 11. Отд. изд. М., 1883-1884; «Консервативным художником», «напоминателем прошлого» называл Маркевича К.Н.Леонтьев.
33. Очерки Н.А.Любимова о французской революции публиковались в «Русском вестнике» в 1880-1884 гг. Отд. изд.: *Любимов Н.А.* Крушение монархии во Франции. М., 1893; СПб., 1905.
34. Московские ведомости, 1882, 8 ноября. № 311.
35. Гражданин. 1884, 1 янв. № 1.
36. Московские ведомости, 1884, 11 янв. № 12.
37. Там же. 1882, 2 марта. № 61; Там же. 1881. 3 марта. № 63.
38. *Сбоев А.* Революционное брожение в Германии в начале нынешнего века // Русский вестник, 1883. № 3. С. 85.
39. *Кочнев Варфоломей.* [Любимов Н.А.] Против течения...// Рус. вестник, 1881. № 3. С. 377; 1883. № 1. С. 287; № 5. С. 64; 1881, № 5. С. 112.
40. *Любимов Н.А.* Первые дни французской революции 1789 года (По неизданным запискам очевидцев) // Там же. 1886. № 9. С. 135.
41. Русь. 1882. 26 июня.
42. Московские ведомости, 1881, 20 мая, № 139.
43. *Победоносцев К.П.* Власть и начальство; *Его же:* Московский сборник. М., 1896 // К.П.Победоносцев. Pro et contra. СПб., 1996. С. 238, 245. Далее произведения Победоносцева цитируются по этому последнему изданию с указанием названия статьи и страницы.
44. Письма К.П.Победоносцева к гр. Н.П.Игнатьеву // Былое. 1924. №№ 27-28. С. 59.
45. *Любимов Н.А.* М.Н.Катков и его историческая заслуга По документам и личным воспоминаниям. СПб., 1889; См. также: *Неведенский С.* [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888; *Грингмут В.А.* М.Н.Катков как государственный деятель // Русский вестник, 1897, № 8; *Розанов В.В.* Катков как государственный человек.; *Его же:* Литературные очерки. СПб., 1902.
46. *Мещерский Н.П.* Воспоминания о Каткове. Письма в Тверитино. М., 1897. С. 30.
47. *Любимов Н.А.* В ожидании коронации. СПб., 1883; *Комаров В.В.* Дневник событий с 2 марта по 1 апреля 1881 г., СПб., 1882

48. Дневник А.А.Киреева // ОР РГБ. Ф. 126 (Киреевых). К. 2. Д. 8. Л. 317.; А.К.[Киреев А.А.]. Избавимся ли мы от нигилизма // Русь, 1881, 12 марта. Отд. изд. М., 1881.
49. Гражданин, 1885, 22 янв. № 4. С. 3; Письмо Н.П.Мешерского М.Н.Каткову 29 янв. 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 23. Л. 73.
50. Письмо М.Н.Каткова Александру III 8 февраля 1882 г. // ОР РГБ Ф. 120. Кн. 47. Л. 21.
51. Московские ведомости, 1882, 12 мая. № 130.
52. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. С. 243.
53. Письмо К.П.Победоносцева Е.Ф.Тютчевой 20 дек. 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 230. Оп. 1. 1881. К. 4410. Д. № 3. Л. 141.
54. Гражданин, 1886, 1 мая. № 35.
55. Московские ведомости. 1882, 22 апр. № 111.
56. Там же. 1886, 12 янв. № 1.
57. Письмо К.П.Победоносцева М.Н.Каткову 27 февр. 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 230. 120. Кн. 19. Л. 128. об.
58. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. в 9-ти томах. М.; СПб., 1912-1913. Т. V. С. 383, 385-389, 419-422, 426; Т VII. С. 112, 419, 498-499; *Его же:* Избранные письма. СПб., 1993. С. 230-231.
59. *Трубецкой С.Н.* Разочарованный славянофил // Вестник Европы. 1892, № 10. С. 791.
60. Высказывается мнение об отличии особого - «реставрационного», «атакующего» консерватизма Леонтьева от «умеренного» консерватизма Каткова. См.: *Сивак А.Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991. С. 13. Думается, отличия во взглядах этих идеологов консерватизма, скорее, в степени реакционности, нежели в ее характере: реставрационные стремления, как и атакующий способ их отстаивания, присущ Каткову и другим консерваторам-ортодоксам.
61. *Победоносцев К.П.* Закон. С. 137.
62. *Его же.* Великая ложь нашего времени. С. 104; *Его же.* Болезни нашего времени. С. 146.
63. *Леонтьев К.* Восток, Россия и славянство. Т. II. С. 29, 274.
64. Московские ведомости, 1881, 4 марта, № 63; 2 апр. № 92.
65. Гражданин, 1884, 1 янв. № 1. С. 3.
66. Там же, 1886, 1 мая. № 35. С. 1.
67. Московские ведомости, 1880, 6 февр., № 36.
68. Письмо К.П.Победоносцева М.Н.Каткову 21 июля 1885 г. // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 19. Л. 129.
69. *Победоносцев К.П.* Из Карлейля. С. 250.
70. *Его же.* Великая ложь нашего времени. С. 103-104.
71. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 1. С. 47-48; Там же. Полутом 2. С. 648-649.
72. *Победоносцев К.П.* Новая демократия. С. 96-99.
73. *Цион И.Ф.* Нигилизм и нигилисты. Гл. II. Нигилисты и либералы // Рус. вестник, 1886. № 7. С. 281.
74. Московские ведомости, 1883, 6 марта. № 65.

75. Там же., 1882. №№ 43, 57, 187, 201, 206. 292, 301; 1883, №№ 154, 198, 212. 276, 293, 310; 1884 №№ 296, 332. С середины 80-х годов XIX в. Катков стал ориентировать власть на сближение с Францией и заговорил об укреплении ее государственного строя.
76. *Щербань Н.В.* Накануне перелома во Франции // Рус. вестник. 1885. №11. С. 407-409.
77. Гражданин, 1886, 8 мая. № 42. С. 7.
78. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Соч. Т. II. С. 27-29, 30-33.
79. Письма К.Н.Леонтьева В.В.Розанов со своими примечаниями опубликовал в «Русском вестнике». 1903. №№ 4-6.
80. *Розанов В.В.* О монархии // Рус. обозрение. 1893. № 2. С. 628, 698.
81. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. С. 107; *Его же:* Болезни нашего времени. С. 146.
82. *Любимов Н.А.* Против течения... // Рус. вестник. 1884. № 1, С. 36.
83. *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи. М., 1890. С. 26-27.
84. *Spectator* [Грингмут В.А.] Равенство // Московские ведомости, 1892, 12 дек. №. 343.
85. *Spectator* [Грингмут В.А.] Свобода // Московские ведомости, 1892. 5 дек., № 336; *Его же:* Равенство // Там же. 12 дек. № 343; *Его же:* Братство // Там же. 18 дек. № 348.
86. Письмо Л.А.Тихомирова К.П.Победоносцеву 30 апр. 1895 г. // К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полумом 2. С. 998-999.
87. *Тихомиров Л.А.* Социальные миражи современности // Рус. обозрение, 1891. № 7. С. 296-297. Вряд ли можно согласиться, что для Тихомирова «главным объектом критики» в первой половине 90-х годов были буржуазный либерализм и идущий ему на смену «социальный демократизм, вооруженный теорией К.Маркса». См.: *Костылев В.Н.* Ренегатство Л.А.Тихомирова и русское общество в конце 80-х - начале 90-х годов // Проблемы истории СССР. Вып. II. М., 1980. С. 161. Внимание консервативного публициста к либерализму было неизмеримо более сильным, чем к социал-демократии, которой Тихомиров в этот период еще не дал сколько-нибудь развернутой критики.
88. *Тихомиров Л.А.* Искание свободы // Рус. обозрение 1893, №№ 3-4; «Искать свободу в области внутреннего опыта, а не во внешнем мире» призывал и П.Е.Астафьев. См.: *Астафьев П.Е.* О свободе воли. М., 1889. С. 92.
89. [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1894, № 1; [Арсеньев К.К.] Из общественной хроники // Там же. № 4.
90. *Тихомиров Л.А.* К вопросу о свободе // Рус. обозрение. 1893, № 12. С. 954-957: *Его же:* Что такое либерализм? // Там же. 1894. № 7.
91. *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. С. 104-105.
92. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. II. С. 37.
93. *Семенов Н.П.* Наши реформы // Рус. вестник, 1884. № 1. С. 284.
94. *Меццерский Н.П.* Указ. соч. С. 30.
95. Московские ведомости, 1865, 3 окт. № 215.
96. Там же. 1885, 21 апр., № 108. (Перепечатка передовой № 205 за 20 сент. 1863).
97. *Щебальский П.К.* Глава из истории нашей литературы // Рус. вестник, 1884, № 12.

98. *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос // Собр. соч. Т. II. СПб., 1897; *Его же:* Дворянство и освобождение крестьян // Там же. С. 109 и след.

99. *Д.Д.* Мысли сельского хозяина по поводу соч. К.Д.Кавелина «Крестьянский вопрос» // Русский вестник, 1883, № 4. С. 586.

100. Гражданин, 1884, 15 янв. № 3: 22 янв., № 4.

101. *А.А. Фамусов* и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве // Русский вестник 1885, № 7. С. 319.

102. О петиционной деятельности дворянских собраний в 80-е - первой половине 90-х годов подробнее см.: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М., 1979. С. 254-270; Дворянские притязания порой заходили так далеко, что даже крайние консерваторы были вынуждены признать их необоснованность. «Мы с изумлением, например, остановились на ходатайстве о привилегии дворянства не подлежать суду присяжных, или об избавлении от воинской повинности, или о праве быть гласным без выбора в силу известного крупного землевладельческого ценза и т.п.» - писал В.П.Мещерский в передовой, посвященной обзору дворянских ходатайств, поданных к 100-летию Жалованной грамоты дворянству. См.: Гражданин, 1885, 17 марта, № 22.

103. Подробнее см.: *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 262-265; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1972. С. 201-207.

104. *Победоносцев К.П.* Семейные участки // Рус. вестник, 1889, № 9. С. 313 и след. Статья «Семейные участки» никогда не переиздавалась, не значится в списках трудов Победоносцева и не использовалась в литературе.

105. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полупом 2. С. 523-524.

106. Московские ведомости, 1885. 23 апр. № 110; Гражданин, 27 апр. 1885. № 34. Служи, что именно Катков был автором рескрипта [См. Дневник А.А.Киреева // ОР РГБ. Ф. 126. Д. 10. Л. 38.] были вполне объяснимы: в среде консервативного дворянства он был признан «наиболее последовательным и постоянным защитником дворянских интересов». См.: Письмо Д. Нарышкина М.Н.Каткову (1886) // Там же. Ф. 120. Кн. 21. Л. 100; Письмо гр. В.П.Орлова-Давыдова М.Н.Каткову 12 июня 1885 // Там же. Л. 87; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 165, 169.

107. *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос // Рус. вестник, 1885. № 1; Отд. изд. М., 1886.

108. Там же. С. 42-43.

109. [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение. // Вестник Европы, 1885, № 3. С. 371-372; Русские ведомости. 1885, 6 февр. № 37.

110. *Д.В.* [Воейков Д.И.] Государственный сословный кредит // Рус. вестник, 1885. № 6. С. 858. Представителем «великого исправительного движения» назвал Пазухина ярый поборник сословных привилегий К.Н.Леонтьев. См.: *Леонтьев К.Н.* Соч. Т. VII. С. 499-500.

111. Письма Б.М.Маркевича к графу А.К.Толстому, кн. П.К.Щебальскому и друг. С. 151-153.

112. *Маркевич Б.М.* Перелом // Рус. вестник, 1881 №№ 1, 12; *Орловский К.* [Головин К.Ф.] Вне колеи // Рус. вестник, 1882, №№ 1-12. Отд. изд. СПб., 1884-1887. *Его же:* Молодежь // Рус. вестник, 1887-1889. Отд. изд. 1888, 1889, 1903.

113. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 30-32, 60-62.

114. Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 105.
115. Московские ведомости, 1882, 12 янв. № 12.
116. Переписка П.Д.Голохвастова с И.С.Аксаковым о «Земском соборе» // Рус. архив, 1913, № 1. С. 108 и след.
117. Московские ведомости, 1882, 30 апр., № 118; 12 мая, № 130.
118. Письмо М.Н.Каткова Александру III (Май 1882) // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 47. Л. 68.
119. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полумом 2. С. 353-354; Симптоматично, что лица, рекомендованные Победоносцевым к участию в обсуждении законопроектов, проходящих через Сенат, стали консерваторами лишь незадолго до этого. Н.П.Семенов - деятель реформы 1861 г., М.Ф.Гольтгоер - участник подготовки судебной реформы, Ф.М.Дмитриев - бывший профессор Московского университета, примыкал к либеральной оппозиции. Н.О.Тизенгаузен, по словам Победоносцева, также «был из числа передовых» и лишь в 70-е годы обратился к «совершенно противоположному направлению».
120. Граф П.А.Валуев в 1881-1884 гг. Дневник. С. 432.
121. См. подробнее: *Эвенчик С.Л.* Победоносцев и дворянски-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России. // Уч. записки Московского гос. пед. ин-та. № 309. М., 1969. С. 217.
122. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. I. М. 1966. С. 145.
123. Письмо М.Н.Каткова Е.М.Феоктистову (1881-83 гг.) // ОР ИРЛИ (Пушкинский дом) Ф. Е.М.Феоктистова 9097 / L16105. Л. 9. Подобная точка зрения высказывалась и в журнале Каткова, где обращалось внимание на вредное влияние профессуры на студенчество. Ярким примером выступал А.П.Щапов. См.: *Сбоев А.* Революционное брожение в Германии начала нашего века // Рус. вестник, 1883, № 3.
124. Московские ведомости, 1882, 9 авг. № 220; Университетскому вопросу посвящены также передовые: 1882 №№ 16, 174, 182, 222; 1883, №№ 200, 221, 255, 265; 1884, №№ 278, 285, 291.
125. См.: *Любимов Н.А.* Мой вклад. // Университетский вопрос. Т. I. М., 1881.
126. Уже при представлении Александру III Катков имел возможность «с полной откровенностью высказаться... о нынешнем положении дел в Министерстве просвещения и о единственно верном въ настоящее время выходе из затруднения». [Письмо М.Н. Каткова Александру III (конец 1881 - начало 1882 гг.). // *Былое*, 1917 № 4 (26). С. 24.]. После обсуждения проекта устава в Государственном совете он направил царю письма: о введении государственных экзаменов (июль 1884) и о ликвидации выборности ректоров и деканов (авг. 1884) // Там же. С. 26-28.
127. Письмо А.М.Гезена М.Н.Каткову 23 февр. 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 20. Л. 171; Письмо А.И.Георгиевского М.Н.Каткову, сент. 1882 // Там же. Л. 42.
128. Письмо М.Н.Каткова К.П.Победоносцеву 27 ноября 1883 г. // К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полумом 1. С. 349; Письмо К.П.Победоносцева М.Н.Каткову (конец ноября 1883 г.) // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 20. Л. 184.
129. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. I. С. 227.
130. Московские ведомости, 1884, 6 окт. № 278; Ср. Гражданин, 1884, 29 авг. № 53.
131. О последствиях университетской контрреформы 1884 г. рассказывает Г.И.Щетинина, собравшая множество фактов ухода из университетов профессоров, не смирившихся с новым уставом, а также их увольнения. Ряд выдающихся открытий был сделан русскими учеными за рубежом - в более благоприятных, чем на родине,

условиях. См.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 154-164 и след.

132. Московские ведомости, 1886. 2 авг. № 212; 1887, 17 апр. № 104; *Кулаковский Ю.А.* Современное состояние английских университетов // Рус. вестник, 1886. № 7.

133. The Times, 1884, 6(18) April.

134. *Капнист П.А.* Университетские вопросы. СПб., 1904. С. 30.

135. Письмо М.Н. Каткова Александру III (не позднее мая 1882 г.). // Былое, 1917, окт. № 4. С. 23; Здесь оно ошибочно датировано 1884 г.

136. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 139.

137. Письмо Д.Ф.Щеглова К.П.Победоносцеву 21 апр. 1887 г. // К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 2. С. 748-757.

138. ГАРФ. Ф. 677. Д. 588. Л. 11-12. Сословные ограничения отстаивал в записке царю и профессор М.И.Владиславлев, вскоре назначенный ректором С-Петербургского университета // Там же.

139. Гражданин, 1887, 8 марта, № 20; ГАРФ. Ф. 677. Д. 677. 114. Л. 72.

140. [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1887. № 9; Русские ведомости, 1887. № 235, 3 сент.

141. Дневник А.А.Киреева // ОР РГБ. Ф. 126. К. 11. Л. 15. Запись 2 сент. 1887 г.

142. Письмо В.П.Мещерского Александру III 4 сент. 1887 г. // ГАРФ. Ф. 677. Д. 116. Л. 39-40.

143. Московские ведомости, 1885, 21 июня. № 169.

144. Русский вестник, 1885, № 9; Московские ведомости, 1885, 22 окт. № 292.

145. Московские ведомости, 1886. №№ 24, 63, 244.

146. Гражданин, 1884, 25 марта, № 12; 1886, 13 мая, № 38.

147. См. подробнее: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. с. 217-233.

148. [Арсеньев К.К.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы, 1886. № 12.

149. *Головин К.Ф.* Кому нужна реформа местного управления? // Рус. вестник, 1886. № 12.

150. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 206.

151. О контрпроекте И.И.Воронцова-Дашкова см. подробнее: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 388-390.

152. *Семенов Н.П.* Наши реформы // Рус. вестник, 1884, № 1. С. 290.

153. *Головин К.Ф.* Наше местное управление и местное представительство. СПб., 1884; *Новосельский Н.А.* Усиление дворянского элемента в земстве // Рус. вестник, 1886. № 3.

154. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 105.

155. Московские ведомости, 1885, 16 июня, № 164.

156. Там же. №№ 45, 47, 52, 60.

157. *Скалон В.Ю.* Общественные учреждения // Рус. ведомости, 1885, № 1. *Его же:* Наше самоуправление // Там же. 1885. №№ 29, 37, 45, 52, 66, 80, 91.

158. Московские ведомости, 1885, 2 марта. № 60.

159. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 1-3. СПб., 1875-1883; *Его же:* Системы местного управления на Западе Европы и в России // Соч. в 9-ти томах. Т. IX. СПб. 1904. С. 5-6, 29-30; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб.. Т. 2. С. 348-350.

160. *Безобразов В.П.* Земские учреждения и самоуправление. М., 1874.

161. Доклад Д.А.Толстого Александру III (нач. 1885 г.). Цит. по: *Зайончковский П.А.* Указ соч. С. 232.
162. Там же. С. 406.
163. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. II. С. 263.
164. Внутреннее обозрение // Рус. вестник, 1890, № 9. С. 313.
165. *Веселовский Б.Б.* История земства за 90 лет. Т. II. СПб., 1911. С. 681.
166. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 222.
167. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полупом 1. С. 68.
168. Гражданин, 1882, 19 дек. № 94.
169. Московские ведомости, 1882, 30 янв. № 30.
170. Там же, 13 февр. № 44.
171. *Головачев А.А.* Десять лет реформы. М., 1874. С. 303.
172. Московские ведомости, 1882, 1 мая, № 119.
173. Там же. 28 апр. № 116
174. Там же. 1883, 12 дек. № 345.
175. Письмо А.А.Киреева М.Н.Каткову 5 янв. 1884 г. // ОР РГБ. Ф. 120. Кн. 23. Л. 6-7.
176. *Мецкерский В.П.* На новый год // Гражданин, 1884, 1 янв. № 1.
177. Московские ведомости, 1884, 12 янв. № 12.
178. Статьи В.Я.Фукса печатались в «Русском вестнике» с 1884-го по 1887 г. Отд. изд.: *Фукс В.* Суд и полиция. М., 1889.
179. С-Петербургские ведомости, 1884, 21 февраля, № 45, передовая.
180. К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полупом 2. С. 485-486.
181. Там же. С. 508-514.
182. Московские ведомости, 1887. 30 янв. № 30.
183. См. подробнее: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 258-260.
184. *Тютчев Ф.И.* Соч. Т.2. М., 1980. С. 256; *Достоевский Ф.М.* Соч. Т. 23. Л., 1981. С. 165.
185. Сетование на эти трудности содержится, в частности, в письме И.Д.Делянова К.П.Победоносцеву 6 янв. 1884 г. // К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полупом 2. С. 462.
186. Московские ведомости, 1882, 8 сент. № 249; См. также: *Любимов Н.А.* В оживлении коронации. СПб., 1883. С. 6.
187. *Любимов Н.А.* Против течения... // Рус. вестник, 1883, № 1. С. 286.
188. См., например: Проповеди Амвросия, епископа Дмитровского, vicария Московского за последние годы служения его в Москве (1873-1882). М., 1883. К.П.Победоносцев весьма ценил этого служителя церкви, распространяя его проповеди в своем окружении и посылая их царю.
189. *Тихомиров Л.А.* Духовенство и общество в современных религиозных движениях. М., 1892. *Его же:* К полемике о современных религиозных движениях // Московские ведомости, 1892, 21 дек. № 356.
190. *Астафьев П.Е.* Смысл истории и идеалы прогресса. М., 1891. С. 53; *Его же:* Учение Л.Толстого в его целом. М., 1891.
191. *Мецкерский В.П.* На новый год // Гражданин, 1884, № 1. 1 янв.
192. *Победоносцев К.П.* Церковь и государство. С. 83. 95.
193. В этом смысле вряд ли прав современный исследователь, рассматривавший религиозно-нравственные взгляды Победоносцева как самостоятельную часть его

мировоззрения, независимую от его государственных идей и политической программы. См.: *Полунов А.Ю.* К.П.Победоносцев в начале 1880-х годов. Программа нравственного перевоспитания общества // Россия и реформы. Сб., М., 1991.

194. Письмо К.П.Победоносцева Е.Ф.Тютчевой 8 дек. 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Д. 3. Л. 93.

195. *Розанов В.В.* О трех принципах человеческой деятельности // Рус. обозрение. 1893. №4. С. 620.

196. *Волконский С.М.* Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 55.

197. Московские ведомости, 1882, 24 мая, № 143; 1 янв. № 1.

198. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. 1. С. 79-80.

199. Славянские известия, 1891. № 11.

200. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 412.

201. *Новикова О.А.* Правда о России // Московские ведомости, 1889, 6 февр. № 35.

202. *Тихомиров Л.А.* К вопросу о терпимости // Русское обозрение, 1893, № 3.

203. *Леонтьев К.Н.* Соч. Т. VI. Здесь это произведение опубликовано под заглавием «Племенная политика как орудие всемирной революции», См. его же: Соч. Т. V. С. 389 и след.

204. *Соловьев В.С.* Исторический сфинкс // Вестник Европы, 1893, № 6. С. 370-375.

205. *Тихомиров Л.А.* К вопросу о терпимости // Рус. обозрение, 1893, С. 279-280.

206. Московские ведомости, 1880, 15 сент. № 245.

207. Дневник П.А.Валуева министра внутренних дел. Т. II. М., 1961. С. 339.

208. *Д.Д.* Мысли сельского хозяина по поводу сочинения К.Д.Кавелина «Крестьянский вопрос» // Русский вестник, 1883. № 4. С. 580.

209. *Головин К.Ф.* Крестьянское землевладение в двух низовых губерниях // Рус. вестник, 1883, № 6. С. 418; Ср. его же: Подушная подать и обеднение крестьян // Там же. 1880. № 12.

210. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. I. СПб., 1896. С. 528.

211. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 491-492.

212. Гражданин, 1886. 15 мая. № 39.

213. Письма Победоносцева к Александру III. Т.2. С. 212. «Главной язвой» деревни называл пьянство В.П. Мещерский. (Гражданин, 1884, 8 янв. № 2). См. также: Московские ведомости, 1885, №№ 117, 340.

214. *Новосельский Н.А.* Обеспечение крестьян землей и крестьянский поземельный банк // Русский вестник, 1885, № 7. С. 329.

215. *ДД* Указ. соч. С. 583.

216. *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 46.

217. *Самарин Дм.* Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению проф. Ю.Э.Янсона // Русь, 1880, № 1.

218. *Сазонов Г.П.* Кабала в отхожем промысле // Наблюдатель, 1889. № 3.

219. *Головин К.Ф.* Крестьянское землевладение в двух низовых губерниях // Рус. вестник, 1883, № 6. С. 417.

220. Там же. С. 419.

221. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. С. 334. Цитируемая статья «Народники о Михайловском» опубликована в 1914 г.

222. *Любимов Н.А.* Против течения. Очерки Французской революции // Рус. вестник, 1884. № 1. С. 34-36.

223. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. С. 252.
224. *Васьянов И.* По поводу книги А.Н. Энгельгардта «Из деревни» // Рус. вестник, 1884. С. 338.
225. *Д.Д.* Указ. соч. // Рус. вестник, 1883. № 4. С. 581.
226. *Д.В.* [Воейков Д.И.] Государственный сословный кредит. // Рус. вестник, № 6. С. 849.
227. Там же. С. 853; Московские ведомости, 1885, 1 апреля, № 84. О проекте Н.Х.Бунге общего для дворян и крестьян Банка см. подробнее: *Степанов В.Л.* Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М. 1998. С. 188-189.
228. Письма К.П.Победоносцева к гр. Н.П.Игнатьеву // Былое, 1924. Кн. 27-28. С. 71.
229. *Новосельский Н.А.* Обеспечение крестьян землей и Крестьянский поземельный банк // Русский вестник, 1885. № 7. С. 330-331.
230. *Талицкий (Шарапов С.Ф.)*. Реформа крестьянского банка // Рус. обозрение. 1893, № 2. С. 253-259.
231. *Д.Д.* Указ. соч. С. 589-590.
232. Московские ведомости, 1881, 15 янв. № 15.
233. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. I. С. 9.
234. *Исмаил-Заде Д.И.* И.И.Воронцов-Дашков. // Исторические силуэты. Сб. М., 1991. С. 43.
235. *Тверской [Дементьев А.П.]* Окладные сборы с крестьян // Рус. вестник, 1886. № 11. С. 197-198.
236. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. II. Ч. 1. С. 14-15.
237. Статьи К.Ф.Головина под общим названием «Наша сельская община» публиковались на протяжении 1886 г. в «Русском вестнике». Отд. изд.: *Головин К.Ф.* Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887.
238. *Головин К.Ф.* Крупное землевладение в Европе и в России // Рус. вестник, 1886, № 2. С. 627.
239. *Исмаил-Заде Д.И.* Указ. соч. С. 43; См. также: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 199.
240. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. Т. I. С. 9-10. Т. II. С. 402.
241. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Т. II. Ч. 1. СПб., 1868. С. 6: То же. СПб., 1886. Т. II. С. 530-531; *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 440.
242. *Головин К.Ф.* Разрешен ли крестьянский вопрос? // Рус. обозрение. 1894, № 11.
243. *Талицкий [Шарапов С.Ф.]* Реформа крестьянского банка // Рус. обозрение, 1893, № 2. С. 260.
244. *Головин К.Ф.* Крупное землевладение в Европе и в России // Рус. вестник, 1886, № 2. С. 629-630.

КОНСЕРВАТИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

1. НАЧАЛО НОВОГО ЦАРСТВОВАНИЯ

Девяностые годы XIX в. были временем активизации всех сторон общественно-политической и экономической жизни России. Оживление после «заморозков» восьмидесятых годов связывалось прежде всего с трагическим 1891 годом, когда Россию потряс сильнейший голод¹. Общественность реагировала на него активизацией «подмороженной» ранее жизни, а правительство - усилением борьбы с этой активизацией. Казалось, что петербургскую бюрократию больше волнуют не десятки тысяч голодных смертей и сотни тысяч нищих, появившихся в городах, а организация для голодающих земцами и другими доброжелателями бесплатных столовых и иных видов гуманитарной помощи, за которыми власть имущим чудились неведомые тайные козни. Демонстративный отказ от предлагаемой помощи и всяческие помехи, чинимые на ее пути, раздражали всех, тем более что правительственная беспомощность в борьбе с голодом была тоже всем очевидна.

Значительно оживился и русский консерватизм. Естественно, что в самодержавной стране он носил несколько иной характер, чем в других европейских странах, тем более что сама Россия переживала сложный пореформенный период, в котором тесно переплетались ростки нового с пережитками старого. Главным отличием и в конце XIX в. было то, что в России консерватизм (как и другие политические течения) не оформился в партию, а в основном был «разлит» в обществе в виде различных идеологических течений светского и духовного характера. Лишь в самом конце XIX в. появился аристократический кружок «Беседа», в котором наряду с другими политическими течениями существовало и сильное консервативное крыло. На рубеже XIX-XX веков оформились и другие консервативные организации, что дает возможность проанализировать их программы и действия.

Иными, чем на Западе, оказались и цели консерватизма в России, где его объединяло одно: все консерваторы были за сохранение в стране самодержавного строя. Вместе с тем, несмотря на общую конечную и главную цель, консерватизм оказался довольно неоднородным. Одни из его представителей выступали за сохранение (консервацию) того политического курса, который проводил Александр II, и ратовали за его продолжение, считая, что единственный способ сохранить самодержавие - это

провести некоторые настоятельно необходимые стране реформы, не затрагивающие основ самодержавия, которое является «истинно русским» изобретением и спасением России. Для нее решительно неприменимы западноевропейские государственные порядки с конституцией, парламентом, независимым судом и прочими «заморскими выдумками». Проведенные Александром II реформы должны быть чуть-чуть скорректированы или, может быть, чуть-чуть дополнены, но не более того. Время делает свое дело, и самодержавная Россия под дланью «белого царя» пойдет во главе исторического прогресса, давая пример Западу с его «великой ложью нашего времени» (как называл конституцию К.П. Победоносцев), парламентом и прочими не свойственными святой России европейскими выдумками. Это крыло можно назвать «неославянофильским» или консервативно-либеральным.

Было и другое крыло в русском консерватизме, не отделенное от первого каменной стеной, а, наоборот, соединяющееся с ним многими промежуточными оттенками. Оно придерживалось отрицания большинства реформ Александра II, которые, по его мнению, были или совсем не нужны России или должны были быть проведены не столь быстро и последовательно, ибо породили в стране и террористическое движение, и падение нравов, а, главное, серьезно подорвали дворянское сословие, которое было не только серьезным носителем консервативной мысли, но и твердой опорой самодержавного порядка в стране. Именно это реакционно-консервативное крыло, возглавляемое К.П. Победоносцевым, добилося пересмотра некоторых реформ Александра II и ни о каких дальнейших реформах и дальнейших уступках духу времени даже и слышать не хотело. Это консервативное крыло общества, а также патриархальные настроения крестьянства служили опорой «порядка» и «спокойствия» в России. Известно, что в день смерти Александра III К.П. Победоносцев обратился с письмом к Николаю II, в котором предлагал официально заявить, в форме циркуляра министра иностранных дел к российским дипломатическим представителям за границей, о том, что политика покойного императора «будет служить заветом и образцом для нового царствования»².

Однако именно в конце XIX в. в стране произошли очень существенные изменения, грозившие в перспективе далеко идущими последствиями. Последнее 10-летие XIX в. имело одну отличительную особенность: это было время бурного промышленного развития. Новые заводы росли как на дрожжах, возникали целые индустриальные регионы на местах, где некогда почти не существовало заводов и фабрик, шахт и рудников. В значительной мере это стало результатом сознательной и целеустремленной государственной экономической политики, связанной с именем министра финансов С.Ю. Витте. Продолжая политику своих предшественников (Рейтерна, Бунге, Вышнеградского), Витте поддерживал высокие таможенные пошлины, через государственный банк широко кредитовал новое строительство, ввел золотую валюту. Все это привлекало в страну иностранные капиталы, т.к. экономические ресурсы ее были неисчерпаемы, а рабочие руки дешевы.

Подобная политика вызывала к себе отнюдь не однозначное отношение и ожесточенные споры в обществе, что было вполне объяснимо: разорявшееся в пореформенное время помещичье землевладение толкало его представителей к атакам на «казенный пирог»: не вписывавшиеся в капиталистический строй латифундисты тоже требовали денежных кредитов, утверждая, что главная отрасль экономики России - сельское хозяйство - должна пользоваться первоочередным вниманием в кредитной политике правительства. Кроме того, золотая валюта сильно ударила по экспортерам хлеба. Теперь, продав за границу хлеб, они меняли иностранную валюту не на горы кредитных рублей, а на дорогие золотые монеты, что было им невыгодно. Консервативная оппозиция, возникшая в годы отмены крепостного права и проведения буржуазных реформ, получила новые и сильные дополнительные стимулы.

Наконец, в середине 90-х годов произошло еще одно событие, взбудоражившее общественную жизнь России. 20 октября 1894 г. от нефрита умер Александр III и на престоле оказался новый император - Николай II. Все течения политической мысли оживились: при неограниченном самодержавии, которое уже не одну сотню лет существовало в стране, личность самодержца, его характер и политические взгляды значили немало. Так произошло и на этот раз. «Перемена царствования тотчас возбудила надежды на просветление политического горизонта», - вспоминал А.А.Кизеветтер³.

Скромный характер этих надежд точно определил другой свидетель и участник происходивших событий, В.А.Маклаков: «В России было традицией, что перемена политики совпадала со сменой ее самодержца; от Николая II ждали не конституции, ждали только прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе»⁴, - т.е. господствующая в обществе идея носила либерально-консервативный характер отказа от реакционного курса умершего Александра III и возвращения к предшествующей политике его отца Александра II.

Правоту свидетельства В.А.Маклакова подтверждают многие факты. Николай II в первые же месяцы своего царствования получил массу «всепогоднейших» адресов от дворянства, купечества, городских дум и земств. Последние, в частности, просили создать «единение царя с народом» путем «доступа голоса земств к престолу»⁵. Позже около двух десятков земских адресов было собрано Д.И.Шаховским и нелегально издано им за границей⁶. Анализ показывает всю их скромную умеренность. «Представляя из себя довольно полное перечисление насущнейших потребностей страны, адреса эти остаются всецело на почве существующего государственного строя и вовсе не касаются форм правления», - т.е. носят консервативный характер, справедливо считал Д.И.Шаховской⁷.

О том же вспоминал и другой крупный земский деятель Д.Н.Шипов: «Губернские земские собрания поспешили обратиться к государю с адресами, в которых говорилось: о желательности доверия власти к общественным учреждениям, о необходимости единения и совместной работы правительства и общественных сил, о предоставлении земству его голо-

са о нуждах народа к престолу и тому подобное, но ни в одном адресе не говорилось об изменении существующего государственного строя. Эти вполне законные и справедливые пожелания и надежды, высказанные в адресах многих земств, были встречены, однако, с недовольством и раздражением, которые проявились очень резко 17 января 1895 года при приеме во дворце депутатов, приносивших во дворце поздравления по случаю бракосочетания государя»⁸.

Дальше «упования» на торжество законности, просьб об охране прав отдельных лиц и учреждений в целом земцы не шли, т.е. формально, в общем стояли на консервативных позициях. Правда, в недрах земства уже не один десяток лет существовало течение, получившее название «земского либерализма», причем некоторые (хотя и очень немногие) из земских либералов мечтали даже о конституции в России, но официально об этом земцы нигде не заявляли, т.е. большей частью придерживались взглядов, целиком «вписывавшихся» в существующие в стране самодержные порядки. «Власть монарха должна быть сильной, - утверждал один из земских вождей, председатель Московской губернской земской управы Д.Н.Шипов, - но сама она может быть таковой только в том случае, когда она пользуется доверием народа»⁹.

«Народу - мнение, царю власть!» Такова была старая славянофильская формула, которую полагал положить в основу политической организации России один из наиболее ярких представителей либерально-консервативной мысли этого времени - Д.Н.Шипов. Но для выражения «народного мнения» нужен был хотя бы минимум политических свобод и независимости от чиновничье-бюрократического аппарата самодержавия, а для «доведения» его до царя - совещательный орган при Государственном совете или другом высшем бюрократическом учреждении, выбранный от земских собраний или управ.

Такова была политическая программа русского либерального консерватизма, а тактику ее все тот же Д.Н.Шипов определял так: «Заявление (вышей власти. - Ред.) может быть сделано не в виде резкого протеста, а в какой-либо, так сказать миролюбивой форме... Вообще нужно, чтобы представители общества высказывали свое мнение государю, но чтобы это не имело вида не только требования, но даже ходатайства, выражающего необходимость того или другого ответа или немедленного разрешения»¹⁰.

Именно в таком духе и подавались Николаю II «всеподданнейшие» записки в связи с приемом представителей дворянства, казачьих войск, земств, городских дум и других общественных организаций. Прием был назначен на 17 января 1895 г. по случаю бракосочетания Николая II с Алисой Гессенской, получившей после крещения в октябре 1894 г. имя Александры Федоровны.

Однако взошедший на престол царь совершенно не был способен проводить хотя бы куце реформаторство, делая пусть и маленькие, но уступки духу времени. Николай II был отнюдь не властолюбивый человек. Подводя итоги году, в котором он стал императором «всея великая, и белая, и малая; царем польским, великим князем финляндским и проч., и

проч., и проч.», он так кончал свою последнюю запись 31 декабря 1894 года в дневнике, отнюдь не предназначенном для истории или чтения чужим глазом: «Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, которая случилась в этом году. Но уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год, - потому, что для меня худшее случилось именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем (подчеркнуто нами. - Авт.) Господь наградил меня также и счастьем, о котором Я не мог даже мечтать - дав мне Аликс»¹¹.

Не только тяготясь, но буквально мучаясь властью («непоправимое горе!»), Николай II все же и мысли не допускал о возможности передать хотя бы часть ее в чьи-то другие руки и постепенно заменить в России трехсотлетнее самодержавие конституционной монархией, если не английского, то хотя бы прусского типа. Во-первых, как глубоко религиозный человек он искренне мнил себя «помазанником божьим», не имеющим права отказаться от освященного якобы самим богом порядка, а во-вторых, считал себя обязанным передать своему наследнику всю ту полноту власти, которую он получил от отца. В этих убеждениях - об избранности и особенности исторического пути России - он был воспитан с «младых ногтей» К.П.Победоносцевым и другими учителями, твердо внушившими своему воспитаннику, что самодержавие - единственно возможный в России политический строй, желаемый народом России.

2. ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОЕ КРЫЛО КРУЖКА «БЕСЕДА»

В итоге даже консервативно-либеральной альтернативе, изложенной в земских и других адресах, не оставалось места, что воочию и проявилось в первом же публичном выступлении самодержца 17 января 1895 г. «Пусть все знают, - заявил Николай II в ответ на обращенные к нему просьбы, - что я, посвящая свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»¹². Слово было сказано «с высоты высочайшего престола», а так как даже либеральных консерваторов не удовлетворяли удушающие бюрократические порядки в период контрреформ, то и эти мирные, законопослушные подданные вынуждены были обратиться к очень несимпатичным им методам полуправительственной деятельности.

Впервые речь об этом зашла во время коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. По воспоминаниям Ф.А.Головина, именно в эти дни у него состоялся знаменательный разговор с графом П.С.Шереметевым. Будущий председатель «Союза объединенного дворянства» горячо говорил о необходимости сплочения оппозиционных общественных элементов, «о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя. Весь этот разговор вел к приглашению меня в состав Тайного общества под названием "Беседа"»¹³.

Земцы долго раскачивались и на первое свое заседание съехались только 17 ноября 1899 г. Программа создаваемой организации была строго консервативной и весьма скромной. Собравшись на учредительную «Беседу», пять предводителей дворянства (из шести «собеседников» - В.М.Петрово-Соловово, Ю.А.Новосельцев, граф Д.А.Олсуфьев, князя Петр и Павел Долгоруковы и граф П.С.Шереметев) так определили круг интересов своего кружка: «Цель - пробуждение общественной деятельности, общественного мнения, столь в России слабого и искусственно подавленного, чтобы оно было более авторитетным для Петербурга. Способ достижения этой цели должен заключаться в том, чтобы действовать через земские и дворянские собрания, а также путем печатного и живого слова, после того как, обменявшись мыслями, придут к определенным выводам. Общий лозунг - сочувствие земству», причем Д.А.Олсуфьев «даже это минимальное условие при подборе членов не считал обязательным», а будущий кадет Петр Долгоруков, поставив вопрос «об идеале - как мыслить», сам же на него и ответил: «не может быть даже написано всеобщее представительство»¹⁴. Более скромные и четко консервативные требования трудно себе и представить. В «Беседе» оказались даже не просто консервативные сторонники местного самоуправления, но более того - аристократические сливки земства, и тем знаменательнее изменения, которые начали происходить в этой консервативной среде.

«Собеседники» объявили, что в члены кружка по рекомендации двух его членов может быть принят любой земец, «сочувствующий широкому развитию самоуправления в смысле движения к нему на законном основании»¹⁵.

Когда несколько позже кое-кто из «собеседников» завел речь о необходимости более четкой программы для кружка, то против выступили даже те его члены, кто уже определил свою позицию и начал издавать за границей совместно с демократической интеллигенцией журнал «Освобождение». «"Беседе" нельзя иметь политической программы, - заявил Павел Долгоруков, - ее дело - отрицательное отношение к бюрократии, которое делает из нее прогрессивную земскую партию», а его брат Петр уточнил, почему ей надо остаться узкой группой, не отказываясь от умеренно-консервативных задач: «Мы для этого слишком тесный кружок, слишком одностороннего, так сказать, состава (все более или менее крупные помещики с определенным положением ... люди исключительно одной среды)»¹⁶. К концу 1904 г. в «Беседе» оказалось 40 человек, среди них 7 князей и 7 графов, 2 барона, а остальные - крупные земцы-помещики¹⁷.

Как видим, и намек на какую-либо иную мысль, кроме консервативной, в планах «Беседы» не было. К осени 1905 г. кружок «Беседа» вырос до 55 человек, членами его стали люди, составившие в будущем спектр многих партий России от кадетов до черной сотни, соответственно, повлиялись в ней и различные политические мнения (в том числе - и либерально-демократические), но было и нечто, объединявшее всех соперников воедино - признание консервативной мысли официально господствующей в кружке. Когда министр внутренних дел Плеве получил сведения

о существовании «Беседы», он не решился просто разогнать ее, настолько это были крупные персоны. Плева обратился к предводителю Московского губернского дворянского собрания князю П.Н.Трубецкому с посланием, в котором выражал свое министерское неудовольствие по поводу кружка. На запрос Трубецкого князь Павел Долгоруков 25 января 1903 г. ответил следующим письмом, в котором подробно описал, что представляет из себя «Беседа». «Любезный друг! Ты как-то мельком сообщил, что Плева знает, что у меня в Москве собирается известный кружок лиц. Из твоих слов я понял, что Плева придает этим собраниям какой-то конституционный характер и косо на них смотрит, считая их нелегальными (!). Очевидно, или Плева неверно осведомлен о характере наших собраний, или то, что я и мои друзья считаем вполне легальным и корректным, Плева считает незаконным... Мы собираемся уже три года совершенно частным образом раза два в год; мы все земские деятели, преимущественно предводители дворянства, но есть в нашей среде и представители управ и просто гласные. Это тесный кружок личных друзей и знакомых. Единственная задача наша - обмен мнений относительно способов пробуждения в самих себе и окружающих общественной деятельности и развитие самодеятельности на местах. Т.к. мы земские деятели, то на первом плане у нас стоит именно земское самоуправление. Так как - ты, я уверен, и сам в этом не сомневаешься - никакой политической агитационной деятельности у нас нет, то я совершенно недоумеваю, к чему можно было бы на законном основании к нам придираться, хотя бы наши взгляды на земство и общественность и расходилась со взглядами Плева и других лиц, власть имеющих»¹⁸.

А дальше Долгоруков перечислял, к чему же свелись эти действия: к публикации сборников статей с протестом против Положения 1874 г. о начальных училищах, сборника статей о мелкой земской единице, к подготовке энциклопедического словаря о земском самоуправлении, еще одной книги с обзором сельскохозяйственных комитетов, работавших по заданию правительства, и другой - с анализом деятельности государственных органов призрения. Все это сделано легально, прошло или будет проведено через цензуру и только в этом и проявилась деятельность «Беседы». Что же касается разговоров за чашкой чая, то они, конечно, ведутся и на более широкие темы и в них «впредь будут затрагиваться более общие политические вопросы до самодержавия с конституцией включительно». Но говорить у себя дома, а не в общественном месте, на митинге, закон не запрещает, а произволу подчиняться не стоит, ибо «тогда не только тебя, но и Плева, а также всех без исключения министров можно обличить в неподобающих разговорах, так как произвол не имеет границ, а кому же не случалось в тесном кругу знакомых говорить и об общеполитических вопросах?»¹⁹

Разговоры же в «Беседе» действительно велись на разные темы, поскольку среди ее членов были сторонники различных политических убеждений - как консерваторы типа графов А.А. и В.А.Бобринских, П.С.Шереметева и Д.Н.Шипова, выступавших за неограниченное самодержавие,

очищенное от бюрократического произвола и его «излишеств», так и люди, считавшие необходимым введение в России конституционной монархии (князя Петр и Павел Долгоруковы, Д.И.Шаховской и др.). Но последние решили в «Беседе» и не затрагивать вопроса об ограничении самодержавия, оставив ее на строго консервативных позициях.

В начале 1902 г. «собеседникам» показалось недостаточным вести только разговоры и печатать в своем издательстве различные книги о земской жизни, и они в заседании от 8 января по инициативе такого консервативного деятеля, как граф П.С.Шереметев, подняли вопрос о «создании своего печатного органа»²⁰. Поддержал эту идею и Д.Н.Шипов, заявивший, что орган этот (газета или журнал) должен издаваться в России и быть «чисто земским» - т.е. не только тематика его, но и состав авторов должен ограничиться земским кругом. Однако добиться разрешения у правительства, опасавшегося любого объединения земцев на более высоком уровне, чем губерния, не удалось.

Тогда у «собеседников» родилась другая идея: подать правительству специальную «Записку». Однако при обсуждении ее содержания на заседании 27 мая 1902 г. мнения резко разделились. Если левая часть «Беседы» считала возможным поднять в «Записке» вопрос о конституционной монархии и правовом государстве, то консервативная думала иначе. В частности, Шереметев заявил: «Борьбу с произволом бюрократии я считаю нравственным долгом всех тех людей, еще не совсем изверившихся в возможности развития России». Но формы деятельности Шереметьев не признал правильными... «Нам нужно творческое созидательное течение, основанное на исконных началах народных, на твердом знании прошлых судеб России и глубоком изучении настоящего. Сохранение самодержавия. Является вопрос, возможно ли рассчитывать на успех такого течения, на совместимость создания правового порядка при существовании самодержавия? Я не сомневаюсь, что это возможно»²¹. Поскольку многие из «собеседников» думали иначе, решено было в «Записке» вообще не поднимать вопроса о будущем государственном устройстве, а поручить написать ее Н.Н.Львову с единственной целью: определить в ней «причины современного смутного положения России и меры к улучшению его»²².

Три дня - 22, 23 и 24 августа 1902 г. шло ее обсуждение. Суть составленной Львовым записки сводилась к тому, что доброжелательное отношение к обществу Александра II резко изменилось у его сына Александра III, который решил сделать своей единственной опорой в управлении страной сильную бюрократическую власть. «Везде и все, - жаловался Н.Н.Львов, - отдается в жертву власти, создается какое-то государство-чудовище, где культура, жажда просвещения, благосостояние народа, - все приносится в жертву власти... Все должны молчать и преклоняться перед торжествующей бюрократией»²³.

Бюрократия стала сутью самодержавной власти и подавила все и вся. Даже наиболее привилегированное сословие лишено какой-либо внутренней независимости, «правительство смотрит на дворянство как на

сом Львов и отвечал: «Личное влияние на него трудно. Более практичен другой путь: воздействие на государя выражением известных взглядов в записке. Нам нужно собственное просветление, нужно выяснение положения вещей, нужна пропаганда наших убеждений»²⁸.

Последовавшее обсуждение доклада Львова показало как политическую разношерстность «Беседы», так и всю умеренность ее консервативных членов. «Собеседникам» было нелегко договориться даже о форме подачи своей записки для монаршего чтения, и еще труднее о ее содержании. Мысль издать «Записку» за границей большинство не поддержало, считая, что анонимное сочинение царь и читать не станет. Нужна записка, изданная внутри страны, адресованная царю и подписанная рядом авторитетных лиц. Однако один из «собеседников» тут же напомнил, что подобный опыт уже имел место: Д.Ф.Самарин и князь А.А.Щербатов подавали такую записку Александру III, на что последний заявил: «Что эти скоты вмешиваются не в свое дело?». Не лучше ли издать ее в Париже за подписью эмигрировавшего туда известного ученого М.М.Ковалевского?

Не сошлись и в том, а что же, собственно, написать в этой записке? М.А.Стахович заявил: «плодотворной может быть только такая программа действий: борьба с бюрократией во имя поднятия принципа самодержавия. Если бы в конечном результате наших суждений оказалась бы угроза идее самодержавия, то мы были бы преступники и нарушили бы программу нашего кружка. Борьба с существующим государственным порядком может быть признана соответствующей задачей нашего кружка только до того момента, когда эта борьба идет в целях усиления самодержавной власти государя». Стаховича поддержал и будущий Председатель совета объединенного дворянства граф П.С.Шереметев: «... в России возможна борьба с произволом только во имя самодержавия. Такая борьба вытекает из хода русской истории и может быть плодотворна, надо быть очень осторожным в этой борьбе, чтобы не сыграть в руку революционеров»²⁹.

С пространном изложением своих взглядов выступил и вождь течения, получившего в это время название «неославянофильского», председатель Московской губернской земской управы Д.Н.Шипов. Рассуждая о своеобразии исторического пути развития России (и во многом повторяя мысли многих славянофилов середины XIX в.), Шипов заявил, что в России нет «борьбы классовых интересов, нет борьбы с капиталом, нет сложных социальных вопросов»³⁰. По его утверждению, именно этому истинно русскому своеобразию должен отвечать и истинно русский государственный строй: самодержавие с совещательным органом при царе.

Земцы-конституционалисты поспешили успокоить «собеседников»-консерваторов. Н.Н.Львов стал оправдываться, заявляя, что он ни слова не произнес об ущемлении прав самодержавия, но он считает, что раньше, с Земским собором, самодержавие было более могучим, чем теперь, когда его нет. Говоря о необходимости в России некоторых реформ, он имел в виду не договор царя с народом, а добровольную жертву царя во благо народа, ограничения всеилия бюрократии. В подобном же духе высту-

пили и другие сторонники конституции. В своих выписках из журнала «Беседы» Д.И.Шаховской (сам - конституционалист) отметил: «Против выражения в записке необходимости конституции высказались и сторонники ее»³¹. Подводя итоги споров о характере будущей записки, П.С.Шереметев с удовлетворением «отметил общее признание, что самодержавие в настоящее, по крайней мере, время должно оставаться во всей своей силе»³². «Беседа», в которой было немало и либеральных демократов, в целом как организация осталась на консервативно-либеральных позициях. В этом отношении секретарь «Беседы» В.А.Маклаков (будущий член кадетской партии) был прав, когда позже, уже в эмиграции, писал, что члены «Беседы» были связаны с правящим классом и свои помыслы, «естественно, направляли не на свержение, а на оздоровление власти. Они старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремились ее ослабить и опрокинуть»³³.

3. ОБЩЕЗЕМСКОЕ БЮРО ПРИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЕ. Д.Н.ШИПОВ

Была в России конца XIX - начала XX в. и еще одна либерально-консервативная организация, сгруппировавшаяся вокруг уже упоминавшегося Д.Н.Шипова. В 1893-1904 г. он был председателем Московской губернской земской управы, при которой объединились умеренные земцы и других губерний, тяготившиеся бюрократическим произволом. А он достиг воистину геркулесова масштаба. В 1896 г. происходила коронация Николая II, на которую были официально приглашены делегаты от всех существующих сословных и общественных организаций, в том числе и земства. По старой русской традиции все они подносили хлеб-соль на серебряном подносе с такой же солонкой. Земцы решили, что бессмысленно дарить 34 однообразных предмета и попросили министра внутренних дел И.Л.Горемыкина разрешить председателям губернских земских управ собраться вместе, чтобы выяснить, сколько какая управа может выделить средств на единый подарок и в зависимости от этой суммы заказать Фаберже дорогую вещь от «всей земской России». Но даже для такого сверхпатриотичного дела Горемыкин объединиться не разрешил!³⁴ Игнорирование интересов земств привело к тому, что они стали бойкотировать элементарные хозяйственные начинания правительства, тем более что все они проводились без какого-либо совета с земцами. Положение создалось тупиковое, и летом того же 1896 года Шипов по поручению других представителей губернских земских управ посетил Горемыкина и добился у него права создать при Московском губернском земстве специальное земское бюро, в которое могли бы на частных квартирах (или в ресторанах) приватным порядком собираться губернские представители, чтобы решать свои сугубо земские вопросы, выходящие за пределы границ одной губернии (борьба с эпидемиями, эпизоотиями, засухами и т.п.).

Горемыкин не случайно разрешил это именно Д.Н.Шипову, т.к. последний имел твердую репутацию умеренного консерватора, стойкого в своих взглядах. Убежденный христианин, почитатель Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого, Шипов в отличие от последнего не отрицал и значения общественной жизни, общественной деятельности каждого человека. Считая, что внутреннее усовершенствование личности имеет главенствующее значение для человека и разделяя убеждение, что никакой действительный прогресс в судьбе человека немыслим, пока не произойдет перемена в основном строе мыслей большинства людей, Шипов в то же время полагал, что усовершенствование основ и форм социальной жизни тоже является необходимым условием для постепенного осуществления на земле христианского идеала. «Религиозно-нравственное устройство личности и улучшение условий общественной жизни не исключают друг друга и не могут быть противопоставлены, - утверждал он, - только разумное согласование и параллельное осуществление этих двух начал может обеспечить переустройство личной и общественной жизни согласно требований высшей правды»³⁵.

Шипов был решительным противником любых резких революционных мер, которые, по его твердому убеждению, нигде никогда в истории не приводили к добру и несли в себе только негативную разрушительную силу. Эволюция социальной и государственной жизни представлялась ему процессом постепенного развития и осуществления идей, усвояемых общественным сознанием. Вся история человечества рассматривалась им как поступательное движение в мире идей, как постепенный переход от идей низших к идеям высшим. «Одни идеи руководили жизнью человечества в прошлом, другие, создаваемые большинством людей в данное время, получают свое выражение в современном строе общественной и политической жизни, а в будущем нельзя не предвидеть дальнейшее усиление сознанием всего человечества новых идейных влияний на изменение быта и уклада жизни во всех областях людских отношений»³⁶.

Развитие идей от низших к высшим осуществляется благодаря общественным усилиям каждого человека и всего человечества, строго говоря, считал Шипов, оно не обязательно приведет к положительным результатам, чему история дает немало примеров из-за несовершенства человека. Люди не могут обойтись без организованного порядка общественной жизни и без организованного элемента принуждения, которые обеспечиваются государством. Государство - необходимое и неизбежное условие общественной жизни, но оно является не самодовлеющей целью, а должно служить лишь средством, содействующим осуществлению высшей цели всего человеческого бытия. «Государство должно всегда иметь своей задачей улучшение общественной жизни ради всех своих членов. При этом условии не может быть и речи о подавлении личности, и государство должно всегда открывать широкий простор для развития личной и общественной самодеятельности»³⁷. Придавая такое значение роли государства, Шипов вместе с тем не был крайним этатистом, которых столько развелось с начала XX века не только в Азии, где эти

взгляды имели многовековые традиции, но и в Европе. «Устанавливаемые государством правовые нормы имеют целью оградить общество от посягательств со стороны злой воли людей. Но право само по себе не имеет абсолютного значения и содержания»³⁸.

Не принимая демократического, республиканского строя, при котором, по мнению Шипова, полагают в «основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим началам»³⁹, Дмитрий Николаевич был убежденным сторонником монархии, причем не ограниченной никакими законами, кроме моральных. Именно потому он делал различие между самодержавием и абсолютизмом. В моральном единении самодержца с народом Шипов видел залог стабильности и процветания России. Причем единение это обязывало не только народ подчиняться самодержцу, но и последнего не нарушать определенных христианских моральных норм, ибо, как свидетельствует история, ничем не ограниченная власть часто склонна своими действиями нарушать и подавлять права и свободы граждан. Подобные явления очень опасны для страны и могут породить крайне острую и нежелательную политическую борьбу за изменение аморального политического строя.

Шипов считал невозможным быть просто законопослушным подданным и утверждал, что настоящий христианин должен всеми силами содействовать постепенному обновлению существующего строя в целях устранения из него господства насилия и установления таких общественных порядков, которые благоприятствовали бы благожелательному единению людей. По его убеждению, самодержавие далеко не изжило себя и вполне соответствует слабому уровню дифференциации российского общества, в котором еще окончательно не сложилось классового деления, а существуют лишь древние сословные различия. Цель самодержавия в том и состоит, чтобы координировать эти различия в интересах всего российского общества, хотя сам термин «самодержавие» Д.Н.Шипов не мог определить ни юридически, ни каким-либо иным способом. Самодержавие не поддается точному юридическому определению, утверждал он. Это самобытная русская форма правления, имеющая нравственное начало, - нравственный союз между населением и властью. Самодержец - не деспот и несет нравственные обязанности перед своим народом. В конституционном государстве - договор власти с народом, в России договора нет, а есть союз на нравственном основании. «Самодержец должен следить за развитием общественного самосознания, для этого ему надо знать потребности общества, откуда вытекает необходимость участия общества в государственной жизни страны»⁴⁰. При договорном начале, считал Шипов, нужны юридические ограничения договаривающихся сторон, при союзе нравственном такого ограничения не требуется, надо только, чтобы общество могло громко высказывать свои нужды, а верховная власть прислушивалась к мнению общества и в силу своего нравственного долга самодержец, конечно же, исполнял желания народа.

Однако и сам Шипов ясно видел пробелы в своей идеальной схеме государственного устройства: самодержцы отнюдь не всегда спешат выполнить свой «нравственный долг», тем более что между ними и народом появилось «средостение» - огромный бюрократический аппарат, который нарушал гармонию, существовавшую между народом и самодержавием в Древней Руси. Величие реформ Александра II в том и состояло, что он нашел выход из этого тупикового положения, создав земства и городские думы. Сила их совсем не в экономической сфере, а в другом: «Я всегда понимал земскую идею как идею этико-социальную, призывающую всех членов земских союзов к выполнению требований общественной правды и справедливости, требований нравственного долга, .. земские союзы, по моему убеждению, имеют главной своей задачей постепенное ослабление исторически сложившейся социальной несправедливости»⁴¹. Собирая с богатых слоев прогрессивный налог, земства должны составлять расходную часть своего бюджета прежде всего так, чтобы удовлетворить нужду малоимущих. «Земское дело по существу и характеру своему не может быть сравнимо с делом хозяйственным, коммерческим. Земское дело базируется на основном капитале и совершенно не преследует цели получения прибыли от своей деятельности»⁴².

Но самодержавная бюрократия смотрела на роль земства совсем иначе, и стремясь использовать его исключительно по «хозяйственным надобностям», провела в июне 1890 г. контрреформу, сильно урезав его и без того не очень-то широкие права, данные Александром II по закону о земстве, опубликованному в январе 1864 г. Губернаторам по новому «Положению о земских учреждениях» вменялось в обязанность следить не только за законностью действий земств, но и «за целесообразностью постановлений земских собраний», ему же давалось право ревизии земских управ, право утверждать наемных служащих в земствах, министр внутренних дел или губернатор получали право не утверждать даже избранных земцами членов управы и назначать на эти должности лиц по своему усмотрению, подрывая таким образом саму основу «самоуправления». (В скобках напомним, что даже благонамеренный Д.Н.Шипов в апреле 1904 г. был смещен с поста председателя Московской губернской земской управы, а губернская управа в Твери была разогнана и заменена лицами, назначенными губернатором Б.Штрюмером.)

Но чем активнее давила на земство чиновная власть, тем сильнее вызвала в нем желание объединиться, чтобы противостоять бюрократии. Недовольство «особенно сильно высказывалось и укреплялось в земской среде отношением правительственной власти к органам общественного самоуправления и проведением целого ряда мер и распоряжений, направленных к стеснению общественной самостоятельности»⁴³. Земцы решили, что у них есть только один способ защиты - объединение в какую-либо, пусть самую эфемерную, организацию, которая смогла бы выступать от более широкого регионального объединения, чем одна губерния.

После полуанекдотического запрещения членам губернских управ собраться вместе, чтобы обсудить вопрос о покупке царю солонки, после-

довал еще ряд мелких уколов со стороны Министерства внутренних дел. В частности, И.Л.Горемыкин не разрешил собраться представителям губернских земских управ, чтобы договориться о выделении 2% из своего бюджета для дополнительного финансирования домов трудолюбия и работорных домов, которые были созданы для бездомных бедняков.

В августе того же 1896 года в Нижнем Новгороде происходила Всероссийская выставка, на которую решили приехать все председатели губернских земских управ. Понимая, что если и на этот раз не разрешить им встретиться вместе, земцы просто проигнорируют его запрет, И.Л.Горемыкин разрешил им собраться, но «частным образом», т.е. не в здании земской управы, а на чьей-либо квартире. Так впервые 19 председателей губернских земских управ собрались вместе и постановили создать при московской управе «Бюро совещаний председателей губернских земских управ», целью которого было ежегодное проведение собраний и выработка на них однотипных обращений к правительству по делам земств, но подаваемых каждой губернией в отдельности. В состав бюро избрали пять крайне умеренных по своим взглядам земцев, а председателем попросили быть Д.Н.Шипова⁴⁴. Земцы действовали строго легально и после первого же заседания Бюро, посвященного организационным вопросам, провели его журнал заседания через цензуру, отпечатали и разослали в губернии и в Министерство внутренних дел. Слух о каких-то земских съездах дошел и до К.П.Победоносцева, и испуганный его неудовольствием Горемыкин вызвал Шипова в Петербург и отменил свое разрешение. «Распоряжение министра, - вспоминал Шипов, - конечно, не могло устранить стремления земств к объединению и только вынуждало их для достижения той же цели изыскивать иные пути»⁴⁵, хотя и Бюро время от времени собиралось в Москве для решения общеземских дел.

Решено было временно приостановить действие Бюро, но при этом попытаться учредить особый земский печатный орган, издавать его в Москве и выработать записку о положении земства для передачи ее Николаю II. Зимой 1900-1901 гг. Шипов организовал кружок лиц для обсуждения проекта такой записки, которая затем должна была быть разослана для ознакомления во все губернские управы и после учета их замечаний передана царю. В кружке оказались такие консерваторы, как предводитель Московского губернского дворянского собрания князь П.Н.Трубецкой, предводитель дворянства Орловской губернии М.А.Стахович, известные славянофилы Н.А.Хомяков и Д.Ф.Самарин. Крупнейшего русского историка, знатока истории земских соборов В.О.Ключевского попросили отредактировать эту записку, первоначальный вариант которой взялся написать сам Д.Н.Шипов⁴⁶. Он тщательно готовился к ее созданию, прочитав даже «Капитал» К.Маркса. Из последнего был принят тезис, что «развитие экономических формаций - естественно-исторический процесс», но Шипов дополнил его тем, что «разум свидетельствует человеку, что он обладает сознанием своего личного "я", что он наделен свободной волей, что ему присущи сознания добра и зла и чувство нравственной ответственности за свои действия»⁴⁷.

Изложив свои теоретические взгляды на роль государства и характер его взаимоотношений с отдельной личностью и общественными организациями, Шипов предложил на обсуждение кружка 9 тезисов, суть которых сводилась к следующему:

1. Ненормальность современного государственного управления состоит в том, что нет взаимного доверия и уважения между правительством и обществом.

2. Любую общественную самостоятельность правительство рассматривает как подрыв основ самодержавия и стремится к бюрократической опеке всех сторон общественной жизни.

3. Положение это ложно, ибо без живого и тесного общения самодержавия с народом первое теряет свое идейное значение и заменяется самодержавием министров и бюрократии, с чем общество никогда примириться не сможет.

4. Бюрократический строй разобщает царя с народом, что имеет следствием «произвол и личное усмотрение», нарушает «права всех и каждого и подрывает уважение к правительству».

5. Для выяснения своих нужд и мнения «необходимы обеспечения свободы совести, мысли и слова и развитие общественной самостоятельности».

6. Общество должно иметь право доводить до сведения самодержца мнение «о своих нуждах и о действительном положении вещей на местах».

7. «Составляемые в центральных избирательных учреждениях законопроекты должны быть доступны предварительной критике со стороны общества, и мнения общества должны быть известны государю при утверждении законов самодержавной властью». Для реализации последнего пожелания Шипов считал необходимым участие общественности в работе комиссий Государственного совета и предварительную огласку всех законопроектов.

8. Представители общественности в эти комиссии должны ею же и избираться, а не назначаться бюрократией.

9. «Организация порядка и условий общения самодержавного государя с народом должны составлять задачу государственной власти, но при обсуждении этих вопросов необходимо участие представителей общества»⁹⁸.

Перед нами типичная либерально-консервативная программа, тем более что Шипов, понимая, что она резко отличается от политических реалий России, утверждал, что «всякое государственное преобразование должно совершиться с осторожностью и постепенно, не вызывая обострения политических отношений в стране»⁹⁹. Нельзя отрицать умеренности и политического реализма этой программы, но все же, как и большинство консервативных программ, она страдала по меньшей мере тремя утопическими положениями: во-первых, исходила из того, что самодержец так же думает и согласится ее принять. Во-вторых, предполагала, что и так называемое «общество» (т.е. подданные самодержца) тоже едины в своем мнении, совпадающем с мнением Дмитрия Николаевича Ши-

пова. И в-третьих, исходила из того, что у власть имущих бесконечно много времени, чтобы обсуждать и осуществлять эти предложения.

Тезисы Шипова, по его словам, были весной, летом и осенью 1901 г. многократно подвергнуты обсуждению и вызвали серьезную критику с различных и самых противоположных точек зрения. Первым заволновался Д.Самарин. Он написал Шипову обширное письмо, в котором, соглашаясь с критической частью тезисов, отвергал позитивные предложения, т.к., по его мнению, реализация их приведет со временем к конституционному строю в России, что будет губительным для нее. В итоге споров 21 ноября 1901 г. Самарин прислал письмо, в котором официально отказывался от дальнейшего участия в совещаниях, мотивируя это тем, что недоверие правительства к обществу, конечно же, явление не только негативное, но и реальное. Однако оно имеет под собой и объективные основания: «Недоверие власти до известной степени оправдывается самым характером нашего общества, которое не владеет необходимою нравственной силой, устойчивостью и ясностью убеждений и способностью к дружной работе. В обществе преобладают течения отрицательного свойства: отрицательное отношение к вере отцов, к истории своего народа, к его пониманиям и быту. Большинство вожаков нашего общественного мнения смотрит на самодержавие, как на государственную форму, отжившую свой век, и считает необходимым борьбу с этим злом. Вследствие этого нельзя утверждать, что правительство только по недоразумению не доверяет обществу»⁵⁰. Тезисы, по мнению Самарина, - суть либеральная программа, которая уже известна правительству и неоднократно отменялась им. Как выйти из этого заколдованного круга, Д.Самарин не знал, но быть «либералом» не захотел. Встретившись с такими разногласиями, остальные члены совещания согласились с тем, чтобы «мысль о составлении и подаче записки была оставлена без дальнейшего движения»⁵¹.

Попытка объединить общественных деятелей на мысли о подаче записки государю в целях откровенного выяснения переживаемого положения, создаваемого в стране реакционной политикой правительства, потерпела неудачу, - признавал Шипов, - между тем в сознании представителей либерально-консервативных политических течений все сильнее укреплялось убеждение в необходимости установления более нормальных отношений между государственной властью и населением. Представлялось несомненным, что если власть в ближайшее время не отрешится от усвоенных ею недоверия и пренебрежения к общественным силам и не создаст благоприятных условий для сотрудничества с общественными элементами на основе солидарности с ними в понимании смысла и задач государственной жизни, то в недалеком будущем под влиянием быстро нарастающего в стране оппозиционного настроения окажется неизбежной коренная реформа государственного строя и будет поставлен вопрос о насильственном осуществлении народовластия⁵².

Но самодержавие думало совершенно иначе и ни на какие уступки не шло. В частности, не продвинулось дело с созданием общеземского печатного органа, который был запрещен Министерством внутренних дел,

что только осложнило его собственную жизнь: земцы-конституционалисты совместно с демократической интеллигенцией стали издавать за границей нелегальный журнал «Освобождение», а внутри страны кружок «Беседа» организовал собственное издательство под таким же названием, где стал публиковать сборники статей, посвященные аграрному вопросу и земским делам. Запретив легальный либерально-консервативный орган, министерство внутренних дел подтолкнуло людей более радикальных и решительных к изданию органа нелегального.

Новая активизация либерально-консервативных элементов была связана с двумя обстоятельствами. 22 января 1902 г. царь издал указ о создании «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности». На первых же заседаниях этого чисто бюрократического учреждения было решено обойтись без каких-либо контактов с органами местного самоуправления: «едва ли - отмечалось на совещании, - есть необходимость спрашивать в настоящее время земские учреждения», так как они «были запрошены о нуждах земледелия и сельскохозяйственной промышленности в конце 1894 г. министерством земледелия»⁵³. Среди назначенных правительством 2 тыс. 981 члена губернских и областных сельскохозяйственных комитетов и 10 тыс. 509 уездных⁵⁴ оказались и некоторые земские либеральные консерваторы, но это было совсем не то, чего они хотели: не было самостоятельного декларирования земцами своих выборов. Второй причиной, вызвавшей рост недовольства либеральных консерваторов, стало назначение в апреле 1902 г. министром внутренних дел В.К.Плеве, сменившего на этом посту убитого эсерами Д.С.Сипягина. Даже по определению своих коллег по министерскому кабинету Плеве был «подлец» и «бессовестный полицейский»⁵⁵, что он полностью подтвердил за два с небольшим года своего бесславного управления министерством.

Устранение земцев от работы Совещания вызвало раздражение даже консервативных помещиков, полагавших, что они лучше столичных чиновников знают, кто имеет право заседать и обсуждать сельскохозяйственные дела, а активное участие в работе совещания Плеве делало дальнейшее столкновение либеральных консерваторов с бюрократией неизбежным.

В марте и апреле 1902 г. в Петербурге прошли организованные министерством земледелия выставка кустарных изделий и съезд по вопросам кустарной промышленности, а затем собрался так называемый «пожарный съезд» по борьбе с частыми пожарами в деревне. Съехавшиеся из 20 губерний около 40 земских деятелей были разнородны по своим политическим убеждениям, но по инициативе представителей Курской губернской земской управы единодушно решили создать в мае в Москве нелегальный земский съезд посланцев всех земских губерний для того, чтобы высказать свое отношение ко всему происходящему. Организацию съезда взяла на себя Московская губернская земская управа во главе с ее председателем Д.Н.Шиповым. 27 апреля он разослал представителям губернских управ приглашение собраться 23-26 мая в Москве. К пригла-

шению был приложен проект решения из шести пунктов, выработанных еще на «пожарном съезде» 31 марта - 6 апреля 1902 г.⁵⁶ Цель будущего съезда определялась так: «совместное обсуждение программы предполагаемых записок (подаваемых в сельскохозяйственные комитеты - ред.), порядка их подачи, вопроса об участии представителей земских управ в комитетах и вообще всех вопросов, связанных со включением земских представителей в состав губернских и уездных комитетов»⁵⁷.

Работа сельскохозяйственных комитетов была скорее поводом для созыва земского съезда. Подлинные причины коренились глубже. Они, в частности, были вскрыты графом П.А.Гейденом в письме к псковскому губернатору П.А.Васильчикову, потребовавшему объяснений участия очень умеренного консерватора в «нелегальном крамольном собрании». Земцы собрались на частное совещание, утверждал граф, чтобы ответить на вопрос: «Что же делать, чтобы сохранить дорогой им порядок», нарушенный «недавними событиями на юге России», где только что прокатилась мощная волна крестьянских выступлений. Утверждая, что одно правительство без помощи земства не в состоянии обеспечить общественный порядок, Гейден писал: «Если охранительные элементы общества будут безучастно относиться к надвигающимся событиям, не будут стараться сплотиться на почве закона, чтобы создать мирный отпор всем крайностям, то мы скоро очутимся лицом к лицу или с социальной революцией, или с полным омертвлением общества. И то и другое для меня ... крайне нежелательно»⁵⁸.

Три дня (23, 24 и 25 мая) 52 земца из 25 губерний заседали на своем нелегальном съезде. В результате его работы земцы приняли специальную резолюцию, в которой протестовали против отстранения земских учреждений от выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности, признавали необходимым привлечь выбранных ими делегатов к участию в работе «Особого совещания» и включить их в состав учрежденного при министерстве земледелия сельскохозяйственного совета⁵⁹. Именно последний пункт вызвал наибольшее раздражение Плеве. Желая сгустить краски, Плеве пошел на явную фальсификацию, донеся царю тотчас же после окончания работы съезда, будто земцы признали, что «какие бы ни принимались реформы, успех таковых до тех пор не будет обеспечен, пока представители земских учреждений не будут допущены с правом голоса в Государственный совет»⁶⁰. Позже Плеве подал Николаю II еще один всеподданнейший донос. Подобно легендарному герою Салтыкова-Щедрина, путавшему понятие «родина» с понятием «его превосходительство» и даже отдававшего предпочтение последнему, министр внутренних дел писал, будто ранее он надеялся на то, что «в переживаемое время брожения умов патриотизм общественных деятелей подкажет им неудоство действий, идущих вразрез с видами и намерениями правительства», но в своих предположениях он ошибся. «Лица эти (земские деятели, в том числе такие убежденные либеральные консерваторы, как Д.Н.Шипов, М.А.Стахович и др. - ред.) пользуются всяким случаем, чтобы высказать свое недовольство настоящим и свои меч-

тания о будущем». Пугая царя подобной крамолой и утверждая, что расширение прав земства (в том числе даже такое незначительное, как право посылать своих выборных в Совещение по делам сельскохозяйственной промышленности) и другие подобные акции «в своем поступательном шествии неминуемо должны привести к ограничению этой (самодержавной - ред.) власти, в которой остальные русские люди видят заветы своего будущего»⁶¹, Плева просил разрешения у Николая II на ряд санкций против этих страшных карбонариев и тут же получил его. Николай II «высочайше» повелел губернаторам вызвать к себе участников съезда и выразить им свое монаршее порицание, а двух главных заперщиков - Д.Н.Шипова и М.А.Стаховича Плева вызвал в Петербург для того, чтобы лично передать им царский нагоняй. Вскоре Плева не утвердил Шипова в должности председателя московской губернской земской управы. Это было признанием полнейшей несовместимости на рубеже XIX - XX вв. самодержавия с либеральным консерватизмом, хотя он и не покушался на его основы, искренне считая их сохранение совершенно необходимым для развития и процветания России.

4. КОНСЕРВАТИЗМ ДВОРЯНСКИХ УЕЗДНЫХ И ГУБЕРНСКИХ СОБРАНИЙ

Кроме кружка «Беседа» и «Бюро земских съездов при московской губернской земской управе», на рубеже веков была и еще одна структура, на сей раз образовавшаяся по сословному признаку, в которой безраздельно господствовала консервативная мысль - «Совещение губернских предводителей дворянства» и дворянские уездные и губернские собрания, созданные и собиравшиеся именно в это время, в 1896-1904 гг. Конечно же, и в «Беседе», и в «Бюро совещания председателей губернских земских управ» при московской губернской земской управе, и в дворянских собраниях господствовал один и тот же сословный элемент (а нередко - и персонально одни и те же лица) - дворяне, даже не просто дворяне, а несколько уже - дворяне-землевладельцы, т.е. помещики. Но у каждой из этих нечетко оформленных, аморфных организаций были свои несколько отличавшиеся друг от друга убеждения и планы. Все они возникли под влиянием кризиса власти, которая была уже не в состоянии решать возникшие перед ней новые задачи старыми методами, что и вело к росту в стране социально-политической напряженности. Неоднородный состав дворянства вызывал и неоднородность требований и планов всех этих трех консервативных в своей основе организаций, для которых было общим только одно: признание исключительного, не похожего на западные примеры, исторического пути развития России и соответственно этому особого типа ее политической организации - самодержавного строя и сохранения сословий.

Рупор российского дворянства «Московские ведомости» в апреле 1897 г. писали в одной из статей: «Самодержавная власть русских царей

имеет совершенно иное значение, чем западный абсолютизм, возникший на чуждой нам феодальной почве. Точно так же и русское служилое, поместное дворянство ничего не имеет общего с бывшим западным феодальным дворянством, а потому и судьба русского дворянства и русского самодержавия, то есть судьбы всей России, должны быть совершенно иными, чем судьба Западной Европы»⁶².

Конечно, оставаясь на общей консервативной почве, каждая из этих организаций во главу угла ставила свое: для аристократической «Беседы» это была борьба с бюрократией, причем высшей, петербургской, которая, по убеждению «собеседников», подменила собой самодержавие. «Бюро совещания» при московской губернской земской управе стремилось прежде всего объединить губернские управы и добиться права выбора, а не назначения бюрократией своих представителей при различных правительственных совещаниях, комиссиях и тому подобных органах. Позиция консерваторов в дворянских собраниях определялась иным: быстрым (если не стремительным) оскудением и разорением помещиков после отмены крепостного права в 1861 г.

Соответственно с этим и цель дворян-помещиков была иной и ограничивалась преимущественно требованием изменения экономической политики, всемерной поддержки помещичьего земледелия, как якобы основы экономического благополучия России, главной отрасли ее народного хозяйства. Дворянские собрания убеждали Николая II (хотя в этом и не было особой необходимости, т.к. он вполне был солидарен с этими мыслями), что дворянство - верная опора самодержавия и с крахом помещичьего землевладения рухнет стержень власти, и Россия рассыплется, перестанет быть единой и мощной империей.

Встревоженный многочисленными «всеподданнейшими слезницами» губернских дворянских собраний, Николай II утвердил предложение Министерства внутренних дел о созыве в феврале 1896 г. совещания губернских предводителей дворянства для выяснения нужд сословия и всестороннего обсуждения дворянского вопроса. Исследуя его работу, А.П.Корелин пришел к выводу, что в решениях губернских предводителей «главной причиной создавшейся ситуации указан был его (правительства - ред.) ошибочный финансово-экономический курс, который с 1861 г. направлен был прежде всего на покровительство промышленности в ущерб сельскому хозяйству и особенно помещикам. По их мнению, необходим был коренной пересмотр этого курса. Помещики требовали повысить хлебные цены путем увеличения закупки хлеба казной для нужд интендантства и в государственный запас, пересмотреть систему податей, устранить на внутренних рынках конкуренцию дешевого сибирского хлеба. Другой комплекс мер должен был понизить издержки производства и сбыта сельскохозяйственной продукции: понизить ставки железнодорожного тарифа, удешевить кредит, пересмотреть тарифы на промышленные изделия с целью введения покровительственных тарифов на экспорт продукции животноводства»⁶³. Было предъявлено и много других конкретных претензий к Министерству земледелия и Министерству финансов.

Проанализировав эти требования (а в «Записке» общее число их достигало 80 пунктов), исследователь пришел к выводу, что не вписывавшееся в новые буржуазные условия, складывавшиеся в стране, «реакционное дворянство продолжало искать выход из своих затруднений на путях восстановления и укрепления сословности, в предоставлении ему особых экономических и политических привилегий, в подчинении его интересам и нуждам всех материальных ресурсов страны»⁶⁴. Естественно, что при таком диагнозе общественных недугов реакционно-консервативному дворянству нужна была сильная самодержавная власть, которая одна, по его мнению, могла остановить исторический ход развития России и кое в чем повернуть его даже назад, к дореформенным порядкам.

Подобные же взгляды разделяли и многие влиятельные царские сановники. В феврале 1897 г. бывший министр путей сообщения А.К. Кривошеин подал специальную записку царю, в которой утверждал, что в борьбе с силами, шедшими по стопам тлетворного «демократического Запада», иного союзника, кроме старорежимного дворянства, у самодержавия вообще нет. Оно нуждается в опоре, а ею «не может быть крестьянство, которое не играло активной политической роли в борьбе против внутренних врагов» и, более того, без «благотворного руководства» само «готово поддаваться всякого рода вредным влияниям». А между тем как враги сословного и самодержавного строя России множатся и все более крепнут, дворянство, единственная его опора, приходит во все больший упадок. «Может ли при таких условиях, - задавал Кривошеин вопрос, - наше государство устоять против подобного шестия демократии и социализма?» Ответ давался тут же и категорический: «История всех веков и народов, где только являлось подобное положение, говорит: нет, не может. Не может, если дворянство слабо или дворянства вовсе нет, ибо тогда действительно новый мир разрушит старые начала и возгласит на их развалинах свои революционные и химерические доктрины»⁶⁵.

Наряду с такими открыто реакционными оценками роли дворянства ему давалась и другая консервативная задача, тоже исходившая из существования сословного строя в стране. Автором ее был крупный ученый, виднейший представитель консервативного либерализма Б.Н. Чичерин. Его симпатии тоже целиком принадлежали дворянству, без которого он не мыслил плавного перехода к правовому государству западноевропейского типа. Но подход его был иным, отличным от подхода старозаветных помещиков, мечтавших о возвращении по сути дела к дореформенным порядкам⁶⁶. 29 января 1897 г. Б.Чичерин в газете «Санкт-Петербургские ведомости» поместил статью «О современном положении русского дворянства». Он высоко оценивал реформы Александра II и считал, что они создали все условия для успешного существования и развития российского дворянства, так как оставили ему большие запасы земли, цена на которую постоянно и быстро растет, поэтому ни о каком оскудении помещиков не может быть и речи. По утверждению Б.Чичерина, он не знает ни одного помещика, который бы в своих экономических неурядицах мог винить кого-нибудь кроме самого себя. Зато вся политика Александра III в отношении

дворянства была неудачной. Стремление ограничить и урезать права местного самоуправления уменьшило влияние дворянства в уездах и губерниях, погубило ростки политической гражданской деятельности, начавшей пробуждаться в дворянстве. Экономическая политика в отношении дворянского землевладения тоже порочна: она искусственно поддерживает тех, кто не умеет хозяйничать и все равно никогда не сможет приспособиться к новым пореформенным условиям. Прямой результат этой политики - появление в среде дворянства значительного паразитирующего, рептильного слоя помещиков, живущих от одной подачки к другой и не имеющих, сколько бы им ни помогали, никаких перспектив на выживание.

Между тем роль дворянства, по мнению Б.Чичерина, чрезвычайно велика и только оно одно может обеспечить исторический прогресс России, но совсем не на том пути, который выбрала его реакционная часть - пути безоговорочной поддержки самодержавного режима в стране. Удел дворянства в другом: «Такой класс нужен всегда и везде. Вся сила общества состоит в заключающихся в нем независимых элементах: они одни могут служить прочной опорой государственного порядка». В России таким классом может быть только дворянство, утверждал Чичерин, ибо «у нас сколько-нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только в столицах и в нескольких больших городах». Но у дворянства дореформенного типа никаких перспектив нет: «С водворением общегражданской свободы разложение сословного строя составляет лишь вопрос времени. Надежда вся на здоровые элементы, которые скинут с себя старые пути»⁵⁷. По мнению Б.Чичерина, только обуржуазившись, став прусским юнкером, русский помещик сможет сыграть роль, которую предназначал для дворянства его старинный идеолог - роль независимой общественной силы, способной стать фундаментом обновленной России и взять в свои руки управление страной.

Статья Чичерина вызвала оживленные споры на страницах всех крупнейших газет и журналов. Это заставило ее автора взяться за перо во второй раз. В новой статье он пытался довести до читателей две основные мысли. Первая сводилась к тому, что спасти гибнущее нельзя, тем более что в дворянстве, по его мнению, видно два течения. Одно, старозаветное, не имеет будущего, оно тянет страну назад, в дореформенное время, стремясь сохранить и даже приумножить свои сословные привилегии. Это путь в никуда. «Те имения, которые спасаются с помощью благотворительных капиталов или милостей правительства, запутываются все в большие долги... Чем более дворянство взывает о помощи, тем более оно признает свою несостоятельность», свою ненужность для сегодняшнего дня.

Но есть и другие дворяне - помещики, те, кто «не вопиет о пособиях, не раболепствует перед властью в надежде на получение от нее выгод»⁶⁸. Они самостоятельно пытаются «вписаться» в новые условия, складывающиеся после 1861 г., смотря в будущее, а не в прошлое. Поступать наоборот и поддерживать исторически обреченных значит «идти наперекор не только всему историческому развитию государственной жизни, но и существующему у нас общественному строю, установленному эпохой пре-

образований»⁶⁹. Дворянство должно сблизиться с новым буржуазным землевладением, образовать новый единый класс земельных собственников в бессословном государстве, как это уже произошло в странах Запада.

Новая статья Б.Чичерина подлила масла в огонь. Поход реакционеров на либеральных консерваторов, как и всегда, возглавили самые правые издания - «Гражданин» Мещерского, «Московские ведомости» и «С.-Петербургские ведомости». Если Россия и Западная Европа однотипны, писали «С.-Петербургские ведомости» в апреле 1897 г., то «для нас было бы безумием проделать этот путь, коль скоро мы видим, что Европа, уничтожив сословный строй и самодержавную монархию, идет по наклонной плоскости к бездне социализма, являющегося ближайшим и естественным последователем демократического парламентаризма»⁷⁰. Развивая тему о необходимости сохранения самодержавия и сословного строя, один из авторов «С.-Петербургских ведомостей» писал: «Для государства, пока еще не поздно, лучше сохранить сословные привилегии и даже сословные предрассудки, чем лишиться прочно организованного, сдерживающего элемента в предстоящей всеобщей борьбе на экономической почве». Князь Цертелев считал, что, поддерживая и возрождая эти пережитки крепостничества, Россия лучше подготовится к натиску демократии и народных масс, приобретет большую стабильность, чем буржуазный Запад. «Вот почему самодержавие и тесно связанный с ним сословный строй имеет в настоящее время не только национальное, но и мировое значение»⁷¹.

«Московские ведомости» были не менее категоричны и открыто писали о «твердом решении государственной власти достаточно сильными мерами восстановить государственный сословный строй, существовавший в дореформенную эпоху»⁷². Не эти ли и подобные мысли газеты так восхитили царя? «Мне чрезвычайно нравятся статьи и вообще тон этой газеты, и я успел уже почерпнуть кое-что полезное для себя» - писал он одному из самых уважаемых своих родственников, Московскому генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу⁷³.

Как видим, весьма и весьма умеренное, чисто дворянское направление либерального консерватизма, представленное Б.Чичериным, не претендовавшее, в отличие от «Беседы» или «Бюро земских съездов при Московской губернской управе», на какие бы то ни было уступки политического характера со стороны самодержавия, тоже практически не имело никаких шансов на успех, поскольку самодержец не желал ничего слышать, кроме самых реакционных мыслей, и тем охотнее, чем они были реакционнее.

5. РАЗЛИЧНЫЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ КРУЖКИ

На рубеже XIX-XX вв. консервативная мысль развивалась, высказывалась и поддерживалась не только в более или менее организованных общественных структурах, но и в различных кружках, появившихся прежде всего в обеих столицах. Эти объединения и кружками-то в строгом смыс-

ле слова не были, не велось никаких протоколов, не принималось никаких решений и на других «средах», «вторниках», «четвергах» и тому подобных «приемных днях», широко практиковавшихся в начале XX в. не только в дворянских, но и в обеспеченных интеллигентских семьях, когда у хозяев собирались друзья-приятели и музицировали, играли в карты или устраивали литературные вечера. Эти кружки, как правило, отличались проведением постоянных дискуссий о судьбах России и политике правительства. Анализу деятельности некоторых из них посвящена статья В.Я.Лаверычева⁷⁴.

Мысли, развивавшиеся в этих кружках, определялись по меньшей мере тремя их особенностями: во-первых, членами их были в основном богатейшие землевладельцы России, т.е. материально совершенно независимые люди. Во-вторых, каждый из таких кружков представлял клан более или менее близких родственников, что позволяло не бояться «голубых мундиров» с их всевидящими очами и всеслышащими ушами. И, наконец, среди них встречалось немало бывших (или будущих) государственных чиновников крупного ранга, вплоть до министерского. Да и действовавшие министры - Д.С.Сипягин, П.Н.Святополк-Мирский не брезговали посещать некоторые из этих кружков. Эти особенности дают право серьезно отнестись к разговорам, которые там велись и были собраны буквально по крупицам В.Я.Лаверычевым в архивных дневниках, воспоминаниях или печатавшихся время от времени статьях «кружковцев». Наиболее влиятельными из них были кланы Шереметьевых и Бобринских, связанные между собой родственными узами. В Петербурге долгие годы действовал кружок братьев Н.П. и А.П.Барсуковых, собиравшийся приблизительно раз в месяц у них дома в большой комнате, увешанной портретами российских патриархов и других духовных лиц. (Отсюда и название кружка - «Патриаршая палата».) В Москве собирався «Кружок московских дворян, верных присяге». Его идеологами были Д.Ф.Самарин, С.Ф.Шарапов, А.Г.Щербатов (Президент Московского общества сельского хозяйства)⁷⁵.

В этих кружках в устной форме, а в печати письменно, раздавалась критика в адрес прежде всего экономической политики правительства и всей бюрократии, нарушившей, по мнению кружковцев, единение царя с народом и тем ослабившей самодержавие. На наш взгляд, В.Я.Лаверычев прав, когда отказывается видеть в подобных фактах проявление некоторой отчужденности во взаимоотношениях власти и ее союзника - дворянства. Он справедливо связывает деятельность членов этих кружков «с известным фрондерством, т.е. попыткой влиятельных аристократических высокопоставленных кружков предпринять некоторые шаги по модернизации самодержавного строя, одновременно придав им более демонстративный, формальный характер»⁷⁶.

Почти во всех этих кружках мечтали о создании печатного бесцензурного органа, где можно было бы высказывать свои независимые взгляды, но и эти сверххляльные в отношении самодержавия печатные органы не допускались правительством. В этом отношении, пожалуй, наиболее по-

казательна неудачная попытка Д.А.Хомякова и отставного генерала А.А.Киреева, предпринятая в апреле 1900 г. Используя свои придворные связи, они обратились к Николаю II с просьбой разрешить им издавать печатный орган, совершенно независимый от кого-либо, орган «оппозиции его величества»⁷⁷. Царь отослал ходатаев к министру внутренних дел Д.С.Сипягину. 26 мая 1900 г. Киреев с возмущением писал в своем дневнике, что «дуралей Сипягин» разрешил им издавать газету, «но решительно против бесцензурности нашего органа... Как организовать консервативную партию, когда те, которым хочешь служить, которых хочешь спасти, не понимают, что для такого служения нужна свобода слова, что служить молча могут только лакеи, а не верные слуги»⁷⁸, - негодовал старый генерал. Как видим, даже самая консервативная, но независимая от власти мысль была замкнута стенами частных квартир и не могла миновать бюрократических рогуток цензуры.

6. ТЕОРЕТИКИ КОНСЕРВАТИВНО-РЕАКЦИОННОЙ МЫСЛИ (К.П.ПОБЕДОНОСЦЕВ, Л.А.ТИХОМИРОВ, В.П.МЕЩЕРСКИЙ, С.Ф.ШАРАПОВ)

Роль председателя Синода православной церкви К.П.Победоносцева, возглавлявшего консервативно-реакционное крыло в период царствования Александра III, при Николае II несколько уменьшилась⁷⁹, но продолжала оставаться все же заметной. Падение влияния Победоносцева произошло прежде всего потому, что, как человек умный, он не мог не видеть разницы общественного настроения в начале 80-х и в середине 90-х годов. В 1881 г. террористическая деятельность народовольцев не находила широкой поддержки в общественном мнении страны, большинство верило в реформаторские возможности самодержавия, только что продемонстрированные Александром II. В этих условиях Победоносцев в известной мере был прав, когда убеждал только что оказавшегося на престоле царя, что «победить не трудно, надо только ни в коем случае не идти по прежнему пути реформ». «Это будет гибель, - писал он царю через пять дней после смерти Александра II, - гибель для Вас и Ваша: это ясно для меня как день... Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить»⁸⁰.

Через пятнадцать лет обстановка была другой. Уже многие годы не рвались бомбы террористов, но куда активнее стала действовать либеральная общественность. Именно потому новому императору Николаю II тот же Победоносцев на просьбы земцев в январе 1895 г. составил ответ, в котором речь шла не о том, чтобы вести борьбу «не на живот, а на смерть, железом и кровью», а всего лишь прозвучало требование «оставить бессмысленные мечтания» (в подлиннике Победоносцевым было

написано «беспольные», что звучало еще мягче)⁸¹. Другой причиной некоторого падения влияния Победоносцева на Николая II был характер последнего. В отличие от своего отца, Николай II был слабовольным человеком и явно не симпатизировал людям с сильным характером, к которым, без сомнения, принадлежал Победоносцев. Именно потому он не желал сдаваться и активно продолжал проповедовать свои взгляды. В 1895 г. увидел свет первый выпуск «Московского сборника», который затем ежегодно издавался семь лет подряд.

В первой же статье «Церковь и государство» Победоносцев утверждал, что Европа и Россия идут разными историческими путями. В первой католицизм стал самостоятельной силой, независимой от государства, что и завело Европу в тупик. Православная же церковь, «как общество верующих, не отделяет и не может отделять себя от государства, как общества, соединенного в гражданский союз»⁸². Требуя тотального вмешательства церкви во все дела, председатель Святейшего Синода утверждал, что этого, к сожалению, в России нет, в результате чего в стране создалось ненормальное состояние, «которое должно привести или к действительному преобладанию церкви над преобладающим, по-видимому, государством, или к революции»⁸³.

Резко критиковал Победоносцев и основополагающие идеи либерализма в широко известной статье «Великая лож нашего времени», в частности идею, что «всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции - и проникла, к несчастью в безумные русские головы»⁸⁴. Обвиняя парламентарный строй во всех смертных грехах - тщеславной жажде власти, коррупции, заискивании перед толпой и даже «нахальном присвоении власти», предназначенной божественным провидением только для избранного божественным промыслом помазанника божьего, Победоносцев один из разделов этой статьи заканчивал словами: «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар - всероссийского парламента. Да не будет так»⁸⁵.

«Суд присяжных», «Печать», «Закон», «Народное просвещение», «Духовная жизнь», «Церковь», «Власть и начальство» - вот названия только некоторых статей, в которых с последовательно консервативно-реакционных позиций Победоносцев критиковал современную ему действительность, подмечая некоторые негативные реалии в ней, но не предлагая ничего позитивного, кроме набивших оскомину требований «самодержавия, православия, народности». В этом смысле консервативная мысль в изложении Победоносцева не нашла дальнейшего развития и исчерпала самую себя. В этом тоже была одна из причин ослабления влияния К.П.Победоносцева.

Теоретиком иного характера был Л.А.Тихомиров, которому Победоносцев помог в 1889 г. вернуться в Россию, где со временем он стал одним из ведущих идеологов консервативно-реакционной мысли⁸⁶. Он привнес в ее развитие немало новых идей, что в значительной мере опреде-

лялось хорошим знанием противников - революционеров и либералов, их идеологии, организации и тактики. С известной долей истины он писал: «Я боюсь, что вижу и понимаю кое-что, что другие поймут еще не скоро, а может быть тогда, когда уже будет поздно»⁸⁷. Именно поэтому он писал министру внутренних дел Дурново, что очень хотел бы заняться пропагандой «доказательства необходимости для России монархической власти», разработкой «положительной программы устроения самодержавной государственности»⁸⁸.

Лев Тихомиров внес значительную лепту в теорию русского консерватизма. В противовес К.П.Победоносцеву, Л.Тихомиров считал совершенно необходимым для укрепления самодержавия проведение определенных реформ, поскольку «консерватизм, который был бы прав как отрицание этого бесплодного революционного прогресса, - заслуживает не меньших упреков, когда ограничивается лишь одним отрицанием и не видит перед обществом положительной работы, движения вперед, то есть тоже прогресса, но только в эволюционном смысле. Жизнь действительная не знает революции, как творческого начала. Но она также не знает ни неподвижности, ни движения назад»⁸⁹. Однако эти мысли не привели Л.Тихомирова к либерализму, который, вообще-то говоря, исходил из тех же посылок. Наоборот, Л.Тихомиров не менее резко, чем К.Победоносцев, критиковал либералов, которые объявлялись им главными виновниками революционирования русского общества. Проявляясь в формах «по наружности безобидных», либерализм, по мнению Л.Тихомирова, зачастую «не внушает опасений, не вызывает внутреннего противодействия правительства», а между тем влияние либералов «огромно для выработки революционеров» и «ничтожно, когда их нужно сдержать». Либералы и морально, и материально, и в своих органах печати оказывают революционерам самую непосредственную, а зачастую и решающую помощь. «Нет ни одного революционного течения,... которое не имело бы своих корней или отражений в легальной литературе». Именно либеральная печать сформировала такое общественное мнение, которое в деле В.И.Засулич «признало за революционерами право убивать»⁹⁰.

Как человек по натуре деятельный и к тому же хорошо знакомый с организацией революционного движения, Л.Тихомиров и мысли не допускал, что общественное движение, идеологические течения и общественная жизнь могут развиваться сами собой, без вмешательства извне сильной государственной власти. В этом отношении он предвосхитил политику и поведение тоталитарных режимов XX века, подмявших под себя все и вся от науки, культуры, искусства до сугубо личной жизни своих граждан. «Все, что мы ни возьмем, - утверждал Л.Тихомиров, - власть ли политическую, организацию экономическую, условия ли воспитания личности в семье и религиозных учреждениях, все это получает возможность благотворно действовать тогда только, когда складывается в стройную систему, пропитывающую общество от мелких его ячеек до центра. Как много нужно для существования, например, монархии, какой ряд

традиций, вырабатывающихся от долгого совместного действия монарха и народа, какие привычки в разных классах народа, какие тонкие способы взаимного понимания народа и власти»⁹¹.

Хорошо понимая, что эти «традиции», «привычки» и «тонкие способы взаимного понимания» не только складываются стихийно, но с большим успехом могут быть созданы и сформированы путем вмешательства извне, Л.Тихомиров предложил целый набор средств для создания этой «стройной системы». Во-первых Л.Тихомиров совместно с К.Леонтьевым пришли к идее, что для противодействия враждебным самодержавию «партиям организованным» необходимо образовать тайное общество, нечто вроде масонской ложи или иезуитского ордена консерваторов, как шутил К.Леонтьев⁹². Такое неуловимое и неуязвимое для противников общество (к числу противников относили некоторых представителей высшей бюрократии) не должно было иметь связи с правительством, ибо это могло дискредитировать общество и «связать» его самостоятельность и независимость. Опытный конспиратор, Л.Тихомиров предлагал создать это общество под невинной вывеской какого-нибудь научного или благотворительного кружка. Намечены были и будущие члены общества - В.А.Грингмут, Ю.Н.Говоруха-Отрок, Е.Н.Погожев, И.В.Попов, А.А.Александров и другие сотрудники «Русского обозрения» и «Московских ведомостей». Большинство из них позже, уже в ходе революции 1905-1907 гг., объединилось в различных черносотенных организациях.

Но, естественно, такая тайная организация не могла быть многочисленной и для влияния на широкие слои общества Л.Тихомиров предлагал осуществить иные меры. Во-первых, создать нечто вроде будущего «Союза писателей» - «корпорацию людей пера», как предлагал назвать ее Л.Тихомиров. Корпорация должна была иметь свои съезды, свои органы управления и даже собственные судебные органы, подчиняться правительству и состоять из людей «твердой веры в некоторые бесспорные начала нравственности и общественного блага»⁹³. Цель этой корпорации была определена очень расплывчато, что давало ее «руководящим деятелям» широкую возможность для любого произвола: «служить не партиям и направлениям, а Государю и Отечеству, всей стране, всей нации». Идея Л.Тихомирова была активно подхвачена всей консервативной печатью - «Гражданином», «Московскими ведомостями», «Русским вестником», но встретила решительное возражение со стороны либеральной прессы.

Сразу же поняв, куда клонят «охранители», К.К.Арсеньев писал: «Итак, подчинение печати полновластному хозяину; сохранение только тех ее органов, руководителей и участников которых удается получить удостоверение в честности - т.е. благонадежности стремлений, организация "сословия" журналистов не самоуправляющегося, а управляемого; обращение писателей в уполномоченных власти; вытекающая отсюда обязанность содействовать правительству - вот к чему сводятся пожелания небольшой группы, которая в случае их исполнения монополизировала бы в своих руках всю периодическую прессу»⁹⁴. Когда Козьма Прут-

ков предлагал свой «Проект о введении единомыслия в России», он и не предполагал, что вскоре органы печати будут не в шутку, а всерьез обсуждать вопрос о его осуществлении. Но время для этого еще не наступило и самодержавие не реализовало предложения Льва Тихомирова, хотя они, как показало будущее, вполне могли быть осуществлены.

Другим, правда не столь новым, вкладом в консервативную мысль было предложение Л.Тихомирова регламентировать всю систему образования в России от церковно-приходских школ до университетов, поставить образование под жесткую опеку церкви и государства, которые должны были контролировать и утверждать программы и состав преподавателей. Только так, считал Л.Тихомиров, путем долгого воспитания и «дрессировки», можно избавиться от безбожной и антигосударственной российской интеллигенции - главного врага (совместно с «инородцами») «истинно русского государственного строя» - самодержавия. «Живое нравственное чувство составляет, таким образом, основу для успеха действий государства. Но государство само по себе не имеет способов порождать это необходимое ему чувство. Государство может принимать меры к тому, чтобы нравственное чувство не подрывалось распространением безнравственных учений, или деморализующим зрелищем торжествующего порока и т.п. Твердым настоянием на исполнении предписанных норм жизни и систематическим каранием преступления, государство может "дрессировать" граждан, ввести у них соблюдение правды в привычку»⁹⁵. Разумеется, что дело для Л.Тихомирова было не в «соблюдении правды», а именно в «дрессировке» граждан, создании из них законопослушных и верных сторонников самодержавного строя.

Многочисленные статьи Л.Тихомирова неоднократно собирались в тематические сборники и публиковались большими тиражами. Бывший бомбист был замечен на самых верхах российского общества и «высочайше пожалован улыбкой» (точнее - слезами умиления). Один из видных консервативно-реакционных деятелей, генерал А.А.Киреев писал: «Ее (одну из статей Л.Тихомирова - ред.) прочел государь и очень умилился, у него навернулись слезы»⁹⁶. Однако более дальновидный, чем Николай II, Тихомиров был менее удовлетворен своей деятельностью и трудами своих соратников. «Остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, формы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии»⁹⁷. В отличие от К.П.Победоносцева с его примитивной верой в безоглядный консерватизм и его победу, более тонкий, ищущий Л.Тихомиров был и большим пессимистом.

Совсем иначе проводил консервативно-реакционные идеи редактор «Гражданина» князь В.П.Мещерский. В сонме реакционных теоретиков он занимал особое место в результате необычайной близости к Александру III и к Николаю II. Последний в своих письмах обращался к Мещерскому не иначе как «любезный друг» или «милый друг» и на «ты». Мещерский взял на себя роль царского советника, а с другой стороны, - кри-

тика или «подбадривателя» правительства и иных бюрократов. Летом 1902 г. он с разрешения царя совершает многонедельный вояж по 9 центральным приволжским губерниям. «Очень одобряю мысль, чтобы ты поехал по России в течение лета и чтобы непременно мне писал о виденном и слышанном»⁹⁸, - обратился царь к Мещерскому. Первоначально князь был доволен всем, что он увидел и ругал либеральную столичную прессу за нагнетание страстей. «Мне казалось, когда я уезжал, что я еду в какую-то страну, обреченную петербургской болтовней на скорую гибель от всех проснувшихся и ополчившихся на нее стихий разрушения, мне казалось, что я слышу вопли и крики негодующей ненависти, стоны гибнущих, рати междоусобной войны и море безутешных слез и неутешенных скорбей»⁹⁹, - писал Мещерский в своем «Дневнике», опубликованном в «Гражданине»¹⁰⁰. Особенно радовало князя настроение дворянства, которое, даже либеральничая, оставалось опорой старого порядка. Однако внимательнее приглядевшись, Мещерский увидел и другое: «...Стоит только поговорить с первым встречным крестьянином, безразлично какой местности, чтобы убедиться, насколько стремление к помещичьей земле стало нервным состоянием крестьянского сословия»¹⁰¹.

Ознакомившись с положением и настроением крестьян, Мещерский опять-таки по просьбе царя подал ему подробную записку, в которой давал оценку крестьянской реформе 1861 г. и всей последующей политике правительства по крестьянскому вопросу за 30 лет. Исследовавший ее Ю.Б.Соловьев пришел к выводу, что в записке реформе 1861 г. «и в особенности всей следовавшей после нее политике за четверть века высказывалось решительное осуждение»¹⁰². Действия правительства изображались сплошной цепью ошибок. Все это время правительство только и делало, что потворствовало крестьянству за счет помещиков, интересам которых был нанесен тяжкий урон. Чтобы избавиться от этой «тенденциозной политики», Мещерский считал необходимым для избежания «новой пугачевщины» наложить на крестьянство узду покрепче в виде «постоянной и строгой власти». В своей записке князь вновь и вновь развивал свою излюбленную идею - отдать крестьянство целиком на усмотрение земских начальников, действующих под наблюдением губернаторов. «Вся она (записка - Авт.) была проникнута реакционностью, позволявшей и в начале XX в. мечтать как о чем-то реальном о реставрации чуть ли не дореформенных порядков, по меньшей мере превозносить их как утраченный идеал. Лозунгом по-прежнему было - назад, к николаевскому царствованию... Новое - враждебно, внушал Мещерский царю. Новому нельзя уступать ни шагу. Наоборот, нужно теснить его, насколько хватает сил», - так заключал свой анализ записки Мещерского Ю.Б.Соловьев¹⁰³.

Однако никакими строгостями нельзя было сбить накал крестьянского недовольства, копившегося десятилетиями и росшего год от года. Взрыв был неизбежен и произошел весною-летом 1902 г. в Полтавской, Харьковской губерниях, на Кубани и в других южных регионах страны. Это была подлинная крестьянская война, для подавления которой при-

шлось прибегнуть к помощи десяти тысяч солдат. Вскоре по всему югу России прокатились рабочие забастовки, в которых участвовало более 300 тыс. человек. Мещерский, годами требовавший жесткой политики в отношении всех недовольных и инакомыслящих, быстро изменил свой курс, начал ругать чиновную бюрократию... за невнимание к нуждам народа. Среди тех, писал теперь он, кто взбунтовался, были такие, кто «и в известный час своей жизни имели повод и право быть недовольными своим положением и заявлять об этом, но получили грубый и бессердечный отказ». Вина за возмущение народа своим положением перекладывалась с политики самодержавия на плечи бюрократов, которые забыли, что они получили власть «не для притеснения подвластных, а для блага народа»¹⁰⁴.

Мещерский не на шутку был испуган начавшимися беспорядками и именно поэтому резко выступил против готовившейся дальневосточной авантюры, о чем открыто писал Николаю II. Царь ответил своему советчику раздраженным письмом, ибо, во-первых, как все слабовольные люди, был упрям и очень неохотно прислушивался к чужим возражениям, а во-вторых, как и Плеве, считал, что для «успокоения» страны нужна «маленькая победоносная война». «По меньшей мере смешно, - отвечал он Мещерскому в мае 1903 г., - если ты думаешь, что я буду исполнять все твои желания. У меня тоже есть свое мнение и своя воля - в этом ты скоро убедишься»¹⁰⁵. Чтобы подтвердить слова делом, он через пять дней после письма назначил Безобразова, главного алармиста при дворе, статс-секретарем.

Страх заставил Мещерского выступать в «Гражданине» за немедленную мобилизацию и объединение своей «армии благоразумных», которая, по его мнению, дезорганизована и плохо «борется со смутой». «Когда вам приносят газету, из всех уголков страны вы читаете известия о ее поражении и нигде о ее победах. Она даже не делает попыток к победе», - возмущался князь. Вместо того, чтобы сражаться с ожесточением за правое дело, «армия благоразумных, каждый из них, трусливо озираясь, шепчет слова испуга, как дряхлая беззубая старуха»¹⁰⁶.

Вообще в чем в чем, а в последовательности Мещерского упрекнуть никак было нельзя. Критическая ситуация, сложившаяся на рубеже XIX-XX веков, заставляла его метаться от одной крайней меры к другой. Многие годы он выступал за всемерное усиление роли губернаторов в своих губерниях, считая, что если царь именовал себя «хозяином земли русской», то губернатор должен быть «хозяином губернии». Чернил для проповеди этой цели он истратил немало, но когда убедился, что это не привело к «успокоению» в стране, качнулся в другую сторону. Теперь он стал проповедником «опоры на общественность» (разумеется - консервативную), стал требовать совместных действий с нею «хозяина губернии». «Одной личной энергии недостаточно для губернатора, - утверждал теперь князь, - без обладания тактом, выдержкой и равновесием губернатор, который под предлогом усиления власти является в губернии

кричать: я вам покажу, я вам задам, - а на другие проявления власти, кроме поднятых кулаков, не способен, вреднее губернатора слабого»¹⁰⁷.

Мещерский был не столько теоретик консервативно-реакционной мысли, как К.Победоносцев и особенно Л.Тихомиров, сколько флюгером, поворачивающимся под действием ветра то в одну, то в другую сторону. Известно, как приветствовал он назначение В.К.Плеве министром внутренних дел и сколько пропел дифирамбов в его честь в первые дни правления жестокого министра. Но как только бомба Егора Сазонова разнесла в щепки карету Плеве, а самого его разорвала в клочья, Мещерский поспешил бросить на его могилу ком грязи. Плеве, по его мнению, «во всех видел заговорщиков против себя и вследствие этого говорил со всеми, как с заговорщиками, и всему своему образу действий придал характер большого заговора против множества разных заговорщиков»¹⁰⁸. Через три дня он выступил еще резче: «Я считаю долгом гражданина вслух поведать: я разуверился в этой консервативной политике, которая в эти два года три месяца велась»¹⁰⁹ и объяснил, почему это произошло: Плеве-де узурпировал самодержавную власть, «боролся не только против внутренних врагов, но и против нетерпеливых, увлекающихся, растерянных и даже просто не так думающих, как это угодно иному превосходительству»¹¹⁰.

Не мудрено, что такой угоднический орган, как «Гражданин» мог существовать только на субсидии правительства, а В.П.Мещерский иметь какую-то силу и влияние только в меру своей близости к Николаю II, считавшему князя кладезем мудрости.

Куда более широкие социальные слои представлял другой теоретик консервативно-реакционной мысли, С.Ф.Шарапов. Он специализировался на критике экономической политики правительства и прежде всего министра финансов С.Ю.Витте, для чего имел некоторые основания, ибо активно вел и сельскохозяйственную, и промышленную деятельность (сам управлял своим имением и небольшой мастерской сельскохозяйственных орудий).

Подобно Д.Н.Шипову, С.Ф.Шарапов принадлежал к неославянофильскому течению и открыто об этом писал. Издавая в 1899 г. за границей записку «Самодержавие и самоуправление» (Шарапов не был уверен, что цензура пропустит ее внутри страны), он вслед за Шиповым утверждал, что самодержавие обладает «строгой закономерностью режима, основание которого есть не юридическая формула, а высшее, в правовые нормы столь трудно укладываемое нравственное начало»¹¹¹. Но если Д.Н.Шипов, как либеральный консерватор, считал, что самодержавная власть должна считаться с «мнением народным», которое вырабатывает сам народ и доводит его до царской власти через им самим выбранных представителей губернских земств, то С.Ф.Шарапов исходил из иных посылок. Он резко критиковал современную бюрократию за то, что она вклинилась между народом и самодержавием и тем, по сути, лишила его власти, что «привело мало-помалу к почти полной узурпации бюрократическим механизмом власти и идеей самодержавия»¹¹².

Шарапов не считал возможным сохранить существующую земскую систему, во-первых, потому, что число земских губерний слишком велико, а, кроме того, земства введены не во всех регионах России. Он предлагал создать 12 «коренных русских областей» (куда включал, разумеется, и Украину, и Холмщину) и 6 «иногородних областей» (Польша, Финляндия, Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия и Литовско-Белорусская). Во главе каждой из областей должен стоять назначаемый царем генерал-губернатор. Административное управление в области должно принадлежать областной думе, в состав которой войдут представители всех губерний области, причем их должен назначать генерал-губернатор, а не выбирать земские собрания. Председательствующий в областной думе (он же предводитель дворянства) должен утверждаться царем и иметь у него (как и генерал-губернатор) личный и непосредственный доклад. Венчал всю эту сложную структуру Государственный совет, пополненный по одному представителю от «инородческих областей» и двумя от «коренных русских» плюс еще двумя от московско-нижегородской области и двумя от среднечерноземной¹¹³. Шарапов подробно расписывал требования, предъявляемые к редакторам журналов, цензорам, издателям. Эта строгая регламентация должна была, по мнению его, уничтожить произвол бюрократии, сохранить власть самодержцу в неприкосновенном виде и обеспечить правами местное самоуправление.

Цели своего предложения Шарапов не скрывал: «Надлежаще поставить дворянский вопрос». «Задача русского дворянства, - утверждал он, - как она вырисовывалась в истории - быть слоem лучших людей, нести на своих плечах руководство страной в служилом смысле и руководить земщиной... Государство не может обойтись без класса людей, коего нравственная основа и традиции - бескорыстное, лишенное всякого эгоистического отношения служение Царю и Земле. Удержание этой традиции за особым сословием, не сообщая никаких, кроме почетных прав, настолько же необходимо, как и охрана народной свободы»¹¹⁴.

Заканчивал свой труд Шарапов такими словами: «... здесь ничего не принадлежит нам лично, ибо это лишь логический вывод из теоретических положений славянофильской школы, посильно сверенный с условиями русской действительности»¹¹⁵.

Разумеется, что очень большой объем власти оставлялся и непосредственно самодержцу. Он имел единоличное управление в делах церкви, международных, военных, «в деле литературы, науки и искусства, в судебных делах, просвещении, законодательстве, народном хозяйстве»¹¹⁶.

Особенно остро и последовательно Шарапов критиковал экономическую политику правительства, считая ее не делом самодержца, а результатом злоумышленных действий бюрократии и прежде всего С.Ю.Витте, утверждая, что «за гения принял самого обыкновенного шарлатана, невежду и проходимца и целых одиннадцать лет позволяли ему бесконтрольно и безотчетно позорить и ломать Россию, как ему вздумается»¹¹⁷. В экономической политике России Шарапову не нравилось все и прежде всего постоянное привлечение иностранных капиталов. Но иностран-

ным капиталам нужно было давать работу - и вот «вздучалась искусственно промышленность, "выдавались" многомиллионные казенные заказы, на строительство огромной сети новых дорог, совершенно уже не рассуждая, каких, откуда и куда, лишь бы строить и строить»¹¹⁸.

Между тем, по твердому убеждению Шарапова, главную ставку в развитии экономики следовало сделать не на промышленность, а на сельское хозяйство, в котором занято как минимум 80% всего населения России. Введение С.Ю.Витте золотой валюты лишило, по сути дела, землевладельцев оборотного капитала, т.к. при бумажных деньгах всегда, когда это крайне необходимо, можно было прибегнуть к эмиссии, а когда кредит возвратится, изъять «бумажки» из обращения.

По мнению Шарапова, Витте разорил крестьян и второй раз, когда способствовал созданию крупной текстильной промышленности, так как, чтобы сделать «серьезный рывок и дать настоящий расцвет нашей мануфактурной промышленности, нужно было совершенно уничтожить наше домашнее ремесленное прядение и ткачество и заставить русский народ бросить льняные и шерстяные домодельные ткани и начать одеваться в хлопок»¹¹⁹. С таких же сугубо реакционных позиций решались и другие вопросы народного хозяйства. Не говоря ни слова о введении прямого подоходного налога, который неизбежно затронул бы и промышленных, и земельных богатеев, Шарапов утверждал, что существующая в России система косвенных налогов «построена у нас на самом простом и практически верном принципе: облагать такие предметы, отказаться от потребления коих невозможно, и обложить так, чтобы в каждую минуту извлечь все, что только можно»¹²⁰. Всяма «оригинальным» было и предложение заштопать прорехи в государственном бюджете: для этого надо было, по мнению С.Ф.Шарапова,.. изменить табачный налог. «Если бы правительство решило ввести табачную монополию, этот наиболее верный и справедливый налог мог бы удвоиться»¹²¹.

Мы проанализировали взгляды четырех консервативно-реакционных теоретиков, имевших наибольшее влияние на развитие консервативной мысли в России. Кое-кто высказывал оригинальные мысли, но большинство из них было обращено в прошлое. Только Л.А.Тихомиров предложил несколько идей, которые имели будущее и, действительно, в иных условиях смогли бы быть претворены в жизнь и в некоторых странах Западной Европы, и в постреволюционной России.

7. КОНСЕРВАТИЗМ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Консервативная мысль на рубеже XIX–XX веков прошла два неравных хронологически, но довольно четко выраженных этапа, гранью между которыми было начало русско-японской войны. Первоначально последняя вызвала всплеск патриотизма, наложившего свой отпечаток на все сферы общественной жизни. Консерваторы решили «не отвлекать» самодержавие от ведения войны внутренними проблемами, волновавшими

их. 16 февраля 1904 г. «Беседа» собралась на экстренное внеочередное заседание. Вопрос был один - об отношении к войне. Решено было подносить царю «патриотические» адреса, «но в формах приличествующих земским учреждениям, без раболепных и шовинистических выражений», позволено ассигновать земские средства на войну, но не прямо на армию и флот, (это было признано делом правительства), а косвенно - путем организации своих, земских, санитарных отрядов, госпиталей и т.п. Говорилось о желательности объединения на этой почве отдельных земств. Общее положение кружка было определено так: «Тактика в течение войны должна быть не наступательная (!), но оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ (?!), но во всех вопросах, возбужденных и поставленных на очередь, общественное мнение должно высказываться столь же определенно и решительно, как и до войны»¹²². В этих словах любопытно не только высокое мнение о своей наступательной, решительной тактике до войны, но и откровенно выраженное желание ничем не затруднять занятое войной правительство.

На царский манифест о начале войны с Японией чрезвычайные земские собрания во главе с Московским губернским ответили «единодушным патриотическим порывом». Град верноподданических адресов, депутатии к «обожаемому монарху» - все свидетельствовало, что консервативные элементы в земстве на время получили преобладающее значение. Дело не ограничилось только словесной шумихой. Земства, соревнуясь одно с другим, жертвовали на войну миллионные средства. Под гром рукоплесканий правых, левых и «средних» земцев принимались адреса царю¹²³ и решения о добровольных пожертвованиях на армию. Так, Харьковское земское собрание пожертвовало 1,5 млн. руб. на войну (из них 250 тыс. на флот) и еще 1 млн. руб. «на непосредственное усмотрение государя». Эту сумму, взятую из так называемого страхового капитала, население губернии должно было погасить в виде страховых податей в течение 20 лет¹²⁴.

27 января 1904 г. состоялось чрезвычайное губернское земское заседание в Москве. В ответ на речь губернского предводителя дворянства П.Н.Трубецкого и предложение его послать царю телеграмму с выражением патриотических чувств «все гласные поднялись как один человек, восторженно выражая свою солидарность с только что сказанным...»¹²⁵.

Плеве решил использовать «патриотический» настрой по-своему, посчитав, что создавшаяся обстановка благоприятна для наступления на земство. Наводилась «строгость» в московском и других земствах: только в Тверской губернии после ревизии земства уволили около 100 земских служащих, 8 членов выслали в другие города, в опустевшую губернию Плеве назначил вместо выборных земцев своих чиновников¹²⁶. Министр внутренних дел запретил посылать на Дальний Восток объединенный земский санитарный отряд, усмотрев даже в таком патриотическом деле возможность объединения оппозиционных сил! Пришлось князю Г.Е.Львову, используя свои придворные связи, добиваться личного приёма у царя, объясняя ему всю несуразность поведения Плеве. Только по-

сле личного разрешения Николая II земцы смогли сообща собрать деньги и послать свой объединенный санитарный отряд для «святого дела помощи раненым». Не мудрено, что даже у графини В.Н.Бобринской «легендарно ненавистная личность» Плеве и проводимая им политика вызвали негодование¹²⁷.

В довершение всех бед для самодержавия начавшаяся война не принесла ему победных лавров, что усиливало недовольство консерваторов и заставляло их искать выход из создавшегося положения. А оно было отнюдь не блестящим. В первые же дни войны русский флот потерял крейсер, канонерскую лодку, эсминец, были повреждены два броненосца и еще один крейсер. В марте погиб флагманский броненосец «Петропавловск», в апреле было проиграно сражение на р.Ялу. В июне последовало новое поражение под Вафангоу, попытки русской эскадры вырваться из Порт-Артура оказались безуспешными. Японцы прочно заперли ее в гавани, а сам Порт-Артур осадил со всех сторон. «Маленькая победоносная война», какой задумал ее Плеве с «безобразовской шайкой», из громоотвода от революции и социального негодования превращалась в их сильнейший стимулятор. По мере репрессий правительства и поражения на Дальнем Востоке, усиливалось и негодование консерваторов обстановкой, складывающейся в стране. Возмущаясь «вероломством внутренних хунхузов»*, не справлявшихся с руководством Россией и требующих от нее все новых и новых личных, материальных и духовных жертв, князь П.Д.Долгоруков приводил слова известного консервативного либерала Б.Н.Чичерина, сказанные им незадолго до смерти: последствия войны на Дальнем Востоке помогут разрешению, наконец, внутреннего кризиса, и «трудно решить, какой исход войны для этого желателен»¹²⁸.

15 июля 1904 г. бывший студент Егор Сазонов бросил в карету ненавистного В.К.Плеве бомбу, разнесшую ее в щепки. Министр внутренних дел был убит. Правящие круги на время растерялись, решая вопрос, что же делать дальше? По словам хорошо информированного Д.Н.Шипова, диапазон возможных решений колебался от введения конституции типа лорис-меликовской с С.Ю.Витте во главе правительства до продолжения политики Плеве с новым министром-бурбоном, возглавляющим министерство внутренних дел¹²⁹. Либеральные консерваторы, как это уже не раз бывало, решили обратиться за помощью к матери царя, вдовствующей императрице Марии Федоровне, с просьбой «надавить» на вечно колеблющегося сына. Мария Федоровна, до замужества датская принцесса, была воспитана в умеренном европейском духе и не раз пыталась соответствующим образом повлиять на своего сына-реакционера. Еще за 20 дней до назначения князя П.Д.Святополк-Мирского министром, Мария Федоровна пригласила его во дворец и заявила: «Если государь Вас будет о чем-нибудь просить, я умоляю Вас не отказываться»¹³⁰, - после чего добавила, что она готова расцеловать его, если он не откажется. 25 августа, после более чем двухмесячного колебания, царь вызвал Свято-

*Хунхуз - в старом Китае: участник шайки бандитов, грабителей. Кит Honghuzi - краснобородые. - Прим. ред.

полк-Мирского и предложил ему пост министра внутренних дел. Услышав в ответ, что Мирский не собирается проводить «твердого» курса своих предшественников, Николай II не стал возражать против этого и добавил: «Поезжайте к матушке, обрадуйте ее». Приехав к ней с визитом, новый министр услышал: «Видите, я выполняю обещания»¹³¹.

Получивший портфель министра внутренних дел, князь П.Н.Святополк-Мирский имел славу либерального бюрократа. Сам себя он называл «человеком земским» и объявлял сторонником «единения власти и общества»¹³². Принимая впервые после вступления в должность чиновников министерства внутренних дел, новый министр заявил: «Административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренне благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще»¹³³. За словами последовали и некоторые дела: посланные земцы были возвращены из ссылки, прекращены ревизии земств.

Казалось, что либеральные консерваторы могли быть удовлетворены: впервые им обещали установить взаимопонимание власти и общества, доверчивое отношение и доброжелательность самого недоверчивого и недоброжелательного учреждения самодержавной России. Но последняя потому и называлась самодержавной, что решающее слово принадлежало в ней не чиновнику, даже в министерском кресле, а все же царю. И вскоре Святополк-Мирский смог убедиться, что самостоятельность министра может проявлять только в том случае, если он движется правее заданного курса, а отнюдь не левее. Прошло всего лишь полтора месяца после назначения, как Святополк-Мирский услышал на приеме у царя, что он «хочет, чтобы поняли, что никаких перемен не будет»¹³⁴. «Несчастный человек! - комментируя эти слова, отзывалась о царе жена министра. - Я его ненавидела прежде, но теперь жалею. Тип немощного вырождения, вбили в голову, что он должен быть тверд, а хуже нет, когда слабый человек хочет быть твердым. И кто это имеет такое дурное влияние? Кажется, Александра Федоровна (жена Николая II - ред.) думает, что так нужно. Мария Федоровна (мать царя - ред.) другого мнения, она Пепке (так в дневнике Е.А.Мирская называла своего мужа) сказала: "Эти свиньи заставляют моего сына делать Бог знает что и говорят, что муж этого хотел" Но кто эти свиньи?»¹³⁵. И это писала не какая-нибудь нигилистка в синих чулках, а жена министра, князя-рюриковича, урожденная графиня Бобринская (т.е. потомок самой Екатерины Великой), связанная к тому же родственными узами с доброй половиной высшего света, в котором если и господствовали какие-либо политические взгляды, то, конечно же, самые консервативные.

Однако министр внутренних дел, невзирая на монаршее неудовольствие, продолжал гнуть свою линию. Это было результатом не только разномыслия в верхах, но и в какой-то мере оживления общественной мысли в стране в связи с военными неудачами. В конце августа 1904 г. «Беседа» собралась на очередное заседание. Не ожидая уже скорой победы

над Японией (а кое-кто вообще сомневаясь в ней), «собеседники» решили, что «надо влиять на общественное мнение в том смысле, чтобы оно стало высказываться о войне и взаимоотношении между войной и политическим устройством страны»¹³⁶, т.е. по сути дела опять перейти к крике отдельных негативных сторон самодержавного строя.

Активизировались и земцы. Два члена созданного еще в мае 1902 г. при Московской губернской земской управе «Бюро земских съездов» (князь Д.И.Шаховской и князь П.П.Долгоруков) обратились к Д.Н.Шипову с предложением еще до осенних земских собраний в уездах и губерниях созвать общеземский съезд, а для составления программы его работы советовали созвать в Москве «Бюро земских съездов», не функционировавшее с мая 1902 г. Д.Г.Шипов в апреле 1904 г. был не утвержден Плеве в должности председателя Московской земской губернской управы, в ответ на что строптивые москвичи выбрали на его место Ф.А.Головина, открыто заявлявшего о своих конституционных убеждениях. Шипов, оставшийся председателем «Бюро земских съездов», посоветовался с Головиным и решено было созвать «Бюро»¹³⁹. 8 сентября «Бюро земских съездов» собралось на свое совещание и наметило обсудить на общеземском съезде такие вопросы: 1) О ревизии земских учреждений, проводившейся в последнее время Министерством внутренних дел; 2) О неутверждении Министерством внутренних дел земских должностных лиц, как выборных, так и приглашаемых для работы земскими управами; 3) Об устранении земцев от участия в работе по пересмотру законодательства о крестьянстве; 4) О нуждах, вызванных войной. Последний расплывчато сформулированный вопрос позволял наполнить его при обсуждении любым содержанием.

Вскоре вопрос о судьбе общеземского съезда принял несколько неожиданный и очень благоприятный для земцев оборот. Председатель Харьковской губернской земской управы В.Г.Колокольцев зашел в Петербурге к своему старому приятелю С.Н.Гербелью, который служил в Министерстве внутренних дел начальником Главного управления по делам земского и городского управления, а в свое время был председателем соседней Херсонской губернской управы. Колокольцев частным образом сообщил Гербелью о запланированном на начало ноября общеземском съезде и неожиданно услышал в ответ: «Не лучше ли собраться с разрешения начальства?»¹³⁸ Учитывая настроение нового министра, Гербель даже взялся сам походатайствовать перед Святополк-Мирским о разрешении провести съезд.

Получив об этом сведения, председатель Московской губернской земской управы и один из членов «Бюро по созыву съезда» А.Ф.Головин сам поехал на встречу со Святополк-Мирским, который не только не возражал против съезда, но, более того, добился его разрешения у царя, заявив последнему, что земцы будут обсуждать только свои местные дела. В октябре Головин вернулся в Москву вместе с С.Н.Гербелем, они созвали экстренное заседание «Бюро по созыву съезда», на котором С.Н.Гербель по поручению Министерства внутренних дел ознакомил земцев с докла-

дом Святополк-Мирского о земском съезде и резолюцией Николая II о его разрешении¹³⁹.

Получив официальное разрешение на свой съезд, земцы осмелели и, несмотря на возражение консерваторов (в частности Д.Н.Шипова)¹⁴⁰, решили конкретизировать последний пункт программы съезда, и вместо неопределенных слов «о нуждах, вызванных войной» написали конкретнее: вынести на обсуждение съезда вопрос об общих условиях государственной жизни и желательных в ней изменениях (против чего и возражал консервативно настроенный Д.Н.Шипов). Узнав об этом изменении, Николай II забрал свое разрешение назад. Но было уже поздно: земцы со всех губерний съехались в Петербург, и Святополк-Мирскому пришлось вместо официального созыва съезда разрешить «частное собрание в частном помещении».

К этому времени общественное мнение в России значительно радикализировалось и голоса недовольства как действиями правительства, так и самим самодержавным строем раздавались все чаще и чаще. Это заставило тех консерваторов, кто твердо держался за свои крайне консервативные мысли, отойти от участия в общественной жизни (часть членов «Беседы», так же, как братья Бобринские, стали все реже и реже ходить на заседания, а граф С.Д.Шереметьев и официально вышел из нее), а других консерваторов, в той мере, в какой они считали все это возможным, наоборот, радикализировать свои убеждения. В общем, на протяжении всего пореформенного периода земства как учреждения находились на весьма умеренных позициях. Самый полный подсчет, произведенный Н.М.Пирумовой, привел ее к выводу, что в это время в 34 земских губерниях и сотнях уездов действовало не более 300 либералов¹⁴¹, а остальная масса земцев была аполитично или консервативно настроена. Да и среди этих 300 земских либералов подавляющее число составляла столичная профессура, журналисты, адвокаты и другие «лица свободных профессий», владевшие поместьями и участвовавшие в земской деятельности.

Радикализация общественного мнения сказалась и на общеземском заседании, которое происходило в С.-Петербурге 6-9 ноября 1904 г. на частной квартире. На заседания явилось 32 из 34 имеющих в России председателей губернских земских управ, а также 6 бывших председателей губернских земских управ и 16 председателей уездных управ. Все остальные были членами губернских управ или уездными гласными. Среди 105 собравшихся было семь князей, два графа, два барона, семь предводителей дворянства. Это были «сливки» российской земской общественности, большей частью в обычных условиях настроенной консервативно. Но все чувствовали, что условия в стране сложились необычные, и даже весьма умеренный граф П.А.Гейден заявил на заседании, что «если не будет дано правильно обоснованных начал, Россия пойдет к неизбежности к революции. Это мы должны высказать вполне определенно»¹⁴². Однако, хотя большинству собравшихся была ясно видна мрачная перспектива возможных социальных катаклизмов, обстановка на заседаниях сложилась мирной, резких выступлений совсем не было слышно и

все согласились с князем Н.С.Волконским: «Мы не должны требовать у правительства, мы можем лишь просить его. Наши цели те же, что у государственной власти (подчеркнуто нами - ред.)»¹⁴³.

Собравшиеся поставили перед собой триединую задачу: во-первых, дать общую оценку политического положения в стране и найти рецепт его улучшения, во-вторых, довести свое мнение через министра внутренних дел до царя и, в-третьих, распространить его в земской среде, добиваясь поддержки своих решений на очередных собраниях.

Заранее ознакомившись с выработанными организационным бюро съезда тезисами, земцы сразу же приступили к их обсуждению. Первые четыре пункта, в которых излагались общие соображения о ненормальности «существующего государственного управления», были приняты единодушно, хотя наверняка многие вкладывали в эти слова разный смысл. Но уже следующие пять пунктов, в которых речь шла о необходимости введения в России политических свобод, независимого от власти суда, уничтожения сословных, религиозных ограничений и т.д., обнаружили несогласных. Так, князь Н.С.Волконский возражал против ликвидации «сословных привилегий» крестьянства (разумея под ними сохранение волостных судов)¹⁴⁴, в этом его поддержал и Д.Н.Шипов, утверждавший также, что «в основу необходимой реформы нашего государственного строя должен быть положен не правовой принцип (на чем настаивало большинство собравшихся - ред.), а принцип нравственный, идея этико-социальная. Этот принцип, - повторял он вновь и вновь, - соответствует всему мировоззрению русского народа, вытекает из его христианского жизнепонимания, и ярко сказывается в основных чертах его характера»¹⁴⁵.

Мнения участников заседания разошлись при обсуждении десятого пункта тезисов, в котором говорилось о характере будущего представительного органа при царе. Большинство в 71 голос против 27 «славянофилов» было принято решение изменить предложенный организационным бюро тезис «в смысле более ясного выражения правового порядка»¹⁴⁶. Однако и большинство, в свою очередь, тоже не было единым. Голосование по отдельным частям этого пункта дало различные результаты. 10-й тезис гласил: «Для создания и сохранения всегда жизненного и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал (первых девяти пунктов тезисов - ред.) и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие народного представительства как особого выборного учреждения в осуществлении законодательной власти»¹⁴⁷, в установлении государственной росписи доходов и расходов¹⁴⁸ и в контроле за законностью действий администрации¹⁴⁹. Меньшинство из 27 человек, исходя из убеждений, что «будущий представительный орган должен носить лишь законосовещательный характер, высказалось за то, что безусловно необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства как особого выборного учреждения»¹⁵⁰. Так думали осуществить старый славянофильский лозунг: «Народу мнение - царю власть».

Единодушие участников заседания вновь восстанавливается при обсуждении 11-го пункта, которым определялось, как же мыслили себе земцы проведение, по их же словам, «назревших неизбежных реформ по трансформации государственного строя». «В виду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, - обращались с очередной просьбой земцы, - частное совещание выражает надежду, что верховная власть призвет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа»¹⁵¹. Земцы не надеялись получить осуществления своих планов иначе как из рук все той же «верховой власти», которую они так критиковали.

Кроме основной резолюции по докладу «Об общих условиях ...», земцы приняли и четыре резолюции по частным вопросам. В первой из них шла речь о положении об усиленной охране, введенной временно и ставшей одним из самых устойчивых законов в империи, отмене всех взисканий, наложенных в административном порядке, и амнистии для политических заключенных. Убеждая колеблющихся в необходимости проведения подобной меры (а таковых среди земцев-консерваторов было немало!), князь Петр Долгорукоев заявил: «Мы здесь, господа, еще только храбрились, а они-то (т.е. пострадавшие за свои политические убеждения - ред.) ведь уже были храбры. О чем же здесь можно разговаривать?»¹⁵² Три других постановления касались вопросов о развитии народного образования, более равномерного представительства на будущих съездах (пять делегатов от каждой губернии во главе с председателем губернской управы) и дальнейшей судьбе принятых резолюций (их решили через министра внутренних дел передать царю и добиться поддержки принятых постановлений на губернских земских собраниях, которые вскоре должны были пройти во всех губерниях).

Ознакомление с четырьмя десятками заявлений земских гласных и решений губернских собраний (чаще всего в виде «всеподданнейших слезниц»), помещенных в той же книжке «Частное совещание земских деятелей...»¹⁵³, дает полное представление о консервативно-либеральных заявлениях, которыми земцы сочли возможным поддержать решения своих вождей, заседавших 6-9 ноября 1904 г.

Не выполнилось и другое пожелание совещания. Заседание выбрало специальную делегацию, которая должна была передать Святополк-Мирскому решение заседания, чтобы с ним ознакомился Николай II. Однако министр принять делегацию отказался. Пришлось пересылать решение «частного совещания» частным образом с объяснительным письмом Д.Н. Шипова и просьбой все же довести его до сведения Николая II¹⁵⁴. При неофициальной встрече с земцами Святополк-Мирский попросил кроме решения совещания представить ему специальную записку с более подробным изложением их взглядов: министр готовил доклад царю и хотел полнее ознакомиться с мнениями и чаяниями земцев. Составить записку для Святополк-Мирского поручили профессору философии Московского

университета князю С.Н.Трубецкому. Эта очень интересная записка опубликована дважды в собрании сочинений С.Н.Трубецкого (т.1, М. 1907 г., сс.345-390) и в приложении к мемуарам Д.Н.Шипова¹⁵⁵. Записка С.Н.Трубецкого - это подлинно провидческий труд, который дал не только точный и объективный анализ настоящего, но и удивительно точно предсказал будущее страны, свершившееся в ближайшие годы. Крайне интересные детали отметила в своем дневнике родная сестра Сергея Николаевича - Ольга Трубецкая. 23 ноября 1904 г. она писала: «Сегодня Сережа кончил свою записку, которую он писал два дня по просьбе Шипова и компании... В записке доказывается опасность дать свободу слова, свободу собраний и другие свободы, пока общество не организовано и не призвано к активной защите престола... Далее высказывается надежда, что престол окажется на высоте своего призвания и вступит на спасительный путь реформ. Но все эти реформы предполагают политическую свободу, правовой строй государственной жизни и правильно организованное народное правительство... Сегодня вечером Сережа читал записку на собрании у Шипова и затем ее направили в Петербург к Мирскому». На следующий день, 24 ноября, Трубецкая отметила: «Записка вчера имела полный успех. Особенно довольны Шипов и Петрункевич»¹⁵⁶. Еще через четыре дня, 28 ноября 1904 г., она обсуждалась на специальном собрании земцев, где присутствовало 15 человек¹⁵⁷.

Что же заставило столь твердых сторонников правового государства с конституционной монархией (И.И.Петрункевич, М.И.Петрункевич, Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский и др.) оценить записку С.Н.Трубецкого так же, как она была оценена и рядом куда более умеренных людей, весьма отличных от них по своим политическим убеждениям. Ведь даже вождь неославянофилов, сторонник самодержавия, консерватор Д.Н.Шипов был от нее в восторге. Не только объективная оценка современных реалий, но и спокойный, убедительный и приемлемый для всех анализ способов выведения страны из того внутри- и внешнеполитического тупика, в котором она оказалась. Все соглашались с тем, что в стране господствует произвол бюрократии, что ненормально, когда в России 25 лет (с 14 августа 1881 г.) существует «Положение об усиленной охране», при котором успело вырасти целое поколение людей. Князь С.Н.Трубецкой утверждал: «Теперь уже не свободолюбие, а патриотизм требует реформ»¹⁵⁸, ибо, во-первых, Россия проигрывает войну второй раз за последние 50 лет, а во-вторых, общественное настроение пришло в резкое противоречие со старыми общественными структурами и порядками. «Старый порядок осужден человеческим и Божьим судом. Но Верховная Власть не может отождествлять себя с бюрократией, которая фактически ограничила и узурпировала ее права». Если верховная власть не поймет этого и сама не встанет на путь реформ, Россия будет обречена «на долгие, бесполезные и мучительные смуты, которые парализуют ее силы»¹⁵⁹. Это было у всех господствующим мнением, и разница могла быть только в объеме необходимых изменений и скорости их проведе-

ния, поэтому неудивительно, что записка С.Н.Трубецкого вызвала у ознакомившихся с ней единодушное одобрение.

Записка совпадала и со взглядами Святополк-Мирского. Именно в эти дни он писал своему родственнику и другу графу Д.С.Шереметьеву: «Нападают на меня со всех сторон и, мне кажется, не принимают во внимание всю трудность моего положения. Ведь не я же виноват, что Россия обратилась в бочку пороха?! В истории со съездом я себя вины и так и сказал государю - подвели меня препорядочно... Прошу тебя всем, которые на меня клеветают, [передать,] что я хочу конституции не верить. Конституции я не хочу до такой степени, что признаю необходимость реформ, дабы в скором времени не были вынуждены дать ту конституцию, которую потребуют. Уверяю тебя, что мы не далеки от этого, если сохраним существующий порядок управления, который довел Россию до вулканического состояния»¹⁶⁰.

24 ноября 1904 г. министр внутренних дел послал царю письмо с просьбой об отставке. Получив аудиенцию на следующий день, он заявил Николаю II, что не сможет без реформы управлять страной. «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественные желания всех, то перемены будут и уже в виде революции». Развивая далее свои мысли, он утверждал: «Разве у нас теперь законность существует? Что-нибудь не понравится министру - он бежит к вам и выхватывает высочайшее повеление, не заботясь, хорошо это или дурно, а просто потому, что ему так нравится. А Москва теперь вне закона (в Москве генерал-губернатором был любимый дядя царя, крайний реакционер великий князь Сергей Александрович - ред.), для Москвы теперь особые законы пишутся, она вне империи. Кроме того должна быть уверенность у каждого человека, что его какой-нибудь губернатор не может взять и сослать в Пермь или Сибирь»¹⁶¹. Николай II не принял его отставки, которая его «очень рассердила»¹⁶², поскольку считал, что это «конституционные порядки», а он, самодержец, назначает и увольняет министров по своему усмотрению, а не по их просьбе.

Однако Святополк-Мирский был человек с характером и считал, что отреагировать на собрание земцев и их записку совершенно необходимо. В тот же день, 24 ноября он подписал объемистый «Всеподданнейший доклад о необходимости реформ государственных и земских учреждений и законодательства»¹⁶³. Весь доклад пропитывала тревога за ближайшее будущее страны и опасение неотвратимо приближающихся социальных катаклизмов. Министр внутренних дел упорно пытался внушить Николаю II две мысли. Первая сводилась к признанию невозможности сохранения неизменных старых порядков, основанных исключительно на чиновно-бюрократическом способе управления страной в условиях, когда «растет и слагается мало-помалу общественное мнение, приобретающее значение крупной и сознательной силы, с которой так или иначе приходится считаться правительству во всех вопросах практической политики»¹⁶⁴. Опыт последних десятилетий, по мнению Мирского, ясно свидетельствовал о том, «что общественное движение страны переросло адми-

нистративные формы и приемы, доселе применявшиеся, и общество не подчиняется более в достаточной мере их воздействию». По твердому убеждению министра внутренних дел, возникла настоятельная необходимость изменить эти формы и приемы, ибо «движение, вытекающее из законов общественного развития, мерами способа полицейского не может быть остановлено, а лишь временно задержано»¹⁶⁵, причем задержано с явным ущербом для будущего спокойствия страны и за его счет.

Вторая генеральная идея тоже была не нова и тоже вполне вписывалась в консервативно-либеральную идеологию, не исключавшую определенных уступок духу времени. Мирский всячески старался убедить Николая II, что предлагаемые им меры «лишь по недоразумению связываются с понятием политической конституции в смысле ограничения прав самодержавного монарха»¹⁶⁶. Принятие его предложений, утверждал министр, не подорвет, а укрепит самодержавие. В чем же состояла их суть? На первое место Мирский поставил соблюдение и укрепление законности, которая сплошь и рядом нарушается как действиями общественных учреждений, так и администрацией. Надо преобразовать сенат так, чтобы все «изъятия» из закона проводились только по его санкции, а не по произволу отдельных бюрократов. Надо создать объединенный кабинет министров, координирующий деятельность министров и контролирующей наиболее «ретивых» из них, надо создать мелкую земскую единицу, изменить правовое положение крестьян и, в частности, сломать общину, в результате которой у крестьян «отсутствует привычка различать свое и чужое», и единственное, что он помнит, это то, что «отцы и деды некогда пахали землю, которой владеет нынче соседский помещик»¹⁶⁷. Министр предлагал расширить права старообрядцев и евреев, смягчить закон о печати, ослабить и «законы о предупреждении и пресечении преступлений»¹⁶⁸ (административные высылки, обыски, увольнение со службы и т.д.). Но главная суть доклада Мирского сводилась к предложению «ввести в состав Государственного совета депутатов, выбранных от 34 земских губерний, представляющих коренную Русь»¹⁶⁹, т.е. произвести то самое «увенчание здания», которое уже 40 лет просили земцы и которое в свое время предлагал уже сделать М.Т.Лорис-Меликов более 20 лет тому назад. От остальных местностей представители должны были быть определены по указанию царя. Министр выражал надежду, что предложенные им меры внесут успокоение в стране, удовлетворят «ожидующее общество» и укрепят самодержавие царя. По сути дела, Мирский высказывался в поддержку земского меньшинства съезда, предлагал отказаться от бесплодного 10-летнего продолжения политики Александра III и возвратиться к прерванной бомбой 1 марта политике реформ Александра II.

2 декабря 1904 г. министр вручил царю ноябрьское решение земского собрания и свою записку. На вопрос Николая II, для чего это делается и что из этого получится, Святополк-Мирский ответил: «Для успокоения общественного мнения, но, что из этого выйдет, не знаю, может быть через 20 лет конституция». Тогда же по просьбе министра царь утвердил

состав Особого совещания для обсуждения «Проекта указа о различных вольностях, в том числе о привлечении в Государственный совет выборных». Двумиличие Николая II в отношении проекта своего министра обнаружилось с первых же шагов. На вопрос Мирского, приглашать ли в совещание потерявшего свое влияние К.П.Победоносцева¹⁷⁰, царь ответил: «Не стоит, он будет говорить все то же, что мы знаем» и тут же, отпустив министра, написал Победоносцеву записку: «Приезжайте, можете разобрататься в хаосе»¹⁷¹.

Имевшие большие связи в «верхах», консервативно-реформаторски настроенные люди чувствовали, что и там нет единодушия и происходят очень сильные колебания. Князь Г.Е.Львов еще до вручения Мирским Николаю II решения земского совещания передал этот документ матери царя Марии Федоровне. Ознакомившись с ним, она вполне сочувственно отнеслась к выдвинутым в нем предложениям, о чем и заявила сыну. Когда Николай II стал спорить и не соглашаться, мать объявила, что уедет в Данию и «пусть вам без меня отворачивают голову». По тем же сведениям, молодая царица (Александра Федоровна) не сочувствовала реформам, но тоже ощущала социальную напряженность в обществе, без конца хныкала и повторяла «Je perdrai mon mari» («Я потеряю моего мужа!»). Однако князь Г.Е.Львов писал в письме и другое: «... в общем партия Сергея Александровича (возглавлявшего при дворе всех реакционеров - ред.), по-видимому, берет верх»¹⁷². Тонкий наблюдатель современности и знаток французской революции констатировал: «Кажется, что находишься накануне Великой французской революции»¹⁷³. Все за перемену, многие и за конституцию, считал он, «только одно правительство слепо и глухо. Остановить или ослабить движение уже нет возможности, но, к сожалению, почти нельзя сомневаться, что нас ждет еще белый и красный террор... Мне кажется, что после того, как правительство наделает в эту зиму чудовищных глупостей, в будущем году выступят на сцену рабочие, молодежь, террористы и кровью зальют свободу. А впрочем, ничего предвидеть нельзя, текущая жизнь полна самых поразительных неожиданностей»¹⁷⁴.

Предположения автора письма в отношении чудовищных глупостей правительства подтвердилось в ближайшее время. В начале декабря 1904 г. состоялось два совещания по обсуждению доклада Мирского. Хранящийся в архиве черновик подписанного царем указа содержит специальный §3, который гласит: «Для целесообразной постановки законодательных мер и согласования их с требованиями жизни установить способы привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом»¹⁷⁵. Вокруг параграфа о привлечении земских представителей к законосовещательной работе и развернулась полемика. На совещании были приглашены столпы правительственной бюрократии, и тем знаменательнее, что в подавляющем своем большинстве они высказались «в смысле удовлетворения желаний умеренного и благоумного общества». «Мне пришлось говорить первому, - вспоминал председатель кабинета министров С.Ю.Витте. - Я сказал, что вести преж-

ную политику реакции совершенно невозможно, она приведет нас к гибели. Меня поддержали: граф Сольский (председатель Государственного совета - ред.), Фриш (статс-секретарь, председатель департамента законов - ред.), Алексей Сергеевич Ермолов (министр земледелия и государственных имуществ - ред.) и Владимир Николаевич Коковцов (министр финансов - ред.)»¹⁷⁶, заявивший, в частности, что проводимая реакционная внутренняя политика ведет к потере доверия в заграничных финансовых кругах, а это может вызвать полный крах финансовой системы, испытывающей крайнее напряжение из-за неудачно ведущейся войны. Против этого возражал только К.П.Победносцев, как всегда долго и нудно излагавший свою глубокую мысль о том, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер и государь не в праве ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом»¹⁷⁷.

Николай II не возражал против мнения большинства сановников о необходимости допустить выборных от земств к законосовещательной работе. По словам С.Ю.Витте, это «окрылило дух присутствующих; все, по видимому, были взволнованы мыслью о новом направлении государственного строительства и государственной жизни». Волнение сановников и умиление их по поводу «уступок» царя достигло такого эмоционального накала, что двое из министров расплакались!¹⁷⁸ Однако молчание царя отнюдь не означало, что он согласен со своими министрами и готов пойти на уступки. Николай потребовал, чтобы было созвано второе совещание для рассмотрения того же вопроса. Оно состоялось 7 декабря. «Когда через несколько дней члены комиссии собрались в Царскосельском дворце на второе заседание, - писал хорошо информированный директор департамента полиции А.А.Лопухин, - ... они неожиданно увидели, что их состав пополнен ... Для участия в этом заседании прибыли великие князья Владимир, Алексей, Сергей, для этого приехавший из Москвы, Александр Михайлович и Михаил Александрович. Было очевидно, что они приглашены вследствие оказавшейся в первом заседании недостаточности для провала проекта Мирского сил одного Победоносцева»¹⁷⁹. Но и на втором совещании, несмотря на возражения великого князя Сергея Александровича и переметнувшегося на его сторону его же «выдвиженца» Муравьева, была принята редакция указа, предложенная Мирским¹⁸⁰. Даже великие князья считали возможным пойти на уступки. Иначе думал царь. Он собственноручно вычеркнул §3, а без него весь указ сенату, опубликованный в «Правительственном вестнике», терял всякий смысл.

14 декабря 1904 г. жена Святополк-Мирского записала в дневнике: «Сегодня появился указ. Мне хотелось плакать, когда я читала. Когда подумаешь, чем это могло бы быть, досадно до боли. Но что же можно с таким человеком сделать? Всех своих министров в дураках оставил, потихоньку от них меняет то, что сообща решили»¹⁸¹. Что же было в этом «Указе»? Он настаивал на «непременном сохранении незыблемости основных законов империи» (т.е. сохранении самодержавия в его девственно-нетронутым виде), обещал «неусыпно заботиться о потребностях страны» и, в частности, отменить сословные ограничения крестьян,

обеспечив им дарованное еще Александром II положение «полноправных свободных обывателей». Восемь конкретных пунктов «Указа» сводились к обещаниям: 1) Соблюдать в стране законность; 2) ввести, кроме губернских и уездных управ, «общественные установления по делам благоустройства на местах в небольших по пространству участках»; 3) обеспечить судам «необходимую самостоятельность»; 4) ввести государственное страхование рабочих; 5) применять чрезвычайное законодательство «только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности»; 6) проявлять веротерпимость; 7) оставить лишь те ограничения «иностранцев», «которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа»; 8) «устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние (!) стеснения и постановить печатное слово в точно определенные законом пределы».

По сути дела, за малым исключением (пункты 2 и 4), весь указ сводился к обращениям ... прекратить произвол бюрократии в стране и строго соблюдать старые или издать уже ранее обещанные законы. Указ свидетельствовал, что Николай II не желает прислушиваться к самым умеренным советам не только либерально-консервативной «общественности» (земское меньшинство собрания), но и к мнению своих собственных опытных министров, смотревших чуть дальше молодого императора и видевших приближение грозных социальных потрясений. Святополк-Мирский в очередной раз попросился в отставку и опять получил отказ.

В этих условиях никакой возможности, кроме как для реализации реакционных «пржектвов» и реакционной идеологии, не оставалось. Даже консервативно-либеральной мысли рассчитывать на осуществление своих планов не приходилось. Не все сразу поняли это и все еще продолжали выработать рецепты спасения страны от грозного будущего. Стоявший едва ли не на самом правом фланге консерватизма граф А.А.Бобринский сочинял для Николая II «Наброски манифеста», в котором царь, отмечая «единение между самодержавным государем и народом русским», должен был признать «за благо, следуя принципу предков, обратиться к верноподданным ... да помогут они нам словом совета для успешного разрешения законодательных вопросов, предначертанных указом... 12 декабря 1904 г.». «Способ избрания» от всех сословий земли русской «мужей, умудренных опытом и облеченных общественным доверием»¹⁸², должен быть объявлен особо. Д.Н.Шипов приготовил речь к наметившейся в начале января 1905 г. встрече с царем. И после «Указа 12 декабря» и краха либерально-консервативных надежд он не отказался от привычки бубнить все то же: «Мы, люди земские, глубоко верим, что местные потребности могут быть удовлетворены лишь при развитии общественной самостоятельности на почве исторически сложившегося государственного строя России. Русское самодержавие коренится в единении верховной власти с народом. На этом нравственном союзе выросло и зиждется государство русское»¹⁸³, и т.д. и т.п.

Встреча Шипова с Николаем II так и не состоялась. Ей помешало 9 января, показавшее как меру «единения верховной власти с народом», так

и наличие в России силы, которой так опасались консерваторы любого оттенка и упорно не желал видеть лишенный инстинкта самосохранения русский самодержец - силу отчаявшегося народа, долготерпению которого пришел конец. Уже через полтора месяца после начала революции, в середине февраля 1905 г., Николай II издал рескрипт на имя нового министра внутренних дел А.Г.Булыгина, в котором содержались мысли земского меньшинства, отвергнутые в «Указе 12 декабря», а еще через 8 месяцев был издан «Манифест 17 октября», соответствовавший просьбам земского большинства и других конституционалистов. То, в чем он отказывал при мирных «покорнейших просьбах», пришлось дать под давлением революционной силы. Близорукая политика российского самодержца лишила надежды на осуществление либеральной и даже консервативно-либеральной мысли и лила воду на мельницу тех, кто открыто и слева и справа призывал к бескомпромиссной насильственной борьбе. Россию ожидали долгие годы кровавых потрясений.

Но силовой, репрессивный метод правления был предложен самим царем и поддерживался лишь частью консервативного лагеря. Так получилось, что к началу XX в. самодержавие не нашло общего языка не только с представителями левого или либерального лагерей, но и с консервативно-либеральным направлением, заметно усилившимся к началу столетия. Социальная опора царизма, таким образом, чрезвычайно сузилась. Вообще для консерватизма всего XIX в. была характерна заметная узость социально-экономической программы, но даже наиболее реалистические предложения либерал-консерваторов не получили понимания в канун нового века. Несмотря на то, что на всем протяжении XIX столетия консерватизм и самодержавие нередко сливались, в XX век они вошли отнюдь не при полной гармонии. Как подчеркивал В.С.Левицкий, «контрреволюционное движение 1905-07 гг. не было движением, исключительно инсценированным правительством в интересах самообороны. Российская правительственная реакция, начавшая свое наступательное шествие на другой же день после октябрьского манифеста, опиралась на контрреволюционное движение определенных социальных групп и действовала под их непосредственным давлением»¹⁸⁴. И несколько далее автор счел необходимым подчеркнуть следующее: «В настоящее время вряд ли кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что главным двигателем контрреволюционного движения в России было поместное дворянство, класс крупных и отчасти средних землевладельцев»¹⁸⁵.

Таким образом, не только на протяжении всего XIX века, но и в начале XX-го, именно землевладельческое дворянство, сохраненное после реформы 1861 г., было главной опорой консерватизма и реакции в стране. Ошибался, следовательно, Н.А.Бердяев, когда в 1904 г. возвестил о конце консерватизма в России. Он, конечно, оскудевал, но имел еще определенные резервы, которые использовал после 1905 г., когда произошла сильнейшая поляризация общества. Нельзя сказать, чтобы в новый век консерваторы вошли совершенно обезоруженными в идейном плане. Еще был жив и творил Л.Тихомиров, выпустивший в 1905 г. свой глав-

ный труд «Монархическая государственность», подготавливавшийся, естественно, несколько ранее. В 1896 г. он собрал несколько своих статей в специальный сборник, где обрушивается и на либеральную демократию, и на социальную, и на анархизм, подчеркивая при этом: «Настоящею опасностью, в более близком будущем, на первой ступени, угрожает не анархизм, а социальный демократизм. Это движение разгромить вовсе не легко, и даже едва ли возможно иначе как нравственным воздействием, потому что во всем, что касается силы, оно может посчитаться с кем угодно»¹⁸⁶. Почти пророческие слова, свидетельствующие о неплохом понимании общественных процессов, но правые и крайне правые так и не смогли подобрать подходящей идейной рецептуры, будучи убеждены в превосходстве монархии над республикой¹⁸⁷ и отражая интересы уходящих социальных слоев.

Резервы консерватизма к началу XX в. еще не были, однако, полностью исчерпаны. Если в столицах была весьма заметная прослойка либерал-консерваторов, не поддержанных императорской властью, то в провинции все более дают о себе знать силы крайне реакционного свойства. Вообще провинциальный консерватизм изучен к настоящему времени крайне недостаточно. Еще в 60-х годах один из консервативных лидеров, князь В.П.Мещерский, побывав в Китае, отмечал, что там было нелегко представлять русское консервативное общество, к которому он относил небезызвестного Юзефовича и семью Анненковых¹⁸⁸. Но в начале XX в. именно южные консерваторы выдвигают П.А.Крушевана, основавшего в конце 1903 г. газету «Знамя», ставшую органом крайней реакции. Южных консерваторов представляли и В.М.Пуришкевич, и И.И.Дудниченко, и П.Н.Крупенский, и другие. Уроженцем Пермской губернии был один из лидеров черносотенцев - А.И.Дубровин, а из курских дворян происходил другой их лидер - Н.Е.Марков 2-ой.

Однако в начале XX в. идеология консерватизма дала практически мало чего нового по сравнению с предыдущим периодом. Один из ее вариантов - черносотенная идеология, как отмечается в литературе, «родившаяся в условиях революционного взрыва, не могла не отличаться от казенного монархизма XIX в.»¹⁸⁹, но ее погромность и импульсивность демонстрировали идейную скудость течения в целом. Будучи вполне объективным, присущим не только новой, но и новейшей истории, являясь перманентным явлением¹⁹⁰, мировой консерватизм в конкретных русских условиях был обречен на неизбежное поражение, тем более что вместе с самодержавием он вошел в XX век с идеями феодального общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаховской Д.И. В годы перелома // Вестник сельского хозяйства М., 1918, С. 24-30; Веселовский Б. Московское общество сельских хозяйств за 100 лет. (Там же).

2. Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 17; О внешнеполитических взглядах русских консерваторов в годы прав-

ления Александра III. см.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 313-319.

3. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух эпох. Прага, 1929. С. 192.

4. *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 131.

5. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция их до начала XX в. М., 1977. С. 158.

6. *С.Мирный.* Адреса земств 1894-1895 гг. и их политическая программа. Женева, 1896 г. (Автором брошюры, скрывшимся за столь красноречивым псевдонимом, был князь Д.И.Шаховской).

7. Там же.

8. *Шилов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 133.

9. Там же. С. 145.

10. ОР РГБ. Ф. 440. К.5. Д. 1. Л. 5.

11. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 56.

12. Цит. по: *Белоконский И.П.* Земство и конституция. М., 1910 г. С. 41.

13. Государственные деятели России глазами современников. Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 82.

14. Институт русского языка и литературы (Пушкинский дом) - далее ИРЛИ. Ф. 334, Оп. 1. Д. 651. Л. 47.

15. Там же.

16. Гос. Исторический музей (г. Москва). ОПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 92.

17. *Шаццлло К.Ф.* Обзор документальных материалов кружка «Беседа»//Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 292-293.

18. Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 292-293.

19. Там же. С. 294.

20. ИРЛИ Ф. 334. Оп. 1 Д. 651 Л. 50.

21. Там же. Л. 51.

22. Государственный исторический музей. Отдел письм. источников. (Далее ГИМ ОПИ) Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 19.

23. Там же. Л. 22.

24. Там же. Л. 23.

25. Там же. Л. 23.

26. Там же. Л. 25.

27. Там же. Л. 26

28. Там же. Л. 27.

29. Там же. Л. 30.

30. Там же. Л. 31.

31. ИРЛИ. Ф. 334. Оп. 1. Д. 651. Л. 51.

32. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 34.

33. *Маклаков В.А.* Из прошлого // Совр. записки. Париж. 1932. № 48. С. 357.

34. *Шилов Д.Н.* Воспоминания и думы. С. 66.

35. Там же. С. 4.

36. *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 136.

37. Там же. С. 142.

38. Там же. С. 143.

39. Там же. С. 144.

40. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 31.

41. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 27.
42. Там же. С. 29.
43. Там же. С. 58.
44. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 70.
45. Там же. С. 80.
46. Там же. С. 135.
47. Там же. С. 138.
48. Там же. С. 150-152.
49. Там же. С. 149.
50. Там же. С. 153.
51. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 155.
52. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 156.
53. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 157.
54. *Симонова М.С.* Земско-либеральная фронда. 1902-1903 гг. // Историч. записки. М., 1973. Т. 91. С. 153.
55. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М. 1960. Т. 2. С. 216.
56. ОР РГБ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-2.
57. *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 159.
58. ОР ГРБ. Ф. 440. К. 5. Д. 39. Л. 3-4.
59. Более подробно об этом решении см.: *Шишов Д.Н.* Указ. соч. С. 165-168.
60. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 00. Д. 500. Л. 80.
61. Там же. Д. 1688. Л. 8-9.
62. Московские ведомости. № 93 от 4 апр. 1897 г. С. 2. (Б.Н.Чичерин о дворянском вопросе).
63. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 272.
64. Там же. С. 282.
65. Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 246.
66. См.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. М., 1973. С. 252-261.
67. С-Петербургские ведомости, № 28. 29 янв. 1897 г
68. *Чичерин Б.* Еще несколько слов о положении русского дворянства (ответ кн. П.Н. Трубецкому) // С-Петербургские ведомости, № 86, 30 марта 1897 г. С. 1-2.
69. Там же.
70. Московские ведомости, № 122. 5/17 мая 1897 г. С. 1. Сословная рознь.
71. С-Петербургские ведомости. № 109. 24 апр. 1897 г. Кн. *Д.Цертелев.* К вопросу о современном положении русского дворянства. (По поводу статьи Б.Н.Чичерина).
72. Сословная рознь // Московские ведомости. № 122. 5/17 мая 1897 г. С. 2.
73. Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 270.
74. *Лаверычев В.Я.* «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил в России конца XIX - начала XX века // Отечественная история. М., 1994. № 3. С. 43-57.
75. *Лаверычев В.Я.* Указ. соч. С. 52.
76. Там же. С. 49.
77. ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 137. Л. 22.
78. Там же. Л. 28.
79. *Рабкина Н.А.* Константин Петрович Победоносцев // Вопр. истории. 1995 № 2. С. 58-75.

80. Переписка Александра III с К.П.Победоносцевым. Т. I. С. 315. Письмо от 6 марта 1881 г.
81. *Белоконосский И.П.* Земство и конституция. М., 1910. С. 41.
82. *Победоносцев К.П.* Московский сборник. М., 1901. С. 2.
83. Там же. С. 23.
84. Там же. С. 38.
85. Там же. С. 54.
86. *Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова // *Вопр. истории*, 1992. № 6-7. С. 31; *Его же*: Автореф. канд. диссертации «Лев Тихомиров на службе царизма: из истории общественно-идеологической борьбы в России конца XIX - начала XX вв.» М., 1986.
87. *Костылев В.Н.* Выбор... С. 31.
88. Там же. С. 32.
89. *Тихомиров Л.* Борьба века. М., 1896. С. 50. В 1993 г. статья эта была переиздана в журнале «Свободная мысль» № 9.
90. *Тихомиров Л.* Начала и концы. С. 3-10; 30-34; 60-62; 115, 120-121; *Его же*: Славянофилы и западники в современных отголосках // *Рус. обозрение*. 1892, № 11. С. 910; *Его же*: Перед новым годом // Там же, 1895, № 1. С. 369-371. *Его же*: Конституционалисты в эпоху 1881 г. М., 1895.
91. *Тихомиров Л.* Борьба века. М., 1896. С. 34.
92. *Костылев В.Н.* Указ. соч. С. 37.
93. *Тихомиров Л.* Сословие журналистов // *Рус. обозрение*. 1894, № 4. С. 911-916; *Его же*: Еще об организации нашего сословия // Там же, № 12; *Его же*: Общественная роль печати // Там же, 1896. № 10. С. 880-899; *Его же*: Задачи публицистики // Там же. 1897. № 3. С. 461-468.
94. *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 203, 218-219.
95. *Тихомиров Л.* Государственность и религия. М., 1906. С. 6.
96. *Костылев В.Н.* Указ. соч. С. 43.
97. Воспоминания Льва Тихомирова. М.-Л., 1927, С. 424-425.
98. Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л., 1981. С. 67.
99. Дневник 23 июля // *Гражданин*, 1902, 25 июля, № 56, С. 17.
100. Дневник 9 июля // *Гражданин*, 1902, 18 июля, № 54. С. 16.
101. Дневник 28 июля // *Гражданин*, 1902. 1 августа, № 58, С. 16.
102. *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 69.
103. Там же. С. 70.
104. Дневник 12 августа // *Гражданин*, 1903, № 65. С. 23.
105. Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 91.
106. *Мещерский В.П.* Мысли консерватора // *Гражданин*, 1904, 5 октября, № 80. С. 2.
107. Дневник 4 января // *Гражданин*, 1904, 8 января, № 3. С. 15.
108. Дневник 28 июля // *Гражданин*, 1904, 1 августа, № 61. С. 19.
109. Дневник 1 августа // *Гражданин*, 1904, 5 августа, № 62, С. 20.
110. Дневник 2 августа // Там же.
111. *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление. 2 изд. М., 1903. С. 3.
112. Там же. С. 19.
113. Там же. С. 71.
114. Там же. С. 62.

115. Там же. С. 83.
116. Там же. С. 16.
117. *Шарапов С.Ф.* Государственная роспись и народное хозяйство. М., 1908. С. 34.
118. Там же. С. 7.
119. Там же. С. 18. Подробнее эти сюжеты см. в кандидатской диссертации М.Ю.Конягина «С.Ф.Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX - начало XX в.». М., 1995.
120. Там же. С. 26.
121. Там же. С. 25.
122. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 147.
123. В архиве завели даже специальное дело с названием «Всеподданнейшие адреса по поводу войны». ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 13.
124. Освобождение. Париж, № 45, С. 367.
125. ГАРФ. Ф. 102. 00. Д. 1875. Л. 7.
126. Там же. Ф. 102. 1903. Д. 114, Т. 2. Л. 9-14. См. также: *Белоконский И.П.* Земское движение до образования партии народной свободы // *Былое*, 1907, № 22, С. 256-257.
127. Тульский областной государственный архив. Ф. 2203. Оп. 1. Д. 9. Л. 3-5.
128. Освобождение. Париж, № 45, С. 368.
129. ГАРФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 494. Л. 10.
130. *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // *Исторические записки*. М., 1965. Т. 77. С. 240.
131. *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С. 242.
132. *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М., 1923. С. 43.
133. «Повеяло весной». Речи г. министра внутренних дел, князя Святополк-Мирского и толки о них в прессе. 2-е изд. (Сост. Алексей Ачкасов). М., 1905. С. 27.
134. *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С. 247.
135. Там же. С. 248.
136. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 142. Л. 153.
137. *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 240.
138. *Белоконский И.П.* К истории земского движения в России // *Наша страна*. СПб., 1907. № 1. С. 50.
139. *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 244.
140. Там же. С. 240.
141. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение... С. 91.
142. Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября в С.-Петербурге. 14, 19 об., С. 51.
143. Там же. С. 49-50.
144. Указ. соч. С. 26.
145. Там же. С. 59
146. Там же. С. 70-71.
147. За это проголосовало 60, против - 38.
148. За - 91, против - 7.
149. За - 95, против - 2.
150. Там же. С. 70, 74-75.
151. Там же. С. 88-89.
152. *Будберг Р.Ю.* Съезд земских деятелей 6-9 ноября 1904 г. в Петербурге: (По личным воспоминаниям) // *Былое*, 1907, № 3 (15), С. 87.
153. Там же, С. 150-223.

154. ОР РГБ. Ф. 4410, кор. 6. Д. 54. Л. 9.
155. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы... С. 581-587.
156. Трубецкая О.Н. Из пережитого // Совр. записки. Париж. 1934, Т. 45. С. 288-289. Черновик дневника О.Н.Трубецкой см.: ЦГАЛИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 22.
157. ОР РГБ. Ф. 440. К. 3. Д. 12. Л. 12. Л. 6. Здесь дан полный перечень всех 15 участников обсуждения.
158. *Шипов Д.Н.* Указ. соч. С. 582.
159. Там же. С. 586.
160. Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5064. Л. 22. Под «бочкой пороха» и вулканическим состоянием России Святополк-Мирский подразумевал, очевидно, не действия земцев и ворчание либеральных консерваторов, а широко развернувшуюся именно в это время по решению «Союза Освобождения» банкетную кампанию и общую социально-политическую напряженность в стране.
161. *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // Историч. записки. М., 1965. Т. 77. С. 259.
162. Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 239.
163. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 872. Л. 1-109.
164. Там же. Л. 7.
165. Там же. Л. 13.
166. Там же. Л. 21.
167. Там же. Л. 60-61.
168. Там же. Л. 77.
169. Там же. Л. 108.
170. Там же.
171. Подробнее о влиянии К.П.Победоносцева в это время см.: *Рабкина Н.А.* Константин Петрович Победоносцев // Вопр. истории, 1995, № 2. С. 58-75.
172. ОР РГБ. Ф. 440. К. 3. Д. 13. Л. 1.
173. Российский центр хранения источников и документов новейшей истории (Далее: РЦХИДНИ). Ф. 279. К. 3. П. 5. Письмо Г.Е.Львова.
174. РЦХИДНИ. Ф. 279, К. 3, П. 5. Письмо «Андреева» (псевдоним расшифровать не удалось) от 3 декабря 1904 г.
175. Российский гос. исторический архив (С-Петербург). Ф. 727, Оп. 1. Л. 1.
176. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 381.
177. *Полнер Т.У.* Жизненный путь князя Георгия Васильевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж. 1932. С. 99.
178. *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 333.
179. *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М., 1923. С. 50.
180. ОР РГБ. Ф. 440, К. 3, Д. 13, Л. 1.
181. *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // Историч. записки, 1965. Т. 77. С. 226.
182. РГАДА. Ф. 1412, Оп. 2, Д. 699, Л. 3.
183. ОР РГБ. Ф. 440. К. 3. Д. 19. Л. 2.
184. Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Книга 5. Партии - их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 347.
185. Там же. С. 348.
186. *Тихомиров Л.* Демократия либеральная и социальная. М., 1896. С. 77.
187. *Степанов С.А.* Черная сотня (1905-1914). М., 1992. С. 18.

188. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Часть первая (1850-1865 гг.) СПб., 1897. С. 357-359.

189. *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 19.

190. *Рахимир П.Ю.* Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история, 1990. № 1, С. 62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научной литературе нет полной четкости и определенности при отражении не только характерных черт, но даже и общего количества общественно-политических течений в России нового времени. Одни авторы называют чуть ли не десятки таких направлений, другие вообще полностью отрицают их наличие, поскольку в России не было конституции, парламента, политических партий и, соответственно, реальных возможностей для политической жизнедеятельности. Такая пестрота в оценках и ориентациях, часто шедшая от незнания конкретной истории политических настроений и политической практики, настоятельно требует изучения конкретного русского материала и именно русской действительности, поскольку своеобразие истории страны было несомненным и не может быть определено и осмыслено только при применении западных образцов и критериев. Это не означало полного отрешения от зарубежной практики, но первичной все-таки должна быть именно русская действительность.

Отталкиваясь от этой установки, члены авторского коллектива прежде всего обратили внимание на изучение русских исторических реалий XIX столетия, предприняв первую в историографии попытку в монографическом плане решить проблему русского консерватизма соответствующего периода. Даже само авторское понимание политического консерватизма было окончательно одобрено не до, а после проведенного исследования. Авторы не вкладывают в понятие консерватизма никакого негативного смысла и в этом отношении их понимание консерватизма принципиально отличается от тех определений, которые еще недавно давались в отечественной философской и исторической литературе. В массовых пособиях, предназначенных для самого широкого круга читателей, консерватизм подавался как «приверженность к старому, отжившему и вражда ко всему новому, передовому»¹. В специальных изданиях, предназначенных для менее массового литературного потребителя, при раскрытии понятия консерватизм подчеркивалось, что оно было «обозначением идейно-политических течений классово-антагонистического общества, противостоящих прогрессивным тенденциям социального развития»².

Эти формулировки начала 80-х годов заметно отличались от тех, которые давались в изданиях начала столетия, когда консерватизм трактовался как «стремление отстаивать существующее против всякого новшества, господствующие политические и социальные формы - против стремлений к глубоким и широким преобразованиям, в особенности если они имеют революционный характер». Тогда же подчеркивалось, что «умеренный консерватизм противится не реформам вообще, а только скороспелым, с его точки зрения, преобразованиям или революционным

способам их осуществления; нередко потому употребляется даже термин "либеральный консерватизм"³. То-есть, еще тогда в самом консерватизме не усматривали единое целое и видели в нем некие разновидности, вплоть до допущения определенного строго дозированного прогресса, а может быть, даже и нечто большее.

В действительности существуют многочисленные интерпретации сущности консерватизма, и авторскому коллективу пришлось дать свое определение, вытекавшее из этого исследования, которое было ими проведено. Хотя в поле зрения находился российский XIX век, особенности страны и ее общественно-политического движения были таковы, что фактически авторы обратились к изучению общей картины русского общества с начала 60-х годов XVIII в. до 1905 г. Эти несколько более расширенные хронологические рамки позволили определить с достаточной точностью время зарождения русского политического консерватизма как явления вполне определенного и заявившего о себе достаточно отчетливо.

Во всем многообразии черт, характерных для консерватизма в области морали и политики, религии и философии, необходимо было выявить главнейшие, наиболее существенные, позволявшие вскрыть саму суть как этого понятия, так и явления самого по себе. Из всех черт авторами были выделены две основных - отношение к социальной системе и к государственному устройству страны. Для конца XVIII в. это - отношение к крепостному праву и к конституции. Эти два подхода и позволяют определить реальные взгляды того или иного политического деятеля или любого другого члена российского общества. Но применять их нужно было с учетом конкретных обстоятельств, и особенно тех моментов, когда решались дальнейшие задачи развития страны и государства. Это все и потребовало привлечения максимально большого исторического материала. Авторы изучили большое количество литературы, сборники документов, мемуары, разобрали подшивки основных консервативных газет и журналов и нередко прибегали к архивным источникам. Подбор добротной, основательной фактуры являлся одной из важнейших задач работы, благодаря которой выводы и заключения стали достаточно обоснованными, во всяком случае не голословными.

Изучение конкретного материала также показало, что подходы к консервативной политической мысли и практике можно проследить уже в период правления Екатерины II. Именно в процессе подготовки и обсуждения екатерининского «Наказа» 1767 г. выявились сановные круги, которые четко проявили свою консервативную ориентацию и категорически выступили против отмены крепостного права. Местом столкновения различных сил стала «Комиссия об уложении», продемонстрировавшая различные устремления ее большинства и показавшая, что у русского консервативного направления имелись многочисленные предшественники. Уже тогда явно заметны в этом предконсерватизме как апологетическое, так и ностальгическое направления; одним из наиболее ярких представителей последнего стал М.Щербатов, представлявший в идиллических тонах порядки допетровской России и ставший одним из последова-

тельных идеологов дворянства. К несомненно консервативным деятелям следует отнести и А.Сумарокова и Г.Державина - крупных писателей, но сторонников крепостничества, что свидетельствовало о нередкой несовместимости знаний и таланта с реальными прогрессивными политическими устремлениями.

Однако прекращение деятельности «Комиссии об уложении» не позволило оформиться русскому политическому консерватизму, не предоставило условий для создания какого-либо организованного начала этого плана. Считать русский политический консерватизм фактически зародившимся можно лишь в начале XIX в., с вступлением на престол Александра I.

Александр I был по существу основателем русского политического либерализма. Не Сперанский породил либерала на русском троне, а, наоборот, либеральный император породил крупнейшего русского реформатора того времени. Либерализм стал в тогдашней России модой, но в противовес ему оформился и политический консерватизм. Примечательно, что противодействие либеральным устремлениям императора, открыто заявлявшего, что он отменит в России крепостное право и даст стране конституцию, наметилось в самом царском семействе. В этой семье защитниками консервативных начал стали вдовствующая императрица Мария Федоровна, брат императора и тогдашний наследник российского престола великий князь Константин Павлович, а также его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна. Именно они стали вдохновителями и в определенной степени организаторами зарождающегося русского политического консерватизма.

Консерватизму как политическому направлению положили основание несколько своеобразных общественных центров. Это тверской салон Екатерины Павловны, двор Марии Федоровны, литературное общество «Беседа любителей русского слова», где ведущую роль играли А.Шишков и Г.Державин, а также московский кружок С.Глинки и Ф.Ростопчина. Всех их объединяла борьба против М.Сперанского и его курса на реформирование России. Именно по заданию великой княгини Екатерины Павловны Н.Карамзин написал свою известную записку «О древней и новой России», ставшую одним из важных документов русского консерватизма. В записке проводилась идея опоры самодержавия на дворянство и духовенство и четко утверждалась триада «самодержавие, православие, Отечество», послужившая впоследствии основанием «теории официальной народности».

Несмотря на серьезные конфликты между Н.Карамзиным и А.Шишковым в области языкознания и литературоведения, между ними не было принципиальных противоречий во взглядах на внутреннюю и внешнюю политику страны. Не случайно у них впоследствии налаживаются и личные отношения. Первой крупной победой зарождавшегося русского политического консерватизма стало свержение в 1812 г. М.Сперанского, на место которого был поставлен один из лидеров консерваторов - А.Шишков.

В книге показывается, что в русском политическом консерватизме уже в момент его зарождения четко прослеживаются три общественных течения. Это как бы консерватизм с прогрессом, к которому можно отнести братьев Воронцовых с их планами создания российского представительного органа, а также, например, такого крупного государственного деятеля, как М.Балугьянский. Второе течение может быть названо консервативным центризмом, и к нему относилось большинство деятелей консервативного плана того времени. Третье течение, которое вполне можно назвать реакционным, представляли крайне правые деятели. К числу лидеров последнего можно отнести А.Аракчеева, М.Магницкого и других. На разных этапах истории XIX столетия верх брал тот или иной оттенок консерватизма. Например, в 1820 г. стало преобладать реакционное его течение, и можно было говорить о повороте политического курса страны вправо, в сторону реакции. Конечно в таких поворотах решающую роль играла самодержавная власть, но она довольно тонко улавливала настроения верхов и брала сторону того течения, которое представляло собой наибольшую силу в то время.

Разбирая особенности русского политического консерватизма начала XIX в., авторы подчеркивают его довольно тесную связь с консерватизмом зарубежным, прежде всего европейским. Прослеживается связь с немецкими и французскими политическими эмигрантами, часть из которых осела в России, с консервативными деятелями Англии и Австрии. Не случайно именно в России налаживается издание официозной газеты на французском языке под названием «Беспристрастный консерватор», в которой активно сотрудничали и эмигранты. Можно говорить о своеобразном для того времени консервативном интернационале, в котором русские консерваторы играли довольно активную роль, прежде всего в подготовке отпора Наполеону. Русский политический консерватизм играл в то время и несомненно позитивную роль, участвуя в организации отпора французскому нашествию. Вообще у консерватизма имелась своя важная ниша в общественной жизни страны, где он занимал довольно прочные позиции. Это вопросы патриотизма и твердой морали, которые трактовались консерваторами различных течений как общенациональные ценности.

В книге показано, что заметный поворот вправо, в сторону реакции, хорошо прослеживаемый с 1820 г., был не только подготовлен предшествующей работой прежде всего крайне правых консервативных кругов страны, но и вытекал из явных желаний такого поворота со стороны западноевропейских консерваторов. Многочисленные материалы внешнеполитического характера свидетельствуют о том, как лидеры западных стран - Австрии, Англии, Пруссии, Франции и других всячески стремились сдвинуть политическую линию России вправо, постоянно намекая на возрастающую угрозу со стороны революции. Рассмотрены также и экономические факторы, повлиявшие на изменения внутриэкономического положения в России, в частности роль резкого падения русского экспорта в решении части русских помещиков отказаться от проведения модернизации в своих хозяйствах.

Этот поворот вправо и был одной из причин радикализации настроений в определенных слоях русского общества и появления третьего общественно-политического течения в России - так называемого леворадикального или революционного. Таким образом, изучение истории русского консерватизма еще раз подтверждает уже существовавшую в литературе идею о выделении всех трех этих направлений в первой четверти XIX в.. Авторы, таким образом, подтверждают мнение о трех общественно-политических движениях в стране и в данном отношении присоединяются к ряду современных авторов (например И.Д.Ковальченко).

Уже в первой половине 20-х годов политический консерватизм становится несомненно господствующим течением в стране, в его среде заметны проявления мистицизма, обскурантизма, крайней нетерпимости к любым проявлениям инакомыслия. Примечательно, что в это время начинается преследование умеренных консерваторов или консерваторов, допустивших эволюционный прогресс. Эти преследования имели место и в Казанском, и в Петербургском университетах. События 1825 г. несколько изменили расстановку сил в рамках в общем-то единого консервативного направления: усиливается ставка на православие и ограничивается распространение других конфессий, руководство страны идет по пути выработки новой идеологической доктрины, и в этом отношении роль консервативных идеологов стала определяющей, хотя еще одним важным явлением той поры был переход ряда прежних либералов в лагерь консерваторов. Теория «официальной народности» была все-таки продолжением карамзинских взглядов и демонстрировала она новый этап консервативной мобилизации. Ее выработка явилась ответом на прямой социальный заказ, который объяснялся не только внутренними потребностями самодержавной власти, но и изменившимися после революции 1830 г. и нового польского восстания условиями. Новая идеологическая доктрина, представлявшая собой особую конструкцию, включавшую также выработку и новой символики, например нового гимна, была прежде всего творением совместного плана, творением, ставшим результатом союза императорской власти и тогдашнего русского консерватизма.

Для 20-х - первой половины 50-х годов XIX в. характерна достаточная доля категоричности в вопросе о неразделимости самодержавия и консерватизма, о выступлении их единым фронтом по основным проблемам русского общества той поры. Господствует тогда апологетический консерватизм, и о консерватизме ностальгическом в эти годы говорить практически не приходится. И консервативное общество, и императорская власть ратуют за незыблемость существующих социальных и политических порядков, и течение либерал-консерватизма заметно отходит на задний план. В период революции 1848-49 гг. усиливается реакционная струя в консерватизме и страна переживает еще один поворот вправо. В это время русский консерватизм вновь получает поддержку зарубежных консервативных кругов, но этот блок отечественных и зарубежных консерваторов стал последним в XIX в., во всяком случае в столь заметных формах.

Иная картина складывается после Крымской войны. Курс на реформу был во многом неожиданным для консервативных сил. Они не были готовы к нему ни организационно, ни идеологически, и консервативный лагерь не сумел противопоставить реформистскому курсу никаких убедительных противодействий. Понимая бесперспективность упорного противодействия всяческим реформам, консервативные идеологи вырабатывают новую линию поведения, которая прежде всего признавала ликвидацию крепостного права, но означала стремление к сохранению помещиками всей или большей части земли, которую обрабатывали крестьяне. Можно сказать, что в эпоху Крестьянской реформы 1861 г. на первый план выходит (в рамках всего консервативного направления) либеральный консерватизм, хотя в целом землевладельческое дворянство было против реформы как таковой. Консерватизм, чтобы выжить как общественно-политическое течение, был вынужден перегруппировать свои силы и соразмериться с духом времени. Но переоблачение консерватизма было вынужденным и таило в себе горячее стремление будущего реванша.

Серьезные испытания, выпавшие на долю консерватизма в эпоху падения крепостного права, заключались еще и в том, что между ним и самодержавной властью наметились определенные противоречия, и в эти годы не приходится говорить о их нераздельности. Уступив в деле реформы как таковой, признав необходимость ликвидации крепостнических порядков, консерваторы той поры прежде всего ратуют за сохранение экономических позиций дворян-землевладельцев. Уступив вотчинную власть, они настаивают на получении части императорской власти, и как раз в эти годы становится популярной идея представительства, прежде всего представительства дворянского. В этом отношении они встретили серьезное противодействие императорской власти, и о степени накала страстей свидетельствуют дворянские собрания начала 60-х годов. Руководителями дворянской фронды того времени были прежде всего консервативные круги дворянства, но для тех лет стал характерным переход в лагерь консерваторов ряда бывших либеральных деятелей. Так, перешел к консерваторам один из крупнейших публицистов страны, бывший либерал М. Катков, в пореформенный период постепенно перешли в лагерь консерваторов и поздние славянофилы. Заметно укрепляются и литературно-научные силы консервативного направления.

В лагере консерваторов оказались и видные писатели, и крупные историки, и известные философы, которые приступают к созданию новых консервативных теорий, нацеленных прежде всего на сохранение существа системы. Однако вновь усиливаются и ностальгические настроения, на сей раз направленные на воспевание дореформенных порядков. Любопытно, что консервативной общественности в это время, как, впрочем, и в первой половине века, не удалось выдвинуть ни одного крупного экономиста, который смог бы обосновать экономические убеждения консервативного направления. Это тем более удивительно, что консерватизм по-прежнему имел своей социальной основой хозяйствующих помещиков, достаточно хорошо разбиравшихся в повседневной экономике. Не

говоря уже о том, что в лагере консерваторов были и крупные предприниматели, например, такие как С.Мальцов. Однако выдвинуть из своей среды видных экономистов, которые могли бы предложить стране оптимальный экономический курс, консервативный лагерь так и не смог, что было одним из важных свидетельств обреченности тогдашнего российского консерватизма, отставившего прежде всего интересы все более хиревших помещичьих хозяйств.

В последние десятилетия XIX в. российский консерватизм в очередной, уже третий раз за столетие меняет свое обличье. Это не был уже консерватизм, защищавший крепостное право, но не был он и консерватизмом с допущением реформ, как это наблюдается в конце 50-х - начале 60-х годов. Новый консерватизм получил свое идеологическое обоснование в трудах К.Победоносцева, М.Каткова, В.Мещерского, Л.Тихомирова, К.Леонтьева, и, при всех отличиях упомянутых деятелей реакционного лагеря, между ними было немало схожего, что позволяет объединить их в рамках одного направления. Интересно, что в 60-е годы XIX в. один из важнейших органов консерватизма - газета «Весть» проводила идеи уничтожения общины. Консервативный лагерь ставил задачу ослабления крестьянской организации и тем самым - укрепления позиций помещиков. Но уже в 80-х годах отношение консервативных кругов к общине меняется, и большинство его деятелей, наоборот, ратует за сохранение общины, поскольку таким путем они пытаются противодействовать укреплению все более усиливающихся конкурентов помещичьего хозяйства - кулаков.

Дворянский реванш 80-х годов и усиление консервативных настроений в обществе, заметных еще после Польского восстания 1863-64 гг. и каракозовского выстрела 1866 г., приводят к новому слиянию самодержавной власти и позднего консерватизма. Достигнув своего апогея в 80-х годах, консервативная мысль начинает затем все больше и больше ослабевать и терять влияние даже в тех слоях, в которых прежде она была сильна. Из консервативного лагеря уходят такие крупные мыслители, как В.Соловьев, В.Розанов и другие. Правда, его пополнили даже некоторые бывшие народовольцы, такие как Л.Тихомиров и Г.Романенко. В целом для консерватизма становятся все более характерными воспевание насилия, иррационализм, мистицизм - явное свидетельство общего движения этого лагеря в сторону реакции, в свою очередь отражавшего ослабление его влияния в обществе и народе в целом.

Трудно согласиться с Н.Бердяевым в том отношении, что в XX век консерватизм вошел, не представляя собой идейного направления как такового и что он полностью утерял собственных мыслителей. Это не соответствует реальному положению дел. В начале XX в. еще жили и творили такие консервативные мыслители, как В.Мещерский, Л.Тихомиров, С.Шарапов, К.Победоносцев, к которым присоединились консерваторы более молодого поколения, например такие, как бывший либерал П.Крушеван, а затем и В.Пуришкевич. Но несомненно, что в начале XX в. консерватизм и по своему идейному багажу, и по литературно-научным силам, и по влиянию на общество значительно уступал двум другим обществен-

но-политическим течениям - либеральному и леворадикальному. Это ослабление выражается и в кризисе православной церкви, и в попытках со стороны самодержавия фактически отстаивать феодальную идеологическую доктрину, и в реальном идейном багаже, которым обладали консерваторы в канун первой русской революции.

Эта революция привела к заметной перегруппировке политических и идейных сил в русском обществе. Консерватизм той поры также определенным образом изменился и его изучение должно стать предметом особого внимания, которому следует посвятить специальное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 628.
2. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 273; Ср.: Краткий политический словарь. Изд. четвертое, дополненное. М., 1987. С. 198-199.
3. *Водовозов В.* Консерватизм // Новый энциклопедический словарь. Т. 22. Пг., б/г. С. 500-501.
4. *Бердяев Н.* Судьба русского консерватизма // Киносценарии. М., 1989. № 5. С. 164.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Bezviconi G. 102
Burke E. 17
Byrns R.F. 17
Danilevsky 17
Emmons T. 17
Fadner F. 17
Field D. 17
Fischer G. 17
Gerstein I. 17
Godechot J. 17
Iordache A. 17
Karamsin N.M. 16
Kats M. 17
Kirk R. 17
Kohn H. 17
Leontev K. 17
Lukashevich S. 17
MacMaster R.E. 17
Maurras Ch. 17
Nicholas I 16, 185
Parkin Ch. 17
Pipes R. 16
Pobedonostsev 17
Pogodin 16
Rawson D.C. 17
Riasanovsky N.V. 16, 185
Rivarol 17
Roche A.-V. 17
Ševyrev 16
Shapiro L. 17
Strakhov N. 17
Thaden E. 17
Touchard J. 17
Whittaker C.H. 186
Абаза А.А. 277, 278, 281, 282, 314, 323, 345
Абаза Н.С. 314
Абрамова И.Л. 97
Август, римск. император 20
Аверкиев Д.Д. 222
Авсенко В.Г. 286, 287, 330
Агафангел (Соловьев), иеромонах 140
Адамс Д. 58
Адлерберг В.Ф. 192, 197
Аксаков И.С. 164, 165, 169, 187, 190, 203, 225, 229, 232, 235, 251, 252, 272, 287, 290, 310, 313, 330, 356
Алафаев А.А. 8
Александр I 8, 9, 11, 15, 31, 33-50, 57, 59-68, 70-88, 90, 91, 93-95, 97-104, 107, 111, 115, 119, 120, 124, 132, 149, 181, 193-195, 202, 204, 207, 269, 419
Александр II 11, 143, 175, 191, 193-196, 198, 200, 202, 203, 208-214, 219, 224-228, 230, 231, 236, 241, 243, 256, 258-260, 266, 269, 273, 274, 276, 278, 279, 282-284, 289, 292, 312, 313, 318, 327, 337, 361-363, 368, 369, 374, 382, 386, 405, 408
Александр III 11, 236, 238, 242, 243, 246, 256, 258, 259, 271, 273, 276-282, 284, 285, 292-295, 298, 299, 312, 313, 316, 317, 327, 332, 336, 342, 344, 348, 351-353, 356-359, 361-363, 368, 370, 382, 386, 390, 405, 411, 413
Александр Александрович, вел. кн. - см. Александр III
Александр Михайлович, вел. кн. 407
Александра Федоровна, императрица 144
Александра Федоровна (Алиса Гессенская, Аликс), императрица 364, 365, 398, 406
Александров А.А. 285, 389
Алексеев В.П. 98, 226
Алексей Александрович, вел. кн. 323, 407
Алексей Михайлович, царь 203, 215
Алисов П.Ф. 257, 273

- Алмазов Б.Н. 221, 229
 Алопеус Д.М. 85
 Амвросий (Ключарев А.О.)
 протоиерей 358
 Андреев 415
 Андроссов В. 132
 Анна Павловна, вел. кн. 38, 39
 Анненков П.В. 179, 190
 Анненковы 410
 Апраксин В.В. 207, 208
 Аракчеев А.А. 9, 15, 33, 50, 76,
 80-82, 87, 89, 92-94, 97, 103, 108,
 143, 233, 420
 Аристотель 51
 Армфельд Г.-М. 60, 66, 76
 Аронсон М. 187
 Арсеньев К.И. 90, 91
 Арсеньев К.К. 304, 321, 322,
 351, 354, 355, 357, 389, 413
 Арсеньев Н.С. 10
 Арцимович В.А. 314
 Аскоченский В.И. 160, 205
 Астафьев П.Е. 303, 334, 335,
 354, 358
 Ачкасов Алексей 414
 Баадер Ф.К., фон 64, 131
 Бакунин М.А. 158
 Бакунина В.И. 101
 Балашев (Балашов) А.Д. 66,
 76
 Балугьянский М.А. 62, 63, 76,
 91, 101, 104, 109, 420
 Балуев Б.П. 8
 Бальзак О., де 155
 Баранов П. 101, 104
 Барклай-де-Толли М.Б. 38, 68
 Баррюэль, аббат 56, 59, 100
 Барсуков А.П. 385
 Барсуков Н.П. 186, 187, 189-
 191, 195, 226, 227, 385
 Баскаков В.П. 23
 Батюшков К.Н. 61
 Бахметева А.Н. 190
 Безбородко А.А. 33
 Безобразов А.М. 211
 Безобразов В.П. 325, 357, 392
 Безобразов М.А. 211, 212
 Безобразов Н.А. 203, 204, 211,
 218, 219, 222, 224, 227, 228
 Безрылов Н. - см. Писемский
 А.Ф.
 Беккария Ч. 20
 Беклешев А.А. 37, 49
 Белинский В.Г. 22, 122, 158,
 164, 180, 185, 189, 205, 221
 Белоголовый Н.А. 269
 Белококонский И.П. 411, 413,
 414
 Белявский М.Т. 96
 Бенкендорф А.Х. 87, 108-112,
 119, 121, 122, 137, 148, 152, 153,
 156, 165, 184, 188, 189, 193
 Бентам И. 298
 Берг Ф.Н. 284
 Бердяев Н.А. 8, 10, 15, 16, 187,
 409, 423, 424
 Бёрк (Берк) Э. 7, 53-55, 57,
 100
 Берковский Н.Ф. 227
 Бернадот Ж.Б. 40, 72
 Беррийский Ш.Ф., герцог 86,
 103
 Бестужев А.А. 149
 Бехтеев С.С. 283, 322
 Бибииков А.И. 23
 Бибииков Д.Г. 119, 195, 196
 Бибиикова А.И.
 Бильфельд 24
 Бирнс Э. 13
 Бисмарк О., фон 167, 168, 190,
 295
 Благонравов Э. - см. Алмазов
 Б.Н.
 Бланк Г. 222
 Блонт, англ. консул 241
 Блудов Д.Н. 43, 120, 170, 172,
 185, 194, 197
 Блэкстон В. 31, 53, 58
 Бобринская В.Н. 397, 398
 Бобринские 385
 Бобринский А.А. 219, 367,
 400, 408
 Бобринский В.А. 219, 367, 400
 Богданович Т. 185, 188
 Богомолов А.С. 100

- Бодянский О.М. 267
 Божерянов И.Н. 98, 99, 101
 Бональд Л.-Г.-А. 56
 Боссюэ Ж.Б. 229
 Ботен, аббат 136, 156
 Брадке Е.Ф., фон 132
 Брок П.Ф. 197
 Будберг Р.Ю. 414
 Буксгевден Ф.Ф. 32, 33
 Булгаков А.Я. 174
 Булгаков С.Н. 10
 Булгарин Ф.В. 101, 107, 121,
 127, 131, 137, 148-156, 164, 179,
 183, 184, 186, 188, 189, 201
 Булыгин А.Г. 409
 Булыгин В.И. 207
 Бунге Н.Х. 293, 314, 323, 345,
 360, 362
 Бурачок С.А. 158-161, 182,
 189
 Бурбоны 72
 Бургоэн П. 116, 185
 Бутков В.П. 197, 198
 Бутурлин Д.П. 170, 171
 Бэкон Ф. 298
 Бэр К. 133
 Вайнштейн О. 100
 Валицкий А. 15
 Валув П.А. 182, 190, 216,
 217, 219, 220, 222, 236, 254, 256,
 263, 270, 273, 279, 305, 312, 315,
 323, 326, 338, 340, 351, 356, 359
 Ванновский П.С. 323
 Васильчиков А.А. 66, 101, 103
 Васильчиков П.А. 379
 Васьянов И. 344, 346, 360
 Вашингтон Д. 58
 Введенский А.А. 301
 Веллеслей 61
 Веллингтон А.У. 61
 Вернадский В.И. 403
 Вернег 66
 Веселовский Б.Б. 358, 410
 Вигель Ф.Ф. 112, 184
 Вильмен А.Ф. 137
 Витт И.О. 121
 Витте С.Ю. 349, 352, 360, 362,
 393-395, 397, 406, 407, 412, 415
 Владимир Александрович,
 вел. кн. 278, 323, 331, 407
 Владимирский-Буданов М.В.
 96
 Владимир Мономах 20
 Владиславлев М.И. 357
 Водовозов В. 424
 Воейков А.Ф. 156
 Воейков Д.И. 311, 345, 355,
 360
 Волконская З.А. 129
 Волконский Д.М. 71, 81
 Волконский М.С. 319, 336,
 359
 Волконский Н.С. 401
 Волконский П.М. 70
 Волконский С.Г. 111
 Вольтер (Мари Франсуа Аруэ)
 40, 52, 54, 56, 89, 134, 136, 137,
 160
 Вольцоген 61
 Вордсворт У. 64
 Воронцов А.П. 23
 Воронцов А.Р. 50, 217, 420
 Воронцов М.С. 103, 194
 Воронцов С.Р. 50, 98, 102, 103,
 217, 420
 Воронцов-Дашков И.И. 305,
 307, 312, 315, 323, 326, 338, 347,
 348, 350, 357, 360
 Вышеславцев Б.П. 10
 Вышнеградский И.А. 323,
 331, 362
 Вюртембергский Е., герцог 34
 Вяземская 60
 Вяземские 188
 Вяземский И. 26
 Вяземский П.А. 9, 71, 84, 123,
 130, 141, 142, 146-148, 176, 177,
 188, 202, 226
 Габриах 84
 Гавриил, митрополит 23
 Гагарин И.В. 210
 Гагарин И.С. 165, 190
 Гагарин П.П. 197, 214, 233
 Гаджиев К.С. 14
 Гайденко П.П. 15
 Галифакс Д. 52

- Галич А.И. 90, 91
 Галкин А.А. 14, 99, 100
 Галлер К.-Л. 144
 Гамильтон А. 58
 Гаммер-Пургшталь Й., фон
 155
 Ганцова-Берникова В. 184
 Гарбузов В.Н. 14
 Гарденберг К.А. 57
 Гегель Г.В.Ф. 158, 159, 163
 Гезен А.М. 316, 356
 Гейден П.А. 379, 400
 Гельвецкий К.А. 134, 137
 Генрих, герцог Бордосский
 147
 Гентшке Л.В. 96
 Генц Ф. 57, 61
 Георг III 53
 Георгиевский А.И. 316, 356
 Гербель С.Н. 399
 Герман К.Ф. 90, 91
 Геррес Я.И., фон 136
 Герри А.-М. 187
 Герцен А.И. 29, 122, 142, 168,
 188
 Гёте И.В. 158
 Гефтер М.Я. 15
 Гечевич К.И. 207, 209
 Гизо Ф. 134, 204
 Гиляров-Платонов Н.П. 286,
 287, 334, 338, 339
 Гирс А.К. 293
 Глинка М.И. 138, 143, 146,
 187, 231
 Глинка С.Н. 11, 69, 419
 Глинка Ф.Н. 80, 102, 158
 Гнедич Н.И. 48
 Гнейст Р. 325
 Гоббс Т. 20, 52, 58
 Говоруха-Отрок Ю.Н. 287, 389
 Гоголь Н.В. 9, 137, 146, 154,
 155, 166, 167, 178, 190, 191, 308
 Голикова Н.Б. 97
 Голицын А.Н. 78, 81, 82, 89,
 91-93, 123
 Голицын Н.Н. 265
 Голланд Г. 73
 Головачев А.А. 270, 358
 Головин К.Ф. 281, 306, 310,
 322, 324, 338, 341, 343, 346-351,
 354, 355, 357, 359, 360
 Головин Ф.А. 365, 399
 Головкин Ю.А. 74
 Головин А.В. 232, 314
 Голохвастов П.Д. 356
 Гольбах П.А. 137
 Гольтгоер М.Ф. 314, 356
 Гольцев В.А. 324, 351
 Горемыкин И.Л. 332, 371, 372,
 375
 Горчаков А.М. 236
 Готье Ю.В. 243, 271
 Градовский А.Д. 37, 98, 233,
 254, 257, 273, 324, 325, 329, 357
 Градовский Г.К. 272
 Грановский Т.Н. 192
 Грацианский П.С. 97
 Грей Ч. 73
 Греч Н.И. 48, 61, 66, 82, 91, 97,
 99-104, 113, 123, 149, 152, 154,
 164, 179, 183, 184, 186, 188, 194,
 201, 202, 226
 Грибовский М.К. 111
 Грибоедов А.С. 125, 142, 149,
 188
 Григорьев А.А. 161, 189, 222
 Григорьев В.В. 186
 Григорьян Б.Т. 15
 Грингмут В.А. 288, 304, 305,
 339, 354, 389
 Гросул В.Я. 102, 104, 181, 185
 Грот К.К. 314
 Гроций Г. 20, 58
 Гулак-Артемовский П.П. 131
 Гурьев Д.А. 81, 82
 Густав IV Адольф 39
 Гюго В. 155, 162, 187
 Давыдов И.И. 129, 163, 170,
 180
 Давыдов М.А. 15
 Даламбер Ж.Л. 21, 56
 Даль В.И. 160, 170, 180, 186
 Данилевский А.С. 179
 Данилевский Н.Я. 12, 13, 224,
 225, 229, 341, 359
 Декарт 131

- Дельвиг А.А. 156
 Делянов И.Д. 273, 313, 315, 317, 319, 320, 358
 Демаре К. 136
 Дементьев П.А. (Тверской) 347, 360
 Денискина В.А. 15
 Державин Г.Р. 37, 39, 48, 49, 68, 80, 160, 419
 Десницкий С.Е. 33, 58
 Дибич И.И. 116
 Дидро Д. 56, 152
 Дитягин И.И. 95, 96
 Дмитриев И.И. 42
 Дмитриев М.А. 110, 141, 142, 156, 180, 183, 184, 187, 188
 Дмитриев С.С. 187, 190, 249, 272
 Дмитриев Ф.М. 246, 248, 272, 314, 356
 Дмитриев-Мамонов М.А. 111
 Дмитрий Донской 41, 42, 69
 Дмитрий Самозванец 137
 Добролюбов Н.А. 337
 Добрынин, офицер 111
 Долгих Е.В. 185, 186
 Долгов К.М. 229, 274
 Долгово-Сабуров Н.П. 332
 Долгоруков В.А. 197, 214
 Долгоруков П.Д. 366-368, 397
 Долгоруков П.П. 366, 368, 399
 Достоевские 222
 Достоевский Ф.М. 8, 10, 15, 220, 222, 223, 225, 229, 249, 262, 272, 284, 331, 332, 335, 336, 358, 372
 Достян И.С. 104
 Дрентельн А.Р. 258
 Дружинин А.В. 205
 Дружинин Н.М. 8, 15, 20, 75, 76, 95-97, 102, 103, 185, 192, 205, 225- 228
 Друцкой-Соколинский М.В. 173, 182
 Дубельт Л.В. 113, 114, 154, 168, 182, 184
 Дубровин А.И. 410
 Дубровин Н.Ф. 188
 Дудзинская Е.А. 8, 249, 272
 Дудниченко И.И. 410
 Дурново И.Н. 326, 331
 Дурново Н.Д. 71
 Дювержье 187
 Екатерина II, императрица 18-26, 28, 30-32, 34, 36, 39, 40, 43, 44, 49, 50, 92, 95, 96, 106, 120, 132, 202, 309, 398, 418
 Екатерина Павловна, вел. кн. 38-43, 45-47, 49, 68-71, 73, 76, 80, 98, 99, 101, 102, 419
 Елена Павловна, вел. кн. 194, 211
 Елизавета Алексеевна вел. кн. 38, 39, 46, 49, 77, 98
 Елизавета Петровна, императрица 18, 19, 95, 120
 Елисеев Г.З. 261
 Емельянов Н. 274
 Ермолов А.П. 81, 83, 148
 Ермолов А.С. 407
 Ефремов П.А. 188
 Желтухин А.Д. 205, 207, 209
 Желябов А.И. 288, 313
 Жуковская Т.Н. 15
 Жуковский В.А. 39, 108, 123, 130, 137, 138, 143-147, 159, 170, 174-177, 182, 188, 191
 Заблоцкий-Десятовский А.П. 101, 184
 Завадовский П.В. 37
 Завитневич В.З. 98
 Загоскин М.Н. 154, 156, 160, 161, 170, 182, 189
 Зайончковский П.А. 8, 256, 273, 351, 357, 358, 360
 Зак Л.А. 102
 Закревский А.А. 81, 121, 138
 Замятнин Д.Н. 314
 Занд К. 85, 103
 Засулич В.И. 257, 388
 Заусницкий 96
 Захаров И.С. 49, 99
 Захарова Л.Г. 8, 226-228, 231
 Захарова О.Ю. 102
 Зедегольм 92
 Зеньковский В.В. 9, 16

- Золотухина Н.М. 15
 Зорин А.Л. 186
 Иванов А.А. 286
 Иванов Н.А. 131, 201
 Ивановский И.И. 133
 Иванцов-Платонов А.А. 334
 Игнатъев Н.П. 236, 284, 291, 293, 312, 313, 321, 352, 360
 Иисус Христос 160
 Иконников В.С. 185
 Ильин И.А. 10
 Ильин Н. 159
 Иннокентий (Борисов И.А.), архиепископ Херсонский и Таврический 162, 169
 Иннокентий, митрополит 23
 Инсаров см. Раковский Х.Г.
 Исаев И.А. 15
 Исаков Н.В. 323
 Исмаил-Заде Д.И. 360
 Итенберг Б.С. 270, 274
 Кавелин Д.А. 90
 Кавелин К.Д. 194, 195, 216, 228, 248, 254, 259, 260, 272, 274, 329, 355, 359
 Каверин В.А. 189
 Кайданов И.К. 92
 Каменский А. 95
 Канкрин Е.Ф. 82, 116, 120, 185
 Кант И. 122, 154, 159
 Кантор В. 271
 Капнист П.А. 318, 357
 Каподистрия И. 61, 78, 82, 85, 86, 93, 94, 103
 Капустина Т.А. 183
 Каразин В.Н. 94
 Каракозов Д.В. 231-234
 Карамзин Н.М. 8, 9, 12, 40-49, 60, 66-71, 73, 80-82, 85, 87, 89, 90, 98, 99, 102, 124, 143, 146, 160, 186, 188, 202, 203, 211, 219, 419
 Каратыгин П.П. 184
 Карл X 86, 116, 147
 Карлейль Т. 290, 298, 353
 Карпец В.И. 15, 99, 101, 102
 Карцев А.С. 9
 Кастлри Р.С. 73, 85
 Катков М.Н. 8, 12, 13, 15, 223-225, 229, 232-235, 237-241, 243, 245, 251, 253-255, 257-262, 264-271, 273, 274, 279 280, 283-289, 291-295, 297, 298, 300, 307, 309-318, 320-331, 337, 340, 348, 352-358, 422, 423
 Катц М. 13, 253
 Каханов М.С. 321, 323
 Кизеветтер А.А. 363, 411
 Киняпина Н.С. 102
 Кипернский 25
 Киреев А.А. 260, 292, 300, 305, 320, 328, 337, 353, 355, 357, 358, 386, 390
 Киреевский И.В. 122, 170, 186
 Киселев П.Д. 68, 76, 81, 83, 101, 111, 118, 119, 172, 184, 185, 193-197
 Кислягина Л.Г. 98
 Кишенкова О.В. 8, 15
 Клаузевиц К. 61
 Клейнмихель П.А. 108, 119
 Ключевский В.О. 19, 27, 35, 95-97, 375
 Ключников В.П. 220
 Княжевич А.М. 214, 216
 Ковалевский Е.П. 314
 Ковалевский М.М. 253, 370
 Ковалевский П.Е. 9, 16
 Ковальченко И.Д. 13, 421
 Кодан С.В. 184
 Кожинов В.В. 191
 Козельский Г. 26
 Козлова Н.Ю. 100
 Козловский Л. 275
 Козодавлев О.П. 76
 Козьма Прутков 389
 Кок П., де - см. Поль-де-Кок
 Коковцов В.Н. 407
 Кокорев В.А. 75, 102
 Коленкур А. 46, 66
 Колокольцев В.Г. 399
 Кольридж С.Т. 64
 Комаров В.В. 286, 287, 292, 352
 Кондаков Ю.Е. 104
 Конде Л.И. 56

- Кони А.Ф. 242, 244, 271, 332
 Константин Мономах 20
 Константин Николаевич, вел. кн. 198, 205, 211, 214, 216, 224, 227, 228, 236, 243, 256, 258, 278, 282, 337
 Константин Павлович, вел. кн. 36, 38, 39, 41, 70, 78, 81, 98, 101, 115, 141, 194, 419
 Конюшкевич П. 30
 Конягин М.Ю. 15, 414
 Корелин А.П. 8, 228, 229, 355, 381, 412
 Коркунов Н.М. 325, 357
 Корнилов А.А. 35, 95, 97, 98, 104, 192, 193, 214, 225-229
 Корнилович А.О. 149
 Коробьин Г. 25, 26
 Корольков А.А. 229
 Корсаков П.А. 159, 161, 189
 Корф М.А. 115, 120, 170, 182, 185, 197
 Косик В.И. 229
 Костенецкий Я.И. 122
 Костиков В. 16
 Костылев В.Н. 352, 354, 413
 Костюшко Т. 32
 Коцебу А. 85, 86, 104
 Кочнев Варфоломей - см. Любимов Н.А.
 Кочубей В.П. 37, 116, 120, 147, 148, 182, 185
 Кошелев А.И. 118, 192, 196, 198, 206, 226, 227, 248, 250, 251, 256, 272, 273
 Коялович М.М. 286, 287
 Краевский А.А. 136, 151, 156—158, 180, 189, 244
 Кречетов Ф.В. 30, 34
 Кривошеин А.К. 382
 Кропоткин Д.Н. 258
 Кропоткин П.А. 337, 359
 Крупенский П.Н. 410
 Крушеван П.А. 410, 423
 Крылов И.А. 48, 146, 160
 Крюденер В.Ю. 77, 78
 Крюковский М.В. 69
 Кузнецов О.В. 271
 Кукольник В.Г. 62
 Кукольник Н.В. 112, 137, 138
 Кулаковский Ю.А. 357
 Куницын А.П. 82, 92
 Куракин А.Б. 40, 50
 Куракины 32
 Кутайсов И.П. 33
 Кутузов М.И. 67, 103
 Кэлхун Д. 58
 Кювье Ж. 155
 Кюстин А., де 129
 Кюхельбекер В.К. 80, 98
 Лаврычев В.Я. 385, 412
 Лавров П.Л. 237, 270
 Лагарп Ф. 36, 38, 59
 Лакруа П. 11, 183
 Ламеннэ Ф.-Р. 136
 Ламсдорф (Ламбсдорф) М.И. 106
 Ланский Л.Р. 191
 Ланской С.С. 195-197, 200, 216
 Ларионов Е.О. 99
 Лебедев К.Н. 194
 Лебедев К.П. 225
 Левин Ш.М. 194, 225, 226
 Левицкий В.С. 409
 Левшин А.И. 196
 Лелевель И. 154
 Лемке М.К. 184, 189, 226
 Ленин В.И. 95, 285, 297, 343, 352, 359
 Леонтович В.В. 18, 24, 95-97, 103, 268, 275
 Леонтьев К.Н. 8, 10, 224, 225, 229, 241, 265-268, 271, 274, 275, 286, 294-296, 298, 301, 302, 310, 338, 352-355, 359, 389, 423
 Леонтьев П.М. 238
 Лермонтов М.Ю. 160, 221
 Лерхе Э.В. 314
 Лесаж А.-Р. 152
 Лесков Н.С. 220, 229
 Ливен А.А. 278
 Ливен К.А. 122, 123
 Лилиенфельд-Тоаль П.Ф. 206
 Литвак Б.Г. 8, 228
 Лодий П.Д. 62

- Ломоносов М.В. 69, 138, 160
 Лонгинов М.Н. 219
 Лопухин А.А. 407, 414, 415
 Лопухин В.П. 109
 Лопухин П.В. 33
 Лопухина А.П. 33
 Лопухина Е.Ф. 28
 Лоранси 134
 Лорер Н.И. 188
 Лорис-Меликов М.Т. 259-263, 269, 273, 277-284, 294, 312, 314, 336, 346, 405
 Лотарев К.А. 8, 15
 Лотман Ю.М. 99
 Лубяновский Ф.П. 42, 98
 Лувель Л.П. 86
 Луи-Филипп, фр. король 116, 147, 153
 Лукьянов С.В. 332
 Лунин М.С. 111
 Львов А.Ф. 137, 187
 Львов Г.В. 415
 Львов Г.Е. 396, 406, 415
 Львов Н.Н. 368-370
 Лэйн Р. 191
 Любимов Н.А. (Кочнев Варфоломей) 241, 264, 269-271, 284, 288- 292, 303, 314-316, 333, 344, 352, 354, 356, 359, 360
 Людовик XVI 40, 55, 105
 Людовик XVIII 61, 72
 Лященко П.И. 226
 Магницкий М.Л. 11, 76, 88-92, 420
 Магницкий М.М. 123, 143
 Маевский, генерал 81
 Мазад Ш. 11, 16
 Майков А.Н. 221, 229
 Майнов И.В. 185, 191
 Макарий (Глухарев М.Я.), ал-тайский миссионер 140
 Макашин С. 100, 101
 Маклаков В.А. 363, 371, 411
 Макмастер Р. 13
 Маков Л.С. 277, 299
 Максимович М.А. 226
 Малле дю Пан 55-57, 100
 Мальцов С.И. 204, 423
 Манасеин Н.А. 293
 Манхейм К. 14
 Марвиц Ф.А. 57
 Мардарьев М.Е. 100
 Мария Николаевна, вел. кн. 211
 Мария Федоровна, императрица, супруга Павла I 34, 38, 49, 63, 80, 106, 419
 Мария Федоровна, вдовствующая императрица, мать Николая I 397, 398, 406, 419
 Маркевич Б.М. 288, 311, 351, 352, 355
 Марков 2-й Н.Е. 410
 Марков М.А. 221
 Маркс К. 196, 226, 375
 Маслов А. 26
 Мацевич А. 30, 33, 97
 Мельвиль А.Ю. 14
 Мельгунов С.П. 228
 Мельников (Печерский) П.И. 196, 202
 Менцель В. 158
 Меншиков А.С. 170, 199, 206
 Мерзляков А.Ф. 48
 Мертваго Д.Б. 70, 97, 101
 Местр Ж.М. де 8, 11, 15, 56, 59-61, 63, 64, 72-74, 85-87, 94, 100, 104
 Меттерних К. 57, 61, 63, 64, 72-74, 85-87, 93, 94, 100, 167
 Мещерский В.П. 211, 218, 226- 229, 231, 238, 244, 245, 248, 251, 253, 257, 261, 269, 271-273, 281, 283-286, 289, 293, 295, 298, 300, 303, 307, 309, 312, 319-321, 327- 330, 335, 339, 340, 342, 348, 351, 352, 355, 357-359, 384, 386, 390- 393, 410, 413, 416, 423
 Мещерский Н.П. 292, 293, 352- 354
 Миллер Ф. 180
 Милов Л.В. 96
 Миловский М.В. 188
 Милорадович М.А. 107

- Милютин Д.А. 172, 230, 232, 236, 256, 269, 270, 273, 277, 278, 281, 282, 314, 351
- Милютин Н.А. 172, 196, 206, 208, 216
- Минаева Н.В. 8, 98, 99
- Минин В.П. 217
- Минин К. 138
- Минье Ф. 160, 163
- Мирабо О.Г.Р. 211
- Мирный С. 411
- Мироненко С.В. 8, 98, 101, 103, 183, 185
- Михаил Александрович, вел. кн. 407
- Михаил Николаевич, вел. кн. 293, 323
- Михаил Павлович, вел. кн. 63, 106, 113, 115, 116, 146, 161, 194
- Михайлов А.Д. 288
- Михайловский Н.К. 280, 360
- Михайловский-Данилевский А.И. 184
- Михневич Б.О. 352
- Модзалевский Б.Л. 189
- Молок А.И. 185
- Мольер Ж.-Б. 163
- Монтескье Ш. 20, 24, 40, 56
- Мордвинов Н.С. 66, 68, 76, 120, 148, 182, 185
- Мордвинов С.А. 314
- Муравьев А.Н. 158, 199, 200
- Муравьев М.Н. 195, 197, 207, 214, 216, 231
- Муравьев Н.В. 102, 103, 331, 332
- Мэдисон Д. 58
- Мюфлинг 61
- Набоков Д.Н. 278, 293, 314, 331
- Надеждин Н.И. 122, 156
- Назаров М. 16
- Наполеон Бонапарт 38, 39, 44, 57, 60-62, 64, 66-70, 72, 74, 75, 77, 79, 81, 101, 149, 165, 175, 420
- Нарбаев Н.Б. 16
- Нарышкин А.А. 283
- Нарышкин Д. 355
- Нарышкин С.В. 27
- Неведенский С. 253, 270, 272, 352
- Неклюдов 26
- Некрасов Н.А. 337
- Нелидов 32
- Нелидова Е.И. 32, 33
- Немзер А.С. 189
- Нессельроде К.В. 61, 82, 85, 86, 88, 94, 116
- Нечаев С.Г. 313
- Нечкина М.В. 188
- Никитенко А.В. 155, 170, 186, 187, 189, 190, 235, 236, 255, 270, 273
- Никифоров Д. 226, 228
- Никодим (Казанцев Н.И.), епископ Красноярский 139, 187
- Николаи А.П. 293, 314, 323
- Николай I 11, 43, 44, 48, 62, 63, 71, 91, 93, 98-100, 105-111, 113-125, 127, 129, 132, 138, 139, 141-144, 146-149, 152, 153, 156, 161, 165-168, 170-173, 177, 180, 181, 183-187, 189, 192, 193, 195, 196, 201, 202, 226, 242, 268, 292, 293
- Николай II 11, 288, 362-365, 371, 375, 379-381, 386, 387, 390, 392, 393, 397, 398, 400, 402, 404-409, 411, 415
- Николай Михайлович, вел. кн. 73, 98, 101, 102
- Нифонтов А.С. 190
- Новиков Н.И. 30, 32, 33
- Новикова О.А. 300, 337, 338, 358
- Новицкий О.М. 135
- Новосельский Н.А. 323, 324, 346, 357, 359, 360
- Новосельцев Ю.А. 366
- Новосильцев Н.Н. 36, 49, 63, 84, 88
- Ободовский А. 132
- Обручев В.А. 217
- Огарев Н.П. 122, 199, 201
- Одоевский В.Ф. 146, 189
- Озеров В.А. 69

- Окунь С.Б. 100
Оленин А.Н. 69
Олсуфьев В.Д. 172
Олсуфьев Д.А. 366
Ольденбургский А.П., принц 278
Ольденбургский Г., герцог 39, 40, 42
Омельченко О.А. 16, 96
Оржеховский И.В. 184
Орлай И.С. 62
Орлеанский, герцог - см. Луи-Филипп
Орлик О.В. 185
Орлов А.Ф. 107, 108, 112, 119, 169, 193, 194, 197, 198, 211, 212
Орлов В. 189
Орлов Г.Г. 23
Орлов М.Ф. 61, 111, 123, 161, 189
Орлов-Давыдов В.В. 219
Орлов-Давыдов В.П. 204, 218, 224, 247, 355
Орловский К. - см. Головин К.Ф.
Осипова П.А. 148
Осповат А.Л. 190
Островский А.Н. 202, 205
Островский М.Н. 313, 317, 326, 331
Осьмакова Н.И. 189
Павел I 19, 30-34, 38, 40, 44, 49, 61, 81, 95, 97, 106, 186, 193, 202
Павленко Н.И. 95, 100
Павловская А.В. 269
Павский Г.П. 140, 187
Пазухин А.Д. 283, 310, 311, 321-323, 325, 326, 355
Пайпс Р. 12, 13, 16, 17, 99, 227
Пален К.И. 236, 242
Пален П.А. 33
Палеолог М. 269
Панин В.Н. 172, 182, 197, 213, 214, 216
Панин Н.И. 23
Панченко М. 190
Паррот Е.И. (Г.Ф.) 62, 100
Паскевич Ф.И. 207-209, 211
Пашуто В.Т. 9, 16
Перетц Е.А. 273, 351
Перовский А.А. 121, 122, 186
Перовский Л.А. 118
Перфильев С.С. 300
Песков А.М. 187
Пестель В.И. 107
Пестель П.И. 107
Петр I 19, 20, 25-29, 43, 50, 107, 108, 120, 126, 129, 132, 146, 162, 164, 190, 202
Петр III 18, 25, 32, 95
Петрово-Соловово В.М. 366
Петровский С.А. 284
Петрункевич И.И. 403
Петрункевич М.И. 403
Печерин В.С. 122, 186
Пешар-Дешан П.И. 84
Пивоваров Ю.С. 98
Пигарев К.В. 190, 191
Пиксанов Н.К. 143, 186, 188
Пирогов Н.И. 213, 227
Пирумова Н.М. 8, 400, 411, 414
Писарев Д.И. 220
Писемский А.Ф. 202, 205, 220
Платон, архимандрит 23, 30
Платон (философ) 51
Платонов 247, 248
Платонов А.П. 219
Плеве В.К. 332, 366, 367, 378-380, 392, 393, 396, 397, 399
Плетнев П.А. 136, 146
Плещеев 32
Пнин И.П. 33
Победоносцев К.П. 8, 12, 13, 224, 229, 237, 241-244, 246, 258, 260, 265, 266, 271, 273, 276-282, 284-288, 291-296, 298-304, 306, 307, 309-317, 319, 321-328, 330, 331, 335-338, 341, 342, 344-346, 348-360, 362, 365, 375, 386-388, 390, 393, 406, 407, 412, 413, 415, 423
Погодин М.П. 12, 43, 98, 99, 102, 122, 127-131, 134, 154, 158, 161-165, 170, 177, 178, 180-182,

- 186, 189-192, 195, 202, 226, 227,
250, 272
- Погожев Е.Н. 389
- Пожарский Д.М. 138
- Поздеев О.А. 84, 103
- Позен М.П. 207, 209, 210
- Полевой Н.А. 122
- Полиньяк Ж.О. 116, 147
- Полнер Т.У. 415
- Половцев А.А. 293, 305, 312,
315, 318, 326, 338, 343, 347, 348,
356, 358-360
- Полонский Л.А. 254, 273
- Полонский Я.П. 221, 229
- Полунов А.Ю. 359
- Поль-де-Кок 155
- Попов Г. 30, 87
- Попов И.В. 389
- Попов М.С. 97
- Попугаев В.В. 33
- Посъет К.Н. 277
- Поццо ди Борго К.О. 61
- Предтеченский А.В. 8, 98, 99,
101-103
- Пресняков А.Е. 183
- Прокопович Ф. 20, 52, 58
- Протасов Н.А. 121, 139, 140
- Пугачев В.В. 103, 188
- Пугачев Е.И. 84
- Пуришкевич В.М. 410, 423
- Пуффендорф С. 20, 58
- Пушкин А.С. 9, 39, 85, 103,
104, 108, 112, 121, 123, 129, 130,
143, 146, 147-149, 152, 155, 156,
159, 160, 183, 184, 186, 188, 189,
252, 253, 268
- Пушин И.И. 193
- Пфэффель К. 165, 190
- Пфуль 61
- Пыпин А.Н. 95, 97, 98, 101,
104, 185, 249, 250, 272
- Пятковский А.П. 287
- Рабкина Н.А. 412, 415
- Радищев А.Н. 30, 32, 34, 96
- Раев М. 16
- Раевский Н.Н. 148
- Разумовский А.К. 59, 66, 84,
101, 103, 121
- Раич С.Е. 129
- Раковский Х.Г. 100
- Раупах Э. 90, 91
- Раусон Д.К. 13
- Рахматуллин М.А. 184
- Рахшмир П.Ю. 14, 99, 100, 416
- Рац Д. 184
- Резанов Н.П. 160
- Рейтблат А.И. 184, 186, 188,
189
- Рейтерн М.Х. 323
- Рибер А.Д. 229
- Ривароль 55
- Римский С.В. 228
- Ровинский Д.А. 199
- Рождественский И. 169
- Рождественский С.В. 101, 104
- Рожков Н.А. 193, 225
- Розанов В.В. 302, 336, 352,
354, 359, 423
- Розен Е.Ф. 138
- Розенталь В.Н. 226
- Романенко Г. 423
- Романович-Славатинский А.В.
301
- Романовы, династия 137, 183
- Ростовцев Я.И. 197, 198, 206,
209, 213, 214
- Ростопчин Ф.В. 11, 33, 40, 69,
70, 76, 79, 83, 103, 419
- Ростопчина (урожд. Сушкова)
Е.П. 177
- Ружицкая И.В. 185
- Румянцев Н.П. 37
- Румянцев П.А. 81
- Рунич Д.П. 11, 37, 41, 49, 76,
79, 89-91, 98, 102, 103, 123
- Руссо Ж.-Ж. 54, 56, 134, 144,
336
- Рыбаченок И.С. 410
- Рылеев К.Ф. 80, 107, 149
- Рындзюнский П.Г. 8
- Рязановский Н.В. 11, 12
- Сабуров А.А. 278, 282
- Сабуров П.А. 314
- Савельев 247
- Сазонов Г.П. 359
- Сазонов Е.Г. 393, 397

- Сазонов Н.И. 168
Салтыков Н.И. 76, 81
Салтыков-Щедрин М.Е. 170, 190, 192, 205, 237, 379
Самарин Д.Ф. 343, 359, 370, 375, 377, 385
Самарин Ю.Ф. 125, 169, 192, 246, 247, 272
Сафонов М.М. 8, 98
Сахаров А.Н. 15, 97-99, 103
Сбоев А. 352, 356
Святополк-Мирская Е.А. (Мирская, урожденная графиня Бобринская, жена П.Н. Святополк-Мирского) 398, 407, 414, 415
Святополк-Мирский П.Н. 385, 397-400, 402, 404-408, 414, 415
Секиринский С.С. 8, 226
Семевский В.И. 101, 185, 191
Семенов Н.П. 227, 307, 314, 323, 324, 354, 356, 357
Семенова А.В. 185
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 172, 190, 208, 209, 227, 349
Сементковский Р. 253
Сенковский О.И. 154, 155, 164, 189, 201, 205
Сен-Марк Жирарден 163
Сент-Илер Р. 164
Сент-Эньян 47
Серафим (Глаголевский С.В.) митрополит с.-петербургский и новгородский 78, 92, 140
Сергей Александрович, вел. кн. 384, 404, 406, 407
Серра-Каприола 60
Сеченов Д. 30
Сивак А.Ф. 229, 274, 275
Сивак Н.Ф. 353
Силаев М.А. 274
Симонова М.С. 412
Сиповский В.В. 229
Сипягин Д.С. 378, 385, 386
Сироткин В.Г. 103, 104
Скалон В.Ю. 324, 357
Скарятин В.Д. 219, 222, 224, 234
Скопин-Шуйский М.В. 137
Скороспелова В.А. 8, 15, 229
Сладкевич Н.Г. 227, 228
Смирнов-Платонов Г.П. 334
Смит А. 58
Снегирев И.М. 178
Соловьев А.К. 229, 258
Соловьев В.Д. 100
Соловьев В.С. 334, 335, 339, 340, 359, 423
Соловьев К.А. 229
Соловьев С.М. 21, 29, 30, 95-97, 121, 123, 172, 180, 186, 190, 191
Соловьев Ю.Б. 8, 355, 391, 412, 413
Солон 40
Сольский Д.М. 278, 323, 407
Соути Р. 64
Сперанский М.М. 15, 34, 35, 39-43, 48, 59-62, 65-70, 76, 80, 82, 83, 87-89, 94, 98, 101, 103, 109, 115, 119, 148, 184, 419
Спиноза 131
Стадион И.Ф. 93
Сталь - см. Шталь Ф.Ю.
Сталь А.Л.Ж. 72
Станкевич Н.В. 158
Стасюлевич М.М. 254, 273, 274
Стахович М.А. 370, 375, 379, 380
Стединг 46
Стенник Ф. 95
Степанов В.Л. 360
Степанов М. 100, 104
Степанов С.А. 415, 416
Степун Ф.А. 10
Стояновский Н.И. 314, 323
Страхов Н.Н. 222, 250
Страхова Н.П. 102
Стремоухов 199
Строганов П.А. 37, 49, 63
Строганов С.Г. 170, 226, 236, 260, 277, 278
Струве П.Б. 9, 12, 15, 17
Стурдза А.С. 78, 86, 104, 123
Стурдза Р.С. 61, 77, 78
Суворин А.С. 254, 261

- Суворов А.В. 38, 81
 Сулье М.-Ф. 155
 Сумароков А.П. 21-23, 33, 95, 96, 160, 419
 Сусанин И. 138, 231
 Сю Э. 155
 Таганцев Н.С. 332
 Таден Э. 12, 253
 Тальма 35
 Тальницкий - см. Шарапов С.Ф.
 Тарановский Ф.В. 96
 Татищев С.С. 226-228, 269, 273
 Твардовская В.А. 8, 15, 229, 232, 241, 253, 269-271, 273
 Тверской - см. Дементьев П.А.
 Тизенгаузен Н.О. 314, 356
 Тимашев А.Е. 270, 273, 323
 Тихомиров Л.А. 8, 254, 273, 281, 287, 288, 304, 305, 334, 338-340, 351, 352, 354, 358, 359, 386-390, 393, 395, 409, 413, 415, 423
 Ткачев П.Н. 297
 Токвиль А. 204, 229, 298, 299
 Толмачев Е.П. 225, 226
 Толмачев Я.В. 90
 Толстой А.К. 351, 352, 355
 Толстой Д.А. 233, 236, 240, 260, 313, 314, 316, 321-323, 325-327, 358
 Толстой Л.Н. 10, 205, 286, 299, 334, 344, 358, 372
 Толстой Н.А. 60
 Толстой П.А. 60
 Томашевский Б.В. 188
 Томсинов В.А. 15, 103
 Трепов Ф.Ф. 257
 Троицкий И.М. 184
 Трошинский Д.П. 37, 40
 Трубецкая О.Н. 403, 415
 Трубецкой П.Н. 367, 375, 396, 412
 Трубецкой С.Е. 311, 355
 Трубецкой С.Н. 353, 403, 404
 Тургенев А.И. 123, 144, 147, 166, 188
 Тургенев И.С. 192, 205, 222, 253, 272, 274, 286, 331
 Тургенев Н.И. 166
 Тэн И. 298, 299
 Тютчев Ф.И. 143, 165, 166, 177, 178, 181, 182, 190, 191, 203, 221, 227, 229, 232, 233, 235, 269, 273, 332, 358
 Тютчева А.Ф. 108, 184, 199, 226
 Тютчева Е.Ф. 242, 243, 280, 282, 351, 353, 359
 Уваров С.С. 90, 123-133, 156, 170, 171, 182, 186, 187, 189, 193, 240, 266
 Уитворт 34
 Ульянов А.И. 319
 Умбрашко К.Б. 226
 Урусов С.Н. 236, 260, 278
 Усакина Т.И. 189
 Усов П.С. 201
 Успенский Г.И. 320, 337
 Устрялов Н.Г. 131
 Фабер Г.Т. 64, 101
 Фаберже 371
 Фадеев Р.А. 246-249, 271, 272, 307
 Федоров В.А. 15, 98, 103
 Федоров Н.Ф. 10
 Федосов И.А. 97
 Феоктистов Е.М. 260, 274, 284, 327, 356, 358
 Фердинанд VII 72
 Фет (Шеншин) А.А. 221, 229, 286
 Филарет (Амфитеатров Ф.Г.) митрополит киевский 140
 Филарет (Дроздов В.М.), митрополит московский 140, 162, 187, 214, 215, 228, 334
 Филд Д. 13
 Филиппов М.М. 286
 Филиппов Т.И. 317
 Филлипова Т.А. 15
 Филмер Р. 52
 Фихте И.-Г. 122, 159

- Фишер А.А. 134, 135
 Флоровский А.В. 96
 Фок М.Я., фон 112, 148, 151,
 184
 Фомин А. 102
 Фонвизин Д.И. 160
 Фонвизин М.А. 193, 225
 Фортунатов С. 100
 Фотий 78, 92
 Франк С.Л. 10, 16
 Франц I, австр. император 39,
 85
 Франц-Иосиф, австр. импера-
 тор 168
 Фридлянд В. 229
 Фридрих II 56
 Фридрих-Вильгельм III 67
 Фризман Л.Г. 186
 Фриш Э.В. 407
 Фруд Х. 298
 Фудель И. 274
 Фукс В.Я. 329, 358
 Фукс Э.Я. 329
 Хвостов А.С. 47
 Хвостов Д.Х. 47
 Хвостова А.П. 78
 Хилков Д.А. 344
 Хитрово Е.М. 188
 Хомяков А.С. 10, 170, 190
 Хомяков Д.А. 386
 Хомяков Н.А. 375
 Хрущов Д.П. 191
 Цертелев Д.Н. 284, 285, 384,
 412
 Цимбаев Н.И. 8, 185, 190, 252,
 272
 Цион И.Ф. 353
 Чаадаев 27
 Чаадаев П.Я. 156, 161, 189
 Чарторьский А. 37, 49, 63
 Чевкин К.В. 197, 198
 Черкасский В.А. 208
 Чернов Н.И. 287, 292
 Чернуха В.Г. 8, 227-229, 269,
 270, 274
 Чернышев А.И. 116, 170, 194
 Чернышевский Н.Г. 192, 217,
 220, 337
 Чечулин Н. 96, 98, 101
 Чибиряев С.А. 184
 Чистович И.А. 188
 Чичагов П.В. 49, 61
 Чичерин Б.Н. 233, 269, 280,
 281, 351, 382-384, 397, 412
 Шаликов 92
 Шампольон Ж.Ф. 155
 Шапиро Л. 12
 Шарапов С.Ф. 8, 15, 287, 310,
 342, 360, 385, 386, 393-395, 413,
 414, 423
 Шатобриан Ф.-Р., де 56, 61,
 153
 Шатров Н.М. 69
 Шахов А.Н. 330
 Шаховской А.А. 47
 Шаховской Д.И. 363, 368, 371,
 399, 403, 410, 411
 Шацилло К.Ф. 8, 411
 Шацкий Е. 51, 99
 Шебунин А.Н. 83, 100, 101,
 103, 104
 Шевченко М.М. 186
 Шевченко Т.Г. 160
 Шевырев С.П. 11, 12, 64,
 129-131, 158, 161-164, 180, 182,
 186, 187, 190, 202, 226
 Шеллинг Ф.В. 91, 130, 159,
 163
 Шелохаев В.В. 226
 Шереметев В.А. 195, 199
 Шереметев П.С. 365-368, 370,
 371
 Шереметьев А.В. 283
 Шереметьев Д.С. 404
 Шереметьев С.Д. 400
 Шереметьевы 385
 Шидловский Д.Н. 210, 219
 Шильдер Н.К. 31, 35, 50, 76,
 85, 95, 97-104, 183, 184
 Шиманн Т. 11
 Шипов Д.Н. 363, 364, 367, 368,
 370-380, 393, 397, 392-403, 408,
 411, 412, 414, 415
 Ширинский-Шихматов П.А.
 171

Ширинский-Шихматов С.А.
47
Шишков А.С. 9, 11, 37, 47-49,
60, 67-69, 76, 77, 79, 80, 82, 90-93,
99-102, 104, 106, 123, 130, 219,
419
Ш-к 174
Шкаренков Л.К. 16
Шлегель Ф. 64
Шмидт С.О. 95
Шпет Г.Г. 185
Шрейбер Н.П. 332
Шталь (Stahl) Ф.Ю. 136
Штейн Г.Ф.К. 57, 61, 63
Штейнгейль В.И. 107, 149,
152, 184, 188, 189
Штрюмер Б. 374
Шувалов П.А. 232, 233, 235,
236, 254, 258, 269, 317, 346
Шувалов П.И. 19, 51, 95
Шувалов П.П. 207-211
Щапов А.П. 356
Щебальский П.К. 286, 287,
351, 352, 354, 355
Щеглов Д.Ф. 319, 357
Щеголев П.Е. 270, 351
Щербань Н.В. 300, 354
Щербатов А.А. 311, 370
Щербатов А.Г. 385
Щербатов М.М. 8, 26-29, 33,
96, 97, 418, 420
Щетинина Г.И. 356, 357
Эвенчик С.Л. 271, 356
Эйдельман Н. 98, 99, 102
Эймонтова Р.Г. 104, 186, 187,
190
Эммонс Т. 12
Энгельгардт А.Н. 344, 360
Энгельс Ф. 226
Эпштейн А.Д. 100
Юзефовичи 410
Юматов Н.Н. 222
Юрьевская Е.М. 269
Янов А. 189
Янсон Ю.Э. 343, 359
Янушкевич А.С. 188
Ячменихин К.М. 103, 104

**Русский консерватизм XIX столетия.
Идеология и практика
под ред. В.Я.Гросула**

Директор издательства: Б.В.Орешин
Зам. директора: Е.Д.Горжевская
Зав. производством: Н.П.Романова

Редактор: И.И.Ремезова
Корректор: Е.А.Белянина
Компьютерная верстка: А.Н.Бубнов

ЛР №065292 от 17.07.1997

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 27.5. Заказ № 747

Издательство «Прогресс-Традиция»

ОАО "Астра семь"
121019, Москва, Филипповский пер., 13

ISBN 5-89826-027-7

9 785898 260279

